

ПОДБОРКА РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ

Международный пакт о гражданских
и политических правах

УПРАВЛЕНИЕ
ВЕРХОВНОГО
КОМИССАРА
ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ
ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА

П Р А В А Ч Е Л О В Е К А

ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ

ТОМ

9

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ
О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ**

**ПОДБОРКА РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
в соответствии
С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ**

Том 9

*Восемьдесят пятая - девяносто первая сессии
(октябрь 2005 года – октябрь 2007 года)*

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2008 год**

ПРИМЕЧАНИЕ

Употребляемые в настоящей публикации обозначения и оформление материала не должны рассматриваться как выражение какого бы то ни было мнения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций относительно правового статуса той или иной страны, территории, города, местности и их властей или относительно делимитации их границ или разграничительных линий.

*
*   *   *

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

CCPR/C/OP/9

**ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

В продаже под No. R.08.XIV.9

ISBN 978-92-1-454031-1

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение		1
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ		
А. Решения о признании сообщения неприемлемым (в квадратных скобках указан номер сессии Комитета)		
№ 1078/2002	[85] Юрич против Чили	4
№ 1102/2002	[86] Симей против Испании	10
№ 1219/2003	[89] Раосавлевич против Боснии и Герцеговины	13
№ 1315/2004	[86] Сингх против Канады	21
№ 1341/2005	[89] Цюндель против Канады	28
№ 1355/2005	[89] Х против Сербии	42
№ 1424/2005	[88] Антон против Алжира	51
№ 1434/2005	[86] Филласье против Франции	66
№ 1452/2006	[90] Хитиль против Чешской Республики	69
В. Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола		
№ 812/1998	[86] Персо против Гайаны	76
№ 915/2000	[86] Рузметов против Узбекистана	79
№ 992/2001	[86] Буруаль против Алжира	88
№ 1016/2001	[86] Иностранца Солис против Перу	97
№ 1036/2001	[85] Фор против Австралии	101
№ 1052/2002	[89] Дж.Ч. против Канады	114
№ 1100/2002	[86] Бандажевский против Беларуси	126
№ 1108-1121/2002	[89] Каримов и Нурсатов против Таджикистана	137
№ 1123/2002	[86] Коррея ди Матуш против Португалии	147
№ 1126/2002	[85] Карранса Альгре против Перу	154
№ 1153/2003	[85] К.Н.Л.У. против Перу	162
№ 1156/2003	[86] Перес Эсколар против Испании	170
№ 1159/2003	[86] Санкара против Буркина-Фасо	179
№ 1172/2003	[89] Мадани против Алжира	200
№ 1173/2003	[90] Бенхадж против Алжира	214
№ 1180/2003	[85] Бодрожич против Сербии и Черногории	225
№ 1184/2003	[86] Браф против Австралии	229
№ 1223/2003	[91] Царев против Эстонии	246
№ 1249/2004	[85] Джозефа и др. против Шри Ланки	258
№ 1296/2004	[90] Беляцкий против Беларуси	266
№ 1297/2004	[87] Меджнун против Алжира	273
№ 1298/2004	[87] Бессера против Колумбии	282
№ 1306/2004	[91] Харалдссон и Свейнссон против Исландии	287
№ 1314/2004	[87] О'Нил и Куин против Ирландии	307
№ 1320/2004	[89] Пиментель и др. против Филиппин	324
№ 1321-1322/2004	[88] Юн и Чхве против Республики Корея	328
№ 1325/2004	[88] Конде Конде против Испании	339
№ 1327/2004	[90] Гриуа против Алжира	344
№ 1361/2005	[89] Х против Колумбии	355

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

		<i>Стр.</i>
№ 1416/2005	[88] Альзери против Швеции	365
№ 1421/2005	[87] Ларраньяга против Филиппин	396
№ 1454/2006	[90] Ледербауэр против Австрии	418

ПРИЛОЖЕНИЕ

Резюме ответов, полученных от государств-участников после принятия соображений Комитетом по правам человека	449
--	-----

УКАЗАТЕЛИ

Указатель по статьям Пакта	453
Указатель по статьям Факультативного протокола	456
Предметный указатель	457
Указатель по авторам и жертвам	463

ВВЕДЕНИЕ

1. Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему были приняты Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1966 года и вступили в силу 23 марта 1976 года.

2. В соответствии со статьей 28 Пакта государства-участники 20 сентября 1976 года учредили Комитет по правам человека.

3. В соответствии с Факультативным протоколом лица, которые утверждают, что какое-либо из их прав, перечисленных в Пакте, было нарушено и которые исчерпали все имеющиеся у них внутренние средства правовой защиты, могут представить на рассмотрение Комитета по правам человека письменные сообщения. Ни одно сообщение не принимается Комитетом, если оно касается государства - участника Пакта, которое не является также участником Факультативного протокола. По состоянию на 31 декабря 2007 года из 156 государств, которые присоединились к Пакту или ратифицировали его, 105 признали компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц посредством ратификации Факультативного протокола или присоединения к нему.

4. Согласно положениям Факультативного протокола, Комитет может рассматривать сообщения лишь в случае соблюдения определенных требований в отношении приемлемости. Эти требования изложены в статьях 1, 2, 3 и 5 Факультативного протокола и воспроизведены в правиле 96 правил процедуры Комитета (CCRP/C/3/Rev.9), согласно которому Комитет удостоверяется в том, что:

a) сообщение не является анонимным и что оно исходит от лица или лиц, на которых распространяется юрисдикция государства - участника Протокола;

b) лицо достаточно обоснованно утверждает, что оно является жертвой нарушения этим государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Как правило, сообщение должно представляться самим лицом или его представителем; однако Комитет может согласиться рассмотреть сообщение, представленное от имени лица, которое, как утверждается, является жертвой, если выясняется, что оно не способно само представить сообщение;

c) сообщение не представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений в соответствии с Протоколом;

d) сообщение не является несовместимым с положениями Пакта;

e) этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования;

f) данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты.

5. В соответствии с правилом 92 (в прошлом правилом 86) правил процедуры Комитет может, до представления своих окончательных соображений по сообщению, информировать государство-участник относительно того, желательна ли принятие "временных мер" защиты во избежание причинения непоправимого ущерба жертве предполагаемого нарушения. Вместе с тем просьба о принятии временных мер не предполагает окончательного заключения по существу сообщения. Комитет обращался с просьбами о принятии таких временных мер в целом ряде случаев, например, когда представлялось неминуемым вынесение смертного приговора или высылка либо экстрадиция соответствующего лица. В соответствии с пунктом 2 правила 94 Комитет может рассматривать совместно два или более сообщений, если он сочтет это целесообразным.

6. Что касается вопроса о бремени доказывания, то Комитет постановил, что такое бремя не может возлагаться только на автора сообщения, особенно если принять во внимание тот факт, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую лишь государство-участник располагает соответствующей информацией. В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник обязано добросовестно расследовать утверждения о нарушениях Пакта, представленные в отношении него и его органов власти.

7. Комитет приступил к работе в соответствии Факультативным протоколом на своей второй сессии в 1977 году. Начиная с того времени и до его девяносто первой сессии в октябре 2007 года на рассмотрение Комитета было направлено 1 745 сообщений о предполагаемых нарушениях, совершенных 82 государствами-участниками. По состоянию на конец декабря 2007 года состояние этих сообщений было следующим:

- a) рассмотрение завершено путем принятия соображений в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола: 605
- b) сообщение объявлено неприемлемым: 483
- c) рассмотрение прекращено или сообщение отозвано: 242
- d) сообщение объявлено приемлемым, но рассмотрение его еще не завершено: 16
- e) дело находится на рассмотрении, решение о приемлемости не принято: 399

8. С 1976 года Комитет получил гораздо больше 1 745 зарегистрированных сообщений, о которых говорилось выше. Секретариат регулярно получает запросы от отдельных лиц, которые намереваются представить сообщение в Комитет. Такие запросы не регистрируются сразу же в качестве дел. На практике число авторов, которые в конечном итоге представляют свои дела для рассмотрения Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом, является относительно небольшим отчасти по той причине, что авторы узнают, что их дела не отвечают определенным базовым критериям, касающимся приемлемости, таким, как требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты, а отчасти потому, что они осознают, что оговорка или заявление со стороны соответствующего государства-участника может лишить Комитет компетенции рассматривать соответствующее дело. Несмотря на эти замечания, число сообщений, ежегодно представляемых на рассмотрение Комитета, неизменно возрастает, и работа Комитета получает все большую известность среди юристов, исследователей и широкой публики. Цель Подборки решений состоит в том, чтобы вносить вклад в распространение информации о деятельности Комитета.

9. Первым шагом на пути к обеспечению более широкого распространения информации о деятельности Комитета явилось решение о публикации его соображений, принятое на его седьмой сессии: эта публикация отвечала интересам наиболее эффективного осуществления Комитетом своих функций в соответствии с Протоколом, а публикация полного текста соображений являлась более предпочтительной, чем публикация кратких резюме. Начиная с ежегодного доклада Комитета по правам человека за 1979 год и вплоть до его доклада за 2007 год, охватывающего работу девяностой сессии в июле 2007 года, все соображения Комитета и подборка его решений, признающих соответствующие сообщения неприемлемыми, публикуются без сокращений.

10. На своей пятнадцатой сессии Комитет постановил приступить к осуществлению отдельного проекта - периодической публикации подборки своих решений в соответствии с Факультативным протоколом, включая некоторые важные решения о признании сообщений приемлемыми и другие решения промежуточного характера. Том 1 этой серии, охватывающий решения, принятые за период со второй по шестнадцатую сессию включительно, был опубликован в 1985 году на английском

языке¹. Том 2 охватывает решения, принятые в период с семнадцатой по тридцать вторую сессии и включает все решения, объявляющие сообщения приемлемыми, два промежуточных решения, содержащих просьбу о представлении автором и государством-участником дополнительной информации, и два решения в соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитета, содержащих просьбу о применении временных мер защиты². В томе 3 содержится подборка решений, принятых с тридцать третьей по тридцать девятую сессию, в томе 4 - подборка решений, принятых с сороковой по сорок шестую сессию, в томе 5 - решений, принятых с сорок седьмой по пятьдесят пятую сессию, в томе 6 - решений, принятых с пятьдесят шестой по шестьдесят пятую сессию, в томе 7 - решений, принятых с шестьдесят шестой по семьдесят четвертую сессию, и в томе 8 - решений, принятых с семьдесят пятой по восемьдесят четвертую сессию.

11. За период, охватываемый настоящим томом, вновь отмечалось существенное увеличение количества дел, представленных на рассмотрение Комитета. Его Специальный докладчик по новым сообщениям, мандат которого был изменен в 1991 году с учетом увеличения рабочей нагрузки, продолжал заниматься дальнейшим уточнением и усовершенствованием своих методов работы. В период, охватываемый настоящим томом, Специальный докладчик иногда обращался с просьбами о принятии временных мер защиты.

12. Специальный докладчик по последующим действиям в связи с сообщениями также продолжал уточнять свои методы работы в указанный период. В 1997 году его мандат был официально пересмотрен, и изменения, внесенные в этот мандат, были включены в правила процедуры Комитета. В соответствии с пересмотренной процедурой последующих действий Комитет отныне рассматривает последующую информацию не на конфиденциальной основе, а на открытом заседании.

13. В течение периода, охватываемого настоящим томом, продолжал соблюдаться формат решений о приемлемости и окончательных соображений, утвержденный Комитетом на его тридцать седьмой сессии в 1989 году, который был разработан с целью обеспечения большей точности и лаконичности изложения.

14. Постоянно растущее число особых мнений, прилагаемых членами Комитета к решениям о приемлемости или к окончательным соображениям (правило 104 правил процедуры), представляет собой важный вклад в развитие правовой практики Комитета. Следует особо отметить, что многие члены Комитета прилагают к решению совместное особое мнение, будь то согласное или несогласное. Читатель найдет многочисленные примеры такой практики в этом томе.

---

¹ *Human Rights Committee, Selected Decisions under the Optional Protocol (Second to sixteenth sessions)*, New York, 1985 (United Nations publication, Sales No. E.84.XIV.2), далее именуемые *Selected Decisions*, vol. 1. Соответствующие издания на испанском и французском языках были опубликованы в июне 1988 года (CCPR/C/OP/1).

Введение в правовую практику Комитета со второй по двадцать восьмую сессию Комитета см. A. de Zayas, J. Möller, T. Opsahl, "Application of the International Covenant on Civil and Political Rights under the Optional Protocol by the Human Rights Committee" in *German Yearbook of International Law*, vol. 28, 1985, pp. 9-64. Reproduced by the United Nations Centre for Human Rights as Reprint No. 1, 1989.

Подробный обзор правовой практики Комитета см. Manfred Nowak: *ICCPR Commentary*, 2nd edition (Engel Verlag, 2005).

² *International Covenant on Civil and Political Rights. Selected Decisions under the Optional Protocol (Seventeenth to thirty-second sessions)*, New York, 1990. Текст на испанском и французском языках опубликован в 1991 году.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

А. Решения о признании сообщения неприемлемым

Сообщение № 1078/2002

Представлено: Нормой Юрич (адвокатом не представлена)

Предполагаемая жертва: автор сообщения и ее дочь Жаклин Друйи Юрич

Государство-участник: Чили

Признано неприемлемым: 2 ноября 2005 года

Тема сообщения: насильственное исчезновение дочери автора сообщения

Процедурные вопросы: неприемлемость *ratione temporis*; неисчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: применительно к автору сообщения - нарушение права на личную неприкосновенность и на защиту от вмешательства в семейную жизнь. Применительно к ее дочери - нарушение, в частности, права на жизнь и отказ в правосудии

Статьи Пакта: статья 5; пункты 1 и 3 статьи 6; статья 7; пункты 1, 2, 3 и 4 статьи 9; пункты 1 и 2 статьи 10; пункт 4 статьи 12; статья 13; пункты 1, 2, 3 и 5 статьи 14; пункты 1 и 2 статьи 17; пункт 1 статьи 18; и статья 26

Статьи Факультативного протокола: статья 1; пункт 2 b) статьи 5

1.1 Автор сообщения является гражданка Чили г-жа Норма Юрич, которая направила сообщение от своего собственного имени и от имени своей исчезнувшей дочери Жаклин Друйи Юрич, студентки, 1949 года рождения. Она утверждает, что они обе стали жертвами нарушений Чили статьи 5, пунктов 1 и 3 статьи 6, статьи 7, пунктов 1, 2, 3 и 4 статьи 9, пунктов 1 и 2 статьи 10, пункта 4 статьи 12, статьи 13, пунктов 1, 2, 3 и 5 статьи 14, статьи 16, пунктов 1 и 2 статьи 17, пункта 1 статьи 18 и статьи 26 Пакта. Автор сообщения адвокатом не представлена.

1.2 Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу для государства-участника 23 марта 1976 года, а Факультативный протокол – 28 августа 1992 года.

Факты в изложении автора

2.1 По словам автора сообщения, 30 октября 1974 года в Сантьяго восемь вооруженных и одетых в гражданское лиц, которые устно представились сотрудниками Управления Национальной разведывательной службы (УНРС), пришли к сестре Марсело Салиноса, мужа Жаклин Друйи, и спросили ее, где он живет. Затем эти лица направились по названному адресу и, констатировав, что Марсело Салиноса там нет, арестовали Жаклин Друйи, которая в то время была беременной. С тех пор никаких сведений о ее местонахождении нет. Жаклин Друйи и ее супруг, который был также арестован на следующий день, являлись членами Движения левых революционеров (ДЛР).

2.2 Двумя днями позднее те же лица вернулись вместе с Марсело Салиносом, который был в наручниках, и забрали несколько вещей, принадлежавших супружеской паре. Спустя несколько дней двое лиц в гражданском, которые представились сотрудниками Службы военной разведки, также пришли по тому же адресу и забрали одежду, вероятно, для передачи супругам.

2.3 Автор сообщения прилагает копию свидетельских показаний двух человек, которые утверждают, что в конце октября - начале ноября 1974 года они содержались в пенитенциарном центре УНРС, расположенном на улице Хосе Доминго Каньас в Ньюньоа (Сантьяго). Они также

утверждают, что Жаклин Друйи и ее муж находились в этом центре, подвергались пыткам и 10 ноября 1974 года были переведены в пенитенциарный центр "Куатро Аламос".

2.4 Автор сообщения прилагает также свидетельские показания от 16 августа 1999 года одного человека, который был арестован в ноябре 1974 года сотрудниками УНРС и который утверждает, что он содержался определенное время в пенитенциарном центре "Куатро Аламос" (в секторе Видуния Макенна, департаментского подчинения) в Сантьяго. В период между ноябрем и декабрем 1974 года этот человек находился в одной камере с Жаклин Друйи. Он также утверждает, что в конце декабря 1974 года ночью сотрудники УНРС вывели из их соответствующих камер дочь автора сообщения и ее супруга. Больше он их никогда не видел. Другие свидетели утверждают, что они видели Жаклин Друйи после 20 ноября 1974 года в пенитенциарном центре под названием "Вилла Гримальди". Затем ее якобы вновь видели в "Куатро Аламосе".

2.5 11 ноября 1974 года автор сообщения обратилась в Апелляционный суд Сантьяго с ходатайством (рег. № 1390) в порядке использования средства правовой защиты ампаро. 29 ноября 1974 года Суд отклонил ее ходатайство, постановив передать дело для расследования в Уголовный суд 11-го округа.

2.6 9 декабря 1974 года в Уголовном суде 11-го округа Сантьяго была возбуждена процедура по факту предполагаемого несчастного случая (рег. № 796-2), но проведенное расследование не позволило установить местонахождение Жаклин Друйи. 31 января 1975 года было вынесено решение о прекращении дела. Это решение было обжаловано, но Апелляционный суд Сантьяго его подтвердил.

2.7 26 февраля 1975 года автор сообщения направила в Апелляционный суд Сантьяго новое ходатайство в порядке использования средства правовой защиты ампаро (рег. № 294). Письмом от 17 марта 1975 года министерство внутренних дел проинформировало суд о том, что оно не издавало распоряжения о задержании соответствующего лица. Эта информация была подтверждена в июне 1975 года. 13 июня 1975 года суд отклонил ходатайство и постановил передать дело в компетентный уголовный суд для расследования. 19 июня 1975 года в Уголовном суде 11-го округа Сантьяго была возбуждена процедура по факту предполагаемого несчастного случая (рег. № 2681). Несколько месяцев спустя было вынесено решение о прекращении дела. Параллельно автор сообщения направила 16 июля 1975 года в тот же судебный орган жалобу на незаконное лишение свободы Жаклин Друйи и Марсело Салиноса. Первоначально эта жалоба была зарегистрирована под № 2994, но затем была приобщена к процедуре по факту предполагаемого несчастного случая под рег. № 2681-4. 31 марта 1976 года было вынесено решение о прекращении дела на том основании, что факт правонарушения установлен не был. Это решение было обжаловано, но 18 июня 1976 года Апелляционный суд подтвердил его. 3 октября 1975 года в порядке использования средства правовой защиты ампаро (рег. № 1263) автор сообщения направила в Апелляционный суд новое ходатайство, в котором она подчеркнула тот факт, что в момент ее ареста Жаклин Друйи была беременна. Это ходатайство было отклонено 20 октября 1975 года. Решение об отклонении было обжаловано, но 27 октября того же года Верховный суд подтвердил его.

2.8 28 мая 1975 года имя Жаклин Друйи упоминалось в жалобе на незаконное массовое лишение свободы, которая была направлена в Апелляционный суд Сантьяго в связи с исчезновением 163 лиц и в которой содержалась просьба назначить специального следственного судью для контроля за расследованием. Эта просьба была отклонена. В июле-августе 1975 года аналогичная просьба была подана вновь, на этот раз в Верховный суд, который ее также отклонил.

2.9 Кроме того, автор сообщения упоминает о подаче 29 марта 2001 года в Апелляционный суд Сантьяго заявления о привлечении к уголовной ответственности по факту исчезновения более 500 членов ДЛР, включая Жаклин Друйи. Автор сообщения заявляет о чрезмерной затянутости процедур.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что ее дочь стала жертвой нарушений статьи 5 пунктов 1 и 3 статьи 6, статьи 7, пунктов 1, 2, 3 и 4 статьи 9, пунктов 1 и 2 статьи 10, пункта 4 статьи 12, статьи 13, пунктов 1, 2, 3 и 5 статьи 14, статьи 16, пунктов 1 и 2 статьи 13, пункта 1 статьи 18 и статьи 26 Пакта.

3.2 Касаясь себя лично, автор сообщения отмечает, что поиски ее исчезнувшей дочери в течение стольких лет сказались на ее физическом и психическом здоровье и что она страдает, в частности, от депрессии и тахикардии, которые заставили ее обзавестись стимулятором сердечной деятельности. Кроме того, все это повлияло на ее близких: ее муж и два сына из опасений были вынуждены покинуть страну. Автор сообщения заявляет, что все это представляет собой непрекращающийся акт пытки (статья 7).

3.3 Касаясь расследования по факту исчезновения ее дочери, автор сообщения утверждает, что имел место отказ в правосудии. Кроме того, продолжающееся применение Декрета-закона об амнистии № 2191 1978 года не позволяет привлечь виновных лиц к судебной ответственности.

Представления государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения и комментариев автора

4.1 В своих замечаниях от 25 мая 2004 года государство-участник утверждает, что, хотя автор представляет сообщение от своего собственного имени и от имени своей дочери, в связи с изложенными фактами возникает вопрос о нарушении тех прав дочери автора сообщения, которые закреплены исключительно в Пакте. Поэтому государство-участник полагает, что данное сообщение представлено фактически от имени Жаклин Друйи. Сведения, которые собирали в течение многих лет государственные органы, правозащитные организации и суды, позволили установить, что в последний раз живой ее видели в январе или в марте 1975 года в тайном пенитенциарном центре "Куатро Аламос", который находился в ведении бывшей УНРС. Соответственно, представленное автором сообщение следует признать неприемлемым *ratione temporis*, поскольку рассматриваемые события произошли или начали происходить до вступления в силу Факультативного протокола для Чили.

4.2 При ратификации Протокола было сделано следующее заявление: "Правительство Чили признает компетенцию Комитета по правам человека получать и рассматривать сообщения частных лиц при условии, что эта компетенция распространяется на события, происшедшие после вступления в силу Факультативного протокола для Чили или, по крайней мере, после 11 марта 1990 года". Это заявление в данном случае применимо, несмотря на высказанный довод о том, что из судебных решений, принятых после 11 марта 1990 года вытекает отказ в правосудии, хотя упоминаемые в сообщении события, начавшиеся 30 октября 1974 года, происходили до 23 марта 1976 года, даты вступления в силу Пакта на международном уровне.

4.3 Что же касается жалобы, поданной автором сообщения от ее собственного имени, то она носит общий характер. Автор не раскрыла, ни каким образом закрепленные в Пакте права были нарушены государством, ни как были исчерпаны доступные ей внутренние средства правовой защиты.

4.4 Государство-участник ссылается на решения Комитета, который признал неприемлемыми по изложенным выше причинам следующие сообщения, касавшиеся Чили: № 717/1996 "Акунья Иностроса и др. против Чили", № 740/1997 "Варгас против Чили", № 746/1997 "Барсана Ютронис против Чили" и № 746/1997 "Менанто и Васкес против Чили".

4.5 Касаясь существования сообщения, государство-участник заявляет, что нарушения Пакта не было. 17 июля 1996 года Национальная комиссия по вопросам предоставления компенсации и примирения потребовала возобновить производство по данному делу. В декабре 1997 года было вновь принято решение о закрытии дела. В тот момент, когда государство-участник направляло свой ответ, апелляционный суд Сантьяго рассматривал поданную отцом Жаклин Друйи жалобу на похищение

при отягчающих обстоятельствах. Было предъявлено обвинение бывшим сотрудникам УНРС. Суд также рассматривал заявление о привлечении к уголовной ответственности, которое подала Ассоциация социальных работников в связи с похищением нескольких ее членов, включая Жаклин Друйи.

4.6 Национальная комиссия по установлению истины и примирению сочла, что Жаклин Друйи и ее муж Марсело Салинас стали жертвами серьезных нарушений прав человека со стороны государственных служащих. Государство-участник разъясняет политику, которую проводят демократические правительства Чили в том, что касается нарушений прав человека, включая насильственные исчезновения, совершенные при прежнем режиме. Оно, в частности, отмечает, что Программа по правам человека министерства внутренних дел принимает участие в проводимых расследованиях приблизительно 300 дел о нарушениях прав человека, среди которых и дело об исчезновении Жаклин Друйи.

4.7 Декрет-закон об амнистии 1978 года снял уголовную ответственность с исполнителей и соучастников - пособников или скрывавших преступников лиц - правонарушений, совершенных во время действия осадного положения в Чили, т.е. с 11 сентября 1973 года по 10 марта 1978 года. В течение многих лет Верховный суд подтверждал окончательные решения о закрытии дел, которые выносили суды первой инстанции в соответствии с этим Декретом, руководствуясь тем принципом, что судьи были некомпетентны расследовать данные события и идентифицировать исполнителей правонарушений. Начиная с 1998 года эта судебная практика стала претерпевать существенные изменения. Согласно положениям статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Верховный суд несколько раз констатировал, что решение об окончательном закрытии дел можно выносить лишь после завершения расследования, установления факта правонарушения и установления личности исполнителя.

4.8 В случае с задержанными лицами, которые исчезли или были казнены и останки которых не были найдены, Верховный суд пришел к заключению, что эти лица были похищены по смыслу статьи 141 Уголовного кодекса. Поскольку согласно нормам права похищение является длящимся правонарушением или правонарушением, последствия которого длятся до тех пор, пока потерпевший не будет найден живым или мертвым, любое ходатайство или решение об амнистии считается преждевременным до тех пор, пока не осуществится одна из указанных возможных гипотез. До тех пор пока не будет установлена дата, когда данное лицо вновь обрело свободу или скончалось, нельзя с юридической точки зрения констатировать, до какой конкретно даты оно было лишено свободы. Если это лишение свободы выходит за рамки указанного в Декрете-законе периода - с 11 сентября 1973 года по 10 марта 1978 года, - то на такой случай амнистия не распространяется.

4.9 Руководствуясь этими принципами, Верховный суд отменил решения о закрытии дел, вынесенные в соответствии с Декретом-законом об амнистии, продолжил расследование деяний по факту нарушений прав человека и привлек к судебной ответственности лиц, причастных к этим деяниям. Кроме того, Суд постановил, что окончательные решения относительно закрытия дел о незаконном лишении свободы не имеют статуса судебных постановлений, вступивших в законную силу.

4.10 В то же время, по мнению Программы по правам человека министерства внутренних дел, толковать упомянутый Декрет-Закон следовало таким образом, чтобы он не был непреодолимым препятствием для установления истины и для определения степени уголовной ответственности, вытекающей из рассматриваемых правонарушений. Эта позиция изменилась в сторону констатации того, что амнистия не распространяется на такие правонарушения, не подлежащие амнистии в соответствии с международным гуманитарным правом, как преступления против человечности, военные преступления и насильственные исчезновения.

5. В своих комментариях от 22 сентября 2004 года автор сообщения сообщает, что, выступая перед членами Национальной комиссии по установлению истины и примирению, она назвала

фамилию лица, виновного в незаконном лишении свободы ее дочери, но при правительстве президента Айлвина никакого преследования возбуждено не было. Лишь при президенте Лагосе стали вновь рассматривать дела о нарушениях прав человека. Правонарушение, жертвой которой стала ее дочь, продолжается, не подлежит амнистии и не подвергается действию исковой давности. В соответствии с используемыми в настоящее время критериями судья должен потребовать от самих виновных назвать конкретную предполагаемую дату смерти жертвы. Таким образом, незаконное лишение свободы переквалифицируется в убийство, срок исковой давности по которому составляет 15 лет. Это равносильно наделению судьи правом самостоятельно определять предполагаемую дату смерти жертвы, хотя ее труп не был найден. Автор сообщения критикует такое положение, которое, по ее мнению, на руку лицам, несущим ответственность за правонарушения, и несправедливо по отношению к жертвам.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры определить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Автор утверждает, что арест ее дочери в октябре 1974 года и ее последующее исчезновение представляют собой нарушение нескольких положений самого Пакта. По мнению государства-участника, сообщение следует признать неприемлемым *ratione temporis*, ибо упоминаемые в нем события произошли или начались до вступления в силу Факультативного протокола для Чили. Кроме того, государство-участник напоминает, что при ратификации упомянутого документа оно сделало заявление о том, что компетенция Комитета будет распространяться лишь на события, происшедшие после вступления в силу Факультативного протокола для Чили или, по крайней мере, после 11 марта 1990 года.

6.3 Комитет отмечает, что описанные автором сообщения события, связанные с исчезновением ее дочери, произошли до вступления в силу не только Факультативного протокола, но и самого Пакта. Комитет напоминает определение насильственного исчезновения, содержащееся в пункте 2 i) статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда: *"Насильственное исчезновение людей" означает арест, задержание или похищение людей государством или политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении этих людей с целью лишения их защиты со стороны закона в течение длительного периода времени.* В рассматриваемом случае первоначальные действия, связанные с арестом, задержанием или незаконным похищением, а также отказ представить информацию о лишении свободы - эти два важнейших элемента преступления или нарушения - имели место до вступления в силу Пакта для государства-участника.

6.4 Кроме того, после представления сообщения государство-участник, которое отнюдь не отказывалось признавать факт лишения свободы, согласилось с данным фактом и возложило на себя ответственность за него. Между тем, автор сообщения не упоминает о каком-либо акте государства-участника, который имел бы место после 28 августа 1992 года (даты вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника) и подтверждал бы насильственное исчезновение. При этих обстоятельствах Комитет полагает, что, хотя чилийские суды, как и Комитет, считают насильственное исчезновение являющимся правонарушением, заявление государства-участника *ratione temporis* также имеет значение для рассматриваемого случая. Соответственно Комитет полагает, что данное сообщение является неприемлемым *ratione temporis* согласно статье 1 Факультативного протокола. Поэтому Комитет не считает необходимым высказываться по вопросу о внутренних средствах правовой защиты.

6.5 По мнению автора сообщения, поиски ее исчезнувшей дочери негативно сказались на ее физическом и психическом здоровье, а также на ее семейной жизни, что равнозначно нарушению ее прав, предусмотренных в Пакте, в частности в статье 7. Государство-участник полагает, что эти

утверждения носят общий характер и что в этой связи не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Комитет констатирует, что автор сообщения не доказала использование ею этих средств правовой защиты. Поэтому Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7. С учетом сказанного выше Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать рассматриваемое сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 1 и пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое несогласное мнение членов Комитета г-жи Кристины Шане, г-на Раджсумера Лаллаха, г-на Майкла О'Флаэрти, г-жи Элизабет Пальм и г-на Иполито Солари-Иригойена

Стремясь по-новому осветить вопрос о насильственных исчезновениях, Комитет по правам человека исходит (в пункте 6.3) из определения, содержащегося в Римском статуте Международного уголовного суда, - определения, которое отличается от определения, сформулированного в проекте международной конвенции о защите всех лиц от насильственных исчезновений.

По мнению Комитета, это определение устанавливает два основополагающих элемента нарушения: первоначальный акт ареста, задержания или незаконного похищения и отказ признать факт лишения свободы.

Руководствуясь этими критериями, которые излагаются в другом международном документе, Комитет забывает, что ему следует применять Пакт, только Пакт и ничего, кроме Пакта.

В пункте 1 статьи 9 Пакта говорится о том, что "каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом". Кроме того, статья 16 Пакта гласит, что "каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности".

В рассматриваемом случае акты ареста, задержания или незаконного похищения были совершены, но государство, которое их не оспаривает, оказалось не в состоянии определить в соответствии со статьей 16 нынешнее местонахождение исчезнувшего лица.

Исчезновение представляет собой, как Комитет сам подчеркивает в пункте 6.4 его решения, продолжающееся правонарушение. Продолжение этого правонарушения не допускает применения исключения *ratione temporis* и сделанной Чили оговорки, поскольку эта оговорка не исключает компетенцию Комитета в отношении продолжающихся нарушений.

Принятое Комитетом решение приводит к снятию с государства ответственности по одной лишь причине, что это государство не отрицает совершение уголовно-наказуемых деяний, о чем свидетельствует то, что оно не предприняло никаких действий для "подтверждения" факта насильственного исчезновения. Хотя этот анализ можно применить в отношении актов, которые относятся к сфере действия Римского статута, он не уместен в рамках статей 9 и 16 Пакта, ибо речь идет о продолжающихся нарушениях этих двух положений.

Действительно, чтобы снять с себя ответственность, государство не может ограничиться лишь выражением пассивного согласия: оно обязано доказать, что оно использовало все имеющиеся у него средства для установления судьбы исчезнувшего лица. В рассматриваемом случае это не было сделано, и нижеподписавшиеся не могут согласиться с констатацией отсутствия нарушения Пакта.

Сообщение № 1102/2002

Представлено: Симеом Джо Джонсоном (адвокатом не представлен)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Испания

Признано неприемлемым: 27 марта 2006 года

Тема сообщения: определение судом виновности в убийстве по неосторожности, право на повторное рассмотрение дела

Процедурные вопросы: недостаточное обоснование предполагаемых нарушений

Вопросы существа: право на разбирательство с надлежащими гарантиями, право на рассмотрение дела в двух судебных инстанциях, равенство перед законом

Статьи Пакта: 14 и 26

Статьи Факультативного протокола: 2

1.1 Автор сообщения от 15 августа 2001 года является Симей Джо Джонсон¹, гражданин Канады и Камеруна 1969 года рождения, в настоящее время содержащийся в пенитенциарном центре "Торрендондо" в Мадриде. Он утверждает, что является жертвой нарушения Испанией пунктов 1, 2, 3 е) и 5 статьи 14 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор адвокатом не представлен.

1.2 Факультативный протокол вступил для Испании в силу 25 апреля 1985 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор был судим в качестве предполагаемого виновника дорожно-транспортного происшествия, которое имело место 21 февраля 1998 года и в результате которого погиб один человек. На автомобиле, которым управлял виновный дорожно-транспортного происшествия, были установлены фальшивые номерные знаки, а при самом водителе имелось поддельное водительское удостоверение, выданное на имя автора. Полиция изъяла это удостоверение и разрешила водителю забрать свой автомобиль. На судебном разбирательстве автор неизменно отрицал любую причастность к вышеупомянутым деяниям, утверждая, что его водительское удостоверение было утеряно и кто-то воспользовался его личными данными для получения в полиции поддельного удостоверения.

2.2 19 июня 2000 года 27-й Уголовный суд Мадрида признал автора виновным в убийстве по неосторожности и приговорил его за это преступление к трем с половиной годам тюремного заключения с частичным поражением в избирательных правах на срок осуждения и лишением водительского удостоверения на четыре года. Кроме того, в связи с подделкой номерных знаков и удостоверения ему были назначены наказания в виде двух лет тюремного заключения за каждое из этих преступлений, частичное поражение в избирательных правах на срок осуждения и уплаты в течение 12 месяцев штрафа по ставке 200 песет (1,20 евро) в день с условием лишения свободы на один день за каждые два дня просрочки.

2.3 Автор представил в Провинциальный суд Мадрида апелляцию, в которой он утверждал, что его права на презумпцию невиновности были ущемлены, произошла ошибка в оценке доказательств, предположительно противоречащих отчету об очной ставке, и обвинительный приговор

---

¹ Известен также под именем "Джозеф Симей", которым он называет себя в сообщении № 986/2001, ранее представленном Комитету в связи с его осуждением за другое преступление.

недостаточно мотивирован. Своим решением от 5 октября 2000 года Провинциальный суд отклонил жалобу и подтвердил приговор уголовного суда, сочтя, что как показания свидетелей, так и графологическая экспертиза, проведенная в судах первой инстанции, были весомыми и достаточными доказательствами виновности автора во вменяемом ему преступлении.

2.4 Автор представил в Верховный суд чрезвычайное ходатайство о пересмотре дела, аргументируя его наличием нового доказательства в его пользу, которое было получено после вынесения приговоров в судах первой и второй инстанции при помощи нанятых им сотрудников частного сыскного агентства. Это доказательство состояло в показаниях свидетеля, который предположительно мог подтвердить, что примерно в то время, когда имело место происшествие, автор должен был участвовать в радиопрограмме. 17 мая 2001 года Верховный суд вынес постановление оставить ходатайство о пересмотре дела без удовлетворения, поскольку он счел, что предложенное доказательство не свидетельствовало о новых фактах или элементах, доказывающих невиновность автора, и к тому же касалось доказательственных элементов, которые можно было бы представить до судебного разбирательства и вынесения приговора.

2.5 Автор обжаловал это решение в Конституционный суд по процедуре ампаро, утверждая, что было нарушено его право на эффективную судебную защиту и судебное разбирательство с соблюдением всех гарантий. 4 июня 2001 года Конституционный суд отклонил эту жалобу, постановив, что суды в своих приговорах достаточно аргументировали неприемлемость претензий автора и наличие доказательств обвинения, достаточных для обоснования осуждения.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку обвинительный приговор был вынесен произвольно - исключительно на основании процедуры установления личности в ходе судебного разбирательства, что вступало в противоречие с протоколом об очной ставке.

3.2 Автор утверждает, что основанием для этого обвинительного приговора стали второстепенные улики и что у обвинения не имелось достаточных доказательств для опровержения презумпции невиновности, в связи с чем было нарушено право на презумпцию невиновности, закрепленное в пункте 2 статьи 14.

3.3 Он также утверждает, что Верховный суд в ходе процедуры обжалования не разрешил вызвать свидетеля автора, что является нарушением пункта 3 е) статьи 14.

3.4 Автор отмечает, что был нарушен также пункт 5 статьи 14, поскольку Провинциальный суд не провел новую оценку второстепенных улик, на основании которых он был осужден в первой инстанции.

3.5 И наконец, автор считает, что было нарушено право на равенство перед законом, закрепленное в статье 26, поскольку для него не было обеспечено судопроизводство с учетом всех гарантий и доказывание на судебном разбирательстве производилось без соблюдения принципов гласности и состязательности сторон.

Замечания государства-участника и комментарии автора

4.1 В своих замечаниях от 10 сентября 2002 года государство-участник оспаривает приемлемость и существо сообщения, отмечая, что как Провинциальный суд, так и Конституционный суд рассмотрели утверждения автора и обоснованно и мотивированно не приняли их во внимание. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор не может претендовать на то, чтобы подменить своей собственной оценкой доказательств оценку, логично и обоснованно произведенную судебными органами.

4.2 Помимо этого, государство-участник отмечает, что Верховный суд четко аргументировал решение отклонить чрезвычайное ходатайство о пересмотре дела, указав на то, что заявитель не представил новых фактов или элементов доказательств, которые свидетельствовали бы о его невиновности, а представил лишь те элементы, которые можно было получить еще до первого судебного разбирательства.

5. В своем представлении от 25 марта 2003 года автор оспаривает аргументы государства-участника, вновь приводя свои первоначальные утверждения. Кроме того, автор отмечает, что данные о его уголовном прошлом не являются достаточным мотивом для обоснования неприемлемости его сообщения и не демонстрируют его причастность к деяниям, вменяемым ему в рассматриваемом деле.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры должен принять решение о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет согласно подпункту а) пункта 2 статьи 5 установил, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет также установил, что автор исчерпал все внутренние средства правовой защиты по смыслу подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 Что касается предполагаемого нарушения пунктов 1 и 2 статьи 14, то Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой оценка фактов и доказательств в принципе является прерогативой судов государств-участников, кроме тех случаев, когда такая оценка фактов и доказательств была явно произвольной или представляла собой отказ в правосудии². Комитет считает, что автору не удалось обосновать для целей приемлемости, что поведение судов государства-участника было произвольным или представляло собой отказ в правосудии, и поэтому признает обе жалобы неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.5 В отношении утверждения автора о предполагаемом нарушении подпункта e) пункта 3 статьи 14 в связи с отказом заслушать на пересмотре дела свидетельские показания Комитет напоминает, что право, закрепленное в упомянутом положении, не является абсолютным в том смысле, чтобы допускать представление доказательств в любой момент и любым образом, а призвано гарантировать равенство состязательных возможностей сторон в ходе судебного разбирательства. Комитет принимает к сведению аргументацию Верховного суда относительно того, что автор не воспользовался своим правом представить данное доказательство ни в первой, ни во второй инстанции, хотя это доказательство могло быть приобщено к делу еще до разбирательства в Уголовном суде. Как следствие, Комитет устанавливает, что эта часть сообщения не была достаточным образом обоснована для целей приемлемости, и заключает, что она неприемлема в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.6 Что касается предполагаемого нарушения пункта 5 статьи 14, то Комитет считает, что из решения Провинциального суда Мадрида явствует, что этот орган тщательно рассмотрел оценку

---

² См., в частности, сообщения № 811/1998, *Мула против Республики Гайаны*; № 867/1999, *Смарт против Республики Гайаны*; № 917/2000, *Арутюнян против Узбекистана*; № 927/2000, *Светик против Беларуси*; № 1006/2001, *Мартинес Муньос против Испании*; № 1084/2002, *Боштон против Франции*; № 1138/2002, *Аренс против Германии*; № 1167/2003, *Рамиль Райос против Филиппин*; и № 1399/2005, *Куартеро Касадо против Испании*.

доказательств, произведенную уголовным судом. В этой связи Провинциальный суд постановил, что элементы доказательств, представленные для обоснования виновности автора, были достаточными, чтобы опровергнуть презумпцию его невиновности. Как следствие, эта часть сообщения не была достаточно обоснована для целей приемлемости, и Комитет приходит к выводу о том, что она является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола³.

6.7 В отношении утверждений автора, касающихся предполагаемого нарушения статьи 26 в силу необеспечения его равенства перед законом, Комитет полагает, что автор не указал, какому предположительно дискриминационному виду обращения он подвергся во внутренних судах по смыслу упомянутой статьи. Следовательно, Комитет считает, что эти утверждения не были в достаточной степени обоснованы для целей приемлемости, и поэтому признает эту часть сообщения неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

7. Ввиду вышеизложенного Комитет постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение автору сообщения и государству-участнику.

Сообщение № 1219/2003

Представлено: Владимиром Раосавлевичем (адвокатом не представлен)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Босния и Герцеговина

Признано неприемлемым: 28 марта 2007 года

Тема сообщения: непродление полномочий судьи Верховного суда в связи с участием в вынесении спорных решений - предполагаемое отсутствие эффективных средств оспаривания решения Высшего судебного и прокурорского совета

Вопросы существа: право на равный доступ к государственной службе - право на эффективные средства правовой защиты

Процедурные вопросы: приемлемость *ratione materiae* - степень обоснования претензии - исчерпание внутренних средств правовой защиты

Статьи Пакта: пункты 1 и 3 статьи 2, статья 17 и пункт с) статьи 25

Статьи Факультативного протокола: статьи 2, 3 и подпункты а) и б) пункта 2 статьи 5

1.1 Автором сообщения является г-н Владимир Раосавлевич, гражданин Боснии и Герцеговины, родившийся 28 июля 1939 года. Он заявляет, что стал жертвой нарушений Боснией и

---

³ В этой связи см. сообщения № 1399/2005, *Куартеро Касадо против Испании*, пункт 4.4; и № 1059/2002, *Карвальо Вильяр против Испании*, пункт 9.5.

Герцеговиной¹ статьи 25 как самой по себе, так и в сочетании с пунктами 1 и 3 статьи 2, а также, косвенным образом, статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт). Автор сообщения не представлен адвокатом.

1.2 19 января 2004 года государство-участник обратилось к Комитету с просьбой в соответствии с пунктом 3 правила 97 правил процедуры Комитета рассматривать вопрос приемлемости сообщения отдельно от вопросов существа. 11 февраля 2004 года Комитет со ссылкой на своего Специального докладчика по новым сообщениям постановил рассмотреть вопрос о приемлемости сообщения одновременно с вопросами существа.

Факты в изложении автора

2.1 С 1965 по 2003 год автор сообщения работал судьей в городском суде Приявора (5 лет), окружном суде (23 года) и с 1993 по 2003 год в Верховном суде Республики Сербской, где он был председателем палаты по уголовным делам.

2.2 В 2002 году Высший представитель по Боснии и Герцеговине учредил на государственном уровне в обоих боснийских образованиях высшие судебные и прокурорские советы. Все существовавшие в государстве-участнике судебские должности были объявлены вакантными, а занимавшим их лицам было предложено вновь подать заявления на замещение вакансий. Высший судебный и прокурорский совет Республики Сербской (ВСПС) проводил отбор и назначение кандидатов на территории Республики Сербской (РС), руководствуясь критериями, изложенными в статье 41² Закона о Высшем судебном и прокурорском совете Республики Сербской (Закон РС о ВСПС).

2.3 4 ноября 2002 года по итогам чрезвычайной процедуры пересмотра дела палата Верховного суда РС под председательством автора сообщения отменила окончательный приговор Биелинского местного и окружного судов, которые признали несколько подсудимых виновными в похищении и принуждении к совершению аборта, приговорив их к тюремному заключению сроком от 4,5 до

---

¹ Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для государства-участника соответственно 6 марта 1992 года и 1 июня 1995 года.

² Статья 41 ("Критерии назначения") Закона РС о ВСПС (от 23 мая 2002 года) гласит следующее: "Совет оценивает, в состоянии ли кандидат выполнять судебные или прокурорские функции, исходя из следующих критериев:

- 1) профессиональных знаний и навыков;
- 2) способностей, подтверждаемых научными трудами и деятельностью в профессиональных ассоциациях;
- 3) профессиональных способностей, подтверждаемых результатами предыдущей профессиональной деятельности, в том числе участием в организованных программах повышения квалификации;
- 4) способностей и навыков анализировать юридические проблемы;
- 5) способностей беспристрастно, сознательно, добросовестно, решительно и ответственно выполнять профессиональные обязанности на той должности, на которую претендует кандидат;
- 6) коммуникабельности;
- 7) отношений с коллегами, поведения во вне рабочее время, честности и репутации; и
- 8) управленческого опыта и квалификации (при назначении на должности председателя суда или государственного обвинителя).

Совет соблюдает соответствующие конституционные положения, регламентирующие равные права и представительство образующих страну народов и другого населения. Назначения на все уровни судебной власти должны преследовать также цель обеспечения равенства мужчин и женщин".

6,5 года. Дело было возвращено в суд первой инстанции. В другом деле эта палата также под председательством автора сообщения, выступая в качестве суда второй инстанции, подтвердила обвинительный приговор, вынесенный по делу об убийстве, якобы несмотря на недостаточные доказательства и без надлежащего изучения дела. В связи с обоими делами на автора сообщения были поданы жалобы соответственно отделением Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека в Боснии и Герцеговине и отцом человека, признанного виновным в убийстве.

2.4 По словам автора сообщения, его заявление о повторном назначении на должность в Верховном суде РС рассматривалось в начале 2003 года в отделении ВСПС в Баня-Луке. По итогам рассмотрения двух полученных жалоб был сделан вывод о незаконности вынесенных приговоров и поставлена под сомнение профессиональная пригодность автора сообщения. 12 марта 2003 года ВСПС принял решение не назначать автора сообщения на должность судьи Верховного суда. Этот отказ в назначении не должен был повлиять на возможность его дальнейшего трудоустройства в качестве судьи или прокурора. Решение было принято на основе сложной системы балльной оценки (см. также пункт 5.2 ниже).

2.5 В письме от 17 марта 2003 года автор сообщения и еще один судья Верховного суда, которому также было отказано в назначении в силу участия в вынесении вышеуказанных приговоров, обжаловали решение ВСПС на том основании, что, рассматривая дело о похищении и принуждении к совершению абортa, суды низшей инстанции должны были провести экспертизу, с тем чтобы оценить психическое состояние главного обвиняемого в момент совершения преступления; оценка медицинских доказательств была односторонней.

2.6 20 марта 2003 года автор сообщения обратился к ВСПС с просьбой пересмотреть решение о его увольнении, обосновывая ее своим профессионализмом, эффективностью работы палаты по уголовным делам Верховного суда РС во время его председательствa, а также тем большим уважением, которым он пользовался у коллег. 2 апреля 2003 года ВСПС отклонил его просьбу, постановив, что принятое решение не подлежит обжалованию.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что отказ в его повторном назначении по итогам юридической оценки двух вышеуказанных дел носит дискриминационный характер, ущемляет его право на равный доступ к государственной службе, нарушает принцип независимости судей, а также умаляет его честь и подрывает репутацию в нарушение пункта 1 статьи 2, статей 17 и 25 с) в сочетании с пунктом 3 статьи 2 Пакта (в отсутствие эффективной возможности обжаловать решение ВСПС).

3.2 Автор сообщения подчеркивает, что палата по уголовным делам Верховного суда РС, председателем которого он являлся, была самой эффективной в Боснии и Герцеговине и что по состоянию на 12 февраля 2003 года за ним числилось лишь три неурегулированных дела. Автор сообщения принимал участие в работе нескольких групп экспертов, занимавшихся пересмотром старого и разработкой нового законодательства в РС и округе Брчко. Хотя в ходе оценки его профессиональной пригодности он и получил более высокие баллы, чем другие кандидаты, назначенные в Верховный суд, решение о невозобновлении его назначения до достижения им пенсионного возраста, составляющего 70 лет, было принято лишь на основании двух оспариваемых решений. ВСПС не принял к сведению ни одно из следующих соображений: эффективность работы его палаты, его профессионализм и опыт работы, отсутствие нареканий в предыдущих делах и принятых в его отношении дисциплинарных мер.

3.3 Со ссылкой на статью 258 Уголовно-процессуального кодекса автор сообщения утверждает, что решение от 4 ноября 2002 года о снятии обвинений в деле о похищении и принуждении к совершению абортa является вполне законным, так как оно было основано на мнении ряда

психиатров о том, что в момент совершения преступления обвиняемый страдал психическим расстройством.

3.4 Автор сообщения утверждает, что помимо нарушения принципа независимости судей ВСПС рассматривал его заявку в неправильном составе, поскольку один из его членов, который должен был представлять Генеральную прокуратуру, был назначен из низшей профессиональной категории прокуроров.

3.5 Автор сообщения заявляет, что он не мог обжаловать решение ВСПС в какой-либо другой инстанции и что после окончания процедуры оценки его профессиональной пригодности ему было отказано в доступе к его досье.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения

4. 19 января 2004 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения, утверждая, что автор сообщения не исчерпал внутренние средства правовой защиты, поскольку он не обращался с ходатайством о пересмотре решения ВСПС в Верховный суд РС и не подавал дальнейших апелляций в Конституционный суд или Палату по правам человека Боснии и Герцеговины, созданную на основании приложения V к Дейтонскому соглашению. Государство-участник просит Комитет удостовериться в том, что это же дело не рассматривается в Европейском суде по правам человека.

5.1 30 апреля 2004 года государство-участник подтвердило свои аргументы, на основании которых оно оспаривает приемлемость сообщения, и прокомментировало его по существу, утверждая, что представленные факты не имеют никакого отношения к статьям 17 и 25 а) и б) Пакта.

5.2 Что касается ссылок на статью 25 с), то государство-участник признает, что автор сообщения действительно подавал заявку на должность одного из 16 судей Верховного суда РС. Из 98 кандидатов на 16 должностей собеседование было проведено с 91. Все они удовлетворяли юридическим требованиям, дающим право на назначение в состав Верховного суда. ВСПС имел право выбирать тех кандидатов, которых он считал наиболее подходящими, руководствуясь критериями, предусмотренными в статье 41 Закона РС о ВСПС. В соответствии с конституциями государства и РС этнический состав Верховного суда должен отражать этнический состав населения РС по состоянию на 1991 год, когда в бывшей Социалистической Республике Югославии проводилась перепись населения. Таким образом, из 13 предложенных для назначения на должность судей кандидатов восемь были сербами, двое - боснийцами, еще двое - хорватами и один входил в категорию "прочих" кандидатов. Хотя группа по назначениям и поставила автору сообщения высокие баллы, они были ниже проходного балла, установленного для восьми судей-сербов. Процесс отбора, в основу которого были положены объективные критерии, а не политические убеждения и связи, дал автору сообщения равную с остальными претендентами возможность выставить свою кандидатуру на должность судьи в соответствии с внутренним законодательством и статьей 25 с) Пакта.

5.3 Государство-участник утверждает, что назначение в состав ВСПС производилось на основании статей 5³ и 76⁴ Закона РС о ВСПС. В отличие от статьи 5, определяющей состав Совета в принципе,

---

³ Статья 5 ("Члены Совета") Закона РС о ВСПС гласит следующее: "В состав Совета входят следующие члены:

судья Верховного суда Республики Сербской, избираемый всеми судьями Суда;
прокурор из прокуратуры Республики Сербской, избираемый Генеральным прокурором Республики и его заместителями;
один судья из окружного или местного суда, избираемый Ассоциацией судей и прокуроров Республики Сербской;

статья 76 дает Высокому представителю определенную свободу маневра, разрешая ему отступать от этого положения при назначении членов ВСПС во время переходного периода.

Комментарии автора

6.1 22 мая 2004 года автор сообщения представил свои комментарии, утверждая, что он никогда не обращался в Европейский суд по правам человека и что государство-участник не назвало ни одного положения внутреннего законодательства, которое позволило бы ему оспорить решение ВСПС в иной инстанции. Автор сообщения исчерпал единственное доступное ему средство правовой защиты, подав просьбу о пересмотре решения в соответствии с пунктом 3 статьи 79⁵ Закона РС о ВСПС. Отклонение его просьбы ВСПС недвусмысленно свидетельствует о том, что принятое решение не подлежит обжалованию. Кроме того, в статье 86⁶ Закона РС о ВСПС этот закон определяется как *lex specialis*, что не позволяет применять к нему средства правовой защиты, предусмотренные в других законодательных актах. Недавнее включение в новый проект Государственного закона о ВСПС положение о судебной защите касается только дисциплинарных

один прокурор или заместитель прокурора либо из окружной прокуратуры, либо из местной прокуратуры, избираемый Ассоциацией судей и прокуроров Республики Сербской; судья по мелким правонарушениям, избираемый Ассоциацией судей Республики Сербской по мелким правонарушениям; адвокат, избираемый Адвокатской коллегией судей Республики Сербской; лицо, известное своей высокой нравственностью и неподкупностью, назначаемое Президентом Республики Сербской; и члены Высшего судебного и прокурорского совета, созданного на основании положений Конституции и законов Федерации Боснии и Герцеговины.

Члены Совета осуществляют свои функции независимо и беспристрастно, обладают высокой нравственностью и честностью и пользуются хорошей репутацией за свою эффективность, компетентность и добросовестность".

⁴ Статья 76 ("Состав, назначение и срок полномочий") Закона СР о ВСПС гласит следующее:

"В течение переходного периода Высокий представитель по возможности назначает членов Совета в соответствии со статьей 5. В этот период в состав Совета не входит судья по мелким правонарушениям. В соответствии со статьей 6 настоящего Закона срок полномочий национальных членов составляет четыре года.

Высокий представитель назначает также в состав Совета до восьми (8) международных членов. Срок полномочий международных членов ограничивается продолжительностью переходного периода".

⁵ Пункт 3 статьи 79 Закона РС о ВСПС гласит следующее:

"Кандидаты из числа судей, прокуроров или заместителей прокуроров, которые не были назначены на судебную или прокурорскую должность, в соответствии с настоящей статьей могут подать просьбу о пересмотре решения:

- 1) если Совет не учел существенные факты, говорящие в пользу кандидата, при условии что соответствующая информация была представлена Совету в момент подачи заявки, или
- 2) если в соответствии со статьей 40 кандидат использовал право на ознакомление с материалами его дела до принятия по нему решения Советом, а Совет вынес отрицательное решение на основании информации, с которой кандидат не был ознакомлен".

⁶ Статья 86 Закона РС о ВСПС гласит следующее:

"[...] Нормативные положения, содержащиеся в законодательстве Республики Сербской, должны быть приведены в соответствие с настоящим Законом, а все не соответствующие ему положения настоящим отменяются".

дел, и оно не имеет обратной силы. В тот момент когда автор сообщения хотел обжаловать решение ВСПС, Палата по правам человека перестала принимать дела на рассмотрение. В то же время это средство правовой защиты нельзя назвать внутренним. Таким образом, все существующие внутренние средства правовой защиты были им исчерпаны.

6.2 Ссылаясь на статистические справки, свидетельствующие о том, что автор сообщения перевыполнил производственную норму на 217,4 процента в 2000 году и на 161,5 процента в 2001 году, он подчеркивает, что он был уволен с занимаемой должности несмотря на то, что на основе критериев, предусмотренных в статье 41 Закона РС о ВСПС, он получил самую высокую оценку среди всех кандидатов. Согласно статье 17 правил процедуры ВСПС выставленные оценки носят конфиденциальный характер и не сообщаются кандидатам. Государство-участник не представило эти материалы Комитету, для того чтобы скрыть от него оценки, полученные автором сообщения и другими кандидатами.

6.3 Не оспаривая принципа отбора судей по этническим квотам, автор сообщения признает, что этнические соображения не играли роли в его деле, поскольку в уголовный департамент Верховного суда РС были назначены восемь судей-сербов. Четверо из них работали в судах низших инстанций, а один - никогда в своей карьере не рассматривал дел в порядке обжалования.

6.4 Автор сообщения подчеркивает, что единственной причиной для неназначения его в Верховный суд РС стали правовые основания вынесения им двух приговоров, основываясь на которых ВСПС признал его профессионально непригодным в отличие от других кандидатов, которые были назначены в Верховный суд РС или в Конституционный суд Боснии и Герцеговины, несмотря на то что они также участвовали в их вынесении. ВСПС не только лишил его права на назначение в состав Верховного суда РС на равных основаниях, но и рекомендовал отклонять его ходатайства о назначении на все другие должности в судебной системе.

6.5 С точки зрения автора сообщения тот факт, что после получения жалоб не удовлетворенных вынесенными решениями сторон ВСПС объявил их незаконными, является грубым посягательством на независимость суда и узурпацией исполнительным органом судебных полномочий, которые может осуществлять лишь вышестоящий судебный орган. В процессе рассмотрения дел автор сообщения испытывал сильное давление со стороны следователей ВСПС, которые проявляли к обоим делам повышенный интерес. Несмотря на отсутствие у них судебных полномочий, следователи изучили приговоры, ставшие итогом не одного года работы, всего лишь за несколько дней и уложили свой анализ этих сложных дел в несколько строк. Их выводы в отношении обоих приговоров были необъективными, неполными и неточными.

6.6 Автор сообщения утверждает, что членство в ВСПС подробно регламентируется Законом РС о ВСПС, с тем чтобы обеспечить беспристрастную и прозрачную процедуру назначения. В его случае процедура была нарушена, поскольку один из членов ВСПС – заместитель прокурора из местной прокуратуры (С.М.) – вопреки требованиям статьи 5 Закона РС о ВСПС не был избран Ассоциацией судей и прокуроров РС. В списке избранных кандидатов, направленном на утверждение Высокого представителя, фамилия С.М. не значилась. Кроме того, существовала возможность в соответствии со статьей 5 ввести в состав Совета одного из прокуроров из прокуратуры РС. Свобода действий, предоставляемая Высокому представителю статьей 76, которая требует от него в течение переходного периода назначать членов на основании статьи 5 лишь "по возможности", не может служить оправданием противозаконного членского состава ВСПС в момент увольнения автора сообщения. Государству-участнику следовало представить соответствующие доказательства, если оно хотело продемонстрировать, что члены Совета были назначены должным образом.

6.7 Автор сообщения утверждает, что в нарушение пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник не предусмотрело эффективных механизмов обжалования решений о назначении судей. Решение ВСПС об отклонении его ходатайства было стереотипным демаршем, рассчитанным на средства массовой информации, поскольку в нем Совет не дал ответа ни на один из поставленных автором

сообщения вопросов. Возможность подать такое ходатайство нельзя считать эффективным средством правовой защиты, поскольку оно не предполагает рассмотрения в другой инстанции. ВСПС не должен обладать неограниченной свободой при назначении судей. Он должен уважать применимые внутренние и международные стандарты.

6.8 Автор сообщения заявляет, что он был лишен возможности высказать свои аргументы и защитить свои права. В соответствии со статьей 49 Закона РС о ВСПС все обвинения против него должны были рассматриваться в рамках дисциплинарного производства. Доступ к материалам ВСПС был предоставлен автору сообщения лишь после того, как государство-участник получило его сообщение. Автор сообщения настаивает на возмещении причиненного ему морального и материального вреда, в том числе вреда, нанесенного его чести и репутации после 38 лет службы в судебной системе.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

7.1 Перед рассмотрением любых жалоб, изложенных в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника, согласно которому автор сообщения не обращался с ходатайством о пересмотре решения ВСПС от 12 марта 2003 года в Верховный суд РС и не подавал апелляции в Конституционный суд или Палату по правам человека Боснии и Герцеговины. Он принимает также к сведению заявление автора сообщения о том, что подача ходатайства о пересмотре решения на основании пункта 3 статьи 79 Закона РС о ВСПС являлась единственным доступным ему средством правовой защиты, предусмотренным во внутреннем законодательстве.

7.4 Комитет обращает внимание на правило 97 своих правил процедуры и пункт 2 статьи 4 Факультативного протокола, из которых следует, что государства-участники Пакта должны предоставлять Комитету всю имеющуюся у них информацию, в том числе на этапе рассмотрения вопроса о приемлемости сообщения, подробную информацию о средствах правовой защиты, доступных жертвам предполагаемых нарушений в их конкретной ситуации. По его мнению, упоминая такие общие средства правовой защиты, как возможность обратиться в Верховный суд, Конституционный суд и Палату по правам человека Боснии и Герцеговины, государство-участник не представило подробной информации о доступности и эффективности этих средств применительно к обстоятельствам дела автора сообщения. В этой связи Комитет приходит к выводу, что, подав в ВСПС ходатайство о пересмотре решения, автор сообщения в соответствии с пунктом 2 б) статьи 5 Факультативного протокола исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

7.5 В той части, в какой автор сообщения ссылается на нарушения его прав, закрепленных в пунктах а) и б) статьи 25 Пакта, Комитет отмечает, что в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола его претензии являются неприемлемыми *ratione materiae*.

7.6 В отношении жалобы автора сообщения на то, что решение ВСПС о непродлении его полномочий судьей Верховного суда представляет собой нарушение его права на доступ к государственной службе на общих условиях равенства, закрепленное в статье 25 с) Пакта, Комитет отмечает, что эта статья гарантирует не только доступ к государственной службе, но и на работу в ней на равных условиях. Поэтому его жалоба в принципе подпадает под действие данного положения. Принцип доступа к государственной службе на общих условиях равенства означает, что

государство-участник должно воздерживаться от дискриминации кого бы то ни было на каких бы то ни было основаниях, перечисленных в пункте 1 статьи 2 Пакта. Автор сообщения утверждает, что основанием для непродления его полномочий стали правовые основания вынесения им двух спорных решений, причем другие судьи, участвовавшие в вынесении этих же решений, получили назначения в Верховный суд РС или в Конституционный суд Боснии и Герцеговины. Вместе с тем Комитет отмечает, что для оценки квалификации и профессиональной пригодности судей использовалась комплексная система баллов, основанная на объективных критериях (см. пункт 5.2), и что, хотя группа по назначениям и поставила автору сообщения высокий балл, он был ниже того проходного бала, который был установлен для восьми судей-сербов. Исходя из имеющихся в его распоряжении материалов, Комитет считает, что для целей оценки приемлемости автор сообщения не смог представить убедительные доказательства того, что его невключение в список назначенных судей связано исключительно с двумя вынесенными им спорными приговорами, а не с другими объективными критериями, на основе которых проводился отбор. Таким образом, в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола эта его жалоба является неприемлемой.

7.7 Что касается утверждения о том, что ВСПС имел неправомочный состав, нарушал принцип независимости судей и посягал на его честь и репутацию, то Комитет отмечает, что в связи с этой жалобой автор сообщения не сослался ни на одно из конкретных положений Пакта. Комитет считает, что для целей оценки приемлемости автор сообщения не смог доказать, что назначение заместителя прокурора из местной прокуратуры, который не был избран Ассоциацией судей и прокуроров СР, не может обосновываться ссылкой на статью 76, допускающую определенную гибкость в процедуре назначения, и тем самым противоречит статье 5 Закона РС о ВСПС. Аналогичным образом, для целей решения вопроса о приемлемости автор сообщения не смог доказать, что оценка ВСПС его профессиональной пригодности, в частности, на основе двух приговоров, в связи с которыми были поданы жалобы, ставящие под сомнение его честность и непредвзятость, явилась посягательством на его независимый судейский статус или на его честь и репутацию. Следовательно, эта часть сообщения не может быть признана приемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

7.8 Автор сообщения сослался на статью 2 Пакта в сочетании со статьями 17 и 25 с). В этой связи встает вопрос о том, является ли отсутствие у него возможности обжаловать решение ВСПС в другой инстанции нарушением его права на эффективную правовую защиту, предусмотренного в пунктах 3 а) и б) статьи 2 Пакта. Комитет напоминает, что на статью 2 можно сослаться лишь в связи с одним из основных прав, защищаемых Пактом⁷, и лишь в том случае, если нарушение этого права является достаточно обоснованным для рассмотрения в соответствии с Пактом⁸. Поскольку автор сообщения не обосновал для целей приемлемости свои жалобы по статьям 17 и 25 с), его утверждение о нарушении статьи 2 Пакта также является неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола.

8. Соответственно, Комитет по правам человека постановляет:

- а) признать данное сообщение неприемлемым согласно статьям 2 и 3 Факультативного протокола;
- б) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

---

⁷ Сообщение № 275/1988, *С. Э. против Аргентины*, решение о приемлемости, принятое 26 марта 1990 года, пункт 5.3.

⁸ Сообщение № 972/2001, *Казанцис против Кипра*, решение о приемлемости, принятое 7 августа 2003 года, пункт 6.6.

Сообщение № 1315/2004

Представлено: г-ном Далджитом Сингхом (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Канада

Признано неприемлемым: 30 марта 2006 года

Тема сообщения: депортация в страну происхождения, где существует опасность быть подвергнутым пыткам

Процедурные вопросы: временные меры/просьба государства-участника отменить временные меры

Вопросы существа: опасность применения пыток и вероятность смерти, пересмотр распоряжения о высылке, несправедливый "судебный процесс" и неэффективные средства правовой защиты

Статьи Пакта: 2, 6, 7, 13, 14

Статьи Факультативного протокола: 1 и 2

1.1 Автор сообщения является г-н Далджит Сингх, гражданин Индии, ожидающий в настоящее время депортации из Канады. Он утверждает, что его депортация приведет к нарушению Канадой его прав, предусмотренных статьями 2, 6, 7, 13 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом.

1.2 5 ноября 2004 года Комитет по правам человека через своего Специального докладчика по новым сообщениям обратился к государству-участнику с просьбой в соответствии с правилом 92 своих правил процедуры "не депортировать автора сообщения до представления Комитету информации о том, намерено ли оно выслать автора в Индию, и до препровождения Комитету своих замечаний по этому сообщению в соответствии с правилом 97 (прежнее правило 91) правил процедуры". 9 ноября 2004 года после просьбы относительно разъяснений Комитет просил государство-участник "не депортировать г-на Далджита Сингха в Индию до направления государством-участником своих замечаний относительно приемлемости утверждений автора или существа и подтверждения Комитетом факта получения этих замечаний".

Факты в изложении автора

2.1 Автор проживал в деревне Сонет, район Лудхиана, Пенджаб. Он являлся владельцем компании по перевозке грузов и имел четыре грузовика. Он женат и имеет двух детей. Его жена и дети остались в деревне Сонет. Его мать, брат, сестра и все их семьи проживают в Британской Колумбии в Канаде. Его отец скончался 1 июня 1999 года в Британской Колумбии.

2.2 15 сентября 1998 года шурин автора сообщения и водитель одного из принадлежащих автору грузовиков были остановлены полицией в Джамму, и им было предъявлено обвинение в поддержке одной из экстремистских группировок. На следующий день в пять часов утра автор был арестован сотрудниками полиции в своем доме и препровожден в полицейский участок. Он утверждает, что в период нахождения под стражей он подвергался избиениям и пыткам. 17 сентября он был освобожден благодаря вмешательству мэра деревни (по фамилии Сарпанг), членов деревенского совета и председателя профсоюза водителей грузовиков при условии, что он будет информировать полицию о деятельности экстремистов. За его освобождение была дана взятка. По словам автора, его шурин и водитель содержались под стражей в течение недели и подвергались пыткам. Их освободили на тех же условиях, что и его. Он утверждает, что после освобождения все трое нуждались в медицинской помощи.

2.3 В апреле 1999 года автор сообщения был вновь арестован по подозрению в том, что он оказывал помощь экстремистам в перевозке оружия, боеприпасов и взрывчатки. После двух дней пребывания под стражей, в течение которых его, как он утверждает, вновь пытали, автор был освобожден после вмешательства мэра деревни (Сарпанга) при условии, что он будет ежемесячно информировать полицейский участок о своем водителе и о других экстремистах. Согласно его утверждениям, после своего освобождения он прошел курс медицинского лечения и страдает от посттравматического стрессового расстройства. Опасаясь за свою жизнь, он решил бежать из Индии. Он утверждает, что после его отъезда в апреле 2003 года его жена и сын подверглись пыткам.

2.4 3 июня 1999 года автор сообщения ходатайствовал о выдаче ему канадской визы для участия в похоронах своего отца. После получения визы 6 июня 1999 года он прибыл в Канаду и 30 июня 1999 года подал ходатайство о предоставлении убежища. 15 декабря 2000 года его ходатайство о предоставлении статуса беженца было рассмотрено Отделом по делам беженцев Совета по вопросам иммиграции и беженцев ("Совет"), который 28 февраля 2001 года постановил, что автор сообщения не является беженцем по смыслу Конвенции, поскольку его показания представляются недостоверными. Изложение им событий было сочтено неправдоподобным.

2.5 10 июля 2001 года Федеральный суд отказал автору в просьбе о судебном пересмотре решения Совета. 5 ноября 2003 года поданное автором ходатайство о проведении оценки степени риска до высылки (ОРДВ) было отклонено. 5 ноября 2003 года было отклонено его ходатайство о выдаче постоянного вида на жительство в Канаде по соображениям гуманности и сострадания. 18 декабря 2003 года автор сообщения обратился с просьбой о выдаче разрешения на судебный пересмотр ОРДВ и приостановление исполнения решения о принудительной высылке. 19 января Федеральный суд удовлетворил просьбу о приостановлении принудительной высылки до принятия решения по ходатайству о судебном пересмотре. 3 мая 2004 года Федеральный суд отказал в праве ходатайствовать о судебном пересмотре вынесенного решения.

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что в случае его принудительной высылки в Индию государство-участник нарушит статьи 6 и 7 Пакта, поскольку он будет подвергнут пыткам, будет лишен возможности получать медицинское лечение и, возможно, погибнет. В обоснование своего утверждения он напоминает о том, что в 1998 и 1999 годах он подвергался пыткам и указывает, что после его отъезда члены его семьи подвергались избиениям и преследованиям со стороны полиции.

3.2 Автор сообщения утверждает, что вследствие внутригосударственного разбирательства, в результате которого было вынесено решение о принудительной высылке, были также нарушены положения статей 13, 14 и 2 Пакта. Он утверждает, что применявшиеся в его случае "процессуальные действия" нарушают статью 13 и что процедура ОРДВ противоречит положениям Канадской хартии прав и свобод. По его словам, в данном случае имело место нарушение статьи 14, поскольку национальными властями не были внимательно рассмотрены представленные им в свое оправдание доказательства. Национальные власти не рассмотрели ни медицинские справки и фотографии, свидетельствующие о том, что он и некоторые члены его семьи подвергались пыткам, ни affidavits мэров близлежащих деревень, свидетельствующие о тех проблемах, которые у него были с полицией, ни отчет о результатах расследования этих инцидентов, проведенного Группой по правам человека сикхов. Кроме того, не была рассмотрена полученная из других источников информация об общем положении в области прав человека в Индии, включая доклад "Хьюман райтс уотч" от 10 июня 2003 года и материалы одного из научных журналов. Указывается, что проведенный Советом и в рамках ОРДВ анализ ситуации в области прав человека в Индии является неточным. Автор просит Комитет рассмотреть представленные им Федеральному суду свидетельства, которые, по его мнению, являются достаточным доказательством его нынешнего

психологического состояния и той опасности, которой он подвергнется в случае принудительной высылки¹.

3.3 Автор заявляет также о нарушении статей 14 и 2, поскольку имеющиеся в его распоряжении средства правовой защиты являются неэффективными. По его словам, в Канаде отсутствует независимая оценка опасности пыток, которой могут подвергнуться просители убежища по возвращении в страну своего происхождения, процедуры носят чисто административный характер, а решения о депортации принимаются в упрощенном порядке. Сотрудники службы ОРДВ не являются независимыми лицами, будучи сотрудниками министерства, принимающего постановление о высылке заявителя, а принимаемые ими решения не контролируются в судебном порядке. Заявитель должен вначале обратиться за разрешением на подачу апелляции в Федеральный суд, и в случае положительного ответа Суд может лишь рассматривать вопросы, касающиеся юридических ошибок. В обоснование неэффективности процедуры ОРДВ автор сообщения ссылается на постановление Федерального суда по одному из дел, когда последний отменил решение сотрудника иммиграционной службы, сочтя его необоснованным, и направил это дело на повторное рассмотрение. По словам автора, эффективность средств судебной защиты в Канаде резко критикуется в докладе Межамериканской комиссии по правам человека от 18 сентября 2001 года о положении в области прав человека просителей убежища в рамках существующей в Канаде системы определения статуса беженцев (2000 год).

Представление государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 22 декабря 2004 года государство-участник оспорило приемлемость данного сообщения и само сообщение по существу. Государство-участник заявляет, что, хотя, по его мнению, автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, оно не оспаривает приемлемости сообщения на этом основании ввиду недостоверности показаний автора, заявив о своем желании как можно скорее завершить рассмотрение этого дела.

4.2 Государство-участник утверждает, что для целей приемлемости автор не обосновал в достаточной мере своих утверждений по статьям 6 и 7. Он ограничивается общими словами о том, что ему будет угрожать серьезная опасность пыток, приводя в качестве обоснования те же факты и доказательства, которые были представлены канадским судам. Государство-участник исходит из выводов Совета и сотрудника ОРДВ в обоснование недостоверности показаний автора и утверждает, что Комитет не уполномочен заниматься повторной оценкой выводов относительно достоверности или же оценивать показания или давать новую оценку выводам национальных судов или трибуналов.

4.3 Если Комитет хочет провести переоценку выводов, касающихся правдивости автора, то государство-участник заявляет, что в его показаниях о соответствующих событиях имеются противоречия, элементы непоследовательности и неправдоподобные утверждения. Государство-участник приводит примеры таких противоречий, включая следующее: некоторые письменные показания автора поразительно схожи с показаниями, а местами и идентичны показаниям других не связанных с этим делом заявителей, тоже прибывших из Индии; устные и письменные показания автора о своем работнике, которого полиция предположительно обвинила в причастности к деятельности экстремистских группировок, являются противоречивыми; информация, касающаяся его шурина, носит противоречивый характер и является неправдоподобной, в частности утверждение

---

¹ Автор представляет следующие материалы: информацию НПО об общем положении в области прав человека в Индии; affidavit индийского адвоката в поддержку его показаний; медицинскую справку от 31 мая 2000 года, в которой содержится вывод о том, что "объективные данные о физическом состоянии этого лица и его субъективные утверждения о пытках не противоречат друг другу"; справку о психологическом состоянии от 20 июня 2000 года, в которой делается вывод о вероятности того, что посттравматический стрессовый синдром автора является результатом пережитых им травм, в частности результатом пыток во время нахождения под стражей; фотокопии фотографий спины автора (оценить их весьма сложно); и affidavits мэров деревень его района в поддержку его показаний.

о том, что, хотя он был взят с поличным, когда в его грузовике обнаружили оружие, взрывчатку и фальшивые купюры, он был освобожден без предъявления обвинения и продолжает проживать в Индии; а также о том, что сын автора, являвшийся официальным владельцем одного из грузовиков, также смог остаться в Индии.

4.4 Что касается фотографии, впервые предъявленной автором сотруднику службы ОРДВ в обоснование его утверждения о том, что его жена и сын подверглись пыткам в апреле 2003 года, то государство-участник заявляет, что этот сотрудник не придал данной фотографии какого-либо значения, сочтя, что на больничной койке могла быть сфотографирована любая женщина или любой молодой мужчина в бинтах. Даже если на этой фотографии изображены родственники автора, это не является доказательством того, что они подвергались пыткам. Государство-участник утверждает, что, если автору удалось сфотографировать своих близких в больнице, он мог также получить и медицинскую справку с описанием характера их травм, чего он не сделал. Если их пытали, то государство-участник интересуется, почему же они по-прежнему живут в своем родном городе и не бежали в другую часть Индии или же за пределы страны.

4.5 Что касается представленной Совету медицинской справки, то, несмотря на вывод о том, что "объективные данные о физическом состоянии этого лица и его субъективные утверждения о пытках не противоречат друг другу", Совет не счел эту медицинскую справку доказательством с учетом негативной оценки достоверности показаний заявителя и противоречий в его показаниях относительно происхождения шрамов на его спине. Что касается справки психолога, то, хотя последний и сделал вывод о вероятности того, что посттравматический стрессовый синдром является результатом пережитых автором травм, по мнению Совета, нет никаких прямых свидетельств, кроме утверждений самого автора, того, что в его жизни действительно произошли травмирующие события. Поскольку Совет счел эти утверждения незаслуживающими доверия, справка психолога, в основе которой лежат те же утверждения, не была сочтена доказательством. Государство-участник заявляет, что сомнения в отношении важнейших аспектов показаний автора настолько серьезно подрывают доверие к нему, что его утверждения недостаточны для обоснования его заявления о том, что в случае его возвращения в Индию ему будет угрожать опасность смерти или жестокого и неприемлемого обращения.

4.6 Что касается положения в области прав человека в Индии, то автор сообщения не обосновал своего заявления о том, что в Индии ему лично будет угрожать опасность. Даже если ситуация с правами человека в Индии иногда вызывает озабоченность, этого недостаточно для утверждения о том, что в случае возвращения автора произойдет нарушение Пакта. Однако, если Комитет пожелает рассмотреть вопрос о положении в области прав человека в Индии, существующая ситуация, по словам государства-участника не подтверждает утверждений автора. Положение с правами человека сикхов в Индии настолько улучшилось, что риск применения полицией пыток или каких-либо иных видов жестокого обращения с сикхами является крайне незначительным. Государство-участник ссылается на страновые доклады, на которых основывался сотрудник службы ОРДВ (доклад Датской иммиграционной службы за 2001 год и страновой доклад США за 2002 год), и заявляет, что положение сикхов в Пенджабе является в настоящее время стабильным, и какой-либо опасности могут подвергаться лишь руководители экстремистских группировок. Государство-участник утверждает, что оно приняло во внимание другие представленные автором доклады, в том числе доклад 1999 года под названием "Жизнь под угрозой", в котором описываются нынешние преследования сикхов в Индии, а также доклад 2003 года на вебсайте ежемесячника SikhSpectrum.com, где рассматривается вопрос о безнаказанности лиц, виновных в исчезновениях людей в Пенджабе. Государство-участник указывает, что нарушения прав человека в прошлом и случаи безнаказанности могут иногда по инерции происходить и в настоящее время, однако это не прибавляет достоверности показаниям автора и не подтверждает его утверждений. Что касается постановления Федерального суда по делу Сингха Шахи, когда Суд отменил решение сотрудника иммиграционной службы и вернул дело на повторное рассмотрение, то, по мнению государства-участника, данный случай служит подтверждением того, что эта процедура является действительно эффективной, поскольку заслуживающие пересмотра дела всегда пересматриваются. В этой связи

государство-участник ссылается на решение Комитета против пыток, который, рассмотрев дело *Б.С.Ш.*, не выявил нарушений Конвенции и признал эффективность средств правовой защиты в Канаде².

4.7 Государство-участник заявляет, что автор сообщения не обосновал даже *prima facie* своего утверждения о том, что по возвращении в Индию он будет убит. Что касается статьи 7, то государство-участник заявляет, что эти утверждения не означают наличия опасности, выходящей за рамки "теоретических измышлений или подозрений" и не создают для него реальной и личной опасности подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Если пойти по альтернативному пути и поверить, что в прошлом автор подвергался пыткам, а это государство-участник отрицает, то это происходило не в недавнем прошлом и само по себе не является доказательством опасности подвергнуться пыткам в будущем.

4.8 Иными словами, государство-участник утверждает, что, если автору действительно угрожает опасность смерти, пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в случае его возвращения в Пенджаб, он не показал, что у него нет альтернативы перебраться в другой район. Даже если он может столкнуться с трудностями в случае невозможности возвращения домой, эти трудности не будут равноценны какому-либо виду обращения в нарушение Пакта³. И наконец, даже если закрыть глаза на все противоречия в его показаниях и считать их заслуживающими доверия, то его опасения, касающиеся предположительно жестокого обращения со стороны полиции в случае возвращения в Индию, являются беспочвенными, поскольку согласно документальным свидетельствам в настоящее время подобное обращение допускается только в отношении руководителей экстремистских группировок. А поскольку таковым автор не является, он явно не относится к числу тех, кто может стать объектом таких действий со стороны полиции.

4.9 Что касается утверждений, связанных со статьями 2, 13 и 14, то государство-участник заявляет, что эти утверждения являются неприемлемыми ввиду их несовместимости с положениями Пакта, согласно статье 3 Факультативного протокола. Оно ссылается на правовую практику Комитета, чтобы показать, что статья 2 не признает наличия независимого права на средство правовой защиты и что это право возникает лишь после нарушения одного из прав, закрепленных в Пакте. Вместе с тем права, которые, как утверждается, были нарушены, - это права, охраняемые Канадской хартией прав и свобод. Утверждается, что положения статьи 13 не распространяются на автора, поскольку он, как было установлено, не находится в Индии в опасности, подлежит высылке на основании законно изданного приказа и, таким образом, не находится "на законных основаниях на территории Канады". Государство-участник ссылается на Замечание общего порядка № 15 Комитета и выводы Комитета по делу *Маруфиду против Швеции*⁴, где делается вывод о том, что статья 13 регулирует только процедуру, а не основания для высылки, и ее цель заключается в том, чтобы не допустить произвольной высылки. Автор сообщения не доказал, что процедуры, в результате которых был издан приказ о его высылке, не согласуются с предусмотренными законом процедурами или же что правительство Канады злоупотребило своими полномочиями.

---

² Дело *Б.С.Ш. против Канады*, сообщение № 183/2001, Мнения приняты 12 мая 2004 года.

³ В этой связи государство-участник ссылается на решение Комитета против пыток, по делу *Б.С.Ш. против Канады*, сообщение № 183/201, Мнения, принятые 12 мая 2004 года, в которых Комитет пришел к выводу о том, что хотя переселение за пределы Пенджаба будет представлять значительную сложность для заявителя, тот факт, что он, возможно, не сможет вернуться к своей семье и в свою родную деревню, не равнозначен пыткам по смыслу статьи 1 Конвенции.

⁴ Сообщение № 58/1979, Соображения приняты 9 апреля 1981 года.

4.10 Государство-участник заявляет, что процедуры установления статуса беженца и определения мер защиты не подпадают под действие статьи 14. Они относятся к сфере публичного права, и их справедливость гарантируется статьей 13⁵. В противном случае, если считать, что иммиграционные процедуры подпадают под действие статьи 14, то, по словам государства-участника, они отвечают предусмотренным в ней гарантиям. Дело автора рассматривалось Отделом по делам беженцев Совета по вопросам иммиграции и беженцев, который является независимым органом. Автор знал, что в этом деле он был представлен адвокатом и у него имелась полная возможность участвовать в рассмотрении этого дела, включая дачу устных показаний и представление письменных материалов. Он имел доступ к процедуре судебного пересмотра, а также право подать апелляцию по гуманитарным причинам и соображениям сострадания.

4.11 Что касается общих утверждений автора относительно порядка пересмотра дела Федеральным судом и процедур ОРДВ, то государство-участник отмечает, что оценка канадской системы правосудия в целом не входит в сферу компетенции Комитета, и он уполномочен рассматривать лишь вопрос о том, выполнила ли в данном случае Канада свои обязательства по Пакту. В любом случае существуют предшествующие решения международных трибуналов, в том числе решения самого Комитета, в которых оспариваемые процедуры считаются эффективными средствами правовой защиты⁶. Хотя недавно Комитет против пыток выразил сомнение относительно эффективности процедуры ОРДВ при рассмотрении дела одного из заявителей⁷, полагая, что оценка степени риска будет ограничена изучением новых свидетельств по делу, в рассматриваемом сейчас случае сотрудник службы ОРДВ при проведении оценки той опасности, с которой автор может столкнуться после возвращения, проанализировал все представленные автором свидетельства и его показания, включая новые свидетельства и свидетельства, ранее представленные Совету.

4.12 Если Комитет сочтет это сообщение приемлемым, государство-участник просит Комитет отклонить дело по существу.

Комментарии автора

5.1 20 марта и 3 сентября 2005 года автор прокомментировал представления государства-участника. Для того чтобы продемонстрировать, что ему будет угрожать опасность подвергнуться пыткам при возвращении в Пенджаб, он подробно охарактеризовал исторически сложившуюся в Пенджабе ситуацию начиная с 80-х годов. Что касается противоречий, которые якобы содержатся в его показаниях, то автор утверждает, что нет ничего необычного в том, что его история могла

---

⁵ В этой связи государство-участник ссылается на дело *И.Л. против Канады*, сообщение №112/1981 (1986), Решение принято 8 апреля 1986 года, *В.М.Р.Б. против Канады*, сообщение № 236/1987, Решение принято 18 июля 1988 года, и *Ахани против Канады*, сообщение № 1051/2002, Соображения приняты 29 марта 2004 года.

⁶ Межамериканская комиссия по правам человека, Организация американских государств, Доклад о положении в области прав человека, просителей убежища, в канадской системе определения статуса беженца (2000 год). Соображения Комитета по правам человека: *Абу против Канады*, сообщение № 654/1995, Соображения приняты 18 июля 1997 года; *Баду против Канады*, сообщение № 603/1994, Соображения приняты 18 июля 1997 года; *Нарти против Канады*, сообщение № 604/1994, Соображения приняты 18 июля 1997 года. Комитет против пыток, решения: *П.С.С. против Канады*, сообщение № 66/1997, Соображения приняты 13 ноября 1998 года; *П.С. против Канады*, сообщение № 86/1997, Соображения приняты 18 ноября 1999 года; *Р.К. против Канады*, сообщение № 42/1996, Соображения приняты 20 ноября 1997 года; *Л.О. против Канады*, сообщение № 95/1997, Соображения приняты 19 мая 2000 года; *М.А. против Канады*, сообщение № 22/1995, Соображения приняты 3 мая 1995 года. Европейский суд по правам человека: *Вилваваджа и другие против Соединенного Королевства*, 14 EHRR-218 (1991), пункт 126.

⁷ См. дело *Фалькон Риос против Канады*, сообщение № 133/1999, Соображения приняты 23 ноября 2004 года.

напоминать рассказы других водителей грузовиков из числа сикхов, поскольку большое число сикхов работает водителями грузовиков и многие из них подвергались задержанию и пыткам за то, что они подвозили экстремистов, или по подозрению в том, что они доставляли им боеприпасы. Он отрицает факт противоречивых показаний о своем работнике, и заявляет, что его шурин в настоящее время скрывается, а его сын подвергался преследованиям. Несмотря на утверждения государства-участника об обратном, автор настаивает, что Совету были представлены фотографии шрамов на его спине. Он отрицает, что службе ОРДВ не было представлено никаких новых свидетельств, ссылаясь в этой связи на affidavits четырех местных мэров, свидетельствующие об опасности, которой он подвергнется в случае возвращения, и о задержании его жены и сына.

5.2 Что касается его утверждений о пытках, то автор заявляет, что, согласно свидетельствам, которые были представлены Комиссии по правам человека Индии, индийским судам и международным правозащитным организациям, задержания и пытки, о которых он говорит, - это *modus operandi* пенджабской полиции. Автор отмечает, что выдержки из доклада Датской иммиграционной службы, на который ссылаются национальные органы власти, не отражают тех выводов, которые действительно содержатся в докладе. Произвольные аресты продолжают происходить, лица, не являющиеся руководителями экстремистов, находятся в опасности, и очевидной возможности найти другое место жительства в стране нет. Его показания подтверждаются другими докладами, в том числе докладом организации "Международная амнистия" за 2003 год. Автор представляет дополнительную информацию, свидетельствующую о неадекватности системы рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища в рамках процедуры ОРДВ и в Федеральном суде.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Что касается утверждения автора о том, что ему не было предоставлено эффективного средства правовой защиты для опротестования решения о депортации, то Комитет отмечает, что автор не обосновал, почему в решении канадских властей не было в достаточной степени и справедливым образом учтено его утверждение о том, что в случае возвращения в Индию ему будет угрожать опасность стать жертвой нарушений статей 6 и 7. В этих условиях Комитету нет необходимости устанавливать, подпадают ли связанные с депортацией автора процедуры под действие статей 13 (в качестве решения, по которому высылается иностранец, находящийся в стране на законных основаниях) или 14 (определение прав и обязанностей в судебном процессе)⁸. Таким образом, эта часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.3 Комитет отмечает, что государства-участники не должны подвергать физических лиц реальной опасности смерти или пыток, а также жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания по их возвращении в другую страну посредством выдачи, высылки или принудительного возвращения⁹. Поэтому Комитет должен принять решение о том, имеются ли существенные основания полагать, что обязательным и предсказуемым следствием принудительной высылки автора в Индию будет являться обращение, запрещенное статьями 6 и 7¹⁰. Комитет отмечает, что Отдел по делам беженцев Совета по вопросам иммиграции и беженцев после тщательного рассмотрения этого вопроса отклонил ходатайство автора о предоставлении убежища

⁸ См. Соображения Комитета относительно сообщения № 1051/2002, *Ахани против Канады*, пункт 10.5.

⁹ См. замечание общего порядка № 20 [47], 1992, пункт 9.

¹⁰ См. Соображения относительно сообщения 706/1996, *Т. против Австралии*, 4 ноября 1997 года, пункты 8.1 и 8.2; и сообщения № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, 28 июля 1997 года, пункт 6.9.

ввиду недостоверности его показаний и представленных им свидетельств (пункт 2.4 выше) и на основании того, что его ходатайство в рамках процедуры оценки опасности до возвращения было отклонено по тем же основаниям. Комитет отмечает далее, что в обоих случаях ходатайства о разрешении на подачу апелляции были отклонены Федеральным судом (пункт 2.5 выше). Автор не продемонстрировал в достаточной степени, почему эти решения противоречат вышеуказанной норме, и не представил достаточных свидетельств в поддержку своего утверждения о том, что в случае депортации в Индию он подвергнется реальной и непосредственной опасности в нарушение статей 6 и 7 Пакта. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу о том, что эта жалоба неприемлема также в силу недостаточной обоснованности согласно статье 2 Факультативного протокола.

7. С учетом этого Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

Сообщение № 1341/2005

Представлено: Эрнстом Цюнделем (представлен адвокатом Барбарой Кулашкой)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Канада

Признано неприемлемым: 20 марта 2007 года

Тема сообщения: отрицание Холокоста, депортация лиц, представляющих угрозу для национальной безопасности

Процедурные вопросы: исчерпание внутренних средств правовой защиты, злоупотребление правом представления сообщений, неприемлемость *ratione materiae*

Вопросы существа: произвольное содержание под стражей, условия содержания под стражей, справедливое разбирательство компетентным и беспристрастным судом, презумпция невиновности, необоснованная задержка, свобода мнения и выражения своего мнения, дискриминация, понятие "в каком-либо гражданском процессе"

Статьи Пакта: статья 7; пункты 1 и 3 статьи 9; статья 10; пункты 1, 2 и 3 статьи 14; статьи 18; 19 и 26

Статьи Факультативного протокола: статья 3 и пункт 2 b) статьи 5

1.1 Автором сообщения является Эрнст Цюндель, гражданин Германии, 1939 года рождения, в настоящее время находящийся в заключении в Германии после его депортации из Канады в Германию. Он утверждает, что является жертвой нарушений Канадой¹ статьи 7; пунктов 1 и 3 статьи 9; статьи 10; пунктов 1, 2 и 3 статьи 14; статей 18, 19 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом Барбарой Кулашкой.

1.2 10 января и 1 марта 2005 года Специальный докладчик по новым сообщениям и временным мерам отказал автору в просьбах о принятии временных мер с целью предотвращения его депортации из Канады в Германию.

---

¹ Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Канады 19 августа 1976 года.

1.3 11 марта 2005 года Специальный докладчик Комитета по новым сообщениям вынес решение о раздельном рассмотрении вопроса о приемлемости и существа сообщения.

Факты в изложении автора

2.1 Автор проживал в Канаде 42 года - с 1958 года по 2000 год - в качестве постоянного жителя. В 1959 году он женился на канадке и теперь имеет в Канаде двух сыновей и несколько внуков. В конце 60-х годов министр по вопросам иммиграции отказал автору в его прошении о предоставлении канадского гражданства без объяснения ему причин такого отказа. Он писал и публиковал через собственную издательскую компанию материалы о том, что, согласно описанию автора, является антигерманской пропагандой. В 1980-х годах он опубликовал брошюру, озаглавленную "Действительно ли умерло 6 миллионов?", в которой рассматривается такой вопрос истории, как обращение Германии с евреями во время второй мировой войны, и выражается сомнение относительно того, что нацистами были убиты 6 млн. евреев. Он также высказал сомнение в том, что в таких концентрационных лагерях, как Освенцим и Биркенау, когда-либо существовали газовые камеры. В 1984 году Сабина Ситрон, руководитель Канадской ассоциации памяти жертв Холокоста, предъявила ему частное обвинение в совершении уголовного преступления, заключающегося в распространении им неверных новых сведений в своей брошюре. Затем в качестве государственного обвинителя по этому делу выступила верховная власть.

2.2 Согласно автору, в 1984 году, незадолго до начала его судебного процесса, рядом с его домом взорвалась бомба, в результате чего был поврежден его гараж. Никто не был привлечен к ответственности за это правонарушение. В дни его явки в суд его избивали на ступенях, ведущих в здание суда, предположительно члены одной агрессивной еврейской группы. Никто не был осужден за эти нападения.

2.3 Автор был осужден в соответствии с предъявленным ему обвинением и отбыл 15-месячное тюремное заключение, а также прошел трехлетний испытательный период, в течение которого он ничего не должен был "публиковать или публично высказывать - прямо или косвенно, от своего имени или от имени других лиц, юридических или физических - по вопросу о Холокосте или по любому другому вопросу, прямо или косвенно связанному с Холокостом". Автор подал апелляцию на решение суда о его осуждении, и ему был назначен новый суд. В мае 1988 года он был осужден по обвинению в распространении неверных новых сведений в вышеупомянутой брошюре и приговорен к девяти месяцам тюремного заключения. Апелляция, с которой он обратился в Апелляционный суд Онтарио, была отклонена 5 февраля 1990 года. Однако по апелляции в Верховный суд Канады в 1992 году автор был оправдан на том основании, что закон о "неверных новых сведениях" был применен в нарушение гарантированных прав автора на свободу выражения своего мнения.

2.4 В 1993 году автор вновь подал прошение о предоставлении ему канадского гражданства. Когда этот факт стал известен прессе, в различных газетах были опубликованы материалы и редакторские статьи с требованием не предоставлять ему гражданство ввиду его ревизионистских взглядов. Согласно автору, весной 1994 года несколько уличных марксистских групп попытались вынудить его уехать из своего района. Распространялись брошюры, в которых его называли "подстрекателем", "поборником превосходства белой расы". В Торонто были развешаны плакаты, на которых его лицо было видно через "прицел ружья". На этих же плакатах указывалось его место жительства и давались инструкции о том, как следует изготавливать "коктейль Молотова". Автор обращался с жалобами в полицию, но никакого расследования проведено не было. 14 апреля 1995 года он получил по почте от группы, называющейся "Антифашистское ополчение", бритвенное лезвие, прикрепленное к мышеловке. Группа предупреждала его, что в следующий раз придет бомбу. Никто не был привлечен к ответственности за это.

2.5 В конце мая 1995 года автор получил по почте взрывное устройство в виде трубки. Посылка вызвала у него подозрения, и он, не открывая, отнес ее в полицию. Торонтская полиция установила, что бомба убила бы человека, открывшего посылку, и любого другого в радиусе 90 метров от места

взрыва. По мнению автора, Канадская служба безопасности и разведки знала о бомбе. Хотя в марте 1998 года были предъявлены обвинения двум мужчинам, они не обвинялись в совершении покушения на жизнь автора. В 2000 году все обвинения с них были сняты.

2.6 В августе 1995 года автор получил уведомление о том, что его ходатайство о предоставлении ему гражданства было отклонено, поскольку, по мнению министра по вопросам гражданства и иммиграции, имелись веские основания полагать, что он представляет угрозу для национальной безопасности Канады. В октябре 1995 года он получил заявление с изложением обстоятельств, в котором разъяснялось, почему он представляет угрозу для безопасности. Хотя он никогда сам не совершал никакого насилия, его статус в составе "правого крыла" означал, что он может побуждать других прибегнуть к насилию в будущем. В декабре 2000 года автор отозвал свое ходатайство о предоставлении гражданства.

2.7 В 2000 году автор покинул Канаду и переехал с женой на жительство в США. 19 февраля 2003 года он был депортирован из США в Канаду по причине нарушений иммиграционных правил. Он обратился с просьбой о предоставлении убежища и сначала был задержан на основании положений раздела 55² Закона об иммиграции и защите беженцев (Закон). 24 февраля 2003 года Отдел защиты беженцев был уведомлен Канадской комиссией по вопросам гражданства и иммиграции о том, что положения раздела 103(1) закона требуют от Отдела приостановить рассмотрение ходатайства о предоставлении статуса беженца на том основании, что дело автора было направлено в Отдел по иммиграции для решения вопроса о его приемлемости или неприемлемости по соображениям национальной безопасности.

2.8 Состоялось несколько слушаний по пересмотру решения о помещении автора под стражу в соответствии с разделом 58 закона. В ходе каждого такого слушания сообщалось, что министр принимает меры по выяснению наличия веских оснований полагать, что автор представляет угрозу для национальной безопасности.

2.9 1 мая 2003 года министр по вопросам гражданства и иммиграции и Генеральный солиситор Канады (министры) выпустили свидетельство, в котором указывается, что автор не может находиться в Канаде по соображениям безопасности в соответствии с разделом 77 Закона³. Ему был вручен ордер на арест в соответствии с разделом 82 Закона⁴ в тот момент, когда он находился в Ниагарском центре содержания под стражей. Этот вопрос был передан в Федеральный суд Канады для рассмотрения обоснованности свидетельства о безопасности и необходимости дальнейшего содержания автора под стражей до тех пор, пока не будет установлена обоснованность свидетельства о безопасности. В соответствии с разделом 77 Закона суд рассмотрел in camera информацию,

---

² Раздел 55(1) гласит: "Сотрудник может выдать ордер на арест и содержание под стражей постоянного жителя или иностранного гражданина в тех случаях, когда у него имеются веские основания полагать, что его пребывание в стране недопустимо и он представляет опасность для общества или что он вряд ли явится на рассмотрение его дела и слушание вопроса о допустимости его пребывания в стране или для выдворения из Канады".

³ Раздел 77(1): "Министр и Генеральный солиситор Канады подписывают свидетельство, в котором указывается, что постоянный житель или иностранный гражданин не может находиться в стране по соображениям безопасности, нарушения прав человека или международных прав, серьезной преступности или организованной преступности и направляет его в Федеральный суд, который выносит постановление согласно разделу 80".

⁴ Раздел 82(1): "Министр и Генеральный солиситор Канады могут выдать ордер на арест и содержание под стражей постоянного жителя, поименованного в свидетельстве, упомянутом в подразделе 77(1), если они имеют веские основания полагать, что этот постоянный житель представляет опасность для национальной безопасности или безопасности любого лица или вряд ли явится на разбирательство или для выдворения из страны".

представленную министрами, и определил, какие части этой информации не подлежат раскрытию, поскольку их раскрытие нанесет ущерб национальной безопасности. 5 мая 2003 года суд распорядился о предоставлении автору "заявления с кратким изложением информации и доказательств" (резюме), в котором охарактеризованы позиция автора в рамках движения за превосходство белой расы и его контакты с членами этого движения и другими правыми экстремистами. Помимо резюме, министры предоставили автору справочник объемом более 1 600 страниц по несекретным документам, подтверждающим информацию, изложенную в резюме.

2.10 6 мая 2003 года автор направил в Федеральный суд Канады уведомление по конституционному вопросу. В уведомлении указывалось, что он намерен опротестовать конституционность системы свидетельств о безопасности по той причине, что в ней не соблюдается Канадская хартия прав и свобод (Хартия). В 2003 году он опротестовал в Высшем суде Онтарио заключение его под стражу на основании предписания о доставке в суд и одновременно с этим - конституционность закона. 14 октября 2003 года он остановил рассмотрение федеральным судом своей жалобы на неконституционность, отозвав свое уведомление по конституционному вопросу. 25 ноября 2003 года Высокий суд отказался заслушивать его ходатайство на том основании, что оно представляло собой попытку обойти всеобъемлющую нормативную схему и посягнуть на уже развернувшийся процесс, а также на том основании, что доводы относительно конституционности уже рассматриваются Федеральным судом. Это решение было подтверждено после рассмотрения апелляции 10 мая 2004 года Апелляционным судом Онтарио и 21 октября 2004 года Верховным судом.

2.11 Со ссылкой на пересмотр процедуры свидетельств автор утверждает, что против него был представлен "секретный" доказательственный материал, к которому ни он, ни его адвокат не имели доступа. В ходе заслушивания не был заслушан ни один из свидетелей, который дал бы показания против него, и единственным существенным доказательством против него являлись пять томов, состоящих в основном из газетных статей, статей, опубликованных другими органами массовой информации, распечаток материалов с вебсайтов, выдержек из книг и аналогичных материалов, написанных людьми, которых министры не вызвали в качестве свидетелей. Безуспешно вносились предложения об отводе председательствующего судьи Федерального суда (председательствующего судьи) от данного дела по причине его предубежденности, в подтверждение чего был, в частности, приведен тот факт, что он являлся ранее Генеральным солиситором, ответственным за функционирование Канадской службы безопасности и разведки (КСБР) - организации, предоставлявшей все свидетельские показания против автора в данный период времени. По последнему из этих предложений об отводе Федеральный апелляционный суд 23 ноября 2004 года постановил, что автор не представил весомых доводов в обоснование предполагаемой предубежденности судьи. В период представления своих материалов автором и государством-участником автор по-прежнему ожидал решения Верховного суда Канады по вопросу о том, станет ли он рассматривать апелляцию на это решение (см. пункт 4.18 ниже, касающийся решения Верховного суда).

2.12 21 января 2004 года судья, председательствовавший на заседании по пересмотру решений о выпуске свидетельства о безопасности и содержании автора под стражей, вынес решение о дальнейшем содержании автора под стражей, поскольку был сделан вывод, что он представляет угрозу для национальной безопасности. Суд пришел к выводу, что автор был непосредственно связан с рядом лиц, участвующих "насиленном расистском и экстремистском движении", и консультировал их. Несмотря на утверждение автора о том, что его участие ограничивалось общим интересом к проповедуемым этим движением идеям, суд пришел к выводу, что автор поддерживал довольно тесные отношения с этими лицами и в ряде случаев финансировал их деятельность. Суд постановил, что министры соблюли критерии весомого обоснования того, что автор представляет угрозу для национальной безопасности и поэтому должен и впредь содержаться под стражей. Председательствующий судья отказался освободить автора под залог, хотя он и не прибегал к насилию. Автор утверждает, что по закону он не имеет права обжаловать решение председательствующего судьи об отказе ему в освобождении под залог.

2.13 24 ноября 2004 года автор подал в Федеральный суд исковое заявление, в котором он утверждал, что положения закона, на основании которых он содержался под стражей, нарушают положения разделов 7, 9 и 10 с)⁵ Хартии и что содержание под стражей в одиночной камере, пока федеральный суд рассматривает обоснованность выпуска свидетельства о безопасности, является незаконным и неконституционным.

2.14 Слушание вопроса об обоснованности выпуска свидетельства о безопасности завершилось 4 ноября 2004 года. Федеральный суд подтвердил обоснованность выпуска свидетельства о безопасности со ссылкой на основания, опубликованные 24 февраля 2005 года. Он пришел к выводу, что доказательства, приведенные в поддержку свидетельства, недвусмысленно указывали на то, что автор представляет угрозу для безопасности Канады. Автор не предпринял каких-либо дальнейших юридических шагов для предотвращения депортации, которая стала возможной в результате принятия этого решения Федеральным судом, и 1 марта 2005 года был депортирован из Канады в Германию, где его вскоре арестовали по обвинению в публичном отрицании Холокоста. 14 февраля 2007 года региональный суд Мангейма осудил автора за возбуждение расовой ненависти и отрицание Холокоста, приговорив его к пяти годам тюремного заключения.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что он стал жертвой нарушения статей 7 и 10 в силу его длительного (с февраля 2003 года по март 2005 года) содержания под стражей и с учетом условий содержания. Он жалуется на то, что в результате длительного содержания под стражей в одиночной камере он страдает от депрессии. Он утверждает также, что ему не разрешается иметь стул в камере и носить обувь; свет в его камере горит круглосуточно, и только ночью накал ламп несколько снижается; ему не разрешают пользоваться авторучкой, и поэтому он пишет только огрызком карандаша; ему не разрешают принимать лекарственные средства из трав от артрита и высокого артериального давления; его просьба о посещении стоматолога игнорировалась в течение года; ему разрешены только 10-минутные ежедневные прогулки на открытом воздухе и он не имеет доступа к спортивному залу и спортивным снарядам, например для ходьбы или выполнения других физических упражнений; зимой в его камере холодно, и ему приходится заворачиваться в простыни и одеяла; пища всегда бывает холодной и низкого качества; часто корреспонденция задерживается на несколько недель; много раз ему устраивали ненужные личные досмотры с раздеванием; он чувствует в груди какую-то "массу", которая "может оказаться" раковой опухолью. Несмотря на то что компетентным органам уже более года известно о его состоянии, они тем не менее отказали ему в освобождении под залог.

3.2 Автор утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 9, поскольку государство-участник не обеспечило ему личную неприкосновенность, в частности не провело расследований и не возбудило преследования по упомянутым выше многочисленным фактам угроз и нападениям на него лично и на имущество.

3.3 Он утверждает, что был нарушен пункт 3 статьи 9 ввиду его предположительно произвольного и длительного содержания под стражей и отказа ему в освобождении под залог. Хотя он был

---

⁵ Раздел 7 Хартии: "Каждый имеет право на жизнь, свободу и личную безопасность и не может быть лишен этого права, кроме как в соответствии с основополагающими принципами правосудия".

Раздел 9: "Каждый имеет право на защиту от произвольного лишения свободы и заключения в тюрьму".

Раздел 10: "Каждый имеет право в случае ареста или задержания: а) быть информированным о мотивах своего ареста или задержания; б) безотлагательно обращаться к помощи адвоката и быть информированным об этом праве; и с) иметь возможность проверить законность своего задержания посредством процедуры *habeas corpus* и быть освобожденным в случае незаконного задержания".

помещен под стражу в соответствии с положениями национального законодательства по вопросам безопасности, его не информировали о сути "реального" дела, заведенного на него. Согласно адвокату, правительство признало, что составленное на него дело не содержит доказательств того, что он представляет угрозу для национальной безопасности. Таким образом, реальное дело на него представляется судьбе в рамках секретных процедур, при этом автор не имеет доступа к соответствующей информации и возможности опротестовать ее. Слушание по вопросу о его содержании под стражей не было организовано своевременно, и потребовалось восемь месяцев для принятия решения об отказе ему в освобождении под залог. Ему было отказано в освобождении под залог, несмотря на то, что он никогда не допускал насилия, не имел судимости в Канаде и выполнял все условия освобождения под залог, которые были установлены для него в 1985-1992 годах в ходе возбужденного в тот период уголовного преследования. Процедуры обжалования отказа в освобождении под залог не существуют.

3.4 Автор утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку ему было отказано в оперативном и справедливом разбирательстве компетентным и беспристрастным судом. Он утверждает далее, что был нарушен пункт 2 статьи 14, поскольку он не считался невиновным. Производство по его делу ведется не по уголовному законодательству, а по национальному законодательству по вопросам безопасности. Он не обвиняется в совершении какого-либо правонарушения, но классифицируется как лицо, "участвующее в терроризме", "представляющее угрозу для безопасности Канады", "участвующее в актах насилия, которые ставят или могут поставить под угрозу жизнь и безопасность лиц в Канаде" и "являющегося членом организации, в отношении которой имеются веские основания полагать, что она участвует, участвовала или будет участвовать" в вышеупомянутых актах. Ему грозит депортация в Германию, где он может подвергнуться дальнейшему преследованию за правонарушения, не предусмотренные в Канаде. Он утверждает, что его следует считать невиновным, что его дело должно быть надлежащим образом рассмотрено и что от правительства следует потребовать представить веские доказательства по его делу, а не просто ссылки на обоснованность принятых мер. И наконец, автор утверждает, что был нарушен пункт 3 статьи 14 в силу необоснованной задержки в направлении его дела в суд и нарушения всех прав на надлежащую процедуру и справедливое разбирательство, поскольку он обоснованно полагает, что председательствующий судья Федерального суда был предубежден против него как бывший Генеральный солиситор Канады, который в 1989 году в качестве министра непосредственно отвечал за работу службы КСБР, т.е. в тот период, когда было объявлено, что автор представляет угрозу для безопасности.

3.5 Автор утверждает, что были нарушены статьи 18 и 19, поскольку, по его мнению, он был помещен под стражу за то, что имел свое мнение по историческим вопросам и выражал его. Его зачислили в категорию лиц, представляющих угрозу для национальной безопасности, с учетом того, что он якобы мог бы сказать в будущем и того, что могли бы сделать другие лица, слушающие его и читающие его материалы. Он никогда не допускал насилия. Хотя государству-участнику, возможно, не нравятся его взгляды на историю, он никогда не обвинялся в разжигании ненависти к евреям или какой-либо другой группе в Канаде, несмотря на то, что многие группы добивались предъявления ему таких обвинений. Он утверждает, что основу для его содержания под стражей со ссылкой на угрозу, которую он якобы представляет для национальной безопасности, составляет его убеждение в том, что многочисленные аспекты раздела общепринятой историографии, касающиеся судьбы евреев во время второй мировой войны, требуют дальнейших исследований и пересмотра, а также его работа по предоставлению такой информацией другим лицам. Он утверждает, что это - тот вид деятельности, на защиту которого направлены статьи 18 и 19, и что выдвинутые против него обвинения, согласно которым он представляет угрозу для национальной безопасности, являются политически мотивированными и произвольными и таким образом представляют собой нарушение этих статей.

3.6 И наконец, он утверждает, что была нарушена статья 26, поскольку на протяжении многих лет канадские власти не обращались с ним на равных условиях с другими, он подвергался дискриминации и ему было отказано в предоставлении гражданства за его взгляды на историю и

политические убеждения. Неоднократно на автора подавались жалобы, и он подвергался преследованиям за одни и те же публикации, включая публикацию под названием "Действительно ли умерло 6 миллионов?" Эти преследования велись на основании различных нормативных документов, касающихся почты, преступлений, прав человека и национальной безопасности, однако все они имели своей целью подвергнуть преследованию автора за разрешенное законом выражение его мнений о второй мировой войне. Предположительно государство-участник использовало утверждение, что он представляет угрозу для безопасности Канады, с целью отказать ему в предоставлении гражданства, что представляет собой дискриминационное применение положений о национальной безопасности.

3.7 По вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты автор со ссылкой на продолжающееся рассмотрение Федеральным судом его заявления, в котором опротестовывается решение о содержании под стражей и конституционность примененного законодательства, утверждает, что на производство по этому делу может уйти до 5 лет и что период исчерпания внутренних средств правовой защиты будет таким образом неоправданно длительным. Он добавляет, что срок его содержания под стражей неограничен, поскольку в случае отзыва свидетельства как необоснованного государственное обвинение может выпустить новое свидетельство и заново начать весь процесс.

3.8. Автор утверждает, что к каким-либо другим процедурам расследования или урегулирования он с жалобами не обращался.

Замечания государства-участника

4.1 9 марта 2005 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения на трех основаниях: неисчерпание внутренних средств правовой защиты, неприемлемость *ratione materiae* в отношении утверждений по статьям 9 и 14 и злоупотребление правом представления сообщения в связи с утверждениями, касающимися пункта 1 статьи 9.

4.2 Государство-участник утверждает, что автор является одним из лидеров движения за превосходство белой расы, которое уже давно существует и пользуется скандальной известностью в Канаде. Он поддерживал связь с влиятельными и прибегающими к насилию лицами и организациями в рамках движения за превосходство белой расы как на национальном, так и на международном уровнях, и оказывал влияние на них; последние распространяли агрессивные послания, разжигающие ненависть, и выступали за разрушение правительств и многокультурных обществ. Его статус в рамках движения за превосходство белой расы таков, что участники этого движения горят желанием воплотить в жизнь его идеологию. Государство-участник полагает, что автор настолько активно занимается распространением серьезного политического насилия, что его можно приравнять к тем, кто фактически совершает соответствующие акты. На этом основании оно утверждает, что автор действительно представляет угрозу для национальной безопасности государства-участника и международного сообщества и это оправдывает его депортацию.

4.3. Государство-участник отмечает, что рассмотрение в суде материалов, доказывающих обоснованность выпуска свидетельства о безопасности и необходимость дальнейшего содержания автора под стражей, проводилось в различные сроки в течение 2003 и 2004 годов. В частности, в 2003 году сроки рассмотрения увеличились по причине неоднократного отсутствия адвоката автора. Слушание также прерывалось несколько раз по причине обращения автора в последнюю минуту с ходатайствами, в том числе об отводе судьи якобы по причине его предубежденности, в которых ему было отказано.

4.4 В связи с вопросом о приемлемости государство-участник утверждает, что автор не доказал того, что исчерпание средств правовой защиты заняло бы неоправданно много времени. Государство-участник ссылается на решения Комитета, согласно которым попытки восстановить справедливость в случае предполагаемых нарушений прав и свобод, подобных тем, которые

гарантируются Хартией и другими инструментами публичного права, путем обычного судебного разбирательства, не могут рассматриваться как неоправданно затянутые по смыслу статьи 5 (2) b) Факультативного протокола⁶. Оно утверждает далее, что автор не исчерпал имеющихся в его распоряжении средств правовой защиты и что он имплицитно признал, что не сделал этого.

4.5 Что касается утверждений автора относительно нарушения статей 7 и 10, то государство-участник указывает, что Хартия гарантирует, что условия содержания под стражей основываются на принципе уважения достоинства заключенных. Автор мог бы потребовать улучшения условий его содержания под стражей в соответствии с любыми положениями разделов 2, 7, 8, 10 и 12 Хартии. Кроме того, содержание автора под стражей регулировалось другими более конкретными юридическими нормами, применение которых по решению национального суда в результате судебного пересмотра могло бы явиться правовым средством исправления положения, на которое жаловался автор⁷.

4.6 По поводу утверждений автора, что были нарушены пункты 1 и 3 статьи 9, касающиеся его содержания под стражей, государство-участник отмечает, что автор возбудил на национальном уровне судебное разбирательство на основании Хартии, жалуюсь по сути дела на те же нарушения, какие упоминаются в связи со статьей 9 в настоящем сообщении. В иске о неконституционности, с которым автор обратился в Федеральный суд Канады, утверждается, что при применении к автору процедуры выпуска свидетельства о национальной безопасности были нарушены разделы 7, 9 и 10 с) Хартии. Как и в данном сообщении автор утверждает, что имели место нарушения Хартии, заключавшиеся в нераскрытии всех имевшихся против него доказательственных материалов, большой продолжительности его содержания под стражей и необеспечении быстрого и справедливого разбирательства. С учетом имеющихся в распоряжении автора внутренних средств правовой защиты, которыми он фактически в настоящий момент пользуется, государство-участник заявляет, что эта часть сообщения является неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.7 Что касается заявления автора по пункту 1 статьи 9, касающегося предполагаемых нарушений, которые имели место в результате инцидентов, происшедших в период 1984-1995 годов, то государство-участник утверждает, что автор не продемонстрировал, что он когда-либо пытался использовать имевшиеся в его распоряжении внутренние средства правовой защиты для устранения последствий любого доказанного неправомерного действия должностных лиц правоприменительных органов и/или государственных обвинителей. В распоряжении автора имелись и в принципе до сих пор имеются различные средства судебной защиты, включая судебный пересмотр на основаниях *mala fides*, предубежденности, явной ошибочности, злоупотребления полномочиями и т.д. и возможность подачи исков на основе Хартии. Кроме того, в качестве эффективных средств правовой защиты можно было бы использовать административные процедуры подачи жалоб, однако автор, очевидно, и этими средствами правовой защиты не воспользовался. Автор не утверждает, что он использовал такие средства правовой защиты в отношении правоприменительных учреждений, на которые он пытается возложить вину. Опять же в связи с утверждением о том, что был нарушен пункт 1 статьи 9, государство-участник дополнительно указывает, что автор не проявил усердия при представлении своих жалоб на то, что государство-участник не обеспечило его безопасности, поскольку не провело расследований и не возбудило преследований в связи с нападением на него и покушением на его имущество в период 1984-1995 годов. С точки зрения государства-участника,

---

⁶ Государство-участник ссылается на сообщение № 67/1980, *Э.Х.П против Канады*, решение от 27 октября 1982 года, пункт 8; сообщение № 358/1989, *Р.Л. и др. против Канады*, решение от 5 ноября 1991 года, пункт 6.4; сообщение № 228/1987, *К.Л.Д. против Франции*, решение от 18 июля 1988 года, пункт 5.3; и сообщение № 296/1998, *Дж.Р.К против Коста-Рики*, решение от 30 марта 1989 года, пункт 8.3.

⁷ См. разделы 28 и 33-34 *Закона о Министерстве исправительных служб, ППО*, 1990 год, положение 778, которое предоставляет таким заключенным, содержащимся в пенитенциарных учреждениях Онтарио, как автор, возможность подать жалобу на обращение с ними.

задержка в десять-двадцать лет без серьезных уважительных причин делает эту жалобу неприемлемой и позволяет рассматривать ее как злоупотребление правом представления сообщения⁸.

4.8 В отношении утверждения автора, что были нарушены пункты 1-3 статьи 14, государство-участник указывает, что автор возбудил внутреннее рассмотрение дела в Федеральном суде Канады на основе по сути дела тех же самых жалоб, какие упоминаются в связи со статьей 14 в настоящем сообщении⁹. Один его иск касается предположительной предубежденности председательствующего судьи в вопросе об обоснованности свидетельства о национальной безопасности и текущих пересмотров решения о его содержании под стражей¹⁰, тогда как в другом иске автора опротестовывается конституционность процедуры выпуска свидетельства о национальной безопасности, которая была применена к нему. Оспаривая конституционность, автор ссылается на нарушение разделов 7, 9 и 10 с) Хартии в отношении проведения оперативных и справедливых слушаний, включая такие вопросы, как стандарт доказывания, раскрытие свидетельских показаний и доказательств и процессуальные права, а также в отношении продолжительности и законности его продолжающегося содержания под стражей. С учетом имеющихся внутренних средств правовой защиты, которые фактически до сих пор используются автором, государство-участник считает, что эта часть дела является неприемлемой по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.9 В связи с утверждениями автора, что были нарушены статьи 18 и 19 Пакта, государство-участник указывает, что раздел 2 Хартии защищает свободу совести, мысли, мнения и выражения, которая в соответствии с положениями статей 18 и 19 Пакта ограничивается в тех случаях, когда это обусловлено потребностями свободного и демократического общества. Автор не использовал это потенциальное внутреннее средство правовой защиты, и, таким образом, данная часть его жалобы является неприемлемой.

4.10 В связи с утверждением относительно дискриминации по смыслу статьи 26 государство-участник указывает, что раздел 15 Хартии гарантирует каждому человеку право на равенство без какой-либо дискриминации. Оно ссылается на предыдущее решение Комитета по делу, касающемуся данного автора¹¹, и напоминает, что неиспользование положений раздела 15 для обращения во внутренние инстанции с конкретной жалобой на дискриминацию делает эту жалобу неприемлемой для Комитета.

4.11 Государство-участник утверждает, что автор не обосновал своих утверждений. В отношении утверждения автора, что была нарушена статья 9, оно отмечает, что речь идет о его помещении под стражу как лица, представляющего угрозу для национальной безопасности, и ссылается на решение Комитета, согласно которому *ipso facto* нет ничего произвольного в заключении под стражу

---

⁸ См. сообщение № 787/1997, *Гобин против Маврикия*, соображения, принятые 16 июля 2001 года, пункт 6.3.

⁹ Хотя теперь автор уже депортирован из Канады, по закону это обстоятельство не исключает возможности продолжения им своей тяжбы и вовсе не обязательно лишает его какого-либо важного средства правовой защиты, если в конечном итоге он добьется успешных результатов. В соответствии с разделом 24 (1) Хартии и разделом 52 Закона о Конституции 1982 года канадские суды обладают широкими полномочиями по устранению любых неконституционных явлений.

¹⁰ На момент представления государством-участником своих материалов Верховный суд Канады рассматривал последнее ходатайство автора об отводе председательствующего судьи на основании его предубежденности и должен был решить, предоставлять ли автору право обжалования. В праве на обжалование ему было отказано 25 августа 2005 года.

¹¹ Сообщение № 953/2000, *Цюндель против Канады*, решение о неприемлемости от 27 июля 2003 года, пункт 8.6.

иностранца на основании выданного по закону свидетельства о безопасности¹². По мнению государства-участника, из сообщения ясно видно, что автору известно, почему он был заключен под стражу в соответствии с Законом, и он знает, какие применимые в данном случае юридические стандарты регулировали его содержание под стражей и конечную депортацию. Он имел неограниченную возможность изложить различным судам и судьям свои аргументы относительно законности его продолжавшегося заключения и привести доводы, опровергающие вывод министров о том, что он представляет угрозу для национальной безопасности. Согласно конкретным положениям закона автор в качестве постоянного жителя Канады имел право на пересмотр решения о его содержании под стражей по крайней мере раз в шесть месяцев¹³. В случае автора пересмотры не привели к его освобождению, поскольку все время признавалось, что он представляет угрозу для национальной безопасности. Однако сами пересмотры имеют важное значение и могут способствовать освобождению из-под стражи. Таким образом, государство-участник утверждает, что данная жалоба автора несовместима *ratione materiae* с Пактом.

4.12 В связи с утверждениями по поводу нарушения статьи 14 государство-участник отмечает, что судопроизводство по вопросам депортации не предполагает рассмотрения какого-либо уголовного обвинения или определения прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, а по своему характеру скорее относится к публичному праву. В отношении аспекта статьи 14, касающегося "уголовного обвинения", государство-участник утверждает, что судопроизводство по вопросам депортации еще меньше связано с рассмотрением какого-либо уголовного обвинения, чем судопроизводство по вопросам экстрадиции, которое, по мнению Комитета, не подпадает под действие статьи 14¹⁴. Соответственно, государство-участник отмечает, что те утверждения автора, которые касаются конкретно пунктов 2 и 3 статьи 14, являются неприемлемыми как утверждения, несовместимые *ratione materiae* с Пактом.

4.13 В отношении аспекта статьи 14, связанного с "гражданским процессом", государство-участник вновь излагает доводы, приведенные им в деле *В.Р.М.Б. против Канады*¹⁵, которые заключаются в том, что судопроизводство по вопросам депортации не предусматривает ни рассмотрения "любого уголовного обвинения", ни определения "прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе". Судопроизводство по вопросам депортации скорее относится к сфере публичного права и предполагает способность государства регулировать вопросы гражданства и иммиграции. Комитет не пожелал высказать свое мнение по поводу того, являлось ли судопроизводство по вопросам депортации производством в рамках "какого-либо гражданского процесса", в этом деле равно как и в деле *Ахани против Канады* - еще одном деле, связанном с судопроизводством по вопросу о депортации лица, представлявшего угрозу для национальной безопасности¹⁶.

4.14 Государство-участник утверждает, что с учетом эквивалентности статьи 6 Европейской конвенции и статьи 14 Пакта *решения* Европейского суда убедительно свидетельствуют о том, что оспариваемые автором процедуры депортации не подпадают под действие статьи 14 Пакта. В этом

---

¹² Сообщение № 1051/2002, *Ахани против Канады*, соображения, принятые 29 марта 2004 года, пункт 10.2. См. также сообщение № 236/1987, *В.М.Р.Б. против Канады*, решение о неприемлемости от 18 июля 1988 года, пункт 6.3.

¹³ См. Закон об иммиграции и защите беженцев, раздел 83 (2).

¹⁴ Сообщение № 1020/2001, *Кабал и Бертран против Австралии*, соображения, принятые 7 августа 2003 года, пункт 7.6; и сообщение № 961/2000, *Эверетт против Испании*, пункт 6.4.

¹⁵ Сообщение № 236/1987, *В.Р.М.Б. против Канады*, соображения, принятые 18 июля 1988 года.

¹⁶ Сообщение № 1051/2002, *Ахани против Канады*, соображения, принятые 29 марта 2004 года, пункт 10.5.

отношении государство-участник ссылается на дело *Маауиа против Франции*¹⁷, при рассмотрении которого Европейский суд сделал вывод, что решение о том, следует или не следует разрешить иностранцу пребывать в стране, в которой он не является гражданином, не предполагает какого-либо определения его прав и обязанностей или рассмотрения любого обвинения, предъявленного ему, по смыслу пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции¹⁸.

4.15 Дополнительно государство-участник отмечает, что автор не обосновал своего утверждения о том, что пересмотры, касающиеся свидетельства о безопасности и содержания под стражей, проводились не в полном соответствии с положениями статьи 14. Депортация автора, основанная на наличии у Канады веских оснований полагать, что он представляет угрозу для национальной безопасности, происходила в соответствии с канадскими законами, справедливым и беспристрастным образом, что позволяло автору воспользоваться помощью адвоката и давало ему возможность оспорить представленные доказательства, в том числе путем вызова на допрос представителя КСБР. Если автор и был ограничен в плане опротестования выдвинутых против него доказательств, то степень ограничения определялась исключительно соображениями национальной безопасности¹⁹, и делалось это в соответствии с канадским законодательством, которое, по мнению Комитета, является удовлетворительным²⁰ и согласуется с Пактом (статья 13).

4.16 Государство-участник утверждает, что никакой предубежденности к автору в рамках судопроизводства по вопросу о его депортации не было. Национальные суды надлежащим образом взвесили фактические данные и применимые юридические принципы, прежде чем отвергнуть заявления автора в отношении предубежденности к нему. Государство-участник ссылается на предыдущее решение Комитета по этому вопросу²¹. Автор не может доказать наличия произвола или предубежденности в оценке доказательственных материалов, не говоря уже о самих этих материалах. Государство-участник отмечает, что любая жалоба на нарушение статьи 14, основанная на заявлениях в отношении предубежденности, является неприемлемой в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

4.17 16 сентября 2005 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что 25 августа 2005 года Верховный суд Канады отказал автору в праве на обжалование решения Федерального апелляционного суда от 23 ноября 2004 года. Государство-участник указывает на то, что это решение не влияет на его позицию, заключающуюся в том, что сообщение является неприемлемым, особенно в части предполагаемой предубежденности председательствующего судьи во время слушания вопроса о пересмотре решения относительно свидетельства о безопасности.

Комментарии автора

5. 3 ноября 2005 года автор сообщил, что желает, чтобы его сообщение продолжало рассматриваться, но замечания государства-участника не прокомментировал.

---

¹⁷ *Маауиа против Франции*, заявление № 39652/98, решение Европейского суда по правам человека от 5 октября 2000 года.

¹⁸ В поддержку этого заявления государство-участник приводит более десятка решений Европейского суда и представляет экземпляры всех этих решений в приложениях. К ним относятся решения по делам *Элвис Якубович против Австрии*, заявление № 36757/97, постановление Европейского суда по правам человека от 15 ноября 2001 года; и *Веселина Маринковича против Австрии*, заявление № 46548/99, постановление Европейского суда по правам человека от 23 октября 2001 года.

¹⁹ См. Закон об иммиграции и защите беженцев, раздел 9: "Защита информации".

²⁰ Сообщение № 1051/2002, *Ахани против Канады*, соображения, принятые 29 марта 2004 года, пункт 10.5.

²¹ См., например, сообщение № 1188/2003, *Ридл-Риденштайн и др. против Германии*, решение от 2 ноября 2004 года, пункт 7.3.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо содержащееся в сообщении утверждение, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость сообщения в целом. В связи с утверждениями автора по статьям 7 и 10, касающимися условий и продолжительности его содержания под стражей, государство-участник утверждает, что автор мог бы воспользоваться средствами правовой защиты от нарушений Канадской хартии, в частности средствами, предусмотренными в разделе 12, где говорится, что: "Каждый имеет право на то, чтобы не быть объектом жестокого или необычного обращения или наказания". Кроме того, автор мог бы обратиться с жалобой на условия своего содержания под стражей согласно закону о Министерстве исправительных служб, в частности согласно разделу 28 о жалобах заключенных²² и разделу 34, касающемуся сегрегации. В отсутствие каких-либо замечаний или возражений со стороны автора, который возбудил иск о конституционности в соответствии с другими разделами Хартии, Комитет делает вывод, что эта часть сообщения является неприемлемой согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.3 Что касается утверждений автора относительно нарушений пунктов 1 и 3 статьи 9, которые якобы заключались в его произвольном и длительном содержании под стражей и отказе ему в освобождении под залог, то Комитет отмечает, что автор обратился с иском о конституционности в Федеральный суд Канады, утверждая, что процедура выпуска свидетельства о национальной безопасности, примененная к нему, нарушает положения разделов 7, 9 и 10 с) Хартии. Комитет отмечает далее, что эти разделы, касающиеся свободы, произвольного содержания под стражей и пересмотра законности содержания под стражей, охватывают существенные элементы ходатайств автора по поводу его произвольного и продолжительного содержания под стражей и отказа ему в освобождении под залог в соответствии со статьей 9 Пакта. Оно отмечает, что производство по этим ходатайствам автора продолжается. Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что применение этого средства правовой защиты может неоправданно затянуться. Он отмечает, что автор обратился с ходатайством по этому вопросу 24 ноября 2004 года. Ко времени рассмотрения сообщения истекло чуть более двух лет со дня подачи первого ходатайства. Автор не разъяснил, почему он считает, что рассмотрение его иска о неконституционности могло бы длиться пять лет. В этих обстоятельствах Комитет не считает, что задержка в два года в связи с рассмотрением иска о неконституционности действий является неоправданно длительной. С учетом того, что иск о неконституционности еще рассматривается, Комитет делает вывод о том, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты по этим искам. Соответственно эта часть сообщения является неприемлемой в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 Жалоба в связи с той же статьей на то, что автор не был информирован о возбужденном против него "реальном деле", когда автор ссылается на закрытые слушания, как представляется, связана с жалобами автора по статье 14, и их было бы более целесообразно рассматривать совместно.

6.5 В связи с жалобой автора по пункту 1 статьи 9 на то, что государство-участник якобы не обеспечило безопасность автора, государство-участник утверждает, что эта часть сообщения представляет собой злоупотребление правом на представление сообщения. Комитет напоминает о том, что каких-либо предельных сроков представления сообщений в соответствии с Факультативным протоколом не установлено и что простая задержка с представлением сама по себе не означает

---

²² Раздел 28: "В тех случаях, когда заключенный утверждает, что были нарушены привилегии заключенного, или когда он желает обратиться с жалобой на другого заключенного или работника, заключенный может подать жалобу в письменном виде старшему надзирателю".

злоупотребления правом представления сообщений²³. Однако при определенных обстоятельствах Комитет рассчитывает получить разумное объяснение причин такой задержки. Предполагаемые нападения на автора имели место в период 1984-1995 годов, т.е. от 12 до 23 лет назад. Комитет отмечает, что ранее автор два раза пользовался процедурой, предусмотренной Факультативным протоколом, но не использовал эту возможность для представления соответствующей жалобы. В отсутствие какого-либо обоснования такой задержки Комитет считает, что представление сообщения по истечении столь длительного периода времени должно рассматриваться как злоупотребление правом представления сообщений. Он делает вывод, что данная часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

6.6 В связи с жалобами автора на то, что была нарушена статья 14, Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника, что иск о неконституционности, основанный на разделах 7, 9 и 10 с) Хартии, по-прежнему рассматривается Федеральным судом. Однако, как отмечено выше, эти разделы Хартии касаются вопросов содержания под стражей, а не вопросов справедливости и беспристрастности судебного разбирательства, которые охватываются статьей 14 Пакта. Комитет отмечает, что в своем исковом заявлении по поводу неконституционности действий автор опротестовал не только его содержание под стражей, но и всю процедуру, регулирующую установление обоснованности свидетельства о безопасности. Вместе с тем Комитет считает, что гарантии, предусмотренные статьей 14 Пакта, существенно отличаются от тех, которые охраняются статьей 9 Пакта, которая в свою очередь обеспечивает защиту, аналогичную той, которая обеспечивается разделами 7, 9 и 10 с) Хартии. Он делает вывод, что рассматриваемый иск о неконституционности действий по статьям 7, 9 и 10 с) Хартии не препятствует Комитету в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 14 Пакта. Кроме того, судопроизводство по вопросу о предполагаемой предубежденности председательствующего судьи завершилось 25 августа 2005 года, когда Верховный суд отказал автору в праве на обжалование решения Федерального апелляционного суда. Государство-участник не упомянуло других средств правовой защиты, которыми мог бы воспользоваться автор в связи с его жалобами на нарушение статьи 14. Комитет делает вывод, что в отношении своих жалоб по статье 14 автор исчерпал внутренние средства правовой защиты и что сообщение не является неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.7 Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что судопроизводство по вопросам депортации не предполагает ни "рассмотрения любого уголовного обвинения", ни "определения прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе". Он отмечает, что автор не был обвинен в совершении какого-либо преступления в государстве-участнике или осужден за него и что его депортация не являлась санкцией, примененной по итогам уголовного судопроизводства. Комитет делает вывод, что судопроизводство с целью определения того, представляет ли какое-либо лицо угрозу для национальной безопасности, или по вопросу о его или ее соответствующей депортации не связано с рассмотрением "любого уголовного обвинения" по смыслу статьи 14.

6.8 Комитет, кроме того, напоминает о том, что понятие "гражданского процесса" в пункте 1 статьи 14 Пакта скорее основано на характере рассматриваемого права человека, а не на статусе одной из сторон²⁴. В данном случае судопроизводство касалось права автора, являвшегося законным постоянным жителем, на дальнейшее проживание на территории государства-участника. Комитет считает, что судопроизводство, касающееся высылки иностранца, - гарантии по этому вопросу

---

²³ Сообщение № 787/1997, *Гобин против Маврикия*, решение о приемлемости от 16 июля 2001 года, пункт 6.3.

²⁴ Сообщение № 112/1981, *И.Л. против Канады*, решение о неприемлемости, принято 8 апреля 1986 года, пункты 9.1 и 9.2; сообщение 441/1990, *Казанова против Франции*, соображения, принятые 19 июля 1994 года, пункт 5.2; сообщение № 1030/2001, *Димитров против Болгарии*, решение о приемлемости, принятое 28 октября 2005 года, пункт 8.3.

содержатся в статье 13 Пакта - также не связано с определением "прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе" по смыслу пункта 1 статьи 14. Он делает вывод, что судопроизводство по вопросу о депортации автора, который был квалифицирован как лицо, представляющее угрозу для национальной безопасности, не подпадает под действие пункта 1 статьи 14 и является неприемлемым *ratione materiae* согласно статье 3 Факультативного протокола.

6.9 Что касается утверждения о том, что были нарушены статьи 18 и 19, то Комитет отмечает, что автор не воспользовался средством правовой защиты, предусмотренным разделом 2 Канадской хартии, согласно которому "каждому принадлежат следующие основные свободы: а) свобода совести и исповедания религии; б) свобода мысли, убеждений, мнения и выражения, включая свободу печати и других средств коммуникации; с) свобода собраний с мирными целями; и d) свобода ассоциаций". Таким образом, эта часть сообщения является неприемлемой согласно пункту 2 b) статьи 5 по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.10 В связи с утверждением автора относительно нарушения статьи 26 Комитет делает аналогичный вывод по той причине, что автор не использовал ни одного средства правовой защиты по разделу 15 Хартии, который гласит: "Все люди равны перед законом и в соответствии с законом, а также имеют право на равную защиту и равное обращение по закону без дискриминации, в частности по признаку расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, возраста или психического либо физического недостатка". Хотя "дискриминация по признаку политических или иных убеждений", конкретно запрещенная в статье 26 Пакта, в перечне признаков, содержащемся в разделе 15 Хартии²⁵, не фигурирует, перед этим перечнем стоят слова "в частности", означающие, что он не является исчерпывающим. Таким образом, автор мог бы воспользоваться этим средством правовой защиты, но вновь не выполнил требований пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7. С учетом этого Комитет по правам человека постановляет:

- а) признать сообщение неприемлемым на основании статьи 3 и пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола;
- б) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения через адвоката.

---

²⁵ Раздел 15 Хартии: "Все люди равны перед законом и в соответствии с законом, а также имеют право на равную защиту и равное обращение по закону без дискриминации, в частности по признаку расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, возраста или психического либо физического недостатка".

Сообщение № 1355/2005

Представлено: Центром гуманитарного права

Предполагаемая жертва: X

Государство-участник: Сербия

Признано неприемлемым: 26 марта 2007 года

Тема сообщения: сексуальное надругательство над несовершеннолетним лицом

Процедурные вопросы: правомочие выступать от имени потерпевшего

Вопросы существа: жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; произвольное или незаконное вмешательство в личную жизнь; нарушение прав ребенка

Статьи Пакта: статьи 7, 17 и пункт 1 статьи 24, рассматриваемые отдельно или в совокупности с пунктами 1 и 3 статьи 2.

Статья Факультативного протокол: статья 1

1.1 Автором сообщения от 23 декабря 2004 года выступает Центр гуманитарного права, неправительственная организация, которая следит за соблюдением прав человека в Сербии и расследует их нарушения. Центр представляет жалобу от имени потерпевшего X, несовершеннолетнего гражданина Сербии, 1992 года рождения. Автор заявляет о нарушениях Сербией статей 7, 17 и пункта 1 статьи 24, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктами 1 и 3 статьи 2 Пакта. Для Сербии Факультативный протокол вступил в силу 6 декабря 2001 года.

1.2 31 января 2005 года Специальный докладчик по новым сообщениям и временным мерам оставил без удовлетворения просьбы о принятии временных мер в форме обращения к государству-участнику с призывом предложить защиту поименованным в жалобе свидетелям, рекомендации государству-участнику воспрепятствовать дальнейшим взаимным контактам между лицами, участвовавшими в сексуальном надругательстве над несовершеннолетним потерпевшим, и обращения к государству-участнику с призывом оказать потерпевшему всяческую необходимую юридическую помощь и установить над ним постоянный надзор.

1.3 27 сентября 2005 года государство-участник обратилось с просьбой о том, чтобы вопрос о приемлемости сообщения рассматривался отдельно от вопросов его существа. 27 сентября 2005 года Специальный докладчик по новым сообщениям от имени Комитета постановил, что вопрос о приемлемости сообщения и вопросы существа по этому делу следует рассматривать в комплексе.

Факты в изложении автора

2.1 15 ноября 2002 года десятилетний подросток X, представитель народности рома, зашел в бар села А, где встретил Владимира Петрашковиича и Миодрага Радовиича. Петрашковиич предложил потерпевшему X пива, от которого последний опьянел. Воспользовавшись этим двое мужчин принудили потерпевшего X к вступлению с ними в акт фелляции. Вскоре после этого к их столу подсади троє других мужчин - Александр Янковиич, Максим Петровиич и Войислав Брашковиич - и подростка заставили вступить в акт фелляции со всеми пятью мужчинами. Затем мужчины и подросток из бара направились в дискотеку, где Радовиич совершил акт мочеиспускания на голову подростка. Далее мужчины затащили подростка в еще один бар, где они вынудили его повторно совершить акты фелляции со всеми из них, причем они сопровождали эти действия мочеиспусканием ему в рот. Они пригрозили ему, велев никому о случившемся не рассказывать.

2.2 По прошествии двух дней медсестра W, работающая в селе А, узнала о случившемся. Она встретилась с потерпевшим X, который рассказал ей об описанных выше событиях. Медсестра

заметила, что рот у мальчика был опухший. На следующий день она убедила потерпевшего Х обратиться в полицию. В начале декабря 2002 года Мирослав Лукич, председатель муниципального суда села А, упомянул о деле подростка Х в разговоре с государственным прокурором, к которому полиция еще не обращалась.

2.3 27 декабря 2002 года потерпевший подал в полицию жалобу на действия пяти мужчин. После этого 9 января 2003 года прокуратура округа Пожаревац поручила окружному суду Пожареваца расследование этого дела. Начиная с 13 января 2003 года и по настоящее время Центр гуманитарного права (далее ЦГП) выступает в роли защитника потерпевшего Х. 14 января 2003 года окружной суд постановил принять к рассмотрению дела Владимира Петрашковица и Миодрага Радовица. К тому моменту оба мужчины уже покинули пределы страны. Миодраг Радович был арестован в Австрии и выдан Сербии. 24 января 2003 года окружной суд заслушал показания 13 свидетелей. Из них только родители Х подтвердили версию потерпевшего. После того, как 5 февраля 2003 года потерпевший изменил свои показания, окружной прокурор 5 марта 2003 года снял обвинения, а окружной суд 10 марта 2003 года изъясил дела из производства.

2.4 По утверждению государства-участника обвинения были сняты за недостатком улик: потерпевший полностью отошел от своих первоначальных показаний полиции, сообщив следственному судье, что обвиняемые по сути дела не совершали никаких преступных действий. Кроме того, свидетели либо рассказывали о событиях со слов местных жителей, которых они не знали по именам, либо полностью отрицали версию обвинения. И наконец, никто из свидетелей, включая медсестру W, не просил о предоставлении защиты со стороны государственной прокуратуры. Согласно автору сообщения, медсестра W дала показания следственному судье 5 февраля 2003 года. Она также поведала ЦГП, что в ходе тех же слушаний потерпевший Х сначала подтвердил заявление, что он стал жертвой сексуального надругательства, но после перерыва отказался от своих слов. В протоколе суда нашли отражение лишь его слова об отказе от обвинений. Несколькими неделями позже потерпевший Х связался с медсестрой W и сообщил ей, что изменил свои показания под нажимом со стороны родителей.

2.5 Этот случай сексуального надругательства над Х. широко освещался в средствах массовой информации. С января 2003 года по июнь 2004 года в периодической печати страны появилась масса статей, обращавших особое внимание, в частности, на возмущение, которое вызвал этот инцидент у общественности, закрытие уголовного производства, запугивание свидетелей и предполагаемый сговор между предполагаемыми преступниками и государственными чиновниками.

2.6 По утверждению автора, с ноября 2002 года очевидцы и другие жители села А. стали объектами угроз и подкупа с целью не допустить разглашения информации о случае сексуального надругательства над потерпевшим Х. со стороны группы местных уголовных элементов. В декабре 2002 года отцу потерпевшего Х. позвонил Миодраг Радович, который предложил ему деньги в обмен на изменение подростком своей версии событий. В адрес медицинской сестры W., дважды выступавшей с показаниями, поступило множество угроз. 28 октября 2004 года автор сообщения направил начальнику общественной безопасности при министре внутренних дел прошение предоставить полицейскую защиту свидетельнице W. Эта просьба была оставлена без ответа, и угрозы продолжались. Свидетельница W. впоследствии также обращалась к начальнику полиции близлежащего городка Пожаревац с просьбой о предоставлении защиты. В удовлетворении этой просьбы ей было отказано.

2.7 В рамках отдельного судебного производства 27 марта 2002 года родители Х. были признаны муниципальным судом села А. виновными в серьезном пренебрежении родительскими обязанностями и лишены 28 января 2003 года родительских прав. Над подростком Х. и пятью его несовершеннолетними родными сестрами и братьями 3 февраля 2003 года было установлено опекунов, и Вера Мицкевич, социальный работник Центра социального ухода села А., была назначена их опекуном по суду.

2.8 После того как 10 марта 2003 года государственная прокуратура сняла обвинения от имени государства, жертве было дано восемь дней на выдвижение частных обвинений. Это было сделано 18 марта 2003 года от его лица автором сообщения. На слушании перед следственным судьей 1 апреля 2003 года с показаниями выступили еще четыре дополнительных свидетеля. Трое из них подтвердили, что потерпевший Х. стал жертвой сексуального надругательства. 9 апреля 2003 года родители Х. предприняли попытку лишить ЦГП полномочий выступать от лица потерпевшего и отозвать дело по частному обвинению. Однако к тому моменту они лишились своих родительских прав в отношении Х. ЦГП считает, что родители Х. получили материальное вознаграждение в обмен на то, что убедили своего ребенка отказаться от дальнейшего уголовного преследования виновных в надругательствах над ним: отец ребенка открыто говорил о том, что в случае отказа подростка от обвинений ему обещано вознаграждение. Вскоре после этого в доме семьи потерпевшего появилась новая мебель, которую родители не могли себе ранее позволить.

2.9 7 мая 2003 года государственная прокуратура отклонила ходатайство ЦГП о возбуждении уголовного дела против Александра Янковича, Максима Петровича и Войислава Брашковича, тех трех других мужчин - соучастников надругательства над несовершеннолетним. Прокуратура также поставила в известность Веру Мицкевич, опекуна подростка, о том, что она в течение восьми дней имеет право возбудить уголовное дело. 16 мая 2003 года Вера Мицкевич наделила ЦГП полномочиями выступать от имени поверенного, и Центр подал еще одно ходатайство о проведении более тщательного расследования действий, совершенных всеми пятью мужчинами. 10 июня 2003 года она отозвала полномочия. В результате 18 июня 2003 года просьба ЦГП была отклонена на том основании, что автор сообщения не полномочен выступать с таким ходатайством. Автор сообщения обжаловал решение в апелляционной камере окружного суда города Пожаревац, который 27 июня 2003 года отменил решение о прекращении дела и распорядился включить в него всех пятерых мужчин. 29 июля 2003 года Вера Мицкевич вновь наделила полномочиями ЦГП. 12 августа 2003 года она вновь и в последний раз их отозвала. С этого момента ЦГП было запрещено участвовать в судебном разбирательстве и отказано в доступе к материалам дела. 19 ноября 2003 года окружной суд прекратил дело, после того как Центр социальной защиты, ссылаясь на состояние здоровья потерпевшего, принял решение отказаться от дальнейшего ведения этого дела.

2.10 ЦГП продолжал следить за судьбой потерпевшего Х. после августа 2003 года, но не располагал информацией ни о сроках, ни об условиях, если таковые были оговорены, при принятии решения о восстановлении родительских прав. Не в курсе они о том, продолжает ли Центр социальной защиты села А. или города Пожаревац выполнять какие-либо опекунские функции в отношении подростка. Согласно государству-участнику, муниципальный суд села А. 17 сентября 2004 года восстановил родителей подростка в правах.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что речь идет о нарушении статьи 7, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктами 1 и 3 статьи 2 Пакта. Он утверждает, что изнасилование и иные формы сексуального насилия представляют собой обращение, не совместимое со статьей 7¹. По обстоятельствам данного дела обращение, которому подверглась жертва, несомненно, представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, особенно в свете личных обстоятельств, таких, как возраст потерпевшего, его принадлежность к народности рома, пониженные умственные способности и нестабильное эмоциональное состояние. Государству-участнику следовало бы незамедлительно провести объективное расследование этого дела, найти и наказать виновных.

---

¹ См. сообщение № 981/2003, *Касафранка де Гомес против Перу*, соображения, принятые 23 июля 2003 года, пункты 2.2 и 7.1.

3.2 Дополнительно или в качестве альтернативы автор сообщения заявляет о нарушении права жертвы на невмешательство в личную жизнь, гарантируемое статьей 18, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктами 1 и 3 статьи 2. Автор напоминает о судебной практике Комитета, согласно которой "вмешательство в личную жизнь" включает посягательства на достоинство² и охватывает сферу взаимодействия индивида с другими лицами³, в том числе в форме половых контактов по обоюдному согласию и в отсутствие такового⁴. Он считает, что обращение, которому подверглась жертва, представляет собой произвольное и незаконное вмешательство в его личную жизнь.

3.3 Автор утверждает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 24, рассматриваемого отдельно и в совокупности с пунктами 1 и 3 статьи 2. Он утверждает, что от государств-участников требуется принятие таких мер защиты, которые необходимы в силу несовершеннолетия ребенка. При оценке и удовлетворении потребностей детей необходимо в первую очередь исходить из высших интересов ребенка. Автор утверждает, что своим действием и бездействием государство-участник нарушило пункт 1 статьи 24 в силу того, что национальные власти явно не руководствовались высшими интересами ребенка при принятии затрагивающих его решений.

3.4 Автор утверждает, что насилие в отношении потерпевшего совершалось на фоне широко распространенной дискриминации в отношении членов общины рома. Этот фактор сыграл свою роль в том, что такое насилие вообще имело место и совершалось в столь публичной форме.

3.5 Что касается отсутствия ясно выраженных полномочий на выступление от лица потерпевшего, то автор напоминает, что в практике Комитета допускается представление сообщения от лица предполагаемой жертвы в том случае, когда жертва не может представить сообщение лично, особенно в случаях, касающихся детей. В своих решениях Комитет не только руководствуется нормами внутренней процедуры по вопросам представительства и выступлений от лица потерпевшего, но также исходит из "высших интересов ребенка"⁵. Автор также ссылается на критерии, которыми руководствуется Европейская комиссия по правам человека. Принимая решение о правоспособности адвоката, представлявшего несовершеннолетних детей во внутреннем разбирательстве в вопросах об опекунов, Комиссия исходит из: 1) наличия иной или более приемлемой инстанции или недопустимости; 2) характера связи между автором сообщения и ребенком; 3) предмета и сферы охвата жалобы, подаваемой от имени потерпевшего; и 4) отсутствия конфликта интересов⁶. Автор ссылается на отсутствие в данном деле какой-либо альтернативной правовой инстанции для отстаивания интересов жертвы, поскольку ни его родители, ни опекун не пожелали возбудить дело по частному обвинению. Автор напоминает о том, что ранее

---

² См. сообщение № 721/1996, *Буду против Тринидада и Тобаго*, соображения, принятые 2 апреля 2002 года, пункт 6.7.

³ См. сообщение № 453/1991, *Кориел и Орик против Нидерландов*, соображения, принятые 31 октября 1994 года, пункт 10.2.

⁴ См. сообщение № 488/1992, *Тунен против Австралии*, соображения, принятые 31 марта 1994 года, пункт 8.2.

⁵ См. сообщение № 417/1990, *Балагер Сантакана против Испании*, соображения, принятые 15 июля 1994 года, пункты 6.1 и 9.2; и сообщение № 901/1999, *Лейнг против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 9 июля 2004 года, пункт 7.3.

⁶ См. *С.П., Д.П. и А.Т. против Соединенного Королевства*, решение о приемлемости, ходатайство № 23715/94 (20 мая 1996 года). См. также *П., К. и С. против Соединенного Королевства*, ходатайство № 56547/00, решение относительно приемлемости (11 декабря 2001 года); и *К. и Д. против Соединенного Королевства* и *С. и др. против Соединенного Королевства*, заявления № 34407/02 и 34593/02, решение о неприемлемости (31 августа 2004 года).

он уже выполнял функции юридического защитника подростка во внутреннем судебном производстве. Что касается цели и сферы охвата жалобы, то, по замечанию автора, нынешнее сообщение ограничивается жалобами на то, что внутреннее уголовное производство велось с нарушением стандартов, закрепленных в Пакте. В заключение следует указать на отсутствие возможного конфликта интересов между автором и жертвой при рассмотрении этого сообщения в силу того, что в нем затрагиваются вопросы, в которых автор был должным образом уполномочен представлять жертву во внутреннем судебном производстве.

3.6 Автор утверждает, что все эффективные и надлежащие внутренние средства правовой защиты исчерпаны и что государство-участник не предоставило потерпевшему средств правовой или иной защиты от допущенных в его отношении нарушений. ЦГП утверждает, что власти располагали достаточной информацией о надругательстве, чтобы его расследовать и наказать виновных, однако не сделали этого. Местные власти и прокуратура не проявили готовности должным образом расследовать обстоятельства дела, и предполагаемые преступники имели возможность безнаказанно угрожать свидетелям. Центр социальной защиты села А за три месяца неоднократно наделял автора полномочиями и отзывал их, саботируя тем самым попытки автора добиться продвижения судебного процесса, а следственный судья удовлетворил просьбу автора о расширении рамок расследования только после апелляции (до этого дважды отказав в этой просьбе) и трижды приостанавливал расследование, прежде чем в ноябре 2003 года окончательно закрыл уголовное дело.

3.7 Автор просит Комитет настоятельно призвать государство-участник вновь открыть уголовное дело, провести конфиденциальный опрос свидетелей, предоставить таким свидетелям защиту, наказать тех, кто виновен в надругательстве над жертвой, и оказать жертве надлежащую психологическую поддержку. Он также просит о выплате жертве должной компенсации.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения

4.1 Вербальной нотой от 8 августа 2005 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения на том основании, что автор неправомерно представлять жертву в Комитете и что сообщение недостаточно обосновано. Оно утверждает, что представление автора не содержит ясного указания на предполагаемое нарушение также статьи 2 Пакта, рассматриваемой отдельно или в совокупности со статьями 7, 17 и 24.

4.2 Ссылаясь на прежнее правило 90 b) правил процедуры и судебную практику Комитета⁷, государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо, согласно статье 2 Факультативного протокола, в силу того, что автор не доказал наличия у него полномочий подавать жалобу от имени жертвы. Оно заявляет, что решения, на которые ссылается автор, неприменимы к обстоятельствам настоящего дела. Два решения Комитета и два решения Европейского суда по правам человека касаются правоспособности родителей подавать жалобы от имени своих детей в случаях, когда они не признаются их представителями по праву⁸. В данном деле между автором и жертвой таких "особых уз", которые существуют между родителем и ребенком, нет. В двух остальных решениях

---

⁷ См., например, сообщение № 128/1982, *У.Р. против Уругвая*, решение о неприемлемости от 6 апреля 1983 года; сообщение № 78/1980, *племя Микмак против Канады*, решение о неприемлемости от 29 июля 1984 года.

⁸ См. сообщение № 417/1990, *Балагер Сантакана против Испании*, соображения, принятые 15 июля 1994 года, пункты 6.1 и 9.2; сообщение № 901/1999, *Лейнг против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 9 июля 2004 года, пункт 7.3; *П., К. и С. против Соединенного Королевства*, сообщение № 56547/00, решение о приемлемости (11 декабря 2001 года) и *К. и Д. против Соединенного Королевства*, сообщение № 34407/02, решение о неприемлемости (31 августа 2004 года).

Европейского суда по правам человека, на которые ссылается автор⁹, дети были представлены своими бывшими адвокатами. Однако адвокаты представляли интересы детей до конца внутреннего судебного производства. Кроме того, действия адвокатов от имени детей были предварительно или постфактум одобрены родными или приемными родителями детей. В данном деле полномочия автора были отозваны до окончания разбирательства как родителями, так и опекуном по решению суда. Сообщение, поданное автором в Комитет, не согласовывалось с родителями или опекуном потерпевшего. Автор даже не пытался заручиться их согласием. И наконец, все решения, на которые ссылается автор, касались процедур надзора и опекуна, что оправдывало более расширенное толкование критериев представительства, особенно с учетом того, что между юридическими представителями и самими детьми наблюдается конфликт интересов.

4.3 В любом случае государство-участник считает, что критерии, разработанные Европейским судом по правам человека, в данном деле не соблюдены¹⁰. Во-первых, по вопросу о существовании или доступности другого или более приемлемого представителя государство-участник заявляет, что автор подключился к делу лишь *после* того, как узнал о нем от журналиста в январе 2003 года, когда первоначальное полицейское расследование было почти завершено. Полномочия автора были отозваны первый раз 12 августа 2003 года, а расследование продолжалось еще три месяца, и дело было окончательно закрыто 19 ноября 2003 года, когда потерпевший повторно отказался от показаний. Таким образом, можно говорить о том, что во внутреннем производстве имелся иной надлежащий представитель, нежели автор сообщения. Что касается вопроса о представлении интересов в Комитете, то государство-участник утверждает, что в наличии имеется иной и более приемлемый представитель потерпевшего в лице его родителей или "любого адвоката или НПО в Сербии или любой другой стране", который был бы должным образом уполномочен действовать от лица потерпевшего.

4.4 Во-вторых, по причинам, изложенным выше, в плане характера связей, существующих между автором и жертвой, государство-участник заявляет, что, хотя автор выполнял функции защитника потерпевшего (с перерывами) в течение нескольких месяцев, эта связь не носит такого характера, который позволял бы автору продолжать представлять интересы жертвы в Комитете. Государство-участник добавляет, что недостаточная информированность автора о нынешнем положении жертвы свидетельствует о том, что какие бы связи ни существовали ранее между автором и подростком, в настоящее время они утрачены. В-третьих, государство-участник отмечает, что, хотя автор утверждает, что предмет и сфера охвата сообщения ограничиваются жалобами на несоответствие внутренних процедур уголовного производства стандартам, установленным в Пакте, на самом деле они значительно шире.

4.5 И наконец, по вопросу о существовании конфликта интересов государство-участник утверждает, что, хотя автор и может считать, что он действует исходя из высших интересов жертвы, автор сообщения необязательно является самой подходящей и единственной инстанцией для совершения этих действий. Оно заявляет, что между подростком и Центром социальной защиты, выступавшим опекуном жертвы по судебному решению с 28 января 2003 года до восстановления в правах его родителей, не было никакого конфликта интересов. Более того, Центр действовал в высших интересах жертвы, отозвав у автора выданные полномочия, исходя из того, что участие подростка в судебном разбирательстве отрицательно сказалось бы на его душевном состоянии.

4.6 Вербальной нотой от 4 июля 2006 года государство-участник повторило свою аргументацию в отношении приемлемости сообщения и прокомментировало его существо. Оно сослалось на пункт 2

---

⁹ См. *С.П., Д.П. и А.Т. против Соединенного Королевства*, решение о приемлемости, ходатайство № 23715/94 (20 мая 1996 года); и *С. и др. против Соединенного Королевства*, сообщение № 34593/02, решение о неприемлемости (31 августа 2004 года).

¹⁰ См. *С.П., Д.П. и А.Т. против Соединенного Королевства*, решение о приемлемости, ходатайство № 23715/94 (20 мая 1996 года).

статьи 14 Пакта, где говорится, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана по закону; и напомнило о том, что окружной суд Пожаревица не нашел достаточных оснований для продолжения уголовного дела против пяти обвиняемых. Государство-участник заявляет о несостоятельности утверждения автора о том, что обращение с предполагаемой жертвой со стороны компетентных властей носило дискриминационный характер в силу его принадлежности к этнической группе рома или социального статуса.

4.7 Государство-участник признает, что по ходу расследования родители жертвы сначала выдали адвокату от ЦГП полномочия, а затем их отозвали, меняли свои показания, предпринимали попытки к вымогательству у обвиняемых денег в обмен на благоприятные показания и оказывали на жертву всяческое давление, тем самым подрывая доверие к своим показаниям и затягивая судебный процесс. В результате полномочные органы приняли незамедлительные меры для изоляции жертвы и его пяти родных братьев и сестер от такой "нездоровой семейной среды". Были предприняты меры для их реабилитации и интеграции в общество. С этой целью в 2003 и 2004 годах родителям неоднократно оказывалась финансовая и материальная помощь. С учетом вышесказанного государство-участник не считает, что имело место нарушение какого-либо из прав, содержащихся в статьях 7, 17, пункте 1 статьи 24, рассматриваемых отдельно или в совокупности с пунктами 1 и 3 статьи 2.

Комментарии автора

5.1 В письме от 11 сентября 2006 года автор утверждает о необходимости признать его правомочия представлять интересы потерпевшего в Комитете. Он напоминает о том, что обстоятельства дела ясно свидетельствуют о неспособности жертвы лично представить сообщение, что соответствует условию, предусмотренному правилом 96 правил процедуры Комитета. Что касается утверждения государства-участника о том, что связи между автором и жертвой не настолько тесные, чтобы поручать автору ведение дел от лица потерпевшего, то автор утверждает, что, несмотря на отсутствие биологического родства между ним и жертвой, автор действовал в качестве защитника жертвы и продемонстрировал неизменную готовность и способность отстаивать в суде интересы потерпевшего. Ни родители, ни опекун по суду не действовали в высших интересах жертвы.

5.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что автор не является ни единственным, ни наиболее компетентным органом для выяснения вопроса о том, в чем заключаются высшие интересы жертвы, то автор напоминает, что им неоднократно представлялись многочисленные сообщения в адрес ряда правозащитных договорных органов, и по опыту такой работы никакая другая организация в Сербии не может сравниться с автором. В силу этого автор обладает квалификацией для оценки причин возбуждения уголовного дела от лица любого потерпевшего. В данном деле интересы потерпевшего заключаются в том, чтобы лица, виновные в сексуальном надругательстве над ним, понесли наказание.

5.3 Относительно замечаний государства-участника по существу сообщения автор повторно дает ранее выдвинутую им аргументацию. Он отмечает, что медсестра W является единственной свидетельницей, оказавшейся готовой дать показания по всем обстоятельствам дела и получившей в итоге в свой адрес многочисленные угрозы. 13 марта 2006 года вторым белградским муниципальным судом она была даже признана виновной в оговоре Миодрага Деймбахера (ранее Радовича), которого она в эфире национального телевидения обвинила в сексуальном надругательстве над несовершеннолетним. Письмом от 19 декабря 2006 года автор поставил Комитет в известность о том, что 7 июля 2006 года это решение было оставлено в силе белградским окружным судом.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Перед рассмотрением любых жалоб, изложенных в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту. В соответствии с

пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Относительно правомочия автора представлять потерпевшего Комитет напоминает о том, что правило 96 b) правил процедуры предусматривает, что сообщение должно, как правило, представляться самим лицом или его представителем, однако сообщение, представляемое от имени предположительного потерпевшего, может быть принято, когда, как представляется, соответствующее лицо не в состоянии само представить сообщение. В тех случаях, когда отсутствует возможность направления сообщения жертвой, например, в случае смерти, исчезновения или содержания жертвы без связи с внешним миром, по мнению Комитета, тесная семейная связь дает достаточные основания для того, чтобы автор мог действовать от имени такой предполагаемой жертвы¹¹. Однако Комитет не считает, что индивид неправомочен выступать от лица личного друга или наемного работника в отсутствие какого-либо согласия со стороны жертвы¹². В этой связи Комитет напоминает о том, что

"Комитет всегда придерживался широких взглядов в том, что касается права предполагаемых жертв быть представленными адвокатом в вопросе передачи сообщений в соответствии с Факультативным протоколом. Однако адвокат, действующий от имени жертвы предполагаемого нарушения, должен доказать, что жертва (или ее ближайшие родственники) предоставила ему реальные полномочия действовать от своего имени или что существовали определенные обстоятельства, которые помешали адвокату получить такие полномочия, либо, учитывая близкие отношения между адвокатом и предполагаемой жертвой в прошлом, было бы справедливо предположить, что жертва действительно уполномочила адвоката представить сообщение Комитету по правам человека"¹³.

6.4 Комитет напоминает о том, что дети, как правило, полагаются на других лиц в представлении своих жалоб и отстаивании своих интересов, при этом они могут быть недостаточно взрослыми или готовыми к тому, чтобы санкционировать любые шаги, предпринимаемые от их лица. В связи с этим следует избегать применения ограничительного подхода. Обычным в практике Комитета является подход, согласно которому родитель неправомочен действовать от лица своего ребенка или детей без ясно выраженного согласия со стороны последних¹⁴. При том, что родитель является наиболее приемлемым лицом, чтобы действовать от имени ребенка, Комитет не исключает ситуации, при которой защитник несовершеннолетнего во внутреннем судебном производстве может продолжать представлять жалобы несовершеннолетнего в Комитете. Тем не менее Комитет по-прежнему обязан, как указывалось выше, рассмотреть вопрос, располагает ли защитник полномочиями со стороны подростка (или ближайших родственников) на то, чтобы действовать от лица подростка. Он должен изучить вопрос о наличии каких-либо обстоятельств, которые помешали защитнику получить такое

---

¹¹ См., например, сообщение № 5/1997, *Валентини де Базано против Уругвая*, соображения, принятые 15 августа 1979 года, пункт 5; и сообщение № 1196/2003, *Бушерф против Алжира*, соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 1.1.

¹² См. сообщение № 436/1990, *Солис Пальма против Панамы*, решение о неприемлемости, принятое 18 июля 1994 года, пункт 5.2; и сообщение № 16/1977, *Мбенге против Заира*, соображения, принятые 25 марта 1983 года, пункт 5. См. также сообщение № 565/1993, *Р. и М. Н. против Италии*, решение о неприемлемости, принятое 8 апреля 1994 года, пункт 4.2.

¹³ Сообщение № 722/1997, *И. против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 17 июля 2000 года, пункт 6.3.

¹⁴ См. сообщение № 417/1990, *Балагер Сантакана против Испании*, соображения приняты 15 июля 1994 года, пункты 6.1 и 9.2; и сообщение № 901/1999, *Лейнг против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 9 июля 2004 года, пункт 7.3.

полномочие, либо, исходя из тесных взаимоотношений, существовавших в прошлом между защитником и несовершеннолетним, справедливо предположить, что несовершеннолетний потерпевший действительно уполномочивал защитника представить сообщение в Комитет.

6.5 В данном деле Комитету надлежит принять решение, действительно ли автор, действовавший в качестве защитника несовершеннолетнего потерпевшего на этапе внутреннего судебного разбирательства, правомочен направлять сообщение от его лица в Комитет, несмотря на тот факт, что он не имеет полномочия от ребенка, его опекуна по суду или родителей. Комитет отмечает, что автор признал отсутствие у него полномочий на действия, которые были бы даны несовершеннолетним, его опекуном по суду или родителями (пункт 3.5 выше). Более того, вопрос о наделении автора полномочиями для представления сообщения в Комитет от лица несовершеннолетнего ни с последним, ни с его опекуном по суду, ни с его родителями не обсуждался. Нет и указаний на то, что несовершеннолетний, которому на момент представления сообщения в 2004 году было 12 лет и который в силу этого, вероятно, был способен дать согласие на представление жалобы, его опекун по суду или родитель потерпевшего когда-либо давали согласие на то, чтобы автор выступал от лица несовершеннолетнего.

6.6 Комитет также отмечает выдвинутую автором аргументацию, что согласие со стороны несовершеннолетнего, опекуна по суду или родителей невозможно было получить в силу того, что все они находились под влиянием предполагаемых преступников, совершивших сексуальное надругательство. Тем не менее Комитет отмечает, что по получении первоначального сообщения он просил автора представить полномочия, полученные от матери, при условии, что она восстановлена в правах или, если у несовершеннолетнего по-прежнему есть опекун по суду, то тогда по крайней мере указать на согласие последнего на рассмотрение дела. 14 января 2005 года автор выступил с разъяснением, что он не может представить такие полномочия или согласие по вышеуказанным уже причинам. Нет никаких свидетельств того, что автор стремился получить неформальное согласие несовершеннолетнего, с которым у него утеряны все контакты.

6.7 В отсутствие ясно выраженных полномочий автору следует представить свидетельства того, что он состоит в достаточно тесной связи с несовершеннолетним, что оправдывало бы его действия в отсутствие таких полномочий. Комитет отмечает, что автор с неоднократными перерывами выполнял функции защитника несовершеннолетнего в ходе внутреннего судебного разбирательства в период с января по август 2003 года. Однако, поскольку с августа 2003 года автор уже больше не представляет несовершеннолетнего во внутреннем судебном процессе, он утратил связи с ним, его опекуном по суду или родителями. В этих обстоятельствах у Комитета нет возможности даже предполагать, что несовершеннолетнее лицо не возражает, тем более согласно с тем, чтобы автор обращался с сообщением в Комитет. Соответственно, при всем том, что Комитет серьезно обеспокоен приведенными по делу фактами, с учетом положений Факультативного протокола он не может рассматривать вопросы существа, поскольку автор не продемонстрировал свою правоспособность действовать от лица потерпевшего, представляя это сообщение.

7. Соответственно, Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым согласно пункту 1 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

Сообщение № 1424/2005

Представлено: Арманом Антоном (представлен адвокатом, г-ном Аленом Гаре)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Алжир

Признано неприемлемым: 1 ноября 2006 года

Тема сообщения: лишение имущества в результате объявления государством-участником независимости

Процедурные вопросы: неприемлемость *ratione temporis*, неприемлемость *ratione materiae*

Вопросы существа: право народов свободно распоряжаться своими богатствами и природными ресурсами; право свободно выбирать свое место жительства; произвольное или незаконное вмешательство в сочетании с посягательством на честь и репутацию; нарушение права меньшинств; дискриминация в рамках лишения права владения собственностью

Статьи Пакта: статьи 1, 12, 17 и 27; пункт 1 статьи 2 и статья 26, рассматриваемые отдельно или в совокупности; статьи 26 и 17, рассматриваемые в совокупности, и статья 5

1. Автор сообщения от 24 ноября 2004 года, дополненного замечаниями от 10 января 2005 года и от 5 сентября 2005 года, является Арман Антон¹. Г-н Антон, являющийся французским гражданином, родился 18 ноября 1909 года в Оране, Алжир. Он заявляет о том, что является жертвой нарушения Алжиром статей 1, 12, 17, 27, а также пункта 1 статьи 2 и статьи 26, рассматриваемых отдельно или в совокупности, а также статей 26 и 17, рассматриваемых в совокупности, и статьи 5 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом Аленом Гаре. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для государства-участника 12 декабря 1989 года. Специальный докладчик Комитета по новым сообщениям принял решение о том, что вопрос о приемлемости должен рассматриваться отдельно от вопроса существа.

Факты в изложении автора

2.1 Арман Антон родился и жил в Алжире как французский гражданин. Он создал там предприятия "Этаблисман Бастос-Антон" и "Этаблисман Арман Антон"), занимаясь торговлей запасными частями и вспомогательным оборудованием для автомобилей и тракторов, промышленными товарами, оборудованием для подвальных складских помещений и резинотехническими изделиями. В 1956 году он стал агентом по торговле недвижимым имуществом и создал общество по управлению и торговле недвижимостью, с тем чтобы осуществить строительство и продажу двух жилых зданий в Оране. Это общество затем приобрело в Оране несколько земельных участков. 14 июля 1962 года автор выехал из Алжира во Францию после провозглашения 3 июля 1962 года Алжиром независимости.

2.2 Франция приняла официальное постановление о выплате покинувшим государство-участник французам компенсации за захваченную собственность во исполнение "Эвианских соглашений"²,

---

¹ Арман Антон скончался 12 августа 2005 года. Его супруга Алиса и дети Жаклин и Мартина выступают в Комитете в качестве правопреемников.

² См. *Положения общего права о гражданском состоянии, касающиеся французских граждан*: "[...] их права собственности будут уважаться. В их отношении не будут приниматься никакие меры экспроприации без предоставления заранее установленного справедливого возмещения. Они получают гарантии, отвечающие их культурным, языковым и религиозным особенностям. [...] Суду по вопросам гарантий, институту алжирского внутреннего права, будет поручено наблюдать за соблюдением этих прав".

подписанных 18 марта 1962 года тремя французскими министрами и алжирскими представителями. Он воспользовался Законом от 26 декабря 1961 года, касающимся предоставления приюта и обустройства французов из заморских территорий³, и 21 декабря 1962 года направил в Агентство по защите имущества и интересов репатриированных граждан ходатайство о защите своего имущества в Алжире⁴. В соответствии с постановлением от 12 сентября 1962 года⁵ он подписал с французскими властями два поручения, уполномочив Агентство принять все необходимые охранительные меры. Первое, от 4 марта 1965 года под номером 159232, касалось всего принадлежащего ему имущества предприятия и офиса. Второе, от 3 июня 1965 года под номером 172273/ИМ, касалось 12 квартир и 10 офисных помещений. Адвокат отмечает, что французские власти в конечном итоге не приняли никаких охранительных мер, которые могли бы защитить принадлежащую автору собственность.

2.3 Автор также воспользовался Законом от 15 июля 1970 года⁶, устанавливающим общенациональный налог с целью выплаты компенсации французам, лишившимся своего имущества. Национальное агентство по вопросам возмещения убытков французам из заморских территорий (ANIFOM), административное учреждение французского государства, присвоило делу автора, касающемуся имущества, которым он обладал в Алжире, номер 34F008811. Решением № 148099 от 17 июня 1977 года ANIFOM предписало выплатить возмещение в виде аванса в значительно меньшем размере по сравнению с реальной стоимостью имущества. Эти принятые Францией меры вытекают из статей 2⁷ и 12⁸ Закона № 70-632 от 15 июля 1970 года. Затем на основании Законов от 2 января 1978 года⁹ и 16 июля 1987 года¹⁰ автор получил дополнительную компенсацию.

2.4 Посредничество Франции не позволило автору получить справедливую компенсацию, соответствующую стоимости захваченного имущества в 1962 году, несмотря на то, что государство-участник является суверенным и независимым с 1962 года. Он излагает историю обретения государством-участником независимости и указывает, что государство-участник не могло или не

---

³ Закон № 61-1439 от 26 декабря 1961 года, касающийся приема и обустройства французов из заморских территорий.

⁴ Адвокат представил копии писем от 1962 и 1965 годов. 28 декабря 1966 года автор также направил письмо французскому премьер-министру.

⁵ Постановление № 62-1106 от 19 сентября 1962 года об учреждении Агентства по защите имущества и интересов репатриированных граждан.

⁶ Закон № 70-632. Компенсация служила "предоплатой по долговым требованиям, выдвигаемым против иностранных государств или выгодоприобретателей в результате экспроприации" (статья 1), и касается экспроприации зданий, объявленной в Алжире до 3 июля 1962 года (статья 12). См. также Декрет № 70-1010 от 30 октября 1970 года.

⁷ "Правом на компенсацию пользуются следующие физические лица: 1) лишенные до 1 июня 1970 года в результате политических событий имущества, упомянутого в главе II настоящего Закона и находящегося на территории, на которую ранее распространялся суверенитет, протекторат или опека Франции...".

⁸ "Упомянутое в статье 2 лишение имущества должно быть следствием либо национализации, конфискации или аналогичной меры, принятой во исполнение законодательного или нормативного акта или административного решения, либо мер или обстоятельств, повлекших за собой, по закону или фактически, утрату права распоряжения и пользования имуществом. Экспроприация зданий, объявленная в Алжире до 3 июля 1962 года, ... приравнена к вышеупомянутому лишению имущества в той мере, в которой она не будет служить основанием для выплаты компенсации".

⁹ Закон № 78-1 от 2 января 1978 года о выплате компенсации репатриированным из заморских территорий французам, лишившимся своего имущества.

¹⁰ Закон № 87-549 от 16 июля 1987 года, предусматривающий окончательное урегулирование дел, касающихся имущества, утраченного или "захваченного" на заморских территориях.

желало после 18 марта 1962 года - даты заключения "Эвианских соглашений" - нести свою ответственность, в том числе за обеспечение и защиту моральных и материальных интересов людей, проживающих в Алжире. В частности, не были выполнены Эвианские соглашения и осуществлены предусмотренные ими гарантии, несмотря на то, что руководитель алжирской делегации заявил, что "алжирская делегация, уполномоченная Национальным советом алжирской революции и от имени правительства Алжира, обязуется уважать эти политические и военные соглашения и следить за их осуществлением". Среди прочего, адвокат ссылается на формулировку вопроса, вынесенного на референдум 1 июля 1962 года, и на опубликованную в 1964 году работу¹¹ (*Consultation*) и делает заключение, что в результате этого референдума Эвианские декларации превратились в обычный акт международного права.

2.5 Что касается постановлений, принятых государством-участником в отношении имущества лиц, покинувших его территорию, то адвокат выделяет несколько периодов, ссылаясь на анализ, изложенный в работе *Consultation*. В течение первого периода, с июля по сентябрь 1962 года, лишение имущества не обосновывалось никаким нормативным актом. Оно осуществлялось отдельными лицами, группами лиц, даже местными органами власти без соответствующего ордера, инициатива которых, однако, не вызвала никакой конкретной реакции со стороны государства-участника. Затем судьбу бесхозного имущества (которое законный владелец не использовал и которым он не пользовался на протяжении более двух месяцев) определяет Постановление от 24 августа 1962 года¹², поручившее управление таким имуществом префектам. Оно было направлено на обеспечение сохранности имущества и резервирование за собственниками их прав. В большинстве случаев оно имело своим следствием узаконивание и укрепление сложившегося положения дел, а также появление новых случаев лишения имущества и принятие решений по усмотрению префектов, которые не соблюдают никаких предварительно предусмотренных гарантий или формальностей при отсутствии эффективного механизма обжалования. Тем не менее в *Consultation* отмечается, что были вынесены постановления относительно нескольких случаев возвращения имущества, которые были полностью осуществлены. Затем Декретом от 23 октября 1962 года¹³ запрещались и аннулировались все договоры о продаже бесхозного имущества, включая договоры о продаже и аренде, заключенные за границей после 1 июля 1962 года. Имущество, являвшееся объектом расторжения договора, попадало в разряд бесхозного имущества в соответствии с постановлением от 24 августа 1962 года. Декрет от 18 марта 1963 года¹⁴ касался условий и гарантий, связанных с публикацией объявлений о бесхозном имуществе, и предусматривал механизм обжалования¹⁵. Эти обжалования оказались неэффективными, поскольку

---

¹¹ *Consultation sur les droits des Français atteints en Algérie par des mesures de dépossession*, G. Vedel, R.W. Thorp, Ch. De Chaisemartin, P. Lacombe, et A. Ghanassia, 1er décembre 1964.

¹² Ордонанс № 62-020 от 24 августа 1962 года, касающийся сохранения и управления бесхозным имуществом.

¹³ Декрет № 62-03 от 23 октября 1962 года об упорядочении сделок, продаж, найма и аренды движимого и недвижимого имущества. Для сбора арендной платы были созданы операционные службы. В ходе предъявления протестов (в *Consultation* отмечается, что некоторые требования рассматривались в суде) собственники получили объявления о бесхозности имущества или решения о реквизиции. В этой работе отмечается также, что "по всей вероятности, были даны указания разрешить собственникам, проживающим за пределами Алжира, назначить представителей, которые будут получать причитающуюся им арендную плату и управлять их домами, однако они не были осуществлены".

¹⁴ Декрет № 63-88 от 18 марта 1963 года об урегулировании вопросов, касающихся бесхозного имущества.

¹⁵ В течение двух месяцев в суде, выносящем решения по срочным вопросам, в ведении которого находится префектура. Согласно *Consultation*, "имелась в виду быстрая недорогостоящая процедура, которая могла бы служить [...] эффективным средством для обеспечения признания и уважения их прав. Вместе с тем следует повторить, что осуществление этого Декрета не привело к реализации надежд, которые он породил".

рассматривавшие их магистраты заблаговременно договаривались между собой, прежде чем представить свои соображения, а новые постановления практически привели к исчезновению всех юридических гарантий. Фактически, Декрет от 9 мая 1963 года¹⁶ устранил всякую возможность использования средств правовой защиты, помимо процедуры рассмотрения дела в департаментской комиссии¹⁷, и дополнил понятие бесхозяйности имущества весьма расплывчатым понятием общественного порядка и социального мира, наделив органы власти почти абсолютными полномочиями в вынесении суждений. С точки зрения процедуры председатели судов, рассматривающих дела в ускоренном порядке на основании Декрета от 18 марта 1963 года, объявили себя не обладающими необходимыми полномочиями, поскольку в дальнейшем управление имуществом обеспечивалось на основании нового нормативного акта, который не предусматривал возможность передачи дела в суд для ускоренного рассмотрения. Наконец, комиссии по жалобам, приносимым административному органу, вынесшему решение, предусмотренные этим нормативным актом, так и не были созданы.

2.6 Автор ссылается на *Consultation*, согласно которой в отсутствие времени, установленного в соответствии с этими нормативными актами, фактически имела место скрытая экспроприация, даже несмотря на то, что, строго говоря, владельцы имущества не потеряли право собственности. В *Consultation* отмечается также, что в правовом акте о национализации сельскохозяйственных предприятий (Декрет от 1 октября 1963 года)¹⁸ ничего не говорится о компенсации и что вся собственность, принадлежащая иностранцам, передана государству¹⁹ вопреки требованиям Эвианских соглашений, которые запрещают любую дискриминацию и предусматривают при любой экспроприации выплату заранее установленной справедливой компенсации. Наконец, адвокат считает, что Уведомление № 16 Z.F. о передаче дохода от реализации урожая на участках земли, ранее принадлежавших французским фермерам и национализированных Декретом от 1 октября 1963 года²⁰, является единственной официальной мерой выплаты компенсации лишенным своей собственности французам. В Уведомлении сообщается о выделении в качестве возмещения социального ущерба 10 млн. старых франков для огородников и земледельцев. Однако переговоры о бесхозяйном имуществе завершились безрезультатно²¹. 21 декабря 1962 года в Алжире автор связался с руководством Центра по ориентации и переаттестации репатриированных лиц, с тем чтобы получить информацию о тех мерах, которые необходимо принять для защиты своего имущества.

---

¹⁶ Декрет № 63-168 от 9 мая 1963 года о передаче под защиту государства движимого и недвижимого имущества, способ приобретения, управления, эксплуатации или использования которого может нарушить общественный порядок или социальный мир: решения префектур, предусматривающие передачу имущества под защиту государства, могут обжаловаться лишь в течение одного месяца в департаментской комиссии. Все предыдущие постановления, противоречащие настоящему Декрету, отменяются.

¹⁷ Организована Декретом № 63-222 от 28 июня 1963 года, регламентирующим обжалование решений префектур о передаче некоторых видов имущества под защиту государства. С жалобой можно обращаться к префекту, который передает ее департаментской, затем национальной комиссии, созданной в Министерстве внутренних дел.

¹⁸ Декрет № 63-388 от 1 октября 1963 года, объявляющий государственным имуществом сельскохозяйственные предприятия, принадлежащие некоторым физическим или юридическим лицам.

¹⁹ При этом передача бесхозяйного имущества не предусматривается. Согласно *Consultation*, шесть областей деятельности были действительно национализированы.

²⁰ Уведомление, опубликованное в "Журналь офисьель" Алжирской Республики от 17 марта 1964 года.

²¹ В Декрете 63-64 от 18 февраля 1963 года о размерах компенсации за занятие жилых и рабочих помещений, считающихся бесхозяйными, прямо говорится о том, что владельцы бесхозяйного имущества не должны получать никакой компенсации и что рассмотрение вопроса об их правах откладывается до выхода последующих постановлений.

Жалоба

3.1 Речь идет о шести видах нарушений: а) лишение имущества и средств к существованию представителей французского меньшинства (статья 1 Пакта); б) лишение права свободно выбирать свое место жительства в Алжире (статья 12); в) незаконное вторжение в жилище истцов в Алжире в сочетании с посягательством на их честь и репутацию (статья 17); д) нарушение прав истцов с учетом их принадлежности к меньшинству и другой культурной среде (статья 27); е) дискриминационные меры, посягающие на права, вытекающие из дифференцированного отношения со стороны государства, и неоправданные в плане лишения имущества (пункт 1 статьи 2 и статья 26, рассматриваемые отдельно и в совокупности, статьи 17 и 26, рассматриваемые в совокупности); и ф) дискриминационное посягательство на право собственности автора (статья 5). Автор считает, что права частных лиц, приобретенные в государстве-предшественнике, должны защищаться государством-преемником, что этот принцип является частью общего международного права²² и что непризнание принципа приобретенных прав может повлечь международную ответственность государства²³. На практике права собственности французских граждан, репатриированных из Алжира, должны обеспечиваться и защищаться государством-участником, что не имело место.

3.2 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то автор считает, что их использование не принесло бы успеха. Во-первых, ничем не увенчавшиеся попытки создания суда по вопросам гарантий, предусмотренных Эвианскими соглашениями, привело к процедурному тупику, в то время как он должен был предписывать проведение расследований, выносить постановления об аннулировании правовых актов, противоречащих *Декларации гарантий*, выносить свои суждения по поводу всех мер по компенсации. Во-вторых, применительно к регламентирующему постановлению, дающему право на лишение имущества, существовали некоторые механизмы обжалования, однако другими декретами они были отменены (см. выше, пункт 2.5). В этой связи приводится ссылка на записку генерального секретаря правительства государства-участника от 11 марта 1964 года, в которой отмечается, что, принимая Декрет от 9 мая 1963 года, "правительство руководствовалось желанием положить конец обращениям в суды". Он указывает, что в связи с этим департаментские комиссии ограничиваются расследованием дела и представлением своего заключения, а принятие окончательного решения относится к кругу ведения национальной комиссии, возглавляемой министром внутренних дел. Однако эта комиссия так и не была учреждена. Он также считает, что даже при наличии механизмов обжалования (например, административных судов в случае сельскохозяйственных предприятий) в таких условиях эффективно использоваться они не могут.

3.3 В *Consultation* указывается, что пострадавшие собственники теоретически могли бы использовать следующие средства правовой защиты. Во-первых, в Верховном суде²⁴: 1) подача ходатайства об отмене декретов, учреждающих режим бесхозяйного имущества, декрета от 9 мая 1963 года и декрета от 1 октября 1963 года; 2) обжалование постановлений национальной комиссии, выносящей решения относительно предусмотренных средств правовой защиты против мер по применению декрета от 9 мая 1963 года; 3) обжалование решений префектур, принятых во исполнение декрета от 1 октября 1963 года; 4) обжалование решений об объявлении имущества бесхозяйным; 5) кассационное обжалование решений апелляционного суда, вынесенных в рамках процедуры, предусмотренной статьей 7 декрета от 18 марта 1963 года; и 6) подача жалобы в связи с

---

²² Адвокат ссылается на Постоянную палату международного правосудия и на дела *Немецкие переселенцы в Польше*, Консультативное заключение от 10 сентября 1923 года, серия В, № 6, стр. 15 и 36 французского текста; *Некоторые немецкие интересы в польской Верхней Силезии*, решение от 25 мая 1926 года, серия А, № 7, стр. 20 и 21 французского текста.

²³ Адвокат ссылается на дело *о фабрике в Хожуве*, решение от 26 июля 1927 года, *Р.С.И.В. серия А, № 9*, стр. 27 и 28 французского текста.

²⁴ Создан в соответствии с Законом № 63-218 от 18 июня 1963 года.

превышением полномочий, когда захват имущества является следствием административного акта. Во-вторых, в суде, выносящем решения по срочным вопросам, возможно обжалование постановлений об объявлении имущества бесхозным, которые могут быть приняты в будущем. Наконец, в комиссиях, созданных на основании декрета от 9 мая 1963 года, для целей обжалования решений о передаче имущества под защиту государства и объявления имущества бесхозным можно прибегнуть к административному средству правовой защиты. В соответствии с декретом от 18 марта 1963 года²⁵ председателю суда высшей инстанции Алжира были переданы для производства и выиграны три дела, когда либо были отменены принятые решения, либо суд распорядился о проведении экспертизы, результаты которой свидетельствовали о наличии хозяина имущества. В свете этих трех положительных решений было возбуждено множество других процессов, по которым, однако, не было принято положительных решений. Средства правовой защиты, предусмотренные декретом от 9 мая 1963 года, не привели к положительному результату, поскольку комиссии так и не были созданы. В мае 1964 года были приняты два решения, отменяющие постановление председателя суда Алжира и предусматривающие, что суд, выносящий решения по срочным вопросам, остается правомочным для рассмотрения споров, подпадающих под действие декрета от 18 марта 1963 года. В суд Константины поступили также две апелляционные жалобы, решения по которым пока еще не приняты.

3.4 Таким образом, согласно *Consultation*, все процедуры, которые можно было использовать на законном основании, были задействованы. Алжирские судебные органы либо признавали себя неправомочными (неисполнение своих обязанностей путем отказа в рассмотрении дела), либо передавали дело на рассмотрение административной комиссии, предусмотренной декретом от 9 мая 1963 года, которая так и не была создана (второе невыполнение своих обязанностей путем отказа в рассмотрении дела), либо удовлетворяли ходатайство, но их решение оставалось на бумаге (бездействие в отношении исполнения решения). Что касается использования средств правовой защиты в Верховном суде, то в *Consultation* делается заключение о наличии в этом отношении определенных возможностей при отсутствии на практике каких-либо шансов на их успешное использование в случае превышения полномочий²⁶. Адвокат считает, что, поскольку ни один француз, изгнанный из Алжира, не смог добиться удовлетворения своего ходатайства в связи с лишением его имущества, государство-участник должно теперь доказать обратное²⁷. Автор показал, что внутренние средства правовой защиты не могут привести к успешному урегулированию²⁸.

3.5 В связи с процессуальными препятствиями в государстве-участнике некоторые французы, изгнанные из Алжира, обратились со своими ходатайствами к Франции: 25 ноября 1988 года, 17 февраля 1999 года и 7 апреля 1999 года Государственным советом были отклонены 74 кассационные жалобы (дела *Тето и других*²⁹). Затем они обратились в Европейский суд по правам

---

²⁵ Что касается декретов о национализации сельскохозяйственных угодий, табачной промышленности, мукомольных и сахарных заводов, транспорта, кинотеатров и т.д., то они не предусматривают никаких процедур внесудебного или арбитражного решения спорных вопросов. В этой связи могут использоваться только административные средства правовой защиты.

²⁶ В этой работе приводятся различные юридические аргументы, которые могли бы быть использованы.

²⁷ Он ссылается на сообщение № 4/1977, *Вильям Торрес Рамирес против Уругвая*, соображения, принятые 23 июля 1980 года, пункт 9.

²⁸ Он ссылается на сообщение № 84/1981, *Уго Хильмет Дермит против Уругвая*, соображения, принятые 21 октября 1982 года, пункт 9.4; и сообщения № 221/1987 и 323/1988, *Кадоре и Ле Биан против Франции*, соображения, принятые 11 апреля 1991 года, пункт 5.1.

²⁹ В отношении средств правовой защиты, примененных против решений, вынесенных 11 июля 1996 года Административным апелляционным судом Парижа, 17 февраля 1999 года Государственный совет постановил, что французское государство не несет никакой ответственности, поскольку Эвианские соглашения "не предусматривают оговорок или обещаний, гарантирующих французам, проживающим в Алжире, что в случае захвата их имущества алжирским государством французское государство компенсирует им понесенный ущерб".

человека³⁰, который пришел к заключению, что "истцы были лишены своего имущества алжирским государством, которое не является участником Конвенции".

3.6 В отношении приемлемости сообщения автор указывает, что оно исходит от частного лица, отмечающего при нарушении судебными органами государства-участника положений Пакта³¹, что оно действительно лично является жертвой нарушений, которые продолжаются с 1962 года, и что данный вопрос еще не рассматривался в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Что касается компетенции *ratione temporis* Комитета, то адвокат считает, что последствия указанных деяний, нарушающих права, гарантированные Пактом, являются непрерывными и постоянными. Не обладая, в принципе, компетенцией *ratione temporis* в отношении государства-участника, действия которого имели место до даты ратификации Протокола этим государством-участником, Комитет обретает надлежащую правомочность в том случае, если указанные действия продолжают вызывать последствия после вступления Протокола в силу и продолжают нарушать положения Пакта или вызывают последствия, которые представляют собой нарушение Пакта³². В этой связи следует отметить, что это положение было признано Комиссией международного права³³.

3.7 Касаясь того факта, что автор был вынужден ждать до 2004 года, чтобы обратиться в Комитет, адвокат указывает на то, что статья 3 Протокола объявляет неприемлемым "любое сообщение, которое... представляет собой злоупотребление правом на представление таких сообщений". По мнению адвоката, поскольку Пакт и Протокол не устанавливают для представления сообщений никаких сроков ввиду того, что, согласно правовой практике Комитета³⁴, автор объясняет причину задержки, передача сообщений в 2004 году ни в коей мере не представляет собой злоупотребление правом на подачу жалобы. Во-первых, после 1962 года использование в Алжире в национальных судебных органах средств правовой защиты неизменно оказывалось безрезультатным. Во-вторых, Алжир ждал 1989 года, чтобы ратифицировать Пакт и Протокол к нему. В-третьих, тем временем автор и французы, изгнанные из Алжира, как французские граждане, а также по причинам национального и культурного характера, разумеется, обратились к "нормальным" национальным

---

³⁰ См. ходатайства 48754/99 и 49721/99; 49720/99 и 49723/99; 49724-25/99 и 49729/99; 49726/99 и 49728/99; 49727/99 и 49730/99, *Тето и др. против Франции*, решение о неприемлемости от 25 января 2001 года; а также ходатайства № 52240/99 - 52296/99, *Амселлем и др. против Франции*, решение о неприемлемости от 10 июля 2001 года.

³¹ Он ссылается на сообщения № 409/1990, *Э.М.Э.Х против Франции*, соображения, принятые 2 ноября 1990 года, пункт 3.2; и № 74/1980, *Мигель Анхель Эстрелья против Уругвая*, соображения, принятые 29 марта 1983 года.

³² См. сообщение № 24/1977, *Сандра Лавлейс против Канады*, соображения, принятые 30 июля 1981 года, пункт 7.3; сообщение № 28/1978, *Вайнбергер Вайс против Уругвая*, соображения, принятые 29 октября 1980, пункт 6; сообщение № 30/1978, *Блейер против Уругвая*, соображения, принятые 29 марта 1982 года, пункт 7; сообщение № 107/1981, *Кинтерос против Уругвая*, соображения, принятые 21 июля 1983 года; сообщение № 196/1985, *Гейе против Франции*, соображения, принятые 3 апреля 1989 года, пункт 5.3; сообщение № 586/1994, *Адам против Чешской Республики*, соображения, принятые 23 июля 1996 года.

³³ Статья 25.

³⁴ Он ссылается на сообщение № 787/1997, *Гобин против Маврикия*, решение о неприемлемости от 16 июля 2001 года, касающееся задержки в пять лет (соответствующие деяния имели место в 1991 году, а сообщение было представлено в 1996 году), когда Комитет отметил, что "для представления сообщений не установлено никаких временных ограничений, и задержка с представлением сообщения сама по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом на представление сообщения. Однако в определенных обстоятельствах Комитет вправе рассчитывать на получение разумного объяснения причин задержки. В отсутствие подобных разъяснений Комитет полагает, что представление сообщения с подобной задержкой следует рассматривать как злоупотребление правом представлять сообщения, которое делает данное сообщение неприемлемым".

властям Франции ввиду невозможности привлечения к ответственности государства, являющегося для них иностранным. В-четвертых, обращение к французскому и европейскому судопроизводству (в период с 1970 по 2001 год) объясняет задержку, которая имела место с 1962 по 2004 год. В-пятых, в августе 2001 года французы, изгнанные из Алжира, были проинформированы о том, что все средства правовой защиты исчерпаны³⁵, что объясняет задержку в период между сентябрем 2001 года и январем 2004 года - временем, которое было выделено адвокату для изучения дела и представления его Комитету. В-шестых, 5 декабря 2002 года президент Франции объявил о принятии четвертого законоположения о национальном налоге в пользу репатриированных французов, которое выглядело как окончательное и полное решение проблемы. Вместе с тем проект Закона № 1499 от 10 марта 2004 года не содержал положения о возмещении, касающегося выплаты компенсации за захваченное имущество. Наконец, адвокат ссылается на правовую практику Комитета относительно сроков давности дел, рассматриваемых в порядке искового производства: "Далее, что касается временных ограничений, то, хотя *inabstracto* сроки исковой давности могут носить объективный и даже резонный характер, Комитет не может принять такого рода предельный срок для выдвижения притязаний на реституцию применительно к делу авторов, ибо они с самого начала были исключены из схемы реституции в силу прямых формулировок закона"³⁶. Для Комитета невозможность использования средства правовой защиты является достаточным условием, чтобы допустить в свое время правомерность судопроизводства.

3.8 Что касается обвинения в нарушении пункта 2 статьи 1 Пакта, то автор лично ссылается на целый ряд серьезных посягательств на осуществление коллективного права - права французов, изгнанных из Алжира. Именно благодаря своей принадлежности к этому сообществу он столкнулся с серьезными посягательствами на индивидуальное осуществление коллективных прав, в частности с невозможностью свободно распоряжаться своим состоянием и своими природными ресурсами, включая право на владение недвижимым имуществом и право на труд.

3.9 В отношении обвинения в нарушении статьи 12 адвокат считает, что условия бегства из Алжира сопоставимы с изгнанием³⁷. Автор из-за алжирского законодательства, касающегося бесхозяйного имущества и конфискации, не мог ни указать свое место жительства в Алжире, ни остаться там. Он не мог свободно выбрать свое место жительства, без того чтобы не получить официальное извещение о том или ином ограничении, подпадающем под положения пункта 3 статьи 12. Лишение автора свободного выбора места жительства несовместимо с признанными Пактом правами.

3.10 В отношении обвинения в нарушении статьи 17 автор ссылается на то, что меры по лишению имущества не обрели законной формы³⁸. Норма внутрисударственного алжирского права нарушает принцип законности в свете статьи 17. Вмешательство в личную жизнь, в семейные отношения и вторжение в жилище автора запрещено алжирским законом. Государство не имеет никакого права

---

³⁵ Он представил письмо прежнего адвоката от 20 августа 2001 года на имя г-на Эсклапеса, содержащее информацию о решении Европейского суда по правам человека по делу *Амселлема*, переданную 27 августа 2001 года 57 истцам, который считает, что "эти решения окончательно кладут конец использованию всех процедур".

³⁶ Сообщение № 857/1999, *Блазек против Чешской Республики*, соображения, принятые 12 июля 2001 года, пункт 5.9.

³⁷ Он ссылается на первый проект текста статьи 12, в котором содержалось выражение "никто не может быть подвергнут произвольному изгнанию". *Официальные отчеты, Генеральной Ассамблеи, десятая сессия* (1955 год), приложения, стр. 41, пункт 50, документ A/2929.

³⁸ См. замечание общего порядка № 16, пункты 2 и 3.

действовать исключительно на основании подзаконных актов, при этом и для предотвращения его бегства, его исхода, его изгнания не было принято никаких законных мер защиты³⁹.

3.11 В связи с обвинением в нарушении статьи 27 автор выдвигает претензии относительно статуса меньшинства, чьи права на собственную культурную жизнь вместе с другими членами своей группы в 1962 году были уничтожены. В замечании общего порядка № 23⁴⁰ отмечается, что "...культура проявляется во многих формах, включая особый образ жизни, связанный с использованием природных ресурсов" (пункт 7), и что "...защита этих прав направлена на обеспечение сохранения и непрерывного развития культурной, религиозной и социальной самобытности соответствующих меньшинств, обогащая тем самым ткань общества в целом" (пункт 9). Вопрос правового режима в отношении французского меньшинства в Алжире до и после 19 марта 1962 года в плане осуществления его представителями своих культурных прав практически так и не был урегулирован. Автор был лишен своих прав из-за отсутствия эффективных гарантий в отношении французского меньшинства. Опасаясь изгнания, он был лишен, как и в деле *Лавлейс*⁴¹, права проживать в Алжире в своей культурной и языковой среде.

3.12 В отношении обвинения в нарушении пункта 1 статьи 2 и статьи 26, рассматриваемых отдельно или в совокупности, и статей 26 и 17, рассматриваемых в совокупности, адвокат напоминает, что Комитет установил прямую взаимосвязь между статьями 26 и 2. Осуществление признанных в Пакте прав должно быть защищено от дискриминации, что понимается как отсутствие разделения, основанного на различиях в состоянии или положении. Защита, предусмотренная статьей 26, носит особый характер, и "...не всякое различие в обращении представляет дискриминацию при условии, что критерии такого различия являются разумными и объективными, а задача состоит в том, чтобы достичь цели, которая допускается по Пакту"⁴². Автор является жертвой в конкретном случае продолжающейся конфискации его имущества на основании дискриминационного законодательства, что препятствует осуществлению им права собственности без объективных и разумных на то оснований. Комитет разъяснил, что "конфискация частной собственности или отказ государства-участника выплатить компенсацию за такую конфискацию все же может привести к нарушению положений Пакта в том случае, если соответствующее действие или бездействие основывалось на дискриминационных положениях в нарушение статьи 26 Пакта"⁴³. Алжирский Закон от 26 июля 1963 года⁴⁴, касающийся захваченного имущества, установил на избирательной и дискриминационной основе общий принцип объявления государственным имуществом, принадлежащего "агентам колониализма". Национализированное имущество при выполнении некоторых условий было затем

---

³⁹ См. сообщение № 760/1997, *Община "Рехобот бастер" против Намибии*, соображения, принятые 25 июля 2000 года.

⁴⁰ Замечание общего порядка № 23, 8 апреля 1994 года.

⁴¹ Сообщение № 24/1977, *Лавлейс против Канады*, соображения, принятые 30 июля 1981 года, пункт 15.

⁴² См. замечание общего порядка № 18, пункт 13.

⁴³ Сообщение № 516/1992, *Симунек против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 11.3.

⁴⁴ Закон № 63-276 от 26 июля 1963 года об имуществе, захваченном и секвестрированном колониальной администрацией.

возвращено лишь "физическим лицам, имеющим алжирское гражданство"⁴⁵, чьи земли были национализированы вопреки предусмотренным Пактом гарантиям и судебной практике Комитета⁴⁶.

3.13 Кроме того, распоряжение о компенсации от 17 марта 1964 года⁴⁷ исключительно в пользу конкретной категории населения (фермеров) представляет собой дискриминацию, жертвой которой является автор. Распоряжение установило произвольное различие в режимах, когда режим благоприятствования без каких бы то ни было оснований распространяется только на фермеров: обязательство по выплате компенсации без применения дискриминационного режима вытекает из права на национализацию⁴⁸. Комитет отметил, что "...в данном случае рассматривается вопрос не о конфискациях как таковых, а скорее об отказе авторам в средстве возмещения нарушенных прав, притом что другим истцам было возвращено их имущество или они получили компенсацию за него"⁴⁹ и что "...законодательство не должно приводить к дискриминации между жертвами прежних конфискаций, поскольку все жертвы имеют право на возмещение ущерба без произвольных различий"⁵⁰. Таким образом, имеет место нарушение пункта 1 статьи 2 и статьи 26, рассматриваемых отдельно и в совокупности, и статей 26 и 17 Пакта, рассматриваемых в совокупности.

3.14 Обвинение в нарушении статьи 5 Пакта вытекает из ликвидации прав и свобод автора в 1962 году. По мнению адвоката, положение пункта 2 статьи 5 позволяет также поднять вопрос о применении статьи 17 Всеобщей декларации прав человека. Помимо вышеупомянутых обвинений в нарушениях, имело место также нарушение статьи 5.

3.15 В отношении понесенного истцом морального и психологического ущерба адвокат считает, что переселение автора является составной частью весьма тяжелого морального ущерба, в основе которого лежат нравственные страдания и постоянный эмоциональный дискомфорт в сочетании с душевной травмой, вызванной "захватом имущества". В этой связи государство-участник должно официально признать свою долю ответственности в нарушении основных прав автора. Адвокат настоятельно просит Комитет констатировать, что государство-участник, нарушающее свои обязательства по Пакту и собственному национальному законодательству, должно устранить целый ряд нарушений. Прежде всего, автор считает, что в данном случае надлежащим способом возмещения морального ущерба могла бы быть сатисфакция. Признание обоснованности сообщения содержало бы элемент

---

⁴⁵ Статья 3, ордонанс № 95-26 от 30 раби етани 1416 года, соответствующего 25 сентября 1995 года, во изменение и дополнение Закона № 90-25 от 18 ноября 1990 года о земельных вопросах в связи с законом № 62-20 от 24 августа 1962 года.

⁴⁶ Сообщение № 516/1992, *Симунек против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года; сообщение № 586/1994, *Адам против Чешской Республики*, соображения, принятые 23 июля 1996 года.

⁴⁷ Уведомление 16 Z.F., опубликованное 17 марта 1964 года, адресованное исключительно французским фермерам, чье имущество было национализировано, и разрешающее передачу "дохода от реализации урожая винограда и зерновых за вычетом пассивов, связанных с эксплуатацией".

⁴⁸ Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1962 года, озаглавленная "Неотъемлемый суверенитет над природными ресурсами", пункт 4: "...владельцу уплачивается соответствующая компенсация согласно правилам, действующим в государстве, которое принимает эти меры в осуществление своего суверенитета, и в соответствии с международным правом". Он ссылается также на статью 2 Хартии экономических прав и обязанностей государств от 12 декабря 1974 года (резолюция 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи).

⁴⁹ Сообщение № 516/1992, *Симунек против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 11.4.

⁵⁰ Пункт 11.6. См. также сообщение № 586/1994, *Адам против Чешской Республики*, соображения, принятые 23 июля 1996 года; и сообщение № 857/1999, *Блазек против Чешской Республики*, соображения, принятые 12 июля 2001 года, пункт 5.8.

сатисфакции. При этом он не забывает о возмещении в виде выплаты соответствующей справедливой финансовой компенсации⁵¹ за захваченное в Алжире имущество.

Замечания государства-участника

4. В своем представлении от 17 октября 2005 года государство-участник заявляет, что сообщение должно быть признано неприемлемым. Приведенные факты касаются особого периода в истории Алжира и имели место до принятия Пакта (декабрь 1966 года), а также до его вступления в силу (март 1976 года). Кроме того, государство-участник присоединилось к этому документу путем его ратификации лишь 12 декабря 1989 года. С другой стороны, на основании действующих процедур принятие Комитетом дела к производству может быть осуществлено лишь после исчерпания внутренних средств правовой защиты, что, как представляется, не имело места в случае с автором, который как французский гражданин должен вследствие этого предварительно обратиться к компетентным органам своей страны.

Дополнительные комментарии сторон

5.1 В письме от 10 января 2006 года адвокат ссылается на свои предыдущие объяснения относительно задержки с представлением сообщения. В связи с принятием Францией мер по компенсации автор полагал, что государство-участник не несет правовой ответственности за захват имущества. В международном праве признается принцип, согласно которому некоторые финансовые ситуации приостанавливают предписанное действие по осуществлению компенсации. Что касается довода государства-участника относительно "особого периода в истории Алжира", то адвокат не понимает, каким образом эта ссылка на историю объясняет неприемлемость сообщения. Он просит государство-участник разъяснить свою ссылку, с тем чтобы он мог на нее ответить. Он по-прежнему заявляет - не получая возражений со стороны государства-участника - о продолжении действия нарушений, осуществленных⁵² после вступления в силу Пакта, так как государство-участник вопреки Эвианским соглашениям и национальному праву не учредило суд по вопросам гарантий

5.2 Относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты автор вновь заявляет, что в Алжире он никогда не имел в своем распоряжении действующих внутренних адекватных и эффективных средств. Он напоминает об известной - и в высшей степени востребованной со времени лишения имущества - позиции алжирских властей, которые либо уничтожают ходатайства, либо не принимают по ним никаких конструктивных мер, с тем чтобы положить конец совершаемым нарушениям. Автор не обязан использовать средства правовой защиты, в то время когда ни один француз из Алжира не смог добиться сатисфакции в связи с утратой имущества⁵³. В своем ответе государство-участник не приводит никаких доводов и заключений в отношении технических и юридических элементов, затронутых автором. Что касается довода государства-участника, которое ссылается на то, что автор должен обращаться к своей стране (Франции), когда речь идет о спорном вопросе, касающемся мер алжирского государства, то адвокат задает вопрос, по каким причинам автор должен предъявлять обвинение Франции. Адвокат ссылается на свой обмен письмами с различными французскими учреждениями в 2005 году, который указывает на то, что самые высокие французские государственные органы отвечают отказом. Автор настоятельно требует

---

⁵¹ См. сообщение № 747/1997, *Де Фур против Чешской Республики*, соображения, принятые 30 октября 2001 года, пункт 9.2.

⁵² Ссылаясь на сообщение 196/1985, *Гейе против Франции*, соображения, принятые 3 апреля 1989 года; сообщение № 586/1994, *Адам против Чешской Республики*, соображения, принятые 23 июля 1996 года (пункт 6.3); и сообщение № 6/1977 *Секейра против Уругвая*, соображения, принятые 29 июля 1980 года.

⁵³ Сообщение № 4/1977, *Уильям Торрес Рамирес против Уругвая*, соображения, принятые 23 июля 1980, пункт 9.

от государства-участника назвать ему алжирские средства правовой защиты, к которым он мог бы прибегнуть, с тем чтобы выполнить свое так называемое обязательство их исчерпать.

6.1 3 апреля 2006 года государство-участник заявляет, что представление сообщения является серьезным нарушением международного права, ставя под вопрос принцип деколонизации. Оно мотивировано окончательной утратой жилья и имущества, принадлежавшего автору в Алжире, которые защищаются и охраняются положениями упомянутого Пакта. Автор утверждает, что внутренние средства правовой защиты "обречены на неудачу и, следовательно, не могут использоваться", в то время как Пакт вступил в силу лишь 23 марта 1976 года и был ратифицирован государством-участником только 12 декабря 1989 года, т.е. спустя 27 лет после добровольного отъезда французов из Алжира. В силу этого оно не может согласиться с ретроактивным применением Пакта с учетом того, что события, лежащие в основе настоящего сообщения, относятся к июлю 1962 года. Принцип отказа от ретроактивности является общим принципом, применяемым ко всем международным правовым актам, и их принятие может распространяться лишь на события, происшедшие после их вступления в силу. В то же время статья 28 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года кодифицирует международную практику следующим образом: "Если иное намерение не явствует из договора и не установлено иным образом, то положения договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты".

6.2 В дополнение, из сообщения явно следует, что автор не пытался использовать и тем более не исчерпал имеющиеся средства правовой защиты не только на уровне механизмов, учрежденных Эвианскими соглашениями (Декларация принципов, касающихся экономического и финансового сотрудничества, статьи 12⁵⁴ и 13), но и на уровне государственных учреждений и судебных органов. Автор добровольно покинул Алжир, исходя из своей оценки ситуации, которая противоречила имевшим место событиям. Многие другие французы предпочли остаться, поскольку алжирская народная власть не принимала против них никаких мер, и продолжали беспрепятственно пользоваться своей собственностью. Когда брошенное ими имущество осталось без хозяина, сложилась ситуация, угрожавшая общественному порядку. В связи с таким положением алжирские власти были обязаны найти соответствующее решение. Кроме того, автор не представил никаких документов или справок, подтверждающих использование средств правовой защиты, появившихся в Алжире после 1962 года. Он должен "доказать, что он использовал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, с тем чтобы его ходатайство могло быть рассмотрено", что отвечает статье 76 правил процедуры Комитета, а не ограничиваться утверждением, что они заранее обречены на неудачу, являются неэффективными и бесполезными; кроме того, такое утверждение представляет собой необоснованное предубеждение в отношении алжирской судебной системы. Государство-участник никогда не оспаривало право автора представлять свое дело в судах. Алжирское право предоставило ему эту возможность, конституционно закрепив принцип независимости судебной системы, и во многих случаях предписывало алжирским властям обеспечить выплату компенсации или отменить те нормативные акты, которые квалифицировались как противоречащие международным конвенциям или внутреннему правопорядку. На этом основании сообщение является неприемлемым.

7. В своем письме от 15 июня 2006 года адвокат указывает, что государство-участник не дало аргументированного ответа на его замечания. В своих первых замечаниях государство-участник заявляло, что автор должен обращаться к властям своей страны, в то время как теперь оно отмечает, что автор мог обратиться в алжирские суды, не указывая эти суды, применяемые права или соответствующую судебную практику. В отношении утверждений об отъезде автора из Алжира,

---

⁵⁴ Алжир будет обеспечивать без какой бы то ни было дискриминации свободное и внесудебное осуществление имущественных прав, приобретенных на его территории до самоопределения. Никто не будет лишен этих прав без выплаты справедливой заранее установленной компенсации". (Глава IV – Гарантии приобретенных прав и предыдущих обязательств, *United Nations, Treaty Series*, vol. 507, № 7395, p.63).

считающимся "добровольным", а также того, что оставшиеся в Алжире французы продолжали беспрепятственно пользоваться своей собственностью, адвокат отмечает, что государство-участник не приводит никаких доказательств в обоснование своей оценки событий. Наконец, адвокат подчеркивает, что государство-участник не представило подробного ответа на его аргументы, касающиеся исчерпания внутренних средств правовой защиты или продолжающегося нарушения Пакта. Что касается продолжающегося нарушения, то различие между "единовременным неправомерным действием с продолжающимися последствиями" и "продолжающимся неправомерным действием" требует тщательного фактического и правового анализа. Судебная инстанция становится правомочной с того момента, когда противоречие между сторонами (сторона притязания и сторона возражения) проявилось после вступления Пакта в силу, даже если оспариваемые "факты" или вызвавшая спор "ситуация" предшествовали этому факту. Вместе с тем если "причиной" претензии (или "источником" спора) является совокупность действий (*subject-matter*), имевших место после критической даты, то судебная инстанция будет правомочной, даже если их неправомерный характер зависит от изменения или негативного отношения к ситуации, сложившейся до этой даты. Поэтому воздействие временных факторов требует очень внимательного изучения с точки зрения фактов и права, и их рассмотрение по существу должно быть доведено до конца.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

8.1 Прежде чем рассматривать претензии, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли соответствующее сообщение приемлемым по смыслу Факультативного протокола к Пакту.

8.2 Комитет принимает к сведению жалобу автора, касающуюся имущественного состояния его семьи в 1962 году, и констатирует, что, независимо от того, что эти события имели место до вступления в силу для государства - участника Факультативного протокола, право владеть имуществом Пактом не гарантируется. Поэтому все утверждения о нарушении права автора владеть имуществом являются сами по себе неприемлемыми *ratione materiae* в силу статьи 3 Факультативного протокола⁵⁵.

8.3 Автор утверждает, что нарушения прав, которыми он наделен в силу статьи 1; статьи 12; статьи 17; статьи 27; пункта 1 статьи 2 и статьи 26, рассматриваемых отдельно или в совокупности; статей 26 и 17, рассматриваемых в совокупности; и статьи 5, продолжались после вступления в силу для государства - участника Факультативного протокола 12 декабря 1989 года. Государство-участник сослалось на то, что все утверждения автора являются неприемлемыми *ratione temporis*. Комитет полагает, что он не может знать о нарушениях положений Пакта, которые произошли до вступления в силу Протокола для государства-участника, если только упомянутые нарушения не продолжались после вступления Протокола в силу⁵⁶. Под непрекращающимся нарушением понимается продление с помощью нормативных актов или неявным образом нарушений, совершенных государством-участником в предшествующий период. Меры, принятые государством-участником до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, должны по-прежнему оказывать действие, которое само по себе может представлять нарушение какого-либо из прав, закрепленных в статьях, на которые делается ссылка после вступления Протокола в силу⁵⁷.

---

⁵⁵ См. сообщение № 566/1993, *И.Ш. против Венгрии*, соображения, принятые 23 июля 1996 года, пункт 6.1, и сообщение № 516/1992, *Симунек против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 4.3.

⁵⁶ В соответствии со сложившейся судебной практикой, см. сообщение № 516/1992, *Симунек против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 4.5, и сообщение № 310/1988, *М.Т. против Испании*, решение о неприемлемости от 11 апреля 1991 года, пункт 5.2.

⁵⁷ См. сообщение № 566/1993, *И.Ш. против Венгрии*, соображения, принятые 23 июля 1996 года, пункт 6.1.

В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник после вступления в силу Пакта и Протокола приняло определенные законы о реституции некоторого имущества алжирским гражданам. Однако автор не доказал, что эти законы применимы к нему, поскольку они не касаются лиц, "чьи земли были национализированы или которые отдали в дар свои земли в рамках ордонанса № 71-73 от 8 ноября 1971 года" (см. пункт 2.2)⁵⁸. Единственным оставшимся вопросом, который мог бы возникнуть в свете статьи 17, является вопрос о том, продолжает ли иметь последствия тот факт, что государство-участник не выплатило автору компенсацию за конфискацию его имущества. Комитет напоминает, что тот единственный факт, что автор не получил возмещения ущерба после вступления Факультативного протокола в силу, не равнозначен продолжению предыдущего нарушения⁵⁹. Следовательно, эти утверждения являются неприемлемыми *ratione temporis* в силу первой статьи Факультативного протокола.

9. На основании вышеизложенного Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола и пунктом 3 правила 93 своих правил процедуры;
- b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора сообщения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (совпадающее) мнение членов Комитета г-жи Элизабет Пальм, сэра Найджела Родли и г-на Нисуке Андо

Несмотря на наше согласие с выводами, содержащимися в пунктах 8.2 и 8.3, мы придерживаемся того мнения, что сообщение должно быть признано неприемлемым из-за злоупотребления правом представлять сообщения и что два рассматриваемых пункта должны быть заменены новым пунктом 8.2 в следующей редакции:

8.2 Комитет отмечает, что в этом деле между ратификацией государством - участником Факультативного протокола в 1989 году и представлением сообщения в 2004 году прошло 15 лет. Он обращает внимание на то, что никаких точно обозначенных сроков для представления сообщений в соответствии с Факультативным протоколом не существует. В этой связи и при данных обстоятельствах Комитет вправе ожидать разумного объяснения причин подобной задержки. В данном случае Комитет принимает к сведению различные выдвинутые адвокатом доводы, которые, по мнению последнего, объясняют, почему автор был вынужден ждать до 2004 года, чтобы представить Комитету это сообщение (см. пункт 3.7). Что касается второго довода, то факт ратификации государством-участником Пакта и Факультативного протокола лишь в 1989 году не объясняет, почему автор не возбудил производство по делу в государстве-участнике в этот момент. Комитет отмечает, что адвокат автора ссылается на иски, предъявленные другими лицами во Франции и в Европейском суде по правам человека, т.е. на ходатайства, которые были признаны неприемлемыми Европейским судом в 2001 году. Однако ничего не указывает на то, что сам автор предъявил иск во Франции или в Европейском суде. Комитет отмечает также, что автор воспользовался мерами по

---

⁵⁸ См. статью 3 ордонанса № 95-26 от 30 раби этани 1416 года, соответствующего 25 сентября 1995 года, во изменение и дополнение Закона № 90-25 от 18 ноября 1990 года, касающегося земельных вопросов, в связи с ордонансом № 62-20 от 24 августа 1962 года.

⁵⁹ См. сообщение № 520/1992, *Э.А.К. против Венгрии*, решение о неприемлемости от 7 апреля 1994 года, пункт 6.6.

компенсации, принятыми Францией в 1977, 1980 и 1988 годах⁶⁰, и что он решил обратиться с жалобой на государство-участник не во внутренние суды и административные органы последнего, а непосредственно в Комитет лишь после того, как обнаружил, что в проекте французского закона № 1499 от 10 марта 2004 года⁶¹ не содержится положения о возмещении, касающегося выплаты компенсации за имущество, захваченное в Алжире. Комитет полагает, что автор имел возможность обратиться с жалобой на государство-участник после его присоединения к Пакту и Факультативному протоколу и что иски, предъявленные во Франции, не препятствовали ему в возбуждении производства по делу против Алжира в Комитете. Автор не дал никакого убедительного объяснения в обоснование своего решения ждать до 2004 года, чтобы представить в Комитет свое сообщение. В отсутствие такого объяснения Комитет считает, что представление сообщения с таким значительным запозданием равнозначно злоупотреблению правом на подачу жалобы и признает данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола⁶².

Наконец, мы хотели бы подчеркнуть, что дело, связанное с настоящим сообщением, может рассматриваться как "экспериментальное", принимая во внимание, что Комитет получил более 600 аналогичных сообщений. Поэтому установление причин, по которым это сообщение должно было быть признано неприемлемым, представляет особый интерес.

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-жи Рут Уэдждвуд

Автор предъявляет ряд претензий по поводу имущества, которое было отчуждено без компенсации, когда он покинул Алжир. При принятии предыдущих решений Комитет по правам человека приходил к заключению, что право на владение собственностью и право на быстрое и эффективное получение достаточной компенсации в случае экспроприации имущества, не защищаются Международным пактом о гражданских и политических правах⁶³. Тем не менее, согласно судебной практике Комитета, необоснованная дискриминация в отношении режима изъятия имущества или выплаты компенсации за утрату имущества может привести к нарушению статьи 26 Пакта⁶⁴. Комитет по правам человека в значительном количестве дел пришел к выводу, что государство "ответственное за отъезд своих граждан" не может затем ссылаться на тот факт, что

---

⁶⁰ Закон № 87-549 от 16 июля 1987 года, направленный на окончательное урегулирование дел, касающихся имущества, утраченного или "захваченного" в заморских территориях.

⁶¹ Закон № 2005-158, касающийся признания нации и национального налога в пользу репатриированных французов, был принят 23 февраля 2005 года. Он касается главным образом двух категорий лиц: репатриированных и военнослужащих вспомогательных войск. Что касается репатриированных, то закон предусматривает возвращение сумм, изъятых в связи с компенсациями, которые были им выплачены в 1970 году, с целью погашения ссуд на обустройство. Эти ссуды были предоставлены лицам, желающим создать во Франции предприятия. Что касается военнослужащих вспомогательных войск, то закон предусматривает выплату пособий в знак признательности.

⁶² См. сообщение № 787/1997, *Гобин против Маврикия*, решение относительно приемлемости, принятое 16 июля 2001 года, пункт 6.3, и сообщение № 1434/2005, *Филласье против Франции*, решение относительно приемлемости, принятое 27 марта 2006 года, пункт 4.3.

⁶³ См. сообщение № 520/1992, *Э. и .А.К. против Венгрии*, пункт 6.6, и сообщение № 275/1988, *С.Э. против Аргентины*.

⁶⁴ См. сообщение № 516/1992, *Симунк против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года; сообщение № 586/1994, *Адам против Чешской Республики*, сообщение № 857/1999, *Блазек и др. против Чешской Республики*, и сообщение № 747/1997 *Де Фур Вальдерод против Чешской Республики*.

истец не отвечает критерию, предусматривающему постоянное проживание или наличие гражданства, как на достаточную причину для исключения положения о реституции⁶⁵.

В данном случае 25 сентября 1995 года государство-участник приняло закон о возвращении имущества лицам, "чьи земли были национализированы", при условии, что они являются алжирскими гражданами. См. соображения Комитета, пункт 8.3. Автор заявил, что он был лишен 12 квартир и 10 офисных помещений после того, как покинул Алжир. По всей вероятности, эти квартиры были построены на принадлежащих ему землях. Кроме того, автор утверждает также, что в Оране ему принадлежало "несколько земельных участков". См. соображения Комитета, пункты 2.1 и 2.2. Государство-участник не оспорило эти утверждения. Оно также не объяснило, чем именно объявление имущества "бесхозным" (при отказе в претензиях о возвращении) с целью облегчения его перепродажи отличается, с точки зрения последствий или намерения, от национализации.

В силу вышеизложенного представляется возможной ссылка на дискриминацию в связи с правовым положением о реституции, которое государство-участник приняло *после* присоединения к Пакту и Факультативному протоколу. Кроме того, по крайней мере в одном деле, Комитет пришел к заключению, что закон, на основании которого лицо было лишено возможности снова проживать в защищенном месте, продолжал действовать после даты его принятия⁶⁶.

Несомненно, является верным то, что в переломные исторические моменты реальные трудности могут препятствовать поиску решений в контексте индивидуальных жалоб на нарушения права. К тому же государство-участник должно было со временем исправить вызывающую беспокойство ситуацию. Нам же следовало бы серьезно взяться за эти проблемы, а не прикрываться решением о неприемлемости *ratione temporis*, которое слабо согласуется с нашей правовой практикой.

Сообщение № 1434/2005

Представлено: Клодом Филласье (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Франция

Признано неприемлемым: 27 марта 2006 года

Тема сообщения: восстановление в должности в системе французской государственной администрации после перевода из Алжира, требование возмещения ущерба

Процедурные вопросы: злоупотребление правом представлять сообщения, оговорка государства-участника

Вопросы существа: доступ к государственной службе на равных условиях

Статьи Пакта: 2, 25 с) и 26

Статьи Факультативного протокола: статья 3 и пункт 2 а) статьи 5

1. Автором сообщения от 24 октября 2005 года является гражданин Франции Клод Филласье, родившийся 3 марта 1927 года в Боне, Алжир. Он утверждает, что является жертвой нарушений

---

⁶⁵ См. сообщение № 516/1992, *Симунек против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 11.6.

⁶⁶ См. сообщение № 24/1977, *Лавлейс против Канады*, соображения, принятые 30 июля 1981 года, пункт 13.1.

Францией статей 2, 25 с) и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом Аленом Гареем. Факультативный протокол вступил в силу для Франции 17 мая 1984 года.

Факты в изложении автора

2.1 С октября 1953 года по март 1963 года автор сообщения занимал различные административные должности в ряде социальных органов в Алжире, который в то время являлся частью Франции. Начиная с июня 1960 года он занимал одновременно должности заместителя директора Региональной кассы взаимного страхования и социального обеспечения сельхозработников "Бон ассюранс сосьяль" и заместителя директора Региональной кассы взаимного страхования сельхозработников "Бон - ассюранс".

2.2 Автор сообщения уехал из Алжира во Францию в марте 1963 года, т.е. после деколонизации. 5 марта 1963 года он обратился с ходатайством о восстановлении его в аналогичных должностях во Франции в каком-либо учреждении, занимающемся социальным страхованием сельхозработников. Это ходатайство было основано на статье 2 декрета № 62-941 от 9 августа 1962 года об условиях трудоустройства французских служащих, постоянно работающих в органах, которые перечислены в статье 3 указа № 62-401 от 11 апреля 1962 года об условиях приема на государственную службу в метрополии чиновников и представителей органов государственной администрации Алжира и стран сахарского региона.

2.3 Письмом от 11 мая 1963 года министерство сельского хозяйства Франции уведомило автора о том, что он не может быть трудоустроен, поскольку работал и в Региональной кассе взаимного страхования и социального обеспечения под названием "Бон ассюранс сосьяль", действовавшей в соответствии с предусмотренным законом режимом, и в Региональной кассе взаимного страхования сельхозработников под названием "Бон - ассюранс" - учреждении, не охватываемом указом № 62-401 от 11 апреля 1962 года. Автор направил ответное письмо 11 июля 1963 года. Министр подтвердил свое решение письмом от 29 июля 1963 года.

2.4 Автор сообщения безуспешно, многократно и на различных уровнях пытался добиться назначения на сходную должность. В конечном счете он обратился в суд по административным делам Тулузы с ходатайствами о трудоустройстве и возмещении ущерба, причиненного ему вследствие того, что он не был восстановлен на соответствующей должности во Франции. Его ходатайства были отклонены решением суда от 27 июня 1986 года. Затем автор сообщения подал кассационную жалобу, и Государственный совет постановлением от 8 июня 1990 года подтвердил решение суда по административным делам Тулузы. 7 января 2004 года автор сообщения обратился в Европейский суд по правам человека, который 9 ноября 2004 года объявил его жалобу неприемлемой в связи с поздним представлением.

Жалоба

3.1 Автор сообщения заявляет, что его жалоба не "рассматривалась" Европейским судом по правам человека, поскольку была объявлена неприемлемой по чисто процедурной причине. Он считает, что оговорка государства-участника к его случаю неприменима. В данном случае автор сообщения оспаривает даже законность самой оговорки, которая нарушает принцип доступа к правосудию.

3.2 Хотя его сообщение касается событий, имевших место до даты ратификации Факультативного протокола государством-участником, автор сообщения считает, что Комитет по правам человека компетентен их рассматривать, поскольку эти акты и после вступления в силу Факультативного

протокола продолжают иметь последствия, которые сами по себе являются нарушениями Пакта¹. Он утверждает также, что его иск является приемлемым, поскольку ни в Пакте, ни в Факультативном протоколе не оговорены сроки представления того или иного сообщения.

3.3 Автор сообщения считает, что он не получил от национальных властей гарантий защиты прав, фигурирующих в пункте с) статьи 25, рассматриваемой в сочетании со статьями 2 и 26 Пакта. Он считает, что речь идет о существенном нарушении права на труд и о дискриминации, обусловленной его положением и его гражданством. Он считает себя жертвой дискриминации по сравнению с другими представителями, осуществлявшими в то время во Франции аналогичные функции в рамках системы взаимного страхования сельскохозяйственных работников². Он ссылается на Замечание общего порядка № 25 (57) Комитета по правам человека, в котором уточняется, что, "для того чтобы гарантировать доступ к государственным функциям на общих условиях равенства, критерии и процедуры назначения, повышения по службе, отстранения от должности и увольнения должны быть объективными и разумными". В этой связи автор сообщения считает, что критерии, применявшиеся в его случае, а именно характер выполнявшейся им руководящей работы в Региональной кассе взаимопомощи и социального обеспечения сельхозработников, в том виде, в котором они были интерпретированы государством-участником, как представляется, являются причиной разницы в обращении, которая не основана на разумных и объективных критериях.

3.4 Относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты автор сообщения уточняет, что вследствие постановления, принятого 8 июня 1990 года Государственным советом, в его распоряжении не имеется более никакого другого внутреннего средства правовой защиты.

3.5 Автор сообщения просит Комитет принять решение о предоставлении ему справедливого возмещения в связи с серьезным ущербом, понесенным им в результате упущений со стороны национальной администрации. Он просит также, чтобы на государство-участник было возложено обязательство возместить расходы, понесенные им в связи с исками, которые он возбуждал во французских судах.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

4.1 Перед рассмотрением какой-либо жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии со статьей 93 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

4.2 В соответствии с требованиями пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет пришел к выводу, что 18 ноября 2004 года Европейский суд по правам человека признал жалобу автора неприемлемой в связи с поздней подачей ходатайства (ходатайство № 2188/04). Комитет напоминает также, что в момент своего присоединения к Факультативному протоколу государство-участник сделало оговорку в отношении пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, согласно которой Комитет "некомпетентен рассматривать сообщение какого-либо лица, если этот вопрос уже находится или находился на рассмотрении в соответствии с другой процедурой международного расследования или урегулирования". Комитет, однако, пришел к выводу о том, что Европейский суд не "рассматривал" дело по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку его

---

¹ См. дело *Лавлейс против Канады*, сообщение № 24/1977, Соображения приняты 30 июля 1981 года, пункт 7.3.

² См. дело *Гейе против Франции*, сообщение № 196/1985, Соображения приняты 3 апреля 1989 года, пункт 9.5.

решение касалось исключительно процедурной стороны дела. В этой связи не существует никакого препятствия для применения пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола в том виде, как он истолковывается в свете оговорки государства-участника.

4.3 Комитет принимает во внимание, что настоящее дело затянулось на 15 лет, и отмечает, что никаких точно обозначенных сроков для представления сообщений в соответствии с Факультативным протоколом не существует. Однако в некоторых обстоятельствах Комитет вправе ожидать разумного объяснения, касающегося причин подобной задержки. В данном случае постановление Государственного совета было принято 8 июня 1990 года, т.е. более чем за 15 лет до поступления данного сообщения в Комитет; при этом никакого вразумительного объяснения относительно причин подобной задержки представлено не было. В отсутствие такого объяснения Комитет считает, что представление сообщения с таким значительным запозданием равнозначно злоупотреблению правом на подачу жалобы, и признает данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола³ и пунктом 3 статьи 93 своих правил процедуры.

5. На основании вышеизложенного Комитет по правам человека постановляет:

- а) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола и пунктом 3 правила 93 своих правил процедуры;
- б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора сообщения.

Сообщение № 1452/2006

Представлено: г-ном Ренатусом Й. Хитилем (адвокатом не представлен)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Чешская Республика

Признано неприемлемым: 24 июля 2007 года

Тема сообщения: дискриминация по признаку гражданства в отношении реституции собственности

Процедурные вопросы: злоупотребление правом на представление сообщений

Вопросы существа: равенство перед законом; равная защита со стороны закона

Статья Пакта: статья 26

Статья Факультативного протокола: 3

1. Автором сообщения является г-н Ренатус Й. Хитиль, родившийся в 1925 году в бывшей Чехословакии. Он утверждает, что является жертвой нарушения Чешской Республикой его прав,

---

³ См. дело *Гобен против Маврикия*, Сообщение № 787/1997, Решение о неприемлемости, принятое 16 июля 2001 года, пункт 6.3.

предусмотренных статьей 26 Международного пакта о гражданских и политических правах¹. Адвокатом он не представлен.

Факты в изложении автора

2.1 13 июня 1948 года автор бежал из Чехословакии. Он был признан политическим беженцем в Германии до его эмиграции в Соединенные Штаты Америки, где в 1957 году он получил гражданство США, утратив при этом чешское гражданство на основании двустороннего Договора о натурализации 1928 года². В 1948 году чехословацкие власти лишили его диплома юриста и научной степени, которые позволяли ему вести юридическую практику. Согласно утверждениям автора, чехословацкими властями в различное время была конфискована следующая собственность:

- текстильная фабрика Вонмиллер в Замберке, Восточная Богемия, была конфискована в 1945 году и затем приватизирована в 1995 году;
- приблизительно 1 500 кг золота в монетах и слитках. Автор утверждает, что это золото, которое было конфисковано нацистами во время второй мировой войны, было обнаружено в Германии, изъято и хранилось в Соединенных Штатах. Автор утверждает также, что золото его семьи вместе с 18,4 тонн чешского золота, названного "подлежащим возвращению золотом в монетах", было отправлено правительством Соединенных Штатов пражскому режиму в феврале 1982 года. Автор не получил никакой компенсации от правительства Соединенных Штатов;
- семейная вилла, конфискованная в 1983 году, в то время когда мать и сестра автора сообщения навещали его в Калифорнии. Впоследствии обе они получили политическое убежище в Соединенных Штатах;
- строительная фирма ЛИТАС, национализированная и конфискованная в 1948 году;
- другие земельные участки, здания и инвестированные средства.

2.2 В 1990 году на основании Закона 119/1990 ему были возвращены дипломы доктора наук и магистра права. 19 января 1994 года он выступил в Комитете по конституционным вопросам чешского парламента. Он также требовал реституции бывшей собственности и золота семьи, обратившись 10 июня 1994 года в чешский Конституционный суд с жалобой на нарушение прав человека и с другими жалобами. Как указывает автор, чешский Конституционный суд 26 ноября 1995 года отклонил его жалобу на том основании, что, согласно статье 3 Закона № 87/1991, он не правомочен подавать такую жалобу, поскольку он не отвечает требованию наличия постоянного гражданства. Он утверждает, что это решение является окончательным и обжалованию не подлежит. Он пытался добиться пересмотра своего дела, но помощник судьи чешского Конституционного суда отказал ему в этом 4 марта 1996 года.

Жалоба

3. Автор ссылается на решение Комитета по делу, возбужденному против Чешской Республики (сообщение № 516/1992, *Симунек и др. против Чешской Республики*, сообщения, принятые 19 июля

---

¹ Пакт был ратифицирован Чехословакией в декабре 1975 года, а Факультативный протокол - в марте 1991 года. Чешская и Словацкая Федеративная Республика прекратила свое существование 31 декабря 1992 года. 22 февраля 1993 года Чешская Республика уведомила о своем присоединении к Пакту и Факультативному протоколу в порядке правопреемства.

² Договор о натурализации, заключенный между Чехословакией и Соединенными Штатами Америки 16 июля 1928 года (дата вступления в силу: 14 ноября 1929 года).

1995 года)³, и напоминает, что Комитет устанавливал факты нарушения Пакта в обстоятельствах, подобных его ситуации. Он утверждает, что отказ чешского правительства вернуть ему его собственность является нарушением статьи 26 Пакта.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения

4.1 11 августа 2006 года государство-участник изложило свои соображения относительно приемлемости и существования сообщения. Касательно фактов государство-участник поясняет, что автор не восстановил чешское гражданство и что 18 апреля 1994 года он обратился в Конституционный суд с ходатайством, которое он назвал "иском в связи с нарушением прав человека и ходатайством о внесении поправки в закон". В своем представлении он требовал отмены некоторых положений Закона № 87/1991 о реабилитации во внесудебном порядке или внесения в них поправок, реституции его собственности и предоставления компенсации за нарушение его прав *in rem* и наследственных прав в сумме более 50 млн. долл. США. 29 ноября 1995 года Конституционный суд отклонил его ходатайство, а 4 марта 1996 года Конституционный суд отклонил жалобу автора сообщения, касающуюся решения от 29 ноября 1995 года.

4.2 Государство-участник напоминает, что в статье 1 Закона № 87/1991 речь идет о смягчении последствий некоторых имущественных и иных несправедливостей, допущенных в период с 25 февраля 1948 года до 1 января 1990 года. Этим Законом устанавливаются необходимые условия для выдвижения претензий, касающихся утраты собственности и предметов, а также правила, регулирующие присуждение компенсации и объем таких претензий. Согласно статье 2 Закона либо возвращается утраченная собственность или вещь, либо предоставляется денежная компенсация. Согласно пункту 1 статьи 3 "лицами, имеющими право" являются лица, реабилитированные на основании Закона № 119/1990, собственность которых перешла к государству в конкретных случаях, при условии что такое лицо является гражданином Чехии или Словакии. Лицо, обязанное вернуть собственность, должно, как указывается в статье 4, вернуть эту собственность по письменному требованию соответствующего лица, имеющего право, которое доказало свое право на эту собственность и конкретно указало, каким образом эта собственность оказалась у государства. Если собственность является движимой, то данное лицо должно указать, где она находится. В пункте 2 статьи 5 предусматривается, что полномочное лицо должно обратиться к ответчику с требованием о возвращении собственности в течение шести месяцев с даты вступления в силу указанного Закона. В случае невозвращения собственности ответчиком полномочное лицо может обратиться в суд в течение одного года. Кроме того, в статье 8 этого Закона предусматривается, что полномочное лицо вправе получить денежную компенсацию в случае невозвращения ему его собственности. Ходатайство о денежной компенсации должно быть подано в письменной форме в течение одного года с даты вступления настоящего Закона в силу или же в течение одного года с даты решения об отказе в реституции этой собственности.

4.3 В связи с вопросом о приемлемости государство-участник напоминает, что ни на национальном уровне, ни в Комитете автор не представил никаких доказательств того, что он обращался с требованием о реституции к "ответчикам" или соответственно в суды ординарной юрисдикции Чешской Республики, и не доказал, что он обращался с таким требованием в сроки, предусмотренные статьей 5 Закона № 87/1991. Таким образом, он явно не исчерпал внутренних средств правовой защиты.

4.4 Что касается рассмотрения дела в Конституционном суде, то автор сам лишил себя возможности рассмотрения этим судом его ходатайства и принятия по нему решения. При подаче автором ходатайства в суд 18 апреля 1994 года не были соблюдены процессуальные требования, что

---

³ Автор указывает, что он был первым, кто в 1996 году обратил внимание правительства США на решение Комитета по делу *Симунека*. Автор прилагает также текст письма на имя Председателя Комиссии по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе от 19 марта 1999 года, в котором упоминается дело *Симунека*.

не позволило последнему рассматривать его дело⁴. Автор не представил копию решения по последнему средству правовой защиты, предусмотренному законом для защиты его прав, и не выполнил требования быть представленным адвокатом (обязательное требование Конституционного суда). В итоге 22 июня 1994 года Конституционным судом ему было предложено устранить эти недостатки. В своем ответе автор лишь представил дополнительные соображения *de lege ferenda* по вопросу о чешском законодательстве в области реституции, а недостатки, имевшиеся в его ходатайстве, устранены не были. Поэтому 29 ноября 1995 года Конституционный суд отклонил его ходатайство⁵.

4.5 Кроме того, автор не обратился вначале к "ответчику" и не подал свой иск о реституции в суд общей юрисдикции (см. статьи 4 и 5 Закона № 87/1991). Поскольку Конституционный суд не может подменять своими решениями решения этих органов, касающихся реституции, он отклонил эту часть ходатайства автора в соответствии с положением пункта 1 е) статьи 43⁶. По этой же причине он отклонил ходатайство автора о внесении поправки в Закон № 87/1991, поскольку это правомочен делать только парламент. В силу этих причин автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты, и сообщение является неприемлемым согласно статье 2 и пункту 2 б) статьи 5 Факультативного протокола.

---

⁴ Государство-участник поясняет, что, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 30 Закона № 182/1993 о Конституционном суде, физические и юридические лица, являющиеся сторонами по отдельному или объединенному делу, рассматриваемому в Конституционном суде, должны быть представлены барристером или специалистом по торговому праву или государственным нотариусом. Согласно пункту 1 статьи 34 этого закона ходатайство о возбуждении дела должно быть подано в Конституционный суд в письменной форме. В нем должно быть четко указано, кто именно подает ходатайство, его предмет и цель. Ходатайство должно быть подписано и датировано. В нем должны быть изложены соответствующие факты и указаны свидетельства, на которые делаются ссылки. Пункт 1 статьи 43 предусматривает, что судья, докладывающий дело, отклоняет ходатайство по соответствующему решению без проведения слушаний и без приглашения сторон: а) если истец не устранил в своем ходатайстве недостатки в течение предоставленного ему для этой цели времени; или б) если ходатайство было подано по истечении предусмотренного законом срока [...]; е) если ходатайство касается дела, рассмотрение которого не входит в компетенцию Конституционного суда; или ф) если ходатайство является неприемлемым, кроме случаев, когда иное предусмотрено законом. В пункте 2 статьи 72 предусматривается, что апелляции в Конституционный суд могут подаваться в течение 60 дней. Отсчет времени начинается с даты принятия последнего решения по последнему средству правовой защиты, предусмотренному законом для защиты соответствующего права, а в случае отсутствия такого средства - с даты возникновения факта, являющегося предметом конституционной жалобы. В пункте 1 статьи 75 предусматривается, что жалобы Конституционным судом не принимаются в случае неисчерпания подателем всех процедурных средств правовой защиты, предусмотренных законом для защиты его прав; подача ходатайства о разрешении на возобновление рассмотрения дела в суде не считается таким средством правовой защиты.

⁵ Государство-участник представляет перевод на английский язык Решения Конституционного суда Чешской Республики File Ref. II ŮS 62/94-35: автор "не подал свою конституционную жалобу через барристера, он не доказал, что является членом Чешской ассоциации адвокатов и не представил копию решения по последнему средству правовой защиты, предусмотренному законом для защиты его прав". Как представляется, та часть жалобы, в которой содержится требование о рассмотрении соответствия Закона № 87/1991 Конституции, была отклонена, поскольку этот вопрос уже находился на рассмотрении суда (Pl. ŮS 3/94): "непринятие к рассмотрению судом дела, которое уже рассматривается другим судом, т.е. случай, предусмотренный пунктом 2 статьи 35 Закона о Конституционном суде [...], истец не мог получить статус стороны по отдельному или объединенному иску, поскольку из-за наличия изъянов в его ходатайстве он не может считаться полномочным лицом".

⁶ "Решения по вопросам компенсации и реституции принимаются органами, перечисленными в Законе № 87/1991, а не Конституционным судом, который призван рассматривать вопросы конституционности принимаемых ими решений" (см. перевод, представленный государством-участником).

4.6 Во-вторых, государство-участник утверждает, что автор не обосновал своих утверждений о дискриминационном отношении при принятии решения по его ходатайству о реституции. Он лишь перечисляет имущество, реституции которого он добивается. Однако, согласно статье 5 Закона № 87/1991, он должен документально обосновать свои права на реституцию собственности или же документально подтвердить способ ее присвоения государством, а в случае движимого имущества должен также указать место, где это имущество находится. Поэтому его сообщение является неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола.

4.7 В-третьих, государство-участник считает, что данное сообщение является неприемлемым в силу злоупотребления правом на представление сообщений (статья 3 Факультативного протокола). Хотя в Факультативном протоколе не устанавливается каких-либо фиксированных для сроков представления сообщений, и лишь задержка с представлением сама по себе не составляет злоупотребления правом на представление, государство-участник напоминает о том, что Комитет, исходя из своей правовой практики, рассчитывает на разумное и объективно понятное объяснение причин такой задержки⁷. В данном случае автор представил свое сообщение Комитету 16 января 2006 года, хотя последним решением по этому вопросу на национальном уровне является решение Конституционного суда от 4 марта 1996 года. Автор не объясняет причин этой десятилетней задержки, и, таким образом, сообщение является неприемлемым по причине злоупотребления правом на подачу петиций по смыслу статьи 3 Факультативного протокола.

4.8 Что касается существа дела, то государство-участник утверждает, что в этом сообщении не содержится ничего, что могло бы свидетельствовать о наличии какой-либо запрещенной дискриминации в отношении автора. Автор документально не подтвердил принятия национальными органами каких-либо решений об отказе ему в ходатайстве о реституции, которые противоречили бы положениям статьи 26, и государству-участнику не известно о каких-либо таких решениях. Согласно представленной информации по этому делу было принято только два решения - решения Конституционного суда от 29 ноября 1995 года и от 4 марта 1996 года. Эти решения не вызывают каких-либо подозрений в применении запрещенной дискриминации. Если автор желает возразить против того, что чешские законы о реституции требуют, в частности, наличия гражданства государства-участника в качестве необходимого условия для принятия от него ходатайства о реституции, то государство-участник не оспаривает наличие такого требования. Вместе с тем наличие *per se* этого предварительного условия не означает проявление запрещенной дискриминации в отношении автора. Запрещенная дискриминация в отношении автора могла бы иметь место только в случае принятия национальными органами решения отклонить его ходатайство о реституции на основании несоблюдения им этого предварительного условия⁸. В данном случае такого решения принято не было. Конституционный суд отклонил ходатайства автора исключительно по процессуальным причинам, а не по причине применения к нему требования наличия гражданства. Поэтому никакого нарушения статьи 26 Пакта не было.

Комментарии автора

5. 28 февраля 2007 года автор, касаясь утверждения государства-участника о том, что он не представил документов, свидетельствующих о его праве на собственность, сослался на свое первоначальное сообщение и представленный им список конфискованного имущества. В поддержку своего утверждения о том, что требование наличия гражданства является дискриминационным и

---

⁷ Государство-участник ссылается на сообщение № 787/1997, *Гобин против Маврикия*, решение о неприемлемости от 16 июля 2001 года, в котором Комитет объявил сообщение неприемлемым, поскольку оно было представлено спустя пять лет после утверждаемого нарушения Пакта, отметив, что автор не представил "убедительных объяснений", которые оправдывали бы такую задержку (пункт 6.3).

⁸ Государство-участник ссылается на сообщение № 516/1992, *Симунк и др. против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года.

противоречащим требованиям статьи 26, автор ссылается на решение по делу Симунека⁹. Что касается довода о том, что он не исчерпал внутренних средств правовой защиты, то автор утверждает, что, даже если бы он вновь был натурализован в качестве гражданина Чехии¹⁰, его статус все равно не соответствовал бы требованию государства-участника о постоянном гражданстве. Согласно Закону № 87/1991 только граждане Чехословакии пользуются правами на реституцию, и он не является "полномочным лицом" согласно статье 3 этого Закона. Хотя в 1993 году условие постоянного проживания было снято государством-участником, дискриминационное условие наличия гражданства сохраняется. В этих условиях автор, будучи гражданином США и не являющийся на постоянной основе гражданином Чехии, не может выступать в качестве стороны по делам в чешских судах и поэтому не может исчерпать внутренние средства правовой защиты. Согласно определению "полномочного лица" его права на средства правовой защиты не существуют. По его мнению, государство-участник использует процессуальные нормы, чтобы воспрепятствовать реституции и тем самым нарушает созданный решением по делу Симунека прецедент и статью 26¹¹. Он делает вывод о том, что его сообщение должно быть объявлено приемлемым.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры установить, является ли она приемлемой в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту. В соответствии с требованием, содержащимся в подпункте а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет установил, что данный вопрос не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

6.2 Что касается аргумента государства-участника о том, что представление сообщения Комитету равносильно злоупотреблению правом на представление сообщений на основании статьи 3 Факультативного протокола, то Комитет отмечает, что последним решением в этой связи является решение Конституционного суда от 4 марта 1996 года, в котором последний отклонил просьбу автора об обжаловании предшествующего решения от 29 ноября 1995 года. Таким образом, прошло почти десять лет до того, как автор направил свое дело в Комитет 16 января 2006 года. Комитет отмечает, что нет никаких твердых сроков представления сообщений в соответствии с Факультативным протоколом и что сама по себе задержка с представлением не составляет, кроме исключительных случаев, злоупотребления правом на представление сообщений¹². В данном случае, хотя государство-участник ставит вопрос о том, что задержка равносильна злоупотреблению правом на подачу петиций, автор не обосновал причины, по которым он ждал почти десять лет, прежде чем обратиться со своими жалобами к Комитету. Учитывая тот факт, что решение Комитета по делу *Симунека*¹³ было вынесено в 1995 году и что имеющиеся в деле документы свидетельствуют о том,

---

⁹ Сообщение № 516/1992, *Симунек и др. против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года.

¹⁰ Автор утверждает, что никогда не утрачивал чешского гражданства в свете принципа *jus sanguinis*.

¹¹ Автор ссылается также на статью 46 Гагской конвенции 1907 года, в которой говорится, что "частная собственность не может быть конфискована".

¹² См. сообщение № 787/1997, *Гобин против Маврикия*, решение о неприемлемости от 16 июля 2001 года, пункт 6.3, сообщение № 1434/2005, *Клод Филласье против Франции*, решение о неприемлемости от 27 марта 2006 года, пункт 4.3, и сообщение № 1101/2002, *Хосе Мария Альба Кабриада против Испании*, соображения, принятые 1 ноября 2004 года, пункт 6.3.

¹³ Сообщение № 516/1992, *Симунек и др. против Чешской Республики*, соображения, принятые 19 июля 1995 года.

что вскоре автору стало известно об этом решении¹⁴, Комитет считает поэтому такую задержку столь неразумной и чрезмерной, что рассматривает ее как злоупотребление правом на представление сообщений и объявляет это сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

7. В связи с вышеизложенным Комитет по правам человека постановляет:

а) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

---

¹⁴ См. сноску 3.

В. СООБРАЖЕНИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ПУНКТОМ 4 СТАТЬИ 5 ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА

Сообщение № 812/1998

Представлено: Реймондом Персо и Рамперсо (адвокатом не представлены)

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Гайана

Дата принятия Сообщений: 21 марта 2006 года

Тема сообщения: практика содержания в камере смертников - обязательное вынесение смертного приговора

Процедурные вопросы: отсутствие содействия со стороны государства-участника

Вопросы существа: произвольное лишение жизни

Статьи Пакта: 6 и 7

Статьи Факультативного протокола: 2 и 4, пункт 2

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 статьи 6)

1.1 Авторами сообщения являются граждане Гайаны¹ Реймонд Персо и Рамперсо. Реймонд Персо в настоящее время содержится в Джорджтаунской тюрьме в ожидании приведения в исполнение смертного приговора. Рамперсо умер 21 августа 1998 года (естественной смертью), и Комитет не получал ни от одного из его наследников никакого уведомления о том, что его сообщение сохраняет свою силу. Хотя авторы не ссылаются на какие-либо конкретные положения Международного пакта о гражданских и политических правах, в связи с сообщением, как представляется, возникают вопросы по статьям 6 и 7. Авторы не представлены адвокатом.

1.2 В соответствии с правилом 92 (прежним правилом 86) правил процедуры Комитета 9 апреля 1998 года Комитет через своего Специального докладчика по новым сообщениям просил

---

¹ Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для государства-участника соответственно 15 мая 1977 года и 10 августа 1993 года. 5 января 1999 года государство-участник уведомило Генерального секретаря о том, что оно приняло решение денонсировать Факультативный протокол, начиная с 5 апреля 1999 года, т.е. после даты первоначального представления сообщения. В тот же день государство-участник вновь присоединилось к Факультативному протоколу, сделав следующую оговорку: "[...] Гайана вновь присоединяется к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах с оговоркой в отношении его статьи 6, в связи с чем Комитет по правам человека неправомерно получать и рассматривать сообщения от каких-либо лиц, которым вынесен смертный приговор за убийство и измену, в отношении любого вопроса, касающегося их судебного преследования, содержания под стражей, суда, осуждения, вынесения или исполнения смертного приговора, а также в отношении любых связанных с этим вопросов.

Признавая тот принцип, что государства, как правило, не могут использовать Факультативный протокол в качестве средства, позволяющего делать оговорки к самому Международному пакту о гражданских и политических правах, правительство Гайаны подчеркивает, что его оговорка к Факультативному протоколу никоим образом не умаляет его обязательств и договоренностей в соответствии с Пактом, включая обязательство уважать и обеспечивать признанные в Пакте права всех лиц, находящихся на территории Гайаны и подпадающих под ее юрисдикцию (в той части, в какой в отношении этих прав не сделано каких-либо оговорок), которые изложены в статье 2 Пакта, а также обязательство представлять доклады Комитету по правам человека в соответствии с механизмом мониторинга, учрежденным статьей 40 Пакта)".

государство-участник не приводить в исполнение смертный приговор в отношении авторов и дать Комитету возможность рассмотреть данное сообщение.

Факты в изложении автора

2.1 21 января 1986 года авторы были арестованы по подозрению в убийстве Биби Зорина Алли, который был найден закопанным в неглубокой яме с задней стороны гостиницы "Голливуд" в Роуз-Холле, Корентин. 11 декабря 1999 года они были признаны виновными в убийстве и приговорены к смертной казни. Авторы обжаловали приговор, но 25 мая 1994 года Апелляционный суд подтвердил вынесенные им смертные приговоры. Они подали ходатайство о замене смертных приговоров пожизненным заключением, однако их ходатайство было отклонено 31 июля 1997 года. Они обжаловали это решение, однако их апелляция была отклонена 25 февраля 1998 года.

2.2 16 или 17 июля 1998 года по причине того, что канцелярия президента не была уведомлена о принятии Комитетом решения в отношении применения временных мер, по ошибке были изданы и зачитаны авторам приказы о приведении в исполнение смертных приговоров. Эти приказы были аннулированы, а авторам впоследствии были принесены письменные извинения за совершенную ошибку.

Жалоба

3. Авторы утверждают, что вынесенные им смертные приговоры должны были быть заменены пожизненным заключением, поскольку они слишком долго содержались в камере смертников. В письме, полученном 14 января 2004 года от брата и сестры остающегося в живых автора, Реймонда Персо, от имени автора утверждается, что его продолжающееся содержание в камере смертников является бесчеловечным и что соответствующая задержка равнозначна нарушению его основных прав. Поэтому в связи с сообщением возникают вопросы по статьям 6 и 7 Пакта.

Представление государства-участника относительно приемлемости сообщения

4. В письме от 30 июня 1998 года государство-участник согласилось, что сообщение является приемлемым, поскольку авторы исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

Отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника

5. 14 декабря 2000 года, 24 июля 2001 года, 21 октября 2003 года и 7 июля 2004 года государству-участнику предлагалось представить Комитету информацию по существу сообщения. Комитет отмечает, что такой информации получено не было; он сожалеет, что государство-участник не представило какой-либо информации в отношении существа жалоб авторов. Он напоминает, что, как следует из положений пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государства-участники тщательно изучают все выдвинутые против них утверждения и предоставляют Комитету всю имеющуюся в их распоряжении информацию. При отсутствии ответа со стороны государства-участника должный вес должен быть придан утверждениям автора - в той мере, в какой они были надлежащим образом обоснованы.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры Комитет по правам человека должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола и что авторы исчерпали все внутренние средства правовой защиты в соответствии с пунктом 2 б) статьи 5 Факультативного протокола. В настоящем случае Комитет далее отмечает, что государство-участник в своем представлении от 30 июня 1998 года не оспаривает приемлемость сообщения. Таким образом, Комитет непосредственно приступает к рассмотрению жалобы по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Применительно к вопросам, касающимся статьи 6 Пакта, Комитет с учетом проведенного анализа права, применимого в Гайане, полагает, что смертный приговор был вынесен разбиравшим дело судом автоматически, как только присяжные вынесли свой вердикт о виновности авторов в убийстве на основании статьи 101 Уголовного закона (правонарушения). Эта норма предусматривает, что "каждый, кто совершает убийство, виновен в опасном преступлении и наказывается смертной казнью как опасный преступник", при этом не могут быть приняты во внимание ни личные обстоятельства обвиняемого, ни обстоятельства конкретного правонарушения. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой автоматическое и обязательное вынесение смертного приговора представляет собой произвольное лишение жизни, в нарушение положений пункта 1 статьи 6 Пакта, в обстоятельствах, в которых смертный приговор выносится без учета личных обстоятельств обвиняемого или обстоятельств конкретного правонарушения². Из этого следует, что автоматическое вынесение смертного приговора авторам стало нарушением их прав, предусмотренных в пункте 1 статьи 6.

7.3 Применительно к вопросам, возникающим в связи со статьей 7 Пакта, Комитет был готов считать, что длительное содержание автора под стражей в камере смертников представляет собой нарушение статьи 7. Однако, установив также факт нарушения пункта 1 статьи 6, он в данном конкретном случае не считает необходимым проводить обзор и пересмотр своей правовой практики, согласно которой длительное содержание в камере смертников само по себе и при отсутствии других убедительных обстоятельств не подразумевает нарушения статьи 7.

8. Комитет по правам человека, действуя согласно положениям пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, полагает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушениях государством-участником пункта 1 статьи 6 Пакта.

9. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить остающемуся в живых автору эффективное средство правовой защиты, включая смягчение вынесенного ему приговора. Государство-участник также обязано принять меры по предотвращению подобных нарушений в будущем.

10. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия

---

² См. сообщение № 806/1998, *Томсон против Сент-Винсента и Гренадин*, Соображения, принятые 18 октября 2000 года, пункт 8.2; сообщение № 845/1998, *Кеннеди против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 26 марта 2002 года, пункт 7.3; сообщение № 1077/2002, *Карно и др. против Филиппин*, Соображения, принятые 28 марта 2003 года, пункт 8.3; сообщение № 1167/2003 *Рамиль Райос против Филиппин*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 7.2; сообщение № 862/1999, *Хуссейн и др. против Гайаны*, Соображения, принятые 25 октября 2005 года, пункт 6.2; и сообщение № 913/2000, *Чан против Гайаны*, Соображения, принятые 31 октября 2005 года, пункт 6.5.

нарушения Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах по исполнению настоящих Соображений Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать Соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое несогласное мнение членов Комитета г-на Иполито Солари-Иригойена и г-на Эдвина Джонсона

Я не согласен с мнением большинства в отношении того, что в нынешнем случае Комитету нет необходимости пересматривать свою правовую практику, согласно которой вплоть до настоящего времени неправильно считалось, что длительное содержание в камере смертников само по себе не представляет нарушение статьи 7 Пакта.

Хотя Комитет правильно сделал вывод о наличии нарушения статьи 6, по моему мнению, в случае вынесения смертного приговора мы обязаны не упускать из вида конкретную жалобу автора о том, что его продолжительное нахождение в камере смертников равнозначно нарушению его основных прав; и поэтому мы должны принять решение по данной жалобе.

Таким образом, учитывая обстоятельства этого дела, когда автор сообщения провел 15 лет в камере смертников, я полагаю, что уже сам этот факт подразумевает жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и нарушение статьи 7 Пакта.

Соответственно, имеющиеся в распоряжении Комитета факты обнаруживают нарушение государством-участником как статьи 6, так и статьи 7 Пакта.

В соответствии с положениями пункта 3 статьи 2 государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, включая смягчение вынесенного ему смертного приговора, а также возможность предоставления ему свободы.

Сообщение № 915/2000

Представлено: г-жой Дармон Султановой (представлена адвокатом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения, ее ныне покойные сыновья Уйгун и Ойбек Рузметовы и муж Собир Рузметов

Государство участник: Узбекистан

Дата принятия Соображений: 30 марта 2006 года

Тема сообщения: смертный приговор по окончании несправедливого суда, пытки, отсутствие распоряжения о предоставлении арестованного в суд, бесчеловечное обращение с задержанными, нарушение права на невмешательство в частную жизнь.

Вопросы существа: право на жизнь, пытки, унижающие достоинство виды обращения и наказания, произвольный арест, право незамедлительно предстать перед судьей/должностным лицом, облеченным юридическими полномочиями, право на общение с адвокатом, право на опрос свидетелей, временные меры во избежание нанесения непоправимого ущерба предполагаемой

жертве, нарушение обязательств по Факультативному протоколу, незаконное вмешательство в частую жизнь.

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Статьи Пакта: 2, пункт 3; 6; 7; 9; 10; пункт 1; 14, пункты 1, 2, 3 b), d), e) и g); и 17

Статьи Факультативного протокола: 1, 2 и 5, пункты 2 a) и b)

Вывод: наличие нарушения (статьи 2, 3 b), d), e) и g); 6; 7; пункты 1 и 3 статьи 9; пункт 1 статьи 14; и статья 17)

1.1 Автором сообщения является Дармон Султанова, гражданка Узбекистана, 1945 года рождения. Она представляет сообщение от себя, от имени своих сыновей Уйгуна и Ойбека Рузметовых, также граждан Узбекистана соответственно 1970 и 1965 годов рождения. Ее сыновья были приговорены к смертной казни решениями Ташкентского областного суда от 24 июля 1999 года (Уйгун) и 29 июля 1999 года (Ойбек). После обжалования приговоров Верховный суд Республики Узбекистан 20 сентября 1999 года оставил их в силе. На момент представления сообщения автору не было известно о местонахождении сыновей. Г-жа Султанова действует также от имени своего мужа Собира Рузметова, гражданина Узбекистана, 1935 года рождения, который на момент представления сообщения отбывал пятилетний срок заключения в колонии УЮА 64/61 в городе Карши Сурхандарьинской области по приговору Хазараспского районного суда от 28 мая 1999 года, оставленного в силе после обжалования решения от 2 ноября 1999 года (суд не назван). Г-жа Султанова утверждает, что она стала жертвой нарушения Узбекистаном статьи 9 и - в свете казни ее сыновей - статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах¹. Она далее утверждает, что ее сыновья стали жертвами нарушения Узбекистаном статей 7; 9; 14, пункты 1, 2, 3 b), d), e) и g); и - в свете их казни - статьи 6. Она также утверждает, что ее муж является жертвой нарушения статей 9; 10, пункт 1; и 14, пункты 1, 2, 3 b), d), e) и g). Автор представлен адвокатом.

1.2 В соответствии с правилом 92 (прежним правилом 86) своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям, 22 февраля 2000 года обратился к государству-участнику с просьбой не приводить в исполнение смертный приговор в отношении Уйгуна и Ойбека Рузметовых, пока их дело рассматривается Комитетом. Эта просьба в рамках временных мер защиты была направлена повторно 17 декабря 2002 года. Никакого ответа от государства-участника не последовало.

1.3 Письмом от 14 октября 2003 года автор информировала Комитет о том, что после неоднократных обращений к властям с просьбой сообщить местонахождение ее сыновей письмом Ташкентского областного суда от 13 июня 2000 года ее уведомили, что Уйгун и Ойбек Рузметовы были казнены 29 сентября 1999 года (т.е. до получения Комитетом сообщения)². Она указывает, тем не менее, что информация, полученная от Ташкентского областного суда, противоречит сведениям, которые были получены ею на неопределенную дату от Юнусабадского районного отдела записи актов гражданского состояния (ЗАГС) - ведомства, отвечающего за регистрацию факта смерти граждан, и которые подтверждают, что в период 1999-2000 годов никаких официальных данных о смерти Уйгуна и Ойбека Рузметовых не поступало.

---

¹ Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 28 сентября 1995 года (присоединение).

² Сообщение было получено 7 февраля 2000 года.

Факты в изложении автора

2.1 В полночь 28 декабря 1998 года пять сотрудников прокуратуры Хазараспского района и районного отдела внутренних дел в сопровождении нескольких милиционеров ворвались в дом автора в Хазараспе. В присутствии двух понятых они произвели тщательный обыск без предъявления ордера. В ответ на требование автора предъявить ордер на обыск сотрудник отдела внутренних дел стал допрашивать ее о ее религиозных убеждениях и выяснять местонахождение ее сыновей, которые на тот момент находились в Питнаке, что примерно в 20 км от Хазараспа. Был составлен протокол о том, что обыск ничего не дал. Протокол был составлен в двух экземплярах, один из которых был вручен автору. В доме был оставлен караул из шести милиционеров. В 5 часов утра 29 декабря 1998 года один из них, г-н Бозбеков, вошел в одну из комнат и положил три патрона в пустой кувшин. В полночь 30 декабря 1998 года сотрудники милиции, вооруженные автоматами, ворвались в жилище автора в сопровождении прокурора и начальника милиции и произвели еще один обыск, на этот раз с предъявлением ордера. В этот раз они нашли в пустом кувшине три патрона, запрещенную религиозную литературу и упаковку наркотиков. Был составлен протокол, но автору, несмотря на ее неоднократные просьбы, копию протокола не выдали. По заявлению автора, выдвинутые впоследствии против ее сыновей и мужа обвинения частично основывались на материальных доказательствах, найденных в ходе второго обыска. В ходе обысков из дома был изъят ряд личных вещей. Согласно автору, в период с 28 декабря 1998 года по 6 февраля 1999 года в ее доме проживали семь милиционеров. На протяжении всего этого периода всем членам семьи угрожали расправой, и им не разрешалось передвигаться без сопровождения милиционера. Никому из членов семьи не разрешалось покидать дом или пользоваться телефоном.

2.2 Уйгун и Ойбек Рузметовы были арестованы 1 января 1999 года, а их отец Собир Рузметов 2 января 1999 года в их квартире в Питнаке на основании ордеров, выданных прокурором города Хазарасп. Уйгуну и Ойбеку Рузметовым были предъявлены обвинения по следующим статьям: а) попытка совершения государственного переворота; б) попытка насильственного изменения конституционного строя; в) установление исламистского фундаменталистского режима; г) организация движения "джихадистов"; и д) убийство с отягчающими обстоятельствами. Собиру Рузметову были предъявлены обвинения в незаконном хранении оружия и наркотиков без цели реализации. По словам автора, во время нахождения под стражей в подвале отдела внутренних дел города Ургенча ее сыновья подвергались пыткам со стороны сотрудников милиции в целях получения самооговаривающих "признаний". Заявляется, что их избивали кулаками, ногами, дубинками, насильовали, подвешивали к потолку с завязанными за спиной руками, с силой бросали на цементный пол, им угрожали изнасиловать их жен и арестовать родителей.

2.3 Заявляется, что в 19.00 5 января 1999 года г-же Султановой было приказано явиться с вещами и продуктами из дома для посещения своего мужа, Собира Рузметова, в тюрьме в Ургенче. Ее доставили к начальнику Службы национальной безопасности Ургенча, который позволил себе оскорбительные выпады в ее адрес. Затем ее отвели в подвальное помещение отдела внутренних дел Ургенчи, где на нее надели наручники и поместили в одиночную камеру. Ее полностью раздели, и в таком виде она затем предстала по распоряжению начальника городского отдела Службы национальной безопасности по городу Ургенчу перед двумя-тремя юношами, среди которых был ее сын. Она утверждает, что с трудом узнала Уйгуна, тело которого было покрыто ссадинами и носило явные следы пыток.

2.4 Ранним утром 6 февраля 1999 года семь сотрудников милиции ворвались в дом автора и причинили значительный материальный ущерб. Она направила порядка ста жалоб с просьбой провести расследование этих фактов прокурору города Хазарасп, в областную прокуратуру, президенту Узбекистана, министру внутренних дел и председателю Верховного суда. По свидетельству автора, ни по одному из ходатайств не было проведено расследования.

2.5 Автор утверждает, что ее не известили о дате слушания по делу ее сыновей. В результате она не могла нанять независимого адвоката для их защиты в суде, и они были представлены

государственным защитником. Случайно прослышав 12 июня 1999 года о том, что в Ташкентском областном суде слушается дело, по которому проходят ее сыновья и еще шесть обвиняемых, она явилась в суд и была допущена к присутствию на суде 12, 13 и 14 июня 1999 года. По ее утверждению, в последующие дни в присутствии ей было отказано. Автор утверждает, что слушание по делу ее сыновей в основном проходило при закрытых дверях и что никого из свидетелей, даже свидетелей обвинения, в зале суда не было, несмотря на многочисленные просьбы со стороны всех проходящих по делу лиц. Автор добавляет, что председательствующий судья вел дело с обвинительным уклоном.

2.6 В ходе слушания 13 июля 1999 года Уйгун и Ойбек Рузметовы показали, что признания вины были получены у них под принуждением, и рассказали о пытках, которым они были подвергнуты. Уйгун заявил, что ему в карман был подброшен пистолет, 12 патронов и наркотики и что он подписал бланк с признанием своей "вины" только после того, как ему показали раздетую донага мать и пригрозили, что его жену изнасилуют, если он не подпишет признание. Они также утверждали, что их допрашивали в подвальном помещении здания Службы национальной безопасности в Ташкенте в отсутствие адвоката и с применением пыток. Ойбек Рузметов, как утверждает, после допросов не мог передвигаться без посторонней помощи. Уйгун и Ойбек также показали, что в ходе следствия им было отказано в общении с адвокатом по их выбору. Утверждается, что суд не принял к сведению ни одного из их показаний, но допустил доказательства, полученные с помощью пыток и в отсутствие адвоката по выбору сыновей автора сообщения.

2.7 24 июля 1999 года Ташкентский областной суд приговорил пятерых из восьми проходящих по делу лиц, включая Уйгуна и Ойбека Рузметовых, к смертной казни. Суд пришел к заключению, что Ойбек Рузметов в 1995 году создал вооруженную группу с целью грабежей и добывания денег для приобретения оружия и установления исламистского режима, основанного на ваххабитской идеологии. Он также пришел к выводу, что Ойбек Рузметов и другие члены группы, включая Уйгуна Рузметова, создали в поселке Бурчмулла Ташкентской области штаб по подготовке взрыва водохранилища. Суд счел Уйгуна Рузметова виновным в нарушении многочисленных статей Уголовного кодекса, в том числе о незаконной организации собраний или религиозных организаций; контрабанде; незаконном хранении оружия, боеприпасов, взрывчатых материалов или взрывных устройств; умышленном убийстве; и производстве или распространении материалов, угрожающих общественной безопасности и общественному порядку. Ойбек Рузметов был признан виновным в нарушении аналогичных статей Уголовного кодекса, а также в попытке насильственного изменения конституционного строя Республики Узбекистан и саботаже. После обжалования Верховный суд 20 сентября 1999 года оставил в силе смертный приговор. Обжалование этого решения в министерстве юстиции с просьбой о пересмотре дела закончилось безрезультатно, и 7 октября 1999 года в пересмотре было отказано. Автор утверждает, что соответственно 20 марта и 5 сентября 2000 года в канцелярию президента страны были поданы прошения о помиловании ее сыновей.

2.8 Утверждается, что 24 июля 1999 года в нарушение статьи 137 Уголовно-процессуального кодекса Узбекистана родственникам Уйгуна и Ойбека Рузметовых, включая автора, было отказано в свидании с осужденными и в переписке. Автор утверждает, что на всем протяжении нахождения ее сыновей под стражей ей было позволено встретиться с ними лишь дважды - 1 августа и 23 сентября 1999 года. Их защитнику, нанятому автором, было дважды отказано в общении с ними в тюрьме после вынесения смертного приговора.

2.9 28 мая 1999 года муж автора был приговорен районным судом Хазараспа к пяти годам тюремного заключения. Автор утверждает, что ее муж также подвергался пыткам в тюрьме, в результате чего он был доставлен в суд 28 мая 1999 года на носилках. Автор утверждает, что ей не удалось присутствовать на слушании дела ее мужа, которое продолжалось не более двух часов; слушание дела ее мужа проходило в отсутствие защитника, и ему было отказано в опросе свидетелей и рассмотрении доказательств в суде. По мнению автора, доказательства против ее мужа были сфабрикованы. Она утверждает, что Собир Рузметов не попал под амнистию после вынесения ему приговора якобы из-за нарушения им правил тюремного распорядка.

2.10 По утверждению автора, в 2000 и 2001 годах сотрудники Хазараспского РОВД продолжали регулярно проводить обыски и допросы и преследовать самого автора и членов ее семьи. 1 апреля 2001 года автора, ее дочь в наручниках и трех внуков перевезли на другую их квартиру в Питнаке, где они затем подверглись оскорблениям со стороны сотрудников ОВД города Питнака. 4 апреля 2001 года начальник ОВД города Питнака отделения министерства нанес оскорбление автору, приказал ей снять головной платок и пригрозил тюрьмой.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что лишение ее свободы лицами, находившимися при исполнении служебных обязанностей, в период с 28 декабря 1998 года по 6 февраля 1999 года без предъявления обвинений, и последующий отказ государства расследовать эти действия являются нарушениями статьи 9 Пакта. Как представляется, эти факты дают основание говорить о нарушении также статей 7 и 17, хотя сама автор не ссылаясь на эти положения.

3.2 Автор утверждает, что она стала жертвой нарушения статьи 7 в связи с казнью ее сыновей, о которой она была информирована лишь после ее совершения.

3.3 Автор утверждает, что обвинения против ее сыновей были сфабрикованы и что арест ее сыновей по ордерам прокурора, их содержание под стражей в течение семи месяцев без судебного надзора, а также обращение с ними в тюрьме и в ходе слушания подпадают под нарушения статей 6, 7, 9, 14, пункты 1, 2, 3 b), d), e) и g).

3.4 Автор утверждает, что обвинения против ее мужа были также сфабрикованы и что арест ее мужа и обращение с ним в тюрьме и в ходе слушания подпадают под нарушение статей 9, 10, пункт 1, и 14: пункты 1, 2, 3 b), d), e) и g).

3.5 В заключение автор утверждает, что государство-участник казнило ее сыновей вопреки просьбе о применении временных мер защиты, адресованной государству-участнику от имени Комитета. Она утверждает, что государство-участник сфальсифицировало официальные записи регистрации смертей, с тем чтобы дата казни ее сыновей предшествовала дате регистрации сообщения и просьбы о принятии временных мер. В этом отношении она указывает на разночтение между протоколами Ташкентского областного суда и документами Юнусабадского районного отдела записи актов гражданского состояния (ЗАГС) (см. пункты 1.3 и 2.9 выше). Она отмечает, что письмо Ташкентского областного суда было направлено ей спустя почти 10 месяцев после даты якобы совершенной казни, но после того, как государству-участнику была направлена просьба о применении временных мер защиты. Утверждается, что это является нарушением государством-участником обязательств по Факультативному протоколу.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4. Вербальными нотами от 22 февраля 2000 года, 20 февраля и 25 июля 2001 года и 17 декабря 2002 года государству-участнику было предложено представить Комитету информацию о приемлемости сообщения и по существу дела. 19 декабря 2003 года государство-участник сообщило, что по делу Уйгуна и Ойбека Рузметовых было проведено судебное разбирательство и 29 июня 1999 года Ташкентский областной суд признал их виновными в совершении ряда преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Узбекистана. Оба были приговорены к смертной казни, и их приговоры были оставлены в силе решением Верховного суда от 20 сентября 1999 года. Государство-участник представляет перечень всех уголовных преступлений, в совершении которых были признаны виновными Уйгун и Ойбек Рузметовы. Оно утверждает, что суд правильно квалифицировал их действия и вынес им справедливые приговоры с учетом "общественно опасного характера" совершенных ими преступлений.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Предполагаемое нарушение Факультативного протокола

5.1 Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по Факультативному протоколу, казнив ее сыновей, несмотря на то, что в Комитет было направлено сообщение и 22 февраля 2000 года им была направлена просьба о применении временных мер. Просьба о применении временных мер была оставлена государством-участником без ответа, и не было дано никаких объяснений по поводу утверждения (см. пункт 3.5), что сыновья автора были казнены после регистрации сообщения Комитетом и после направления государству-участнику просьбы о применении временных мер защиты. По утверждению автора, государство-участник сфальсифицировало протокол о смерти, с тем чтобы дата казни ее сыновей предшествовала дате регистрации сообщения и направления просьбы о применении временных мер защиты.

5.2 Комитет напоминает³, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник Пакта признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от отдельных лиц, утверждающих, что они стали жертвами нарушения какого-либо из прав, изложенных в Пакте (преамбула и статья 1). Присоединение государства к Протоколу подразумевает его готовность добросовестно сотрудничать с Комитетом, с тем чтобы позволить ему рассматривать такие сообщения и после рассмотрения сообщать свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу (пункты 1 и 4 статьи 5). Комитет далее напоминает, что временные меры на основании правила 92 правил процедуры Комитета имеют важнейшее значение для роли Комитета по Протоколу. Пренебрежение этим правилом, особенно в форме непоправимых мер, таких, каким в данном случае является казнь заявляемых жертв, подрывает защиту предусмотренных в Пакте прав посредством Факультативного протокола⁴.

5.3 В своей предыдущей правовой практике Комитет уже поднимал вопрос о государстве-участнике, действующем в нарушение своих обязательств по Факультативному протоколу, казнив лицо, от имени которого Комитету было представлено сообщение, не только в контексте ясно выраженной Комитетом просьбы о применении внутренних мер защиты, но также и в контексте необратимого характера смертной казни. Ввиду того, что государство-участник не продемонстрировало добросовестного сотрудничества с Комитетом в вопросе временных мер, несмотря на неоднократные просьбы и в отсутствие какого-либо ответа на утверждение, что сыновья автора были казнены после регистрации сообщения Комитетом и после того, как государству-участнику была направлена просьба о применении временных мер, Комитет считает, что факты, представленные автором, свидетельствуют о нарушении Факультативного протокола.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

---

³ *Пиандионг и др. против Филиппин*, сообщение № 869/1999, пункт 5.1, Соображения, принятые 19 октября 2000 года, *Халилов против Таджикистана*, сообщение № 973/2001, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 4.1, *Саидов против Таджикистана*, сообщение № 964/2001, Соображения, принятые 8 июля 2004 года, пункт 4.1.

⁴ *Вайс против Австрии*, сообщение № 1086/2002, пункт 6.4, *Саидов против Таджикистана*, сообщение № 964/2001, Соображения, принятые 8 июля 2004 года, пункт 4.4.

6.2 В первую очередь Комитет отмечает, что автор не представила никаких доказательств того, что она уполномочена действовать от имени своего мужа, несмотря на тот факт, что к моменту рассмотрения сообщения Комитетом он уже должен был отбыть свой срок. Она также не обосновала причины, по которым жертва не может представить сообщение от своего имени. Исходя из обстоятельств дела и ввиду отсутствия доверенности или других документальных доказательств, удостоверяющих право автора действовать от имени своего мужа, Комитет вынужден заключить, что применительно к ее мужу автор не вправе ссылаться на положения статьи 1 Факультативного протокола⁵.

6.3 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то Комитет отмечает, что в соответствии с информацией, представленной автором, все имеющиеся внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. В отсутствие какой-либо надлежащей информации от государства-участника Комитет считает, что в отношении автора и ее сыновей были соблюдены требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 Комитет не видит препятствий для признания приемлемости жалоб автора по статьям 7; 9 и 17 в отношении ее самой; статьям 6; 7; 9 и 14, пункты 1, 2, 3 b), d), e) и g), - в отношении ее сыновей, и он приступает к рассмотрению дела по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола. Он отмечает, что, хотя государство-участник прокомментировало дела сыновей автора и вынесенный им приговор, оно не представило никакой информации относительно жалоб автора по поводу ее самой и ее сыновей. В отсутствие какой-либо предметной информации от государства-участника Комитет обязан придавать должное значение утверждениям автора в тех случаях, когда они надлежащим образом обоснованы.

7.2 Комитет принимает к сведению описание автором пыток, которым были подвергнуты ее сыновья с целью получения от них признания своей вины (см. пункты 2.2, 2.3 и 2.6 выше). Автор идентифицировала лиц, которые, как утверждает, участвовали в этих актах. В материале, представленном автором, также говорится о том, что жалобы на пытки были доведены до сведения властей самими жертвами, но они были проигнорированы. В этих обстоятельствах и в отсутствие каких-либо предметных объяснений со стороны государства-участника Комитет обязан придавать должное значение ее утверждениям, в частности о том, что власти государства-участника не выполнили надлежащим образом своих обязательств по расследованию жалоб о пытках. Комитет считает, что представленные факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 в отношении сыновей автора.

7.3 Что касается заявления о нарушении прав сыновей автора по пункту 3 g) статьи 14 в связи с тем, что их принудили к подписанию признания, то Комитет должен исходить из принципов, лежащих в основе этой гарантии. Комитет ссылается на свою прежнюю практику, в соответствии с которой формулировку пункта 3 g) статьи 14 о том, что никто не должен "быть принужденным к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным", необходимо толковать в смысле

---

⁵ *X. против Италии*, сообщение № 565/1993, решение о неприемлемости от 8 апреля 1994 года, пункт 4.2.

отсутствия какого-либо прямого или косвенного физического или психологического принуждения со стороны следственных органов по отношению к обвиняемым с целью получения признания вины⁶. По мнению Комитета, этот принцип предполагает, что именно обвинение должно доказывать, что признание было получено без принуждения. Однако Комитет отмечает, что в этом деле бремя доказательства добровольности признания лежало на обвиняемых. Комитет отмечает, что Ташкентский областной суд и Верховный суд оставили без внимания жалобы сыновей автора на пытки. По этой причине Комитет приходит к выводу, что государство-участник нарушило пункты 2 и 3 g) статьи 14.

7.4 Что касается утверждений автора, что ее сыновьям было отказано в доступе к защитнику по их выбору на этапе досудебного расследования и в ходе слушания дела, то Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что она не была поставлена в известность о дате слушания дела, по которому проходили ее сыновья, и поэтому не могла нанять независимого адвоката для защиты в суде. Их защитнику, который впоследствии был нанят автором, дважды было отказано в общении с подзащитными после того, как им был вынесен смертный приговор. Комитет ссылается на свою практику, согласно которой юридическая помощь должна, безусловно, предоставляться на всех этапах уголовного процесса, особенно в делах о преступлениях, караемых смертной казнью⁷. Исходя из обстоятельств этого дела и в отсутствие предметных объяснений со стороны государства-участника Комитет считает, что предоставленная правовая помощь не отвечала необходимым критериям эффективности. С учетом этой информация, представленная Комитету, свидетельствует о нарушении пункта 3 b) и d) статьи 14.

7.5 Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что суд над ее сыновьями был несправедливым, поскольку суд в своих действиях отходил от принципов объективности и непредвзятости (пункты 2.5 и 2.6 выше). Он также принимает к сведению утверждение автора о том, что суд над ее сыновьями в основном проходил при закрытых дверях и что в зале суда не было никого из свидетелей, несмотря на неоднократные просьбы со стороны восьми лиц, проходивших по делу, включая Уйгуна и Ойбека Рузметовых. Судья отказал в удовлетворении этих просьб без объяснения причин. В отсутствие какой-либо информации от государства-участника Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пунктов 1 и 3 e) статьи 14 Пакта.

7.6 Комитет ссылается на свою правовую практику⁸, согласно которой внесение смертного приговора по завершении слушаний, в ходе которых не соблюдались положения Пакта, является нарушением статьи 6 Пакта. В данном деле смертные приговоры Уйгуну и Ойбеку Рузметовым были вынесены в нарушение их права на справедливое разбирательство, предусмотренное статьей 14 Пакта, и, таким образом, они являются нарушением статьи 6.

7.7 Комитет принимает к сведению информацию, что помещение под стражу сыновей автора было санкционировано государственным прокурором, и на этом был исчерпан судебный контроль над

---

⁶ *Берри против Ямайки*, сообщение № 330/1988, Соображения, принятые 4 июля 1994 года, пункт 11.7, *Налларатнам Сингараса против Шри-Ланки*, сообщение № 1033/2001, Соображения, принятые 21 июля 2004 года, пункт 7.4, и *Деолалл против Гайаны*, сообщение № 912/2000, Соображения, принятые 1 ноября 2004 года, пункт 5.1.

⁷ *Алиев против Украины*, сообщение № 781/1997, Соображения, принятые 7 августа 2003 года, пункт 7.3, *Робинсон против Ямайки*, сообщение № 223/1987, Соображения, принятые 30 марта 1989 года, пункт 10.3, и *Браун против Ямайки*, сообщение № 775/1997, Соображения, принятые 23 марта 1999 года, пункт 6.6.

⁸ *Леви против Ямайки*, сообщение № 719/1996, Соображения, принятые 3 ноября 1998 года, пункт 7.3, *Маршалл против Ямайки*, сообщение № 730/1996, Соображения, принятые 3 ноября 1998 года, пункт 6.6. См. также Замечания общего порядка по статье 6, пункт 7.

законностью их содержания под стражей вплоть до того, когда они предстали перед судом, и им был вынесен приговор 24 июля 1999 года (Уйгун) и 29 июля 1999 года (Ойбек). Комитет отмечает, что цель пункта 3 статьи 9 заключается в обеспечении судебного контроля над содержанием в тюрьме лица, которому предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления, и напоминает о том, что обязательным элементом надлежащего исполнения судебной власти является проведение разбирательства по соответствующему делу независимым, объективным и беспристрастным судом⁹. С учетом обстоятельств этого дела у Комитета есть сомнения в том, что государственного прокурора можно считать лицом, обладающим институционной объективностью и непредвзятостью, необходимыми для того, чтобы он был квалифицирован как "должностное лицо, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть" по смыслу пункта 3 статьи 9. В этой связи Комитет считает, что было допущено нарушение этого положения.

7.8 Комитет рассмотрел подробную жалобу автора на то, что в период с 28 декабря 1998 года по 6 февраля 1999 года она была лишена свободы лицами, находившимися при исполнении служебных обязанностей, без предъявления обвинений и без последующего расследования этих действий со стороны государства-участника. Комитет напоминает о том, что пункт 1 статьи 9 распространяется на все формы лишения свободы¹⁰, и считает, что с учетом указанных выше обстоятельств и отсутствия надлежащих объяснений со стороны государства-участника представленные факты следует квалифицировать как незаконное лишение свободы в нарушение пункта 1 статьи 9.

7.9 Комитет считает, что в отсутствие какого-либо объяснения со стороны государства-участника проведение обыска в доме автора без соответствующей санкции 28 декабря 1998 года (пункт 2.1 выше) является нарушением статьи 17.

7.10 Комитет принял к сведению жалобу автора на то, что власти государства-участника игнорировали ее просьбы предоставить информацию и систематически отказывались сообщать какие-либо подробности о положении или местонахождении ее сыновей. Комитет понимает долговременное страдание и психический стресс, причиненные автору как матери приговоренных к смертной казни лиц, как результат постоянного неведения об обстоятельствах, предшествовавших их казни, а также месте их захоронения. Комитет считает, что обстановка полной секретности в отношении даты казни и места захоронения равноценна запугиванию или наказанию родственников, поскольку их намеренно оставляют в состоянии неопределенности и психических страданий. Комитет считает, что первоначальный отказ властей уведомить автора о планируемой дате казни ее сыновей представляет собой бесчеловечное обращение с автором в нарушение статьи 7 Пакта¹¹.

7.11 Комитет считает, что в отсутствие каких-либо объяснений со стороны государства-участника тот факт, что автора заставили предстать перед ее сыном Уйгуном в наручниках и без одежды 5 января 1999 года (пункт 2.3 выше) сам по себе является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, запрещенным статьей 7, и квалифицируется как нарушение этой статьи.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении:

---

⁹ *Куломин против Венгрии*, сообщение № 521/1992, Соображения, принятые 22 марта 1996 года, пункт 11.3, *Платонов против Российской Федерации*, сообщение № 1218/2003, Соображения, принятые 1 ноября 2005 года, пункт 7.2.

¹⁰ Замечания общего порядка № 8 к статье 9, пункт 1.

¹¹ *Бондаренко против Беларуси*, сообщение № 886/1999, Соображения, принятые 3 апреля 2003 года, пункт 9.4, *Ляшкевич против Беларуси*, сообщение № 887/1999, Соображения, принятые в апреле 2003 года, пункт 9.2, *Халилов против Таджикистана*, сообщение № 973/2001, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.7.

а) прав Уйгуна и Ойбека Рузметовых по статьям 6; 7; 9, пункт 3; 14, пункты 1, 2, 3 b), d), e) и g);

б) прав автора по статьям 7, 9, пункт 1; и 17.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективные средства правовой защиты, включая информацию о месте захоронения ее сыновей, и компенсацию за перенесенные ею душевные страдания. Государство-участник обязано также предотвратить рецидивы таких нарушений в будущем.

10. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся на его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать им эффективные средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых им мерах во исполнение настоящих Соображений, сформулированных Комитетом. Кроме того, государство-участнику предлагается обеспечить публикацию текста Соображений Комитета.

Сообщение № 992/2001

Представлено: Луизой Буруаль (представлена адвокатом)

Предполагаемая жертва: Салах Сакер

Государство-участник: Алжир

Дата принятия Соображений: 30 марта 2006 года

Тема сообщения: исчезновение, содержание под стражей в тайном месте, заочное вынесение приговора

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Вопросы существа: право на личную свободу и неприкосновенность; произвольный арест и задержание; право быть незамедлительно доставленным к судье; право иметь защитника; право на жизнь; запрет жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; заочное вынесение смертного приговора

Статьи Пакта: пункт 3 статьи 2; пункт 1 статьи 6; статья 7; пункты 1, 3 и 4 статьи 9; пункт 1 статьи 10 и пункт 3 статьи 14

Статьи Факультативного протокола: статья 2 и пункт 2 а) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (пункт 3 статьи 2; пункт 1 статьи 6; статья 7 и пункты 1, 3 и 4 статьи 9)

1. Г-жа Луиза Буруаль - автор сообщения от 9 февраля 2000 года - является гражданкой Алжира, проживающей в Константине (Алжир). Она представляет свое сообщение от имени своего супруга, г-на Салаха Сакера, гражданина Алжира, родившегося 10 января 1957 года в Константине, который пропал без вести 29 мая 1994 года. Автор утверждает, что ее супруг стал жертвой нарушения Алжиром пункта 3 статьи 2; пункта 1 статьи 6; пунктов 1, 3 и 4 статьи 9; пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт). Она представлена адвокатом. Пакт и Факультативный протокол, в связи с которыми подано сообщение, вступили в силу для государства-участника 12 декабря 1989 года.

Факты в изложении автора

2.1 Г-н Сакер, работавший преподавателем, был арестован без какого-либо ордера по месту жительства 29 мая 1994 года в 18 час. 45 мин. в ходе операции, проводившейся сотрудниками полиции Константинского вилаета (административное подразделение города Константина). В момент ареста г-н Сакер являлся членом Исламского фронта спасения - запрещенной политической партии, от которой он прошел в законодательный орган по итогам выборов, аннулированных в 1991 году.

2.2 В июле 1994 года автор сообщения обратилась к Прокурору Республики с письменной просьбой сообщить ей об основаниях для ареста и содержания под стражей ее супруга. В момент его ареста максимально разрешенная алжирским законодательством продолжительность досудебного задержания составляла 12 дней для подозреваемых в совершении наиболее тяжких из предусмотренных алжирским уголовным кодексом преступлений - террористических актов и подрывных действий¹. Помимо этого законом предписывалось, чтобы сотрудник полиции, ведущий допрос подозреваемого, разрешил ему вступить в контакт с семьей².

2.3 Автор сообщения не получила от Прокурора Республики удовлетворительного ответа. 29 октября 1994 года она обратилась к Президенту Республики, министру юстиции, министру внутренних дел, руководителю службы безопасности при Президенте Республики и к начальнику пятого военного округа.

2.4 Не получив ответа ни от одного из этих лиц, автор сообщения 20 января 1996 года подала жалобу Прокурору Республики при городском суде Константины на службы безопасности Константины в связи с произвольным арестом и задержанием г-на Сакера. Она потребовала предать виновных суду на основании пункта 2 статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса. В письме от 25 января 1996 года автор уведомила о случившемся Посредника Республики. Кроме того, 28 января 1996 года она обратилась с требованием сообщить о судьбе своего супруга к Генеральному директору службы национальной безопасности.

2.5 Не получив ответа ни от одной из этих инстанций, автор направила 27 сентября 1996 года письмо председателю Национального центра защиты права человека с тем, чтобы проинформировать его о тех трудностях, с которыми она столкнулась, пытаясь получить информацию о судьбе своего супруга. В этом письме она просила также оказать ей содействие и юридическую помощь.

2.6 27 февраля 1997 года автор сообщения получила от уголовной полиции Константинского вилаета письмо с текстом решения № 16536/96, принятого Прокурором Республики при суде Константины 4 сентября 1996 года. В этом письме упоминается жалоба, поданная автором сообщения годом ранее; автору сообщили, что ее супруг находился в розыске, был арестован уголовной полицией Константинского вилаета, а затем, 3 июля 1994 года, на основании распоряжения о переводе за № 848 от 10 июля 1994 года, он был переведен в территориальный следственно-розыскной центр пятого военного округа (территориальный центр). Автор сообщения подчеркивает, что в этом решении не указываются основания для ареста ее супруга и не уточняются те меры, которые были приняты по факту поданной ею 20 января 1996 года жалобы, например, в отношении расследования действий территориального центра.

2.7 10 декабря 1998 года Национальный центр защиты прав человека сообщил автору сообщения о том, что по сведениям, полученным от служб безопасности, г-н Сакер был похищен неизвестной вооруженной группировкой во время содержания под стражей в территориальном центре и что

---

¹ Статья 22 Закона о борьбе против терроризма от 30 сентября 1992 года.

² Пункт 3 статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса.

властям ничего не известно о его судьбе. В письме Национального центра не уточняются мотивы ареста и задержания супруга автора сообщения, для которой оно служит еще одним подтверждением того, что ее супруга больше нет в живых.

2.8 Наконец, автор сообщения заявляет, что, во-первых, ей не сообщили ни о судьбе ее супруга, ни о месте его нахождения, и, во-вторых, что он подвергся продолжительному задержанию, которое хранилось в тайне. В связи с этими утверждениями возникают вопросы, касающиеся статьи 7 Пакта.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что г-н Сакер стал жертвой нарушения пункта 3 статьи 2; пункта 1 статьи 6; пунктов 1, 3 и 4 статьи 9; пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 14 Пакта, поскольку, по ее мнению, г-н Сакер был произвольно арестован и заключен под стражу и поскольку алжирские власти, несмотря на неоднократные просьбы автора, не провели ни углубленного и тщательного расследования, ни возбудили уголовного дела. Супруг автора сообщения не был незамедлительно доставлен к судье и не мог связаться со своей семьей. Кроме того, он не имел возможности пользоваться теми признанными правами, которые предоставляются задержанным (в частности, речь идет о доступе к адвокату, праве в кратчайшие сроки получить информацию о причинах ареста и праве быть преданным суду без неоправданной задержки). Помимо этого, автор сообщения жалуется на то, что власти не выполнили своего обязательства защитить право г-на Сакера на жизнь.

3.2 Автор сообщения утверждает, что она исчерпала все внутренние средства правовой защиты, обращавшись в судебные органы, независимые административные инстанции, занимающиеся защитой прав человека (Посредник и Национальный центр защиты прав человека), а также к высшим государственным органам власти. Она отмечает, что ее просьба расследовать факт ареста, содержания под стражей и исчезновение ее супруга не была удовлетворена. Автор убеждена в том, что задействованные ею судебные процедуры являются неэффективными или бесполезными, поскольку, как ей известно, по отношению к представителям службы безопасности (полиция и территориальный центр), виновным в аресте и исчезновении ее супруга, не было принято никаких мер. Автор утверждает, что давая ей неполные ответы и информацию, власти стремились еще более затормозить ход процессуальных действий.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения и комментария автора

4.1 В своей вербальной ноте от 31 января 2002 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения на том основании, что не все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Из всех инстанций, в которые обращалась автор, лишь прокурор Республики при суде Константины имеет право возбуждать предварительное расследование и направлять дело в компетентную судебную инстанцию, в данном случае - следственному судье. Таким образом, автор исчерпала лишь одно из трех средств правовой защиты, предусмотренных в подобных случаях алжирским законодательством.

4.2 Автор могла напрямую обратиться к следственному судье суда Константины в случае отказа прокурора Республики в возбуждении дела (последний по своему усмотрению может принять решение о возбуждении дела или отказать в этом³). Такое прямое обращение в судебную инстанцию, возможность которого предусматривается в статьях 72⁴ и 73⁵ Уголовно-процессуального кодекса,

---

³ Пункт 1 статьи 36 Уголовно-процессуального кодекса.

⁴ Статья 72 Уголовно-процессуального кодекса гласит следующее: "Любое лицо, считающее себя жертвой правонарушения, может при подаче жалобы обратиться к компетентному следственному судье с ходатайством о возбуждении гражданского иска".

могло бы повлечь за собой возбуждение уголовного дела. Кроме того, любое решение в отношении применения этих статей, принятое следственным судьей, может обжаловаться в обвинительной палате Апелляционного суда⁶.

4.3 Кроме того, автор сообщения могла бы возбудить иск в связи с гражданской ответственностью государства⁷: независимо от решения, принятого в рамках уголовного производства, жертвы имеют право подать иск в компетентный административный орган и добиться возмещения ущерба. Государство-участник считает, что были исчерпаны не все наиболее очевидные внутренние средства правовой защиты; эти средства правовой защиты, которые часто используются, дают удовлетворительные результаты.

4.4 Помимо этого, государство-участник предоставило некоторую информацию по существу дела. Г-н Сакер был арестован в июне 1994 года уголовной полицией Константинского вилайета по подозрению в принадлежности к террористической группе, совершившей многочисленные нападения в регионе. Поскольку в ходе допроса его принадлежность к террористической группе не подтвердилась, уголовная полиция освободила его и передала его в военное отделение уголовной полиции для более тщательного допроса. Г-н Сакер был освобожден из военного отделения уголовной полиции к концу дня. Он разыскивается на основании ордера на арест, выданного следственным судьей Константины в рамках следствия по делам 23 лиц, которые, как и г-н Сакер, подозреваются в принадлежности к террористической группе. Этот ордер на арест будет оставаться в силе до тех пор, пока г-н Сакер не будет обнаружен. 29 июля 1995 года уголовная палата суда Константины заочно вынесла ему и его сообщникам обвинительный приговор.

5.1 В письме от 22 апреля 2002 года адвокат указал на то, что требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты было выполнено.

5.2 В соответствии с просьбой автора сообщения от 20 января 1996 года она была вызвана 20 марта 1999 года следственным судьей третьей палаты суда Константины. В ходе встречи с судьей она была проинформирована о возбуждении дела по факту исчезновения ее супруга (дело № 32/134) и о начале расследования. Затем судья задал ей несколько вопросов об обстоятельствах ареста г-н Сакера. Производство по этому уголовному делу до сих пор не прекращено. Автор утверждает, что именно следствие не позволяет ей задействовать процедуру, которая упоминалась государством-участником и которая предусмотрена в статьях 72 и 73 Уголовно-процессуального кодекса.

---

⁵ Статья 73 Уголовно-процессуального кодекса гласит следующее: "Следственный судья может постановить передать жалобу в течение пяти дней прокурору Республики, который должен высказать свои соображения по делу. Прокурор Республики дает свое заключение по делу в течение пяти дней с момента получения жалобы. Обвинение может быть выдвинуто против означенного или неозначенного лица. Прокурор Республики может ходатайствовать перед следственным судьей о возбуждении дела против неозначенных лиц лишь в том случае, когда в связи с самим уголовным делом закон не допускает возбуждения преследования или если деяния доказаны, но не могут быть квалифицированы в качестве уголовно наказуемых. В случае наличия достаточных оснований следственный судья может отклонить это ходатайство. В том случае, когда поданная жалоба является недостаточно мотивированной или недостаточно обоснованной, перед следственным судьей также можно ходатайствовать о возбуждении дела, предоставив ему в предварительном порядке информацию обо всех имеющих отношении к этому делу лицам. В подобном случае лица, против которых подана жалоба, при условии доведения до их сведения положений статьи 89, могут быть заслушаны следственным судьей в качестве свидетелей до того момента, пока не будут предъявлены обвинения или пока не будут возбуждены дела против конкретно означенных лиц".

⁶ Статьи 170-174 Уголовно-процессуального кодекса.

⁷ Статья 7 Гражданского процессуального кодекса.

5.3 Кроме того, автор сообщения не имеет возможности возбудить дело в связи с гражданской ответственностью государства-участника до тех пор, пока судья, ведущий уголовное дело, не примет решение по факту жалобы на службу безопасности Константинского вилайета, поскольку согласно Уголовно-процессуальному кодексу, гражданские дела не рассматриваются, пока не принято решение по уголовному делу⁸. Как бы то ни было, автор считает неуместным передачу в административный орган дела, имеющего в основном уголовный характер (речь, в частности, идет о деяниях, которые преследуются на основании пункта 2 статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса).

5.4 Судебными полномочиями обладают и ряд других инстанций, в которые обращалась автор сообщения, в частности министерство юстиции, которое может потребовать от прокурора республики возбудить иск или ходатайствовать о его возбуждении перед компетентными органами⁹; другие инстанции имеют полномочия на ведение расследования и установление истины. К их числу относятся, в частности, Посредник и Национальный центр защиты прав человека. Поскольку ни одна из этих инстанций не дала ответа, автор сообщения считает, что внутренние средства правовой защиты оказались недостаточными и неэффективными. Автор напоминает, что после своей встречи со следственным судьей, она лишь через 19 месяцев получила информацию в связи с тем ходатайством, с которым она обращалась примерно пятью годами ранее.

5.5 Автор сообщения считает, что отдельные сведения, представленные государством-участником, подтверждают произвольный характер задержания г-на Сакера и незаконность ордера на его арест. 29 июля 1995 года суд Константины вынес ему обвинительный приговор втайне (ни о процессе, ни о приговоре суда не было сообщено ни одному из членов семьи). Кроме того, государство-участник не указало ни даты, ни часа, ни места освобождения г-на Сакера.

5.6 Автор сообщения подчеркивает, что случаи исчезновения людей в Алжире и их длительного содержания под стражей в тайном месте вызывают серьезную обеспокоенность правозащитников. Автор ссылается также на заключительные замечания, которые Комитет сформулировал в отношении Алжира по итогам рассмотрения второго периодического доклада государства-участника. Комитет призвал государство-участник создать независимые механизмы для рассмотрения всех случаев нарушения права на жизнь и физическую неприкосновенность и предать виновных суду. Автор утверждает, что ни один подобный механизм не был создан и что виновные в указанных правонарушениях пользуются полной безнаказанностью.

Дополнительные замечания государства-участника и комментарии автора

6. 17 ноября 2003 года государство-участник подтвердило, что автор не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты и представило Комитету дополнительные сведения по существу дела. Г-н Сакер был задержан полицией 12 июня 1994 года для допроса. После содержания под стражей в течение трех дней он 15 июня 1994 года был передан военному подразделению уголовной полиции для более тщательного допроса. Г-н Сакер был освобожден сразу же после завершения допроса. Наконец, 29 июля 1995 года г-ну Сакеру была заочно назначена высшая мера наказания.

7. В письме от 5 февраля 2004 года автор сообщения опровергает точку зрения государства-участника на произошедшие события и настаивает на своей собственной версии. Автор подчеркивает также, что в письме от 26 февраля 1997 года сотрудник уголовной полиции Салим

---

⁸ "До тех пор пока не будет принято окончательного решения в уголовном деле, по которому начато производство" (пункт 2 статьи 4 Уголовно-процессуального кодекса).

⁹ Пункт 2 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса гласит следующее: "...правомочен возбуждать или ходатайствовать о возбуждении исков или обращаться к компетентным органам за такими письменными документами, которые будут сочтены необходимыми".

Абденур подтвердил дату перевода г-на Сакера в территориальный центр для проведения более тщательных допросов. Автор отмечает, что в письме не указана дата ареста, поскольку это четко продемонстрировало бы, что продолжительность задержания (33 дня) превышала максимально разрешенную законом (12 дней)¹⁰.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из правила 93 своих правил процедуры, решить, является ли жалоба приемлемой в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

8.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет убедился в том, что данный вопрос не рассматривается в другой международной инстанции.

8.3 Комитет обращает также внимание на утверждение государства-участника о том, что автор сообщения не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты. В этой связи Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что рассмотрение жалобы от 20 января 1996 года еще не завершено и что это освобождает ее от исчерпания всех доступных потерпевшей стороне средств правовой защиты, упоминавшихся государством-участником. Комитет считает, что в отношении жалобы, поданной 20 января 1996 года, применение внутренних средств правовой защиты было неоправданно затянато. Государство-участник не продемонстрировало, что в этой связи являются или могли бы оказаться действенными другие упоминавшиеся средства правовой защиты с учетом особой серьезности обвинений и того факта, что автор сообщения неоднократно пыталась пролить свет на судьбу своего супруга. В этой связи Комитет считает, что автор исчерпала все внутренние средства правовой защиты в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

8.4 Что касается утверждения о нарушении пункта 3 статьи 14, то Комитет считает, что утверждения автора не являются достаточно обоснованными для того, чтобы быть признанными приемлемыми. Что касается жалоб в связи с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 6 и статьями 7, 9 и 10, то, по мнению Комитета, выдвинутые утверждения являются достаточно обоснованными. Таким образом, Комитет считает, что сообщение является приемлемым на основании пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6 и статей 7, 9 и 10 Пакта и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

9.2 Комитет обращает внимание на определение понятия насильственного исчезновения, сформулированное в подпункте i) пункта 2 статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда: "насильственное исчезновение людей" означает арест, задержание или похищение людей государством и политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении этих людей с целью лишения их защиты со стороны закона в течение длительного периода времени. Любые действия, влекущие за собой насильственное исчезновение такого рода, представляют собой нарушение большого числа прав, закрепленных в Пакте, в первую очередь права на свободу и личную неприкосновенность (статья 2), права не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (статья 7) и права всех лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой

---

¹⁰ Пункт 3 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса.

личности (статья 10). Кроме того, такие действия являются нарушением права на жизнь и представляют собой серьезную угрозу для человека (статья 6).

9.3 Автор сообщения настаивает на том, что ее супруг исчез. Что касается этого утверждения, то Комитет отмечает, что автор и государство-участник по-разному оценивают эти события, их даты и итоги. Автор сообщения утверждает, что ее супруг был арестован без ордера 29 мая 1994 года и что, согласно письму из Уголовной полиции (в котором упоминается решение 16536/96 прокурора Республики при суде Константины), ее супруг был переведен в территориальный центр 3 июля 1994 года. Государство-участник настаивает на том, что г-н Сакер был арестован 12 июня 1994 года, переведен в военное подразделение уголовной полиции 15 июня 1994 года и позднее освобожден. Комитет отмечает также, что, по данным Национального центра защиты прав человека, который ссылается на информацию служб безопасности, супруг автора сообщения был "похищен" неизвестной вооруженной группой. Комитет отмечает, что государство-участник не отреагировало на достаточно подробные утверждения автора и не представило убедительных доказательств, таких, как ордер на арест, документы об освобождении арестованного, документы, касающиеся его допроса или содержания под стражей.

9.4 Согласно мнению, неоднократно высказывавшемуся Комитетом¹¹, бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения, особенно если учесть, что автор и государство-участник не всегда располагают равными возможностями доступа к доказательствам и что важной информацией зачастую располагает лишь государство-участник. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола имплицитно вытекает, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все жалобы на случаи нарушения Пакта, поданные против него или его представителей, и представлять Комитету имеющуюся в его распоряжении информацию. Когда автор сообщения подкрепляет свои утверждения доказательствами и когда прояснению обстоятельств дела может помочь информация, имеющаяся в распоряжении лишь государства-участника, Комитет может признать такие утверждения обоснованными, если государство-участник не представляет для их опровержения убедительных доказательств и разъяснений.

9.5 Что касается утверждений о нарушении пункта 1 статьи 9, то имеющиеся в распоряжении Комитета доказательства говорят о том, что г-на Сакера забрали из дома представители государственной власти. Государство-участник не отреагировало на утверждения автора о том, что ее супруг был арестован без ордера. Не представило оно и юридических оснований, оправдывающих передачу ее супруга военным органам. Государство-участник не смогло доказать, что впоследствии супруг автора был освобожден и тем более что он был освобожден в безопасных условиях. С учетом всех соображений Комитет делает вывод, что задержание в целом было произвольным и что государство-участник не представило доказательств того, что задержание г-на Сакера не было ни произвольным, ни незаконным. Принимая во внимание все эти сведения, Комитет считает, что имело место нарушение требований пункта 1 статьи 9¹².

9.6 Что касается жалобы на нарушение пункта 3 статьи 9, то Комитет напоминает, что право быть "в срочном порядке" доставленным в судебный орган означает, что этот срок не должен превышать нескольких дней и что содержание под стражей в тайне само по себе может являться нарушением

---

¹¹ Сообщение № 146/1983, Бабоерам-Адхин и др. против Суринама, Соображения, принятые 4 апреля 1985 года, пункт 14.2; сообщение № 139/1983, Контерис против Уругвая, Соображения, принятые 17 июля 1985 года, пункт 7.2; сообщение № 202/1986, Грациэла Ато дель Авельянал против Перу, Соображения, принятые 31 октября 1988 года, пункт 9.2; сообщение № 30/1978, Блейер против Уругвая, Соображения, принятые 29 марта 1982 года, пункт 13.3.

¹² Сообщение № 778/1997, *Коронель и др. против Колумбии*, Соображения, принятые 24 октября 2002 года, пункт 9.4; сообщение № 449/1991, *Барбарин Мохика против Доминиканской Республики*, Соображения, принятые 10 августа 1994 года, пункт 5.4.

требований пункта 3 статьи 9¹³. Комитет принимает к сведению аргумент автора, утверждающей, что ее супруг содержался в уголовной полиции под стражей тайно в течение 33 дней до перевода в территориальный центр 3 июля 1994 года, причем на протяжении всего этого периода он не имел никакой возможности связаться с адвокатом. Комитет приходит к выводу, что доведенные до его сведения факты свидетельствуют о нарушении требований пункта 3 статьи 9.

9.7 Что касается утверждения о нарушении пункта 4 статьи 9, то Комитет напоминает, что супруг автора сообщения не имел возможности в период содержания под стражей в тайном месте связаться с адвокатом, что не позволило ему тогда оспорить законность своего задержания. В отсутствие сколь-либо существенной информации по данному вопросу со стороны государства-участника Комитет считает, что было нарушено также право г-на Сакера добиться от суда вынесения постановления относительно законности его задержания (пункт 4 статьи 9).

9.8 Хотя автор сообщения конкретно и не указывает на это, Комитет отмечает, что в связи с сообщением возникают вопросы по статье 7 Пакта, касающиеся как автора сообщения, так и ее супруга. Комитет понимает, какие страдания может причинить бессрочное содержание под стражей без каких-либо контактов с внешним миром. В этой связи Комитет обращает внимание на свое Замечание общего порядка № 20 (44) по статье 7 Пакта, в котором он рекомендовал государствам-участникам предусмотреть нормы, запрещающие содержание под стражей без связи с внешним миром. В настоящем случае Комитет считает, что исчезновение супруга автора сообщения, а также тот факт, что ему запрещалось вступать в контакт со своей семьей и внешним миром, являются нарушениями статьи 7 Пакта¹⁴. Комитет принимает также к сведению ту тревогу и отчаяние, которые испытывала автор сообщения в связи с исчезновением своего супруга и отсутствием сведений о его судьбе. Комитет приходит к выводу о том, что доведенные до его сведения факты свидетельствуют о нарушении требований статьи 7 Пакта в отношении как супруга автора сообщения, так и ее самой¹⁵.

9.9 В свете вышеуказанных выводов Комитет не рассматривал утверждения, сформулированные автором сообщения по статье 10 Пакта.

9.10 Что касается жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта, то Комитет отмечает, что, согласно письму из уголовной полиции (упоминается в решении № 16536/96 прокурора Республики при суде Константины), супруг автора сообщения был передан в руки представителей государственного органа 3 июля 1994 года и что с тех пор автор ничего не слышала о нем. Комитет отмечает также, что письмо из Национального центра защиты прав человека автор сообщения приняла за уведомление о смерти ее супруга.

9.11 Комитет обращает внимание на свое Замечание общего порядка № 6 (16) по статье 6 Пакта, в котором он, в частности, отметил, что государства-члены должны принимать конкретные действенные меры по недопущению исчезновения людей и создавать такие механизмы и процедуры, которые позволяли бы соответствующим органам беспристрастно и углубленно расследовать случаи исчезновения людей при обстоятельствах, в которых существует подозрение в нарушении права на

---

¹³ Сообщение № 1128/2002, *Рафаэль Маркиш ди Мораиш против Анголы*, Соображения, принятые 29 марта 2005 года, пункт 6.3. См. также Замечание общего порядка № 8 (16), пункт 2.

¹⁴ Сообщение № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года, пункт 8.5; сообщение № 458/1991, *Муконг против Камеруна*, Соображения, принятые 24 июля 1994 года, пункт 9.4; сообщение № 440/1990, *Эль-Мегрейзи против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 23 марта 1994 года, пункт 5.

¹⁵ Сообщение № 107/1981 *Кинтерос против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 14; сообщение № 950/2000 *Сарма против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 31 июля 2003 года, пункт 9.5.

жизнь¹⁶. В настоящем случае Комитет отмечает, что государство-участник не опровергает того факта, что о судьбе автора сообщения ничего не известно по крайней мере с 29 июля 1995 года - той даты, когда уголовная палата суда Константины заочно вынесла ему приговор. Поскольку государство-участник не представило информации или доказательств, подтверждающих, что жертва покинула территориальный центр, Комитет придерживается мнения, что доведенные до его сведения факты свидетельствуют о нарушении требований пункта 1 статьи 6, так как государство-участник не выполнило своего обязательства защитить право г-на Сакера на жизнь.

9.12 Автор сообщения ссылается на пункт 3 статьи 2 Пакта, налагающий на государства-участники обязательство не только обеспечить эффективную защиту прав, закрепленных в Пакте, но и гарантировать доступные, применимые и действенные средства защиты этих прав. Комитет придает большое значение созданию государствами-участниками соответствующих судебных и административных механизмов для рассмотрения жалоб на нарушение прав во внутреннем законодательстве. Он ссылается на свое Замечание общего порядка № 31 (80) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства - участники Пакта, в котором, в частности, указывается, что непринятие государством-участником мер для расследования предполагаемых нарушений само по себе может стать отдельным нарушением Пакта¹⁷. В данном случае имеющаяся в распоряжении Комитета информация говорит о том, что автор сообщения не имел доступа к действенным средствам правовой защиты. Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты указывают на нарушение требований пункта 3 статьи 2 Пакта, а также пункта 1 статьи 6 и статей 7 и 9.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 6, статьи 7 и пунктов 1, 3 и 4 статьи 9 Пакта в том, что касается супруга автора сообщения, и статьи 7 в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта в том, что касается самого автора.

11. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать автору сообщения действенные средства правовой защиты, что предполагает, в частности, углубленное и добросовестное расследование исчезновения и судьбы автора сообщения, его незамедлительное освобождение, если он еще жив, представление автору должного отчета о результатах расследования и выплату автору и его семье адекватной компенсации за нарушения прав супруга автора, самого автора и ее семьи. Государство-участник обязано также возбудить уголовное дело в отношении лиц, подозреваемых в совершении этих нарушений, предать их суду и наказать их. Кроме того, государство-участник обязано принять меры по недопущению аналогичных нарушений в будущем.

12. С учетом того, что присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установленного факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Государству-участнику предлагается также опубликовать Соображения Комитета.

---

¹⁶ Замечание общего порядка № 6 (16), пункт 4; сообщение № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года, пункт 8.3; сообщение № 563/1993, *Федерико Андреу против Колумбии*, Соображения, принятые 13 ноября 1995 года, пункт 8.3; сообщение № 449/1991, *Барбарин Мохика против Доминиканской Республики*, Соображения, принятые 10 августа 1994 года, пункт 5.5.

¹⁷ Замечание общего порядка № 31, пункт 15.

Сообщение № 1016/2001

Представлено: Рубеном Сантьяго Иностросой Солисом (адвокатом не представлен)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Перу

Дата принятия Сообщений: 27 марта 2006 года

Тема сообщения: увольнение государственного служащего в связи с реорганизацией учреждения

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Вопросы существа: дискриминация по признаку возраста

Статьи Пакта: 25 с)

Вывод: отсутствие нарушений

1.1 Автор сообщения от 19 июля 1999 года является Рубен Сантьяго Иностроса Солис, гражданин Перу, который утверждает, что он является жертвой нарушения Перу пункта с) статьи 25 Пакта. Автор адвокатом не представлен.

1.2 Факультативный протокол вступил для Перу в силу 3 января 1981 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор был сотрудником Главного таможенного управления Перу (СУНАД). В соответствии с Верховным декретом № 043-91-ЕФ правительство издало распоряжение о реорганизации этого учреждения, которая, среди прочего, включала сокращение штатов. В этой связи СУНАД издало постановление № 6338 от 5 сентября 1991 года, согласно которому целый ряд сотрудников были отнесены к категории избыточного персонала и подлежали освобождению от своих должностей в соответствии с двумя следующими критериями: по сроку службы (25 или более лет для женщин и 30 лет для мужчин) и по возрасту (55 лет или более для женщин и 60 лет для мужчин). Одним из этих сотрудников был автор, возраст которого составлял 61 год, а срок службы - 11 лет.

2.2 5 декабря 1991 года автор подал апелляцию на это постановление в Национальный суд по делам гражданской службы, утверждая, что он был уволен без какого-либо уведомления и по причине достижения возраста 61 года, тогда как в соответствии с Законом о продвижении по службе возраст выхода на пенсию сотрудников СУНАД должен был составлять 70 лет. 19 февраля 1992 года суд признал его апелляцию необоснованной.

2.3 Своим ходатайством от 5 декабря 1991 года автор обжаловал упомянутое постановление в Национальном суде по делам гражданской службы и потребовал восстановить его в должности, с которой он был уволен. Это ходатайство было признано необоснованным 19 февраля 1992 года.

2.4 26 марта 1992 года автор в порядке обжалования административного акта представил иск в Палату по трудовым спорам Высокого суда Лимы. Суд своим решением от 28 декабря 1994 года постановил удовлетворить иск автора. Согласно его заключению, автор, не достигший установленного законом возраста выхода на пенсию, был уволен противозаконно и имел право на восстановление в своей должности.

2.5 11 декабря 1995 года государственная прокуратура обжаловала это решение, представив апелляцию в Верховный суд. 21 августа 1996 года Верховный суд постановил, что решение

Высокого суда не имеет законной силы из-за нарушений процедурного характера, и предписал ему вынести новое решение.

2.6 13 октября 1997 года Высокий суд Лимы вновь признал жалобу обоснованной и предписал восстановить автора в должности. Это решение было вновь обжаловано в Верховном суде путем подачи апелляционной жалобы от имени государства. Жалоба была удовлетворена решением от 7 октября 1998 года, в соответствии с которым Главное таможенное управление имело веское основание для увольнения, поскольку его цель заключалась в сокращении чрезмерно "раздутого" государственно-административного аппарата.

2.7 Это дело не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

Жалоба

3. Автор утверждает, что имело место нарушение пункта с) статьи 25 Пакта, поскольку постановление СУНАД повлекло за собой его увольнение без обоснованной причины. Принятием этого постановления был нарушен принцип иерархии норм, так как оно противоречит положениям статьи 35 Законодательного декрета № 276 (Закону о продвижении по службе), которыми для государственных служащих окончание трудовой деятельности устанавливается в возрасте 70 лет. Кроме того, в статье 48 Конституции 1979 года, действовавшей на момент описанных событий, признается право на гарантию занятости. Автор также сетует как на чрезмерную длительность процедуры, так и на то, что в работу судебной системы вмешивалась назначенная президентом Фухимори Специальная комиссия по реорганизации правительства, что фактически парализовало деятельность Верховного суда.

Замечания государства-участника

4.1 В своих замечаниях от 22 апреля 2002 года государство-участник сообщает, что у него нет возражений относительно приемлемости сообщения. Что касается существа сообщения, то оно отмечает, что Верховный декрет от 8 января 1991 года, в соответствии с которым была объявлена реорганизация исполнительной власти на уровне всех государственных органов, включая центральное правительство, региональные органы власти, децентрализованные государственные учреждения, корпорации по вопросам развития и специальные проекты, был принят на законных основаниях согласно статье 211 Конституции 1979 года, был обусловлен избытком государственных служащих и преследовал цель достичь экономической стабильности и сбалансированности финансовой системы страны. В этом контексте в соответствии с Верховным декретом от 14 марта 1991 года была начата реорганизация Главного таможенного управления Перу, призванная обеспечить совершенствование таможенной службы в процессе либерализации системы внешней торговли. Реорганизация предусматривала, среди прочего, упорядочение штатов, в рамках которого сотрудников, не соглашавшихся на охват программой добровольной отставки, относили к категории избыточного персонала и увольняли на основании реорганизации. В своем постановлении № 2412 от 4 апреля 1991 года Главное таможенное управление Перу установило критерии, которые должны были применяться в процессе определения избыточного персонала, не соглашавшегося на охват программой добровольной отставки, с учетом, в частности, отнесения к этой категории сотрудников, достигших предельного возраста по смыслу Закона-декрета № 20530 и 19990, а именно 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин.

4.2 Постановление № 6338, в соответствии с которым автор был причислен к категории избыточного персонала и уволен с работы 6 сентября 1991 года, соответствовало нормативным рамкам процесса реорганизации таможенной службы и принципу иерархии норм, сложившейся следующим образом: статья 211 Конституции; Верховный декрет № 043-91-EF от 14 марта 1991 года, согласно которому была объявлена реорганизация СУНАД; и принятое СУНАД

постановление № 002412 от 4 апреля 1991 года, в котором были установлены критерии, подлежащие учету при определении наличия избытка персонала в таможенной службе.

4.3 Что касается статьи 48 Конституции, на которую ссылается автор, то она в самом деле предусматривает право на гарантию занятости, однако содержит также положение о том, что работник может быть уволен на веских основаниях, установленных в законе и удостоверенных надлежащим образом. В случае автора действительно существовала веская причина для его увольнения, поскольку он был освобожден от должности по причине реорганизации.

4.4 Государство-участник утверждает, что оно не нарушило пункт с) статьи 25 Пакта, так как автор не был лишен доступа к государственной службе в его стране на общих условиях равенства, как об этом свидетельствует его одиннадцатилетний стаж работы в государственном учреждении. Его увольнение было обусловлено объективными причинами, связанными с реорганизацией государственных органов.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

5.1 В соответствии с правилом 93 своих правил процедуры Комитет по правам человека, прежде чем рассматривать утверждения, содержащиеся в каком-либо сообщении, должен принять решение о том, является ли оно приемлемым по смыслу Факультативного протокола к Пакту.

5.2 Комитет согласно подпункту а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола удостоверился, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

5.3 Комитет отмечает, что государство-участник сообщило об отсутствии у него возражений относительно приемлемости сообщения. В этой связи Комитету ничто не мешает считать сообщение приемлемым и рассмотреть жалобу, представленную автором, по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

6.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел сообщение с учетом всей информации, представленной сторонами.

6.2 Вопрос, затронутый автором, состоит в том, является ли увольнение сотрудника государственной администрации на основаниях реорганизации государственных органов нарушением пункта с) статьи 25 Пакта. Это положение закрепляет за всеми гражданами право допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе без какой бы то ни было дискриминации по смыслу пункта 1 статьи 2, а именно без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. Для гарантированного обеспечения доступа к государственной службе на общих условиях равенства критерии и процедуры назначения, повышения по службе, отстранения от должности и увольнения должны быть объективными и обоснованными.

6.3 Комитет ссылается на свою практику в связи с осуществлением статьи 26¹, согласно которой не каждое различие представляет собой дискриминацию, но все проводимые различия должны иметь обоснованные и объективные причины. Хотя среди оснований для дискриминации, запрещенной в статье 26, сам по себе возраст не упоминается, Комитет полагает, что различие по признаку возраста, проводимое без наличия обоснованных и объективных критериев, может представлять собой

---

¹ См. сообщение № 983/2001 (*Лов против Австралии*), Соображения от 25 марта 2003 года, пункт 8.2.

дискриминацию по признакам "иного обстоятельства" по смыслу рассматриваемого положения или отказ в равной защите закона, предусмотренный в первом предложении статьи 26. Это же соображение относится к пункту с) статьи 25 в его прочтении с пунктом 1 статьи 2 Пакта.

6.4 В настоящем случае Комитет отмечает, что автор был не единственным сотрудником, потерявшим работу, так как по причинам реформирования СУНАД такая же участь постигла и других работников этого органа. Государство-участник сообщает, что эти преобразования проводились на основе Верховного декрета от 8 января 1991 года, которым исполнительная власть объявила о реорганизации всех государственных органов. Критерии отбора работников, чьи трудовые договоры подлежали расторжению, были установлены в соответствии с общеприменимым планом. Комитет считает, что в настоящем случае предельный возраст, установленный для сотрудников, сохраняющих за собой должность, являлся объективным критерием различия и что его применение в рамках общего плана реформирования государственной администрации не было лишено оснований. В этих обстоятельствах Комитет считает, что автор не стал жертвой нарушения пункта с) статьи 25.

7. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту о гражданских и политических правах, приходит к мнению, что факты, доведенные до его сведения, не свидетельствуют о нарушении пункта с) статьи 25 Пакта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение членов Комитета г-на Майкла О'Флаэрти, г-на Вальтера Келина, г-на Эдвина Джонсона и г-на Иполито Солари-Иригойена

1. В настоящем деле большинство членов Комитета сделали вывод о том, что предельный возраст сам по себе "являлся объективным критерием различия" и что "его применение в рамках общего плана реформирования государственной администрации не было лишено оснований" (пункт 6.4). По нашему мнению, это равнозначно признанию того, что сам по себе возраст является объективным и обоснованным критерием для определения того, кому надлежит покинуть государственную службу. Такая аргументация не согласуется с подходом, занятым Комитетом в деле *Лов против Австралии*. В этом деле Комитет постановил, что, хотя возраст как таковой не упоминается среди перечисленных признаков запрещаемой во второй фразе статьи 26 дискриминации, различие по признаку возраста, которое не базируется на обоснованных и объективных критериях, можно приравнять к дискриминации по признаку упоминаемого в данном положении "иного обстоятельства". Комитет подчеркнул, что, хотя обязательный выход на пенсию по возрасту в целом не представляет собой дискриминацию по признаку возраста, это не освобождает Комитет от задачи определения в свете статьи 26 Пакта, является ли дискриминационным какое-либо конкретное положение о возрасте обязательного выхода на пенсию, не соответствующее общепринятому в конкретной стране пенсионному возрасту. Как и в деле *Лов против Австралии*, в настоящем деле Комитету следовало рассмотреть вопрос о том, существовали ли обоснованные и объективные соображения, оправдывающие использование возраста в качестве критерия для различия. Однако Комитет этого не сделал и тем самым отошел от подхода, который был применен в деле *Лов против Австралии*, что, на наш взгляд, не имеет под собой оснований.

2. В настоящем деле государство-участник не продемонстрировало, что цели плана реформирования Таможенного управления Перу были законными. В этой связи мы отмечаем, что Комитет, в частности, не рассмотрел заявлений автора о том, что как Конституция, так и законы, принятые парламентом, обеспечивали гарантированность занятости и что эти гарантии были отменены не в результате демократического процесса внесения поправок в соответствующие положения, а посредством декрета бывшего президента Перу. Кроме того, использование критерия возраста применительно к автору не является объективным и обоснованным по целому ряду причин. Во-первых, дело касается увольнения, а не выхода на пенсию. Во-вторых, хотя возраст может служить оправданием для увольнения в случаях, когда он снижает возможности того или иного лица

выполнять свои обязанности или когда затрагиваемое лицо проработало достаточное время, чтобы приобрести право на полную или же, по меньшей мере, достаточную пенсию, государство-участник не продемонстрировало, что в случае автора, который, несмотря на его возраст, работал в учреждении всего лишь 11 лет, присутствовали какие-либо из этих соображений. В силу этого мы придерживаемся мнения, согласно которому автор стал жертвой нарушения прав, закрепленных в пункте с) статьи 25 Пакта.

Особое (совпадающее) мнение членов Комитета сэра Найджела Родли, г-на Ивана Ширера и г-жи Рут Уэджвуд

Комитет заключил, что Перу не нарушило права автора, закрепленные в пункте с) статьи 25 Пакта, хотя Главное таможенное управление Перу уволило его по причинам реорганизации, и в том числе на основании его возраста. Это решение явно далось Комитету не без труда ввиду того, что государство не привело никаких доводов, объясняющих дискриминационное использование признака возраста при увольнениях.

Вместе с тем сохраняется очевидность того, что решение Комитета по этому делу не должно толковаться в смысле его поддержки использования Перу гендерной дискриминации при увольнениях и сокращении штатов. Вызывает недоумение, что Главное таможенное управление Перу постановило, что женщины должны уходить на пенсию из государственной администрации на пять лет раньше мужчин как по возрасту, так и по сроку службы.

Не существует никакой очевидной причины, по которой можно было бы обязать женщин к выходу на пенсию раньше мужчин, и с учетом того, что этот вопрос уже являлся предметом тяжбы между сторонами, трудно понять, каким образом можно считать эту практику совместимой со статьями 25 и 26 Пакта.

Сообщение № 1036/2001

Представлено: Бернадеттой Фор (представлена ее отцом, Леонардом Фором)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Австралия

Дата принятия Сообщений: 31 октября 2005 года

Тема сообщения: получение пособия по безработице в зависимости от выполнения требования о занятии обязательным трудом

Процедурные вопросы: исчерпание внутренних средств правовой защиты - обоснование для целей приемлемости - сфера охвата Пакта

Статьи Пакта: статьи 2 и 8

Статьи Факультативного протокола: пункт 2 b) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (пункт 3 статьи 2 и статья 8)

1. Автором сообщения, первоначально представленного 19 июня 2001 года, является гражданка Австралии и Мальты Бернадетта Фор, родившаяся 22 апреля 1980 года. Она утверждает, что является жертвой нарушения Австралией ее прав человека, провозглашенных в пунктах 2 и 3 а)-с) статьи 2 и пункте 3 статьи 8. Она представлена своим отцом, Леонардом Фором, который действует, имея ее прямо оговоренные полномочия.

Факты в изложении автора

2.1 После окончания средней школы в возрасте 16 лет в 1996 году автор постоянно находилась на пособии по безработице. 7 июля 1997 года вступил в силу Закон 1997 года о внесении поправок в законодательство о социальном обеспечении (*Работа за пособие по безработице ("Закон 1997 года")*).

2.2 3 ноября 2000 года, участвуя, после получения соответствующего направления, в программе "Интенсивная помощь", реализуемой компанией "Ай-пи-эй персонал, лтд." (аккредитованное государством частное агентство по трудоустройству), автор нарушила условие заключенного с ней "соглашения о подготовке к работе" (первый не пройденный "тест активности в поисках работы" в течение двух лет). В результате этого 13 ноября 2000 года ставка ее пособия по безработице была снижена¹.

2.3 По окончании программы "Интенсивная помощь" автор трижды направлялась к работодателю (организация "Миссия Австралии") для участия в программе "работа за пособие", при этом в каждом случае назначалась дата собеседования. Ни на одно собеседование она не пришла. В то же время 12 июня 2001 года Комиссия по правам человека и равным возможностям (КПЧРВ) также отказала в проведении расследования по жалобе, представленной от имени автора, в отношении того, что "работа за пособие" равнозначна принудительному или обязательному труду, со ссылкой на то, что предполагаемое нарушение возникло в силу прямого действия законодательства, а не в результате дискреционного решения официального должностного лица, и, таким образом, не входит в сферу ее компетенции, определенную в законодательстве. Кроме того, КПЧРВ отметила, что "... снижение ставки или прекращение выплаты пособия по безработице ввиду нежелания лица "работать за пособие" не имеет никакого отношения к принудительному или обязательному труду, поскольку характер наказания и степень недобровольности не достигают порога, необходимого для констатации нарушения пункта 3 а) статьи 8 [Пакта]".

2.4 9 июля 2001 года автор приступила к трудовой деятельности в рамках программы "работа за пособие" и закончила свой первоначальный контракт 7 октября 2001 года. После начала работы по второму контракту 24 октября 2001 года она не вышла на работу 30 октября, а затем 5 и 6 ноября. 22 ноября 2001 года ставка ее пособия по безработице была снижена в связи с отсутствием на работе без уважительной причины 30 октября (второй не пройденный "тест активности" за два года)².

2.5 6 декабря 2001 года выплата ей пособия по безработице была полностью прекращена в связи с ее отсутствием на работе по необъясненным причинам 5 и 6 ноября 2001 года (третий не пройденный "тест активности" в течение двух лет), после чего она прекратила участие в программе "работа за пособие". Перед прекращением выплаты пособия, когда с ней связались, она заявила, что была очень больна и не могла выйти на работу. Она не представила медицинской справки, заявив, что потеряла выданный врачом оригинал и не смогла получить от него копию справки. В результате в течение двух месяцев ей не выплачивалось пособие по безработице.

2.6 10 декабря 2001 года сотрудник по административному надзору подтвердил решение об отмене выплаты автору пособия по безработице. 26 февраля 2002 года после повторной подачи заявления выплата ей пособия по безработице была возобновлена.

---

¹ Государство-участник поясняет, что сокращение размера пособия при первом не пройденном "тесте активности" в течение двух лет составляет 18% от максимальной базовой ставки выплаты для данного лица за 26 недель.

² Государство-участник поясняет, что сокращение размера пособия при вторичном непрохождении "теста активности" в течение двух лет составляет 24% от максимальной базовой ставки выплаты для данного лица за 26 недель.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что она была поставлена перед необходимостью исполнения принудительного или обязательного труда в нарушение пункта 3 а) статьи 8 Пакта, в частности путем предъявления ей требования об участии в программе "работа за пособие". В случае отказа она была бы лишена средств к существованию в результате снижения ставки или приостановления выплаты ей пособия по безработице.

3.2 Автор далее утверждает, что она лишена средств правовой защиты в отношении ее жалобы в нарушение пунктов 2 и 3 а), b) и c) статьи 2 Пакта, поскольку ее жалоба в КПЧРВ не была принята к рассмотрению. В частности, она утверждает, что КПЧРВ обладала полномочиями подготовить сообщения или рекомендации для Генерального атторнея, которые могли быть использованы в данном случае.

Представления государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В представлениях от 17 июня 2002 года государство-участник оспаривает как приемлемость, так и существо данного сообщения. Государство-участник поясняет систему организации "работы за пособие", которая обязывает таких лиц, как автор, выполнять определенные общественные работы, отказ от которых влечет за собой снижение размера пособия по безработице. Подробное описание этой системы содержится в приложении к настоящему сообщению.

4.2 Что касается приемлемости данного сообщения, то государство-участник утверждает, что основная претензия на основании статьи 8 является неприемлемой ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку правомерность привлечения автора к участию в программе "Работа за пособие по безработице" можно было бы оспорить с использованием подробно разработанной внутренней системы обзора и обжалования решений в области социального обеспечения в соответствии с действующим законодательством. Предметом пересмотра в административном порядке может быть любое решение в отношении права на получение льгот по социальному обеспечению и, таким образом, решение о включении условия о выполнении "работы за пособие" в "Соглашение о подготовке к работе конкретного лица, равно как и решение о необходимости участия в программе "Работа за пособие..." как условие прохождения "теста активности". Этот объективный пересмотр проводится сотрудником-экспертом, не являющимся лицом, принявшим первоначальное решение. Затем пересмотр может быть также произведен в апелляционном трибунале по вопросам социального обеспечения, и наряду с этим имеется возможность подачи апелляции в административный апелляционный трибунал. Кроме того, можно подавать апелляции в федеральные суды и Высокий суд Австралии.

4.3 В данном случае автор лишь обратилась с ходатайством о проведении внутреннего административного пересмотра 10 декабря 2001 года и не воспользовалась дополнительными возможностями обжалования. Сообщение было представлено задолго до этой даты, несмотря на то, что автора неоднократно уведомляли о ее правах в отношении подачи апелляции. Таким образом, можно считать, что она была в полной мере осведомлена о ее правах на подачу апелляции, при этом любые возможные сомнения в отношении их эффективности не освобождают ее от обязанности их использования.

4.4 Автор также не обратилась с ходатайством о проведении судебной проверки решения КПЧРВ в отношении отсутствия у последней полномочий для удовлетворения жалобы автора на том основании, что жалоба относится не к исполнению дискреционных полномочий лицом, принимающим решение, а к непосредственному действию законодательства в области социального обеспечения. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор имела возможность напрямую обратиться в федеральный суд с ходатайством о судебном пересмотре решения о привлечении ее к "работе за пособие".

4.5 Что касается дополнительной претензии по статье 2, то государство-участник утверждает, что эта претензия по статье 2 является несовместимой с Пактом и, кроме того, не имеет отношения к тем фактам, о которых идет речь. Государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой статья 2 носит вспомогательный характер по отношению к существенным статьям Пакта и, таким образом, в отсутствие нарушения положений статьи 8 Пакта вопросов, касающихся отдельно статьи 2, возникнуть не может. Кроме того, сообщение не содержит утверждений о действиях, которые могли бы быть приравнены к нарушению статьи 2, и в нем также не указывается характер предполагаемого нарушения, являющегося объектом претензий.

4.6 Государство-участник добавляет, что данная претензия является неприемлемой ввиду исчерпания внутренних средств правовой защиты на основании изложенной выше по этому вопросу аргументации в отношении статьи 8. Наконец, государство-участник утверждает, что эта претензия является необоснованной для целей приемлемости: речь идет о не более чем утверждении, которое не подкреплено никакими доказательствами, свидетельствующими о том, что автору было отказано в эффективных средствах правовой защиты.

4.7 По существу претензии, касающейся статьи 8, государство-участник подчеркивает, что за отсутствием рассмотрения по существу Комитетом вопроса о принудительном труде Комитету следует руководствоваться подходами, используемыми в других международных организациях³. Хотя в Пакт намеренно не включены ссылки на Конвенции МОТ о принудительном или обязательном труде (№ 29, 1930 год) и об упразднении принудительного труда (№ 105, 1957 год) из-за трудностей, связанных с определениями МОТ, представляется, что выводы Комитета экспертов МОТ все же могут оказать помощь в определении "допустимого" принудительного или обязательного труда, который может использоваться. Чисто теоретически, государства должны соблюдать некоторые минимальные стандарты в области труда и социального обеспечения, содержащиеся в указанных двух конвенциях МОТ, чтобы удовлетворять исключениям, предусмотренным в пункте 3 статьи 8 Пакта⁴.

4.8 Государство-участник соглашается с тем, что Комитет экспертов МОТ, проводивший проверку чилийского законодательства в области пособий по безработице, признал отмену пособий в случае отказа лица от выполнения общественной работы "эквивалентной наказанию по смыслу Конвенции". Вместе с тем, он проводит различие между этими системами на том основании, что в Чили получение пособия по безработице зависит от выплаты взносов в течение 52 недель за предыдущие два года, тогда как в Австралии выплата пособий не зависит от каких-либо предварительных взносов. Кроме того, если в Чили пособия по безработице выплачиваются только в течение определенного времени, то в Австралии такое временное ограничение отсутствует. Поэтому, по мнению государства-участника, замечания Комитета экспертов по Чили в данном случае неуместны.

4.9 Что касается сравнительно ограниченной правовой практики, связанной с аналогичными положениями статьи 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, то государство-участник ссылается на дело *Ван дер Мюсселе против Бельгии*⁵. Европейский суд по данному делу постановил, что в отношении студента юридического факультета, добровольно

---

³ Государство-участник ссылается на оба имеющихся случая, когда данный вопрос вообще затрагивался: *Тиммерман против Нидерландов*, сообщение № 871/1999, решение, принятое 29 октября 1999 года, и *Вольф против Панамы*, сообщение № 289/1988, соображения, принятые 26 марта 1992 года. [Примечание для Комитета: В первом случае Комитет объявил неприемлемой претензию в отношении того, что занятия некоторыми видами профессиональной деятельности с оспариваемой шкалой оплаты равноценно принудительному труду, тогда как во втором случае Комитет признал необоснованной жалобу в отношении привлечения к принудительному труду лица, содержащегося в предварительном заключении до суда.]

⁴ Манфред Новак, *U.N. Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary*, N.P. Engel, Kehl am Rhein, 1993, at 157.

⁵ Series A, 70 (1983).

выбравшего профессию юриста, нельзя заключить, что его привлекали к принудительному труду, основываясь на требованиях о выполнении определенной бесплатной юридической работы в процессе его стажировки для получения регистрации в качестве адвоката. По мнению суда, эта работа не налагала столь чрезмерного или несоразмерного перспективным преимуществам, связанным с занятием этой деятельностью в будущем, бремени, чтобы ее можно было трактовать как изначально принятую недобровольно. С учетом того, что основные идеи исключений, предусмотренных в статье 4, касаются общего интереса социальной солидарности, и того, что считается обычным или нормальным порядком вещей, требование о выполнении этой работы не являлось ни несоразмерным, ни неразумным.

4.10 В деле *"Икс" против Нидерландов*⁶ Европейская комиссия по правам человека постановила, что прекращение на 26 недель выплаты пособия по безработице строительному рабочему в связи с его отказом на основании заявленной более высокой квалификации от предложенной ему работы, не было равноценным привлечению к принудительному или обязательному труду. Комиссия сделала вывод о том, что никто не принуждался посредством наказания к принятию предложения о трудоустройстве со стороны компетентных государственных органов. Скорее принятие такого предложения было лишь условием получения пособия по безработице, при этом наказанием в случае отказа является лишь временная потеря этого пособия.

4.11 Государство-участник замечает, что сформулированное в Пакте исключение "какая бы то ни была работа или служба, которая входит в обыкновенные гражданские обязанности", конкретно не определяется и должно истолковываться с учетом минимальных стандартов, предусмотренных в Конвенции МОТ № 29. В пункте 2 е) статьи 2 этой Конвенции предусматривается следующее исключение:

"...мелкие работы общинного характера, то есть работы, выполняемые для прямой пользы коллектива членами данного коллектива, и которые поэтому могут считаться обычными гражданскими обязанностями членов коллектива при условии, что само население или его непосредственные представители имеют право высказать свое мнение относительно целесообразности этих работ".

4.12 Также важно, что в статье 11 говорится о том, что к принудительному труду могут быть привлечены только лица в возрасте не ниже 18 лет, предварительно прошедшие медицинское освидетельствование, а в статье 12 устанавливается, что максимальный период, в течение которого какое-либо лицо может быть привлечено к принудительному труду, не может превышать 60 дней в году. В статье 13 предусмотрено, что продолжительность соответствующего рабочего дня должна соответствовать продолжительности рабочего дня, практикуемой в условиях труда по вольному найму, а статья 14 устанавливает, что такой труд оплачивается наличными деньгами по ставкам, которые не могут быть ниже ставок за аналогичные виды труда в данном районе. В статье 15 говорится о том, что любые узаконения, относящиеся к выплате работникам компенсаций и потере трудоспособности, относятся к обеим формам труда. Государство-участник утверждает, что программа "работы за пособие", как правило, удовлетворяет минимальным стандартам, предусмотренным в Конвенции. Представляется вполне правомерным, как это признается в вышеуказанных конвенциях МОТ, ввести разумные условия для выплаты пособий по социальному обеспечению. "Работая за пособие", долговременные безработные повышают свой профессиональный уровень, способность трудоустроиться и, тем самым, свою будущую экономическую независимость. Выплата пособий по безработице в Австралии не зависит от внесения взносов в предварительный период и не имеет временного ограничения. Никто не принуждается к их получению, однако если кто-то принимает такое решение, то соблюдение требования в отношении "работы за пособие" является разумным условием.

---

⁶ № 7602/76, 7 DR 161 (1976).

4.13 Государство-участник утверждает, что настоящее сообщение касается вопроса о скорейшем обязательном, а не принудительном труде, с учетом отсутствия каких-либо физических или психических ограничений. Если применять критерий "Ван дер Мюсселе", разработанный Европейским судом, то участие автора в программе "работа за пособие" даже не приближается к порогу, после которого труд можно квалифицировать как принудительный, поскольку необходимая степень наказания или недобровольности отсутствует. Государство-участник подчеркивает, что оно внимательно рассмотрело совместимость данной программы со своими международными обязательствами, о чем свидетельствуют заявления, сделанные в ходе второго парламентского чтения соответствующего законопроекта:

"Правительство осведомлено о своих международных обязательствах. Оно приняло к сведению рекомендацию Департамента Генерального атторнея о том, что программа "Работа за пособие по безработице" не должна противоречить нашим международным обязательствам при том условии, что работа, предлагаемая в рамках этой программы, является "приемлемой" и "разумной" для конкретного лица. Тот факт, что получение пособия по безработице не ставится в зависимость от выплаты каких-либо обязательных взносов в предыдущий период в сочетании с позитивными аспектами программы "Работа за пособие по безработице" для ее участников, означает, что эту программу применительно к предусмотренному в ней требованию о внесении участниками вклада в общество следует рассматривать как разумную".

4.14 Оценивая эти два аспекта наказания и недобровольности, государство-участник подчеркивает, что неучастие в программе без уважительной причины первоначально влечет за собой лишь снижение ставки начисляемого пособия по безработице, а при повторном отказе, вновь без уважительной причины, - лишь к приостановлению выплаты пособия на два месяца. Абсолютного права на получение льгот по социальному обеспечению не существует, и в нормах МОТ в отношении пособий по безработице принято, что, в том случае, если лицо отказывается от предложенной ему подходящей и разумной работы пособие может быть аннулировано⁷. В свете этого какой-либо элемент наказания за отказ от выполнения "работы за пособие", который бы приравнивал выполнение такой работы к принудительному труду, отсутствует.

4.15 Что касается недобровольности, то государство-участник утверждает, что условия этой программы соответствуют требованиям разумности и соразмерности. Безработные не обязаны давать согласие на получение пособия. Однако, если они соглашаются, необходимым предварительным условием для его получения может быть участие в программе "работа за пособие". Долгосрочная безработица среди молодежи является в Австралии серьезной проблемой, и эта программа стоит в ряду инновационных мер, направленных на ее решение. Программа опирается на концепцию взаимного обязательства безработного лица и оказывающего ему помощь общества. Соответствующие проекты дают реальный осязаемый выигрыш общинам в виде общественных услуг, развития инфраструктуры, ухода и помощи. Программа, в частности, ориентирована на повышение профессионального уровня, возможности занятости, самооценки и обогащение опыта молодых безработных. Молодые люди в возрасте 18-20 лет должны работать лишь 12 часов в неделю, а лица более старших возрастов - 15 часов в неделю, при этом их рабочее время в целом совпадает с рабочим временем на общем рынке труда.

4.16 Кроме того, участники могут работать в рамках этой программы не более 6 месяцев подряд и не более 6 месяцев в году. От участников требуется лишь дважды в течение двух недель обращаться к различным работодателям в целях поиска работы. Система сдержек и противовесов в сочетании с мерами надзора обеспечивает пригодность и разумность работы и возможность для участника затрагивать эти вопросы. Государство обеспечивает для участников индивидуальное страхование от несчастных случаев и причинения ущерба третьим лицам. Наконец, в контексте дополнительных издержек два раза в месяц выплачивается дополнительная дотация. В свете всех этих элементов то

---

⁷ Конвенция МОТ № 44 1934 года о пособиях лицам, являющимся безработными по независящим от них обстоятельствам, и Конвенция МОТ № 168 1988 года о содействии занятости и защите от безработицы.

время, которое налагает программа "Работа за пособие по безработице" на молодых безработных в качестве условия получения ими пособия по безработице, не является неразумным или несоразмерным при сопоставлении с получаемыми ими и обществом позитивными преимуществами.

4.17 До ее направления для участия в программе в возрасте 21 года автор получала пособие по безработице в течение четырех лет. Ранее она принимала участие в ряде программ, направленных на повышение возможности трудоустройства, включая годовую программу интенсивной помощи. Ее пособие было аннулировано по причине непредставления доказательств, подтверждающих ее предположительную болезнь, и, соответственно, неспособности представить уважительную причину ее отсутствия на рабочем месте. Это решение было подтверждено при пересмотре. В ходе пересмотра автор также утверждала, что не может выполнять бетонные работы, на которые она была направлена. Вместе с тем координатор общественных работ по проекту сообщил, что бетонные работы были незначительными и в них участвовали другие девушки, при этом никому не предлагали выполнять работу, которую работницы были бы физически не в состоянии выполнять. По мнению государства-участника, эти процессы демонстрируют, как действует система сдержек и противовесов, чтобы безработные, привлеченные к "работе за пособие", получали разумные и приемлемые задания.

4.18 В заключение государство-участник предлагает Комитету вынести решение о том, что автора не принуждали к обязательному труду по смыслу статьи 8 Пакта или что, если она и привлекалась к такому труду, то такой труд подпадает под исключение "обыкновенных гражданских обязанностей", предусмотренное в пункте 3 с) iv) статьи 8, в результате чего нарушение положений Пакта отсутствует.

4.19 По существу претензий в соответствии со статьей 2 государство-участник утверждает, что, поскольку существенная претензия в соответствии со статьей 8 является неприемлемой либо не относится к существу дела, заявление со ссылкой на статью 2 должно также считаться не относящимся к существу дела. Как бы то ни было автор не представила достаточных доказательств, позволяющих надлежащим образом рассмотреть это утверждение. Даже если бы данное сообщение содержало какие-либо подтверждающие доказательства, государство-участник заявляет, что из представленных материалов в отношении приемлемости по статье 2 явствует, что оно обеспечивает полную защиту закрепленных в Пакте прав в соответствии с общим правом, а также федеральным законодательством, законами штатов и территорий. В данном случае имелись многочисленные апелляционные и надзорные инстанции, которые не были задействованы. Неисчерпание ею внутренних средств правовой защиты также подкрепляет правильность вывода об отсутствии нарушения.

4.20 В отношении конкретного утверждения о том, что КПЧРВ не представила доклад или рекомендации Генеральному атторнею, государство-участник подчеркивает, что это объясняется тем, что КПЧРВ отклонила жалобу автора и, следовательно, этот факт не мог являться основанием для претензии по статье 2.

Комментарии автора по представлениям государства-участника

5.1 В письме от 1 сентября 2002 года автор поставила под сомнение представления государства-участника и опровергла уместность применительно к данному случаю аргументации Европейского суда по делу Ван дер Мюсселе на том основании, что она не находилась во взаимоотношениях "стажер - преподаватель" и не проходила обучения для обязательного труда по конкретной специальности. Как бы то ни было, этот прецедент является неприменимым к данной ситуации, поскольку ей никто не предлагал *приемлемую* работу, и она, соответственно, не могла от нее отказаться, что, как утверждается, является требованием конвенций МОТ. Напротив, она была включена в программу "работа за пособие", а в последующий период выплата ее пособия по безработице была приостановлена, при этом предварительно ей не предлагалась приемлемая работа. Она подчеркивает, что была записана в программу "работа за пособие" для выполнения

общественных работ. Она отвергает аргументацию Европейской комиссии по делу "Икс" в отношении того, что приостановление выплаты пособия по безработице не может рассматриваться как равноценное прекращению выплат в последующий период без предложения такой работы.

5.2 Автор заявляет, что реальная или кажущаяся угроза прекращения выплаты пособия по безработице в случае ее неучастия в программе "работа за пособие" сопряжена со значительной психологической нагрузкой, и подчеркивает, что "перспектива полуголодного существования не может разумно трактоваться иным образом".

5.3 Автор отвергает утверждение о исчерпании внутренних средств правовой защиты, аргументируя тем, что в материалах административной переписки с КПЧРВ и программой "работа за пособие" ей прямо не сообщалось о ее праве на пересмотр принятых решений. В любом случае угроза отмены пособия по безработице, о которой говорилось в этой переписке, создавала впечатление об отсутствии права на пересмотр. Автор цитирует решение Комитета по делу *Лэндри против Канады*⁸, чтобы подкрепить свое предположение в отношении того, что в подобных обстоятельствах государство-участник не может выдвигать претензии о исчерпании внутренних средств правовой защиты.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 По вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты Комитет отмечает бесспорность того факта, что автор, безусловно, попадает под действие оспариваемого законодательства, при этом предполагаемое нарушение вытекает непосредственно из прямого применения к ней этого законодательства. Как отметил Комитет в аналогичном контексте, было бы бессмысленно ожидать от автора возбуждения правовой процедуры, которая бы просто подтвердила бесспорный факт того, что соответствующее первичное законодательство, в данном случае Закон 1997 года, и предъявленное на его основании требование о выполнении "работы за пособие" и в самом деле действует применительно к ней в том случае, когда в Комитете ставится под вопрос существенное действие закона, содержание которого не является открытым для оспаривания во внутренних судах⁹. Коль скоро государство-участник не показало, каким образом существенное содержание режима программы "Работа за пособие по безработице", предусмотренной в Законе 1997 года, применимой к ней, может быть оспорено во внутренних судах, Комитет считает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не исключает возможности рассмотрения данного дела.

6.3 В отношении аргумента о том, что претензии по статьям 2 и 8 ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, выходят за рамки сферы охвата Пакта и являются недостаточно обоснованными, Комитет считает, что аргументация автора имеет достаточный вес для обоснования для целей приемлемости ее претензий по этим статьям Пакта.

---

⁸ Сообщение № 112/1981, Решение, принятое 8 апреля 1986 года.

⁹ См. отклонение Комитетом того же аргумента в отношении положений об обязательном содержании под стражей в Законе о миграции по делу *А. против Австралии*, дело № 560/1993, сообщения, принятые 4 марта 1997 года, *С. против Австралии*, дело № 900/1999, сообщения, принятые 28 октября 2002 года, *Бабан и др. против Австралии*, сообщение 1014/2001, сообщения, принятые 6 августа 2003 года, и *Бахтияри против Австралии*, дело № 1069/2002, сообщения, принятые 29 октября 2003 года.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Рассматривая вначале претензию по статье 2 Пакта, Комитет напоминает о том, что статья 2 требует от государства-участника обеспечить эффективные средства правовой защиты в случае нарушения прав, закрепленных в Пакте. В своем решении по делу *Казантцис против Кипра*¹⁰ Комитет отметил, что "в пункте 3 статьи 2 содержится требование о том, чтобы в дополнение к эффективной защите закрепленных в Пакте прав государства-участники обеспечивали индивидуумам доступные, эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты для отстаивания этих прав... Как представляется, текст этого положения требует четкого установления фактического нарушения одной из закрепленных в Пакте гарантий в качестве необходимого условия для получения таких средств правовой защиты, как возмещение или восстановление в правах. Однако пункт 3 b) статьи 2 обязывает государства-участники обеспечить определение права на такие средства правовой защиты компетентным судебным, административным или законодательным органом власти в тех случаях, когда нарушение еще не было установлено. Хотя было бы неразумно требовать от государства-участника, исходя из положений пункта 3 b) статьи 2, обеспечить наличие таких процедур даже в случае претензий, которые не заслуживают внимания, пункт 3 статьи 2 предоставляет защиту предполагаемым жертвам, если их претензии являются достаточно обоснованными для рассмотрения в соответствии с Пактом" (внутренняя сноска опущена).

7.3 Используя эту аргументацию применительно к данной претензии в отношении того, что государство-участник не предоставило эффективного средства правовой защиты от предполагаемого нарушения положений статьи 8 Пакта, Комитет со ссылкой на свои соображения в отношении приемлемости, приведенные выше в контексте исчерпания внутренних средств правовой защиты, отмечает, что в правовой системе государства-участника не была и в настоящее время не предусмотрена возможность оспаривания таким лицом, как автор, существенных элементов программы "Работа за пособие по безработице", т.е. налагаемой законом обязанности на таких лиц, как автор, удовлетворяющим предварительным условиям для участия в программе, заниматься трудом в обмен на получение пособия по безработице. Комитет напоминает, что предложенные государством-участником средства правовой защиты относятся к вопросу о том, удовлетворяет ли индивидуум критериям для участия в программе, однако при этом отсутствуют средства правовой защиты для оспаривания по существу правомерности самой этой системы теми, на кого в силу закона распространяется ее действие.

7.4 Как показывает рассмотрение данного сообщения Комитетом (ниже) по существу положений статьи 8, поставленная проблема, несомненно, касается вопроса, который, следуя формулировке решения Комитета по делу *Казантциса*, был достаточно обоснован для рассмотрения в соответствии с Пактом". Таким образом, отсюда следует, что отсутствие средства правовой защиты для проверки правомерности спорной претензии в соответствии со статьей 8 Пакта, такой, как настоящая претензия, равнозначно нарушению пункта 3 статьи 2 в сочетании с положениями статьи 8 Пакта.

7.5 Что касается основной претензии по пункту 3 статьи 8 Пакта, то Комитет отмечает, что в Пакте дополнительно подробно не раскрывается значение терминов "принудительный или обязательный труд". Хотя определения, содержащиеся в соответствующих инструментах МОТ, могут оказать помощь в прояснении значения этих терминов, в конечном счете именно Комитету надлежит выработать признаки запрещенного поведения. По мнению Комитета, термин "принудительный или обязательный труд" охватывает спектр поведения от, с одной стороны, принуждения индивидуума к труду в соответствии с уголовной санкцией, а именно в особенно насильственных, связанных с эксплуатацией или иными тяжелыми условиями, до, с другой стороны, более легких форм труда,

---

¹⁰ Дело № 972/2001, Решение, принятое 7 августа 2003 года в пункте 6.6.

когда наказание как сопоставимая санкция утрачивает действенность в случае невыполнения предписанной работы. Кроме того, Комитет отмечает, что в пункте 3 с) iv) статьи 8 Пакта из понятия "принудительный или обязательный труд" исключается такая работа или служба, которая входит в обыкновенные гражданские обязанности. По мнению Комитета, для того чтобы соответствовать определению обыкновенной гражданской обязанности, соответствующий труд должен как минимум не быть исключительной мерой; он не должен служить для целей наказания или обладать эффектом наказания; он должен предусматриваться законодательством для достижения законной цели в соответствии с Пактом. В свете этих соображений Комитет считает, что представленные ему материалы, включая отсутствие унижающего человеческое достоинство или негуманного аспекта конкретного вида выполняемого труда, не указывают на то, что данный вид труда подпадает под положения, изложенные в статье 8. Следовательно, независимое нарушение статьи 8 Пакта не имело места.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в сочетании с положениями статьи 8 Пакта.

9. Хотя в соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору средства правовой защиты, Комитет считает, что его соображения по существу представленных претензий являются достаточным средством правовой защиты для установленного нарушения. Государство-участник обязано гарантировать недопущение подобных нарушений положений Пакта в будущем.

10. Учитывая, что, став государством-участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять факт наличия или отсутствия нарушения Пакта и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о мерах, принятых в осуществление его Соображений.

Описание государством-участником программы "Работа за пособие по безработице"

Данная программа была введена в соответствии с законодательством 1997 года. Ее цель, в соответствии с законом, состоит в том, чтобы "укрепить принцип взаимности обязательств [применительно к пособию по безработице] путем признания справедливости и разумности того, что получающие такие льготы лица участвуют в утвержденных программах труда в обмен на такие льготы, а также предусмотреть средства, с помощью которых могут быть созданы условия или выдвинуты требования для выполнения такого труда".

Государство-участник подчеркивает, что в рамках этой программы не могут предъявляться требования о работе продолжительностью более 24 или 30 часов в течение двух недель (соответственно для лиц в возрасте моложе и старше 21 года), при этом лицо может быть направлено на прохождение этой программы в течение не более шести месяцев в год. Для удовлетворения критериев на получение пособия по безработице, необходимо в общем случае:

а) быть безработным;

б) удовлетворять критериям "теста активности" или иметь право на исключение в случае, например, дневного очного обучения, проживания в отдаленном районе, рождения ребенка и т.д. "Тест активности" требует от лица вести активный поиск и быть готовым к выполнению подходящей оплачиваемой работы и участию в таких программах, как, например, программа "Работа за пособие по безработице", а также возможному прохождению профессиональной подготовки;

с) быть готовым к заключению и выполнению условий "соглашения о подготовке к работе", которое может предусматривать участие в программе "Работа за пособие по безработице"; и

д) соответствовать некоторым другим формальным критериям, касающимся возраста, места жительства и др.

После получения пособия по безработице в течение шести месяцев безработный должен в случае, если к нему применяется "тест активности", приступить к участию в какой-либо программе или деятельности по своему выбору (одной из которых является "Работа за пособие по безработице"), которые направлены на расширение их возможностей будущего трудоустройства. В случае, если лицо самостоятельно не осуществляет выбор программы или вида деятельности, оно привлекается к "работе за пособие" на шестимесячный период в административном порядке при выполнении следующих условий:

а) данное лицо получает пособие по безработице по полной ставке;

б) данное лицо обладает квалификацией и опытом, необходимыми для выполнения требуемой работы;

с) занятие соответствующим видом деятельности не имеет медицинских противопоказаний и не ставит каким-либо иным образом под угрозу здоровье и безопасность данного лица; и

д) выполняются некоторые другие требования.

После начала "работы за пособие" пособие по безработице увеличивается на 21 австрал. долл. в неделю, что отражает дополнительные затраты, связанные с выполнением этой работы. Координаторы общественных работ оказывают помощь лицу в трудоустройстве и представляют, на основе соблюдения строгих требований, отчеты об участии в целях выполнения требований, касающихся присутствия на работе.

Неучастие или незавершение программы "Работа за пособие по безработице", в том числе в тех случаях, когда участие в этой программе предусматривается в "соглашении о подготовке к работе", или невыполнение условий, предусмотренных указанной программой, означает в отсутствие уважительных причин непрохождение "теста активности" и влечет за собой финансовые штрафные санкции в виде снижения ставки пособия по безработице. В случае третьего такого нарушения в течение двухгодичного периода выплата пособия по безработице приостанавливается на два месяца.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета 2-жи Рут Уэджвуд

Мир по-прежнему изобилует проблемами, связанными с кастами, обычаями подневольного и батраческого труда, принудительного труда в отдаленных районах в условиях, зачастую напоминающих рабство, а также отмечен позором сексуальной эксплуатации людей, и предположить в этих условиях, что разумное требование о работе и обучении для получения пособия по безработице в современном социальном государстве может быть приравнено к привлечению к "принудительному или обязательному труду" по смыслу пункта 3 а) статьи 8, значило бы принизить важность Международного пакта о гражданских и политических правах.

В Австралии имеется программа пособий по безработице, которая обеспечивает средствами к существованию лиц, ищущих работу, в течение шести месяцев, при том условии, что они готовы к труду. По истечении шести месяцев получение пособия может быть поставлено в зависимость от

готовности участника к тому, чтобы повысить свой профессиональный уровень и вернуть свой долг обществу с помощью программы "Работа за пособие по безработице". Эта программа предусматривает работу в течение не более 12 часов в неделю (для лиц моложе 21 года) и 15 часов в неделю (для лиц старше 21 года).

Автор настоящего сообщения г-жа Бернадетт Фор начала получать пособие по безработице сразу по окончании средней школы в 1996 году. В ноябре 2000 года после прохождения программы интенсивной помощи в имеющем государственную аккредитацию агентстве по трудоустройству, она не выполнила условия, предусмотренные в "соглашении о подготовке к работе" и ставка ее государственного пособия была снижена. Затем она не явилась на три назначенных собеседования с работодателем (организация "Миссия Австралии") в рамках программы "Работа за пособие по безработице". Наконец, в июле 2001 года она успешно принимала участие в указанной программе и продолжала выполнять назначенную работу до 7 октября 2001 года. 24 октября 2001 года она перешла на другую работу, однако не появилась на рабочем месте 30 октября и 5 и 6 ноября 2001 года, не представив справку от врача, подтверждающую ее предполагаемую болезнь. Ввиду отсутствия на работе без уважительной причины 30 октября ставка ее пособия была снижена на 24%, а после повторной неявки ее пособие было аннулировано. 26 февраля 2002 года выплата ей пособия была возобновлена.

Г-жа Фор утверждает, что путем предъявления ей требования в отношении участия в программе работы или обучения в качестве условия получения государственного пособия по безработице Австралия налагает на нее обязанность заниматься "принудительным или обязательным трудом", запрещенным в Пакте. Государство-участник утверждает, что такая программа способствует приобретению трудовых навыков и опирается на принцип "взаимности обязательств", который уважает интересы общества и лица, ищущего работу, а г-жа Фор использует применительно к требованию о трудоустройстве такие эпитеты, как если бы речь шла о таких ужасных формах принудительного труда, используемого в колониальных державах, как строительство каналов и дорог, а не о взаимных обязательствах в современном демократическом обществе.

Проф. Манфред Новак в своей работе, посвященной Пакту ООН о гражданских и политических правах, *CCPR Commentary* (второе издание 2005 года) на стр. 202 делает вывод о том, что "само по себе прекращение права на помощь по безработице в случае отказа лица от выполнения работы, не соответствующей его квалификации ... не является нарушением положений [статьи 8]; в данном случае ни степень недобровольности, ни степень наказания не достигают порога, необходимого для квалификации работы как принудительного или обязательного труда". Эта опирающаяся на здравый смысл оценка проф. Новака адекватна целям статьи 8. Опираясь на бесспорные факты по данному делу, я бы отклонила жалобу автора в отношении "принудительного или обязательного труда" как неприемлемую ввиду ее необоснованности.

Автор также не исчерпала внутренних средств административной и судебной защиты. В своей жалобе автор оспаривает правомерность программы "Работа за пособие по безработице", в частности, на основании того, что порученная ей работа была "неподходящей" (например, ей было предложено обучаться "бетонным" работам в рамках общинного проекта) и что эта работа не была равноценна обучению "конкретной профессии". (См. соображения Комитета, пункты 4.17 и 5.1 выше.) Поэтому, как она заявляет, работу, на которую она была назначена, нельзя квалифицировать как стажировку или профессиональную подготовку, которая не подпадает под позорный термин "принудительный труд".

Однако автор не оспорила то, что порученная ей работа была "подходящей" с помощью административных или судебных средств правовой защиты, имеющихся в Австралии в распоряжении участников программы "Работа за пособие по безработице". Как представляется, участник этой программы вправе оспаривать конкретный вид работ или ставить под сомнение его использование в качестве "общего теста активности" для продолжения получения пособия. (См. там же, пункты 4.2-4.4 выше.) Средства обжалования включают рассмотрение жалобы экспертом-

сотрудником, а также возможность обращения в Апелляционный трибунал по вопросам социального обеспечения, Административный апелляционный трибунал, федеральные суды и Высокий суд.

Кроме того, после того, как автор, ввиду отсутствия на работе без уважительных причин, потеряла право на получение пособия, она отказалась от обжалования этого решения в надзорных инстанциях первого уровня, хотя она была "уведомлена о многочисленных возможностях реализации ее апелляционных прав". (См. там же, пункт 4.3.)

Верно, что автор обратилась на самом раннем этапе за помощью в Комиссию по правам человека и равным возможностям Австралии после того, как не явилась на три запланированных интервью в организации "Миссия Австралии", в результате чего ставка ее пособия была снижена на 18%. (См. там же, пункты 2.2-2.3.) В своем решении от 12 июня 1991 года Австралийская комиссия по правам человека пришла к выводу, что ее юрисдикция распространяется на дискреционные решения конкретных государственных чиновников и не предусматривает возможность пересмотра решений, принимаемых на основании положений действующего закона. Вместе с тем члены Австралийской комиссии по правам человека также отметили по существу вопроса, что "снижение ставки или отмена пособия по безработице на основании нежелания лица участвовать в программе "Работа за пособие по безработице " не могут быть приравнены к привлечению к принудительному или обязательному труду, поскольку характер наказания и степень недобровольности не достигают порога, требуемого для констатации нарушения пункта 3 а) статьи 8 Пакта". Автор не подавала апелляцию в целях судебного пересмотра решения Комиссии¹¹.

С учетом этих фактов едва ли можно прийти к выводу о том, что автор исчерпала имеющиеся в ее распоряжении внутренние средства правовой защиты. Кроме того, она также не доказала, что государство-участник не предоставило ей эффективное средство правовой защиты, как то требуется в соответствии со статьей 2, в отношении "спорного" нарушения прав, закрепленных в Пакте.

---

¹¹ В деле *Бабан и др. против Австралии*, сообщение № 1014/2001, соображения, принятые 7 августа 2003 года, данный член Комитета высказал мнение о том, что Комитету "не следует додумывать, какое решение суды государства-участника могут вынести по каждому конкретному делу. При интерпретации судом намерения, высказанного в парламенте, могут быть учтены содержащиеся в Пакте нормы и допустимое предположение о том, что парламент хотел бы обеспечить соблюдение договорных обязательств государства-участника". См. также *Янг против Австралии*, дело № 941/2000, Соображения, принятые 6 августа 2003 года (согласное мнение Р. Уэджвуд).

Сообщение № 1052/2002

Представлено: г-жой Н.Ч. (адвокатом не представлена)

Предполагаемые жертвы: автор сообщения и ее дочь Дж.Ч.

Государство-участник: Канада

Дата принятия Соображений: 20 марта 2007 года

Тема сообщения: отказ в доступе матери к своему ребенку

Вопросы существа: произвольное вмешательство в семейную жизнь, сохранение семьи, защита интересов ребенка как несовершеннолетнего, справедливое судебное разбирательство, неоправданная задержка

Процедурные вопросы: неспособность обосновать жалобу

Статьи Пакта: пункт 1 статьи 14, статьи 17, 23 и 24

Статья Факультативного протокола: 2

Вывод: наличие нарушения (статья 2; пункт 1 статьи 14; статьи 17; 23; и 24)

1. Автор сообщения является Н.Ч., гражданка Канады украинского происхождения, родившаяся 28 июля 1960 года. Она также представляет сообщение от имени своей дочери Дж.Ч., родившейся в Канаде 20 февраля 1993 года, лишенной ее попечения 2 августа 1997 года и позднее удочеренной. Хотя изначально автор не делала конкретных заявлений в соответствии с Пактом, позднее она заявила, что она и ее дочь являются жертвами нарушений Канадой¹ статей 1, 2, 3, 5 (пункт 2), 7, 9 (пункты 1, 3 и 5), 10 (пункты 1 и 2 а), 13, 14 (пункты 1, 2, 3 d и e и 4), 16, 17, 18 (пункт 4), 23, 24, 25 (с) и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт). Она не представлена адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения родилась на Украине и получила там диплом медицинского работника. В 1989 году она эмигрировала в Канаду и стала гражданкой Канады в 1994 году. После рождения дочери 20 февраля 1993 года она воспитывала ребенка одна, при этом посещала занятия в университете, с тем чтобы получить профессиональную квалификацию в Канаде. Биологический отец ребенка не поддерживал с ней связи.

2.2 В ночь с 1 на 2 августа 1997 года автор обратилась в полицию, чтобы сообщить о сексуальном надругательстве над ее четырехлетней дочерью. Кроме того, автор дала пощечину своей дочери, чтобы запретить ей ходить в гости к соседям, после чего у девочки на лице остался красный след². По словам автора, подобное произошло лишь однажды в силу особых обстоятельств, так как она беспокоилась за благополучие своей дочери. В соответствии с протоколом полиции, автор остановила водителя автомобиля, чтобы "отдать" ему свою дочь, и заявила, что девочка ей больше не нужна и что теперь о ней может позаботиться Канада. Последнее утверждение, однако, неизменно отрицается автором, уверявшей, что ребенок стоял на тротуаре, пока сама автор разговаривала с полицией и что она не оставляла дочь одну. Полиция отвезла ее ребенка в полицейский участок и отдала под опеку сотрудников Общества помощи детям города Торонто, которые в свою очередь поместили ее в приемную семью. Несмотря на заявление автора о том, что ее дочь подверглась

---

¹ Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Канады 19 августа 1976 года.

² По сообщениям полиции, на лице и руках девочки были обнаружены синяки.

сексуальному насилию, разбирательства предположительно произведено не было, и ребенок не прошел врачебный осмотр.

2.3 Спустя несколько дней (5 августа), автор была арестована по обвинению в причинении насилия (за то, что, на ее взгляд, представляло собой проявление родительского авторитета) по отношению к своей дочери³. В письменных показаниях от 6 августа автор объяснила обстоятельства происшествия и указала, что, по ее мнению, она способна заботиться о своей дочери и что она с удовольствием пригласит сотрудников Общества помощи детям к себе домой для ознакомления с ее методами воспитания. Однако 7 августа, по решению провинциального суда Скарборо, девочка была передана под временную (три месяца) опеку Католическому обществу помощи детям города Торонто (КОПД) с возможностью доступа в присутствии персонала. Согласно автору сообщения, это распоряжение не давало права ни на перевод ее ребенка в приемную семью на постоянной основе, ни на ее последующее удочерение. Она утверждает, что до проведения судебного разбирательства по вопросу о защите интересов ребенка и вынесения судебного решения от 26 июня 2000 года⁴ распоряжения об опеке КОПД выдано не было и не было установлено, что ребенок нуждался в защите, как того требует национальное законодательство, а именно нормы гражданского производства, правила суда по семейным делам и Закон о семье и социальных службах, для обоснования дальнейшего содержания ее дочери под опекой с 1997 по 2000 год. Хотя девочка изначально подтвердила то, что мать ударила ее, она неоднократно высказывала пожелание вернуться домой, а ее реакция на расставание с матерью в конце посещений была негативной. Все посещения проводились строго в присутствии персонала, и матери с дочерью не давали оставаться наедине.

2.4 1 декабря 1997 года⁵ по просьбе дочери автор забрала ее домой. В результате она была осуждена за похищение ребенка и приговорена к лишению свободы сроком на один месяц. В тюрьме она была жестоко избита одной из заключенных, после чего в течение десяти дней содержалась в одиночной камере без медицинского ухода. 24 декабря 1997 года она была освобождена под залог при том условии, что для получения доступа к дочери ей придется пройти освидетельствование, предусматриваемое КОПД в этих случаях, и что любой доступ к дочери будет возможен только под непосредственным и прямым наблюдением персонала КОПД. Телефонные разговоры между матерью и дочерью были прекращены после спора между автором сообщения и приемной матерью.

2.5 В марте 1998 года по просьбе КОПД автор прошла освидетельствование, проводившееся в течение четырех часов д-ром К., лечащим психиатром Института психиатрии им. Кларка. Копия медицинского заключения на 14 страницах, составленного врачом, Комитету предоставлена не была. Однако, как следует из судебного решения от 26 июня 2000 года⁶, врач, выносивший заключение на основе двух обследований и свидетельств других психиатров, определил, что автор страдала маниакальным расстройством, эротоманиакальным и соматическим бредом и манией преследования. По свидетельству судьи, врач также заключил, что, поскольку психическое расстройство протекало без лечения, ее способность заботиться о дочери находилась под вопросом.

---

³ Автор призналась в применении насилия и 24 апреля 1998 года была осуждена по соответствующей статье к лишению свободы сроком на 90 дней с отсрочкой исполнения приговора.

⁴ Автор ссылается на судебное разбирательство, повлекшее за собой вынесение решения 26 июня 2000 года, принятого судьей Б.И. Пейни Высшего суда Онтарио по ходатайству Общества помощи детям города Торонто о выдаче распоряжения о постоянной опеке над ребенком без права доступа к ней матери.

⁵ Согласно автору сообщения, срок действия временного распоряжения от 7 августа 1997 года, дававшего КОПД право на временную опеку с возможностью доступа в присутствии персонала, на тот момент истек, а распоряжение не было ни изменено, ни продлено на основании другого распоряжения.

⁶ См. ниже.

2.6 29 сентября 1998 года д-р К. ответил на письмо, направленное адвокатом автора, и прояснил ряд вопросов, в том числе уточнив, что он сам не мог диагностировать эротоманиакальный бред у автора в ходе проведенного с ней времени, но что из записей, полученных из поликлиники Университета Торонто, следовало, что показанием для ее лечения там был эротоманиакальный бред. Он также указал в своем заключении, что даже если у нее и наблюдались симптомы эротоманиакального бреда, то таковые не сказывались на ее способности заботиться о дочери⁷.

2.7 12 мая 1998 года автор прошла освидетельствование у д-ра Г. в госпитале Торонто. При описании автора он указал, что "явных симптомов маниакального или психического расстройства не наблюдается", что "отсутствует формальное нарушение мышления" и что "ее мышлению были присущи в основном идеи преследования, которые, хоть и казались несколько утрированными, все же не носили бредового характера". Он пришел к мнению о том, что "пациентка, вероятно, страдает параноидальным расстройством личности, хотя на данном этапе на основании одного обследования трудно что-либо утверждать", но при этом заключил, что в приеме медицинских препаратов она не нуждается.

2.8 2 июля 1998 года д-р Г., являвшийся семейным врачом автора с мая 1995 года, указал в письме, что он не может сказать, что хорошо знает пациентку и что ему трудно ее описать, но что она, по всей видимости, не страдает какими-либо значительными психическими заболеваниями и медицинских препаратов не принимает.

2.9 В письме от 6 июля 1998 года д-р Т., педиатр-консультант, периодически наблюдавший ребенка в ходе консультаций с августа 1993 года, указал, что у него нет причин или оснований полагать, что автор была плохой матерью.

2.10 На основании заключения д-ра К., в котором обрисовывался диагноз, и несмотря на заявления других специалистов о том, что она здорова и в приеме препаратов не нуждается, КОПД отказался возобновить доступ к ребенку. В июне 1998 года в первоначальное ходатайство КОПД о получении распоряжения об опеке сроком на три месяца была внесена просьба о выдаче распоряжения о постоянной опеке без права доступа матери к ребенку, с тем чтобы можно было передать ребенка на удочерение. Ходатайства автора о возобновлении доступа к ребенку, поданные в июле, августе и ноябре 1998 года, отклонялись на основании распоряжений об отказе в доступе.

2.11 При проведении 28 сентября 1998 года обследования для целей удочерения социальный работник КОПД, специализирующийся на вопросах усыновления, отметила, что "с момента поступления Дж. под опеку значительно улучшились ее навыки общения". При этом она указала, что "Дж., по всей видимости, сильно привязана к своей матери" и "заявляет, что хочет жить с ней". "В разговоре с этим сотрудником Дж. указала, что хочет быть вместе с матерью, хотя до сих пор испытывает к ней несколько противоречивые чувства." Она заявила, что любит свою мать, хотя та ее избивала. "Несмотря на это, в данный момент она не могла допустить возможность проживания в другой семье." Социальный работник пришла к выводу о том, что есть смысл провести психологическое обследование ребенка, в частности уделив внимание вопросам привязанности, прежде чем принимать решение о возможности ее удочерения.

2.12 12 декабря 1998 года детский психолог д-р П. написала заключение о возможных последствиях, которые постоянная опека без права доступа матери может иметь для ребенка. Психолог указала на опасность того, что у ребенка, к тому времени не видевшего свою мать в течение года, разовьется расстройство, связанное с умением привязываться к людям. Далее она отмечает следующее:

"Дж. скучает по матери, говорит, что хочет ее увидеть, она расстроена из-за отсутствия матери. (...) Дж. пребывает в смешанных чувствах. (...) После разговора с ее приемной матерью и беседы с самой Дж. у меня создалось впечатление, что она дорожит воспоминаниями о своей

---

⁷ Эта информация также была сообщена судье.

матери, при этом она сбита с толку и не понимает, что она должна и может чувствовать по отношению к матери. Есть опасность возникновения у нее депрессии. (...) Дж. необходимо определиться в чувствах к своей матери. (...) Представляется целесообразным позволить Дж. увидеться с матерью, с тем чтобы она смогла наконец определиться. (...) Таким образом, рекомендуется возобновить посещения [автора] под наблюдением персонала. Дать Дж. возможность узнать свою мать поближе. (...) Если будет признано, что такие посещения вредят Дж., то их необходимо будет прекратить, объяснив ей причины их прекращения".

2.13 В попытке восстановить право на заботу и попечение над ребенком или право на посещение автор обращалась к различным адвокатам и в итоге стала лично направлять многочисленные ходатайства и жалобы в суды в период с 1997 по 2000 год. В результате 11 января 1999 года по просьбе КОПД Высший суд Онтарио, основываясь на заключении д-ра К., признал автора сообщения "психически неполноценной" и предписал запретить ей в дальнейшем обращаться в судебные инстанции лично. В данных обстоятельствах представлять интересы автора в ходе судебного разбирательства было поручено Общественному опекунскому и попечительскому совету (ООПС)⁸. Она утверждает, что ООПС не действовал в ее интересах и пытался ввести ее в заблуждение. Кроме того, суд постановил перенести судебное разбирательство, намеченное на февраль 1999 года, так как ООПС был не готов к участию в нем.

2.14 В июне 1999 года на основании решения, вынесенного 17 мая 1999 года, был возобновлен ее доступ к ребенку при определенных условиях, в частности:

"1. [Автору] будет предоставляться доступ к ребенку под наблюдением персонала исключительно по усмотрению КОПД.

2. Доступ будет предоставляться раз в три недели и не более, чем на 90 минут.

4. В ходе посещений [автор] будет все время находиться в комнате для посещений в помещении КОПД вместе с ребенком под постоянным наблюдением сотрудников КОПД. В течение всего посещения в комнате будет присутствовать сотрудник КОПД, кроме того, еще один сотрудник будет находиться за зеркалом скрытого наблюдения.

10. [Автор] не будет выяснять у Дж., где она живет, какой у нее номер телефона и какую школу она посещает.

13. В случае если [автор] не выполнит любое из этих условий, посещения будут немедленно прекращены, а КОПД будет вправе решать, будут ли такие посещения проводиться в дальнейшем".

2.15 В августе 1999 года КОПД снова отказал в доступе к ребенку, хотя посещения проходили хорошо и автор полностью выполняла все условия для доступа в ходе каждого посещения. В ответ на ходатайство автора возобновить доступ распоряжение о предоставлении доступа было изменено 21 декабря 1999 года в интересах ребенка. В декабре 1999 года девочка стала жить в новой приемной семье, которая высказала пожелание удочерить ее.

2.16 8 декабря 1999 года автор обратилась в Верховный суд с ходатайством о судебном пересмотре всего процесса о защите интересов ребенка. КОПД подал встречное ходатайство в соответствии с разделом 140 Закона о судах с просьбой лишить автора права продолжить все начатые ею разбирательства и запретить возбуждать любые последующие. 8 марта 2000 года Верховный суд запретил ей впредь инициировать разбирательства в суде и постановил прервать все разбирательства,

---

⁸ В своем affidavit от 17 мая 2000 года адвокат, назначенный ООПС, указал, что автор "продемонстрировала свою способность давать инструкции и общаться с адвокатом" в связи с ходатайством об отстранении ООПС от обязанностей юридического представителя автора.

возбужденные ею ранее в любом из судов. Суд исходил из того, что автор подала многочисленные ходатайства, жалобы и заявления, срывая сроки проведения судебного разбирательства, касающегося защиты интересов ребенка, и тем самым ставя под угрозу благополучие ребенка.

2.17 26 июня 2000 года на основном судебном разбирательстве по защите интересов ребенка Высший суд Онтарио издал распоряжение о постоянной опеке без права доступа к ребенку для целей удочерения. Суд признал, "что доказательства по этому делу дают Суду достаточные основания утверждать, что ребенок нуждается в защите, и что имеется достаточно доказательств, свидетельствующих о том, что интересам ребенка может служить только распоряжение о постоянной опеке без права доступа". Суд далее выразил "твердую уверенность" в том, что автор является "тяжелобольным человеком" и что ребенок, оставленный на ее попечении, не только пострадает физически, но и получит непоправимую эмоциональную травму. Суд основал свое решение на медицинском заключении д-ра К., сделанном в 1998 году, на утверждении д-ра Г. о том, что "пациентка, вероятно, страдает параноидальным расстройством личности", и заявлении еще одного врача от 12 мая 1998 года следующего содержания: "Хотя я не располагаю прямыми доказательствами, подтверждающими, что она страдает маниакальным расстройством, мне кажется, что материал, представленный д-ром К. предположительно для использования в суде, вероятно, заслуживает доверия." Ни один из специалистов для дачи показаний в суд не явился.

2.18 Ребенку на судебном разбирательстве слова не предоставили. Однако из судебного решения следует, что, по словам ее адвоката, "от имени ребенка было принято решение о том, что она желает остаться с приемными родителями, с которыми она проживает в настоящее время, хотя она продолжает высказывать пожелание навестить свою мать". В ходе судебного разбирательства детский психолог заявил, что Джулия сильно привязана к матери, нуждается в общении с ней и будет страдать в случае, если отказ в доступе не будет снят.

2.19 В отношении состояния автора и ее поведения Суд далее отметил, что:

"Тяжело определить, где заканчивается болезнь [автора] и начинается злонамеренное поведение, поскольку они весьма тесно взаимосвязаны. Отобрание ребенка имело место рано утром 2 августа 1997 года, и с того самого времени и до тех пор, пока по этому делу в мае и июне 2000 года не началось судебное разбирательство, в связи с отобранием возбуждались бесконечные правовые процедуры, из-за которых откладывалось рассмотрение в суде первоначальной проблемы, при этом [автор] с помощью семи или восьми адвокатов действовала по всем направлениям, обращаясь с многочисленными ходатайствами и апелляциями на решения, пока наконец в этом году Верховный суд не вынес решение о том, что [автор] является недобросовестным истцом, и запретил ей задействовать какие-либо правовые процедуры без предварительного разрешения суда".

Наконец, было признано, что продолжение доступа лишь обострит те смешанные чувства, в которых пребывает ребенок, и что отсутствует изложение каких-либо особых обстоятельств, которые бы в этих условиях оправдали бы продолжение доступа. 10 октября 2000 года по процессуальным причинам была отклонена апелляция автора от 26 июля 2000 года.

2.20 В ноябре 2000 года автор обратилась к КОПД с просьбой предоставить информацию о передаче Дж. на удочерение. В ответе КОПД значилось, что "Общество не обязано сообщать вам о процедуре удочерения вашей дочери".

2.21 Как следует из письменных показаний, которые 22 июня 2001 года дала приемная мать ребенка, автор несколько раз пыталась связаться с дочерью. Она звонила им домой в феврале, августе и октябре 2000 года и дважды, в мае и июне 2001 года, приезжала в школу девочки. По словам приемной матери, девочка убежала от автора и обратилась за помощью к одному из учителей. Дж. рассказала своей приемной матери, что автор подошла к ней, но "сама она не смогла с ней заговорить" и что она "по-прежнему боится своей матери". Заявление о передаче на удочерение от

9 августа 2001 года, подписанное приемными родителями, свидетельствует об их намерении удочерить ребенка.

2.22 Автор подавала дополнительные ходатайства и апелляции, которые были отклонены по процессуальным причинам. Наконец, 13 сентября 2001 года Верховный суд Канады отклонил поданную автором просьбу о разрешении подать апелляцию и ходатайство о приостановлении процедуры удочерения. Заявления, направляемые ею в Комиссию по правам человека в Онтарио, Министерство социального обеспечения и по делам общин и "многие другие органы власти", не принесли результата.

Жалоба

3.1 Хотя изначально автор не ссылалась на нарушения конкретных положений Пакта, позднее в своих комментариях по поводу замечаний государства-участника она указала на нарушения статей 1, 2, 3, пункта 2 статьи 5, статьи 7, пунктов 1, 3 и 5 статьи 9, пунктов 1 и 2 а) статьи 10, статьи 13, пунктов 1, 2, 3 d) и e) и 4 статьи 14; статей 16, 17, пункта 4 статьи 18, статей 23, 24, 25 c) и 26 Пакта. Изучив жалобу, Комитет считает, что в ней поднимаются следующие вопросы в связи с Пактом.

3.2 Автор заявляет от своего имени о нарушениях статьи 14 в связи с ее осуждением и лишением ее свободы за насильственные действия и похищение дочери, а также статей 9 и 10 в связи с обращением, которому она подверглась во время отбывания наказания.

3.3 От имени своей дочери и от своего имени автор заявляет, что ее дочь была "похищена", и требует вернуть ей опеку или предоставить доступ к ребенку. Она утверждает, что ее семья была "разрушена незаконным образом", поскольку ее дочь была отобрана и удерживалась КОПД без законного распоряжения об опеке. Ее доступ к дочери был незаконно и произвольно прекращен сотрудниками КОПД без каких-либо объяснений, несмотря на судебное распоряжение, гарантирующее доступ. Ее дочь находилась под временной опекой КОПД гораздо дольше установленного законом максимального срока в один год⁹. В ходе разбирательства не было предпринято никаких усилий для возвращения ребенка автору или принятия менее строгого решения. В этих заявлениях поднимаются вопросы в связи со статьями 17, 23 и 24.

3.4 От имени своей дочери и от своего имени автор выражает протест в связи с задержками при рассмотрении их дела в суде, в частности в связи с почти трехлетней задержкой с момента начала производства по делу о защите интересов ребенка в августе 1997 года до проведения судебного разбирательства в июне 2000 года, таким образом поднимая вопросы по пункту 1 статьи 14.

3.5 Автор заявляет, что слушание по делу о защите интересов ребенка было несправедливым. Она утверждает, что в ходе судебного разбирательства, закончившегося принятием судебного решения от 26 июня 2000 года, суд не вызвал основного свидетеля и не признал наличия многочисленных противоречий в показаниях свидетелей. Кроме того, психиатрическое освидетельствование, на основании которого суд принимал свое решение, проводилось за два года до судебного разбирательства и содержало показания с чужих слов, которым суд не дал должную оценку. Судья вынес решение на основании одного устаревшего заключения, составленного психиатром по просьбе КОПД, которое оплатило подготовку заключения. Этот психиатр на суде показаний не давал. В этих заявлениях также поднимаются вопросы в связи с пунктом 1 статьи 14 Пакта.

---

⁹ Согласно разделу 70 (1) Закона о помощи семье и ребенку (...) "в соответствии с настоящей частью суд не может отдавать распоряжение о социальной опеке, которое предусматривает, что ребенок остается под опекой в течение срока, превышающего:

а) 12 месяцев, в случае если ребенку не исполнилось 6 лет на момент вынесения судом распоряжения о социальной опеке".

3.6 Автор от имени своей дочери утверждает, что решения суда по делу принимались без учета интересов ребенка и что несправедливое и затянутое судопроизводство привело к душевным страданиям девочки, и, таким образом, затрагивает вопросы в связи со статьей 7.

3.7 Автор не приводит дальнейшего обоснования заявлений в связи со статьями 1, 2, 3, 5, 13, 16, 18, 25 и 26 Пакта.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения

4.1 15 мая 2002 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существования сообщения. Оно отмечает, что в своем сообщении автор описывает опыт общения с различными правовыми и социальными учреждениями государства-участника, и утверждает, что сообщение должно быть признано неприемлемым из-за своей необоснованности, так как все заявления автора сформулированы нечетко, без указания конкретных положений Пакта, которые предположительно были нарушены. Государство-участник утверждает, что в свете таких недочетов, оно не может дать ответ на жалобу автора.

4.2 Государство-участник ссылается на решение Комитета по делу *Ж.Ж.К. против Канады*¹⁰, в котором Комитет пришел к выводу, что жалоба автора не была в достаточной мере обоснована с учетом "общего характера" обвинений, выдвинутых им против канадской судебной системы, и признал сообщение неприемлемым. Оно указывает на то, что в настоящем сообщении прослеживаются те же недостатки, что и в упомянутом сообщении, а поэтому его также следует признать неприемлемым.

4.3 Государство-участник настаивает на том, что утверждения автора не свидетельствуют о каких-либо конкретных нарушениях положений Пакта и что сообщение лишено существования.

4.4 Государство-участник оставило за собой право делать представления относительно приемлемости и существования сообщения, если будет получена дополнительная информация.

Комментарии автора

5.1 21 сентября 2003 года автор прокомментировала представления государства-участника, настаивая на том, что единственное, чего она добивается, - это получить возможность видеться со своим единственным ребенком. Все ее усилия и обращения в суд были направлены на восстановление связи с дочерью, с которой они были разлучены против их воли.

5.2 В ответ на заявление государства-участника о том, что ее сообщение не свидетельствует о каких-либо конкретных нарушениях положений Пакта, автор перечисляет положения, которые, по ее мнению, были нарушены государством-участником (см. пункт 1 выше). Она повторяет свое утверждение о том, что она была незаконно отстранена от опеки над своей дочерью, так как распоряжение о временной опеке от 7 августа 1997 года истекло после трех месяцев. После истечения срока действия распоряжения она решила забрать свою дочь домой, но была немедленно арестована и заключена в тюрьму на два месяца без проведения судебного разбирательства. Она настаивает на том, что последующие решения о прекращении доступа были произвольно приняты КОПД, несмотря на распоряжение суда, дающее ей право на доступ к дочери¹¹.

---

¹⁰ Сообщение № 367/1989, *Ж.Ж.К. против Канады*, решение о неприемлемости от 5 ноября 1991 года.

¹¹ Автор ссылается на распоряжение от 7 августа 1997 года, дающее ей право доступа, и прекращение доступа 1 декабря 1997 года, последовавшее за похищением ребенка, а также на распоряжение от 17 мая 1999 года, предоставляющее доступ повторно, и на одностороннее решение КОПД о прекращении доступа в августе 1999 года.

5.3 Автор вновь заявляет, что ее дочь хотела поддерживать с ней связь, что было проигнорировано судьей, и ссылается на обследование в целях удочерения и рекомендации психолога разрешить автору доступ к ее ребенку.

5.4 Наконец, автор заявляет, что после того, как их разлучили, у ее дочери развились симптомы депрессии и острого тревожного расстройства. Неоправданно строгие меры в отношении семьи привели к необратимой психологической травме ребенка, что чревато отклонениями в развитии. С точки зрения автора, это представляло собой жестокое и необычное наказание ее ребенка.

5.5 Что касается вопроса о праве автора представлять свою дочь, то автор подтверждает, что желает представить жалобу также от имени своей дочери. 19 августа 2006 года она сообщила Комитету, что ее дочь была удочерена и что больше она с ней связь не поддерживает. После того, как в 2001 году она несколько раз пыталась связаться с ребенком, приемные родители подали на нее в суд и она была арестована. Она также указывает, что ей не предоставили информацию о дате удочерения.

5.6 31 октября 2006 года автор указала, что ее попытки связаться с дочерью пресекались ее попечителями и что она не смогла получить разрешение от своей дочери действовать от ее имени при рассмотрении дела Комитетом. В этой связи она обратилась в суд, где это дело до сих пор не было рассмотрено. 22 февраля 2007 года она подтвердила, что судебное слушание, первоначально назначенное на декабрь 2006 года, было перенесено на 9 марта 2007 года.

Отсутствие последующих комментариев государства-участника

6. 10 декабря 2003 года замечания автора были направлены государству-участнику, которое не представило последующих комментариев.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Перед рассмотрением любых жалоб, содержащихся в сообщениях, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры определить, является или нет данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Комитет установил, что то же самое дело не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования для целей пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола. Он отмечает, что государство-участник не оспаривало приемлемости сообщения на основании исчерпания внутренних средств правовой защиты и что 13 сентября 2001 года Верховный суд отклонил просьбу автора о разрешении подать апелляцию. Таким образом, Комитет считает, что автор исчерпала внутренние средства правовой защиты.

7.3 Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что сообщение должно быть признано неприемлемым из-за необоснованности, поскольку утверждения автора были сформулированы неточно, в общей форме и без ссылок на Пакт. Тем не менее, он отмечает, что в ответ на комментарии государства-участника автор, не представленная адвокатом, попыталась упорядочить свои утверждения и привела ссылки на различные статьи Пакта, хотя и в несколько общем виде. Государство-участник не прокомментировало эти утверждения, хотя ему была предоставлена такая возможность. Комитет заключает, что утверждения автора не могут считаться неприемлемыми на этом основании.

7.4 Что касается права автора представлять свою дочь в связи с ее жалобами в соответствии со статьями 7, 14, 17, 23 и 24, Комитет отмечает, что дочери автора в настоящий момент четырнадцать лет и что она была удочерена. Далее он отмечает, что автор не представила разрешения от дочери

действовать от ее имени. Тем не менее, он напоминает, что родитель, не являющийся попечителем, все же имеет достаточное право представлять своих детей в делах, рассматриваемых Комитетом¹². Связь, существующую между матерью и ребенком, и все утверждения по этому делу можно считать достаточным основанием для того, чтобы дочь автора была представлена своей матерью. Кроме того, Комитет также отмечает, что автор неоднократно, но безуспешно пыталась получить от дочери разрешение действовать от ее имени (см. пункта 5.6 выше). С учетом этих обстоятельств ничто не препятствует Комитету рассматривать заявления, сделанные матерью от имени ребенка.

7.5 Комитет исходит из того, что заявления автора, сделанные в соответствии со статьями 9 и 10 и пунктом 2 статьи 14, относятся к ее приговорам за насильственные действия и похищение ребенка и связанному с этим лишению свободы. Он отмечает, что она не предоставила никаких доказательств в поддержку этих заявлений или описания фактов, достаточно обоснованных для целей приемлемости, и соответственно признает их неприемлемыми согласно статье 2 Факультативного протокола.

7.6 Комитет считает, что заявление автора о том, что ее дочь стала жертвой душевных страданий в нарушение статьи 7, недостаточно обосновано для целей приемлемости, и признает это заявление неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола.

7.7 Комитет считает, что в остальных заявлениях поднимаются вопросы в связи с Пактом, и что они достаточно обоснованы для целей приемлемости, и объявляет сообщение приемлемым в части, касающейся заявлений в связи с пунктом 1 статьи 14, статьями 17, 23 и 24 Пакта.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Что касается предполагаемого нарушения статьи 17, Комитет отмечает, что термин "семья" должен толковаться широко и что он относится не только к семейной жизни в браке или совместному проживанию, но также и к отношениям между родителями и детьми в целом¹³. При наличии биологических уз принято исходить из твердого убеждения о существовании "семьи", и лишь в исключительных обстоятельствах такой вид отношений не защищается статьей 17. Комитет отмечает, что автор и ее дочь проживали совместно до тех пор, пока ребенку не исполнилось четыре года и она не была передана под опеку социального учреждения, и что автор поддерживала с ребенком связь вплоть до августа 1999 года. С учетом этих обстоятельств Комитет не может не признать, что на момент вмешательства властей, автор и ее дочь являлись семьей по смыслу статьи 17 Пакта.

8.3 Что касается заявления автора о том, что ее незаконно лишили опеки над ребенком и доступа к нему, то Комитет отмечает, что лишение родителя (ей) попечения над ребенком является вмешательством в семью родителей и ребенка. Таким образом, возникает вопрос о том, является ли такое вмешательство произвольным и незаконным в нарушение статьи 17. Комитет считает, что в случаях, когда речь идет об опеке над ребенком и доступе к нему, следует руководствоваться соответствующими критериями для определения того, можно ли в конкретной ситуации оправдать вмешательство в семейную жизнь, с одной стороны, в свете фактического права родителя и ребенка

---

¹² См. сообщение № 417/1990, *Сантакана против Испании*, соображения, принятые 15 июля 1994 года, пункт 6.1.

¹³ См. сообщение № 201/1985, *Хендрикс против Нидерландов*, соображения, принятые 27 июля 1988 года, пункт 10.3, и сообщение № 417/1990, *Сантакана против Испании*, соображения, принятые 15 июля 1994 года, пункт 10.2.

поддерживать личные отношения и связь друг с другом на регулярной основе, а с другой стороны, с точки зрения наилучших интересов ребенка¹⁴.

8.4 Комитет отмечает, что первоначальное решение властей о лишении автора от попечения над ребенком, принятое 2 августа 1997 года и утвержденное судебным распоряжением от 7 августа, согласно которому девочку передали на попечение КОПД, было основано на их убеждении, что автор применила насилие по отношению к ребенку, что позднее было подтверждено ее приговором. Комитет отмечает, что хотя распоряжение было временным (три месяца), в нем были предусмотрены исключительно жесткие условия доступа автора к дочери. Он считает, что первоначальное решение о передаче дочери автора на попечение КОПД сроком на три месяца носило несоразмерный характер.

8.5 В связи с заявлениями автора относительно периода с момента окончания трехмесячного срока, установленного временным распоряжением от 7 августа 1997 года, и до начала судебного разбирательства в мае 2000 года, Комитет отмечает, что ребенок находился на попечении КОПД. В соответствии с распоряжением от 7 августа 1997 года автор имела право на доступ к своей дочери, хотя и на очень строгих условиях. В результате "похищения" автором своей дочери 1 декабря 1997 года и вынесенного ей в апреле 1998 года приговора автору было отказано в доступе. Возобновления доступа она добилась только в июне 1999 года, на основании распоряжения от 17 мая 1999 года, предоставляющего доступ повторно, при этом ей также был выдвинут ряд очень жестких условий. Так, например, автору и ее дочери разрешалось встречаться только в помещении КОПД каждую третью неделю в течение 90 минут. Посещения проходили под присмотром персонала КОПД. Автору не было разрешено звонить своей дочери по телефону. КОПД вновь прекратил доступ по собственной инициативе, хотя распоряжение о предоставлении доступа от 17 мая 1999 года все еще оставалось в силе. Среди условий для предоставления доступа, перечисленных в приложении к распоряжению, значилось, что автору будет предоставляться доступ к ребенку под наблюдением персонала исключительно по усмотрению КОПД. Вопрос о доступе не пересматривался судьей вплоть до 21 декабря 1999 года, когда судья решил не возобновлять доступ автора к своей дочери. С тех пор право автора на доступ так и не было восстановлено.

8.6 Комитет отмечает, что девочка неоднократно высказывала пожелание вернуться домой, что она плакала в конце посещений и что ее психолог рекомендовал возобновить доступ. Он считает, что условия доступа, исключаящие, среди прочего, возможность общения по телефону, были слишком жесткими по отношению к четырехлетнему ребенку и матери. Тот факт, что между автором и приемной матерью по телефону возник спор, не является достаточным оправданием для безусловного прекращения общения между автором и дочерью. Комитет считает, что осуществление КОПД его права в одностороннем порядке прекратить доступ, как это произошло в декабре 1997 года и августе 1999 года, без пересмотра ситуации судьей и без предоставления автору возможности предъявить возражения, является произвольным вмешательством в семью автора и ее дочери в нарушение статьи 17 Пакта.

8.7 Что касается предполагаемого нарушения статьи 23, то Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой национальные суды, как правило, компетентны оценивать обстоятельства конкретных дел. Однако законодательством должны быть предусмотрены определенные критерии, позволяющие судам применять все положения статьи 23 Пакта. "Среди этих критериев представляется важным сохранение, кроме исключительных обстоятельств, личных отношений и прямых регулярных контактов ребенка с обоими родителями"¹⁵. В отсутствии таких

---

¹⁴ См. сообщение № 946/2000, *Л.П. против Чешской Республики*, соображения, принятые 25 июля 2002 года, пункт 7.3.

¹⁵ Сообщение № 201/1985, *Хендрикс против Нидерландов*, соображения, принятые 27 июля 1988 года, пункт 10.4.

особых обстоятельств Комитет напоминает, что полное лишение родителя доступа к ребенку не может рассматриваться как забота о наилучшем обеспечении интересов ребенка¹⁶.

8.8 В данном деле судья в ходе состоявшегося в 2000 году судебного разбирательства по вопросу о защите интересов ребенка постановил, что "не было никаких особых обстоятельств, которые бы в этих условиях оправдали продолжение доступа", не пытаясь рассмотреть вопрос о наличии исключительных обстоятельств, оправдывающих прекращение доступа, и тем самым сместив угол зрения, под которым следовало разбирать эти вопросы. Учитывая необходимость сохранения семейных уз, крайне важно в ходе любых судебных процессов, имеющих последствия для семейной ячейки, ставить вопрос о том, следует ли разрывать семейные узы, принимая во внимание интересы ребенка и родителей. Комитет не считает, что данная девочке пощечина, а также нежелание автора сотрудничать с КОПД и оспариваемое утверждение о ее психической неполноценности можно отнести к исключительным обстоятельствам, которые оправдали бы полный разрыв отношений между автором и ребенком. Он признает, что образ действий судебных органов государства-участника, сделавших вывод о необходимости полностью отказать автору в доступе к дочери, не рассматривая при этом менее жесткий и ограничительный вариант решения, представляет собой неспособность защитить семейную ячейку в нарушение статьи 23 Пакта. Кроме того, эти факты являются нарушением статьи 24 по отношению к дочери автора, которая в качестве несовершеннолетней имела право на дополнительную защиту.

8.9 Что касается заявления о неоправданной задержке в соответствии с пунктом 1 статьи 14, то Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное настоящим положением, включает в себя оперативное оправление правосудия без неоправданных задержек¹⁷, и что сам характер всех процессов по вопросу опеки или доступа разведенного родителя к своему ребенку подразумевает оперативное вынесение решения в отношении поданных жалоб¹⁸. Комитет считает, что настоящая правовая практика применима также к процессам по вопросу о защите интересов ребенка, касающихся лишения родительских прав и доступа родителя к его ребенку. При рассмотрении этого вопроса Комитет должен учитывать возраст указанного ребенка, то, как обстоятельства, вызвавшие задержки в разбирательстве, могут сказаться на благополучии ребенка, и исход судебного дела.

8.10 В данном случае ребенку на момент отобрания в августе 1997 года исполнилось четыре года, а во время проведения судебного разбирательства по вопросу о защите прав ребенка в июне 2000 года было семь лет. Как предупреждал детский психолог, в результате задержки в разбирательстве возникала опасность развития у девочки депрессии и расстройства, связанного с умением привязываться к людям¹⁹, а девочка находилась в "смешанных чувствах"²⁰, поскольку не знала, с кем ее место. Кроме того, судья отчасти основывал свое решение на том факте, что у ребенка сложились близкие отношения с приемными родителями, которые хотели удочерить ее, и что она выражала желание остаться с ними. Комитет отмечает, что девочка первоначально хотела вернуться к матери и что ее пожелания изменились только спустя какое-то время.

---

¹⁶ Сообщение № 514/1992, *Фей против Колумбии*, соображения, принятые 4 апреля 1995 года, пункт 8.10.

¹⁷ См. сообщение № 203/1986, *Муньос Эрмоса против Перу*, соображения, принятые 4 ноября 1988 года, пункт 11.3, и Сообщение № 263/1987, *Гонсалес дель Рио против Перу*, соображения, принятые 28 октября 1992 года, пункт 5.2.

¹⁸ В другом контексте см. сообщение № 514/1992, *Фей против Колумбии*, соображения, принятые 4 апреля 1995 года, пункт 8.4; и сообщение № 417/1990, *Сантакана против Испании*, соображения, принятые 15 июля 1994 года, пункт 6.2.

¹⁹ Заключение детского психолога от 12 декабря 1998 года.

²⁰ Заключение детского психолога от 12 декабря 1998 года и 25 октября 1999 года и данные в суде показания.

8.11 Кроме того, из материалов дела следует, что автор несколько раз меняла адвокатов и направляла многочисленные ходатайства, что привело к задержке разбирательства. Помимо этого, она была признана недобросовестным истцом, который с помощью многочисленных ходатайств и апелляций срывает сроки проведения разбирательства. Однако все эти ходатайства были направлены на возобновление доступа к ребенку. Комитет считает, что подача ходатайства о предоставлении доступа совершенно не обязательно должна приводить к задержке основного судебного разбирательства. Кроме того, вину за задержки нельзя приписывать только автору. Так, Комитет отмечает, что требование о назначении ООПС представителем автора поступило от КОПД и что результатом этого назначения явилась отсрочка судебного разбирательства. Комитет считает, что, ввиду юного возраста ребенка, почти трехлетняя задержка, которая имела место после ее передачи на попечение КОПД и до судебного разбирательства по вопросу о защите интересов ребенка и вина за которую не может вменяться только автору, является неоправданной и представляет собой нарушение прав автора и ее дочери на оперативное судебное разбирательство, предусмотренное в пункте 1 статьи 14.

8.12 Что касается заявлений о несправедливом слушании в соответствии с пунктом 1 статьи 14, Комитет отмечает, что судья исходил в своем решении из того, что, по его мнению, "мать тяжело больна". Этот вывод основывался на заключении д-ра К. двухлетней давности о том, что автор сообщения страдает "маниакальным расстройством" и "эротоманиакальным и соматическим бредом и манией преследования", и на других психиатрических заключениях. Из судебного решения следует, что судья пользовался этими заключениями избирательно и неверно. В частности, он, по всей видимости, неверно истолковал заключение д-ра К. (см. пункты 2.5 и 2.6 выше) о том, что если она и страдала эротоманиакальным бредом, то это вряд ли сказывалось на ее способности заботиться о своей дочери. Кроме того, судья пренебрег мнением д-ра Г., согласно которому у нее не было формального нарушения мышления и ее идеи преследования не носили бредового характера. Судья не заслушал показаний д-ра К., который был вызван в суд автором, но не явился, а также не вызвал для дачи показаний ни одного из других врачей, осматривавших автора.

8.13 Из материалов дела следует, что судья решил вопрос о лишении попечения о ребенке на основании единичного случая применения насилия и спорных фактов трехлетней давности. К тому же, ничто не указывает на то, что судья рассматривал возможность заслушать ребенка, или на то, что ребенок принимал какое-либо участие в судебном процессе. При том, что ее пожелания были переданы на судебном разбирательстве адвокатом, который отметил, что "она желает остаться с приемными родителями, с которыми она проживает в настоящее время, хотя она продолжает высказывать пожелание навестить свою мать", судья постановил, что "продолжение доступа лишь обострит те смешанные чувства, в которых пребывает ребенок, что, по мнению д-ра П. очень вредно для ребенка, и что этому необходимо положить конец и дать девочке воспользоваться имеющейся возможностью начать новую достойную жизнь". Комитет, однако, отмечает, что детский психолог объяснила смешанные чувства ребенка тем, что она "расстроена из-за отсутствия матери". Далее судья подчеркнул, что "важно отметить, что ребенок, с которым мы имеем дело сейчас, - это уже не тот ребенок, каким он был на момент отобрания, поскольку разбирательство идет уже почти три года, и теперь мы имеем дело с семилетним ребенком, высказавшим пожелание не возвращаться домой". Хотя Комитет отмечает, что судья учел пожелания ребенка и отдал распоряжение о постоянной опеке без права доступа матери, руководствуясь наилучшими интересами ребенка, Комитет не может разделить мнение Суда о том, что прекращение общения между матерью и дочерью могло в данном случае послужить наилучшим интересам ребенка. С учетом вышесказанного Комитет считает, что слушание по делу автора и ее дочери в ходе судебного разбирательства по вопросу о защите интересов ребенка не было справедливым в нарушение пункта статьи 14.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, приходит к заключению о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14 Пакта; статьи 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 2; статей 23 и 24 Международного пакта о гражданских и политических правах.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору и ее дочери эффективное средство правовой защиты, включая регулярный доступ автора к дочери и надлежащую компенсацию автору. Кроме того, государству-участнику следует принять меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечивать эффективное и действенное средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах во исполнение Соображений Комитета.

Сообщение № 1100/2002

Представлено: Юрием Бандажевским (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Беларусь

Дата принятия Соображений: 28 марта 2006 года

Тема сообщения: содержание под стражей на основании антитеррористического законодательства; утверждения о преследовании в связи с публичным выражением мнений с критикой в отношении правительства государства-участника

Процедурные вопросы: степень обоснованности жалобы; неисчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: незаконное содержание под стражей; условия содержания под стражей, несправедливый судебный процесс, свобода убеждений/право на беспристрастную информацию

Статьи Пакта: 9, 10, 14, 19

Статьи Факультативного протокола: статья 2 и пункт 2 а) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (пункты 3 и 4 статьи 9; пункт 1 статьи 10 и пункты 1 и 5 статьи 14)

1. Автором сообщения является Юрий Бандажевский, гражданин Беларуси, 1957 года рождения, который в момент представления сообщения находился в тюремном заключении в Минске, Беларусь. Он заявляет о том, что стал жертвой нарушений Беларусью его прав, предусмотренных в статьях 9, 10, 14 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1. Автором сообщения является профессор и ректор Гомельского государственного медицинского института, Беларусь. В 1999 году на основании статьи 169 Уголовного кодекса Беларуси (в редакции 1960 года) против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в получении взяток. 13 июля 1999 года он был арестован, затем освобожден под подписку о невыезде из страны. 18 июня 2001 года Военная палата (Коллегия) Верховного суда признала его виновным в получении взяток на основании статьи 430 Уголовного кодекса (в редакции 1999 года) и приговорила к восьми годам тюремного заключения. По словам автора, Суд установил, что в 1997 году, будучи ректором

Медицинского института, он предложил проректору по воспитательной работе собрать деньги в качестве взяток среди родителей абитуриентов.

2.2 Автор утверждает, что он исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 9 Пакта: по его словам, он был арестован 13 июля 1999 года с санкции Генерального прокурора и содержался под стражей в течение 30 дней в соответствии с Президентским декретом от 21 октября 1997 года "О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями". Он заявляет, что вопреки статье 169 (3) Уголовного кодекса Беларуси обвинение в получении взяток ему было предъявлено позднее. Это правонарушение, по его словам, не имеет никакого отношения к терроризму или иным насильственным либо особо опасным преступлениям. Автор утверждает, что никаких оснований для его ареста и заключения под стражу не было.

3.2 Автор заявляет, что при аресте 13 июля 1999 года его не проинформировали о выдвинутых против него обвинениях и что он был обвинен в получении взяток лишь спустя три недели, 5 августа 1999 года, в нарушение пункта 2 статьи 9 Пакта. Кроме того, он утверждает, что не имел возможности ходатайствовать о безотлагательном рассмотрении законности его задержания, что является нарушением пункта 4 статьи 9 Пакта.

3.3 Автор также утверждает, что в период его задержания он не получал медицинской помощи, соответствующей его состоянию здоровья, что противоречит пункту 1 статьи 10 Пакта. Он отмечает, что лишь после резкого ухудшения состояния его здоровья 8 августа 1999 года его госпитализировали в областную больницу Могилева; 18 сентября 1999 года по просьбе властей его вновь поместили под стражу. Автор также утверждает, что он был лишен возможности пользоваться какими-либо предметами личной гигиены или надлежащими индивидуальными средствами. Условия содержания под стражей не позволяли ему знакомиться с научной или художественной литературой или независимыми средствами массовой информации, которые "представляют для него личный и профессиональный интерес".

3.4 По словам автора, в нарушение пункта 2 статьи 10 Пакта условия его содержания под стражей до суда были аналогичны условиям, в которых содержались осужденные лица.

3.5 Автор утверждает, что о выдвинутых против него обвинениях его проинформировали лишь 5 августа 1999 года (через 23 дня после ареста), и заявляет, что до этого момента он был лишен возможности защищать себя лично против таких обвинений, что является нарушением пункта 3 а) статьи 14 Пакта. Он заявляет, что в период между 6 августа 1999 года и 18 сентября 1999 года во время его пребывания в больнице ему не разрешали консультироваться с его адвокатом вопреки пункту 3 б) статьи 14 Пакта. Как сообщается, Суд не разрешил его защитнику - г-ну Г. П. из белорусского Хельсинского комитета - представлять его в суде, что является нарушением пункта 3 д) статьи 14.

3.6 В связи со статьей 14 автор утверждает, что его вина не была доказана Судом. Единственной уликой против него были, как сообщается, противоречивые показания двух свидетелей - г-на Шамычека и г-на Равкова; как заявляется, никакие иные улики в судебном решении не упоминаются. Утверждается, что Суд исходил лишь из аргументов в пользу обвинения, игнорируя процедурные нарушения, допущенные в ходе следствия и судебного разбирательства. По словам автора, это доказывает необъективность Суда, а также то, что расследование и судебное разбирательство были пристрастными и неполными. Автор добавляет, что в своих первых показаниях от 12 июля 1999 года г-н Равков обвинил его в получении взяток от студентов, а затем в суде изменил свои показания, заявив, что изначально следователи оказывали на него давление (продолжительность допросов превышала установленный законом срок, ему не давали есть и спать, высказывались угрозы в

отношении его жены и дочери; он также утверждает, что в его пищу добавлялось какое-то психотропное вещество). Как заявляется, Суд просто проигнорировал эти заявления, приняв во внимание лишь первоначальные показания.

3.7 Автор утверждает, что вопреки статье 14 Пакта суды в Беларуси не являются независимыми, поскольку президент Республики обладает единоличной властью назначать и отстранять от должности судей; перед своим официальным назначением судьи проходят испытательный период, во время которого у них нет никаких гарантий, что они будут в конечном итоге назначены. По мнению автора, отсутствие независимости судей подтверждает доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека (июнь 2000 года).

3.8 Автор далее утверждает, что в соответствии с пунктом 1 Постановления Верховного совета (Верхней палаты белорусского парламента) "Временное положение о порядке утверждения народных заседателей" (от 7 июня 1996 года) все граждане Беларуси в возрасте старше 25 лет могут быть избраны заседателями, а 25-летние граждане и граждане, проходящие срочную военную службу, - заседателями в военных трибуналах. Однако в случае с автором лишь Председатель Военной палаты Верховного суда был профессиональным военным, а из заседателей - никто. В этой связи, как утверждается, возникают вопросы по статье 14 Пакта.

3.9 И наконец, автор утверждает, что были нарушены его права, предусмотренные в пунктах 1 и 2 статьи 19 Пакта. Он сообщает, что в апреле 1999 года в ходе парламентской сессии, посвященной последствиям чернобыльской катастрофы, он выступил с критическим докладом о последствиях аварии для Беларуси, который весьма значительно отличался от официальной позиции правительства. По мнению автора, его критика была настоящей причиной его преследований и увольнения из медицинского института.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости

4. В представлении от 17 сентября 2002 года государство-участник заявляет, что данное сообщение следует признать неприемлемым, поскольку "тот же вопрос" уже принят к рассмотрению другим международным органом по урегулированию: т.е. Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в рамках процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб Комитетом по конвенциям и рекомендациям Исполнительного совета ЮНЕСКО. В этом отношении автор не высказал никаких замечаний.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

5. 7 июля 2003 года Комитет на своей семьдесят восьмой сессии рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Комитет принял к сведению тот факт, что государство-участник оспорило неприемлемость сообщения, и пришел к выводу о том, что процедура рассмотрения жалоб Комитетом по конвенциям и рекомендациям Исполнительного совета ЮНЕСКО является внедоговорной и не налагает на соответствующее государство-участник какое-либо обязательство сотрудничать с ней; что при рассмотрении отдельных случаев не делается никакого вывода о наличии или отсутствии нарушения конкретных прав каким-либо государством; и что такое рассмотрение в последующем не приводит к объективному определению существа жалобы в том или ином случае. Комитет пришел к выводу, что процедура рассмотрения жалоб ЮНЕСКО не является другой "процедурой международного разбирательства или урегулирования" по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, и, приняв также к сведению заявления автора об исчерпании внутренних средств правовой защиты, признал данное сообщение приемлемым.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

6.1 В вербальной ноте от 20 января 2004 года государство-участник отмечает, что автор был признан виновным в личном и должностном качестве в получении взятки в крупном размере группой лиц по предварительному сговору¹. Он был арестован 13 июля 1999 года на основании письменного заявления его коллеги Равкова от 12 июля 1999 года прокурору Гомельской области. В своем заявлении Равков добровольно проинформировал прокурора о получении взяток, которые он получал за оказание помощи абитуриентам в поступлении в институт. Равков подробно описал, когда и у каких лиц он брал взятки, которые он передавал автору сообщения, указал точные суммы полученных взяток и механизм деятельности группы. Он письменно подтвердил, что его признания были сделаны без какого-либо принуждения и что он был предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний в отношении автора сообщения.

6.2 По сообщению государства-участника, автор был арестован с согласия ("санкции") прокурора и при аресте автор был проинформирован о причинах и основаниях его ареста. Сообщается, что его арест был осуществлен на основании и в соответствии с Декретом президента от 21 октября 1997 года; основанием для применения Декрета в данном случае явилось то, что его действие распространяется не только на лиц, подозреваемых в "терроризме и других особо опасных насильственных преступлениях", но и на лиц, которые "руководят преступной организацией, организованной преступной группой или принадлежат к ним". Государство-участник сообщает также, что в свете показаний Равкова следственные органы не исключали наличия организованной преступной группы.

6.3 Из материалов уголовного дела следует, что автор руководил группой, созданной с участием Равкова и других лиц. В соответствии с положениями вышеназванного Декрета и после проверки предварительным следствием фактов автору, до истечения установленного законом 30-дневного срока, было предъявлено обвинение во взяточничестве. Срок его содержания под стражей был продлен по санкции прокурора.

6.4 Государство-участник поясняет, что содержание автора под стражей было законным, поскольку он обвинялся в совершении тяжкого преступления, и что в соответствии со статьей 126 Уголовно-процессуального кодекса к лицам, обвиняемым в совершении тяжких преступлений, предварительное заключение под стражу может быть применено по мотивам одной лишь тяжести преступления. Кроме того, следственные органы располагали сведениями о том, что автор оказывал воздействие на свидетелей по этому делу, на подчиненных ему сотрудников в институте, в котором он работал, тем самым препятствуя проведению следствия. Автор был освобожден с учетом состояния его здоровья под подписку о невыезде из страны, и ему было также разрешено продолжать свою работу. Однако 10 июня 2001 года он был арестован при попытке нелегально перейти границу с Украиной по поддельному паспорту.

6.5 Государство-участник утверждает, что в ходе следствия автор получал необходимую медицинскую помощь. 13 августа 1999 года в связи с обострением имевшегося у него хронического заболевания он был помещен для лечения в больницу Департамента исполнения наказаний. 13 декабря 1999 года он был принят для обследования в Национальный научно-исследовательский институт кардиологии. Он продолжал получать необходимую медицинскую помощь в колонии строгого режима, куда был впоследствии переведен. По информации, представленной Департаментом исполнения наказаний 28 февраля 2003 года, автор не обращался за медицинской помощью с сентября 2002 года и посещал медпункт колонии только по вызову врача. Как утверждается, его психическое и физическое состояние является удовлетворительным. Заявлений о

---

¹ Т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь: получение взяток.

проведении углубленного медицинского обследования от него, его адвоката или родственников не поступало.

6.6 По сообщению государства-участника, автор постоянно пользовался услугами адвоката во время следствия и в суде. Следственные действия, представление обвинения и ознакомление с материалами уголовного дела проводились в присутствии адвоката, и последний подписывал все соответствующие документы вместе с автором. В порядке исключения адвокат не принимал участия в некоторых действиях в ходе судопроизводства (например, при одной из очных ставок с Равковым); однако это было сделано по просьбе автора и соответствующим образом запротоколировано. Автор был проинформирован следственными органами и в суде о своих правах; текст этих прав был также отпечатан на бланках процессуальных документов, с которыми он ознакомился и которые он подписывал.

6.7 Государство-участник напоминает, что Г. П. не было позволено действовать в качестве представителя автора, поскольку национальным законодательством такое представительство не предусмотрено, и он не имел лицензии на осуществление адвокатской практики в Беларуси.

6.8 По сообщению государства-участника, в ходе предварительного следствия было установлено, что автор получал взятки от семей абитуриентов; он действовал через г-на Равкова и членов экзаменационных комиссий; все обстоятельства передачи взяток были тщательно изучены во время следствия и в суде (суммы, вид валюты, конкретные места и время передачи взяток и т.д.). Кроме того, из служебного кабинета автора были изъяты варианты экзаменационных билетов и вопросы по различным предметам, а также записи с указанием фамилий лиц, от которых принимались взятки.

6.9 Государство-участник сообщает, что, по мнению суда, Равков менял свои показания в суде в интересах обеспечения собственной защиты. Утверждение о том, что он давал показания под воздействием психотропных веществ, было должным образом изучено судом, включая проведение психиатрических/психологических обследований, и не было подтверждено. Вина автора была установлена на основании свидетельских показаний других обвиняемых, очных ставок и других вещественных доказательств. Он был обвинен в неоднократном получении взяток, в действиях группы лиц по предварительному сговору; приготовлении к получению взяток и покушении на получение взяток по предварительному сговору группой лиц и злоупотреблении служебным положением. 12 декабря 2000 года дело было передано в суд; с учетом большого внимания, которое уделялось общественностью этому делу, и известности автора дело к производству принял Верховный суд. Судебный процесс был открытым и проводился в присутствии представителей международных неправительственных организаций.

6.10 В соответствии со статьей 270 Уголовно-процессуального кодекса, дело рассматривалось Военной коллегией Верховного суда, поскольку Равков являлся полковником медицинской службы запаса, а дело в его отношении не могло быть рассмотрено в суде отдельно. Об объективности и беспристрастности суда свидетельствует тот факт, что многие обвинения, выдвинутые следствием, в ходе слушания дела были сняты. В соответствии со статьей 15 Пакта, автор был осужден на основании положений нового закона, предусматривающего более мягкое наказание по сравнению с тем, которое применялось во время совершения преступления. Как утверждается, форма и содержание приговора находятся в соответствии с действующими на то время требованиями Уголовно-процессуального кодекса. Суд принял во внимание повышенную общественную опасность преступления (отнесенного к категории "тяжких" в Уголовном кодексе), а также сведения о личности обвиняемого и имеющиеся смягчающие вину обстоятельства (например, положительные характеристики автора с места работы; его заслуги в качестве международно признанного ученого в области медицины; состояние его здоровья и наличие на его иждивении детей). Г-н Бандажевский был признан виновным в неоднократном получении взяток и приговорен к восьми годам тюремного заключения с лишением права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных обязанностей, сроком на пять лет.

6.11 Настоящее уголовное дело было рассмотрено в надзорном порядке Верховным судом, и приговор был признан законным и справедливым. По сообщению государства-участника, приговор был бы отменен, если бы Верховный суд установил факт серьезных нарушений закона.

6.12 Государство-участник опровергает утверждение автора о том, что он подвергся преследованию за критику деятельности властей по ликвидации последствий Чернобыльской аварии, и сообщает, что в тюрьме автор продолжал свою научно-исследовательскую работу и подготовил несколько научных публикаций.

6.13 По сообщению государства-участника, автор не подавал прошения о помиловании с октября 2002 года. В соответствии с Законом об амнистии 2002 года срок его наказания был уменьшен на один год. В соответствии со статьями 90 и 91 Уголовного кодекса назначенное ему наказание может быть заменено более мягким после отбытия не менее половины срока наказания, первоначально назначенного судом, т.е., в случае автора, после 6 сентября 2004 года. Таким образом, вопрос об условно-досрочном освобождении мог быть рассмотрен после 6 сентября 2005 года.

6.14 Вербальной нотой от 10 марта 2004 года государство-участник информирует Комитет о том, что 8 января 2004 года срок наказания автора был уменьшен еще на один год. Утверждается, что автор был взят под медицинское наблюдение с диагнозом "язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки" и проходит курс лечения. Утверждается, что состояние его здоровья является стабильным. Государство-участник представляет также текст отчета представителя ОБСЕ в Минске, подготовленного после посещения им г-на Бандажевского 3 декабря 2003 года.

Комментарии автора по представлениям государства-участника

7.1 В своих письмах от 12 марта, 26 апреля 2004 года и 17 мая 2005 года автор настаивает на том, что его арест был незаконным, и напоминает, что предварительное заключение сроком до 30 суток применяется только в случаях терроризма или иных особо опасных преступлений. Он утверждает, что условия в специальном приемнике-распределителе, где он содержался под стражей в течение 23 дней, не соответствовали его случаю и что это утверждение не опровергалось. Он заявляет, что не смог встретиться со своим адвокатом в течение 24 часов с момента задержания и не был надлежащим образом информирован о выдвинутых против него обвинениях и что "не мог реализовать другие правовые гарантии в отношении подозреваемого".

7.2 По утверждению автора, из-за ненадлежащего медицинского обслуживания в период заключения у него развился острый перитонит, по поводу которого он был прооперирован "в конце сентября 2003 года". Он страдал язвенной болезнью длительное время и сообщает, что ему было разрешено получать передачи весом не более 30 кг один раз в квартал, тогда как тюремный рацион питания для него не подходил.

7.3 Автор утверждает, что он обращался с просьбой к г-ну Г. П. представлять его в суде, но, как утверждается, Верховный суд дважды отклонял письменное обращение по этому поводу. Г-н Г. П. является членом Гильдии российских адвокатов (г. Москва), и в соответствии с Конвенцией² СНГ³ от 23 января 1993 года российские адвокаты могут практиковать в Беларуси.

7.4 Автор отмечает, что государство-участник не опровергало его утверждение в отношении незаконного состава суда и непредоставлении ему возможности подать кассационную жалобу на приговор, вынесенный Верховным судом.

---

² Конвенция СНГ о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам.

³ Содружество Независимых Государств.

7.5 Что касается возможности проведения научных исследований, то автор заявляет, что в связи с его содержанием под стражей его контакты с иностранными учеными были ограничены и он не мог использовать специальное оборудование или иметь доступ к последним научным разработкам. Написанные им статьи были основаны главным образом на информации, сохранившейся в его памяти. Его компьютер не был подключен к Интернету и использовался исключительно как печатная машинка. У него не было также доступа к мобильному телефону.

Дополнительные представления государства-участника

8.1 16 декабря 2004 года государство-участник сообщило, что в соответствии с пунктом 22 Закона об общественных объединениях (1994 года) общественным объединениям (таким, как НПО) дано право представлять права и законные интересы своих членов. Автор не являлся членом Белорусского Хельсинского комитета и, кроме того, он просил г-на Г. П. участвовать в суде не в качестве его представителя, а в качестве представителя НПО.

8.2 С 5 июля 2001 года по 1 июня 2004 года автор содержался в Минской исправительной колонии № 1. Как указано в его медицинской карточке, в течение этого периода он посетил медицинскую часть 12 раз, в том числе 8 раз для проведения общепринятых диспансерных обследований, несколько раз осматривался специалистами и был также госпитализирован. Ему назначалось лечение в соответствии с состоянием его здоровья, и он получал дополнительные медицинские препараты из-за границы. Государство-участник отрицает, что он был прооперирован по поводу "перитонита" 1 октября 2003 года, и утверждает, что операция была сделана по поводу "аппендицита"; автор был выписан из больницы уже 6 октября 2003 года.

8.3 26 мая 2004 года Суд Центрального района города Минска изменил назначенное автору наказание, и он был переведен в колонию-поселение Гезгалы. С 7 июня 2004 года автор работает сторожем на одном из частных аграрных предприятий и проживает за пределами колонии-поселения. Его посещали иностранные дипломаты, журналисты и Председатель Рабочей группы Организации Объединенных Наций по произвольным задержаниям. Дважды ему было разрешено съездить в Минск на одну неделю. Семья может посещать его без ограничений.

8.4 25 апреля 2005 года государство-участник подтвердило, что в свободное время автор может заниматься научной деятельностью. Решение администрации колонии не ходатайствовать о его досрочном освобождении было законным и было принято в соответствии с положениями Уголовно-исполнительного кодекса (УИК). 21 сентября 2004 года автору был предоставлен семидневный отпуск, однако он вернулся из отпуска только 4 января 2005 года. В период своего отсутствия он не уведомил руководство колонии или орган внутренних дел о причинах своего отсутствия, что является нарушением как положений УИК, так и правил внутреннего распорядка колонии. В течение этого периода он проходил различные медицинские обследования и лечение в нескольких медицинских учреждениях в Минске; с 27 сентября по 27 октября 2004 года и с 23 ноября по 3 января 2005 года он находился на излечении в дневном стационаре, а с 12 по 16 ноября 2004 года проживал у себя дома.

8.5 Государство-участник сообщает, что во время лечения в Минске автор получал консультации различных специалистов и прошел несколько медицинских обследований, в результате которых ему было предписано соответствующее лечение. Автор имеет возможность посещать местное (обычное) лечебное учреждение, обслуживающее колонию.

8.6 Вербальной нотой от 18 августа 2005 года государство-участник сообщило, что 5 августа 2005 года Дятловский районный суд принял решение об условно-досрочном освобождении автора.

Дополнительные комментарии автора

9.1 20 февраля 2005 года автор повторно подтвердил, что в специальном приемнике-распределителе, в котором он содержался с 13 июля по 4 августа 1999 года, отсутствовали даже

кровати и что заключенные были вынуждены спать на полу, при этом свидания с родственниками или адвокатами были запрещены.

9.2 Что касается посещений, то автор признает, что журналистам, ученым и другим лицам было позволено посещать его, но это было возможно только на основании специального разрешения Департамента исполнения наказаний министерства внутренних дел. Он утверждает, что многие запросы о посещениях были отклонены.

9.3 Автор сообщает, что 31 января 2005 года администрация исправительного учреждения приняла решение об отказе направить в суд ходатайство о его досрочном освобождении в связи с тем, что, как утверждается, по мнению администрации, он не доказал факт своего "исправления", отсутствовал в колонии, а также отказался погасить иск в размере 35 млн. белорусских рублей. Он утверждает, что его отсутствие в колонии в течение трех месяцев обусловлено проведением "стационарного лечения болезней, приобретенных в заключении".

9.4 1 июня 2005 года автор вновь сообщил, что его научная работа ограничена анализом данных, полученных им в ходе прошлых исследований. По сообщению автора, его лечение в Минске до конца 2004 года осуществлялось с разрешения начальника исправительной колонии; в ответ на письменное обращение в колонию он получил разрешение ее руководства на проведение лечения в Минске; при этом ему не было сообщено о каких-либо специальных обязательствах предупреждать или уведомлять правоохранительные органы. Два раза в неделю он связывался по телефону с исправительной колонией и регулярно с помощью факса направлял туда справки и выписки из истории болезни; администрация колонии несколько раз проверяла место его нахождения, звонила в соответствующие медицинские учреждения и приглашала его к телефону.

Рассмотрение сообщения по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел сообщение с учетом всей предоставленной ему сторонами информации, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принял к сведению заявление автора о том, что его арест 13 июля 1999 года был "необоснованным", что при аресте он не был информирован о причинах задержания, не имел возможности видеться со своим адвокатом в течение первых 24 часов после задержания и был обвинен в получении взяток только по истечении 23 дней и что Декрет президента "О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями" был применен к нему для того, чтобы ограничить его права на защиту. Государство-участник заявляет, что арест автора и его содержание под стражей до суда были законными, поскольку уголовное дело о взятничестве против автора было возбуждено 12 июля 1999 года; что имелись основания подозревать, что он являлся руководителем преступной группы и что следствие располагало сведениями о том, что он оказывал воздействие на свидетелей по делу. По сообщению государства-участника, арест автора в соответствии с положениями Декрета был полностью обоснованным, поскольку он подозревался в совершении тяжкого преступления; он был ознакомлен с причинами ареста, и ему было предъявлено обвинение в пределах 23-дневного срока, а также что в ходе предварительного следствия он был представлен адвокатом. На основе представленной информации Комитет приходит к выводу о том, что положения пункта 1 статьи 9 не были нарушены.

10.3 В то же время автор заявил, что он был арестован и содержался под стражей в течение 23 дней на основании Декрета № 21 (1997 года), не имея какой-либо возможности опровергнуть в суде незаконность содержания его под стражей в связи с тем, что лицам, содержащимся под стражей на основании данного Декрета, это не позволено. Это утверждение не было опровергнуто государством-участником, которое лишь отметило, что арест и последующее содержание под стражей автора были совершены с предварительной санкции государственного прокурора. Комитет

напоминает⁴, что, во-первых, неотъемлемым свойством надлежащего осуществления судебных полномочий является то, что они должны осуществляться органом, проявляющим независимое, объективное и непредвзятое отношение к рассматриваемым вопросам. Комитет также считает, что с правовой точки зрения государственный прокурор не может считаться объективным и непредвзятым лицом и рассматриваться в качестве "должностного лица, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть" по смыслу пункта 3 статьи 9⁵. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу, что права автора в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта были нарушены.

10.4 В свете вышеизложенного вывода Комитет считает, что право автора в соответствии с пунктом 4 статьи 9 Пакта также было нарушено.

10.5 Комитет принимает к сведению утверждения автора, согласно пункту 1 статьи 10, об отсутствии надлежащей медицинской помощи и порядка предоставления ему лечения во время содержания под стражей. В свою очередь государство-участник представляет подробную информацию о видах лечения, диспансерных обследованиях и случаях госпитализации, которые автор получал или которым подвергался в период содержания под стражей. Государство-участник утверждает также, что ни автор, ни его родственники или его адвокат не обращались с жалобами в компетентные органы власти или в суд по этим вопросам. Автор не отрицает этого. С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что пункт 1 статьи 10 нарушен не был.

10.6 Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что вопреки требованиям пункта 1 статьи 10 условия его содержания под стражей в Гомельском специальном приемнике-распределителе, где он находился с 13 июля 1999 года по 6 августа 1999 года, не соответствовали требованиям длительного содержания под стражей и что в спецприемнике отсутствовали кровати; что автор вообще не имел предметов личной гигиены или надлежащих индивидуальных средств. Государство-участник не опровергает этих утверждений. С учетом этих обстоятельств Комитет должен признать важность данного утверждения и приходит к выводу, что условия содержания автора под стражей говорят о нарушении его прав в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Пакта.

10.7 Автор заявил, что условия его содержания под стражей до суда были "идентичны условиям, в которых содержались осужденные лица". Даже с учетом того, что государство-участник не представило комментариев в этом отношении, Комитет отмечает, что это утверждение автора носит расплывчатый и общий характер. В соответствии с этим и в связи с отсутствием какой-либо другой соответствующей информации Комитет приходит к выводу, что факты, которыми он располагает, не свидетельствуют о нарушении прав автора в соответствии с пунктом 2 статьи 10.

10.8 Автор далее заявил, что суды государства-участника не являются независимыми, поскольку судьи назначаются президентом. Государство-участник никак не прокомментировало это утверждение. Не получив от автора дополнительной информации в отношении того, что он лично пострадал в связи с отсутствием, как утверждается, независимости судов, в которых рассматривалось его дело, Комитет тем не менее считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении положений пункта 1 статьи 14.

10.9 Автор утверждает, также в общих выражениях, о нарушении пункта 1 статьи 14 в том, что его вина не была доказана в суде, что судебное разбирательство было пристрастным и неполным, что суд рассмотрел только доводы обвинения и что решение суда было основано исключительно на показаниях Равкова, который впоследствии отказался от них на суде. Государство-участник представляет подробный ответ, согласно которому суд посчитал, что Равков отказался от

---

⁴ См. *Куломин против Венгрии*, сообщение № 521/1992, Соображения, принятые 22 марта 1996 года, пункт 11.3.

⁵ См. соображения по сообщению № 1218/2003, *Платонов против Российской Федерации*, принятые 1 ноября 2005 года, пункт 7.2.

первоначальных показаний в интересах собственной защиты, а вина автора была установлена на основании ряда других свидетельских показаний и улики. Комитет принимает к сведению тот факт, что вышеназванные утверждения относятся главным образом к оценке фактов и доказательств. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой оценку фактов и доказательств по каждому делу проводят, как правило, суды государств - участников Пакта, за исключением случаев, когда подтверждается явно произвольный характер этих действий или выявляются случаи отказа в правосудии⁶. Комитет считает, что имеющиеся в его распоряжении материалы не свидетельствуют о том, что подобные недостатки имели место в ходе судебного процесса над автором, и считает, что представленные ему факты не говорят о нарушении прав автора в соответствии с пунктом 1 статьи 14.

10.10 В отношении статьи 14 автор заявляет также, что он был осужден Военной коллегией Верховного суда, состав которого во время судебного заседания был незаконным, поскольку в соответствии с решением Верховного суда Беларуси от 7 июня 1996 года народные заседатели (ассессоры) в военных судах должны состоять на действительной военной службе, тогда как в случае автора кадровым военным был только председатель суда. Государство-участник не опровергло это утверждение и лишь заявило, что в ходе судебных заседаний не было допущено никаких процессуальных ошибок. Комитет считает, что неопровержение того факта, что состав суда, рассматривавшего дело автора, был сформирован ненадлежащим образом, означает, что подбор членов суда не соответствовал законодательству по смыслу пункта 1 статьи 14, и приходит к выводу о нарушении в этом отношении положений данного пункта.

10.11 Автор заявил, что, поскольку обвинения против него были выдвинуты лишь 5 августа 1999 года (через 23 дня после его ареста), он был лишен возможности защищать себя лично надлежащим образом, что является нарушением пункта 3 а) статьи 14 Пакта. Он также утверждал, что в нарушение пункта 3 b) статьи 14 ему не было позволено видеться со своим адвокатом в период с 6 августа 1999 года по 18 сентября 1999 года во время его пребывания в больнице. Государство-участник опровергает эти утверждения и сообщает, что адвокат постоянно оказывал помощь автору, который был информирован как следственными органами, так и судом о своих процессуальных гарантиях защиты. На основании имеющихся материалов Комитет считает, что в этом отношении нарушений пунктов 3 а) и b) статьи 14 допущено не было.

10.12 Что касается утверждения автора в соответствии с пунктом 3 d) статьи 14 о том, что Верховный суд дважды отказал ему в его просьбе быть представленным Г. П., членом Белорусского Хельсинкского комитета, то Комитет принимает к сведению возражение государства-участника, согласно которому автор был представлен другим адвокатом, а Г. П. обращался с просьбой представлять автора только в своем качестве представителя НПО, и что он не имел лицензии на осуществление адвокатской деятельности в Беларуси. В ответном сообщении автор отмечает, что Г. П. являлся членом Российской гильдии адвокатов (г. Москва) и мог заниматься адвокатской практикой в Беларуси на основании соответствующего Соглашения СНГ. Однако он не опровергает сообщение государства-участника о том, что просил этого адвоката участвовать в судебном процессе не в качестве своего представителя, а в качестве представителя НПО. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу, что в отношении этого утверждения пункт d) статьи 14 не был нарушен.

10.13 Автор заявил, что его приговор не подлежал обжалованию и вступил в силу сразу после его вынесения. Государство-участник утверждает, что дело было проверено в надзорном порядке Верховным судом и что если бы Верховный суд установил факт нарушения закона, то приговор был бы отменен. В то же время Комитет отмечает, что в тексте приговора указано, что он не подлежит пересмотру судом более высокой инстанции. Проверка судебного решения в надзорном порядке, на которую ссылается государство-участник, применяется только к уже вступившим в силу судебным решениям и поэтому представляет собой особую процедуру обжалования, которая может

---

⁶ См. сообщение № 541/1993, *Эррол Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 года, пункт 6.2.

использоваться по усмотрению судьи или прокурора. В случае такой проверки она ограничивается только вопросами правовых норм и не допускает пересмотра фактов и доказательств. Комитет напоминает, что, даже если система апелляционного производства не может функционировать автоматически, право на апелляцию по смыслу пункта 5 статьи 14 налагает на государства-участники обязанность по существу пересматривать осуждение и приговор как с точки зрения достаточности доказательств, так и соблюдения законности⁷. При данных условиях Комитет считает, что пересмотр дел в надзорном порядке не может считаться "апелляционным производством" для целей пункта 5 статьи 14 и что это положение было нарушено⁸.

10.14 Наконец, в отношении сообщения автора в соответствии со статьей 19 о том, что он подвергался преследованию в связи с критикой некоторых позиций правительства, в частности в отношении последствий Чернобыльской аварии, Комитет отмечает, что государство-участник неоднократно подчеркивало, что автор был обвинен и осужден только за получение взяток. В связи с отсутствием другой соответствующей информации по этому вопросу и учитывая общий характер заявления автора, Комитет считает, что статья 19 Пакта нарушена не была.

11. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, выражает мнение, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав г-на Бандажевского в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пунктов 1 и 5 статьи 14 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Бандажевскому эффективное средство правовой защиты, включая соответствующую компенсацию. Государство-участник обязано также не допускать совершение подобных нарушений в будущем.

13. Принимая во внимание то, что, став стороной Факультативного протокола, государство-участник признало правомочность Комитета определять, имело ли место какое-либо нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и предоставлять эффективные и осуществимые средства правовой защиты в случае установления какого-либо нарушения. Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать Соображения Комитета.

---

⁷ См. *Алибоев против Таджикистана*, сообщение № 985/2001, Соображения, принятые 18 октября 2005 года; *Халилов против Таджикистана*, сообщение № 973/2001, Соображения, принятые 30 марта 2005 года; *Домуковский и др. против Грузии*, сообщения № 623-627/1995, Соображения, принятые 8 июля 2004 года и *Саидова против Таджикистана*, сообщение № 964/2001, Соображения, принятые 8 июля 2004 года.

⁸ См. Решение по делу *Гелазаускас против Литвы*, сообщение № 836/1998, Соображения, принятые 17 марта 2003 года, и *Домуковский и др. против Грузии*, сообщения № 623-624 и 627-628/1995, Соображения, принятые 6 апреля 1998 года.

Сообщения № 1108/2002 и 1121/2002

Представлены: г-ном Махмадимом Каримовым и г-ном Амоном Нурсатовым (адвокатом не представлены)

Предполагаемые жертвы: Айдамир Каримов (сын Махмадима Каримова), Сайдаброр Аскарлов, Абдумаджид Давлатов и Назар Давлатов (соответственно брат и двоюродные братья Нурсатова)

Государство-участник: Таджикистан

Дата принятия Сообщений: 27 марта 2007 года

Тема сообщения: вынесение смертного приговора после несправедливого судебного разбирательства и отсутствие юридического представительства по делу о преступлении, за которое по закону может быть назначена смертная казнь

Вопросы существа: пытки; несправедливое судебное разбирательство; право на жизнь; условия содержания под стражей

Процедурные вопросы: оценка фактов и доказательств; обоснованность жалобы

Статьи Пакта: 6; 7; 9; 10; 14

Статья Факультативного протокола: 2

Вывод: наличие нарушения (гг. Давлатовы: пункт 2 статьи 6; статья 7; пункт 3 г) статьи 14; статья 10 и пункт 2 статьи 14; гг. Каримов и Аскарлов: пункт 2 статьи 6; статьи 7 и 10 и пункты 2 и 3 b), d) и g) статьи 14)

1.1 Автором первого сообщения является Махмадим Каримов, гражданин Таджикистана, родившийся в 1950 году, который представляет сообщение от имени своего сына Айдамира Каримова, также гражданина Таджикистана, родившегося в 1975 году. Автором второго сообщения является г-н Амон Нурсатов, гражданин Таджикистана, родившийся в 1958 году, который представляет сообщение от имени своего брата Сайдаброра Аскарлова¹ и его двоюродных братьев Абдумаджида Давлатова и Назара Давлатова, граждан Таджикистана, родившихся в 1975 году. В момент представления сообщений все четыре предполагаемые жертвы ожидают приведения приговора в исполнение после того, как 27 марта 2007 года Военная коллегия Верховного суда приговорила их к смертной казни. Авторы заявляют о нарушениях Таджикистаном прав предполагаемых жертв, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 6; статьей 7; пунктами 1 и 2 статьи 9; статьей 10; пунктами 1 и 3 e) и g) статьи 14 Пакта². Кроме того, автор второго сообщения ссылается на нарушения пункта 3 b) и d) статьи 14 в отношении его брата Аскарлова; как представляется, в сообщении поднимаются аналогичные вопросы также в отношении Айдамира Каримова. Они не представлены адвокатом.

1.2 В соответствии с правилом 92 своих правил процедуры при регистрации этих сообщений Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, соответственно 19 августа (Каримов) и 25 сентября 2002 года (Аскарлов/Давлатовы) просил государство-участник не приводить в исполнение вынесенные предполагаемым жертвам смертные приговоры до тех пор, пока их дела находятся на рассмотрении в Комитете. Позднее государство-участник сообщило о том, что все смертные приговоры, вынесенные предполагаемым жертвам, были заменены 25 годами лишения свободы.

¹ Как автор сообщения, так и государство-участник используют две фамилии в отношении брата г-на Нурсатова: Сайдаброр Аскарлов и Саид Резвонзод.

² Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 4 апреля 1999 года.

Факты в изложении авторов

2.1 11 апреля 2001 года около 8 часов утра первый заместитель министра внутренних дел Таджикистана Хабиб Сангинов был застрелен в своем автомобиле неподалеку от своего дома в Душанбе. Вместе с ним также были убиты два его телохранителя и водитель автомашины. В течение 2001 года были арестованы семь лиц, подозреваемых в этих убийствах, включая предполагаемых жертв.

Дело Айдамира Каримова

2.2 В неуказываемую конкретно дату в начале июня 2001 года Айдамир Каримов был арестован в Москве по обвинению в террористической деятельности на основании ордера на арест, выданного прокуратурой Таджикистана, который был направлен российским властям. Он был передан таджикским властям и доставлен в Душанбе предположительно 14 июня 2001 года, однако его родственники были информированы об этом только через пять дней после прибытия.

2.3 В течение двух недель он содержался под стражей в помещениях управления внутренних дел Душанбе. Автор утверждает, что это здание не приспособлено для длительного содержания под стражей и что максимально разрешенный период содержания под стражей в нем составляет три часа. Его сын был переведен в изолятор временного содержания только через две недели (точная дата не указывается) и находился там на протяжении двух месяцев, в то время как предусмотренный законом максимальный срок содержания под стражей составляет 10 дней. Впоследствии он был переведен в следственный изолятор № 1 в Душанбе, однако систематически доставлялся в управление внутренних дел и подвергался длительным допросам, которые продолжались в течение всего дня и часто даже ночью. Его плохо кормили, и он не получал передач от семьи, вручавшихся властям.

2.4 11 сентября 2001 года его сыну были предъявлены официальные обвинения в совершении умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах с особой жестокостью и использованием взрывчатых веществ, в действиях в составе организованной группы, хищении оружия и взрывчатых веществ, незаконном приобретении оружия и взрывчатых веществ и преднамеренной порче имущества.

2.5 В ходе предварительного следствия сын автора предположительно подвергался пыткам с целью заставить его признать свою вину. Его избивали, били ногами по почкам и наносили удары дубинками. Как утверждается, он подвергался действию электрошока с использованием специальных электрических устройств: электрические провода прикреплялись к различным частям его тела (они помещались в рот и привязывались к зубам, а также к гениталиям). По словам автора, одним из тех, кто пытал его сына, был И. Р. - заместитель начальника управления уголовного розыска Душанбе. Его сыну также угрожали, что, если тот не признает свою вину, его родители также будут арестованы. Его сын серьезно воспринимал эти угрозы, поскольку ему было известно о том, что 27 апреля 2001 года уже были арестованы два его брата и отец, которые 28 мая 2001 года были освобождены. В этих обстоятельствах он сознался в совершении преступления и подписал признание вины (точная дата не указывается).

2.6 Автор утверждает, что никто из родственников не имел возможности увидеться с его сыном в первые два месяца с момента ареста. Его семья встретила с ним только один раз в ходе предварительного следствия в присутствии следователей.

2.7 По словам автора, следователи заранее планировали следственное действие - проверку показаний его сына на месте преступления. За два дня до фактической проверки его сына привезли на место преступления: здесь ему объяснили, где ему следует стоять, что он должен говорить, и показали его лицам, которые впоследствии указали на него при предъявлении для опознания.

Восстановление картины преступления предположительно имело место в присутствии 24 следователей, и его сын был вынужден повторить то, что ему предписали сказать ранее.

2.8 Автор утверждает, что следователи назначили для защиты его сына адвоката к моменту начала предварительного следствия, однако последний "действовал пассивно" и часто отсутствовал. По этой причине спустя два месяца после начала предварительного следствия автор обратился к услугам частного адвоката, с тем чтобы тот представлял его сына. Как утверждается, его сын незамедлительно отказался от своего признания и заявил о том, что оно было получено под пытками. Следователи якобы отказались зарегистрировать на видеокассете его отказ от показаний и включили в протоколы лишь краткое замечание.

2.9 Предварительное следствие завершилось 15 ноября 2001 года. Дело рассматривалось Военной коллегией Верховного суда³ в период с 8 января по 27 марта 2002 года. 27 марта 2002 года всем предполагаемым жертвам был вынесен смертный приговор. Автор заявляет о том, что судебное разбирательство дела его сына не было справедливым и что суд был пристрастным. В обоснование своих утверждений он заявляет о том, что:

a) суд отказался отдать распоряжение о снятии наручников с обвиняемых, в результате чего они не могли делать записи, хотя все они сидели в металлической клетке в зале суда. Принцип презумпции невиновности предполагаемых жертв был нарушен, поскольку руководитель службы безопасности генерал Сайдаморов заявил в суде о том, что снять наручники с обвиняемых не представляется возможным, так как они являются "опасными преступниками" и могут бежать из-под стражи;

b) по завершении предварительного следствия в обвинительном заключении, предъявленном сыну автора сообщения, содержалось только три пункта обвинения. В начале судебного процесса судья зачитал в отношении него два новых пункта обвинения; по словам автора, это представляет собой нарушение права его сына быть в срочном порядке информированным о предъявленных ему обвинениях;

c) на суде его сын отказался от своего признания и заявил о том, что он не виновен. Он утверждал, что в тот момент, когда было совершено преступление, он отсутствовал в Душанбе. Это заявление было подтверждено 15 свидетелями, которые дали показания о том, что в период с 7 по 22 апреля он находился в Пянджском районе. Как утверждается, эти показания не были приняты во внимание;

d) несколько свидетелей обвинения выступили с противоречивыми показаниями в отношении Каримова;

e) обвинение оказывало давление на свидетелей, ограничивало возможности адвокатов задавать вопросы и прерывало адвокатов и свидетелей, как утверждается, в агрессивной форме;

f) суд не провел объективного рассмотрения обстоятельств преступления - характера совершенного преступления или наличия причинно-следственных связей между действиями и их последствиями;

g) как утверждается, ни один из свидетелей не смог опознать обвиняемых в суде в качестве участников преступления;

---

³ Автор разъясняет, что это дело рассматривалось Военной коллегией в связи с тем, что один из обвиняемых являлся военнослужащим.

h) по словам автора сообщения, сам обвинительный приговор не отвечает требованиям соразмерности между тяжестью преступления и наказанием, поскольку тем, кого признали организаторами преступления, были назначены менее строгие меры наказания (от 15 до 25 лет тюремного заключения), чем тем, кого признали исполнителями преступления и приговорили к смертной казни.

2.10 29 апреля 2002 года Верховный суд, рассмотрев поданную апелляционную жалобу, подтвердил судебное решение от 27 марта 2002 года. 27 июня 2002 года Верховный суд отклонил просьбу о пересмотре судебного решения в порядке судебного надзора⁴.

Дело Сайдаброра Аскарлова и Абдумаджида и Назара Давлатовых

2.11 Автор второго сообщения г-н Нурсатов заявляет, что после убийства Сангинова были арестованы несколько подозреваемых лиц, включая его брата, Сайдаброра Аскарлова, и братьев Давлатовых, а также Каримова.

2.12 Автор утверждает, что после ареста Аскарлова (точная дата не указывается) последний на протяжении одной недели содержался под стражей в здании Министерства внутренних дел. Автор заявляет о том, что помещения Министерства не пригодны для длительного содержания под стражей. 4 мая 2001 года его брат был переведен в изолятор временного содержания, где он находился не в течение установленного законом времени, а до 24 мая 2001 года, а затем был переведен в следственный изолятор № 1. В течение первого месяца содержания под стражей Аскарлов подвергался длительным допросам в здании Министерства внутренних дел, которые длились в течение всего дня и часто даже ночью. Официальный протокол о его аресте, как утверждается, был составлен только 4 мая 2001 года, и в тот же день на основании принятого решения он был взят под стражу. Абдумаджид и Назар Давлатовы были направлены в изолятор временного содержания 5 мая, и 24 мая 2001 года они были переведены в следственный изолятор № 1.

2.13 Автор утверждает, что в течение первых трех дней содержания под стражей Аскарлова и братьев Давлатовых не кормили, но и давали лишь ограниченное количество воды. В последующий период времени они не получали достаточного количества пищи, а передачи, которые семья вручала властям, не доходили до заключенных.

2.14 По словам автора, его брата Аскарлова избивали и подвергали пыткам, с тем чтобы заставить его признать свою вину. Как утверждается, он подвергался действию электрошока с использованием специальных электрических устройств, и электрические провода вводились в рот и анус или же привязывались к зубам или гениталиям. Ему сломали один палец⁵. Кроме того, он подвергался психологическому давлению, поскольку его брат Амон (автор настоящего сообщения) был также арестован вместе с их другим братом, Хабибом, 27 апреля и содержался под стражей до 29 мая 2001 года и их четвертый брат, Сулеймон, был также арестован 27 апреля и выпущен на свободу лишь два месяца спустя. Аскарлову постоянно напоминали о том, что его братья арестованы. В связи с таким обращением Аскарлов и Давлатовы подписали признания в своей вине.

---

⁴ Процедуры пересмотра судебного решения в порядке судебного надзора предоставляют Председателю Верховного суда или Генеральному прокурору (или их заместителям) полномочия направлять (или не направлять) представление в суд о повторном рассмотрении дела (только по вопросам права и процедуры).

⁵ Автор утверждает, что один из тех, кто пытал его брата, был Расулов - заместитель начальника управления уголовного розыска Душанбе. Он каждый день посещал изолятор временного содержания, с тем чтобы удостовериться в том, "есть ли хорошие известия для него". Получив отрицательный ответ, он избивал Аскарлова.

2.15 Как утверждается, Аскарору было всего лишь один раз разрешено встретиться со своими родственниками на протяжении 10 минут в присутствии следователей спустя шесть месяцев после его ареста (точная дата не указывается). Назар Давлатов встретился со своими родственниками лишь в начале судебного процесса, в то время как Абдумаджид Давлатов увиделся с матерью лишь спустя шесть месяцев после ареста.

2.16 Автор утверждает, что его брат не был информирован о праве быть представленным адвокатом с момента ареста, а равно о праве иметь адвоката, назначаемого бесплатно в случае отсутствия финансовых средств. 23 июня 2001 года следователи назначили ему адвоката (Алиева). Спустя месяц семья обратилась к услугам частного адвоката Файзуллаева, поскольку все попытки встретиться с назначенными следователями адвокатом оказались безрезультатными. Как утверждается, новый адвокат отказался от ведения дела под давлением следователей, поскольку он подал Генеральному прокурору жалобу по поводу незаконности обвинений, предъявленных Аскарору. Затем они в частном порядке наняли третьего адвоката.

2.17 В суде Аскароров и братья Давлатовы отказались от своих признаний. Они заявили, что они невиновны, и указали, что в период с 9 по 14 апреля 2001 года находились в Пянджском районе. Их слова были подтверждены пятью свидетелями. Суд пришел к выводу о том, что заявления в суде, включая утверждение о применении пыток, были сделаны для того, чтобы избежать уголовной ответственности.

2.18 Автор предъявляет претензии, аналогичные тем, которые были заявлены от имени Каримова (пункт 2.9, подпункты e)-h) выше).

2.19 29 апреля 2002 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда подтвердила судебное решение, вынесенное в отношении в отношении Аскаророва и братьев Давлатовых.

Жалоба

Дело Каримова

3.1 Автор заявляет, что в нарушение положений статьи 7 и пункта 3 g) статьи 14 его сына избивали, пытали и на него оказывали психологическое давление и тем самым принуждали признать себя виновным.

3.2 Были нарушены права его сына по пунктам 1 и 2 статьи 9, поскольку он был арестован незаконно и ему не предъявлялись обвинения в течение длительного времени с момента ареста.

3.3 Он заявляет, что в нарушение положений статьи 10 на начальном этапе условия содержания его сына под стражей были неприемлемыми. Сын не получал достаточного количества пищи, а передачи, направляемые семьей, ему не вручались.

3.4 Автор далее утверждает, что права его сына, предусмотренные в пункте 1 статьи 14, были нарушены, поскольку судебное разбирательство было пристрастным. Вопреки положениям пункта 2 статьи 14 был нарушен принцип презумпции невиновности его сына, поскольку высокопоставленный служащий полиции заявил в суде, что обвиняемые являются "опасными преступниками". Он добавляет, что были нарушены положения пункта 3 e) статьи 14, поскольку показания свидетелей его сына были отклонены просто под предлогом того, что они являются ложными.

3.5 И наконец, утверждается, что были нарушены права Каримова, предусмотренные в пунктах 1 и 2 статьи 6, поскольку он был приговорен к смертной казни после несправедливого судебного разбирательства его дела в нарушение статьи 14 Пакта.

3.6 Хотя автор не ссылается конкретно на положения пунктов 3 b) и d) статьи 14, в сообщении, как представляется, имеются основания для возникновения связанных с этими положениями вопросов применительно к Каримову.

Дело Аскарлова и братьев Давлатовых

3.7 Г-н Нурсатов заявляет о нарушении положений статьи 7 и пункта 3 g) статьи 14, поскольку его брат Аскарлов и двоюродные братья Абдумаджид и Назар Давлатов подвергались пыткам и принуждались признать свою вину.

3.8 По их делам были нарушены положения пунктов 1 и 2 статьи 9, поскольку они содержались под стражей на протяжении длительных периодов времени без предъявления обвинений при аресте.

3.9 Автор заявляет о том, что права его брата и двоюродных братьев, предусмотренные в статье 10 Пакта, также были нарушены, поскольку на начальном этапе задержания они находились в помещениях, которые не пригодны для длительного содержания под стражей, их не кормили и они получали только ограниченное количество воды, а передачи, подготовленные для них семьей, так и не вручались им.

3.10 Автор заявляет о том, что в нарушение положений пункта 1 статьи 14 судебное разбирательство их дел было пристрастным. Он добавляет, что были нарушены положения пункта 2 статьи 14, поскольку высокопоставленный служащий сил безопасности заявил в суде, что обвиняемые являются "опасными преступниками".

3.11 По словам автора, вопреки положениям пункта 3 b) и d) были нарушены права его брата и двоюродных братьев на защиту.

3.12 Как утверждает, Аскарлов и братья Давлатовы являются жертвами нарушения положений пункта 3 e) статьи 14, поскольку показания свидетелей в их пользу были отклонены под предлогом того, что они являются "ложными".

3.13 И наконец, автор заявляет о том, что были нарушены права Аскарлова и братьев Давлатовых, предусматриваемые в пунктах 1 и 2 статьи 6, поскольку они были приговорены к смертной казни после судебного разбирательства, не отвечавшего требованиям статьи 14.

Замечания государства-участника

Дело Каримова

4.1 20 февраля 2003 года государство-участник информировало Комитет о том, что на основании постановления Президиума Верховного суда от 3 декабря 2002 года смертный приговор, вынесенный Каримову, был заменен наказанием в виде лишения свободы на срок в 25 лет.

4.2 3 апреля 2006 года государство-участник представило свои замечания по существу дела. По заявлению государства-участника, Верховный суд изучил это уголовное дело и напомнил о том, что сын автора сообщения был признан виновным во многих преступлениях, включая убийство, совершенных вместе с обвиняемыми Ревзонзодом (Аскарловым), Давлатовыми, Мирзоевым и Йормахмадовым, и 27 марта 2000 года был приговорен к смертной казни.

4.3 Убитый был лидером оппозиционного движения и членом национальной примирительной комиссии, созданной в 1997 году. После того как в июне 1999 года комиссия возобновила свою работу, он был назначен первым заместителем министра внутренних дел. Занимая эту должность, он предпринял ряд шагов по обезвреживанию вооруженных оппозиционных групп. Таким образом, он стал объектом покушений с целью убийства.

4.4 Как было заявлено в Суде, Каримов и другие, проходившие по делу, были признаны виновными в убийстве, хищении оружия и боеприпасов, деятельности в составе организованной группы, грабеже, преднамеренной порче имущества и незаконном приобретении, хранении и ношении оружия и боеприпасов. Их вина была установлена не только на основании признательных показаний, данных на этапе предварительного следствия; она была подтверждена показаниями многих свидетелей, а также материалами следственных действий: предъявления для опознания, очных ставок, воссоздания картины преступления, проверки показаний на месте, изъятия оружия, боеприпасов (пуль), заключениями ряда судебно-медицинских экспертов и экспертов-криминалистов и другими собранными доказательствами. Действия Каримова были правильно квалифицированы согласно действующему законодательству, а назначенная ему мера наказания пропорциональна тяжести и последствиям совершенных деяний.

4.5 По мнению Суда, утверждения автора о том, что его сын не участвовал в преступлении, но был вынужден признать себя виновным в ходе предварительного следствия, и что суд вынес ему приговор, основываясь на ложных и сомнительных доказательствах, не подтверждаются и опровергаются материалами дела.

4.6 По мнению государства-участника, утверждения автора о том, что его сына избивали и что он был незаконно помещен под арест в течение длительного периода времени с тем, чтобы принудить его признать себя виновным, были отклонены и не подтверждаются обстоятельствами и материалами этого уголовного дела. Из материалов дела следует, что Каримов уехал в Российскую Федерацию после того, как имело место это преступление. 4 мая 2001 года таджикская прокуратура заочно обвинила его в террористической деятельности и выдала ордер на его арест. В этой связи он был арестован в Москве 14 июня 2001 года. 25 июня 2001 года он был доставлен в Душанбе. Государство-участник, не представляя каких-либо документальных доказательств, утверждает, что Каримов по прибытии в Душанбе был освидетельствован врачом, который сделал вывод о том, что на его теле отсутствуют какие-либо повреждения в результате жестокого обращения. 28 июня 2001 года в присутствии адвоката Каримов подробно описал события на месте совершения преступления, и 30 июня 2001 года в ходе очной ставки с обвиняемым Мирзоевым, опять-таки в присутствии адвокатов, оба подтвердили, что участвовали в этом преступлении.

4.7 3 июля 2001 года Каримову был назначен новый адвокат и в присутствии последнего в ходе воссоздания картины преступления на месте его совершения Каримов подробно разъяснил, каким образом он совершил его.

4.8 Государство-участник, и теперь не представляя каких-либо документальных доказательств, заявляет о том, что 9 июля 2001 года Каримов был вновь освидетельствован врачом, заключение которого имеется в материалах дела и говорит о том, что на теле Каримова не обнаружено каких-либо следов побоев или каких-либо телесных повреждений.

Дела Аскарлова и братьей Давлатовых

5. 27 июля 2004 года государство-участник информировало Комитет о том, что после президентского помилования смертные приговоры, вынесенные в отношении Аскарлова и Давлатовых, были заменены наказанием в виде длительного лишения свободы. Несмотря на то, что государству-участнику был направлен ряд просьб (10 марта 2003 года, 20 сентября 2004 года, 17 ноября 2005 года и 30 ноября 2006 года) о представлении замечаний по существу сообщения, от него так и не было получено какой-либо дополнительной информации.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из правила 93 своих правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что, как это предусматривается пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, этот вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой международной процедурой.

6.3 Авторы утверждают, что права предполагаемых жертв, предусмотренные в пунктах 1 и 2 статьи 9, были нарушены, те были арестованы незаконно и на протяжении длительного периода времени содержались под стражей без предъявления обвинений. Что касается Каримова, то государство-участник утверждает, что после возбуждения уголовного дела об убийстве и в свете показаний других проходивших по делу граждан ему было предъявлено обвинение в участии в убийстве, в связи с чем был выдан ордер на его розыск. Государство-участник не представило замечаний по этому вопросу в отношении брата и двоюродных братьев Нурсатова. Однако Комитет отмечает, что имеющиеся в его распоряжении материалы не позволяют ему установить точную дату их соответствующего ареста и что по-прежнему не ясно, учитывались ли когда-либо эти утверждения в суде. В этих обстоятельствах Комитет считает, что данная часть сообщения является необоснованной для целей приемлемости и поэтому неприемлема в соответствии со статьей 2 и пунктом 2 б) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 Оба автора заявляют, что в нарушение положений пункта 1 статьи 14 Пакта судебное разбирательство этих дел не отвечало требованиям справедливости и что суд был пристрастным (пункты 2.9 и 2.18 выше). Государство-участник не представило своих замечаний по этим утверждениям. Однако Комитет отмечает, что все эти утверждения относятся главным образом к оценке фактов и доказательств судом. Он напоминает о том, что, как правило, именно суды государств-участников оценивают факты и доказательства в том или ином конкретном деле, кроме тех случаев, когда может быть установлено, что оценка была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии⁶. Однако оценка того, проводилось ли судебное разбирательство в соответствии со статьей 14 Пакта, входит в компетенцию Комитета. Тем не менее в данном случае Комитет считает, что авторам не удалось в достаточной степени обосновать свои жалобы по этому положению и что поэтому эта часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.5 Авторы также заявляют, что в нарушение требований пункта 3 е) статьи 14 суд заслушал показания свидетелей защиты предполагаемых жертв, но просто не принял их во внимание. Государство-участник не представило каких-либо замечаний в этом отношении. Однако Комитет отмечает, что имеющиеся в его распоряжении материалы свидетельствуют о том, что суд действительно оценил данные показания и пришел к выводу о том, что они используются как некая стратегия защиты. Кроме того, эти утверждения относятся главным образом к оценке фактов и доказательств судом. Комитет вновь повторяет, что, как правило, именно суды государств-участников оценивают факты и доказательства, кроме тех случаев, когда может быть установлено, что эта оценка была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. В отсутствие другой соответствующей информации, которая свидетельствовала бы о том, что оценка доказательств действительно была отмечена такими недостатками в данном деле, Комитет считает эту часть сообщения неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

---

⁶ См., в частности, сообщение № 541/1993 *Эррол Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 года, пункт 6.2.

6.6 Комитет считает, что остальная часть утверждений г-на Каримова и г-на Нурсатова, в связи с которыми возникают вопросы по статье 6, статье 7 в сочетании с пунктом 3 г) статьи 14, пункту 2 статьи 14, и статье 10 в отношении всех четырех предполагаемых жертв, а также по пункту 3 б) и д) статьи 14 в отношении гг. Каримова и Аскаророва, в достаточной степени обоснована для целей приемлемости, и объявляет утверждения приемлемыми.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Авторы заявляют о том, что следователи избивали и подвергали пыткам предполагаемых жертв с тем, чтобы заставить их признать свою вину. Эти жалобы были представлены как в суде, так и в контексте настоящих сообщений. В отношении дела г-на Каримова государство-участник ответило, что эти утверждения не подкрепляются материалами дела и что предполагаемая жертва была дважды освидетельствована врачами, которые не обнаружили каких-либо следов пыток. Государство-участник никак не комментирует утверждения о пытках, представленные от имени г-на Аскаророва и братьев Давлатовых. В отсутствие какой-либо другой соответствующей информации со стороны государства-участника утверждения авторов сообщения заслуживают придания им должного значения. Комитет напоминает, что после подачи жалобы о жестоком обращении в нарушение положений статьи 7 государство-участник обязано безотлагательно и беспристрастно расследовать подданную жалобу⁷. В данном случае авторы представили достаточно подробное описание пыток, которым подвергались г-да Каримов, Аскаророва и братья Давлатовы, и указали ряд виновных в этом следователей. Комитет считает, что с учетом обстоятельств этого дела государство-участник не смогло доказать, что его органы должным образом отреагировали на утверждения о применении пыток, выдвинутые авторами. В данных обстоятельствах Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении положений статьи 7 в сочетании с пунктом 3 г) статьи 14 Пакта.

7.3 Оба автора заявляют, что условия содержания под стражей в помещениях Министерства внутренних дел являлись неприемлемыми с учетом длительного периода содержания под стражей. Они указывают на то, что предполагаемые жертвы незаконно содержались под стражей в течение периода времени, значительно превышающего установленные законом сроки содержания под стражей в помещениях Министерства внутренних дел и в изоляторе временного содержания. В течение этого времени предполагаемым жертвам не вручались передачи, посылаемые их семьями, а количество пищи, выдаваемой в местах содержания под стражей, являлось недостаточным. Кроме того, г-на Аскаророва и братьев Давлатовых не кормили в течение первых трех дней с момента их ареста. Государство-участник не представило каких-либо замечаний по этим утверждениям. В этих обстоятельствах утверждения авторов сообщений заслуживают придания им должного значения. Поэтому Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав г-на Каримова, г-на Аскаророва и братьев Давлатовых, предусмотренных в статье 10 Пакта.

7.4 Г-н Каримов и г-н Нурсатов заявляют о том, что был нарушен принцип презумпции невиновности предполагаемых жертв, поскольку в зале суда они были помещены в металлическую клетку, а их руки были скованы наручниками. В начале судебного разбирательства высокопоставленное должностное лицо публично заявило о том, что снять с них наручники не представляется возможным, поскольку все они являются опасными преступниками и могут бежать из-под стражи. Государство-участник не представило каких-либо замечаний, опровергающих эту часть жалобы авторов. В данных обстоятельствах утверждения авторов заслуживают придания им должного значения. Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав предполагаемых жертв, предусмотренных в пункте 2 статьи 14 Пакта.

---

⁷ Замечание общего порядка по статье 7, № 20 [44], принятое 3 апреля 1992 года, пункт 14.

7.5 Оба автора ссылаются на нарушения пунктов 3 b) и d) статьи 14. Автор первого сообщения указывает на нарушение права Каримова на защиту, поскольку, хотя ему и был назначен адвокат в начале предварительного следствия, этот адвокат лишь изредка участвовал в следственных процедурах, в связи с чем для представительства его сына был нанят частный адвокат. Г-н Нурсатов заявляет о том, что его брату Аскаркову не был предоставлен адвокат в начале расследования его дела, хотя ему грозила смертная казнь; когда адвокат был ему назначен, действия этого адвоката оказались неэффективными; адвокат же, нанятый частным образом его семьей, впоследствии был вынужден отказаться от участия в рассмотрении этого дела. Государство-участник не опровергает данные утверждения; в этих обстоятельствах Комитет делает вывод о том, что, поскольку они надлежащим образом обоснованы, они заслуживают придания им должного значения. Комитет ссылается⁸ на свою правовую практику, предусматривающую, что адвокат должен оказывать эффективную помощь обвиняемому на всех стадиях уголовного преследования, особенно в тех случаях, когда последнему может быть назначено наказание в виде смертной казни. В обстоятельствах данного дела Комитет приходит к выводу о том, что были нарушены права г-на Каримова и г-на Аскаркова, предусмотренные в пунктах 3 b) и d) статьи 14.

7.6 Комитет напоминает, что вынесение смертного приговора по завершении судебного разбирательства, которое не отвечало требованиям справедливости, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта. В данном случае смертный приговор был вынесен всем жертвам в нарушение положений статьи 7 в сочетании с пунктом 3 g) статьи 14, а также пункта 2 статьи 14 Пакта. Кроме того, в отношении как г-на Каримова, так и г-на Аскаркова смертный приговор был вынесен в нарушение гарантий справедливого судебного разбирательства, установленных в пунктах 3 b) и d) статьи 14 Пакта. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что были также нарушены права предполагаемых жертв, предусмотренные в пункте 2 статьи 6 Пакта.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав гг. Давлатовых, предусмотренных в пункте 2 статьи 6, статье 7 и пункте 3 g) статьи 14, рассматриваемых совместно; статье 10 и пункте 2 статьи 14; а также прав гг. Каримова и Аскаркова, предусмотренных в пункте 2 статьи 6, статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 g) статьи 14, статье 10 и пунктах 2 и 3 b) и d) статьи 14 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить гг. Каримову, Аскаркову и Абдумаджиду и Назару Давлатовым эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию. Государство-участник обязано также избегать подобных нарушений Пакта в будущем.

10. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось гарантировать всем лицам на его территории или под его юрисдикцией права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и обеспеченные санкцией закона средства правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение Соображений Комитета. Комитет также просит государство-участник опубликовать его Соображения.

---

⁸ См., например, сообщение 781/1997, *Алиев против Украины*, соображения, принятые 7 августа 2003 года, пункт 7.2.

Сообщение № 1123/2002

Представлено: Карлушем Коррея ди Матушем (адвокатом не представлен)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Португалия

Дата принятия Сообщений: 28 марта 2006 года

Тема сообщения: право защищать себя лично

Процедурные вопросы: статус "жертвы"; амнистия; окончательное решение о неприемлемости Европейского суда по правам человека; исчерпание внутренних средств правовой защиты, тесно связанное с вопросами существа

Вопросы существа: право защищать себя лично; справедливое судебное разбирательство; надлежащее отправление правосудия

Статьи Пакта: пункт 3 d) статьи 14

Статьи Факультативного протокола: пункт 2 а) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (пункт 3 d) статьи 14)

1. Автором сообщения является г-н Карлуш Коррея ди Матуш, гражданин Португалии, родившийся 25 февраля 1944 года в Виана-ду-Каштелу (Португалия). Он утверждает, что стал жертвой нарушения Португалией положений пункта 3 d) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор не представлен адвокатом. Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Португалии соответственно 15 июня 1978 года и 3 мая 1983 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор является аудитором и адвокатом в Португалии. Однако его регистрация в списке адвокатов была приостановлена на основании решения коллегии адвокатов от 24 сентября 1993 года, которая сочла осуществление деятельности адвоката несовместимым с деятельностью аудитора.

2.2 4 июля 1996 года судом города Понти-ди-Лима в отношении автора было вынесено постановление. Он был обвинен в нанесении оскорбления членам суда. Следственный судья назначил ему адвоката вопреки его желанию, поскольку автор сообщения считал себя вправе защищать себя лично.

2.3 Автор обжаловал постановление следственного судьи (*despacho de pronúncia*) в апелляционный суд города Порту (*Tribunal de Relação do Porto*). Однако следственный судья объявил апелляцию неприемлемой в связи с тем, что она была подана не адвокатом, а автор сообщения не может самостоятельно обеспечивать свою защиту. Протест автора сообщения, направленный Председателю апелляционного суда, был отклонен по этой же причине.

2.4 После этого автор обратился с жалобой в предусмотренном Конституцией порядке в Конституционный суд. Определением от 16 мая 1997 года Председатель апелляционного суда установил, что решение по поднятому автором сообщения вопросу, т.е. в отношении невозможности самостоятельно обеспечивать свою защиту, должно быть принято Конституционным судом, и предписал таким образом передать жалобу по подсудности.

2.5 23 сентября 1997 года судья-докладчик Конституционного суда, констатировав приостановление регистрации автора сообщения в списке адвокатов, предложил ему назначить адвоката в соответствии с законом о структуре суда. 6 октября 1997 года автор сообщения заявил,

что предписание, обязывающее назначить ему адвоката, противоречит Конституции, и потребовал рассмотрения своей жалобы. Постановлением от 4 ноября 1997 года судья-докладчик определил, что рассматриваемое предписание не противоречит Конституции и вновь предложил автору сообщения назначить адвоката под угрозой отказа в рассмотрении жалобы Судом. 19 ноября 1997 года автор потребовал рассмотрения вопроса судейской коллегией.

2.6 Постановлением от 13 октября 1999 года судейская коллегия подтвердила определение от 4 ноября 1997 года, подчеркнув, что ни рассматриваемое предписание в отношении структуры Конституционного суда, ни положения Гражданского процессуального кодекса не противоречат Конституции. Вследствие этого Конституционный суд предложил автору сообщения назначить адвоката.

2.7 Тем временем суд города Понти-ди-Лима назначил судебное заседание на 15 декабря 1998 года. При открытии заседания автор сообщения заявил, что ранее он просил разрешить ему защищать себя лично, в чем ему было отказано судьей. После этого ему был назначен адвокат.

2.8 Решением от 21 декабря 1998 года суд признал автора виновным и приговорил его к 170 штрафо-дням, т.е. к выплате 600 000 португальских эскудо соответствующему судье в порядке возмещения.

2.9 Автор сообщения обжаловал это судебное решение. Судья постановил не передавать дело в апелляционный суд, посчитав, что речь идет лишь о простом изложении автором положений статьи 98 Уголовно-процессуального кодекса. Вторая жалоба, поданная на этом же основании, была отклонена судебным постановлением 23 марта 1999 года. 18 января 2001 года автор сообщения в последний раз обжаловал судебное постановление от 4 января 2001 года, и дело было передано в апелляционный суд 7 февраля 2001 года. Судья-председатель апелляционного суда подтвердил 12 июня 2001 года, что дело по-прежнему находится на рассмотрении Третьей палаты суда (дело № 268/01).

2.10 12 мая 1999 года был принят закон об амнистии № 29/99. Полагая, что этот закон должен быть применен в данном конкретном случае, судья суда города Понти-ди-Лима вынес 3 декабря 1999 года решение о снятии наказания в отношении автора. Однако 14 августа 2000 года автор узнал об исполнении введенной прокуратурой процедуры наказания, предусматривающей выплату определенной суммы соответствующему судье в порядке возмещения.

2.11 2 февраля 2000 года на основании ходатайства автора судья-докладчик Конституционного суда объявил о прекращении дела по данной жалобе, которая все еще находилась на рассмотрении этого суда.

Жалоба

3.1 Автор сообщения жалуется на то, что ему не было разрешено защищать себя лично в нарушение положений пункта 3 d) статьи 14 Пакта, и считает, что по отношению к нему не был соблюден принцип справедливого судебного разбирательства.

3.2 17 апреля 1999 года автор подал также жалобу в Европейский суд по правам человека, который вынес частичное решение о неприемлемости 14 сентября 2000 года¹ и окончательное решение о неприемлемости 15 ноября 2001 года² на том основании, что жалоба является необоснованной.

---

¹ *Карлуш Коррея ди Матуш против Португалии* (решение), № 48188/99, 14 сентября 2000 года.

² *Карлуш Коррея ди Матуш против Португалии* (решение), № 48188/99, ЕКПЧ 2001-ХІІ.

Представления государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1 В вербальной ноте от 3 января 2003 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения. Во-первых, в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола и в правиле 96 е) [прежнее правило 90 е)] правил процедуры Комитета указано, что Комитет не может рассматривать жалобу, уже рассмотренную в соответствии с другой процедурой международного разбирательства. Следовательно, если жалоба автора была также направлена в Европейский суд по правам человека, который уже представил свое заключение относительно приемлемости и существа жалобы, государство-участник считает, что Комитет не может рассматривать настоящую жалобу, в частности потому, что это может привести к возникновению коллизии между решениями международных инстанций.

4.2 Во-вторых, автор допустил несоблюдение правила, которое обязывало его подавать свою жалобу до истечения шестимесячного срока, начиная с даты вынесения внутреннего окончательного решения. В-третьих, автор не квалифицируется в качестве жертвы, поскольку он воспользовался в рамках судебного процесса амнистией, которая ликвидировала правовые последствия осуждения.

4.3 Наконец, автор не исчерпал все внутренние средства правовой защиты, поскольку его отказ от назначения адвоката не позволил Конституционному суду, в который он обратился, рассмотреть его жалобу. По мнению государства-участника, автор, направив жалобу в Конституционный суд в неустановленном порядке, воспрепятствовал рассмотрению вопроса и тем самым не исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

4.4 В своих замечаниях от 1 апреля 2003 года государство-участник подтверждает доводы, которые оно привело в обоснование неприемлемости сообщения, и представляет комментарии по существу вопроса. Государство-участник подчеркивает, что право защищать себя лично, предусмотренное пунктом 3 d) статьи 14 Пакта, предполагает отсутствие препятствий для реализации обвиняемым возможности защищать себя лично. Это означает, что обвиняемый должен быть способен представить собственное видение фактов, ему не должен официально назначаться адвокат и он должен иметь возможность свободно выбрать своего защитника.

4.5 Государство-участник уточняет, что право защищать себя лично гарантировано португальским уголовно-процессуальным правом. Статьи 138 и 140 Уголовно-процессуального кодекса предоставляют обвиняемому возможность быть заслушанным и излагать непосредственно и лично свою позицию относительно фактов, а статья 332 этого же кодекса требует присутствия обвиняемого в суде.

4.6 По мнению государства-участника, необходимо проводить различие между личной защитой, позволяющей обвиняемому быть заслушанным и излагать непосредственно свою позицию, и технической защитой, которая должна быть обеспечена адвокатом на определенных этапах судопроизводства (судебное заседание, подача жалобы и т.д.). Право защищать себя лично не является абсолютным, и государства могут при определенных обстоятельствах предписывать обязательное представительство обвиняемого адвокатом³. Хотя в пункте 3 d) статьи 14 Пакта признано право любого обвиняемого самостоятельно обеспечивать свою собственную защиту или пользоваться помощью защитника, в нем не уточняются условия реализации этого права, и государствам-участникам предоставляется возможность выбора средств, позволяющих гарантировать это в рамках их судебной системы.

4.7 Государство-участник утверждает, что требование присутствия адвоката на определенных этапах судебного разбирательства представляет собой адекватное и достаточно эффективное

---

³ Государство-участник ссылается на комментарии Иренеу Кабралю Баретто в Европейском суде по правам человека (2-е издание, стр. 168 и 169) и на дело *Круассан против Германии*, 25 сентября 1992 года (серия А № 237-В).

средство, позволяющее государствам предоставлять дополнительные гарантии и осуществлять защиту обвиняемого при более строгом соблюдении закона с учетом природы и специфического характера вопросов, поднимаемых в рамках уголовного процесса.

Комментарии автора по представлениям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 4 августа 2003 года автор оспаривает доводы государства-участника. Прежде всего он считает, что португальский Уголовно-процессуальный кодекс отступает от статьи 14 Пакта, предусматривая, что в некоторых случаях, в частности в ходе судебных заседаний и в момент подачи жалобы, присутствие адвоката является обязательным и что, если обвиняемый не назначает адвоката, его должен назначить судья. Автор ссылается также на судебную практику португальского Верховного суда (Supremo Tribunal de Justiça), в соответствии с которой обвиняемый не может лично выступать в ходе уголовного процесса, даже если он является адвокатом или членом суда. Наконец, автор считает, что ссылка государства-участника на решение Европейского суда по правам человека по делу *Круассан против Германии* (25 сентября 1992 года) в данном случае неприемлема, поскольку по этому делу Суд принял решение, согласно которому назначение третьего адвоката заявителю, не желавшему обеспечивать собственную защиту лично, не противоречило Европейской конвенции.

5.2 В отношении вопроса о приемлемости автор поясняет, что жалоба, которую он подал в Комитет, отличается от дела, которое рассматривалось Европейским судом. Прежде всего Суд рассмотрел только случаи, которые имели отношение к постановлению суда первой инстанции от 15 декабря 1998 года. Однако впоследствии автор обжаловал в апелляционном порядке это постановление и до сих пор ожидает решения. Кроме того, поднятый правовой вопрос имеет отношение к статье 14 Пакта, а не к статье 6 Европейской конвенции по правам человека; то есть речь идет о положениях, имеющих различное содержание. По мнению автора сообщения, помимо нарушений основных гарантий, о которых говорится в подпунктах d) и e) пункта 3 статьи 14, речь также идет о нарушении пунктов 1 и 5 этой же статьи, а именно права на справедливое разбирательство в рамках апелляционного производства при рассмотрении вопроса об оспаривании гражданских обязательств, возникающих в уголовном процессе в результате незаконного осуждения.

5.3 Наконец, пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола к Пакту запрещает Комитету рассматривать какое бы то ни было сообщение, если этот же вопрос, как и вопрос, поднятый в настоящем сообщении, "рассматривается", а "не рассматривался", в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

5.4 Автор напоминает, что правило, в соответствии с которым жалоба должна быть подана до истечения шести месяцев начиная с даты вынесения последнего окончательного решения, не применяется в Комитете. Что касается квалификации автора в качестве жертвы, то, поскольку амнистия, предоставленная ему судом Понти-ди-Лима 3 декабря 1999 года, не ликвидировала правовых последствий осуждения, автор остается обязанным возместить ущерб соответствующему судье и в этой связи продолжает требовать признания за ним статуса жертвы.

5.5 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты автор признает, что не исчерпал внутренних средств правовой защиты, учитывая протест, который он подал 18 января 2001 года. Однако он подтверждает, хотя и не подает жалобу в отношении нарушения пункта 3 с) статьи 14 Пакта, что ожидает решения апелляционного суда более четырех лет, и настаивает на том, что сроки применения этой процедуры правовой защиты неоправданно затянуты. Он также объясняет, что поднимал перед Конституционным судом вопрос о праве на самостоятельную защиту и что названный Суд в своем решении не учел тот факт, что приостановление регистрации автора в списке адвокатов было незаконным.

5.6 По существу вопроса автор показывает явное нарушение пункта 3 d) статьи 14 в португальском законодательстве, тогда как законодательство других государств⁴ предоставляет обвиняемым возможность защищать себя лично. В юридическом отношении решение португальских судов назначить ему адвоката против его воли является также нарушением положений пункта 3 d) статьи 14. Автор отмечает необходимость установления различия между личной защитой и технической защитой, которая в обязательном порядке должна быть обеспечена адвокатом. Однако он считает, что личная защита в том виде, в каком ее гарантирует португальское законодательство, отводит обвиняемому пассивную роль, и утверждает, что ограничение права на самостоятельное обеспечение собственной защиты не должно применяться в случаях, когда обвиняемый сам является адвокатом.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии со статьей 93 своих правил процедуры определить, является ли данное сообщение приемлемым по смыслу Факультативного протокола к Пакту.

6.2 Комитет не может принять довод о неприемлемости сообщения, представленный государством-участником, которое делает вывод о неправомерности Комитета, ссылаясь на то, что настоящее сообщение уже было рассмотрено Европейским судом по правам человека, поскольку, с одной стороны, пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола применяется лишь в том случае, когда какой-либо вопрос, аналогичный вопросу, содержащемуся в сообщении, "рассматривается" в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, и, с другой стороны, Португалией не были высказаны никакие оговорки в отношении пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

6.3 Что касается квалификации автора в качестве жертвы, то Комитет принял к сведению довод государства-участника, в соответствии с которым автор не может считать себя "жертвой" по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, поскольку он воспользовался амнистией, которая ликвидировала правовые последствия его осуждения. Комитет отмечает, что амнистия, объявленная судом Понти-ди-Лима 3 декабря 1999 года, не отменила судебное решение об обязанности автора возместить ущерб. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что автор сообщения может требовать признания себя жертвой нарушения Пакта.

6.4 Что касается довода государства-участника в отношении шестимесячного срока для представления сообщений, Комитет подчеркивает, что это правило непосредственно не предусмотрено Факультативным протоколом и не установлено Комитетом, в связи с чем не может применяться в данном случае.

6.5 Относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет принял к сведению довод государства-участника, утверждающего, что, если заявление по вопросу о невозможности для автора защищать себя лично, поданное в Конституционный суд, не смогло быть рассмотрено, то это произошло в результате того, что автор не выбрал себе адвоката и поэтому не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Приняв также к сведению доводы автора, Комитет констатирует, что Конституционный суд отказался рассмотреть заявление лишь на том основании, что автор не выбрал себе адвоката и просил разрешить ему защищать себя лично. В этих условиях Комитет считает, что вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты тесно связан с выяснением того обстоятельства, мог ли автор претендовать на самостоятельное обеспечение собственной защиты в рамках возбужденного против него уголовного разбирательства. Комитет считает, что эти доводы следует изучить при рассмотрении существа сообщения.

---

⁴ Например, Китай, Швеция и Швейцария.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принял к сведению доводы государства-участника, согласно которым статьи 138-140 португальского Уголовно-процессуального кодекса гарантируют право защищать себя лично, и ссылки на решение Европейского суда по правам человека. Государство-участник утверждает, что право защищать себя лично не является абсолютным, и в этом отношении проводит различие между личной защитой (позволяющей обвиняемому быть заслушанным и излагать собственную позицию в отношении фактов по делу) и технической защитой (которая должна быть обеспечена адвокатом на определенных стадиях судебного процесса). Кроме того, государство-участник считает, что пункт 3 d) статьи 14 Пакта не уточняет условия реализации права защищать себя лично и предоставляет государствам-участникам возможность выбора средств, позволяющих гарантировать это право в рамках их правовых систем. Наконец, Комитет принимает к сведению позицию автора, самого являющегося адвокатом, и подчеркивает, что он имеет абсолютное право самостоятельно защищать себя на всех этапах уголовного процесса, в противном случае справедливость процесса может быть поставлена под сомнение.

7.3 Комитет отмечает, что в пункте 3 d) статьи 14 Пакта предусмотрено, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право "защищать себя лично" или "защищать себя через посредство выбранного им самим защитника". Оба вида защиты не являются взаимоисключающими. Лица, пользующиеся консультацией адвоката, сохраняют за собой право действовать самостоятельно, быть заслушанными и представлять свое мнение в отношении фактов. В то же время Комитет считает, что содержащаяся в Пакте формулировка ясна на всех официальных языках в том смысле, что она предоставляет обвиняемому возможность защищать себя лично "или защищать себя через посредство выбранного им самим защитника", исходя из права на защиту. Фактически любой обвиняемый, считающий, что ему навязывают адвоката, которого он не желает и которому он не доверяет, может потерять способность эффективно защищать себя, поскольку этот адвокат не будет являться его помощником. Таким образом, право на самостоятельное обеспечение собственной защиты, являющееся краеугольным камнем правосудия, может оказаться нарушенным, если обвиняемому назначают адвоката, которого он не желает.

7.4 В то же время право защищать себя лично без адвоката не является абсолютным. В сочетании с оценкой важности доверительных отношений между обвиняемым и адвокатом в интересах правосудия может потребоваться назначение адвоката помимо воли обвиняемого, в частности если обвиняемый упорно и серьезно препятствует нормальному ведению судебного процесса, если обвиняемый должен ответить на серьезное обвинение, но явно не способен действовать в собственных интересах или если речь идет, например, о защите уязвимых свидетелей против новых травм, которые обвиняемый может им причинить лично подвергая их опросу. Между тем ограничение стремления обвиняемого защищать себя лично должно служить объективной и достаточно важной цели и не превышать предела, необходимого для защиты интересов правосудия.

7.5 Комитет считает, что вопрос о том, необходимо ли в интересах правосудия назначение адвоката в том или ином конкретном деле, когда обвиняемый, преследуемый в уголовном порядке, не в состоянии правильно оценить имеющие значение интересы и поэтому наиболее эффективно обеспечить свою защиту лично, должен решаться компетентными судами. Однако в настоящем случае законодательством государства-участника и судебной практикой Верховного суда определено, что обвиняемый никогда не может быть освобожден от обязательства быть представленным адвокатом в ходе уголовного процесса, даже если он сам является адвокатом, причем закон не учитывает тяжесть обвинений или поведение обвиняемого. Более того, государство-участник не представило объективных и достаточно весомых доводов, которые прояснили бы в данном случае, почему в относительно простом деле отсутствие назначенного адвоката могло нанести ущерб

интересам правосудия и почему было необходимо ограничивать принадлежащее автору сообщения право защищать себя лично. Комитет приходит к выводу о том, что право защищать себя лично, гарантированное пунктом 3 d) статьи 14 Пакта, не было соблюдено.

8. Комитет напоминает, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушения Пакта и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство обязалось обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать эффективное и подлежащее исполнению средство правовой защиты в случае установления факта нарушения прав. На основании пункта 3 а) статьи 2 Пакта Комитет считает, что автор сообщения имеет право на эффективное средство правовой защиты. Государству-участнику следует внести изменения в свое законодательство, с тем чтобы обеспечить его соответствие пункту 3 d) статьи 14 Пакта. Комитет желает также получить от государства-участника в течение 90 дней после препровождения настоящих соображений информацию о мерах, которые были приняты в их исполнение. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение г-жи Элизабет Пальм, г-на Нисуке Андо и г-на Майкла О'Флаэрти

Мы не согласны с решением большинства по следующим причинам.

Как отметило большинство членов Комитета, право защищать себя лично без привлечения адвоката не является абсолютным. Даже если отношения доверия между обвиняемым и защитником имеют важное значение, интересы правосудия могут потребовать официального назначения защитника вопреки желанию обвиняемого. Мы подчеркиваем, что в задачу Комитета не входит вынесение суждения по вопросу о законодательстве государства-участника в общем плане, но ему надлежит выяснить, имеет ли место во внесенном на его рассмотрение деле нарушение права, закрепленного в Пакте. Мы считаем, что решать вопрос о том, есть ли необходимость в официальном назначении защитника в каком-либо конкретном деле в интересах правосудия, лучше национальным судебным органам, а не международному комитету. Мы полагаем, что в представленном на рассмотрение Комитета деле не содержится никаких элементов, которые указывали бы на то, что решения судов были произвольными или что у автора сообщения не было возможности изложить в соответствующих судах свою собственную версию происшедшего. Поэтому мы приходим к выводу о том, что государство-участник не нанесло ущерба праву автора на защиту и что, следовательно, нарушение Пакта не имело места. Кроме того, мы отмечаем, что Европейский суд по правам человека в своем решении от 15 ноября 2001 года (*Коррея ди Матуш против Португалии*) признал неприемлемой жалобу этого же автора, касающуюся этих же фактов. Мы весьма обеспокоены тем, что два международных органа - вместо того, чтобы попытаться гармонизировать свою судебную практику, - приходят к различным заключениям, применяя одни и те же правовые положения к одним и тем же фактам.

Особое (несогласное) мнение сэра Найджела Родли

Я склонен присоединиться к несогласию г-на Андо и г-жи Пальм в отношении существа дела, в частности, по причине того, с какой легкостью Комитет принимает решение игнорировать аргументированные соображения Европейского суда по правам человека, применяя одни и те же положения права к одним и тем же фактам, но считаю, что Комитету даже и не следовало принимать решение по существу.

Несмотря на важность гарантии отправления правосудия в любом конкретном деле, обращение с жалобой в Конституционный суд с точки зрения процедуры не является составной частью

уголовного процесса. Пакт не гарантирует права инициировать какую бы то ни было юридическую процедуру без назначаемого защитника. Кроме того, решение автора не заручаться услугами адвоката в целях подачи жалобы (Комитет не имеет возможности высказываться по вопросу о том, было ли членство автора в коллегии адвокатов приостановлено ненадлежащим образом, и Комитет этого не делает) означает, что одно из внутренних средств правовой защиты не было исчерпано. Исходя из этого Комитет должен был бы признать дело неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Сообщение № 1126/2002

Представлено: Марлем Карранса Альгре (представлена адвокатом Каролиной Лоаисой Тамайо)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Перу

Дата принятия Сообщений: 28 октября 2005 года

Тема сообщения: судебное преследование и осуждение физического лица на основании контртеррористического законодательства

Процедурные вопросы: возможное неисчерпание внутренних средств правовой защиты после отмены обвинительного приговора и начала нового процесса

Вопросы существа: нарушение права на свободу и личную безопасность и процессуальные гарантии

Статьи Пакта: 2, 7, 9, 10, 14 и 15

Статьи Факультативного протокола: 2, 5, пункт 2 b)

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 статьи 2; статьи 7, 9, 10 и 14)

1.1 Автором сообщения является г-жа Марлем Карранса Алегре, гражданка Перу, которая в настоящее время отбывает наказание в женской колонии строгого режима "Чорильос" в Лиме. Она считает себя жертвой нарушения Перу статей 2, 7, 9, 10, 14 и 15 Международного пакта о гражданских и политических правах. Ее интересы представляет адвокат Каролина Лоаиса Тамайо.

1.2 Факультативный протокол вступил в силу для Перу 3 января 1981 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения работала врачом в больнице скорой медицинской помощи имени Касимира Ульоа в Лиме. 16 февраля 1993 года она была остановлена на улице агентами в штатском, которые посадили ее в машину и увезли ее в неизвестном направлении. Уже в машине агенты представились ей как сотрудники полиции и сообщили, что она задержана в связи с расследованием террористических актов. Они надели на нее наручники и натянули на голову ее пиджак. Автора сообщения доставили в здание, которое, как она позднее выяснила, принадлежит Национальному управлению по борьбе с терроризмом (ДИНКОТЕ).

2.2 Ее допросили, причем во время допроса у нее были завязаны глаза. При этом допрашивающие грозились арестовать членов ее семьи и конфисковать ее имущество и медицинское оборудование. Ее обвиняли в том, что она оказывала медицинскую помощь террористам, при этом ей наносили удары по голове, в результате чего она потеряла сознание. Когда она пришла в себя, допрос продолжился, и ее продолжали бить, оскорблять, в том числе угрожать изнасилованием. В первые несколько дней задержания ее заставляли все время стоять.

2.3 Полиция провела обыск в ее доме и якобы нашла некий документ, подтверждающий связь между автором и террористической организацией "Светлый путь". Автор отрицает наличие у нее данного документа. Автора обвинили в том, что она занималась лечением "повстанцев" и путем угроз склоняла к тому же своих коллег-медиков. От нее также требовали назвать других лиц, которые якобы "принудили ее" совершить данные действия.

2.4 Автора продержали в полной изоляции в течение семи суток, после чего был подготовлен полицейский протокол. В нем автора признали виновной в участии в террористической деятельности. 24 февраля 1993 года провинциальная прокуратура № 14 Лимы подготовила обвинительное заключение по делу автора, обвинив ее в принадлежности к «подрывной организации "Светлый путь" коммунистической партии Перу, а именно ее службе здравоохранения, в качестве активиста, наставника, организатора и контактного лица». Она была передана в руки судебных властей в качестве задержанной. В тот же день судья возбудил предварительное расследование, избрав заключение под стражу в качестве меры пресечения.

2.5 Автора преследовали за посягательство на общественное спокойствие/терроризм в Специальной уголовной палате по делам о терроризме (обезличенной) Высокого суда Лимы на основании декрета-закона № 25475 от 5 мая 1992 года, в котором была дана квалификация данного преступления. 2 марта 1994 года Палата приговорила автора к тюремному заключению сроком на 20 лет. Приговор был обжалован и отменен Верховным судом 8 июня 1995 года на том основании, что во время процесса были допущены нарушения Уголовно-процессуального кодекса.

2.6 16 октября 1995 года состоялось новое устное слушание в Специальной уголовной палате (обезличенной) Высокого суда Лимы по обвинению автора сообщения в "членстве в так называемой медицинской службе департамента поддержки Ассоциации помощи народа Перу, являющейся одним из органов центрального аппарата самопровозглашенной террористической группы "Светлый путь" коммунистической партии Перу. Конкретно ее обвинили в принадлежности к руководящему звену медицинской службы, руководстве этим звеном и разработке планов медицинского обслуживания и лечения лиц, раненых при совершении террористических актов в Лиме. Ее приговорили к лишению свободы на срок 25 лет и к штрафу за совершение преступления в форме терроризма на основании статей 4 (терроризм - пособничество), 5 (членство в террористической организации) и 6 (подстрекательство к совершению актов терроризма) декрета-Закона № 25475. Автор утверждает, что эти составы преступлений к ее случаю не применимы.

2.7 3 сентября 1997 года автор подала ходатайство об отмене приговора в Верховный суд на том основании, что обвинительный приговор был основан на законодательном акте - декрете-законе № 25475 от 5 мая 1992 года, - который не существовал в то время, когда якобы были совершены деяния, вменяемые ей в вину, т.е. в период с 1987 года по первые месяцы 1992 года. Применимым законодательством в тот период были Уголовный кодекс и закон № 24953 о преследовании за преступления против общественного спокойствия/терроризм, предусматривающие соответственно максимальные санкции в виде лишения свободы на 15 и 20 лет за предполагаемое совершение преступления в форме сговора. Кроме того, предварительное следствие было начато против нее якобы за совершение преступления терроризма в форме пособничества, а осуждена она была уже по другому обвинению - якобы как "руководитель среднего звена" организации "Светлый путь". 29 сентября 1997 года суд отклонил эту жалобу. Ни автор, ни ее адвокат не были уведомлены об этом решении.

2.8 В октябре 1997 года отец автора обратился с прошением о помиловании к президенту Республики на основании закона № 26655. На основании этого закона была создана специальная комиссия при президенте по помилованию лиц, осужденных за преступления терроризма в нарушение основополагающих норм отправления правосудия.

2.9 В первые несколько лет пребывания в колонии строгого режима "Чорильос", еще до вынесения приговора, автор содержалась в камере площадью 2,5 м² вместе с еще пятью или шестью заключенными, оставаясь там все время, не считая получасовой прогулки. Во время прогулок ей не разрешалось разговаривать с другими заключенными. Ей не давали ни книг, ни бумаги для писем. Свидания ограничивались двумя посещениями прямых родственников в месяц общей продолжительностью 30 минут в общей комнате для свиданий и без физического контакта. Кормили в тюрьме плохо. В результате всего этого у нее возникли проблемы со здоровьем и она начала страдать от бруксизма, паралича лицевого нерва, дерматита, сильной близорукости, бронхита и т.д.

2.10 Автор утверждает, что на основании декрета-закона № 25475 на нее был распространен режим, в соответствии с которым:

квалификация противоправного деяния осуществлялась сотрудниками ДИНКОТЕ и служила основанием для определения компетентного суда;

назначение защитника проводилось уже после завершения полицейского расследования;

свободно выбранный защитник не мог встретиться с ней до дачи ею показаний следователю;

ни обвиняемым, ни их защитникам не передавались для ознакомления доказательства обвинения. Защите также не было разрешено провести перекрестный допрос свидетелей, давших показания во время полицейского расследования;

обвиняемые не имели возможности воспользоваться правом на условное освобождение до завершения процесса;

была установлена и использована специальная процедура, предполагающая расследование и устное слушание дела анонимными судьями в нарушение процессуальных гарантий;

обвинительный акт, материалы дела и протоколы слушаний, а также судебное решение не были подписаны обвинителями и судьями, поскольку они действовали анонимно;

в первый год тюремного заключения обвиняемую постоянно содержали в одиночной камере в дополнение к другим ограничениям режима.

2.11 Автор сообщает о том, что она не подавала ходатайств в какие-либо другие международные органы в отношении фактов, о которых идет речь в данном сообщении.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что описанные факты свидетельствуют о нарушении различных положений Пакта.

3.2 Как автор заявила в своих показаниях в Уголовном суде 10 марта 1993 года, она была подвергнута физическим и психическим пыткам во время своего содержания в отделении ДИНКОТЕ; ей не давали пищи и ее продержали в полной изоляции в течение семи суток. Во время всех допросов ее били, оскорбляли, ей угрожали и оказывали на нее психологическое давление. Изоляция от внешнего мира допускалась статьей 12 d) декрета-закона № 25475 и носила абсолютный характер, распространяясь также на адвокатов. Это представляет собой одну из форм жестокого и бесчеловечного обращения, сказывающегося на физическом, психическом и моральном состоянии человека. По мнению автора сообщения, эти факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Пакта.

3.3 Был также нарушен пункт 1 статьи 9, поскольку автор была задержана произвольно, без судебного ордера и не будучи застигнута на месте совершения преступления, как это требуется

статьей 2.24 f) Конституции Перу. Кроме того, в соответствии с действующим в отношении нее законодательством судья не мог потребовать доставки к нему задержанной. В нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта содержание под стражей носило абсолютный характер, не допускающий исключений. Кроме того, в ее отношении действовала статья 6 декрета-закона № 25659, ограничивающая возможности использования ходатайства хабеас корпус в отношении лиц, подозреваемых в совершении террористических актов. Это свидетельствует о нарушении пункта 4 статьи 9 Пакта.

3.4 По мнению автора, режим содержания под стражей на основании декрета-закона № 25475 являлся бесчеловечным и свидетельствовал о нарушении статьи 10 Пакта. В частности, он исключал возможность использования льгот, предусмотренных Уголовным кодексом и Исполнительным кодексом. Кроме того, он предусматривал обязательное отбывание наказания в колонии строгого режима с содержанием в одиночной камере в первый год заключения и устанавливал серьезные ограничения на порядок свиданий.

3.5 Автор также утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 14 Пакта, поскольку она была осуждена анонимным судом, при котором личность судей сохранялась в тайне и никакие возражения не допускались. Декрет-закон также предусматривает, что досудебное разбирательство по делам о терроризме и устные слушания должны проводиться в специально отведенных для этого помещениях в уголовных судах. Согласно утверждениям автора, секретность устного слушания является нарушением, поскольку публичность судопроизводства является одной из основополагающих черт и гарантий правосудия.

3.6 Был также нарушен пункт 2 статьи 14, поскольку декрет-закон № 25475 исключает независимость судей и прокуратуры¹. Судья не имел возможности на основе представленных доказательств принять решение о том, существуют ли основания для возбуждения следствия: в соответствии с положениями декрета судья "обязан" возбудить дело и выдать ордер на арест. Задержание носит обязательный характер, поскольку судья не имеет возможности распорядиться об условном освобождении по своему усмотрению. Что касается прокураторы, то декрет обязывает старшего прокурора подготовить обвинительный акт по завершении следствия, т.е. в судебном процессе отсутствует какая-либо свобода действий. Все это вместе взятое свидетельствует о нарушении права на презумпцию невиновности.

3.7 По утверждениям автора, было допущено нарушение пункта 3 статьи 14, поскольку, как это следует из полицейского рапорта, она не была подробно уведомлена о мотивах ее задержания. Кроме того, она не имела возможности связаться со своим адвокатом, будучи изолирована от внешнего мира, поскольку в соответствии со статьей 12 f) декрета-закона адвокат может вступить в дело только после того, как задержанный будет допрошен в прокуратуре. Статья 13 декрета-закона устраняет одну из основных гарантий защиты, не позволяя лицам, участвующим в проведении следствия, выступать в качестве свидетелей в суде. Автор была осуждена исключительно на основе полицейского рапорта, поскольку прокуратура не доказала обвинение, переложив бремя доказывания на автора.

3.8 Деяния, за которые автор была задержана и впоследствии осуждена и приговорена к лишению свободы, предположительно имели место в период с 1987 года по первые месяцы 1992 года. Однако

---

¹ Статья 13: "На стадиях расследования и судебного слушания дел о терроризме, которым посвящен настоящий декрет-закон, применяются следующие правила: а) после предъявления обвинения прокуратурой задержанных доставляют к судье по уголовным делам, который отдает распоряжение о проведении следствия и выдает ордер на арест подозреваемого на 24 часа, приняв при этом необходимые меры безопасности. Во время следствия никакие формы освобождения не допускаются ни при каких обстоятельствах. ... d) по завершении следствия дело передается председателю соответствующего суда, который препровождает материалы главному прокурору для того, чтобы последний в свою очередь назначил старшего обвинителя, которому вменяется в обязанность подготовка обвинительного заключения в трехдневный срок".

обвинительный акт прокуратуры, судебное разбирательство и последующий приговор были, тем не менее, основаны на декрете-законе № 25475, принятом 5 мая 1992 года и предусматривающим более суровые меры наказания. Это свидетельствует о нарушении статьи 15 Пакта.

3.9 Статья 15 также была нарушена ввиду того, что автор была приговорена за совершение действий и преступлений, отличающихся от тех, по которым было возбуждено уголовное дело. Четырнадцатый специальный уголовный суд Лимы возбудил дело в связи с предполагаемым посягательством на общественное спокойствие/терроризм в качестве "пособника" на основании статьи 4 b) декрета-закона. Как сказано в распоряжении о проведении следствия предполагаемые акты пособничества состояли из проведения хирургических операций и предоставления хирургических инструментов, медицинского оборудования, медикаментов, рентгенографии и клинических анализов членов "террористической группы". Однако осудили автора за то, что она якобы являлась "руководителем среднего звена" в организации "Светлый путь". Таким образом, в качестве пособничества была квалифицирована вышеозначенная врачебная помощь, хотя в статье 321 Уголовного кодекса, являющейся одним из применимых стандартов, ни о чем похожем не сказано.

3.10 В заключение автор утверждает, что любое нарушение любых из прав, провозглашенных в Пакте, влечет за собой нарушение обязательства государства соблюдать эти права, предусмотренного в пункте 1 статьи 2.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 В своих замечаниях от 22 декабря 2004 года² государство-участник сообщает, что в январе 2003 года Конституционный суд принял постановление, в котором он объявил неконституционными различные процессуальные и уголовные нормы, применявшиеся при рассмотрении дел о террористических актах. В результате этого правительство издало декрет № 926 в феврале 2003 года об отмене процессов по обвинениям в терроризме, которые проводились с участием анонимных судей и прокуроров и во время которых обвиняемые не имели возможности представлять возражения. Оно также издало декрет № 922, на основании которого уголовные процессы по обвинениям в терроризме должны быть проведены в соответствии с обычными процедурами Уголовно-процессуального кодекса.

4.2 15 января 2003 года Высокий суд Лимы принял решение по ходатайству о применении habeas corpus, поданному автором сообщения в особую уголовную палату Высокого суда и Верховный суд, на основании посягательства на ее личную свободу в результате нарушения процессуальных норм. Данное ходатайство было признано обоснованным, а следовательно уголовный процесс по делу автора был объявлен недействительным из-за нарушения основополагающих процессуальных норм, а именно: права быть судимым компетентным судьей и права знать, обладает ли суд соответствующей юрисдикцией, и из-за ее осуждения анонимными судьями. 3 февраля 2003 года Национальная палата по делам о терроризме приняла постановление, на основании которого это решение вступило в законную силу.

4.3 27 марта 2003 года Первый особый суд по делам о терроризме начал предварительное производство против автора по обвинению в участии в терроризме на основании статьи 288-А и пункта а) статьи 288-В Уголовного кодекса 1924 года, введенным в действие законом № 24651; статей 319 и 320, пункт 1, Уголовного кодекса 1991 года; и статей 2 и 5 декрета-закона № 25475 и издал постановление о заключении ее под стражу. Дело было передано в Национальную палату по

---

² Сообщение было препровождено государству-участнику 14 октября 2002 года. Государству-участнику было предоставлено шесть месяцев, т.е. срок до 14 апреля 2003 года, для представления своего ответа по вопросу приемлемости и по существу сообщения. Поскольку ответ к этому сроку не был получен, 15 сентября и 18 ноября 2004 года государству-участнику были направлены письма с напоминаниями.

делам о терроризме и поручено второй прокуратуре, специализирующейся на ведении дел о терроризме. В своем решении от 6 сентября 2004 года прокурор предъявил ей обвинения в терроризме. В вину автора вменялось членство в подрывной организации "Светлый путь" коммунистической партии Перу и участие в руководящем комитете секции здравоохранения департамента обеспечения Ассоциации общественной поддержки и соответственно осуществление руководства группами членов организации. В качестве хирурга она отвечала за вербовку врачей с целью создания организации и оказания помощи в русле своей профессиональной деятельности. Прокурор просил назначить наказание в виде лишения свободы сроком на 30 лет, штрафа и дополнительных санкций в виде лишения гражданских прав.

4.4 Дело автора ожидает рассмотрения в Национальной палате по делам о терроризме в контексте нового судебного разбирательства, возбужденного на основании нового контртеррористического законодательства. Таким образом, государство-участник считает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны и что сообщение должно быть объявлено неприемлемым.

Комментарии автора

5.1 Автор утверждает, что ее второй раз судят за одни и те же действия в результате ее стремления добиться правосудия. Однако новое судебное разбирательство не является надлежащим средством правовой защиты в случае нарушения процессуальных гарантий, особенно когда такое нарушение было совершено государством, действия которого обжалуются.

5.2 Сообщение было подано в Комитет в то время, когда автор отбывала наказание, назначенное ей Уголовным судом при полном пренебрежении процессуальными нормами; это нарушение было признано судебной властью Перу, которая признала обоснованным ходатайство о применении приказа хабеас корпус, поданное от ее имени на решение суда первой инстанции 2 декабря 2002 года и на решение суда второй инстанции 15 января 2003 года. Кроме того, декрет № 926, предусматривающий отмену процессов в обычных судах по обвинениям в терроризме, подразумевает прямое признание государством нарушения процессуальных и судебных гарантий, а следовательно права на свободу лиц, которые были задержаны, осуждены и приговорены к наказаниям за преступления терроризма.

5.3 Отсутствие точной квалификации преступления терроризма в статье 2 декрета-закона № 25475 не соответствует принципу законности, провозглашенному в Пакте, поскольку деяния, составляющие это преступление, описаны абстрактно и расплывчато и невозможно точно понять, какие конкретно действия входят в состав этого уголовного преступления.

5.4 Автор заявляет, что ее обвинили в оказании медицинской помощи и предоставлении медикаментов "террористам" и членам их семей. Эти действия не только не являются незаконными, но правомерны и этически правильны. Проведение хирургических операций, лечение и предоставление медикаментов не подпадают под состав преступления терроризма. Состояние страха или террора не может быть вызвано, спровоцировано или усугублено намеренно или непреднамеренно оказанием медицинской помощи и оно не может быть приравнено к посягательствам на жизнь, физическую неприкосновенность, здоровье или личную свободу и безопасность или посягательствам на государственную либо частную собственность, не являясь также посягательством на безопасность общества или отдельных его членов.

5.5 В соответствии с принципом эстоппеля, закрепленном в международном праве, государство не имеет права ссылаться на свои собственные действия. Следовательно, оно не может утверждать, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты. В своем недавнем решении от 18 ноября 2004 года по делу Крус Флорес Межамериканский суд по правам человека заявил, что повторное судебное разбирательство не является достаточным средством правовой защиты от несоблюдения процессуальных гарантий.

5.6 Автор заявляет, что она провела в тюрьме почти 12 лет, будучи под следствием, но без приговора, в нарушение статьи 9 Пакта. В июле 2002 года она обратилась с ходатайством о ее переводе на режим свободного поселения, но эта просьба была отклонена сначала уголовным судом № 28 Лимы, затем Высоким судом на том основании, что еще не закончился срок задержания, предусмотренный Уголовно-процессуальным кодексом, поскольку он исчисляется с даты принятия постановления о проведении расследования, т.е. с 21 марта 2003 года. Таким образом, государство-участник не учло срок, отбытый автором в тюрьме по причине необеспечения государством-участником справедливого судебного разбирательства по ее делу. Иными словами, государство ссылается на свои собственные действия, с тем чтобы лишить автора ее права на судебное разбирательство в разумный срок или освобождение, предусмотренного пунктом 3 статьи 9 Пакта.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры должен принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет убедился в том, что данный вопрос не рассматривается по какой-либо иной процедуре международного разбирательства или урегулирования, как это требуется положениями пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

6.3 Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника, что дело ожидает рассмотрения в Национальной палате по делам о терроризме в контексте нового уголовного разбирательства, возбужденного на основании нового контртеррористического законодательства, и что, следовательно, внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Комитет с удовлетворением констатирует внесение изменений в ряд процессуальных и уголовных норм контртеррористического законодательства, в частности тех, которые позволили объявить недействительными процессы по обвинениям в терроризме, проводившиеся анонимными судьями и прокурорами, и предусматривают, что уголовные процессы по обвинению в терроризме будут теперь проводиться в соответствии с обычными процедурами Уголовно-процессуального кодекса. Со ссылкой на пункт 2 б) статьи 5 Факультативного протокола Комитет отмечает, что автор была арестована 16 февраля 1993 года и впоследствии осуждена и приговорена на основании декрета-закона № 25475 от 5 мая 1992 года и что она подала все предусмотренные законом апелляции, включая ходатайство об отмене приговора, в Верховный суд. Она сделала все это до подачи своего сообщения в Комитет. Тот факт, что законы, которые действовали в отношении автора и на основе которых было сообщение, были отменены несколько лет спустя, не может трактоваться ей в ущерб. В этих обстоятельствах нельзя говорить о том, что автор должна дожидаться принятия судами нового решения, прежде чем Комитет может рассмотреть данное дело на основании Факультативного протокола. Кроме того, Комитет отмечает, что применение ею средств правовой защиты в судах Перу было начато в 1993 году и до сих пор не завершено.

6.4 Автор утверждает, что ей было назначено более суровое наказание, чем то, которое предусматривалось применимым законодательством на момент совершения соответствующих деяний, в нарушение статьи 15 Пакта. Комитет считает, что автор не представила достаточные доказательства, на основании которых он мог бы вынести свое суждение по этому поводу, и полагает, что данная часть сообщения должна быть признана неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола за недоказанностью.

6.5 В соответствии с этим Комитет объявляет данное сообщение приемлемым в связи с предполагаемыми нарушениями статей 7, 9, 10 и 14 Пакта и переходит к рассмотрению жалобы по

существо в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола на основе информации, представленной ему сторонами.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет сожалеет, что государство-участник не представило комментарии по существу рассматриваемого дела. Он напоминает о том, что, как следует из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник обязано добросовестно рассмотреть все жалобы на него и предоставить в распоряжение Комитета всю имеющуюся у него информацию. Поскольку государство-участник не сотрудничало с Комитетом в этих вопросах, утверждениям автора сообщения должен быть придан надлежащий вес в той мере, в какой они являются обоснованными.

7.2 Автор утверждает, что в те дни, когда она содержалась под стражей в отделении ДИНКОТЕ, она подвергалась пыткам, и подробно их описывает. Поскольку государство-участник не представило информацию в опровержение этих утверждений, им необходимо придать должный вес и исходить из того, что события происходили именно так, как они были описаны автором. Таким образом, Комитет констатирует нарушение статьи 7 Пакта.

7.3 Что касается утверждений автора по поводу нарушения ее права на свободу и безопасность личности, то Комитет считает, что ее арест и содержание под стражей без связи с внешним миром в течение семи суток и ограничение осуществления права на средства правовой защиты хабеас корпус в совокупности представляют собой нарушение статьи 9 Пакта.

7.4 Автор утверждает, что режим лишения свободы, предусмотренный на основании декрета-закона № 25475, представляет собой нарушение статьи 10 Пакта. Комитет считает, что описанные автором условия содержания в женской колонии строго режима "Чорильос", особенно в первый год задержания, равносильны нарушению ее права на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности, и тем самым свидетельствуют о нарушении положений статьи 10 в целом.

7.5 Что касается жалоб автора в связи со статьей 14, то Комитет принимает к сведению ее утверждения, что слушания во время рассмотрения в суде ее дела были закрытыми и суд состоял из анонимных судей, которым нельзя было дать отвод; что она не имела возможности общаться со своим адвокатом в течение семи суток, когда ее содержали под стражей без связи с внешним миром; что сотрудники полиции, проводившие расследование, не были вызваны в суд в качестве свидетелей, поскольку это не допускалось декретом-законом № 25475; и что ее адвокат не мог провести перекрестный допрос свидетелей, которые дали показания во время полицейского расследования. В этих обстоятельствах Комитет приходит к выводу о том, что была нарушена статья 14 Пакта в целом, которая касается права на справедливое судебное разбирательство.

8. Комитет по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах приходит к мнению о том, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статей 7, 9, 10 и 14 в совокупности с пунктом 1 статьи 2 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государству-участнику необходимо предоставить автору эффективное средство правовой защиты и надлежащую компенсацию. С учетом продолжительности срока, уже проведенного ею в заключении, и характера деяний, в которых она обвиняется, государству-участнику следует серьезно рассмотреть вопрос о ее освобождении впредь до завершения нынешнего судебного процесса. Такой процесс должен быть проведен с соблюдением всех гарантий, предусмотренных Пактом.

10. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признает компетенцию Комитета устанавливать, было ли допущено нарушение Пакта, и что в

соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник приняло на себя обязательство обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать эффективные применимые средства правовой защиты, если доказан факт нарушения, Комитет желал бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых с целью учесть на практике Соображения Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать Соображения Комитета.

Сообщение № 1153/2003

Представлено: г-жой К.Н.Л.У. (представлена организациями ДЕМУС, КЛАДЕМ и Центром по репродуктивному праву и политике)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Перу

Дата принятия Соображений: 24 октября 2005 года

Тема сообщения: отказ автору в предоставлении медицинских услуг с целью прерывания беременности по медицинским показаниям, которое не является наказуемым правонарушением и в отношении которого в законе содержится специальное положение.

Процедурные вопросы: обоснование утверждения о нарушении прав - отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты.

Вопросы существа: право на эффективное средство правовой защиты; право на равенство между мужчинами и женщинами; право на жизнь, право не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; право не быть жертвой произвольного или незаконного вмешательства в частную жизнь; право на меры защиты сообразно статусу несовершеннолетнего лица и право на равенство перед законом.

Статьи Пакта: 2, 3, 6, 7, 17, 24 и 26

Статья Факультативного протокола: 2

Вывод: наличие нарушения (статьи 2, 7, 17 и 24)

1. Автором сообщения является г-жа К.Н.Л.У., 1984 года рождения, которая утверждает, что стала жертвой нарушения Перу статей 2, 3, 6, 7, 17, 24 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Она представлена организациями ДЕМУС, КЛАДЕМ и Центром по репродуктивному праву и политике. Факультативный протокол вступил в силу для Перу 3 сентября 1980 года.

Факты в изложении автора

2.1 В марте 2001 года в возрасте 17 лет автор сообщения забеременела. 27 июня 2001 года в Национальной больнице им. архиепископа Лоайсы в Лиме, подведомственной министерству здравоохранения, ей было произведено сканирование, которое показало, что она носит анэнцефальный плод.

2.2 3 июля 2001 года акушер-гинеколог д-р Игор Перес Сольф в Национальной больнице им. архиепископа Лоайсы в Лиме информировал автора о ненормальном развитии ее плода и угрозе для ее жизни в случае продолжения беременности. Д-р Перес заявил, что у нее есть выбор между двумя вариантами: сохранить беременность или прервать ее. Он посоветовал прервать беременность путем маточного кюретажа. Автор решила прервать беременность и прошла необходимые клинические исследования, подтвердившие ненормальное развитие плода.

2.3 19 июля 2001 года, когда автор в присутствии своей матери сообщила в больнице о своей готовности начать подготовку к операции, д-р Перес заявил, что ей необходимо получить письменное разрешение на это от директора больницы. Учитывая ее несовершеннолетие, разрешение запросила ее мать г-жа Е.У.Л. 24 июля 2001 года д-р Максимилиано Карденас Диас, директор больницы, ответил ей в письме, что прерывание беременности не может быть осуществлено, поскольку это явилось бы противозаконным актом, учитывая, что, в соответствии со статьей 120 Уголовного кодекса, аборт наказывается тюремным заключением сроком до трех месяцев, когда существует вероятность того, что при рождении ребенок может иметь серьезные физические или умственные недостатки, а в соответствии со статьей 119 прерывание беременности по медицинским показаниям допускается только в случае, когда оно является единственным способом спасти жизнь беременной женщины или избежать нанесения серьезного и необратимого ущерба ее здоровью.

2.4 16 августа 2001 года г-жа Аманда Гайосо, социальный работник и член перуанской Ассоциации работников социальной сферы, провела оценку данного случая и пришла к заключению, что медицинское вмешательство с целью прерывания беременности рекомендуется, "поскольку продолжение беременности лишь продлит страдания и эмоциональную неустойчивость К.Н.Л.У. и ее семьи". Однако никакого вмешательства не произошло из-за отказа медицинского персонала министерства здравоохранения.

2.5 20 августа 2001 года д-р Марта Б. Рондон, психиатр и член Перуанской ассоциации врачей, подготовила психиатрическое заключение в отношении автора, в котором отмечалось, что "так называемый принцип благополучия неродившегося ребенка нанес серьезный ущерб матери, поскольку ее без необходимости обязали продолжать сохранять беременность, фатальный исход которой был заранее известен, что в значительной степени способствовало появлению у нее симптомов депрессии со всеми тяжелыми последствиями для развития молодой женщины и ее дальнейшего психического состояния".

2.6 13 января 2002 года за две недели до предполагаемой даты родов, автор родила анэнцефальную девочку, которая прожила всего 4 дня, в течение которых мать должна была кормить ее грудью. После смерти дочери автор сообщения впала в состояние глубокой депрессии. Этот диагноз был поставлен психиатром Мартой Б. Рондон. Автор также заявляет, что у нее началось воспаление женских половых органов, которое потребовало медицинского лечения.

2.7 Автор представила Комитету заявление, сделанное д-ром Аннибалем Фаудесом и д-ром Луисом Таварой, специалистами из ассоциации Центра по репродуктивным правам, которые 17 января 2003 года изучили историю болезни автора и заявили, что анэнцефалия является фатальной для плода при любых обстоятельствах. В большинстве случаев смерть наступает сразу же после рождения. Эта болезнь также ставит под угрозу жизнь матери. По их мнению, отказавшись прервать беременность, медицинский персонал принял решение, наносящее ущерб автору.

2.8 Относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты автор заявляет, что это требование не предъявляется, когда судебные средства правовой защиты, имеющиеся в стране, являются неэффективными, как в данном случае, и она отмечает, что, как неоднократно заявлял Комитет, автор не обязан исчерпывать средства правовой защиты, которые могут оказаться недейственными. Она добавляет, что в Перу не существует административных средств защиты, которые позволяли бы прерывать беременность по медицинским соображениям, а также нет никаких судебных средств правовой защиты, которые действовали бы достаточно быстро и эффективно, чтобы позволить какой-либо женщине добиться от властей гарантии ее права на законный аборт в разумные сроки с учетом особых обстоятельств, обычно сопровождающих подобные случаи. Она также заявляет, что финансовое положение ее самой и ее семьи не позволило ей обратиться за советом к адвокату.

2.9 Автор заявляет, что данная жалоба не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного урегулирования.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что нарушена статья 2 Пакта, поскольку государство-участник не выполнило свое обязательство по обеспечению гарантий осуществления определенного права. Государство должно было бы предпринять шаги, с тем чтобы отреагировать на систематический отказ медицинского персонала соблюдать положения закона, разрешающие прерывание беременности по медицинским показаниям, и на ограничительное толкование им этих положений. Такое ограничительное толкование совершенно очевидно в случае автора, когда беременность при анэнцефальном плоде была признана неопасной для ее жизни и здоровья. Государство должно было предпринять шаги для того, чтобы из правила о криминальном характере аборта было сделано исключение и чтобы в случае, когда физическое и психическое здоровье матери находится под угрозой, она могла бы безопасно сделать аборт.

3.2 Автор утверждает, что она подверглась дискриминации в нарушение статьи 3 Пакта в следующих формах:

а) Отказ в доступе к медицинским услугам, поскольку ее особые и необычные потребности были проигнорированы по причине ее пола. По мнению автора, тот факт что государство ничего не предприняло для предотвращения нарушения ее права на законный аборт по медицинским показаниям, которое применимо только к женщинам, наряду с произволом по отношению к ней со стороны медицинского персонала, явились дискриминацией, приведшей к тем более серьезному нарушению ее прав, что жертва была несовершеннолетней.

б) Дискриминация в осуществлении ее прав, поскольку, хотя автор имела право на аборт по медицинским показаниям, таковой не был произведен из-за проявленного к ней отношения и предрассудков, помешавших осуществлению ее права на жизнь, здоровье, частную жизнь и свободу от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения на равных основаниях с мужчинами.

в) Дискриминация в плане доступа к судам, учитывая предрассудки должностных лиц системы здравоохранения и судебной системы, в отношении женщин, а также отсутствие надлежащих правовых средств для обеспечения соблюдения права на законный аборт, когда для этого соблюдены временные и все прочие условия, установленные законом.

3.3 Автор утверждает, что нарушена статья 6 Пакта. Она заявляет, что все случившееся стало серьезным потрясением для психического здоровья, от которого она еще не оправилась. Она отмечает, что, как заявил Комитет, право на жизнь не может толковаться ограничительно, а требует от государств принятия активных шагов по его защите, включая меры, необходимые для обеспечения того, чтобы женщины не прибегали к подпольным абортам, которые ставят под угрозу их жизнь и здоровье, особенно в случае неимущих женщин. Она добавляет, что Комитет рассматривал отсутствие доступа женщин к услугам по охране репродуктивного здоровья, включая аборт, как нарушение права женщин на жизнь, и что эта позиция подтверждалась другими международными органами, такими, как Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Автор утверждает, что в данном случае нарушение права на жизнь состоит в том, что власти Перу не предприняли шагов для обеспечения безопасного прерывания беременности по причине нежизнеспособности плода. Она заявляет, что отказ предоставить ей услуги по законному прерыванию беременности поставил ее перед выбором между двумя вариантами, одинаково опасными для ее здоровья и жизни: сделать нелегальный "и, следовательно, сопряженный с высоким риском" аборт или же продолжать сохранять опасную и травмирующую беременность, ставящую ее жизнь под угрозу.

3.4 Автор утверждает, что нарушена статья 7 Пакта. Тот факт, что она была вынуждена продолжать сохранять беременность, равнозначен, по ее мнению, жестокому и бесчеловечному обращению, поскольку ей пришлось перенести страдания, наблюдая врожденные деформации у своей дочери и зная, что жить ей предстоит недолго. Она заявила, что это было ужасным испытанием, еще более усугубившим ее боль и страдания, которые ей уже пришлось переносить в течение периода вынужденного сохранения беременности, поскольку все это означало для нее "затянувшиеся похороны" ее дочери и повергло ее в глубокую депрессию после смерти ребенка.

3.5 Автор отмечает, что, как заявлял Комитет, запрет, содержащийся в статье 7 Пакта, касается не только физической боли, но и психических страданий, и что этот вид защиты особенно важен в случае несовершеннолетних лиц¹. Она отмечает, что после рассмотрения доклада Перу в 1996 году Комитет выразил мнение, что ограничительные положения, касающиеся аборта, подвергают женщин бесчеловечному обращению в нарушение статьи 7 Пакта, и что в 2000 году Комитет напомнил государству-участнику о том, что криминализация абортa несовместима со статьями 3, 6 и 7 Пакта².

3.6 Автор утверждает, что нарушена статья 17, заявляя, что эта статья призвана защищать женщин от вмешательства в решения, которые затрагивают их тело и их жизнь и дает им возможность осуществлять их право на принятие независимых решений по вопросам, связанным с деторождением. Автор отмечает, что государство-участник произвольно вмешалось в ее частную жизнь, приняв за нее решение, касающееся ее жизни и репродуктивного здоровья и вынудившее ее сохранять беременность до конца, в результате чего было нарушено ее право на неприкосновенность частной жизни. Она добавляет, что соответствующие услуги имелись в ее распоряжении и, если бы не вмешательство в ее решение должностных лиц государства, которые пользовались защитой закона, она смогла бы прервать беременность. Она напоминает Комитету, что дети и молодые люди пользуются особой защитой в силу своего статуса несовершеннолетних, как это предусмотрено в статье 24 Пакта и в Конвенции о правах ребенка.

3.7 Автор утверждает, что нарушена статья 24, поскольку она не получила от медицинских властей специальной помощи, в которой нуждалась, как несовершеннолетняя. Власти не приняли в расчет ни ее благополучие, ни состояние здоровья, когда отказали ей в производстве абортa. Автор отвечает, что Комитет в своем Замечании общего порядка № 17 по статье 24 отметил, что государство должно принимать также экономические, социальные и культурные меры для обеспечения этого права. В частности, должны приниматься все возможные экономические и социальные меры для сокращения младенческой смертности и предотвращения насилия над детьми или жестокого или бесчеловечного обращения с ними, среди прочих возможных нарушений.

3.8 Автор утверждает, что нарушена статья 26, заявляя, что позиция перуанских властей, считавших, что ее случай не требовал абортa по медицинским соображениям, который не является наказуемым в соответствии с Уголовным кодексом, оставила ее в незащищенном положении, несовместимом с гарантиями обеспечения защиты со стороны закона, предусмотренными в статье 26. Гарантии равной защиты со стороны закона предполагают, что некоторым категориям лиц, которые находятся в положении, требующем специального обращения, оказывается специальная защита. В данном же случае, в результате крайне ограничительного толкования уголовного закона, медицинские власти не обеспечили защиту автора и пренебрегли специальными мерами защиты, которых требовало ее положение.

---

¹ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20, 10 марта 1992 года (HRI/GEN/1/Rev.7), пункты 2 и 5.

² Заключительные замечания Комитета по правам человека: Перу, 15 ноября 2000 года (CCPR/CO/70/PER), пункт 20.

3.9 Автор заявляет, что администрация лечебного центра лишила ее защиты в результате ограничительного толкования статьи 119 Уголовного кодекса. Она добавляет, что в тексте закона не содержится никаких указаний на то, что исключения, касающиеся аборта по медицинским показаниям, должны применяться только в случаях угрозы для физического здоровья. Однако в данном случае больничная администрация провела различие и не рассматривала понятие здоровья как единое целое, нарушив юридический принцип о том, что никаких различий не должно проводиться, если это не предусмотрено законом. Она отмечает, что здоровье является "состоянием полного физического, психического и социального благополучия и означает не только отсутствие болезни или увечья", поэтому Уголовный кодекс Перу трактует охрану здоровья в широком и всеобъемлющем смысле, защищая и физическое, и психическое здоровье матери.

Невыполнение государством обязательства о сотрудничестве в соответствии со статьей 4 Факультативного протокола

4. 23 июля 2003 года, 15 марта 2004 года и 25 октября 2004 года государству-участнику были направлены письменные напоминания с просьбой представить информацию о приемлемости и существовании данной жалобы. Комитет отмечает, что такой информации получено не было. Он выражает сожаление в связи с тем, что государство-участник не представило никакой информации относительно приемлемости или существования утверждений автора. Он отмечает, что в соответствии с Факультативным протоколом государства-участники должны предоставлять в распоряжение Комитета всю имеющуюся у них информацию. В отсутствие какого-либо ответа от государства-участника надлежащее значение должно быть придано утверждениям автора в той мере, в какой они являются должным образом обоснованными³.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

5.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости согласно Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Комитет отмечает, что, по сведениям автора, этот же вопрос не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного разбирательства. Комитет также принимает к сведению ее аргументы о том, что в Перу не существует ни административных средств защиты, которые позволяли бы прервать беременность по медицинским показаниям, ни каких-либо судебных средств правовой защиты, действующих достаточно быстро и эффективно с тем, чтобы позволить какой-либо женщине потребовать от властей гарантий осуществления ее права на законный аборт в разумные сроки с учетом особых обстоятельств, возникающих в подобных случаях. Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой какое-либо средство правовой защиты, не имеющее шансов на успех, не должно приниматься в расчет как таковое и не нуждается в исчерпании для целей Факультативного протокола⁴. В отсутствие какого-либо ответа от государства-участника, надлежащее значение должно придаваться утверждениям автора. В этой связи Комитет считает, что требования подпунктов а) и b) пункта 2 статьи 5 соблюдены.

---

³ См. сообщение № 760/1997, *Дж. Г. А. Диргаарт и др. против Намибии*; Соображения, принятые 25 июля 2000 года, пункт 10.2, и сообщение № 1117/2002, *Саодат Хомидова против Таджикистана*; Соображения, принятые 29 июля 2004 года, пункт 4.

⁴ См. сообщение № 701/1996, *Сесарио Гомес Васкес против Испании*; Соображения, принятые 20 июля 2000 года, пункт 6.2.

5.3 Комитет считает, что утверждение автора о предполагаемых нарушениях статей 3 и 26 Пакта не обоснованы должным образом, поскольку автор не представила Комитету каких-либо доказательств в отношении событий, которые могли бы подтвердить какой-либо из видов дискриминации, предусмотренных упомянутыми статьями. В этой связи часть жалобы, затрагивающая статьи 3 и 26, объявляется неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5.4 Комитет отмечает, что автор заявляет о нарушении статьи 2 Пакта. Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой статья 2 Пакта, устанавливающая общие обязательства государств, является вспомогательной по своему характеру и не может изолированно упоминаться частными лицами в связи с Факультативным протоколом⁵. Поэтому жалоба по статье 2 будет рассматриваться вместе с другими утверждениями автора.

5.5 Относительно утверждений автора, касающихся статей 7, 17 и 24 Пакта, Комитет считает, что они должным образом обоснованы для целей приемлемости и что, как представляется, они затрагивают вопросы в связи с этими положениями. Поэтому Комитет переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

6.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей полученной информации, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

6.2 Комитет отмечает, что автор представила заключение врача, подтверждающее, что ее беременность угрожала ее жизни. Ее состояние имело также тяжелые психологические последствия, усугубляемые ее статусом как несовершеннолетней, что подтверждено психиатрическим заключением от 20 августа 2001 года. Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких свидетельств, опровергающих вышесказанное. Он отмечает, что власти были осведомлены об угрозе для жизни автора, поскольку акушер-гинеколог той же больницы рекомендовал ей прервать беременность, причем провести операцию в той же самой больнице. Последующий отказ компетентных медицинских властей предоставить соответствующие услуги автору мог бы иметь последствия, ставящие ее жизнь под угрозу. Автор заявляет, что в ее распоряжении не было никакого эффективного средства правовой защиты для противодействия этому решению. В отсутствие какой-либо информации со стороны государства-участника заявлениям автора должно быть придано должное значение.

6.3 Автор также утверждает, что из-за отказа медицинских властей произвести аборт по медицинским показаниям ей пришлось пережить страдания, видя врожденные аномалии в развитии своей дочери и зная, что она скоро умрет. Это явилось испытанием, усугубившим боль и страдания, которые она уже испытывала в течение всего периода вынужденного сохранения беременности. Автор прилагает справку врача-психиатра, датированную 20 августа 2001 года и подтверждающую состояние глубокой депрессии, в которую она впала, и вызванные этим тяжелые последствия, учитывая ее возраст. Комитет отмечает, что такую ситуацию можно было бы предвидеть, поскольку врач больницы поставил диагноз анэнцефалии плода, а директор больницы отказался прервать беременность. Упущение со стороны государства, состоявшее в том, что оно не разрешило автору воспользоваться абортом по медицинским соображениям, по мнению Комитета, стало причиной ее страданий. В своем Замечании общего порядка № 20 Комитет отмечал, что право, предусмотренное в статье 7 Пакта, касается не только физической боли, но и психических страданий, и что

---

⁵ См. сообщение № 802/1008, *Эндрю Роджерсон против Австралии*; Соображения, принятые 3 апреля 2002 года, пункт 7.9.

предоставление защиты является особенно важным в случае несовершеннолетних лиц⁶. В отсутствие какой-либо информации со стороны государства-участника по этому вопросу жалобам автора следует придать должное значение. В этой связи Комитет считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Пакта. С учетом этих выводов Комитет не считает необходимым в данных обстоятельствах делать выводы по статье 6 Пакта.

6.4 Автор заявляет, что государство-участник, отказав ей в возможности произвести медицинскую операцию по прерыванию беременности, произвольно вмешалось в ее частную жизнь. Комитет отмечает, что врач государственного сектора сказал автору, что она может либо продолжать сохранять беременность либо прервать ее в соответствии с внутренним законодательством, разрешающим аборт в случаях, представляющих угрозу для жизни матери. В отсутствие какой-либо реакции со стороны государства-участника должное значение должно быть придано заявлению автора о том, что на момент предоставления этой информации условия для осуществления законного аборта, предусмотренные законом, существовали. С учетом обстоятельств данного дела отказ действовать в соответствии с решением автора о прерывании ее беременности не был оправданным и является нарушением статьи 17 Пакта.

6.5 Автор утверждает, что нарушена статья 24 Пакта, поскольку она не получила от государства-участника специальной помощи, в которой нуждалась как несовершеннолетняя. Комитет отмечает особую уязвимость автора как несовершеннолетней. Он далее отмечает, что в отсутствие какой-либо информации со стороны государства-участника следует придать заявлению автора о том, что она не получила во время своей беременности медицинской и психологической помощи, которая была ей необходима в конкретных обстоятельствах ее случая. В этой связи Комитет считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статьи 24 Пакта.

6.6 Автор утверждает, что является жертвой нарушения статьи 2 Пакта на том основании, что в ее распоряжении не было адекватных средств правовой защиты. В отсутствие какой-либо информации со стороны государства-участника Комитет считает, что должное значение следует придать утверждениям автора, касающимся отсутствия у нее адекватных средств правовой защиты, и в этой связи приходит к выводу, что имеющиеся в его распоряжении факты также свидетельствуют о нарушении статьи 2 в совокупности со статьями 7, 17 и 24. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту, пришел к мнению, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статей 2, 7, 17 и 24 Пакта.

7. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, включая возмещение ущерба. Государство-участник обязано предпринять шаги для обеспечения того, чтобы подобные нарушения не происходили в будущем.

8. С учетом того, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать им эффективное и обладающее исковой силой средство правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для претворения в жизнь настоящих Соображений. Государству-участнику предлагается также опубликовать Соображения Комитета.

---

⁶ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20: Запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (статья 7), 10 марта 1992 года (HRI/GEN/1/Rev.7, пункты 2 и 5).

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-на Иполито Солари-Иригойена

Мое особое несогласное мнение в отношении данного сообщения - большинство членов Комитета не считает, что была нарушена статья 6 Пакта - основано на следующих соображениях:

Рассмотрение сообщения по существу

Комитет отмечает, что, в то время как автор была несовершеннолетним лицом, она и ее мать были информированы акушером-гинекологом национальной больницы в Лиме, у которого они консультировались по поводу беременности автора, о том, что плод страдает анэнцефалией, которая неизбежно приведет к его смерти после родов. Врач сказал автору, что у нее есть выбор между двумя вариантами: 1) продолжать сохранять беременность, которая поставит под угрозу ее собственную жизнь, или 2) прервать эту беременность, производя аборт по медицинским показаниям. Он рекомендовал второй вариант. Учитывая этот убедительный совет специалиста, который сообщил ей об угрозе для ее жизни в случае, если беременность будет сохраняться, автор решила последовать его профессиональному совету и выбрала второй вариант. В результате были проведены все клинические исследования, необходимые для подтверждения заключения врача об угрозе для жизни матери в случае сохранения беременности и о неизбежности смерти плода после родов.

Все свои заявления об угрожавшем ей смертельном риске в случае сохранения беременности автор подтвердила заключениями врачей и психиатров. Несмотря на этот риск, директор государственной больницы не разрешил ей сделать аборт по медицинским показаниям, допускаемый законом государства-участника, сославшись на то, что это явилось бы не прерыванием беременности по медицинским показаниям, а скорее произвольным и необоснованным абортom, наказуемым в соответствии с Уголовным кодексом. Директор больницы не представил никакого правового обоснования в поддержку своего решения, которое исходило бы не из его профессиональной среды или опротестовывало бы медицинские заключения о наличии серьезной угрозы для жизни матери. Кроме того, Комитет может отметить, что государство-участник не представило каких-либо доказательств, опровергающих заявления и свидетельства, представленные автором. Отказ сделать аборт по медицинским показаниям не только поставил под угрозу жизнь автора, но и имел тяжелые последствия для ее здоровья, в подтверждение чего автор также представила Комитету убедительные доказательства.

Нарушением статьи 6 Пакта является не только лишение какого-либо лица жизни, но и создание значительной угрозы для жизни какого-либо лица, как это имело место в данном случае. В этой связи я считаю, что факты в данном случае свидетельствуют о нарушении статьи 6 Пакта.

Сообщение № 1156/2003

Представлено: Рафаэлем Пересом Эсколаром (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: автор

Государство-участник: Испания

Дата принятия Соображений: 28 марта 2006 года

Тема сообщения: расширение пределов рассмотрения дела в кассационном порядке Верховным судом Испании, назначение более строгого наказания судом второй инстанции

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Вопросы существа: право на пересмотр вынесенного приговора и осуждения вышестоящим судом в соответствии с законом

Статья Пакта: пункт 5 статьи 14

Статья Факультативного протокола: не затрагивается

Вывод: отсутствие нарушения

1. Автор сообщения от 13 декабря 2002 года - Рафаэль Перес Эсколар, гражданин Испании, 1927 года рождения, который утверждает, что он стал жертвой нарушений со стороны Испании положений пункта 5 статьи 14 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для Испании 25 апреля 1985 года. Автор представлен адвокатами, г-дами Иваном Эрнандесом Уррабуру и Хосе Луисом Масоном Коста.

Факты в изложении автора

2.1 Автор - акционер и член Исполнительного совета "Банко эспаньол де кредито" ("БАНЕСТО"). 28 декабря 1993 года он и три других члена Исполнительного совета были смещены с должности.

2.2 14 ноября 1994 года прокуратура при Национальном суде возбудила уголовное дело в отношении 10 лиц, включая автора, по обвинениям в подлоге коммерческих документов и хищении. В ходе следствия, которое продолжалось два года, было допрошено 470 свидетелей и экспертов. Материалы дела составили 53 тома протоколов расследования и 121 том показаний свидетелей и экспертов. Автор обвинялся в участии в трех из 11 операций, в которых якобы имелись нарушения, утвержденных правлением "БАНЕСТО". 31 марта 2000 года Национальный суд приговорил автора к пяти годам и восьми месяцам лишения свободы и штрафу в размере 18 млн. песет за мошенничество и четырем месяцам ареста за хищение. С автора было снято обвинение в подлоге документов. По поводу первого преступления автор утверждает, что ему вменялось в вину получение в безвозмездном порядке доли в прибылях совместного предприятия. Автор заявляет, что Национальный суд не усмотрел доказательной силы в показаниях семи экспертов защиты, равно как и в документах, представленных автором, которые, как тот утверждает, не могут быть вновь рассмотрены во второй инстанции. Что касается второго преступления, то, как утверждает автор, приговор был вынесен на основе противоречивых показаний, прежде всего показаний трех свидетелей обвинения, достоверность которых не могла быть рассмотрена по второй инстанции.

2.3 Автор подал в Палату по уголовным делам Верховного суда кассационную жалобу по 16 основаниям, в которой он просил вновь рассмотреть несколько аспектов фактического характера, связанных с вынесенным ему приговором. Поскольку в кассационной инстанции дело не рассматривается по существу, автор попытался косвенным образом добиться, путем осуществления права на презумпцию невиновности, повторного рассмотрения доказательств обвинения, послуживших основанием приговора, однако безуспешно. В период рассмотрения указанной жалобы

были опубликованы соображения Комитета по делу Гомеса Васкеса, что побудило автора обратиться к Верховному суду с тремя различными ходатайствами о применении решения Комитета по поводу пересмотра вышестоящей инстанцией согласно пункту 5 статьи 14; эти ходатайства были отклонены.

2.4 Всеобщий союз трудящихся (ВСТ), выступавший в качестве частного обвинителя при рассмотрении кассационной жалобы, по поводу хищения, в пособничестве которому был осужден автор, ходатайствовал перед Верховным судом о том, чтобы квалификация состава преступления была изменена с пособничества на прямое исполнение преступления. Автор оспорил эти обвинения, в частности, в своем письме от 4 декабря 2000 года, направленном Верховному суду, которое имеется в материалах, представленных Комитету. 29 июля 2002 года Верховный суд принял решение по кассационной жалобе, ужесточив наказание автору за преступление хищения с четырех месяцев до четырех лет лишения свободы, посчитав, что автор принимал участие в совершении этого преступления в качестве прямого исполнителя, а не всего лишь пособника. Согласно автору, Верховный суд не рассмотрел фактических обстоятельств дела в силу пределов рассмотрения дела по кассации, что лишило его права на полный пересмотр дела.

2.5. В тот же день, когда он был уведомлен о вынесенном решении, т.е. 29 июля 2002 года, автор был помещен в тюрьму, где он находился до сентября того же года, когда он был условно освобожден в связи с возрастом и болезнью.

2.6. Автор считает, что с принятием решения Верховным судом имело место исчерпание внутренних средств защиты. Автор признает, что он не подавал жалобы по процедуре ампаро (осуществление конституционных прав) в Конституционный суд. По его мнению, это было бы бесполезно в силу утвердившейся практики Конституционного суда, который считает, что кассационная жалоба соответствует требованию о пересмотре, установленному пунктом 5 статьи 14 Пакта.

Жалоба

3.1 Автор заявляет о нарушении положений пункта 5 статьи 14 Пакта на том основании, что приговор, вынесенный ему Национальным судом, не был пересмотрен в полном объеме. Несмотря на то, что автор попытался добиться повторного изучения обстоятельств дела, послуживших основанием его осуждения, ссылаясь на нарушение права на презумпцию невиновности, в силу, как он утверждает, ограниченных пределов кассационного обжалования, пересмотр дела Верховным судом ограничился только вопросами права, исключив, таким образом, повторное изучение вопросов факта, и рассмотрение доказательств, которые не были приобщены к делу Национальным судом. Как утверждает автор, тот аргумент Верховного суда, что он не может рассматривать доказательства в силу отсутствия на судебном процессе, неприменим в его случае, поскольку имеется видеозапись всего судебного процесса.

3.2 Как утверждает автор, согласно судебной практике Верховного суда оценка доказательств, представленных в ходе процесса, не имеет отношения к рассмотрению кассационной жалобы, за исключением особых случаев крайней предвзятости или явной необоснованности. С другой стороны, в своих решениях Конституционный суд после принятия соображений Комитета в деле Гомеса Васкеса, утверждает автор, признает, что положения пункта 5 статьи 14 Пакта устанавливают собственно не принцип второго слушания, а лишь право передачи приговора и осуждения на рассмотрение вышестоящего суда и что кассационная жалоба, несмотря на свой ограниченный характер, соответствует функции пересмотра и гарантии, которых требует Пакт.

3.3. В обоснование своей жалобы автор ссылается на заключительные замечания Комитета в связи с четвертым периодическим докладом, представленным Испанией, в которых государству-участнику рекомендовалось ввести право обжалования решений Национальной судебной коллегии в целях выполнения требований, предусмотренных в пункте 5 статьи 14 Пакта. Он также ссылается на соображения Комитета по делу Гомеса Васкеса, в которых Комитет пришел к выводу, что отсутствие

возможности всестороннего пересмотра обвинительного приговора и осуждения автора, ограничивающее указанный пересмотр формальными или юридическими аспектами приговора, не обеспечивает соблюдения гарантий, предусмотренных в пункте 5 статьи 14 Пакта.

3.4 Автор заявляет, что положения пункта 5 статьи 14 нарушены еще и тем, что он не мог добиться какого-либо пересмотра решения о назначении более строго наказания, вынесенного Верховным судом. Автор утверждает, что в отличие от других государств-участников Испания не сделала оговорок к пункту 5 статьи 14 в смысле его неприменимости в случаях первоначального вынесения приговоров в апелляционной инстанции. Он также отмечает, что в соответствии с установившейся практикой Конституционного суда право обжалования отсутствует в том случае, когда приговор вынесен кассационной инстанцией, что делало бессмысленным представление ходатайства по процедуре ампаро.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своем письме от 17 апреля 2003 года государство-участник утверждает, что сообщение неприемлемо в соответствии с положениями подпункта b) пункта 2 статьи 5 Пакта в силу исчерпания внутренних средств правовой защиты. Оно считает, что автор сообщения должен был заявить ходатайство по процедуре ампаро в Конституционный суд в отношении решения Верховного суда, отклонившего кассационную жалобу, и что ходатайство по процедуре ампаро не может считаться в конкретном случае автора неэффективным средством судебной защиты.

4.2 Как указывает государство-участник, Конституционный суд должен был иметь возможность высказаться в порядке рассмотрения ходатайства по процедуре ампаро в отношении расширения пределов рассмотрения дела, проведенного по кассационной жалобе в конкретном случае автора. Поскольку последний не заявил ходатайства по процедуре ампаро, Конституционный суд был лишен указанной возможности. Государство-участник утверждает, что необходимо учитывать, исчерпаны ли средства защиты в каждом конкретном случае. Что касается автора, то государство-участник утверждает, что пересмотр приговора в кассационном порядке не ограничился формальными или юридическими аспектами, а наоборот позволил провести подробное рассмотрение фактических обстоятельств и доказательств, на которых основывался приговор. Оно отмечает, что на это указывается в самом приговоре Верховного суда по делу автора. Что касается расширения пределов рассмотрения дела в кассационном порядке, то государство-участник утверждает, что судебная практика по вопросам расширения пределов рассмотрения по кассации изменилась прежде всего в том, что касается фактических ошибок и оценки доказательств. Как указывает государство-участник, этот аспект также признается в решении кассационной инстанции. Как считает государство-участник, таким образом, автор обязан был заявить жалобу по процедуре ампаро, чтобы Конституционный суд мог оценить степень полноты пересмотра дела в его конкретном случае.

4.3 Государство-участник ссылается на текст решения, вынесенного Верховным судом по делу автора, в соответствии с которым, "как явствует из данного решения, многочисленные участники процесса имели возможность заявить более 170 оснований кассационного обжалования, среди которых чаще всего фигурируют фактические ошибки и ошибки в оценке доказательств с точки зрения и соответствующее повторное рассмотрение доказанных фактов. Они также ссылаются на презумпцию невиновности как аргумент, позволяющий оспорить оценку доказательства с точки зрения его разумности и логической аргументированности. Из этого следует, что в данном случае мы имеем средство судебной защиты, выходящее за строгие и формальные рамки классической кассации и удовлетворяющее требование второго слушания".

4.4 Что касается назначения более строго наказания, то, как утверждает государство-участник, оно полностью соответствовало обвинительной процедуре и автору было известно о наказаниях, связанных с предъявленными обвинениями, при этом абсолютно неправомерно говорить о том, что это было первым осуждением автора. Как считает государство-участник, тот факт, что ряд государств-участников сделали заявление по пункту 5 статьи 14 Пакта, исключив его применение в

случае ужесточения наказания, не означает, что указанные положения препятствуют такому ужесточению наказания.

Комментарии автора

5.1 В своем письме от 25 июля 2003 года автор вновь заявляет о бесполезности обращения с жалобой в Конституционный суд. Он отмечает, что как практика Верховного суда, так и практика Конституционного суда до и после принятия Соображений Комитета по делу Гомеса Васкеса не изменились в отношении кассационного обжалования, в том смысле что нет оснований для повторного рассмотрения обстоятельств дела по существу. Он отмечает, что якобы изменившаяся судебная практика касается ситуации, которая всегда имела место, - Верховный суд всегда мог рассматривать по кассации существо дела в случаях крайнего произвола или явной необоснованности.

5.2 Автор настаивает, что нельзя считать, что, рассмотрев кассационную жалобу, Верховный суд выявил все ошибки фактического характера в приговоре. Он настаивает на том, что в приговоре Национальной судебной коллегии не были приняты во внимание доказательства защиты, что не было учтено при кассационном производстве. Согласно автору, его сообщение идентично сообщению, рассмотренному Комитетом в деле Гомеса Васкеса, и должно быть рассмотрено на тех же основаниях. Автор утверждает, что, хотя государство-участник указывает на возможность рассмотрения жалобы на нарушение основных прав в Конституционном суде, оно также признает, что в случае ее подачи она была бы отклонена, что он считает подтверждением недейственности ее подачи.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости сообщения

6. 8 марта 2004 года на своей восьмидесятой сессии Комитет решил, что внутренние средства правовой защиты в соответствии с положениями подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола были исчерпаны, и постановил, что сообщение приемлемо в той части, в которой оно затрагивает вопросы, связанные с пунктом 5 статьи 14 Пакта.

Замечания государства-участника по существу сообщения

a) *Изменения в законодательстве, расширяющие в Испании сферу охвата апелляционного обжалования*

7.1 Государство-участник сообщает, что органический закон № 19/2003 от 23 декабря 2003 года устанавливает в Испании право на второе слушание дела, уполномочивает уголовные коллегии и высшие суды рассматривать апелляционные жалобы на решения, вынесенные провинциальными судебными коллегиями, и предусматривает создание апелляционной палаты в Национальном суде. Согласно пояснительной записке к этому закону ставится цель не только уменьшить нагрузку второй палаты Верховного суда, но и разрешить коллизию, возникшую в результате опубликования мнения Комитета по правам человека от 20 июля 2000 года, в котором предусматривается, что действующая в Испании система кассационного обжалования противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах. Государство-участник также сообщает, что после того как была дополнительно расширена сфера кассационного обжалования, потребовалось внесение поправок в законодательство, призванных разгрузить Верховный суд и дать ему возможность выполнять возложенные на него функции по обеспечению единообразного применения законов. Государство-участник считает, что поправки, внесенные в законодательство, объяснялись не недостаточно широкой сферой охвата кассации для выполнения предписаний Пакта, а, наоборот, чрезвычайно широкими пределами кассации, что потребовало решения проблемы перегрузки Верховного суда.

b) Дополнительное расширение пределов кассационного обжалования в настоящее время

7.2 Государство-участник сообщает, что кассационное обжалование ныне имеет более широкую сферу охвата по сравнению с прежним периодом. Оно ссылается на решение Верховного суда от 16 февраля 2004 года, в соответствии с которым кассационное производство в своей первоначальной концепции и с изменениями, внесенными до вступления в силу Конституции Испании, строилось на жестком формализме, отрицающем любую возможность рассмотрения доказательств по существу, за исключением тех случаев, когда содержание какого-либо документа неопровержимо свидетельствует об ошибке, допущенной судом первой инстанции. Эта ситуация, утверждает государство-участник, тем не менее изменилась после принятия Конституции Испании и внесения поправок в пункт 4 статьи 5 Органического закона о судебной власти, предусматривающих расширение возможностей рассмотрения доказательств по существу. Процедура защиты основных прав всех обвиняемых в совершении уголовно-наказуемого деяния, и прежде всего повсеместное обеспечение действенной судебной защиты, презумпции невиновности, необходимость предоставления достаточных доводов и логической оценки доказательств, на основании которых судебный орган выносит то или иное решение, - все это достаточно для того, чтобы утверждать, что это средство судебной защиты может быть эффективным.

7.3 Государство-участник также сообщает, что ни в испанском законодательстве, ни в законодательстве соседних стран апелляция обжалование не предполагает повторного исследования доказательств. В случае автора Верховный суд подчеркнул, что не предусмотрена процедура апелляции, которая позволила бы полностью воспроизвести процесс, проведенный по первой инстанции. Статья 795 Уголовно-процессуального кодекса Испании, которая устанавливает процедуру обжалования приговоров, вынесенных палатами по уголовным делам провинциальных судов или в Национальном суде, ограничивает сферу ее применения нарушением процессуальных норм и гарантий, ошибкой в оценке доказательств или нарушением норм Конституции и законодательства. Только на этом основании можно требовать исследования доказательств, которые не могли быть представлены по первой инстанции, или доказательств, которые были неправомерным образом отклонены, и доказательств, которые суд согласился принять, но которые тем не менее не были представлены по причинам, не зависящим от жалобщика, при условии отсутствия надлежащей защиты. Государство-участник далее ссылается на законодательство ряда европейских стран, которое, по его мнению, также не допускает повторения процесса при полном исследовании доказательств в порядке апелляции.

7.4 Государство-участник указывает, что, рассматривая дело автора, Верховный суд тщательно рассмотрел вопрос о том, обеспечивает ли кассационное обжалование право на пересмотр осуждения и приговора. Вынесенное им решение, по мнению государства-участника, указывает на чрезвычайно широкий охват рассмотренных обстоятельств дела. Суд постановил: "Нет сомнений в том, что в приговоре от 9 ноября 1993 года (по делу Гомеса Васкеса) утверждалось, что доказательства должны быть оценены полным и исчерпывающим образом нижестоящим судом в соответствии с положениями статьи 741 Уголовно-процессуального кодекса. Кроме того, в указанном решении отмечалось, что возможная повторная оценка доказательств меняла бы характер кассационного обжалования, превращая его в рассмотрение по второй инстанции, однако не менее очевидно, что сегодня кассационное обжалование утратило свои жесткие и формальные структуры и открыло широкие возможности пересмотра, включая исследование доказательств судебными коллегиями провинций".

7.5 В судебном решении, на которое ссылается государство-участник, также указывается, что прежний порядок, в соответствии с которым повторное исследование доказательств недопустимо, уже не применяется. Объективное исследование доказательств, презумпция невиновности, обязанность мотивирования судебных решений и конституционный запрет любых проявлений произвола при осуществлении функций государственной власти предполагают возможность проведения в порядке кассации анализа и оценки собранных доказательств. В практике Суда установилось, что функция кассации предусматривает не только оценку правомерности или

законности представленных доказательств, но и анализ содержания доказательств для определения того, может ли оно считаться инкриминирующим, или оправдывающим, или попросту недостаточным для того, чтобы поколебать презумпцию невиновности. Принцип толкования сомнения в пользу обвиняемого, который длительное время рассматривался как критерий толкования, не относящийся к процедуре кассации, вошел в число принципов оценки доказательств и может быть использован в ходе кассационного разбирательства в порядке исследования доказательств. Государство-участник настаивает на том, что нельзя отрицать неоспоримой эволюции, которую претерпела процедура кассации в Испании, вплоть до того, когда она стала допускать весьма широкое и содержательное изучение фактов, считающихся доказанными по первой инстанции. Подкрепляя свои доводы, государство-участник также ссылается на решение Европейского суда по правам человека от 19 февраля 2002 года, в котором в связи с жалобой гражданина Испании на отсутствие возможности обжалования судебного решения, было признано, что испанская система кассации совместима с положениями пункта 1 статьи 6 и статьи 13 Европейской конвенции о правах человека¹.

с) Пределы пересмотра в конкретном деле автора

7.6 Государство-участник отмечает, что необходимо анализировать обстоятельства повторного рассмотрения дела, проведенного по кассации в конкретном деле автора. Как сообщает государство-участник, в отличие от обстоятельств дела Гомеса Васкеса, Верховный суд вновь рассмотрел вопросы существования и оценки доказательств в восьми случаях, в которых автор ссылается либо на ошибку фактического характера в оценке доказательства, либо на нарушение презумпции невиновности. Государство-участник в этой связи ссылается на решение Верховного суда по делу автора, в соответствии с которым ссылка участников процесса на более чем 170 оснований кассационного обжалования с неоднократными упоминаниями ошибки в оценке доказательств и нарушении презумпции невиновности побудило его заключить, что в случае автора право на обжалование действий или решений суда было удовлетворено. В заключение государство-участник указывает, что, независимо от любых мнений по поводу системы обжалования в испанском правовом порядке, очевидно, что в данном конкретном деле было проведено самое тщательное изучение фактической стороны дела и что обвинительный приговор, вынесенный автору, был всесторонне изучен вышестоящим судом в соответствии с требованиями Пакта.

d) Вынесение более строгого наказания не является нарушением Пакта

7.7 Государство-участник утверждает, что возможность обжалования обвинительного приговора признается не только за осужденным, но и за обвинением, включая потерпевших от преступлений, расследованных в ходе процесса, и что это обстоятельство никоим образом не умаляет права на защиту осужденного, поскольку тот знакомится с содержанием протестов обвинения и может приводить те оправдания, которые он сочтет уместными. Оно также отмечает, что в случае назначения более строго наказания приговор выносится при неукоснительном соблюдении принципа процессуальных гарантий, наказание за преступление не превышает наказаний, соответствующих пунктам обвинения и известных обвиняемому с момента начала судебного процесса, причем обвиняемый осведомлен об имеющихся средствах правовой защиты. Право знакомиться с материалами дела и право на защиту, которые принадлежат обвиняемому в ходе производства по первой инстанции, сохраняются и на стадии кассации. В материальном смысле положение обвиняемого остается тем же, поскольку наказание, которого изначально требовало обвинение, осталось прежним. В этой связи, считает государство-участник, рассмотрение жалоб представляет собой стадию судопроизводства. Оно также сообщает, что неверно говорить, что автор был впервые осужден по кассации. Возможность назначения более строгого наказания в порядке обжалования и в пределах обвинения и заявленных протестов свойственно для всех развитых правовых систем

---

¹ Европейский суд по правам человека, решение № 65892/01, *Рамос Руис против Испании*, решение, принятое 19 февраля 2002 года.

соседних с Испанией стран. Обратное было бы равнозначно отрицанию права обвинения приносить протесты, что не может быть воспринято как требование пункта 5 статьи 14 Пакта. Оговорки, заявленные некоторыми государствами-членами по поводу этого положения, никоим образом не говорят о том, что оно препятствует назначению более строгого наказания в результате рассмотрения протеста или обвинения, а, видимо, преследуют цель исключить любые толкования пункта 5 статьи 14 в том смысле, который выводится автором, будучи направлены на сохранение применения пункта 5 статьи 14, а не исключение его применения.

Комментарии автора по представлениям государства-участника относительно существа сообщения

a) Поправка к органическому закону № 19/2003

8.1 В своем письме от 15 ноября 2004 года автор сообщает, что указанный закон не имеет непосредственной исполнительной силы и не введен в действие, поскольку не приняты соответствующие подзаконные акты, необходимые для его вступления в силу. Он также сообщает, что поправки, внесенные в законодательство, не имеют обратной силы, поэтому положение автора, которому было отказано в праве на обращение ко второй инстанции, сохраняется, поскольку закон не предусматривает каких-либо мер правовой защиты применительно к уже рассмотренным делам. Он сообщает, что нет оснований говорить о том, что *ratio legis* поправки, как утверждает государство-участник, заключалось в том обстоятельстве, что сфера охвата кассации расширилась: напротив, в пояснительной записке к указанному закону указано, что он принят в целях устранения противоречия, возникшего в результате принятия Комитетом своих соображений по делу Гомеса Васкеса.

b) Утверждения о расширении сферы охвата кассации

8.2 Автор сообщает, что государство-участник проигнорировало наличие соображений Комитета по делам Гомеса Васкеса, Синеиро и Семей, в которых в адрес государства-участника было высказано порицание за неадекватный характер пересмотра приговоров по уголовным делам. В функции Комитета входит изучение конкретных случаев, и ему не полагается, как утверждает государство-участник, высказываться по поводу общей ситуации в области прав человека в стране, поскольку такой вопрос должен рассматриваться в рамках процедуры рассмотрения периодических докладов. Постановление Верховного суда от 16 февраля 2004 года содержит ссылку на дело Мануэля Синеиро Фернандеса и отклоняет поданную кассационную жалобу, оставляя без внимания соображения Комитета в отношении сообщения, представленного г-ном Синеиро. Конституционный суд изложил аргументы, которые, по мнению автора, не являются убедительными: "...абсолютно невозможно по логическим и хронологическим соображениям с абсолютной точностью воспроизвести все, что имело место в ходе судопроизводства по первой инстанции. Система соответствует положениям Пакта, если... она реинтерпретирует толкование, данное доказательственным материалам судом первой инстанции, проверяя разумность методов логической дедукции, которые необходимы для любой судебной деятельности по оценке доказательств... Время невозможно остановить. Даже видеозаписи судопроизводства по первой инстанции было бы недостаточно, поскольку это образы прошлого, которые позволяют лишь уяснить сценарий, но не непосредственные и непередаваемые переживания непосредственных участников". Автор утверждает, что в указанном постановлении Конституционный суд признал по поводу компетенции Верховного суда, что "повторная оценка доказательственных материалов, на которых основывался суд первой инстанции, вынося свой обвинительный приговор, не входит в число его функций". Автор также отмечает, что одним из оснований отклонения жалобы, предусмотренным в статье 884 Уголовно-процессуального кодекса, является оспаривание фактов, которые признаны в приговоре доказанными, и что согласно статье 849 Кодекса кассационная жалоба может быть подана только на основании ошибки в оценке доказательства. Такая ошибка должна документально подтверждаться материалами, приобщенными к делу, которые свидетельствуют об ошибке суда и не противоречат другим доказательствам.

c) Пределы пересмотра в конкретном деле автора

8.3 Автор утверждает, что кассационная жалоба не позволяет подвергнуть сомнению достоверность показаний свидетелей или экспертов, на которых основывается обвинение, за исключением случаев явной предвзятости или отсутствия любых доказательств вины. В приговоре, вынесенном Национальным судом, автор признается виновным в получении на безвозмездной основе доли прибылей совместного предприятия, что автор отрицал, утверждая, что полученные им суммы представляли собой профессиональные гонорары, выплаченные за его услуги адвоката. Ряд экспертов подтвердили версию автора, которая не была принята судьей, который также не учел документов, представленных автором в свою защиту. Эти вопросы, утверждает автор, не могут быть предметом пересмотра по кассации. Что касается преступления хищения, то приговор Национального суда строится на противоречивых показаниях, которые принимались судом только тогда, когда они свидетельствовали против невиновности обвиняемого при конкретной ссылке на трех свидетелей обвинения, достоверность показаний которых не может быть вновь рассмотрена в кассационной инстанции. Суд не отрицает того, что он не провел повторного рассмотрения доказательств в этом аспекте, однако утверждает, что в результате повторного рассмотрения разумности изучения доказательств, проведенного судьей, требования пункта 5 статьи 14 Пакта выполнены. В свою очередь прокурор при Верховном суде признал, что оценка доказательств не входит в компетенцию Верховного суда. Автор отмечает, что ссылка государства-участника на приговор Европейского суда по правам человека не учитывает того, что право на второе слушание признается не в Европейской конвенции о правах человека, а в дополнительном протоколе № 7 к Конвенции, участником которого Испания не является. Он также отмечает, что, наоборот, Межамериканский суд по правам человека в своем решении от 2 июля 2004 года, вынесенном по делу Эрреры Ульоа против Коста-Рики, принял к сведению практику Комитета в указанных выше делах и постановил, что система кассации, действующая в Коста-Рике, не соответствует требованиям статьи 8 Американской конвенции о правах человека, поскольку вышестоящий суд не может "провести полного и всестороннего рассмотрения всех вопросов, обсуждавшихся и анализировавшихся нижестоящим судом"².

d) Отсутствие права на второе слушание в связи с назначением более строгого наказания в кассационном производстве

8.4 Автор утверждает, что государства-участники, которые желали исключить применение положений пункта 5 статьи 14 Пакта, в случае назначения более строгого наказания во второй инстанции, заявили прямую оговорку в этом смысле. В этой связи автор ссылается на оговорку, заявленную по этому поводу Австрией. Он также сообщает, что государство-участник могло бы внести некоторые простые изменения в законодательство, чтобы обеспечить возможность проведения коллегией Верховного суда полного пересмотра вновь вынесенного приговора или более строго наказания, назначенного в результате разбирательства в порядке обжалования. Он указывает на то, что органический закон о судебной власти Испании устанавливает механизм пересмотра приговоров в аналогичных случаях, подобных приговорам, вынесенным коллегией по административным делам Верховного суда.

---

² Inter-American Court of Human Rights, *Herrera Ulloa v. Costa Rica*, judgement of 2 July 2004, seires C, № 107, paras. 166-167.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение, принимая к сведению всю информацию, которую стороны предоставили в его распоряжение в соответствии с положениями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 В предыдущем деле (сообщение № 1095/2002, Гомарис против Испании, сообщения от 22 июня 2005 года, пункт 7.1) Комитет пришел к выводу, что отсутствие права на пересмотр вышестоящим судом приговора, вынесенного апелляционным судом после того, как лицо было признано невиновным нижестоящим судом, представляет собой нарушение положений пункта 5 статьи 14 Пакта. Данный случай имеет иной характер, поскольку приговор нижестоящего суда был подтвержден Верховным судом. Тот тем не менее ужесточил наказание, вынесенное нижестоящим судом за то же преступление. Комитет отмечает, что в правовых системах многих стран апелляционные суды могут уменьшать, подтверждать или увеличивать наказания, вынесенные нижестоящими судами. Хотя в данном случае Верховный суд пришел к иному мнению в отношении фактов, признанных доказанными нижестоящим судом, заключив, что г-н Перес Эсколар был прямым исполнителем, а не только пособником преступления хищения, Комитет считает, что приговор Верховного суда не изменил существенным образом квалификацию преступления, а лишь отразил то, что оценка со стороны суда серьезности обстоятельств преступления влекла за собой вынесение более строго наказания. Таким образом, не имеется оснований утверждать, что в данном случае допущено нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта.

9.3 Что касается других утверждений автора, связанных с пунктом 5 статьи 14, то Комитет отмечает, что различные основания кассационного обжалования, представленные автором Верховному суду, касаются, как он утверждает, ошибок в факте, связанных с оценкой доказательств, а также нарушения принципа презумпции невиновности. Из решений Верховного суда вытекает, что Суд тщательно рассмотрел утверждения автора, проанализировал доказательства, собранные в ходе процесса и доказательства, на которые автор ссылается в своей жалобе, и пришел к выводу, что имеются достаточные улики, позволяющие опровергнуть как наличие ошибок в оценке доказательств, так и нарушения презумпции невиновности автора³. Комитет заключает, что эта часть жалобы, касающаяся нарушения положений пункт 5 статьи 14, не была достаточным образом обоснована автором.

10. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что рассмотренные им факты не свидетельствуют о каком-либо нарушении Пакта.

---

³ По аналогичным случаям см. сообщение 10/59/2002, *Карвальо против Испании*, решение от 28 октября 2005 года; сообщение № 13/99/2005, *Куартеро против Испании*, решение от 7 июля 2005 года, пункт 4.4; сообщение № 1356/2005 год, *Парра Корраль против Испании*, решение от 29 марта 2005 года, пункт 4.3; сообщение № 1389/2005, *Бертелли против Испании*, решение от 25 июля 2005 года, пункт 4.5.

Сообщение № 1159/2003

Представлено: Мариам Санкара и др. (представлены адвокатом)

Предполагаемая жертва: Мариам, Филипп, Огюст и Томас Санкара

Государство-участник: Буркина-Фасо

Дата принятия Сообщений: 28 марта 2006 года

Тема сообщения: невозбуждение публичного расследования и судебного преследования по факту убийства; отказ в правосудии по причине политических убеждений

Процедурные вопросы: просьба о пересмотре решения о приемлемости от 9 марта 2004 года

Вопросы существа: невозбуждение публичного расследования и судебного преследования по факту убийства; бесчеловечное обращение; невнесение исправлений в свидетельство о смерти; отказ в правосудии; принцип равенства состязательных возможностей сторон разбирательства; право на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом в разумные сроки; право на личную безопасность; дискриминация по признаку политических убеждений

Статьи Пакта: статья 7; пункт 1 статьи 9; пункт 1 статьи 14; статья 26

Статья Факультативного протокола: пункт 1 статьи 5

Вывод: наличие нарушения (статья 7 и пункт 1 статьи 14)

1.1 Авторы сообщения, г-жа Мариам Санкара (родившаяся 26 марта 1953 года и проживающая во Франции) и ее сыновья Филипп (родившийся 10 августа 1980 года и проживающий во Франции) и Огюст Санкара (родившийся 21 сентября 1982 года и проживающий во Франции), являются соответственно супругой и детьми бывшего президента Буркина-Фасо г-на Томаса Санкары, скончавшегося 15 октября 1987 года. Авторы заявляют, что они действуют от имени г-на Томаса Санкары и от собственного имени как жертвы. Они сообщают о нарушениях Буркина-Фасо, с одной стороны, пункта 1 статьи 6 в отношении Томаса Санкары и, с другой – пунктов 1 и 3 а) и б) статьи 2; пункта 1 статьи 14; статьи 17; пункта 1 статьи 23 и статьи 26 Пакта в отношении г-жи Санкара и ее детей, а также статьи 16 Пакта в случае Огюста Санкары. Авторы представлены адвокатами международной юридической группы "Правосудие для Санкара" г-ном Венсаном Вале и г-ном Милтоном Джеймсом Фернандесом.

1.2 Пакт и Факультативный протокол к нему вступили для Буркина-Фасо в силу 4 апреля 1999 года.

Факты в изложении авторов

2.1 15 октября 1987 года во время государственного переворота в Уагадугу был убит президент Буркина-Фасо Томас Санкара.

2.2 Согласно заявлению авторов, с 1987 по 1997 год власти не предпринимали какого-либо расследования этого убийства. Кроме того, 17 января 1988 года было выдано свидетельство о смерти, в котором неверно указывалось, что Томас Санкара умер естественной смертью.

2.3 29 сентября 1997 года, еще до истечения десятилетнего срока давности, г-жа Мариам Санкара в качестве супруги и от имени своих двух несовершеннолетних детей представила жалобу против "Х" в связи с убийством г-на Томаса Санкары, а также в связи с фальсификацией административной записи на имя старейшины следственных судей при суде большой инстанции Уагадугу. 9 октября 1997 года авторы в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом внесли залог в размере 1 млн. франков КФА.

2.4 29 января 1998 года Генеральный прокурор Буркина-Фасо распорядился не проводить следствие, оспорив компетенцию общеуголовного суда на том основании, что вменяемые деяния были совершены на объекте военного ведомства военнослужащими и приравненными к ним лицами; что свидетельство о смерти было выдано медицинскими службами Национальных вооруженных сил и было подписано главным военным врачом, который, следовательно, являлся военнослужащим.

2.5 23 марта 1998 года в своем постановлении № 06/98 следственный судья, напротив, определил, что суд большой инстанции Уагадугу является обычным судом, компетентным рассматривать данное дело¹.

2.6 2 апреля 1998 года Прокурор Буркина-Фасо опротестовал это решение².

2.7 10 декабря 1999 года адвокаты авторов сообщения в отсутствие решения обвинительной палаты апелляционного суда обратились к министру юстиции и в Высший совет магистратуры с ходатайством принять все необходимые меры для обеспечения беспристрастности правосудия.

2.8 26 января 2000 года своим постановлением № 14 апелляционный суд Уагадугу отменил постановление № 06/98 от 23 марта 1998 года и объявил общеуголовные суды некомпетентными по данному делу.

2.9 По утверждению авторов, несмотря на постановление № 14 апелляционного суда и ходатайство с их стороны от 27 января 2000 года, Прокурор Буркина-Фасо преднамеренно или по упущению не принял меры по передаче дела министру обороны, с тем чтобы он распорядился о судебном преследовании.

---

¹ Следственный судья счел, что, согласно статье 51 Уголовно-процессуального кодекса, следственные органы при суде большой инстанции Уагадугу компетентны проводить расследование с учетом места совершения преступления и истечения срока давности. "[...] Принимая во внимание тот факт, что в данном случае не было установлено, что преступление в виде убийства, о котором идет речь, было совершено в военном учреждении; что, даже если бы это и было так, уместно констатировать, что исполнитель или исполнители этого дерзкого преступления остаются неизвестными до наших дней; что это и стало причиной, по которой жалоба была сформулирована против "Х"; что, как следствие, на данном этапе, когда личность преступников заранее не установлена, было бы весьма рискованно делать вывод об их статусе военнослужащих; что, даже если признавать статус военнослужащего за автором фальсификации в административной записи, следует отметить, что это второе правонарушение субсидиарно связано с первым, а именно убийством, таким образом, что его совершение зависело от совершения первого, являющегося основным преступлением; что, кроме того, в праве существует общий принцип, согласно которому второстепенное следует за основным [...]; что, как следствие, наличие у исполнителя фальсификации статуса военнослужащего не может на законных основаниях оправдывать передачу исполнителя или исполнителей основного преступления, а именно убийства, органам военной юстиции [...]".

² "[...] ни для кого не является тайной, что события, в связи с которыми была представлена жалоба, разворачивались вечером 15 октября 1997 года в казарме Совета согласия. Таким образом, указанные деяния были совершены не только в военном учреждении, но и лицами, выступавшими в качестве военнослужащих. С любой точки зрения об общеуголовном преступлении речь даже не идет. Что касается фальсификации, о которой говорится в жалобе, то речь идет о дополнительном правонарушении, которое вытекает из основного и причина которого связана с основным деянием. Исходя из этих мотивов, необходимо просить обвинительную палату объявить следственного судью некомпетентным во исполнение статьи 34 Кодекса военной юстиции [...]". Статья 34 Кодекса военной юстиции гласит следующее: "Органы военной юстиции компетентны проводить расследование и судебное преследование общеуголовных преступлений, совершенных находящимися на действительной службе военнослужащими или приравненными к ним лицами либо в военных учреждениях, либо в местах квартирования, а также военные преступления, предусмотренные настоящим Кодексом, согласно применимым к ним правилам процедуры [...]".

2.10 27 января 2000 года адвокаты оспорили правомочность упомянутого постановления № 14, представив кассационную жалобу в судебную палату Верховного суда.

2.11 19 июня 2001 года Верховный суд своим постановлением № 46 признал кассационную жалобу неприемлемой из-за неуплаты залога³.

2.12 В тот же день в Верховном суде Генеральному прокурору было представлено ходатайство адвокатов относительно уведомления министра обороны о совершении преступления, с тем чтобы он издал приказ о возбуждении преследования⁴. Тогда же адвокаты обратились к министру обороны с просьбой издать приказ о возбуждении преследования, учитывая ожидаемое получение уведомления от Генеральной прокуратуры.

2.13 19 июня 2001 года во время одного интервью, касавшегося, в частности, дела Санкара, президент Буркина-Фасо, выступая на "Радио Франс Интернасьональ", заявил, что министру обороны не надлежит заниматься вопросами правосудия⁵.

---

³ Из постановления Верховного суда следует, что в этой инстанции авторы утверждали, что они, с одной стороны, 9 октября 1997 года в соответствии со статьей 85 Уголовно-процессуального кодекса внесли залог в размере одного миллиона франков КФА следственному судье во время представления своей жалобы, а с другой стороны, не уплатили административный залог секретарю Верховного суда, поскольку последний не ознакомил их с положениями статьи 110 постановления № 91-0051/PRES от 26 августа 1991 года, касающегося состава, организации и функционирования Верховного суда ("Истец обязан под страхом неприемлемости заявления в месячный срок с даты его жалобы депонировать в качестве административного залога сумму в размере 5 000 франков. Внесение административного залога осуществляется путем выплаты указанной суммы непосредственно заведующему канцелярией Верховного суда или оформлению платежного поручения на имя последнего. Заведующий канцелярией в момент приема жалобы должен ознакомить заявителей с положениями двух предшествующих подпунктов и сделать в акте запись об исполнении этой формальности"). Верховный суд счел, что положения статьи 85 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 110 упомянутого постановления касаются разных залогов и что внесение залога, предусмотренного первым положением, не освобождает от уплаты залога, предписанного вторым положением. Верховный суд также определил, что упущение заведующего канцелярией, состоявшее в неинформировании истцов об обязанности внести залог, по закону не влечет за собой каких-либо процессуальных санкций, и поэтому авторы не могли быть освобождены от этой обязанности вследствие выявленного таким образом упущения.

⁴ Утверждая, что постановление № 14 апелляционного суда обрело законную силу на основании постановления № 46 Верховного суда и что поэтому общеуголовные суды признаны некомпетентными, авторы на основании статьи 71 3) Кодекса военной юстиции (статья 71: "Если дело касается правонарушения, подпадающего под юрисдикцию военных трибуналов, министр обороны определяет, следует ли начинать по нему производство в органах военной юстиции. Любое преследование, под страхом недействительности, не может осуществляться, кроме как по приказу о возбуждении преследования, исходящему от министра обороны. Как только от гражданского следственного судьи, Прокурора Буркина-Фасо или Генерального прокурора поступает уведомление о совершении правонарушения, министр обороны обязан отдать приказ о возбуждении преследования. Приказ о возбуждении преследования не подлежит обжалованию; он должен содержать точное описание фактов, по которым проводятся процессуальные действия, их квалификацию и ссылки на применимые положения законодательства") потребовали, чтобы Генеральный прокурор официально уведомил о совершении преступного деяния министра обороны, который в этом случае обязан издать приказ о возбуждении преследования. Авторы также напомнили, что 27 января 2000 года они безуспешно ходатайствовали об этом перед Прокурором Буркина-Фасо. К тому же, по утверждению авторов, в аналогичном случае (дело *Прокуратора против Кафандо Марселя и др.*, переданное в суд согласно постановлению № 005/ТМО/ССИ от 17 июля 2000 года) Прокурор Буркина-Фасо суда большой инстанции Уагадугу своим посланием № 744/99 уведомил комиссара правительства при Военном трибунале о деяниях, квалифицируемых в качестве преступлений и правонарушений, которые, по-видимому, были совершены в помещениях Совета согласия. Кроме того, согласно заявлению авторов, министр обороны после предварительного расследования издал приказ о возбуждении преследования.

⁵ "Кое-кому все еще нравится использовать то один, то другой аспект дела Санкары в своих интересах. Но не нужно забывать, что система правосудия, безусловно, загружена делами. Министр обороны занимает

2.14 25 июня 2001 года на имя Прокурора Буркина-Фасо было направлено новое прошение.

2.15 23 июля 2001 года Прокурор Буркина-Фасо в своем ответе сообщил адвокатам, что, с одной стороны, их прошение касается деяний, квалифицируемых в качестве преступлений, которые были совершены 15 октября 1987 года, т.е. 13 лет и восемь месяцев тому назад, а с другой стороны, апелляционный суд 26 января 2000 года определил, что данное дело ему неподсудно, и предложил сторонам обратиться в компетентный суд.

2.16 25 июля 2001 года адвокаты оспорили ответ прокурора⁶ и вновь ходатайствовали о том, чтобы в соответствии со статьей 71 (3) Кодекса военной юстиции дело было передано на рассмотрение военных трибуналов, так как сама потерпевшая сторона не могла воспользоваться этим средством правовой защиты. До настоящего времени какого-либо ответа от Прокурора и, соответственно, сведений об обращении к министру обороны не поступало.

Жалоба

3.1 Авторы считают, что непроведение публичного расследования и судебного преследования с целью установления личности и гражданской и уголовной ответственности лиц, совершивших убийство Томаса Санкары, а также невнесение исправлений в свидетельство о смерти представляют собой серьезный случай отказа в правосудии в целях их защиты как членов семьи Санкара, что является нарушением статьи 17 и пункта 1 статьи 23 Пакта. Кроме того, они считают, что непроведение расследования и, следовательно, необеспечение гарантий равенства всех лиц перед законом, а также отказ Прокурора направить дело министру обороны, что помешало им добиться удовлетворения жалобы, обусловлены их политическими убеждениями, что является нарушением пункта 1 статьи 2 и статьи 26 Пакта.

3.2 Авторы утверждают, что государство-участник не выполнило свои обязательства, поскольку оно, с одной стороны, в нарушение пункта 3 а) и б) статьи 2 Пакта не предоставило в их распоряжение как лиц, права которых были нарушены, эффективное средство правовой защиты и, с другой стороны, не гарантировало беспристрастность правосудия, как того требует пункт 1 статьи 14 Пакта. По этому поводу авторы поясняют, что решение суда первой инстанции о признании подсудности дела военным трибуналам и о внесении в виде залога чрезвычайно большой суммы (1 млн. франков КФА) было принято с целью создания препятствий в рассмотрении их жалобы и, следовательно, представляет собой нарушение принципа равенства состязательных возможностей сторон дела. Кроме того, тот факт что их адвокатам пришлось требовать от апелляционного суда

свой пост не для того, чтобы решать вопросы правосудия; разумеется, у него другие обязанности. Но вместе с тем в отношении всего, что касается всех судебных дел, я могу вас заверить, что в нашей стране не существует каких-либо препятствий, мешающих надлежащему ходу любого дела от начала до конца. Мы выбрали правовое государство и намерены обеспечивать выполнение наших обязательств в этой области".

⁶ Авторы прежде всего доказывают, что срок давности был прерван (ни в постановлении в отношении проведения следствия, ни в постановлении апелляционного суда не ставилась под сомнение приемлемость жалобы. Кроме того, предшественник нынешнего прокурора Буркина-Фасо ссылался не на срок давности, а на статью 34 Кодекса военной юстиции. Наконец, Верховный суд принял постановление о неприемлемости жалобы на основании лишь невнесения залога, а не истечения срока давности). Во-вторых, авторы доказывают, что апелляционный суд в своем постановлении предложил сторонам, т.е. не только гражданскому истцу, но и прокуратуре, обратиться в суд, которому подсудно дело. Сообразно этому постановлению авторы объяснили, что они по смыслу положений Кодекса военной юстиции не могли обратиться непосредственно к министру обороны (который один уполномочен издать приказ о возбуждении преследования в случае правонарушения, подпадающего под юрисдикцию военных трибуналов), поскольку перед этим необходимо обращаться с ходатайством к Прокурору согласно статье 71 (3) Кодекса военной юстиции. В этой связи вновь была сделана ссылка на дело *Прокуратура против Кафандо Марселя и др.*

принять какое-либо решение, вписывается в рамки упомянутых нарушений. Авторы полагают, что этот вывод верен также в отношении процедуры в Верховном суде, в частности по следующим причинам: председатель Суда является сторонником партии и президента у власти и решение о неприемлемости жалобы на основании невнесения залога в действительности является предлогом для того, чтобы не выносить решения по существу дела.

3.3 Авторы считают, что по действующему законодательству Огюста Санкару как несовершеннолетнего необходимо было освободить от внесения залога. Однако же своим решением от 19 июня 2001 года Верховный суд отказался признать этого автора несовершеннолетним, что является нарушением статьи 16 Пакта.

3.4 Наконец, авторы утверждают, что отказ властей внести исправления в свидетельство о смерти Томаса Санкары представляет собой длящееся нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своих замечаниях от 1 апреля 2003 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения.

4.2 Государство-участник предлагает своего рода исторический обзор, в основном касающийся обстоятельств прихода к власти капитана Томаса Санкары 4 августа 1983 года и его последствий с точки зрения нарушений прав человека. Наконец, государство-участник излагает особенности, по его определению, демократического процесса и процесса национального примирения, начатых в 1991 году. Государство-участник называет также имеющиеся в Буркина-Фасо средства правовой защиты.

4.3 Государство-участник считает, что авторы злоупотребили процедурой, предусмотренной в Факультативном протоколе. По этому поводу оно уточняет, что 30 сентября 2002 года авторы представили старейшине следственных судей суда большой инстанции Уагадугу жалобу против "Х" с предъявлением гражданского иска в связи с невыдачей тела покойного. 16 октября 2002 года, не ожидая результатов рассмотрения этого прошения, авторы направили жалобу в Комитет. 16 января 2003 года Прокурор Буркина-Фасо отказал в возбуждении дела, указав, что предыдущая жалоба гражданской стороны касалась смерти Томаса Санкары. 3 февраля 2003 года следственный судья суда большой инстанции Уагадугу вынес постановление о беспредметности жалобы с учетом того, что в сентябре 1997 года те же истцы представили жалобу в связи с убийством того же лица и что смерть этого лица подтверждается фактами. По мнению государства-участника, авторы, таким образом, обратились в Комитет еще до окончания процедуры в национальных судебных инстанциях.

4.4 Государство-участник считает далее, что жалоба авторов является неприемлемой по той причине, что упомянутые в ней события предшествовали присоединению Буркина-Фасо к Пакту и Факультативному протоколу, которые вступили для страны в силу около 15 лет назад. Кроме того, по мнению государства-участника, авторы не могут ссылаться и на отказ в правосудии в связи с этими событиями, поскольку факт такого отказа не был установлен.

4.5 По мнению государства-участника, не было выполнено условие об исчерпании внутренних средств правовой защиты.

4.6 Государство-участник разъясняет, что после принятия 19 июня 2001 года Верховным судом решения о неприемлемости на основании невнесения залога авторы воздержались от использования несудебных средств правовой защиты и, следовательно, не могут ссылаться на недостатки действующей в стране системы защиты прав человека и на нарушение их права на доступ к правосудию, гарантированного Конституцией. В этой связи государство-участник приводит сведения об отсутствии обращений в следующие инстанции:

- к Посреднику Буркина-Фасо (поскольку вменяемые деяния имеют отношение к функционированию государственного аппарата, заявительница могла бы на основании статьи 11 в совокупности со статьей 14 Закона № 22/94/ADP от 17 мая 1994 года, касающегося института посредника Буркина-Фасо, обратиться к нему с ходатайством о посредничестве в споре с государством);
- в Совет старейшин (по примеру жертв событий 15 октября 1987 года заявительница могла бы обратиться в этот Совет, созданный 1 июня 1999 года);
- в Комиссию по национальному примирению (эта Комиссия, принявшая эстафету от Совета старейшин, уполномочена устанавливать случаи экономических преступлений и преступлений, связанных с применением насилия, имевших место в Буркина-Фасо с момента обретения страной независимости в 1960 году, с тем чтобы предлагать рекомендации, направленные на национальное примирение);
- в Фонд выплаты компенсации жертвам политического насилия (несмотря на сходство случая смерти Томаса Санкары со случаями политического насилия, заявительница, в отличие от жертв событий 15 октября 1987 года, не обратилась в этот Фонд).

4.7 Помимо этого, согласно утверждению государства-участника, не были исчерпаны все судебные средства правовой защиты. Что касается жалоб на отказ в правосудии, то для любого лица, которое считает себя жертвой подобного нарушения, предусмотрено средство правовой защиты по смыслу статьи 4 Гражданского кодекса⁷, статьи 166 Уголовного кодекса⁸ и статьи 281 постановления № 91-51 от 26 августа 1991 года, касающегося организации и функционирования Верховного суда. Однако г-жа Санкара не воспользовалась этими средствами правовой защиты. Что касается жалобы на председателя Верховного суда, то в соответствии со статьями 648-658 Уголовно-процессуального кодекса и статьями 291 и 292 постановления № 91-51 любое лицо, являющееся стороной в процессе и имеющее законное основание не доверять судье, которому предстоит вынести решение, затрагивающее интересы данного лица, может заявить отвод этому судье. Автор же не использовала это средство правовой защиты. Кроме того, она также не воспользовалась положениями статей 283 и 284 постановления № 91-51, предусматривающих возможность наказания за отказ в правосудии.

4.8 По утверждению государства-участника, автор также по небрежности или незнанию совершила процессуальные ошибки, не позволившие провести рассмотрение ее прошения по существу. Государство-участник ссылается на запоздалое представление жалобы, а именно 29 сентября 1997 года, тогда как срок исковой давности истекал 15 октября 1997 года, или через 10 лет после имевших место событий. Таким образом, автор пошла на риск признания ее жалобы недействительной по причине истечения срока давности в случае ее рассмотрения некомпетентным судом. По мнению государства-участника, обращение в суд большой инстанции вместо военного трибунала представляет собой процессуальную ошибку, за которую несет ответственность сама автор. Вполне естественно, что статус потерпевшего (Томас Санкара был капитаном регулярной армии Буркина-Фасо) и место происшедших событий (помещения Совета согласия, здание которого в революционный период находилось в зоне военного объекта) должны были натолкнуть автора на

---

⁷ Статья 4 гласит следующее: "Судья, который отказывается проводить судебное разбирательство под предлогом неполноты, неясности или недостаточности закона, может быть привлечен к ответственности за отказ в правосудии".

⁸ Статья 166 гласит следующее: "Судья, который под каким бы то ни было предлогом, даже неполноты или неясности закона, отказывает сторонам в требующемся от него надлежащем отправлении правосудия и упорствует в своем отказе после предупреждения или указания вышестоящего руководства, наказывается лишением свободы на срок от двух месяцев до одного года и штрафом в размере от 50 000 до 300 000 франков. Кроме того, виновному может быть запрещено занятие любой судебной должности на срок до пяти лет".

мысль обратиться в соответствии с законом в органы военной юстиции. По утверждению государства-участника истечение срока исковой давности – вследствие позднего обращения к правосудию и процессуальная ошибка лишили юридической силы любое обращение к военному суду. Поэтому автор не может упрекать Прокурора, отказавшегося направить дело по подследственности министру обороны согласно положениям Кодекса военной юстиции. К тому же, по мнению государства-участника, автор не может ссылаться на отклонение Верховным судом жалобы по причине невнесения залога как на предлог для отказа в правосудии, поскольку истцу надлежит соблюдать процессуальные требования, предусмотренные законом.

4.9 Наконец, государство-участник подчеркивает неприемлемость жалобы по существу в силу ее политического характера. Как утверждает государство-участник, позднее обращение к национальным судам в связи со смертью ее супруга обнаруживает явную незаинтересованность авторов в выявлении истины в правовом плане. Государство-участник считает, что события, ставшие предметом жалобы, в своей основе носят политический характер, поскольку они разворачивались в контексте чрезвычайно беспокойной обстановки в стране, обусловленной, с одной стороны, ошибками революционного режима и угрозами дестабилизации страны, а с другой стороны, военным переворотом, продиктованным обстоятельствами. Наконец, справедливость, которой добивается автор, в сущности лежит в политической плоскости и представляет собой злоупотребление правом. По утверждению государства-участника, автор преследует цель отомстить за гибель супруга. С тех пор как автор приняла решение эмигрировать сразу же после упомянутых событий, она не прекращает предпринимать шаги, направленные на подрыв репутации страны. Поэтому автор, по мнению государства-участника, несмотря на действия, предпринимаемые с целью облегчить ее возвращение в страну, упорно продолжает проживать за границей, где она пользуется статусом политической беженки. В силу вышеизложенного рассмотрение жалобы автора не входит в круг ведения Комитета.

Комментарии авторов относительно приемлемости

5.1 В своих комментариях от 30 августа 2003 года авторы оспаривают аргументы, которыми государство-участник обосновывает неприемлемость сообщения.

5.2 В предварительном порядке авторы подчеркивают, что их жалоба должна восприниматься также под углом зрения статьи 7 Пакта в той мере, в какой отказ властей от проведения серьезного расследования и установления обстоятельств смерти Томаса Санкары может рассматриваться в качестве жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения с ними. Фактически, дело обстоит таким образом, что власти не позволили им выяснить как обстоятельства гибели потерпевшего, так и точного места, где были официально захоронены его останки. Наконец, по своему воздействию противозаконное поведение государства было призвано запугать и наказать семью Санкара, которую неправомерно держали в состоянии неопределенности и нравственных страданий⁹.

5.3 Авторы считают, что доводы государства-участника относительно неприемлемости жалобы *ratione materiae* и в силу ее якобы политического характера не имеют под собой юридических оснований. По утверждению авторов, кроме того, Комитет компетентен рассматривать факты, приведенные в настоящем сообщении, которые, хотя и предшествовали присоединению Буркина-Фасо к Факультативному протоколу, свидетельствуют о явном нарушении Пакта и приводят к последствиям, которые сами являются нарушениями Пакта до сего дня с учетом действий правительства и решений судов, имевших место после вступления в силу Пакта.

5.4 Авторы отмечают, что сообщение в целом является приемлемым в той мере, в какой Буркина-Фасо нарушила свои обязательства по Пакту. Ссылаясь на сообщение № 612/1995 (*Висенте против*

---

⁹ Сообщение № 886/1999, *Щедко и др. против Беларуси*, Соображения приняты 3 апреля 2003 года.

Колумбии, Соображения приняты 29 июля 1997 года), авторы, во-первых, указывают на факт невыполнения государством-участником своего обязательства провести расследование смерти Томаса Санкары. Во-вторых, государство-участник никогда не отрицало невыполнения им этого обязательства по Пакту, причем указанное нарушение имело место до и после присоединения к Факультативному протоколу. Кроме того, было отмечено, что в свидетельстве о смерти Томаса Санкары неверно указана смерть от естественных причин и что государство-участник отказалось внести в него исправления или умышленно не выполнило эту формальность до и после присоединения к Факультативному протоколу. В-третьих, авторы полагают, что в своих замечаниях государство-участник сделало имеющее правовые последствия признание, что государственные власти заведомо знали, что Томас Санкара скончался не от естественных причин, но ничего не предприняли в этой связи.

5.5 Авторы подчеркивают тот факт, что такие действия и осознанные упущения государства-участника продолжали иметь место и после его присоединения к Факультативному протоколу и представляют собой длящиеся нарушения Пакта. В обоснование своего утверждения об отказе властей от соблюдения своих обязательств авторы, с одной стороны, напоминают о своем обращении в суд еще 29 сентября 1997 года, т.е. до истечения 10-летнего срока давности, а с другой стороны, обращают внимание на отношение властей, которое было направлено на то, чтобы не допустить или затянуть использование ими средств правовой защиты.

5.6 Авторы считают, что после настоятельного требования их адвокатов апелляционный суд с опозданием вынес свое решение 26 января 2000 года. Вместе с тем авторы напоминают, что после этого решения, которым общеуголовные суды были объявлены некомпетентными, соответствующие власти отказали или бездействовали в передаче дела министру обороны, с тем чтобы возбудить уголовное дело для рассмотрения в военных трибуналах, как это предусмотрено пунктами (1) и (3) статьи 71 Кодекса военной юстиции. Поэтому 27 января 2000 года авторы обратились в Верховный суд с жалобой, в которой они оспаривали законность решения апелляционного суда.

5.7 По утверждению авторов, 27 января 2000 года во время подачи жалобы в Верховный суд заведующий канцелярией суда отказался официально уведомить адвокатов или осознанно не уведомил их относительно требований, предусмотренных статьей 110 постановления № 91-0051/PRES от 26 августа 1991 года. Он также не проверил, применяется ли к заявителям статья 111 этого постановления¹⁰. В данном случае он не проверил возраст Огюста Санкары, для того чтобы определить, является ли он несовершеннолетним лицом. Своим решением от 19 июня 2001 года Верховный суд отказался исправить или осознанно не исправил нарушения заведующего канцелярией и *proprio motu* проверить возраст Огюста Санкары, тогда как он родился 21 сентября 1982 года и в момент подачи жалобы был несовершеннолетним, что представляет собой два отдельных нарушения прав Огюста Санкары по смыслу статьи 16 Пакта. В дополнение авторы сообщают об отказе позволить адвокатам уплатить 5 000 франков КФА в момент подачи жалобы и об отказе Верховного суда приступить к рассмотрению дела по существу под единственным предлогом невнесения требуемой суммы в размере 5 000 франков КФА¹¹ и, следовательно, об отказе допустить продолжение процессуальных действий.

5.8 Авторы снова сообщают о преднамеренных нарушениях и упущениях властей на различных этапах процедуры, а именно в отношении передачи дела министру обороны, с тем чтобы дело могло

---

¹⁰ Статья 111 постановления № 91-0051/PRES от 26 августа 1991 года гласит следующее: "Тем не менее от залога освобождаются: осужденные, которые содержатся под стражей в исправительном учреждении или в обычных полицейских учреждениях; лица, освобожденные от уплаты судебных расходов или представившие прошение об этом; несовершеннолетние в возрасте до 18 лет".

¹¹ Или, по утверждению авторов, примерно 7,6 евро.

рассматриваться в военном трибунале, невзирая на то, что эта процедура предписывается упомянутой статьей 71 (3).

5.9 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то авторы, ссылаясь на практику Комитету¹², отмечают, что согласно требованиям Пакта в случаях грубых нарушений, особенно противозаконного лишения жизни, необходимо возбуждать уголовно-процессуальные действия на национальном уровне. Согласно объяснению авторов, поскольку государство-участник осознанно не возбудило или отказалось возбудить какое-либо расследование или производство по делу в гражданских, уголовных или военных судах, авторы представили жалобу против "Х" в связи со смертью Томаса Санкары и нарушением прав его семьи, поскольку это было единственным имеющимся в их распоряжении средством правовой защиты для исправления предполагаемых нарушений. Было вновь отмечено, что авторы не могли возбудить такую процедуру в военных трибуналах по смыслу статьи 71 (3) Кодекса военной юстиции. Ссылаясь на практику Комитета¹³, авторы утверждают, что ни одно из средств правовой защиты, упомянутых государством-участником, не может считаться эффективным с учетом их чисто дисциплинарного или административного характера, так как они по закону не имеют обязательной юридической силы для государственных властей (в случае несудебных средств правовой защиты) и не могут обеспечить эффективное возмещение в связи с предположительно имевшими место грубыми нарушениями (в случае судебных средств правовой защиты). Что касается внутренних средств правовой защиты в связи с отказом в правосудии, то авторы, ссылаясь на практику Комитета¹⁴, отмечают, что дело Комитета определить, нарушил ли Верховный суд свои обязательства в отношении независимости и беспристрастности, и что они, подавая жалобу, не могли предвидеть, поведение Суда. Наконец, по мнению авторов, требование об отводе председателя Верховного суда не может являться эффективным средством правовой защиты, поскольку оно не способно исправить необратимые последствия решения Суда, не подлежащего обжалованию. В отношении жалобы от 20 сентября 2002 года в связи с невыдачей тела Томаса Санкары авторы сообщают, что эта жалоба была представлена с целью получения прямых доказательств, касающихся обстоятельств смерти жертвы, и не могла устранить утверждения о нарушениях в отношении членов семьи. Авторы также отмечают, что единственное эффективное и адекватное средство правовой защиты членов семьи было исчерпано вследствие решения Верховного суда от 19 июня 2001 года. Наконец, авторы считают, что согласно практике Комитета¹⁵ от них нельзя требовать представлять жалобу, которая уже была отклонена.

5.10 Помимо этого, авторы изложили элементы дополнительных доказательств по существу сообщения. Они отмечают, что в своих замечаниях государство-участник официально признало осведомленность властей относительно неестественной смерти Томаса Санкары 15 октября 1987 года. Из этого они делают вывод о том, что в жалобе от 30 сентября 2002 года необходимость уже отсутствовала. Они, кроме того, отмечают, что тогдашний министр юстиции, который в настоящее время является президентом Буркина-Фасо, не дал ход делу, хотя и знал о неестественной смерти потерпевшего. Так, и Прокурор Буркина-Фасо, и министр обороны не обеспечили направление дела в военные трибуналы после решения Верховного суда. Наконец, авторы вновь ссылаются на заявление президента Буркина-Фасо, сделанное 19 июня 2001 года на "Радио Франс Интернасьональ", и считают, что оно противоречит пунктам (1) и (3) статьи 71 Кодекса военной

---

¹² Сообщения № 563/1993, *Нидиа Баутиста де Арельяна против Колумбии*, Сообщения приняты 27 октября 1995 года; № 612/1995, *Висенте против Колумбии*, Сообщения приняты 29 июля 1997 года; и № 778/1997, *Корнель и др. против Колумбии*, Сообщения приняты 24 октября 2002 года.

¹³ Сообщение № 612/1995, *Висенте против Колумбии*, Сообщения приняты 29 июля 1997 года.

¹⁴ Сообщение № 886/1999, *Щедко и др. против Беларуси*, Сообщения приняты 3 апреля 2003 года.

¹⁵ Сообщение № 30/1978, *Блейер против Уругвая*, Сообщения приняты 29 марта 1982 года.

юстиции, согласно которым в обязанности министра обороны входит прерогатива издавать приказ о возбуждении преследования в военных трибуналах. Авторы подчеркивают, что, как только министр обороны получает от гражданского следственного судьи, Прокурора Буркина-Фасо или Генерального прокурора уведомление о совершении преступления, он обязан издавать приказ о возбуждении преследования. По утверждению авторов, подкрепленному ссылкой на заявление, приведенное в газете "Пэи"¹⁶, министр обороны лично отказался осуществить полномочия, предоставленные ему статьей 71 (3) Кодекса военной юстиции. Авторы вновь подчеркивают, что все судебные власти, в том числе Прокурор Буркина-Фасо и Генеральный прокурор, либо отказались, либо осознанно не распорядились, либо мешали возбудить преследование в военных трибуналах.

Решение о приемлемости

6.1 На своей восьмидесятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения.

6.2 Комитет принял к сведению аргументацию государства-участника в отношении неприемлемости сообщения *ratione temporis*. Приняв также к сведению доводы авторов сообщения, Комитет сделал вывод о том, что следует различать, с одной стороны, жалобу, имеющую отношение к г-ну Томасу Санкаре, и, с другой стороны, жалобу, имеющую отношение к г-же Санкаре и ее детям. Комитет счел, что смерть Томаса Санкары, которая могла бы составить нарушения нескольких статей Пакта, имела место 15 октября 1987 года, а следовательно, до вступления Пакта и Факультативного протокола в силу для Буркина-Фасо¹⁷. Таким образом, эта часть сообщения является неприемлемой *ratione temporis*. Свидетельство о смерти Томаса Санкары от 17 января 1988 года, в котором устанавливается его кончина по естественным причинам вопреки широко известным фактам в том виде, как оно было подтверждено государством-участником (пункты 4.2 и 4.7), и неисправление этого свидетельства властями с момента его выдачи должны быть признаны действительными в отношении своих длящихся последствий применительно к г-же Санкаре и ее детям.

6.3 В соответствии со сложившейся практикой¹⁸ Комитет посчитал, что он не может расследовать нарушения, которые предположительно имели место до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, если только указанные нарушения не продолжаются после вступления в силу Протокола. Под постоянным нарушением понимается постоянная практика совершения, путем прямых действий или косвенным образом, после вступления в силу Факультативного протокола нарушений, ранее совершавшихся государством-участником. Комитет принял во внимание доводы авторов сообщения, в первую очередь в том, что касается непроведения властями расследования по поводу общеизвестной гибели Томаса Санкары и непреследования виновных лиц – утверждений, кстати говоря, не оспариваемых государством-участником, –

---

¹⁶ "На этом уровне не нужно смешивать разные вещи. До настоящего времени министр обороны как таковой не получил какого-либо запроса по делу Томаса Санкары. Я не располагаю никаким документом системы правосудия или гражданской стороны, который требовал бы моего вмешательства. Если эта проблема когда-нибудь возникнет, то мы без колебаний и с помощью главнокомандующего вооруженными силами, которым является президент Буркина-Фасо, сделаем так, чтобы эта проблема нашла свое решение. Все-таки Томас Санкара был одним из наших товарищей по оружию. Нет никаких причин, по которым касающаяся его проблема не могла бы найти своего решения". "Пэи", № 2493, 22 октября 2001 года.

¹⁷ Сообщение № 345/1998, *Р.А.В.Н. и др. против Аргентины*, Решение о неприемлемости от 26 марта 1990 года.

¹⁸ Сообщения № 24/1997, *С. Лавлейс против Канады*, Сообщения приняты 30 июля 1981 года; № 196/1985, *И. Гейе против Франции*, Сообщения приняты 3 апреля 1989 года; № 516/1992, *Шимунек и др. против Чешской Республики*, Сообщения приняты 19 июля 1995 года; № 520/1992, *Е. и А.К. против Венгрии*, Решение о неприемлемости от 7 апреля 1994 года; и № 566/1993, *Иван Сомерс против Венгрии*, Сообщения приняты 23 июля 1996 года.

представляющих собой нарушение их прав и обязательств государства по Пакту¹⁹. Во-вторых, было установлено, что с целью воспользоваться судебной защитой авторы сообщения обратились с заявлением в суд 29 сентября 1997 года, т.е. до истечения сроков давности продолжительностью в десять лет, и что производство по этому делу продолжалось после вступления Пакта и Факультативного протокола в силу для Буркина-Фасо. Комитет вопреки доводам, приведенным государством-участником, счел, что производство оказалось затянутым, но не в силу процессуальной ошибки, вменяемой авторам сообщения, а вследствие конкуренции юрисдикций органов власти. Исходя из этого, в той мере, насколько, судя по информации, представленной авторами сообщения, предполагаемые нарушения, явившиеся следствием непроведения расследования и непреследования виновных лиц, ущемили их права после вступления в силу Пакта и Факультативного протокола из-за незавершения до сегодняшнего дня начатого производства, Комитет сделал вывод о том, что эта часть сообщения является приемлемой *ratione temporis*.

6.4 В том что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то в отношении приведенного государством-участником довода в пользу признания сообщения неприемлемым в связи с неиспользованием внесудебных средств защиты²⁰, Комитет напомнил, что внутренние средства правовой защиты должны быть не только доступными, но и также эффективными и что выражение "внутренние средства правовой защиты" следует понимать как означающие в первую очередь судебные средства защиты. Эффективность средства защиты зависит также в определенной степени от характера заявленного нарушения²¹. В данном конкретном случае предполагаемое нарушение касалось права на жизнь и было связано главным образом с утверждениями о непроведении расследования и непреследовании виновных и, кроме того, субсидиарно с неисполнением свидетельства о смерти потерпевшего и незавершением процедур использования средств правовой защиты, к которым прибегли авторы сообщения, чтобы добиться восстановления нарушенных прав. В этих условиях Комитет пришел к выводу о том, что внесудебные средства правовой защиты, на которые указывало государство-участник в своем представлении, не могут считаться "эффективными" для целей статьи 5 (2) b) Факультативного протокола²².

6.5 В том что касается претензий государства-участника относительно неиспользования некоторых судебных средств защиты в отношении отказа в правосудии, то Комитет констатировал, что государство-участник ограничилось простым перечислением предусмотренных в законе Буркина-Фасо средств защиты, не представив в то же время какой бы то ни было информации об уместности использования этих средств защиты в обстоятельствах, характерных для данного случая, а равно и доказательств, что эти средства защиты являются эффективными и доступными. В отношении, например, возможности отвода председателя Верховного суда Комитет посчитал, что авторы сообщения не могли строить предположений относительно содержания решения суда и что в связи с этим именно Комитету надлежит определить во время рассмотрения вопроса по существу, было ли решение председателя произвольным или было равносильно отказу в правосудии.

6.6 Что касается довода о неприемлемости сообщения на том основании, что авторы обратились в Комитет в тот момент, когда соответствующее производство велось в национальных судебных органах, Комитет не смог согласиться с этой претензией, поскольку дополнительное средство

---

¹⁹ Сообщение № 612/1995, *Висенте против Колумбии*, Соображения приняты 29 июля 1997 года.

²⁰ Посредник Буркина-Фасо, Совет старейшин, Комиссия по национальному примирению и Фонд выплаты компенсаций жертвам политического насилия.

²¹ Сообщение № 612/1995, *Висенте против Колумбии*, Соображения приняты 29 июля 1997 года.

²² Сообщения № 612/1995, *Висенте против Колумбии*, Соображения приняты 29 июля 1997 года; № 778/1997, *Коронель и др. против Колумбии*, Соображения приняты 24 октября 2002 года.

защиты, использованное авторами сообщения в рамках жалобы против "Х" от 30 сентября 2002 года, было исчерпано во время рассмотрения сообщения.

6.7 В отношении довода государства-участника об истечении срока давности в связи с запоздалым и с процессуальной точки зрения некорректным обращением в суд, Комитет счел этот довод необоснованным в том виде, как он был сформулирован выше (ср. пункт 6.3). Кроме того, Комитет не смог признать этот довод состоятельным с точки зрения поддержки утверждения государства-участника, согласно которому Прокурору нельзя предъявлять претензии в том, что он отказался направить дело министру обороны. В этой связи Комитет констатировал, что мотивы отказа, сформулированные Прокурором 23 июля 2001 года, были явно необоснованными, поскольку, с одной стороны, в том виде, как они были изложены выше, они не доказывали, что может быть принято решение об истечении срока давности (и, кстати, такое решение и не было принято никакими различными инстанциями на всем протяжении производства), и, с другой стороны, авторы сообщения не могли сами обратиться в военные суды (единственную компетентную инстанцию, поскольку постановление № 14 апелляционного суда обрело законную силу после принятия постановления № 46 Верховного суда), так как приказ о проведении расследования мог быть отдан только министром обороны после сообщения о существовании такого дела, в частности Прокурором, иначе он был бы недействительным. Таким образом, этот последний несправедливо прекратил производство, начатое по заявлению авторов сообщения, и, кроме того, не дал ответа на их обращение от 25 июля 2001 года – элемент, который к тому же никак не был прокомментирован государством-участником.

6.8 Наконец, Комитет посчитал, что авторы сообщения исчерпали внутренние средства правовой защиты в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.9 В отношении довода государства-участника о том, что жалоба будто бы носит политический характер, Комитет пришел к выводу, что эта претензия ни в чем не противоречит приемлемости сообщения и фактически относится к рассмотрению сообщения по существу.

6.10 Что касается претензии в отношении нарушений статей 17 и 23 Пакта, Комитет счел, что утверждения авторов сообщения о последствиях непроведения расследования по обстоятельствам гибели Томаса Санкары и невыявления виновных лиц, в частности, в плане обеспечения защиты авторов, не имеют отношения к названным статьям, но образуют проблему в отношении статьи 7²³ и пункта 1 статьи 9²⁴ Пакта.

6.11 В том что касается утверждения о нарушении статьи 16 Пакта, Комитет счел, что утверждения авторов сообщения не имеют отношения к указанной статье, но в связи с ними могут возникать вопросы в отношении пункта 1 статьи 14 Пакта.

6.12 Что касается претензий по пункту 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта (ср. пункт 3.1), то Комитет посчитал, что эти утверждения являются в достаточной степени подкрепленными доказательствами для целей приемлемости. Исходя из этого, Комитет по правам человека постановил, что сообщение является приемлемым по статье 7, пункту 1 статьи 9, пункту 1 статьи 14 и статье 26 Пакта.

Замечания государства-участника по существу сообщения

7.1 27 сентября 2004 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения. Государство-участник считает, что в своем решении о приемлемости Комитет забежал

---

²³ Сообщения № 950/2000, *Сарма против Шри-Ланки*, Соображения приняты 16 июля 2003 года; № 886/1999, *Щедко против Беларуси*, Соображения приняты 3 апреля 2003 года.

²⁴ Сообщение № 821/1998, *Чонгве против Замбии*, Соображения приняты 25 октября 2000 года.

вперед в рассмотрении вопроса по существу, по-иному квалифицировав некоторые утверждения авторов сообщения, что предопределяет решение и составляет нарушение принципа презумпции невиновности. Государство-участник вновь заявляет, что порядок применения авторами сообщения внутренних средств правовой защиты отмечен упущениями и предумышленным бездействием в целях злоупотребления процедурой, предусмотренной Факультативным протоколом.

7.2 В том что касается утверждения по пункту 1 статьи 2 и статье 26 Пакта, то государство-участник считает, что авторы сообщения не доказали существование дискриминации в отношении семьи Санкара по мотивам их политических убеждений. Авторы не могут ссылаться на постигшую их неудачу в судебной процедуре как на основание для утверждения о наличии такой дискриминации, поскольку они не являются активными членами ни одной из политических партий в Буркина-Фасо, не проживают в стране и не принимают прямого участия в национальной политической жизни. В любом случае, по мнению государства-участника, авторы сообщения не могут с пользой для себя ссылаться на нарушение пункта 1 статьи 2 Пакта, поскольку в момент вступления в силу Пакта и Факультативного протокола для Буркина-Фасо в апреле 1999 года государство-участник уже не могло больше на законном основании проводить расследование обстоятельств смерти Томаса Санкары. Государство-участник утверждает, что, поскольку в отношении любых судебных действий по этому делу срок давности истек 15 октября 1997 года, невозможно говорить о дпящемся нарушении Пакта, разве что если допустить, что внутреннее законодательство утратило силу в связи с вступлением в силу Пакта для Буркина-Фасо, что явно не имеет места в действительности.

7.3 Что касается утверждения о нарушении пункта 3 статьи 2 Пакта, то государство-участник считает, что Комитет обозначил свое предпочтение судебным средствам обжалования (пункт 6.4), тогда как в действительности невозможно исключить любую возможность использования внесудебных средств защиты. Государство-участник объясняет, что такие процедуры зачастую могут быть на практике более эффективными, нежели чем процедуры судебные. Оно напоминает существующие в Буркина-Фасо внесудебные средства правовой защиты, представляющие собой эффективные способы защиты и чаще всего оказывавшиеся более важными и более действенными, чем судебные средства правовой защиты, но воспользоваться которыми авторы сообщения отказались (ср. пункт 4.6). В отношении судебных средств обжалования государство-участник заявляет, что они также являются эффективными средствами защиты, но что семья Санкара ожидала скорее "особого правосудия" в связи с ее прошлым, что находится в противоречии с принципом равенства всех лиц перед законом и правосудием.

7.4 Применительно к утверждению о нарушении пункта 1 статьи 6 Пакта государство-участник поясняет, что по смыслу закона свидетельство о смерти Томаса Санкары представляет собой административный акт и что именно семье Санкара надлежало в соответствии с действующим законодательством обратиться к компетентному судье по административным делам с тем, чтобы добиться отмены или исправления этого акта. Кроме того, государство-участник считает, что неисправление свидетельства о смерти само по себе не является нарушением права на жизнь.

7.5 Касаясь утверждения о нарушении пункта 1 статьи 14 Пакта, государство-участник излагает действующие законы, гарантирующие независимость судебной власти. Кроме того, оно утверждает, что в данном конкретном случае авторам сообщения не удалось доказать необъективность подхода судебных работников. Так, например, сумма денежного залога в суде первой инстанции устанавливается по усмотрению судьи, который определяет ее в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Установление же суммы залога в размере 1 млн. франков КФА само по себе не может свидетельствовать о необъективном характере принятого судьей решения, поскольку размер такой суммы варьируется в зависимости от важности дела и участвующих сторон. Государство-участник утверждает, что эта сумма не имеет ничего исключительного применительно к обычной

практике, сложившейся в судах Буркина-Фасо²⁵. Что же касается уплаты денежного залога при обжаловании вынесенного решения в размере 5 000 франков КФА, то, согласно закону, этот залог имеет публичный характер и любой истец, обращающийся в суд с жалобой на принятое решение, должен вносить такой залог под страхом неприемлемости жалобы. По мнению государства-участника, авторы сообщения, пренебрегшие необходимостью выполнения этой формальности, не могут ссылаться на необъективность судей, ни ставить под сомнение их беспристрастность. Кроме того, государство-участник считает, что ссылка на политические пристрастия Председателя Кассационного суда не выдерживает критики, поскольку решения Кассационного суда в любом случае являются коллегиальными, и ищущая Сторона могла в соответствии с действующим законодательством²⁶ заявить отвод Председателю Кассационного суда, но этого не сделала. В любом случае, по мнению государства-участника, проигрыш дела в суде не является достаточным основанием, для того чтобы упрекать судей в необъективности, а суды – в предвзятости.

7.6 В том что касается утверждения о нарушении статьи 16 Пакта, которое Комитет предпочел переквалифицировать в утверждение, имеющее отношение к пункту 1 статьи 14 Пакта, то государство-участник подчеркивает, что вопреки утверждениям авторов освобождение от внесения денежного залога, предусмотренное в статье 111 постановления № 91-0051/PRES от 26 августа 1991 года в интересах несовершеннолетних лиц, не может рассматриваться как публично-правовое и что в силу этого Верховный суд не был обязан в силу своих полномочий принимать во внимание несовершеннолетие Огюста Санкары. Кроме того, ходатайство Огюста Санкары не отделено от ходатайств других членов семьи и не может поэтому рассматриваться отдельно.

7.7 Касаясь утверждения о нарушении статьи 17 Пакта, которое Комитет предпочел переквалифицировать как утверждение по статье 7 и пункту 1 статьи 9 Пакта, государство-участник объясняет, что непроведение расследования по делу о кончине Томаса Санкары и в целях выявления виновных лиц не могут считаться приемлемыми с учетом того, что указанные действия были совершены до вступления в силу Пакта для Буркина-Фасо. Государство-участник заявляет, что статья 7 Пакта не может применяться, поскольку авторы сообщения никогда не подвергались преследованиям и никогда не становились объектом обращения, охватываемого этим положением. Кроме того, подобное утверждение можно отнести к разряду материально-невозможных, поскольку авторы сообщения после событий 1987 года в Буркина-Фасо более не проживают. Аналогичным образом, по мнению государства-участника, не может быть применен и пункт 1 статьи 9, поскольку авторы не проживают более в Буркина-Фасо.

7.8 В отношении утверждения о нарушении статьи 23 Пакта, признанного Комитетом неприемлемым, государство-участник, перечислив действующие в стране положения закона, признающие и гарантирующие права семьи, заявляет, что авторы не могут упрекать государство в необеспечении им защиты, поскольку они не проживают более на его территории и добровольно вышли из-под контроля властей, заявив ходатайство о предоставлении статуса беженцев за границей, несмотря даже на то, что абсолютно не были объектом угроз или преследования.

---

²⁵ Так, например, государство-участник указывает, что в деле *Христианского фонда детства Канады против Батиано Селестена* в 1997 году сумма денежного залога составила 1,5 млн. франков КФА.

²⁶ Статьи 648-658 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 291 и 292 постановления № 91-51 от 26 августа 1991 года относительно организации и функционирования Верховного суда дают любому лицу, являющемуся стороной в процессе, испытывающему законные подозрения в отношении судьи, которому предстоит вынести решение, затрагивающее интересы этого лица, возможность воспрепятствования в этом судье с помощью заявления об отводе. По мнению же государства-участника, автор сообщения не воспользовалась этой возможностью. Кроме того, она не воспользовалась возможностью привлечения к судебной ответственности судебных чиновников, предусмотренной статьями 283 и 284 постановления № 91-51, позволяющей в соответствующих случаях добиться наказания лиц, виновных в отказе в правосудии.

7.9 Государство-участник вновь подтверждает свою позицию, согласно которой жалоба авторов представляет собой злоупотребление правом, поскольку в связи с этим преследуются лишь чисто политические цели. По мнению государства-участника, факты, являющиеся предметом утверждений истицы, едва ли могут стать предметом судебного рассмотрения в связи с соблюдением Буркина-Фасо своих международных обязательств в области прав человека в силу их политического характера. Практически речь идет о фактах, неразрывно связанных с политической жизнью страны и имевших место в условиях сложившейся в стране неспокойной обстановки, вызванной действиями революционного правительства и угрожавшей стране нестабильностью, а также военного переворота, совершенного в этих обстоятельствах. Эти факты, таким образом, не могут быть отделены от событий 15 октября 1987 года, и Комитет не может расценивать их, вырывая из контекста. Государство-участник утверждает, что Комитет вышел бы за рамки своих полномочий, если бы тем не менее он рассматривал все эти события в их совокупности. Государство-участник объясняет, что г-жа Санкара поставила перед собою цель отомстить за своего погибшего мужа и повредить авторитету страны и правительства.

7.10 Наконец, государство-участник просит Комитет отклонить сообщение и констатировать отсутствие нарушений в период после вступления в силу Пакта. Оно добавляет тем не менее, что правительство по ясно выраженной просьбе заинтересованных лиц готово провести проверку и в случае необходимости внести исправления в свидетельство о смерти Томаса в соответствии с законами и регулирующими положениями, действующими в Буркина-Фасо. В любом случае, по мнению государства-участника, ничто не является препятствием для возвращения авторов сообщения в Буркина-Фасо и их проживания там. Государство-участник уточняет, что оно обеспечит безопасность и защиту всем лицам, проживающим на его территории или подпадающим под его юрисдикцию. Кроме того, если авторы сообщения считают, что им кто-либо угрожает или же они не чувствуют себя в безопасности, им надлежит обратиться к компетентным властям с просьбой об обеспечении особой защиты. Однако, как заявляет государство-участник, Буркина-Фасо не может обеспечить своим гражданам, проживающим в иностранном государстве, эффективную защиту. Равным образом, государство-участник утверждает, что нет никаких сомнений в том, что авторы никогда не подвергались преследованиям со стороны Буркина-Фасо в тех различных странах, где они проживали (Габон, Франция, Канада).

Комментарии авторов сообщения

8.1 В своих комментариях от 15 ноября 2004 года авторы заявляют, что они представляют новые элементы, которые должны позволить частично пересмотреть решение Комитета о приемлемости. Они считают, что в своих замечаниях по существу сообщения государство-участник признало, что Томас Санкара скончался не от естественных причин и что некоторым высокопоставленным лицам было известно об обстоятельствах событий 15 октября 1987 года.

8.2 Исходя из этого, авторы, во-первых, просят, чтобы Комитет признал сообщение приемлемым по статье 6 Пакта, поскольку это положение обязывает государство-участник провести расследование и обеспечить преследование лиц, виновных в нарушениях права на жизнь Томаса Санкары, и уважать и гарантировать право Томаса Санкары на жизнь²⁷. По мнению авторов сообщения, обязательство государства-участника защищать человеческое достоинство Томаса Санкары сохраняется также и после его смерти²⁸. Неисполнение обязательства установления обстоятельств признанной

---

²⁷ Авторы ссылаются на сообщения № 161/1983, *Эррера Рубио против Колумбии*, Соображения приняты 2 ноября 1987 года, и № 778/1997, *Коронель и др. против Колумбии*, Соображения приняты 24 октября 2002 года.

²⁸ Авторы ссылаются на сообщения № 1024/2001, *Санлес Санлес против Испании*, Решение о неприемлемости от 30 марта 2004 года, и № 717/1996, *Акунья Иностроса и др. против Чили*, Решение о неприемлемости от 23 июля 1999 года, и на особые мнения в отношении сообщения № 718/1996, *Варгас Варгас против Чили*, Решение о неприемлемости от 26 июля 1999 года.

внесудебной казни какого-либо лица является посягательством на человеческое достоинство. В свете фактов, подтверждающих, что кончина г-на Санкары не была вызвана естественными причинами, вопреки тому, что удостоверено в свидетельстве о смерти, и что, скорее всего, он был убит в обстановке военного переворота, авторы считают важным для государства-участника защитить его достоинство и провести судебное расследование и установить обстоятельства его смерти, прежде чем вносить исправления в указанное свидетельство о смерти.

8.3 Авторы выражают, во-вторых, желание, чтобы Комитет признал приемлемым утверждение по статье 16 на том основании, что государство-участник не представило копию постановления № 46 Верховного суда от 19 июня 2001 года или не признало подлинность копии, представленной ими самими. Авторы вновь заявляют, что Верховный суд произвольно отказал Огюсту Санкаре в праве на признание его правосубъектности. По мнению авторов сообщения, статья 111 постановления № 91-0051/PRES от 26 августа 1991 года, принятая в интересах несовершеннолетних лиц, является положением публично-правового характера, Верховному суду следовало в силу своих полномочий признать статус Огюста Санкары в качестве несовершеннолетнего лица, освободить его от внесения денежного залога и тем самым обеспечить его право на обращение в суд. Наряду с этим авторы утверждают, что в случае нарушения прав лица на признание его правосубъектности статья 14 Пакта неизбежно нарушается.

8.4 В этом отношении авторы подтверждают свои комментарии, в которых говорится о нарушениях государством-участником статьи 7 и пункта 1 статьи 9. Они подчеркивают, что образ действий государства-участника в ответ на новые вышеприведенные элементы в отношении роли президента Блеза Компаоре в смерти Томаса Санкары имеет существенно важное значение для разъяснения событий 15 октября 1987 года.

8.5 Авторы заявляют, что государство-участник нарушило статью 26 Пакта, которая защищает право на равенстве перед законом без какой бы то ни было дискриминации по признаку политических убеждений. В противовес замечаниям государства-участника авторы объясняют, что человек может иметь политические убеждения, даже если он не живет в Буркина-Фасо и не занимается политикой. Авторы считают, что государство-участник не представило достаточно весомых юридических аргументов, позволяющих не считаться с их подробно изложенными утверждениями. Кроме того, государство-участник отметило, что оставшиеся в живых члены семьи Санкара добились признания за ними статуса политических беженцев за границей. По мнению авторов, признание за ними такого статуса подразумевает наличие доказательства *prima facie* существования и наличия дискриминации по признаку политических убеждений в стране происхождения. Авторы считают, что заявления государства-участника о том, что семья Санкара хотела воспользоваться особым режимом в судах Буркина-Фасо, свидетельствуют о непонимании характера дискриминации, объектами которой они являются, а именно несправедливого и предвзятого обращения с ними в процессе общения с различными судебными инстанциями Буркина-Фасо.

8.6 В том что касается пункта 1 статьи 14 Пакта, то авторы заявляют, что своим постановлением № 46 от 19 июня 2001 года, копию которого государство-участник так и не представило, Верховный суд совершил отказ в правосудии. В предшествующих решениях Комитета подтверждается, что решение высшей судебной инстанции государства может само по себе быть источником обвинения в отказе в правосудии²⁹. Авторы признают, что Комитет не располагает независимым органом, который мог бы проводить расследование, и, по общему правилу, не имеет возможности пересматривать доказательства и факты в том виде, как они были оценены внутренними судами. Однако авторы ссылаются на исключение из этого правила, сформулированное по делу

---

²⁹ Сообщение № 718/1996, *Варгас Варгас против Чили*, Решение о неприемлемости от 26 июля 1999 года, пункт 6.7.

*Гриффин против Испании*³⁰. По мнению авторов, Верховный суд продемонстрировал нелогичность, воспользовавшись невнесением весьма скромного денежного залога в размере 5 000 франков КФА, чтобы отказать в деле по существу.

Дополнительные замечания государства-участника по комментариям авторов сообщения

9.1 В своих дополнительных замечаниях от 15 октября 2005 года государство-участник вновь подтверждает свои замечания в отношении неприемлемости фактов. По мнению государства-участника, ни непроведение расследования, ни так называемое упущение в виде невнесения исправлений в свидетельство о смерти, ни обвинение в посягательстве на достоинство Томаса Санкары не могут служить основанием для признания обратной силы положений Пакта в его отношении, поскольку отсутствует какая бы то ни было непрерывность фактов во времени, и это было бы в полном противоречии с принципами международного публичного права. Государство-участник не отказывается от своего довода относительно истечения сроков давности, чтобы оправдать непроведение расследования с момента вступления Пакта в силу. Более того, обратившись в явно не обладающий надлежащей компетенцией в отношении данного дела судебный орган, авторы сами по своей собственной инициативе спровоцировали потерю права на обращение в суд в связи с истечением установленного срока, поскольку обращение в некомпетентный судебный орган не останавливает течение срока давности. Таким образом, государство-участник было освобождено от обязанности проводить расследование после вступления Пакта в силу. Учитывая, что в данном конкретном случае автор сообщения не доказала, что государству-участнику может быть вменено какое-либо действие, якобы совершенное в последующем периоде или которое длилось после даты вступления Пакта в силу, у Комитета нет реальных оснований выносить решение по фактам, не признавая своей собственной предшествующей практики и прочно установившуюся норму международного права. Что же касается утверждений авторов, согласно которым последний акт о следственных действиях датирован 29 сентября 1997 года, что обеспечивает им приостановку течения срока давности, то государство-участник считает, что речь идет о "недобросовестном толковании" статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса: привлечение к ответственности не является следственным действием, поскольку ходатайство о первом не было подано в компетентный суд.

9.2 В том что касается утверждений, согласно которым государство-участник не внесло или отказалось внести исправления – до и после своего присоединения к Факультативному протоколу – в свидетельство о смерти Томаса Санкары, государство-участник объясняет, что свидетельство о смерти является всего лишь актом, констатирующим вывод эксперта, и не является актом гражданского состояния. Составленный экспертом акт может быть изменен или исправлен только экспертом, в роли которого никак не может выступать государство-участник, и принцип ответственности экспертов был и остается предметом индивидуальной и личной ответственности. В связи с этим невнесение исправлений в свидетельство о смерти не может повлечь за собой ответственность государства-участника.

9.3 Государство-участник утверждает, что претензии авторов в отношении посягательства на достоинство Томаса Санкары, будто бы представляющие собой причину длящегося нарушения, не подтверждены доказательствами и не представляют собой нарушений положений Пакта. Могилу Томаса Санкары регулярно навещают его сторонники, сам он был официально реабилитирован и возведен в ранг национального героя, несколько политических партий, постоянно представленных в Национальной ассамблее, носят его имя, и в Уагадугу в настоящее время сооружается памятник героям, который отчасти предназначается и для почтения памяти Томаса Санкары. Кроме того, по

---

³⁰ Сообщение № 493/1992, *Гриффин против Испании*, Соображения приняты 4 апреля 1995 года: "...за исключением тех случаев, когда имеется возможность установить, что процессуальные действия носили явно произвольный характер, что имели место процедурные нарушения, равносильные отказу в правосудии, или что судья явным образом нарушил свое обязательство быть беспристрастным" (пункт 9.6).

мнению государства-участника, предусматриваемая в Пакте защита достоинства гарантируется лишь живым лицам, но не умершим людям. Таким образом, утверждение о нарушении права на соблюдении достоинства Томаса Санкары явно представляется плохо обоснованным.

9.4 Что касается пресловутых имеющих судебное значение признаний государства-участника в отношении статуса Томаса Санкары как потерпевшего, государство-участник отмечает поверхностный характер этих замечаний и считает, что Комитету следовало бы подтвердить свою первоначальную позицию в отношении неприемлемости жалобы в этой части.

9.5 В отношении частичного решения Комитета о приемлемости государство-участник указывает на то, что замечания авторов показывают, что в данном конкретном случае не все условия приемлемости в Комитете были соблюдены. Государство-участник просит Комитет пересмотреть свое решение о приемлемости, поскольку не только не были исчерпаны все имеющиеся средства защиты в отношении всей совокупности утверждений авторов, но и, кроме того, их утверждения свидетельствуют о злоупотреблении правами и процедурой, и явно не совместимы с положениями Пакта.

9.6 Государство-участник вновь заявляет, что оно доказало эффективность внесудебных средств обжалования в конкретном случае Буркина-Фасо с учетом политического и социального контекста страны. Авторы не отрицали эффективности этих средств правовой защиты и не представили объяснений относительно их упорного отказа воспользоваться внесудебными средствами защиты. Государство-участник вновь заявляет также о неиспользовании авторами некоторых судебных средств защиты и отправляет в связи с этим к своим замечаниям относительно приемлемости, и в частности к статье 123 Кодекса законов о статусе личности и семьи, на основании которой авторы могли бы добиться внесения исправлений в свидетельство о смерти. Наконец, государство-участник утверждает, что г-жа Санкара по невнимательности или по незнанию допустила процессуальные ошибки, которые воспрепятствовали рассмотрению ее жалобы по существу, и отправляет к своим замечаниям относительно приемлемости.

9.7 Что же касается злоупотребления правом, то государство-участник заявляет, что выдвинутые авторами претензии носят скорее политический, а не юридический характер и в действительности направлены против президента страны.

9.8 Государство-участник предлагает следующие доводы в отношении существа дела: в отношении утверждения о нарушении статьи 2 государство-участник считает, что речь идет о нарушениях в данном деле, по сути своей невозможных, но если Комитет признает за государством-участником такое обязательство, оно готово представить свои доводы в этой связи. В отношении предполагаемого нарушения статьи 7 государство-участник утверждает, что любое обвинение в жестоком, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении не может найти действительного обоснования ни в фактической, ни в правовой стороне этого дела вследствие предпринимавшихся государством-участником усилий, которые натолкнулись на категорический отказ со стороны г-жи Санкары. Государство-участник напоминает о предпринимавшихся им усилиях в направлении примирения в отношении Томаса Санкара, и в частности тот факт, что местонахождение его могилы общеизвестно. Семья Санкара не может говорить о каких бы то ни было мерах запугивания по отношению к ним, поскольку они не проживают больше в Буркина-Фасо. По мнению государства-участника, в подтверждение нарушения статьи 7 авторы не смогли привести какие бы то ни было доказательства совершения государством-участником каких-либо действий, причинивших им физические или душевные страдания.

9.9 В отношении предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 9 государство-участник указывает, что авторами приводятся те же самые аргументы, что и в отношении статьи 7 и, кроме того, они также не представили никаких конкретных доводов в поддержку утверждений о нарушении. Авторы не только не подвергались арестам или каким-либо произвольным задержаниям, но и их безопасность

никогда не нарушалась. Поэтому государство-участник просит Комитет признать это утверждение несостоятельным.

9.10 В том что касается пункта 1 статьи 14, то государство-участник отсылает к своим замечаниям по существу в отношении размеров суммы вносимого залога, которые сами по себе не могут свидетельствовать о необъективном характере решения судьи. Кроме того, и ссылаясь к тому же на практику Комитета³¹, государство-участник утверждает, что в судебной палате Верховного суда авторы не отмечали никаких нарушений. Касаясь также аргументации авторов, в основу которой положено дело *Гриффин против Испании*, государство-участник отмечает, что они не сумели доказать произвольный и несправедливый характер процесса в Верховном суде, что они не доказали наличия каких бы то ни было процессуальных нарушений и что все препятствия для судебной процедуры, на которые ссылаются авторы в данном случае, связаны с неуплатой вносимого залога, в чем авторы не могут упрекать кого бы то ни было, кроме самих себя.

9.11 В отношении статьи 26 государство-участник отсылает к своим замечаниям и добавляет, что статьи 1 и 8 Конституции Буркина-Фасо обеспечивают гражданам защиту от любых видов дискриминации и гарантируют свободу выражения мнений. Дискриминация запрещена новым Уголовным кодексом от 1996 года, предусматривающим за нее суровое наказание. По мнению государства-участника, авторы не доказали наличия у них политических убеждений, которые были положены в основу дискриминационных мер со стороны властей. К тому же факт обладания статусом политического беженца в иностранном государстве сам по себе не является доказательством дискриминации по признаку политических убеждений бенефициара такого статуса. С точки зрения государства-участника, на практике применяемые каждым государством критерии для предоставления статуса беженца, порою отличаются субъективностью, и другие члены семьи Санкара, которые по-прежнему проживают в Буркина-Фасо, не терпят абсолютно никаких притеснений в связи с их политическими убеждениями. Государство-участник просит Комитет отклонить утверждение о нарушении статьи 26.

Комментарии авторов сообщения по замечаниям государства-участника

10. В своих комментариях от 15 января 2006 года авторы вновь подтверждают свои ранее высказанные замечания. Что касается срока давности, то они объясняют, что ни одна судебная инстанция не поставила под сомнение правомерность этого вопроса и что по смыслу статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса³² и соответствующей применимой судебной практики срок давности не истек.

Просьба о пересмотре решения о приемлемости

11. Комитет принял к сведению просьбу о пересмотре его решения о приемлемости, выдвинутую как государством-участником, так и авторами. Комитет отмечает, что большинство элементов аргументации, выдвинутых в поддержку просьбы о пересмотре вопроса о приемлемости, относятся к тем частям сообщения, которые уже стали предметом углубленного изучения в момент рассмотрения

---

³¹ Сообщение № 811/1998, *Мулаи против Республики Гайаны*, Соображения приняты 20 июля 2004 года: "если одной из сторон становится известно о подкупе жюри присяжных, то такие сведения о недостойном поведении присяжных должны быть вынесены на рассмотрение суда" [пункт 6.1].

³² "В сфере уголовного права уголовное преследование прекращается через 10 лет со дня совершения преступления, если в течение этого периода времени не предпринимались никакие действия по проведению расследования или судебному преследованию. Если же уголовное дело возбуждалось в этот период времени, срок давности по нему истекает через 10 лет со дня совершения этого последнего акта. Дело обстоит именно таким образом даже в отношении лиц, на которые не распространялось это уголовное расследование или преследование."

вопроса о приемлемости, и что другие доводы должны быть проанализированы в рамках рассмотрения вопроса по существу. Исходя из этого, Комитет постановляет приступить к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

12.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.2 В том что касается нарушения статьи 7, то Комитету понятна тревога и психологический дискомфорт, которые испытали и испытывают еще г-жа Санкара и ее дети, – семья человека, убитого при неясных обстоятельствах, поскольку им до сих пор не известны все обстоятельства событий вокруг смерти Томаса Санкары и точное место официального захоронения его останков³³. Семья Томаса Санкары имеет право знать обстоятельства его смерти³⁴, и Комитет напоминает, что любые жалобы на действия, запрещенные статьей 7 Пакта, должны становиться предметом скорого и беспристрастного расследования компетентными органами³⁵. Кроме того, Комитет принимает к сведению, как это уже было сделано им при обсуждении вопроса о приемлемости, невнесение исправлений в свидетельство о смерти Томаса Санкары от 17 января 1988 года, в котором говорится о смерти данного лица от естественных причин вопреки широко известным фактам в том виде, как они подтверждаются государством-участником. Комитет считает, что отказ в проведении расследования обстоятельств смерти Томаса Санкары, отсутствие официального признания места захоронения его останков и невнесение исправлений в свидетельство о смерти представляют собой бесчеловечное обращение с г-жой Санкарой и ее сыновьями, противоречащее статье 7 Пакта.

12.3 В том что касается нарушения пункта 1 статьи 9 Пакта, то Комитет ссылается на свою практику, согласно которой право на безопасность лица, гарантированное пунктом 1 статьи 9 Пакта, применяется даже в тех случаях, когда речь не идет о формальном лишении свободы³⁶. Толкование статьи 9 не позволяет государству-участнику не считаться с угрозами личной безопасности лиц, не лишенных свободы и находящихся под его юрисдикцией³⁷. В данном случае некие лица открыли огонь и убили Томаса Санкару 15 октября 1987 года, и, опасаясь за свою безопасность, его жена и дети вскоре после этого выехали из Буркина-Фасо. Однако приводимые авторами доводы являются недостаточными для того, чтобы свидетельствовать о нарушении пункта 1 статьи 9 Пакта.

12.4 В том что касается предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта, то Комитет считает, что даже если суду и не вменяется в обязанность высказываться относительно ходатайства о проведении публичного расследования или преследования, необходимо тем не менее, чтобы, как и в данном случае, всякий раз, когда на какой-либо орган возлагается обязанность вынести решение о начале следствия или преследования, этот орган соблюдал гарантию равенства всех лиц перед судом,

---

³³ Сообщение № 886/1999, *Щедко против Беларуси*, Соображения приняты 3 апреля 2003 года, пункт 10.2; сообщение № 887/1999, *Стаселович против Беларуси*, Соображения приняты 3 апреля 2003 года, пункт 9.2.

³⁴ Сообщение № 107/1981, *Кинтерос против Уругвая*, Соображения приняты 21 июля 1983 года, пункт 14.

³⁵ Замечание общего порядка 20, пункт 14.

³⁶ Сообщения № 195/1985, *Дельгадо Паес против Колумбии*, Соображения приняты 12 июля 1990 года, пункт 5.5; № 711/1996 *Карлос Диас против Анголы*, Соображения приняты 20 марта 2000 года, пункт 8.3.

³⁷ Сообщения № 821/1998, *Чонгве против Замбии*, Соображения приняты 25 октября 2000 года, пункт 5.3; № 468/1991, *Бахамонде против Экваториальной Гвинеи*, Соображения приняты 20 октября 1993 года, пункт 9.2.

как это предусмотрено в пункте 1 статьи 14, и принципы беспристрастности, справедливости и равенства состязательных возможностей, имплицитные в этой гарантии³⁸.

12.5 Комитет принимает к сведению доводы авторов в отношении несоблюдения гарантии равенства Верховным судом, который отклонил жалобу на основании невнесения денежного залога в сумме 5 000 франков КФА и отказался принять во внимание несовершеннолетие Огюста Санкары. Однако выясняется, что, во-первых, государство-участник не оспорило тот факт, что в нарушение статьи 110 постановления № 91-51 от 26 августа 1991 года Буркина-Фасо заведующий канцелярией суда не проинформировал адвокатов об обязанности внести денежный залог в размере 5 000 франков КФА. Во-вторых, определение Верховного суда, согласно которому авторы не внесли денежного залога в отношении несовершеннолетнего Огюста Санкары, представляется несостоятельным, поскольку авторам не были известны требования о внесении залога в силу неинформирования их об этом заведующим канцелярией суда – важный элемент, о котором суду было полностью известно. Исходя из этого Комитет считает, что Верховный суд не выполнил обязательство соблюдения гарантии равенства всех лиц перед судом, признанной в пункте 1 статьи 14 Пакта и проистекающих из этой гарантии принципов беспристрастности, справедливости и равенства состязательных возможностей.

12.6 Комитет отмечает, что в связи с постановлением № 46 Верховного суда от 19 июня 2001 года о признании вступившим в силу определения № 14 апелляционного суда, на основании которого обычные суды объявлялись некомпетентными, соответствующие власти отказались принять или не приняли меры по направлению дела министру обороны, с тем чтобы судебное преследование было возбуждено в военном суде, как это предусмотрено в пунктах 1 и 3 статьи 71 Кодекса военной юстиции. Комитет ссылается также на материалы состоявшегося в нем обсуждения вопроса о приемлемости и сформулированные им выводы о том, что Прокурор необоснованно остановил производство по делу авторов и, кроме того, не ответил на их жалобу от 25 июля 2001 года. Наконец, Комитет отмечает, что с момента объявления некомпетентными обычных судов прошло почти пять лет и министром обороны так и не были приняты меры по возбуждению уголовного преследования. Государство-участник не смогло каким-либо образом объяснить данные задержки, и в этом отношении Комитет считает, что вопреки выдвигаемым государством-участником доводам никакой срок давности не мог воспрепятствовать рассмотрению дела военным судьей и что в силу этого передача дела по подсудности министру обороны может быть поставлена в вину Прокурору, который только и был правомочен это сделать. Комитет считает, что это бездействие, продолжающееся с 2001 года, причем, несмотря на различные жалобы, которые приносили авторы, представляет собой нарушение обязательства обеспечить соблюдение гарантии равенства всех лиц перед судом, признанной в пункте 1 статьи 14 Пакта, и проистекающих из этой гарантии принципов беспристрастности, справедливости и равенства.

12.7 В том что касается нарушения статьи 26 Пакта, то Комитет считает, что выдвинутые авторами доводы в отношении допущенной властями дискриминации по признаку их политических убеждений являются недостаточными, чтобы свидетельствовать о нарушении.

13. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 14 Пакта.

14. Комитет напоминает, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте

---

³⁸ Сообщение № 1015/2001, *Пертерер против Австрии*, Решение о неприемлемости от 20 июля 2004 года, пункт 9.2.

права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установленного факта нарушения. На основании пункта 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-же Санкаре и ее сыновьям действенные и осуществимые средства правовой защиты в виде, в частности, официального признания места захоронения останков Томаса Санкары и выплаты компенсации за перенесенные семьей страдания. Государство-участник обязано также не допустить повторения аналогичных нарушений в будущем.

15. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признает компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и осуществимыми средствами правовой защиты в случае установленного факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных им Соображений.

Сообщение № 1172/2003

Представлено: Салимом Абасси (представлен г-ном Рашидом Месли)

Предполагаемая жертва: Абасси Мадани (отец автора)

Государство-участник: Алжир

Дата принятия Соображений: 28 марта 2007 года

Тема сообщения: произвольное задержание, домашний арест, справедливое судебное разбирательство, свобода выражения мнений

Процедурные вопросы: полномочия доверенного лица

Вопросы существа: право на свободу и безопасность личности; произвольный арест и произвольное задержание; право на свободу передвижения; право на справедливое судебное разбирательство; право на разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом; право на свободное выражение своего мнения

Статьи Пакта: 9, 12, 14 и 19

Статьи Факультативного протокола: не затрагиваются

Вывод: наличие нарушения (статьи 9 и 14)

1. Автор сообщения от 31 марта 2003 года является Салим Абасси, родившийся 23 апреля 1967 года в Алжире, который представляет это сообщение от имени своего отца, г-на Абасси Мадани, родившегося 28 февраля 1931 года в Сиди-Окбе (Бискра), гражданина Алжира. Автор указывает, что его отец является жертвой нарушения Алжиром статей 9, 12, 14, 19, 20 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт). Он представлен г-ном Рашидом Месли. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для государства-участника 12 декабря 1989 года.

Факты в изложении автора

2.1 Абасси Мадани является одним из основателей, а также, на момент представления сообщения, председателем организации "Исламский фронт спасения" (ИФС)¹ - алжирской политической партии, легализованной государством-участником 12 сентября 1989 года, после перехода к политическому плюрализму. В преддверии очередных выборов и после успехов ИФС на выборах органов местного

---

¹ ИФС был распущен в 1992 году, что подтверждается автором (см. пункт 2.5).

самоуправления в 1990 году правительством Алжира был проведен новый закон о выборах, встретивший единодушное осуждение всех алжирских оппозиционных партий. В знак протеста против этого закона ИФС организовал всеобщую забастовку, сопровождавшуюся мирными сидячими демонстрациями в общественных местах. После нескольких дней забастовок и мирных маршей стороны пришли к согласию о прекращении акций протеста в обмен на пересмотр в скором будущем избирательного закона. Однако 3 июня 1991 года главе правительства было предложено покинуть свой пост, а общественные здания были взяты штурмом подразделениями алжирской армии.

2.2 30 июня 1991 года Абасси Мадани был арестован военной службой безопасности в штаб-квартире своей партии и 2 июля 1991 года предстал перед следственным судьей военного трибунала, предъявившим ему обвинения в "нанесении ущерба безопасности государства" и "нормальному функционированию национальной экономики". В частности, ему инкриминировали организацию забастовки, которую обвинитель военного трибунала приравнял к мятежу, поскольку она якобы причинила стране тяжкий экономический ущерб. Адвокаты, назначенные для защиты Абасси Мадани, оспаривали основания для производства по делу, возбужденного против него органами военной юстиции, а также правомерность того, что вести следствие было поручено военному судье, подчиненному военной прокуратуре. По мнению защиты, трибунал был учрежден с целью устранения с политической сцены руководства основной оппозиционной партии и не обладал компетенцией для рассмотрения подобных дел, так как в круг его ведения входили лишь уголовные правонарушения и нарушения Кодекса военной юстиции, совершенные военнослужащими при исполнении своих обязанностей. Компетенция военного трибунала в отношении преступлений политического характера, установленная законом от 1963 года, была де-факто отменена с появлением Суда государственной безопасности, специально учрежденного в 1971 году. После перехода в 1989 году к политическому плюрализму был ликвидирован и этот суд; таким образом, следовало исходить из общего правила распределения компетенции.

2.3 В первом туре парламентских выборов 26 декабря 1991 года победу одержал ИФС; на следующий день после объявления официальных итогов выборов военный прокурор сообщил представителям защиты о своем намерении закрыть дело против Абасси Мадани. Однако 12 января 1992 года президент республики "подал в отставку", в стране было объявлено чрезвычайное положение, итоги парламентских выборов были аннулированы, а на юге Алжира были созданы лагеря для "интернированных в административном порядке". 15 июля 1992 года военный трибунал города Блиды заочно приговорил Абасси Мадани к 12 годам лишения свободы. Кассационная жалоба на это решение была отклонена Верховным судом 15 февраля 1993 года; таким образом, приговор по уголовному делу вступил в силу.

2.4 По словам автора, во время содержания под стражей в военной тюрьме Блиды Абасси Мадани многократно подвергался жестокому обращению, в частности из-за его требований предоставить ему статус политического заключенного и обращаться с ним так же, как с другими осужденными. Несмотря на то, что состояние его здоровья вызывало опасения, к нему применялись особенно суровые меры: так, очень долгое время его содержали в одиночном заключении, не разрешая ему свиданий с адвокатами и родственниками.

2.5 После переговоров с военными властями в июне 1995 года Абасси Мадани был переведен в резиденцию, где обычно размещаются посещающие Алжир высокопоставленные лица. Затем его вновь заключили в военную тюрьму в Блиде² за неподчинение требованиям представителей вооруженных сил, в частности о том, чтобы он перестал настаивать на своих политических правах. В течение двух последующих лет его содержали в условиях особо строгого режима³, вплоть до его освобождения 15 июля 1997 года, сопровождавшегося единственным условием: "чтобы он

---

² Точная дата не указана.

³ Описание условий не приводится.

подчинялся действующим законам, если пожелает покинуть территорию страны". После освобождения он не возобновлял свою политическую деятельность в качестве председателя ИФС, так как в 1992 году было принято постановление о запрещении этой партии.

2.6 Первоначально власти пытались ограничить свободу передвижения Абасси Мадани, рассматривая любые мирные выражения поддержки в его адрес как угрозу общественному порядку. На следующем этапе по инициативе министра внутренних дел была начата "процедура", направленная на его помещение под домашний арест; это произошло после того, как Абасси Мадани дал интервью иностранному журналисту и направил Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций⁴ послание, в котором выражал готовность внести свой вклад в мирное урегулирование алжирского кризиса. 1 сентября 1997 года сотрудники военной службы безопасности в устной форме объявили ему о его помещении под домашний арест с абсолютным запретом покидать его квартиру в Алжире. Его также уведомили о том, что ему категорически запрещается выступать с заявлениями или выражать какие-либо мнения "под угрозой возвращения за решетку". При этом он был отрезан от связей с внешним миром: здание, где он проживал, постоянно охранялось сотрудниками военной службы безопасности, не допускавшими к нему никого, кроме ближайших родственников. Ему не было разрешено поддерживать контакты с адвокатом или как-либо обжаловать в судебном порядке решение о его помещении под домашний арест, которое так и не было оформлено письменно.

2.7 16 января 2001 года Рабочей группе Организации Объединенных Наций по произвольным задержаниям было представлено сообщение от имени г-на Мадани. 3 декабря 2001 года Рабочая группа вынесла мнение, согласно которому лишение его свободы являлось произвольным и противоречило статьям 9 и 14 Пакта. Рабочая группа просила государство-участник "принять необходимые меры для исправления создавшегося положения и привести его в соответствие с нормами и принципами, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека и в Пакте"⁵. Никаких мер государством-участником принято не было.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что представленные им факты указывают на нарушения по отношению к его отцу, Абасси Мадани, статей 9, 12, 14 и 19 Пакта.

3.2 Применительно к статьям 9 и 19 Пакта утверждается, что Абасси Мадани был произвольно арестован по политическим мотивам. Обвинение его в нанесении ущерба безопасности государства носит политический характер: так, обвинитель не смог установить ни одного конкретного факта, в котором можно было бы усмотреть состав уголовного преступления. Ему инкриминировали организацию политической забастовки, которую военные, а не законные гражданские власти приравнивали к мятежу. Подавление этой забастовки алжирской армией сопровождалось кровопролитием, несмотря на ее мирный характер и гарантии, полученные от главы правительства. При этом, если вообще допустить, что политическое движение протеста может подпадать под действие уголовного законодательства, что не предусмотрено внутренними правовыми нормами, следует отметить, что это движение протеста было прекращено по договоренности, достигнутой между главой правительства и партией, возглавлявшейся Абасси Мадани. Его арест военной службой безопасности и предъявление ему обвинения военным трибуналом, по-видимому, имели своей единственной целью устранение с алжирской политической сцены председателя главной оппозиционной партии в нарушение статей 9 и 19 Пакта.

---

⁴ Точная дата не указана.

⁵ Мнение № 28/2001 Рабочей группы по произвольным задержаниям.

3.3 Применительно к статье 14 утверждается, что не были соблюдены минимальные нормы справедливости. Приговор Абасси Мадани был вынесен некомпетентным, явно пристрастным и несправедливым судом. Так, эта судебная инстанция входит в систему Министерства обороны, а не Министерства юстиции и состоит из офицеров, иерархически подчиненных Министерству обороны (следственный судья, члены и председатель суда, рассматривавшего дело, назначены министром обороны). Инициатива возбуждения дел принадлежит министру обороны; он также наделен правом толкования закона в вопросах, касающихся компетенции военного трибунала. Возбуждение дела и вынесение приговора таким судом, а также лишение осужденного свободы представляют собой нарушение статьи 14.

3.4 Что касается статьи 9 и помещения Абасси Мадани под домашний арест, то эта мера не имела под собой юридических оснований. Обосновывая это решение, алжирское правительство ссылалось на то, что "такая мера предусмотрена в целом ряде актов алжирского законодательства", и в частности в пункте 4 статьи 6 президентского указа 99-44 от 9 февраля 1992 года об объявлении чрезвычайного положения, который на момент направления сообщения еще оставался в силе. По утверждениям правительства, этот указ был принят якобы в соответствии со статьей 4 Пакта. Однако правительство так и не выполнило положения пункта 3 упомянутой статьи, который обязывал его "немедленно информировать... через посредство Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о положениях, от которых оно отступило, и о причинах, побудивших к такому решению". Статья 9 Уголовного кодекса, предусматривающая ограничение места жительства в качестве дополнительной меры наказания⁶, применяется в совокупности со статьей 11, которая обязывает осужденного проживать в районе, определенном судебным решением⁷. Таким образом, ограничение места жительства может быть установлено в качестве дополнительной меры наказания лишь тем же решением суда, в котором определена основная мера. В случае Абасси Мадани решение о его помещении под домашний арест не упоминалось в приговоре, вынесенном военным трибуналом Блиды. В любом случае статья 11 вышеуказанного закона ограничивает максимальный срок действия этой меры пятью годами со дня освобождения осужденного. На дату представления сообщения срок содержания Абасси Мадани под домашним арестом значительно превысил пять лет в нарушение того самого закона, которым правительство Алжира пытается воспользоваться для обоснования этой меры.

3.5 Причины помещения Абасси Мадани под домашний арест являются теми же, по которым он был арестован и осужден военным трибуналом: это свободное осуществление им своих политических прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и в Пакте. Таким образом, эта мера представляет собой нарушение статей 9, 12 и 19 Пакта.

---

⁶ Статья 9 Закона № 89-05 от 25 апреля 1989 года: "Дополнительными мерами наказания являются: 1) ограничение места жительства; 2) запрещение проживания в определенных местах; 3) лишение определенных прав; 4) частичная конфискация имущества; 5) прекращение юридического лица; 6) публичное оглашение обвинительного приговора".

⁷ Статья 11 Закона № 89-05 от 25 апреля 1989 года: "Ограничение места жительства представляет собой обязательство осужденного проживать в районе, определенном судебным решением. Такое обязательство действительно не более пяти лет. Обязательство проживать в соответствующем районе вступает в силу со дня прекращения действия основной меры наказания или со дня освобождения осужденного. Об этом решении сообщается Министерству внутренних дел, которое может давать временные разрешения на перемещение в пределах национальной территории".

Постановление № 69-74 от 16 сентября 1969 года: лицо, в отношении которого вынесено решение об ограничении места жительства, нарушившее это решение или уклоняющееся от его исполнения, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до трех лет.

4.1 27 июня 2003 года государство-участник указывает, что из сообщения не следует, уполномочил ли Абасси Мадани кого бы то ни было действовать от своего имени в соответствии с установленными правилами представления дел на рассмотрение Комитета. Г-н Салим Абасси, утверждающий, что действует от имени своего отца, не представил никакого подтверждения своих полномочий действовать от имени последнего. Доверенность, выданная Салимом Абасси Рашиду Месли, не была официально заверена и поэтому не должна приниматься во внимание. Кроме того, при подаче заявления Рашид Месли представил себя в качестве адвоката, тогда как в Алжире он не носит этого звания с 3 октября 2002 года, когда он был исключен из коллегии адвокатов решением дисциплинарного совета адвокатуры округа Тизи-Узу. Членом коллегии адвокатов кантона Женева, где им представлено данное сообщение, он также не является. Таким образом, он не имеет права именоваться адвокатом. Назвавшись таковым, Рашид Месли представил о себе ложные сведения и выдал себя за представителя профессии, к которой он не принадлежит. Наконец, государство-участник указывает, что в отношении Рашида Месли действует международный ордер на арест под номером 17/02, выданный следственным судьей суда города Сиди-Мохаммед в связи с его участием в предположительно террористической деятельности "Салафистской группы проповеди и борьбы", которая фигурирует в составленном Организацией Объединенных Наций списке террористических организаций.

4.2 12 ноября 2003 года государство-участник напоминает о том, что Абасси Мадани был арестован в июне 1991 года в связи с призывом к массовому насилию, одним из авторов которого он являлся в силу собственноручно подписанной им директивы. Этот призыв последовал за неудачной попыткой поднять мятеж, в подготовке и организации которого он участвовал с целью насильственного установления теократического правления. Именно при этих исключительных обстоятельствах и с целью гарантировать надлежащее отправление правосудия его дело было передано в военный трибунал, который, вопреки утверждениям заявителя, наделен в соответствии с алжирским законодательством компетенцией в отношении предъявленных Абасси Мадани обвинений. Ни из статьи 14 Пакта, ни из Замечания общего порядка Комитета по данной статье, ни из других международных норм не следует, что рассмотрение дела в иных судебных органах, помимо обычных судов, само по себе всегда является нарушением права на справедливое судебное разбирательство. Комитет уже напоминал об этом в связи с рассмотрением сообщений, касавшихся чрезвычайных судов и военных трибуналов.

4.3 Государство-участник отмечает также, что Абасси Мадани более не содержится под стражей, так как 2 июля 2003 года он был освобожден. Свобода его передвижения более ничем не ограничивается, и он уже не находится под домашним арестом, как это утверждает заявитель. Он имел возможность беспрепятственно выехать за рубеж.

4.4 Следствие и судебное разбирательство в отношении Абасси Мадани велись военным трибуналом, учрежденным и наделенным соответствующей компетенцией в соответствии с постановлением № 71-28 от 22 апреля 1971 года о введении в действие Кодекса военной юстиции. Вопреки утверждениям автора, военный трибунал состоит из трех судей, назначаемых совместным решением министра юстиции и министра обороны. Его председателем является профессиональный судья системы судов общей юрисдикции, действующей в рамках закона о статусе магистратуры; вопросы его продвижения по службе и дисциплинарного контроля за его деятельностью входят в компетенцию Высшего совета магистратуры - конституционного органа под председательством главы государства. Решения военного трибунала могут быть обжалованы в кассационном порядке в Верховный суд при наличии оснований и условий, предусмотренных в статье 495 и последующих статьях Уголовно-процессуального кодекса. Что касается компетенции военных трибуналов, то они, помимо специфических нарушений военного правопорядка, могут рассматривать дела о преступлениях против безопасности государства, как они определены в Уголовном кодексе, если за них предусмотрены меры наказания, превышающие пять лет лишения свободы. В таких случаях перед военным трибуналом может предстать любое лицо, совершившее подобное преступление,

независимо от того, является ли оно военнослужащим. Именно в соответствии с этим законодательством и на его основе следствие и судебное разбирательство в отношении Абасси Мадани велись военным трибуналом города Блиды, компетентность которого основывается на статье 25 вышеуказанного постановления. Государство-участник отмечает, что вопрос о некомпетентности военного трибунала не поднимался Абасси Мадани при рассмотрении дела по первой инстанции. Впервые он был поставлен перед Верховным судом, который отклонил соответствующую жалобу.

4.5 Абасси Мадани были предоставлены все гарантии, предусмотренные законом и международно-правовыми актами. Сразу после ареста следственный судья уведомил его о выдвинутых против него обвинениях. В ходе следствия и судебного разбирательства дела он пользовался услугами 19 адвокатов, а при рассмотрении дела в Верховном суде - услугами восьми адвокатов. Он использовал предоставленные законом средства правовой защиты, подав кассационную жалобу в Верховный суд. Эта жалоба была отклонена.

4.6 Что касается утверждения о том, что процесс якобы не был публичным, то оно неверно и может создать впечатление, будто обвиняемому не было позволено присутствовать при судебном разбирательстве по его делу и защищаться от выдвинутых против него обвинений. В действительности с самого начала процесса он отказался присутствовать на заседаниях военного трибунала, несмотря на регулярные вызовы, направлявшиеся ему одновременно с приглашением его адвокатов. Констатировав отсутствие обвиняемого на заседаниях, председатель трибунала направил ему повестку с предупреждением о последствиях неявки в порядке, предусмотренном статьей 294 Уголовно-процессуального кодекса и статьей 142 Кодекса военной юстиции. После отказа обвиняемого явиться в суд об этом был составлен акт, вслед за чем председатель трибунала в соответствии с вышеуказанными положениями постановил перейти к слушанию дела. Тем не менее все процессуальные действия по ходу слушания дела регулярно доводились до сведения обвиняемого и фиксировались в соответствующих протоколах. Рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого не противоречит ни национальному законодательству, ни положениям Пакта: хотя статья 14 гласит, что каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право быть судимым в его присутствии, в ней не говорится, что отправление правосудия невозможно, если подсудимый сознательно и самовольно отказывается присутствовать в судебном заседании. Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс военной юстиции позволяют суду перейти к слушанию дела в отсутствие обвиняемого, если тот упорствует в своем отказе явиться в суд. Этот законный порядок действий основан на том, что правосудие должно совершиться при любых обстоятельствах, и негативная позиция обвиняемого не может препятствовать этому бесконечно.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника

5.1 28 марта 2004 года адвокат предъявил доверенность, полученную им от Абасси Мадани 8 марта 2004 года, и сообщил, что 2 июля 2003 года постановление о домашнем аресте в отношении последнего было отменено и что он в данный момент находится в Дохе (Катар).

5.2 По поводу приемлемости сообщения адвокат отмечает, что согласно правилу 96 b) правил процедуры Комитета сообщение может быть представлено самим лицом или его представителем. На момент представления сообщения Абасси Мадани все еще находился под незаконным домашним арестом и был лишен возможности контактировать с кем-либо, за исключением некоторых ближайших родственников. Постановление о домашнем аресте было отменено 2 июля 2003 года, и Абасси Мадани оформил специальную доверенность, наделяющую адвоката полномочиями представлять его в Комитете. Что касается личных обвинений государства-участника в адрес адвоката, то он дает на них ответ и просит Комитет не принимать их во внимание.

5.3 По существу дела отмечается, что постановление о домашнем аресте в отношении Абасси Мадани было отменено по истечении назначенного ему срока наказания в 12 лет лишения свободы, т.е. 2 июля 2003 года. После освобождения имели место другие нарушения его гражданских и

политических прав. Первоначальное ходатайство о том, чтобы государству-участнику было предписано обеспечить соблюдение своих международных обязательств, отменив постановление, принятое в отношении заявителя, утрачивает свою актуальность. Содержание Абасси Мадани под стражей в условиях, о которых говорится в первоначальном сообщении, представляет собой нарушение Пакта.

Дополнительные замечания государства-участника

6. 18 июня 2004 года государство-участник отмечает, что доверенное лицо Абасси Мадани, признав, что оно более не является адвокатом, тем не менее подписывает в этом качестве представляемые в Комитет комментарии. Оно также отмечает, что это доверенное лицо, вместо того чтобы давать ответ на замечания, сделанные государством-участником по существу, предпочитает излагать детали, касающиеся его лично, забывая, что оно выступает от имени третьей стороны. Государство-участник отмечает, что доверенное лицо признает полное снятие ограничений на передвижение Абасси Мадани и заявляет в этой связи, что его ходатайство перед Комитетом утратило свою актуальность. Государство-участник напоминает, что сообщение должно быть признано необоснованным и неприемлемым.

Вопросы и процедура их рассмотрения Комитетом

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии со статьей 93 своих правил процедуры определить, является ли данное сообщение приемлемым или неприемлемым по смыслу Факультативного протокола к Пакту.

7.2 Комитет отмечает, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, согласно пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

7.3 Касаясь того, действительна ли доверенность, представленная адвокатом, Комитет напоминает, что "как правило, сообщение должно представляться самим лицом или его представителем; однако сообщение, представляемое от имени предполагаемого потерпевшего, может быть принято, когда, как представляется, соответствующее лицо не в состоянии само представить сообщение"⁸. В данном случае представитель указал, что на момент представления первоначального сообщения Абасси Мадани находился под домашним арестом и мог поддерживать контакт лишь со своими близкими родственниками. Поэтому Комитет считает представленную адвокатом доверенность от сына Абасси Мадани достаточной для целей регистрации сообщения⁹. Кроме того, впоследствии представителем была предъявлена доверенность за подписью Абасси Мадани, прямо и недвусмысленно уполномочивающая его выступать от имени последнего в Комитете. Соответственно Комитет приходит к выводу, что форма представления ему данного сообщения была соблюдена.

7.4 В отношении жалоб, поданных на основании статей 9, 12, 14 и 19 Пакта, Комитет приходит к заключению, что доводы, представленные автором, достаточны для обоснования приемлемости жалоб. Таким образом, на основании вышеуказанных положений Комитет признает сообщение приемлемым.

---

⁸ Правило 96 b), Правила процедуры Комитета по правам человека (CCPR/C/3/Rev.8).

⁹ См., например, сообщение № 699/1996, *Малеки против Италии*, соображения, принятые 15 июля 1999 года, представленные Камбизом Малеки от имени его отца Али Малеки.

7.5 В отношении заочного осуждения Абасси Мадани к 12 годам лишения свободы Комитет, отмечая, что автор сообщения упоминал об этом лишь при изложении фактов и не возвращался к этому при изложении существа жалобы, а также не отреагировал на подробные разъяснения, представленные государством-участником, считает, что данный аспект заявления не содержит утверждений о нарушении какого-либо из прав, закрепленных Пактом, по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

7.6 Комитет принимает к сведению поданное представителем ходатайство об изменении формулировки, где говорится, что первоначальное заявление было направлено в период, когда отец автора находился под домашним арестом, то есть до прекращения действия постановления о домашнем аресте, и что хотя после отмены указанного постановления это заявление и утратило свою актуальность, это не устраняет нарушение Пакта, выразившееся в произвольном задержании. Комитет также принимает к сведению ходатайство государства-участника, в котором на основании собственного заявления представителя автора, признавшего, что с автора сняты все ограничения на свободу передвижения, делается вывод о том, что сообщение утратило свою актуальность, и предлагается признать его необоснованным и неприемлемым. Комитет приходит к заключению, что отмена постановления о домашнем аресте не дает оснований автоматически признать неактуальным рассмотрение вопроса о произвольном задержании, и соответственно объявляет данную жалобу приемлемой.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Комитет отмечает, что Абасси Мадани был арестован в 1991 году и в 1992 году предан суду военного трибунала за посягательство на безопасность государства и нормальное функционирование национальной экономики. После этого военную тюрьму города Блиды он покинул 15 июля 1997 года. Затем, по словам автора, 1 сентября 1997 года он был помещен под домашний арест, причины которого не были доведены до его сведения в письменной форме.

8.3 Комитет напоминает, что пункт 1 статьи 9 гарантирует каждому человеку право на личную свободу, и устанавливает, что никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. Он также напоминает, что помещение под домашний арест может приводить к нарушениям статьи 9¹⁰, гарантирующей каждому человеку право на свободу и право не быть подвергнутым произвольному содержанию под стражей. Государство-участник не дало ответа на утверждения автора, ограничившись указанием на то, что Абасси Мадани более не содержится под стражей и не находится под домашним арестом. Поскольку государство-участник не обосновало свои действия каким-либо особым режимом отбывания наказаний лицами, осужденными к лишению свободы, и не привело каких-либо правовых оснований для содержания лиц под домашним арестом, Комитет приходит к выводу, что в период с 1 сентября 1997 года по 1 июля 2003 года имел место отказ заявителю в праве на свободу. Таким образом, его содержание под стражей носило произвольный характер и представляло собой нарушение пункта 1 статьи 9.

8.4 Согласно пункту 3 статьи 9, каждое задержанное лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение.

---

¹⁰ Сообщения № 132/1982, *Монжа Джаона против Мадагаскара*, соображения, принятые 1 апреля 1985 года, пункты 13-14; № 1134/2002, *Горджи-Динка против Камеруна*, соображения, принятые 15 марта 2005 года, пункт 5.4.

Комитет напоминает о своей прошлой правовой практике, согласно которой для того, чтобы содержание под стражей не было квалифицировано как произвольное, оно не должно продолжаться сверх того срока, в отношении которого государство-участник может представить должное обоснование¹¹. В данном случае отец автора был освобожден из-под домашнего ареста 2 июля 2003 года, т.е. по истечении почти шестилетнего срока. Государством-участником не было приведено никакого обоснования продолжительности его содержания под стражей. Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9.

8.5 Комитет отмечает утверждение автора, согласно которому его отец в течение всего периода нахождения под домашним арестом был лишен доступа к услугам защитника и не имел возможности оспорить законность своего содержания под стражей. Это утверждение государство-участник оставило без ответа. Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 4 статьи 9 судебный надзор за законностью содержания под стражей предполагает возможность распорядиться об освобождении задержанного, если его задержание объявлено несовместимым с положениями Пакта, и в частности с положениями пункта 1 статьи 9. В рассматриваемом случае отец автора находился под домашним арестом около шести лет без конкретных на то оснований, связанных с его делом, и не имея возможности добиться того, чтобы вопрос о соответствии его задержания положениям Пакта был рассмотрен судом по существу. Соответственно, в отсутствие достаточных объяснений со стороны государства-участника Комитет приходит к выводу о нарушении пункта 4 статьи 9 Пакта.

8.6 В свете вышеизложенных выводов Комитет не видит необходимости в рассмотрении жалобы, основанной на статье 12 Пакта.

8.7 В отношении жалобы на нарушение статьи 14 Пакта Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 13, согласно которому, хотя Пакт не запрещает рассмотрение дел гражданских лиц военными трибуналами, такое рассмотрение может осуществляться лишь на исключительной основе и в условиях, при которых действительно полностью соблюдаются все гарантии, предусмотренные в статье 14. Обоснование такой практики возлагается на государство-участник, использующее военные трибуналы для суда над гражданскими лицами. По мнению Комитета, государство-участник должно применительно к конкретной категории лиц, о которых идет речь, доказать, что обычные гражданские суды не в состоянии принять их дела к рассмотрению, что другие, альтернативные категории гражданских судов, такие, как специальные суды или суды по особо важным делам, не подходят для этой задачи и что при передаче дел в военные трибуналы полностью гарантируется защита прав обвиняемых в соответствии со статьей 14. Государство-участник должно также продемонстрировать, как именно военные трибуналы гарантируют полную защиту прав обвиняемых в соответствии со статьей 14. В рассматриваемом случае государством-участником не были указаны причины, обусловившие необходимость передачи дела в военный трибунал. В своих комментариях по поводу серьезности обвинений, предъявленных г-ну Абасси Мадани, государство-участник не указало причин, по которым его дело не могло рассматриваться в обычных гражданских судах или гражданских судах альтернативных категорий. При этом одна лишь ссылка на положения внутреннего права, предусматривающие рассмотрение дел об определенных категориях тяжких преступлений военными трибуналами, с точки зрения Пакта не может служить оправданием использования таких трибуналов. Неспособность государства-участника доказать в рассматриваемом случае необходимость передачи дела в военный трибунал освобождает Комитет от рассмотрения вопроса о том, обеспечивались ли военным трибуналом все гарантии, предусмотренные статьей 14. Комитет приходит к выводу, что рассмотрение дела Абасси Мадани и его осуждение военным трибуналом представляют собой нарушение статьи 14 Пакта.

8.8 В связи с утверждениями о нарушении статьи 19 Комитет напоминает, что свобода информации и свобода выражения своего мнения являются основой основ любого свободного и

---

¹¹ Сообщения № 900/1999, *К. против Австралии*, соображения, принятые 28 октября 2002 года, пункт 8.2; 1014/2001, *Бабан против Австралии*, соображения, принятые 6 августа 2003 года, пункт 7.2.

демократического общества. Важнейшей особенностью такого общества является предоставление гражданам права получать информацию о возможных решениях, касающихся смены политической системы или политических партий у власти, а также открыто и публично критиковать или подвергать оценке деятельность своего правительства, не опасаясь вмешательства или репрессий со стороны последнего, в пределах, установленных пунктом 3 статьи 19 Пакта. В отношении утверждений о том, что арест Абасси Мадани и предъявление ему обвинения преследовали политические цели, Комитет отмечает, что он не располагает достаточными материалами для вывода о нарушении статьи 19 при аресте Абасси Мадани и предъявлении ему обвинения в 1991 году. Кроме того, хотя государство-участником было указано, что автор имеет возможность пользоваться всеми своими правами и в настоящее время проживает за границей, и невзирая на утверждения автора по этому поводу, Комитет отмечает, что он не располагает достаточными материалами для вывода о нарушении статьи 19, якобы выразившемся в том, что Абасси Мадани было запрещено высказываться или выражать какие-либо мнения во время пребывания под домашним арестом.

9. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, выражает мнение о том, что факты, рассмотренные Комитетом, свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 9 и 14 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить Абасси Мадани действенное средство правовой защиты. Государство-участник обязано принять соответствующие меры для того, чтобы предоставить автору надлежащее средство правовой защиты, в том числе компенсацию. Государство-участник также обязано принять меры для недопущения аналогичных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решение по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать действенные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах во исполнение настоящих Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать настоящие Соображения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-на Абдельфаттаха Амора

По данному делу Комитет, подчеркнув в не свойственных ему форме и стиле, что

"неспособность государства-участника доказать в рассматриваемом случае необходимость передачи дела в военный трибунал освобождает Комитет от рассмотрения вопроса о том, обеспечивались ли военным трибуналом все гарантии, предусмотренные статьей 14",

приходит к выводу, что

"рассмотрение дела Абасси Мадани и его осуждение военным трибуналом представляют собой нарушение статьи 14".

Я не считаю возможным поддержать аргументацию и вывод, изложенные в пункте 8.7 соображений Комитета. На мой взгляд, они выходят за рамки смысла статьи 14 и представляют собой отступление от того, о чем говорится в Замечании общего порядка по поводу этой статьи.

Статья 14 содержит основные положения о гарантиях и процедурах справедливого, независимого и беспристрастного отправления правосудия. В этой и только в этой связи, причем лишь в пункте 1 данной статьи, упоминается орган, призванный отправлять правосудие: "Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право ... на ... разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом..."

В статье 14 не идет речь о характере судебных органов. В ней не запрещается и не поощряется использование какой-либо их разновидностей. За рамками допустимого согласно статье 14 остаются, по-видимому, лишь те судебные органы, где не соблюдаются предусмотренные ею гарантии и процедуры. Ни одна разновидность судебных органов не подлежит принципиальному осуждению сама по себе.

Для конкретизации смысла и сферы применения статьи 14 Комитет на своей двадцать первой сессии в 1984 году принял Замечание общего порядка № 13. Это замечание до сих пор, т.е. до конца восьмидесяти девятой сессии, на которой были приняты данные соображения, не подвергалось никаким изменениям или уточнениям. В пункте 4 указанного замечания общего порядка говорится, в частности, о военных трибуналах. Общая схема, изложенная в этом пункте, заключается в том, что:

- учреждение военных трибуналов не запрещается Пактом;
- рассмотрение дел гражданских лиц военными трибуналами может осуществляться на весьма исключительной основе и проводиться в условиях, при которых действительно полностью соблюдаются все гарантии, предусмотренные в статье 14,
- отступления от обычных процедур, придерживаться которых требует статья 14, в условиях чрезвычайного положения, предусмотренные в статье 4 Пакта, не должны выходить за рамки того, что строго необходимо в свете фактической ситуации.

Иными словами, при должном учете статьи 14, основное внимание Комитета должно быть сосредоточено на гарантиях справедливого, беспристрастного и независимого отправления правосудия. Именно с этой и только с этой точки зрения может рассматриваться или решаться вопрос о выборе судебного органа (трибунала).

Судивший Абасси Мадани военный трибунал был учрежден в соответствии с алжирским законодательством. Как и в любой стране, имеющей вооруженные силы, основная компетенция такого трибунала распространяется на военные преступления. В его компетенцию в принципе входят и те случаи, когда среди обвиняемых или соучастников по делу о военных преступлениях фигурируют гражданские лица. В некоторых государствах к компетенции военного трибунала относятся все дела, в которых замешаны военнослужащие.

В Алжире военным трибуналам, помимо их основной компетенции, предоставлены дополнительные полномочия, прямо оговоренные законом. Так, на основании постановления № 71-28 от 22 апреля 1971 года военные трибуналы могут рассматривать дела о преступлениях против безопасности государства, совершенных гражданскими лицами, если предусмотренные за них меры наказания превышают пять лет лишения свободы. Таким образом, речь идет о полномочиях, выходящих за рамки обычной компетенции военных трибуналов, т.е. об исключении из общего правила относительно их компетенции.

Комитет изначально подтвердил, что Пакт не запрещает учреждение военных трибуналов, хотя рассмотрение такими трибуналами дел гражданских лиц может осуществляться на весьма исключительной основе и проводиться в условиях, при которых действительно полностью соблюдаются все гарантии, предусмотренные в статье 14. *Следует ли идти еще дальше и выдвигать дополнительные условия, требуя от государства-участника (в связи с использованием военных трибуналов для суда над гражданскими лицами) доказательств того, что "обычные гражданские*

суды не в состоянии принять их дела к рассмотрению, что другие, альтернативные категории гражданских судов, такие, как специальные суды или суды по особо важным делам, не подходят для этой задачи"?

Выдвижение Комитетом такого нового условия не может не привести к возникновению серьезных юридических трудностей. Его нельзя считать однозначно вписывающимся в рамки статьи 14, и Замечание общего порядка № 13 его также не предусматривает. Предъявление государству условий, не предусмотренных изначально, нельзя назвать надлежащим применением норм, установленным Пактом или подразумеваемых в нем. Кроме того, само это условие является спорным - в том смысле, что Комитет, кроме как в случае откровенно произвольного толкования или явной ошибки, *не может подменять собой государство при оценке обоснованности альтернатив использованию военных трибуналов*. На чем может быть основано суждение Комитета относительно того, следует ли государству использовать специальные гражданские суды, суды по особо важным делам или военные трибуналы? Какими критериями может Комитет воспользоваться в целях определения пригодности или непригодности специальных гражданских судов или судов по особо важным делам для рассмотрения дел гражданских лиц, обвиняемых в преступлениях против безопасности государства? *Единственно возможной точкой отсчета для Комитета, о каких бы судебных органах ни шла речь, были и остаются гарантии и процедуры, предусмотренные в статье 14*. Только это позволит ему всегда ощущать твердую почву под ногами, избегая зыбучих песков и опасных поворотов.

Комитет также не может брать на себя оценку исключительного характера тех или иных обстоятельств или угроз, приводящих к возникновению чрезвычайного положения. Комитет не является подходящей инстанцией для вынесения суждений о фактических ситуациях, масштабы и последствия которых он к тому же не в состоянии осознать. Свой контроль в этом отношении он должен сводить к минимуму, удерживая лишь от произвольного толкования и явных ошибок. В случае объявления чрезвычайного положения на основании статьи 4 Пакта Комитет должен удостовериться в законности этой меры и следить за тем, чтобы отступления от положений статьи 14 не выходили за строгие рамки того, что продиктовано реально сложившейся ситуацией, и не вели к нарушению других условий, предусмотренных в этой статье. К большому сожалению, все эти аспекты остались за рамками проведенного Комитетом анализа. Таким образом, *Комитет избрал путь, ведущий к непредсказуемым результатам*.

Помимо вопроса о характере соответствующего судебного органа, принципиально важным остается соблюдение гарантий и процедур, предписываемых статьей 14 и конкретизируемых в Замечании общего порядка № 13. В случаях, когда гражданские лица в порядке исключения предстают перед военным трибуналом, главное заключается в том, чтобы процесс проходил в условиях, обеспечивающих возможность справедливого, беспристрастного и независимого отправления правосудия. *Вот ключевой аспект, от рассмотрения которого Комитет уклонился, хотя именно он должен был находиться в центре его внимания и определять конечную точку всех его умозаключений. Множество вопросов в этой связи остались без ответа*.

Говоря о составе военного трибунала, автор утверждает, что его членами являлись офицеры вооруженных сил, иерархически подчиненные Министерству обороны, что "следственный судья, члены и председатель суда, рассматривавшего дело, – офицеры, назначенные министром обороны" и что председатель суда, рассматривавшего дело, хотя и являлся гражданским лицом, также был назначен министром обороны. Правительство Алжира, ответ которого автор оставил без комментариев, со своей стороны указывает, что "военный трибунал состоит из трех судей, назначаемых совместным решением министра юстиции и министра обороны. Его председателем является профессиональный судья системы судов общей юрисдикции, законодательно подчиненный уставу магистратуры; вопросы его продвижения по службе и дисциплинарного контроля за его деятельностью входят в компетенцию Высшего совета магистратуры".

В другом месте автор утверждает, что "инициатива возбуждения дел принадлежит министру обороны, даже тогда, когда, как в данном случае, это противоречит воле главы правительства", добавляя, что упомянутый министр "также наделен правом толкования закона в вопросах, касающихся компетенции военного трибунала". Государство-участник, не комментируя эти утверждения, в общем плане ссылается на соблюдение Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса и Кодекса военной юстиции.

Комитет должен был уделить всем этим вопросам должное внимание, а также сосредоточиться на целом ряде других аспектов, таких, как мотивы ареста г-на Мадани, которые в представлении автора и государства-участника выглядят диаметрально противоположными – что не обосновано ни какими-либо данными, ни соответствующими документами, – и более досконально проанализировать все связанные с этим материалы дела.

Помимо вышеизложенного, автор отмечает, что "алжирским государством не были соблюдены минимальные нормы справедливости в отношении г-на Абасси Мадани. Фактически приговор ему был вынесен некомпетентным, явно пристрастным и несправедливым судом". Государство-участник представляет доводы, свидетельствующие об обратном, которые автор дополнительно не комментирует. В них указывается, что военный трибунал был учрежден в соответствии с законом, что вопрос о его компетентности не поднимался при рассмотрении дела по первой инстанции, но впервые был поставлен перед Верховным судом, который соответствующую жалобу отклонил. Государство также отмечает, что об обвинениях в свой адрес г-н Мадани был уведомлен сразу после ареста, что судебное следствие и процесс велись в присутствии адвокатов, что осужденный использовал предоставленные ему законом возможности обжалования, что процесс, вопреки утверждениям автора, носил публичный характер, что в связи с отказом г-на Мадани явиться в суд были соблюдены все процедуры, предусмотренные законом, и что все процессуальные действия по ходу слушания дела регулярно доводились до его сведения и фиксировались в соответствующих протоколах.

Всем этим вопросам Комитет также должен был уделить внимание, и его решение уклониться от этого под тем предлогом, что государство не объяснило причин своего отказа от других альтернатив, помимо передачи дела в военный трибунал, было не самым обоснованным с правовой точки зрения.

Следует также напомнить о том, что когда речь идет о независимости суда, соответствующие факты и доказательства в каждом конкретном случае, как правило, должны оцениваться апелляционными судами государств - участников Пакта, и Комитет в принципе не должен давать оценок поведению судьи на процессе, кроме случаев, когда может быть доказано, что имел место отказ в правосудии или что судья явно нарушил свою обязанность вести дело беспристрастно (см. решение Комитета по делу № 541/1993, Эррол Симмс против Ямайки, апрель 1995 года, пункт 6.2).

Пункт 8.7 соображений Комитета оставляет без ответа важнейшие вопросы. Не могу не констатировать, что Комитет, с одной стороны, взял на себя не свойственные ему функции, потребовав от государства обоснования сделанного им выбора между различными судебными органами, которые оно потенциально могло использовать, а с другой - не сделал того, что от него требовалось и было настоятельно необходимым в данном случае в связи с вопросом о соблюдении или несоблюдении гарантий, обеспечивающих полную защиту прав обвиняемого.

Особое мнение члена Комитета г-на Ахмеда Т. Халиля

Как было указано мной на пленарном заседании Комитета в Нью-Йорке 28 марта 2007 года, я не могу поддержать соображения, изложенные в пункте 8.7 касательно сообщения № 1172/2003 (Абасси Мадани против Алжира), в котором делается вывод о нарушении государством-участником статьи 14 Пакта. Моя позиция основывается на изложенном ниже.

Вполне очевидно, что Пакт не запрещает учреждение военных трибуналов. При этом, четко оговорив, что рассмотрение такими трибуналами дел гражданских лиц может осуществляться на весьма исключительной основе, Комитет в пункте 4 Замечания общего порядка № 13, принятого им по статье 14, подчеркивает - и это, на мой взгляд, еще более важно, - что рассмотрение дел гражданских лиц такими трибуналами должно проводиться в условиях, при которых действительно полностью соблюдаются все гарантии, предусмотренные в статье 14.

Таким образом, перед Комитетом в данном случае стоит вопрос о том, были ли эти гарантии надлежащим образом и полностью соблюдены. Иными словами, задача Комитета, на мой взгляд, заключается в проверке того, обеспечивались ли в ходе процесса г-на Абасси Мадани основные гарантии справедливого, беспристрастного и независимого отправления правосудия.

Автор утверждает, что минимальные нормы справедливости соблюдены не были и что приговор г-ну Абасси был вынесен некомпетентным, явно пристрастным и несправедливым судом.

Государство-участник со своей стороны заявляет, что порядок учреждения и компетенция военного трибунала, судившего и осудившего г-на Абасси Мадани, соответствуют постановлению № 71 от 28 апреля 1971 года и что, вопреки утверждениям автора, военный трибунал компетентен рассматривать дела о преступлениях, вменявшихся в вину г-ну Абасси Мадани. Государство-участник также отмечает, что г-н Абасси Мадани не оспаривал компетентность военного трибунала в ходе рассмотрения дела по первой инстанции. Вопрос о ней впервые был поставлен перед Верховным судом, который отклонил доводы автора.

При этом государство-участник, среди прочего, указало, что сразу после ареста следственный судья сообщил г-ну Абасси Мадани о выдвинутых против него обвинениях, что в ходе следствия, судебного разбирательства и рассмотрения дела Верховным судом он опирался на поддержку многочисленных адвокатов, что г-н Абасси воспользовался предусмотренными законом внутренними средствами правовой защиты и т.д. Следует упомянуть, что вышеуказанные замечания государства-участника были оставлены автором без каких-либо комментариев.

Представляется вполне очевидным, что всем этим вопросам, поднятым автором и государством-участником, Комитет должен был уделить максимум внимания при формулировании своих соображений, касающихся статьи 14 с учетом закрепленных в ней гарантий.

К сожалению, как явствует из пункта 8.7 соображений, вместо тщательного анализа этих принципиально важных вопросов Комитет предпочел занять позицию, согласно которой государства-участники, использующие военные трибуналы для суда над гражданскими лицами, должны представлять доказательства того, что обычные гражданские суды не могут принимать к рассмотрению соответствующие дела, и тем самым выдвинул условие, которое, на мой взгляд, не входит в число гарантий, закрепленных в статье 14. Комитет счел, что в данном случае сам факт невыполнения государством-участником этого условия является достаточным основанием для вывода о нарушении статьи 14.

При этом, как явствует из формулировки пункта 8.7, Комитет пришел к заключению, что, поскольку государство-участник не доказало в данном случае необходимость передачи дела в военный трибунал, Комитет может не рассматривать вопрос о том, обеспечил ли военный трибунал фактическое соблюдение всех гарантий, предусмотренных статьей 14. На мой взгляд, этот последний вывод Комитета может быть истолкован в том смысле, что если бы Комитет, как ему полагалось это сделать, решил рассмотреть вопрос о гарантиях, то нельзя полностью исключить, что в результате этого было бы констатировано соблюдение военным трибуналом в ходе данного процесса гарантий, закрепленных в статье 14 Пакта.

По этим причинам я не могу поддержать соображения, сформулированные Комитетом в пункте 8.7 данного сообщения.

Сообщение № 1173/2003

Представлено: Абдельхамидом Бенхаджем (представлен адвокатом г-ном Рашидом Месли)

Предполагаемая жертва: Али Бенхадж (брат автора)

Государство-участник: Алжир

Дата принятия Соображений: 20 июля 2007 года

Тема сообщения: произвольное задержание

Процедурные вопросы: полномочия доверенного лица

Вопросы существа: право на свободу и безопасность личности; произвольный арест и произвольное задержание; право на гуманное обращение и уважение достоинства человеческой личности; право на справедливое судебное разбирательство; компетентный, независимый и беспристрастный суд; право на свободное выражение своего мнения

Статьи Пакта: 7, 9, 10, 12, 14 и 19

Статья Факультативного протокола: не затрагиваются

Вывод: наличие нарушения (статьи 9, 10 и 14)

1. Автором сообщения от 31 марта 2003 года является Абдельхамид Бенхадж, который представляет настоящее сообщение от имени своего брата Али Бенхаджа, родившегося 16 декабря 1956 года в Тунисе. Автор указывает, что его брат является жертвой нарушения Алжиром статей 7, 9, 10, 12, 14 и 19 Пакта. Он представлен г-ном Рашидом Месли. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для государства-участника 12 декабря 1989 года.

Факты в изложении автора

2.1 Али Бенхадж является одним из основателей, а также, на момент представления сообщения, заместителем председателя организации "Исламский фронт спасения" (ИФС) - алжирской политической партии, легализованной государством-участником 12 сентября 1989 года после перехода к политическому плюрализму. В преддверии очередных выборов и после успехов ИФС на выборах органов местного самоуправления в 1990 году правительством Алжира был принят новый закон о выборах, встретивший единодушное осуждение со стороны всех алжирских оппозиционных партий. В знак протеста против этого закона ИФС организовал всеобщую забастовку, сопровождавшуюся мирными сидячими демонстрациями в общественных местах. После нескольких дней забастовок и мирных шествий стороны согласились прекратить акции протеста в обмен на пересмотр в скором будущем избирательного закона. Однако 3 июня 1991 года главе правительства было предложено покинуть свой пост, а общественные места были захвачены подразделениями алжирской армии.

2.2 29 июня 1991 года Али Бенхадж был арестован военной службой безопасности в здании государственного телевидения, куда он прибыл, чтобы изложить позицию своей партии. 2 июля 1991 года он предстал перед военным прокурором города Блиды, предъявившим ему обвинение в "преступлении против безопасности государства" и в "нанесении ущерба нормальному функционированию национальной экономики". В частности, ему инкриминировали организацию забастовки, которую обвинитель военного трибунала приравнял к мятежу, поскольку она якобы причинила стране тяжелый экономический ущерб. Адвокаты, назначенные для защиты Али Бенхаджа, оспорили обоснованность судебного разбирательства, возбужденного против него органами военной юстиции, а также правомерность того, что вести следствие было поручено

военному судье, подчиненному военной прокуратуре. По мнению защиты¹, эта судебная инстанция была учреждена с целью устранения с политической сцены руководства основной оппозиционной партии и не обладала компетенцией для рассмотрения подобных дел, так как в круг ее ведения входили лишь уголовные правонарушения и нарушения Кодекса военной юстиции, совершенные военнослужащими при исполнении своих обязанностей, или преступления, совершенные гражданскими лицами в качестве соучастников правонарушения, исполнителем которого является военнослужащий. Компетенция военного трибунала в отношении преступлений политического характера, установленная в соответствии с принятым в 1963 году законом, была де-факто отменена с появлением Суда государственной безопасности, специально учрежденного в 1971 году для расследования этого вида правонарушений. После перехода в 1989 году к политическому плюрализму был ликвидирован и этот суд, в связи с чем следовало руководствоваться общим правилом распределения компетенции.

2.3 В первом туре парламентских выборов, состоявшемся 26 декабря 1991 года, победу одержал ИФС; на следующий день после объявления официальных итогов выборов военный прокурор сообщил представителям защиты о своем намерении закрыть дело против Али Бенхаджа. Однако 12 января 1992 года Президент Республики "подал в отставку", в стране было объявлено чрезвычайное положение, итоги парламентских выборов были аннулированы, а на юге Алжира были созданы лагеря для "интернированных в административном порядке". 15 июля 1992 года военный трибунал города Блида заочно приговорил Бенхаджа к 12 годам тюремного заключения. Кассационная жалоба на это решение была отклонена Верховным судом 15 февраля 1993 года, в результате чего приговор по данному делу вступил в силу.

2.4 Во время представления сообщения г-н Бенхадж по-прежнему находился в тюрьме. Все остальные обвиняемые, проходившие по этому делу, были освобождены после отбытия части назначенного им наказания. За время лишения свободы к нему применялся различный режим заключения, и с ним обращались по-разному в зависимости от того, считали ли его военные власти политическим оппонентом или нет. Так, с июля 1991 года по апрель 1993 года он содержался в военной тюрьме в городе Блида, где он подвергался жестокому обращению, в частности по причине его требований обращаться с ним в соответствии с законом и тюремным распорядком, а также из-за отказа выполнить некоторые настойчивые требования политического характера со стороны военных властей. Затем он был переведен в гражданскую тюрьму в городе Тизи-Узу, где в течение многих месяцев содержался в полной изоляции в блоке приговоренных к смертной казни. Затем он вновь был переведен в военную тюрьму в городе Блида до провала политических переговоров, а 1 февраля 1995 года - в военную казарму, расположенную на крайнем юге Алжира. Там он содержался в полной изоляции в течение четырех месяцев и шести дней в карцере, представляющем собой тесную камеру без вентиляции и санитарных удобств. Затем он был переведен в государственную резиденцию, где обычно размещаются высокопоставленные лица, прибывающие в Алжир с визитом, в связи с началом новых переговоров между "национальной комиссией", возглавляемой генералом Лиамином Зеруалем, и руководителями ИФС.

2.5 В день провала этих переговоров, вину за который генерал Зеруаль возложил на г-на Бенхаджа, он вновь был переведен на крайний юг Алжира в секретный пункт содержания под стражей, возможно в казарму органов военной безопасности. Там он был помещен в тесный карцер², не имеющий никакого сообщения с внешним миром, кроме люка на потолке, и, находясь в полной изоляции, потерял всякое понятие о времени. В нем он содержался в течение двух лет. Ему разрешили направлять письма всем официальным лицам и органам власти (президенту, главе правительства, министру юстиции, военным властям), обещав, что его письма дойдут до адресатов.

---

¹ Адвокат прилагает заявление защиты от 18 июля 1992 года, в котором вскрываются серьезные нарушения в ходе судебного разбирательства.

² Его размеры не позволяли ни стоять, ни лежать.

Он неоднократно объявлял голодовки, за которые его жестоко наказывали надзиратели. Он не мог встречаться с членами своей семьи и тем более с адвокатами.

2.6 Осенью 1997 года он вновь был переведен в военную тюрьму в городе Блида, где содержался в полной изоляции и подвергался жестокому обращению в течение почти двух лет. Таким образом, в течение четырех лет его семье было совершенно не известно место его содержания и был ли он по-прежнему в живых. Лишь в 1999 году его семье было сообщено место его заключения и разрешено посещать его. В январе 2001 года его семья заметила, что условия его содержания под стражей вновь ужесточились в результате писем, направленных Али Бенхаджем Президенту Республики. 16 января 2001 года г-н Месли направил сообщение Рабочей группе Организации Объединенных Наций по произвольным задержаниям о случае г-на Бенхаджа. 3 декабря 2001 года Рабочая группа вынесла мнение, согласно которому лишение его свободы являлось произвольным и противоречило статьям 9 и 14 Пакта. Рабочая группа просила государство-участник "принять необходимые меры для исправления создавшегося положения и привести его в соответствие с нормами и принципами, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека и в Пакте"³. Никаких мер государством-участником в этой связи принято не было.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что представленные им факты указывают на нарушения по отношению к его брату Али Бенхаджу статей 7, 9, 10, 12, 14 и 19 Пакта.

3.2 Применительно к статьям 9, 12 и 19 Пакта утверждается, что предъявленное Али Бенхаджу обвинение в посягательстве на безопасность государства носит политический характер: так, сторона обвинения не смогла установить ни одного конкретного факта, в котором можно было бы усмотреть состав уголовного преступления. Ему инкриминировали организацию политической забастовки, которую военные, а не законные гражданские власти приравнивали к мятежу. Подавление этой забастовки алжирской армией сопровождалось кровопролитием, несмотря на ее мирный характер и гарантии, полученные от главы правительства. Однако, если даже допустить, что политическое движение протеста может подпадать под действие уголовного законодательства, что не предусмотрено внутренними правовыми нормами, то в этой связи следует отметить, что это движение протеста было прекращено по договоренности, достигнутой между главой правительства и партией, одним из руководителей которой был Али Бенхадж. Его арест службой военной безопасности в здании государственного телевидения, куда он явился, чтобы изложить позицию своей партии, и предъявление ему обвинения военным трибуналом, по-видимому, имели своей единственной целью устранить с алжирской политической сцены одного из главных руководителей оппозиционной партии.

3.3 Что касается статьи 14, то, как утверждается, минимальные стандарты отправления правосудия соблюдены не были. Приговор Али Бенхаджу был вынесен некомпетентным, пристрастным и несправедливым судом по чисто политическим мотивам. Процесс не был публичным. При открытии процесса защита потребовала, чтобы он был публичным и чтобы судебные заседания были открытыми для всех. Это требование было отклонено трибуналом без каких-либо законных обоснований и без объявления о закрытом слушании дела. Некоторые назначенные адвокаты не могли присутствовать в трибунале по причине препятствий, чинимых военнослужащими, расположенными на всех подъездных путях⁴. Али Бенхаджу не дали возможности высказать свое мнение при открытии процесса военным прокурором, который в нарушение закона обеспечивал

---

³ Мнение № 28/2001 Рабочей группы по произвольным задержаниям.

⁴ Согласно заявлению защиты, адвокаты не могли встретиться с Али Бенхаджем до слушания дела 18 июля 1992 года, притом что "никакой юридический текст не позволяет какому-либо органу гражданской или военной власти ограничивать доступ к трибуналу или в зал судебного заседания любому гражданину страны или иностранцу".

порядок в зале заседания и навязывал свои решения самому председателю трибунала. Процесс Али Бенхаджа проходил заочно, поскольку он был силой удален из зала заседания по приказу военного прокурора по причине его протеста против условий, в которых он содержался.

3.4 Наконец, военный трибунал, будучи некомпетентным, не мог быть ни справедливым, ни беспристрастным. Фактически эта судебная инстанция входит в систему Министерства обороны, а не Министерства юстиции и состоит из офицеров, иерархически подчиненных этому Министерству (следственный судья, члены и председатель этого суда назначаются министром обороны). Инициатива возбуждения дел принадлежит министру обороны, он также наделен правом толкования закона в вопросах, касающихся компетенции военного трибунала. Возбуждение дела и вынесение приговора таким судом, а также лишение осужденного свободы представляют собой нарушение статьи 14.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В сообщении от 12 ноября 2003 года государство-участник указывает, что Али Бенхадж был арестован в июне 1991 года в связи с призывом к массовому насилию, одним из авторов которого он являлся в силу собственноручно подписанного воззвания. Этот призыв последовал за неудачной попыткой поднять мятеж, в подготовке и организации которого он участвовал с целью насильственного установления теократического правления. Именно с учетом исключительных обстоятельств и с целью гарантировать надлежащее отправление правосудия его дело было передано в военный трибунал, который, вопреки утверждениям заявителя, наделен в соответствии с алжирским законодательством компетенцией по рассмотрению фактов, которые инкриминируются Али Бенхаджу. Ни из статьи 14 Пакта, ни из Замечания общего порядка Комитета по данной статье, ни из других международных норм не вытекает, что рассмотрение дела в иных судебных органах, помимо обычных судов, само по себе всегда является нарушением права на справедливое судебное разбирательство. Комитет уже напоминал об этом в связи с рассмотрением сообщений, касавшихся чрезвычайных судов и военных трибуналов.

4.2. Государство-участник отмечает, что Али Бенхадж более не содержится под стражей, так как 2 июля 2003 года он был освобожден. Свобода его передвижения более ничем не ограничивается, и он уже не находится под домашним арестом, как это утверждает автор.

4.3 Следствие и судебное разбирательство в отношении Али Бенхаджа велось военным трибуналом, учрежденным и наделенным соответствующей компетенцией в соответствии с постановлением № 71-28 гот 22 апреля 1971 года о введении в действие Кодекса военной юстиции. Вопреки утверждениям автора, военный трибунал состоит из трех судей, назначаемых совместным решением министра юстиции и министра национальной обороны. Его председателем является профессиональный судья системы судов общей юрисдикции, действующий в рамках закона о статусе магистратуры; вопросы его продвижения по службе и дисциплинарного контроля за его деятельностью входят в компетенцию Высшего совета магистратуры - конституционного органа под председательством главы государства. Решения военного трибунала могут быть обжалованы в кассационном порядке в Верховный суд при наличии основания и условий, предусмотренных в статье 495 и последующих статьях Уголовно-процессуального кодекса. Что же касается компетенции военных трибуналов, то они, помимо специфических нарушений военного правопорядка, могут рассматривать дела о покушениях на безопасность государства, как они определены в Уголовном кодексе, если за них предусмотрены меры наказания, превышающие пятилетний срок лишения свободы. В таких случаях перед военным трибуналом может предстать любое лицо, совершившее подобное преступление, независимо от того, является оно военнослужащим или нет. Именно в соответствии с этим законодательством и на его основе следствие и судебное разбирательство в отношении Али Бенхаджа велось военным трибуналом города Блида, компетентность которого основывается на статье 25 вышеуказанного постановления. Государство-участник отмечает, что вопрос о некомпетентности военного трибунала не поднимался

при рассмотрении дела Али Бенхаджа в суде первой инстанции. Впервые он был поставлен перед Верховным судом, который отклонил ходатайство о признании военного трибунала некомпетентным.

4.4 Али Бенхаджу были предоставлены все гарантии, предусмотренные законом и международно-правовыми актами. Сразу же после ареста следственный судья уведомил его о выдвинутых против него обвинениях. В ходе следствия и судебного разбирательства дела он пользовался услугами 19 адвокатов, а при рассмотрении дела в Верховном суде - услугами восьми адвокатов. Он использовал предоставленные законом средства правовой защиты, подав кассационную жалобу в Верховный суд. Эта жалоба была отклонена.

4.5 Что же касается утверждения о том, что процесс якобы не был публичным, то оно не верно и может создать впечатление, будто обвиняемому не было позволено присутствовать в ходе судебного разбирательства по его делу и защищаться от выдвинутых против него обвинений. В действительности с самого начала судебного разбирательства он отказался присутствовать на заседаниях военного трибунала, несмотря на регулярные вызовы, которые ему направлялись одновременно с приглашением его адвокатов. Принимая во внимание отсутствие обвиняемого на заседаниях, председатель трибунала направил ему повестку с предупреждением о последствиях неявки в порядке, предусмотренном статьей 294 Уголовно-процессуального кодекса и статьей 142 Кодекса военной юстиции. В связи с отказом обвиняемого явиться в суд был составлен соответствующий акт, после чего председатель трибунала в соответствии с вышеуказанными положениями постановил перейти к слушанию дела. Тем не менее все процессуальные действия по ходу слушания дела регулярно доводились до сведения обвиняемого и фиксировались в соответствующих протоколах. Рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого не противоречит ни национальному законодательству, ни положениям Пакта: хотя статья 14 гласит, что каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право быть судимым в его присутствии, в ней не говорится, что отправление правосудия невозможно, если подсудимый сознательно и самовольно отказывается присутствовать на судебном заседании. Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс военной юстиции позволяют суду перейти к слушанию дела в отсутствие обвиняемого, если тот упорствует в своем отказе явиться в суд. Этот законный порядок действий основан на том, что правосудие должно совершиться при любых обстоятельствах, и негативная позиция обвиняемого не может препятствовать этому бесконечно.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника

5.1 19 мая 2004 года г-н Месли предъявил доверенность на имя Али Бенхаджа, датированную 13 марта 2004 года. По поводу приемлемости сообщения он указывает, что государство-участник никаких возражений по этому поводу не высказало.

5.2 Али Бенхадж был освобожден 2 июля 2003 года. Накануне своего освобождения от него потребовали отказаться от деятельности любого рода. Он отказался подписать документ, вынуждающий его отказаться от своих гражданских и политических прав. На следующий день после своего освобождения совместное официальное коммюнике военных властей и Министерства внутренних дел уведомило его через прессу о запрещении пользоваться своими наиболее элементарными правами⁵ под предлогом, что это запрещение сопутствует его основному наказанию в

---

⁵ Например, запрещение "избирать или быть избранным, проводить собрания, создавать ассоциацию политического, культурного, благотворительного или религиозного характера, вступать в политические партии или любую другую гражданскую, культурную, социальную, религиозную или иную ассоциацию в качестве члена, руководителя или сочувствующего и действовать в них". Ему также было запрещено "присутствовать, выступать или выражать свое мнение в любом качестве и с использованием любого средства на любом публичном или частном собрании и в целом принимать участие в любом политическом, социальном, культурном, религиозном, национальном или местном мероприятии, каковы бы ни были его причины или повод".

виде тюремного заключения. Али Бенхаджу неоднократно направлялись официальные уведомления с требованием прекратить деятельность любого рода. Он по-прежнему подвергается угрозам и преследованиям.

5.3 Государство-участник ограничивается тем, что подтверждает законность разбирательства дела заявителя в военном трибунале, который якобы компетентен рассматривать правонарушения политического характера. Оно также утверждает, что обвиняемые не поднимали вопроса о некомпетентности военного трибунала. Г-н Месли указывает, что вопрос о компетенции был предметом ходатайства с целью объявить некомпетентность военного суда, направленного в обвинительную палату апелляционного суда, возглавляемую председателем военного трибунала. Это ходатайство было отклонено, но было подано вновь *limine litis* посредством письменного предъявления исковых требований при открытии судебного разбирательства. Это ходатайство не было рассмотрено председателем военного трибунала, который заявил, что оно будет присоединено к делу при вынесении постановления. В результате физического принуждения, применявшегося к Али Бенхаджу в присутствии его адвокатов, защита покинула зал заседания в знак протеста. Что же касается состава военного трибунала, то, хотя эта инстанция возглавляется профессиональным судьей, он все же назначается совместным постановлением министра обороны и министра юстиции. Эта инстанция включает, помимо этого, двух военных судей, которые не обладают ни квалификацией, ни компетенцией в судебных вопросах и назначаются только министром национальной обороны, которому они подчиняются. Каждый из этих двух судей имеет право голоса при принятии решения большинством голосов. Таким образом, при вынесении постановления военный трибунал города Блида состоял из председателя и двух военнослужащих, оба из которых подчинялись министру национальной обороны. По мнению защиты, военный трибунал города Блида после военного государственного переворота и в условиях чрезвычайного положения, введенного 12 февраля 1992 года, не мог быть ни независимым, ни беспристрастным.

5.4 Если Комитет считает, что разбирательство в военных трибуналах само по себе не является нарушением права на справедливое разбирательство, то это справедливо в отношении независимости такого правосудия, в основе которого лежит эффективное разделение ветвей власти, присущее демократическому обществу. Что касается военных трибуналов, рассматривающих дела гражданских лиц, то Комитет в своем Замечании общего порядка № 13 (пункт 4) отметил, что "в некоторых странах такие военные специальные суды не обеспечивают строгих гарантий справедливого отправления правосудия в соответствии с требованиями статьи 14, которые существенно важны для эффективной защиты прав человека". Комитет также выразил мнение, что право быть судимым независимым и беспристрастным судом является абсолютным правом, не допускающим каких-либо исключений⁶. Что касается публичного характера процесса, то защита по завершении судебного разбирательства приложила к материалам прений заявление 19 адвокатов защиты от 18 июля 1992 года, в котором перечисляется целый ряд нарушений.

5.5 Г-н Месли отмечает, что государство-участник не высказывает никаких замечаний в отношении жестокого обращения с Али Бенхаджем ни во время его содержания под стражей, ни во время его содержания в полной изоляции в течение четырех лет, ни в период его пребывания в военной казарме управления разведки и безопасности в течение по крайней мере двух лет⁷. Обращение с Али Бенхаджем представляет собой нарушение статей 7 и 10 Пакта.

---

⁶ Защита цитирует Сообщение № 263/1987, *Гонсалес дель Рио против Перу*, соображения, принятые 28 октября 1992 года.

⁷ Продолжительность содержания под стражей в полной изоляции варьируется в представлениях адвоката.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 В сообщении от 27 сентября 2004 года государство-участник указывает, что доверенность, выданная Али Бенхаджем г-ну Месли, не удостоверена и тем самым не может быть принята во внимание. Комитет определил условия приемлемости сообщений, которые должны представляться либо самой жертвой, либо, в случае невозможности, третьим лицом, которое должно в таком случае доказать, что оно полномочно выступать от имени жертвы. В данном случае это условие не выполнено, поскольку в связи с тем, что доверенность, приложенная г-ном Месли к делу, не удостоверена, ничто не доказывает, что Али Бенхадж выдал доверенность адвокату выступать от его имени. Следовательно, Комитет должен принять к сведению тот факт, что доверенность не удостоверена, и объявить сообщение неприемлемым.

6.2 В отношении существа дела и хода судебного разбирательства государство-участник считает, что оно представило достаточную информацию, позволяющую прийти к определенному мнению. Оно просит Комитет должным образом рассмотреть его предыдущие представления. Что же касается "новых нарушений" в связи с рассмотрением дела Али Бенхаджа, то он был приговорен к лишению свободы и уведомлен о некоторых запрещениях, которые фактически представляют собой так называемые наказания, сопутствующие основному наказанию, которые предусмотрены пунктом 3 статьи 4 и статьей 6 Уголовного кодекса. Эти соответствующие наказания судом могут не указываться и применяться с полным основанием к осужденному лицу и, как следствие, не представляют собой нарушение основных прав Али Бенхаджа. Что же касается утверждений о якобы жестоком обращении с Али Бенхаджем во время его содержания под стражей, то они не подтверждаются документами.

Вопросы и процедура их рассмотрения Комитетом

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих Правил процедуры определить, является ли данное сообщение приемлемым или неприемлемым по смыслу Факультативного протокола к Пакту.

7.2 Комитет отмечает, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования согласно пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

7.3 Касаясь вопроса действительности доверенности, представленной г-ном Месли, Комитет напоминает, что, "как правило, сообщение должно представляться самим лицом или его представителем; однако сообщение, представляемое от имени предполагаемого потерпевшего, может быть принято, когда, как представляется, соответствующее лицо не в состоянии само представить сообщение"⁸. В данном случае г-н Месли указал, что на момент представления первоначального сообщения Али Бенхадж содержался под стражей. Поэтому Комитет считает представленную г-ном Месли доверенность от имени брата Али Бенхаджа достаточной для целей регистрации сообщения⁹. Кроме того, впоследствии г-н Месли предъявил доверенность за подписью Али Бенхаджа, прямо и недвусмысленно удостоверяющую его право выступать от имени последнего в Комитете. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что форма представления ему данного сообщения была соблюдена.

---

⁸ Правило 96 b), Правила процедуры Комитета по правам человека (CCPR/C/3/Rev.8).

⁹ Сообщение № 8/1977, *Вайсмани и Пердомо против Уругвая*, сообщения, принятые 3 апреля 1980 года, пункт 6.

7.4 В отношении жалобы, поданной на основании статьи 12 Пакта, Комитет приходит в данном случае к заключению, что представленные автором факты не свидетельствуют о том, каким образом они нарушают право свободно передвигаться по территории государства-участника, и постановляет, что представленные доказательства недостаточны для обоснования жалобы для целей приемлемости. Что же касается жалоб, поданных на основании статей 7, 9, 10, 14 и 19 Пакта, то в данном случае Комитет считает, что доводы, представленные автором в порядке подтверждения жалоб, являются достаточными для целей приемлемости. Таким образом, на основании вышеуказанных положений Комитет признает сообщение приемлемым.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Комитет отмечает, что Али Бенхадж был арестован в 1991 году и 15 июля 1992 года был приговорен военным трибуналом к 12 годам лишения свободы по обвинению в посягательстве на безопасность государства и нормальное функционирование национальной экономики. Он был освобожден 2 июля 2003 года. Комитет напоминает утверждение о том, что Али Бенхадж содержался в секретном месте с 1 февраля 1995 года в течение четырех месяцев и шести дней, а также в еще течение четырех лет вплоть до марта 1999 года. В течение всего этого времени его семья не знала о месте его содержания под стражей и жив ли он. Комитет отмечает, что государство-участник не ответило на утверждение автора относительно содержания Али Бенхаджа под стражей в полной изоляции.

8.3 Комитет напоминает¹⁰, что бремя доказывания не лежит исключительно на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к элементам доказательства и что зачастую лишь государство располагает необходимыми сведениями. Как это косвенно вытекает из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник обязано провести добросовестное расследование всех утверждений о нарушении Пакта, выдвигаемых против него и его представителей, и передать Комитету сведения, которыми оно располагает. В случаях, когда автор передал Комитету точные утверждения и когда дальнейшее выяснение дела зависит от информации, которой располагает только государство-участник, Комитет может считать эти утверждения обоснованными, если только государство-участник не опровергнет их, представив удовлетворительные доказательства и объяснения.

8.4 Комитет отмечает утверждение автора, согласно которому Али Бенхадж в течение многих лет содержания в полной изоляции был лишен доступа к услугам адвоката и не имел возможности оспорить законность своего содержания под стражей. Это утверждение государство-участник оставило без ответа. Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 4 статьи 9 судебный надзор за законностью содержания под стражей предполагает возможность распорядиться об освобождении задержанного, если его задержание объявлено несовместимым с положениями Пакта и, в частности, с положениями пункта 1 статьи 9. В данном случае Али Бенхадж содержался в нескольких тюрьмах и трижды в течение более четырех лет в секретных местах содержания под стражей, не имея возможности добиться того, чтобы вопрос о соответствии его ареста положениям Пакта был

---

¹⁰ Сообщение № 146/1983, *Бабоерам Адхин и др. против Суринама*, соображения, принятые 4 апреля 1985 года, пункт 14.2; № 107/1981, *Елена Кинтерос Альмейда против Уругвая*, соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 11; № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.4; № 1297/2004, *Меджнун против Алжира*, соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.3.

рассмотрен судом по существу. Соответственно, в отсутствие достаточных объяснений со стороны государства-участника Комитет приходит к выводу о нарушении пункта 4 статьи 9 Пакта.

8.5 В отношении утверждения о нарушении статьи 10 Пакта Комитет отмечает, что, по словам автора, Али Бенхадж неоднократно подвергался физическим издевательствам во время своего содержания под стражей и что он в течение нескольких месяцев находился в блоке для приговоренных к смертной казни. Кроме того, по утверждениям авторов, во время первого содержания в полной изоляции Али Бенхадж находился в тесной камере без вентиляции и санитарных удобств, а затем был заключен в карцер, размеры которого не позволяли ему ни стоять, ни лежать. Комитет вновь подтверждает, что лица, лишённые свободы, не должны испытывать иных лишений или тягот, помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что обращение с ними должно соответствовать, в частности, Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными¹¹. В отсутствие конкретных сведений, представленных государством-участником в отношении условий содержания Али Бенхаджа под стражей, Комитет приходит к выводу о нарушении прав, закрепленных в пункте 1 статьи 10. В свете этого вывода в отношении статьи 10, т.е. положения Пакта, касающегося конкретно ситуации лишенных свободы лиц и предусматривающего для этой категории лиц элементы, изложенные в целом в статье 7, нет необходимости рассматривать отдельно претензии, возникающие согласно статье 7. Комитет также считает, что нет необходимости рассматривать отдельно другие жалобы, касающиеся статьи 9.

8.6 В отношении жалобы на нарушения статьи 14 Пакта автор указал, что состав трибунала уже сам по себе нарушает правила справедливости, что судебное разбирательство по делу Али Бенхаджа не было публичным, хотя трибунал не приводит для этого законных оснований и хотя решения о слушании в закрытом заседании не было вынесено и, наконец, что некоторые из его адвокатов не были допущены к трибуналу.

8.7 В отношении компетентности военного трибунала в рассмотрении настоящего дела государство-участник указывает, что военные трибуналы могут рассматривать преступления против безопасности государства в тех случаях, когда наказание превышает пятилетний срок тюремного заключения, исходя из статьи 25 постановления № 71-28 от 22 апреля 1971 года. Комитет отмечает, что Али Бенхадж был представлен адвокатом в военном трибунале и что он подал кассационную жалобу в Верховный суд, который подтвердил решение трибунала. В отношении утверждения о том, что судебное разбирательство не было публичным, Комитет отмечает, что государство-участник оставило без ответа эти утверждения автора, просто указав, что утверждение является "абсолютно неточным". Наконец, в отношении утверждения о том, что некоторые адвокаты не смогли присутствовать в зале заседаний трибунала, государство-участник указало, что во время предварительного следствия и самого судебного разбирательства Али Бенхадж и обвиняемые совместно с ним лица были представлены 19 адвокатами, а в Верховном суде — восемью адвокатами.

8.8 В отношении жалобы на нарушение статьи 14 Пакта Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 13, согласно которому, хотя Пакт не запрещает рассмотрение дел гражданских лиц военными трибуналами, такое рассмотрение может осуществляться лишь на исключительной основе и в условиях, при которых действительно полностью соблюдаются все гарантии, предусмотренные в статье 14. Обоснование такой практики возлагается на государство-участник, использующее военные трибуналы для суда над гражданскими лицами. По мнению Комитета, государство-участник должно доказать применительно к конкретной категории лиц, о которых идет речь, что обычные гражданские суды не в состоянии принять их дела к рассмотрению, что другие, альтернативные категории гражданских судов, такие, как специальные суды или суды по особо важным делам, не подходят для этой задачи и что при передаче дел в военные трибуналы полностью гарантируется защита прав обвиняемых в соответствии со статьей 14. Государство-участник должно

---

¹¹ Замечание общего порядка № 21 [44] в отношении статьи 10, пункты 3 и 5; сообщение № 1134/2002, *Фонгум Горджи-Динка против Камеруна*, соображения, принятые 17 марта 2005 года, пункт 5.2.

также продемонстрировать, как именно военные трибуналы гарантируют полную защиту прав обвиняемых в соответствии со статьей 14. В рассматриваемом случае государством-участником не были указаны причины, обусловившие необходимость передачи дела в военный трибунал. В своих комментариях по поводу тяжести обвинений, предъявленных г-ну Бенхаджу, государство-участник не указало причины, по которым его дело не могло рассматриваться в обычных гражданских судах или гражданских судах альтернативных категорий. При этом одна лишь ссылка на положения внутреннего права, допускающие рассмотрение военными трибуналами определенных категорий тяжких преступлений, с точки зрения Пакта не может служить оправданием использования таких трибуналов. Неспособность государства-участника доказать в рассматриваемом случае необходимость передачи дела в военный трибунал освобождает Комитет от рассмотрения вопроса о том, действительно ли обеспечивались военным трибуналом все гарантии, предусмотренные статьей 14. Комитет приходит к выводу, что рассмотрение дела г-на Бенхаджа и его осуждение военным трибуналом представляют собой нарушение статьи 14 Пакта.

8.9 Что касается того факта, что Али Бенхадж был заочно приговорен к 12 годам тюремного заключения в ходе судебного разбирательства, на котором он отказался присутствовать, Комитет напоминает, что гарантии, изложенные в статье 14, не могут толковаться как обязательно исключающие судебные постановления, выносимые в отсутствие обвиняемого, каковыми бы ни были причины отсутствия обвиняемого. Действительно, приговоры, вынесенные заочно, являются при некоторых обстоятельствах (например, в тех случаях, когда обвиняемый, который был информирован о рассмотрении его дела заблаговременно, отказывается присутствовать на заседании) приемлемыми в интересах правосудия¹². В рассматриваемом случае Комитет отмечает, что, по утверждению государства-участника, Али Бенхадж и его адвокаты регулярно вызывались в суд и что трибунал направил повестку Али Бенхаджу и что именно на этой стадии председатель трибунала решил перейти к рассмотрению дела. Комитет отмечает, что автор оставил без ответа эти объяснения государства-участника, и приходит к выводу, что рассмотрение дела в отсутствие Али Бенхаджа не является нарушением статьи 14 Пакта.

8.10 В связи с утверждением о нарушении статьи 19 Комитет напоминает, что свобода информации и свобода выражения своего мнения являются основой основ любого свободного и демократического общества. Важнейшей особенностью такого общества является предоставление гражданам права получать информацию о возможных решениях, касающихся смены политической системы или политических партий у власти, а также открыто и публично критиковать или подвергать оценке деятельность своего правительства, не опасаясь вмешательства или репрессий со стороны последнего, в пределах, установленных пунктом 3 статьи 19 Пакта. В отношении утверждений о том, что арест Бенхаджа и предъявление ему обвинения преследовали политические цели и что различные запрещения, предметом которых он стал после своего освобождения, не предусмотрены законом, Комитет отмечает, что он не располагает достаточными элементами, чтобы сделать вывод о нарушении статьи 19.

9. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, рассмотренные Комитетом, свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 9, 10 и 14 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить Али Бенхаджу эффективное средство правовой защиты. Государство-участник обязано принять соответствующие меры для того, чтобы автор получил надлежащую компенсацию, включая возмещение ущерба в связи тем тревожным состоянием, которое пришлось пережить его семье и ему лично. Государство-участник также обязано принять меры для недопущения аналогичных нарушений в будущем.

---

¹² Сообщение № 16/1977, *Мбенге против Заира*, соображения, принятые 25 марта 1983 года, пункт 14.1; № 699/1996, *Малеки против Италии*, соображения, принятые 15 июля 1999 года, пункты 9.2 и 9.3.

11. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах во исполнение настоящих Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать настоящие Соображения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-на Абдельфаттаха Амора

В пункте 8.8 настоящих соображений Комитет, утверждая, что:

"Неспособность государства-участника доказать в рассматриваемом случае необходимость передачи дела в военный трибунал освобождает Комитет от рассмотрения вопроса о том, действительно ли обеспечивались военным трибуналом все гарантии, предусмотренные статьей 14",

приходит к выводу, что:

"рассмотрение дела г-на Бенхаджа и его осуждение военным трибуналом представляют собой нарушение статьи 14".

Таким образом, Комитет повторяет, но в более обычных выражениях, позицию, занятую им по этому же вопросу при рассмотрении дела Мадани, которую, я считаю юридически слабо обоснованной (сообщение № 1172/2003 с моим несогласным мнением и мнением г-на Ахмеда Тауфика Халиля). Хотел бы обратить внимание на мое несогласное мнение по поводу рассмотрения сообщения Мадани, формулировки и содержание которого, как я утверждаю, полностью применимы к настоящему случаю, и добавить следующие элементы:

1. Как и в деле Мадани, Комитет применил новое Замечание общего порядка № 32 в отношении статьи 14, заменившее собой Замечание общего порядка № 13, еще до его принятия, поскольку соображения по делу Бенхаджа были приняты 20 июля 2007 года, а новое Замечание общего порядка было принято 25 июля 2007 года, что делает позицию Комитета весьма спорной. Помимо принципиальных вопросов об обратной силе следует более конкретно отметить, что государство, не будучи заблаговременно предупрежденным о применимом "правиле", не было в состоянии подготовить свою аргументацию на этот счет;

2. Фактически Комитет занимался не просто толкованием, как это он вправе делать в соответствии со своей имплицитной компетенцией, а скорее нормотворчеством, выдвинув новое "правило", которое нельзя обосновать с учетом положений Пакта. Это основополагающий вопрос, который предполагает необходимость определения собственной компетенции Комитета, с учетом обязательств, взятых на себя государствами - участниками Пакта;

3. даже если придерживаться логики Комитета, то приходится констатировать, что Комитет сам ее не придерживался. Комитет констатирует "неспособность государства-участника доказать в рассматриваемом случае необходимость передачи дела в военный трибунал". Однако государство-участник указало, что имелись "исключительные обстоятельства" в результате "попытки поднять мятеж" и что дело г-на Бенхаджа было передано в военный трибунал с целью гарантировать надлежащее отправление правосудия и что трибунал был учрежден на законных основаниях для разбирательства не только военных преступлений, но покушений на безопасность государства, когда

наказание превышает пятилетний срок лишения свободы при соблюдении гарантий, признанных законом и международными договорами. Комитет мог бы или скорее должен был изучить аргументацию государства-участника, оправдывающую передачу дела в военный трибунал, и отклонить ее в том случае, если бы он счел ее недостаточно уместной. Он этого не сделал, обрезав сук, на котором он хотел сидеть. Он также не посчитал необходимым изучить вопрос о том, соблюдались ли гарантии и процедуры, предусмотренные в статье 14, хотя он должен был это сделать.

В целом опасения по поводу военных трибуналов и чрезвычайных судов, которые я полностью разделяю, как и многие члены Комитета, не дают ему права отходить от принципа юридической строгости, который создал ему репутацию и укрепил к нему доверие. Эти опасения также не дают ему права выходить за рамки своей компетенции и делать выводы из характера суда, рассматривавшего данное дело, не проверив, соблюдаются или не соблюдаются все гарантии и процедуры, предусмотренные статьей 14 Пакта. Правовая гибкость является источником нормотворчества и прогресса лишь в той мере, в какой она не сводит право до уровня мета-права.

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-на Ахмеда Т. Халиля

Считаю необходимым отметить, что я не могу поддержать точку зрения, сформулированную в пункте 8.8 соображений в отношении сообщения № 1173/2003, *Бенхадж против Алжира*, в котором Комитет констатировал нарушение государством-участником статьи 14 Пакта.

Моя позиция основана на тех же замечаниях, которые подробно изложены в моем несогласном мнении в связи с соображениями в отношении сообщения № 1172/2003, *Аббаси Мадани против Алжира*.

Сообщение № 1180/2003

Представлено: г-ном Желько Бодрожичем (представлен адвокатом г-ном Бильяной Ковачевич-Вуко)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Сербия и Черногория

Дата принятия Соображений: 31 октября 2005 года

Тема сообщения: осуждение в уголовном порядке журналиста за оскорбление в журнальной статье, посвященной одному из политических деятелей

Вопросы существа: свобода выражения мнений - ограничения, необходимые для защиты прав и репутации других лиц

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Статьи Пакта: статья 19

Статьи Факультативного протокола: не затрагиваются

Вывод: наличие нарушения (пункт 2 статьи 19)

1. Автором сообщения, первоначально датированного 11 мая 2003 года, является Желько Бодрожич, гражданин Югославии, родившийся 16 марта 1970 года. Он заявляет, что стал жертвой нарушения Сербией и Черногорией его прав, предусмотренных в статье 19 Пакта. Он представлен адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 6 декабря 2001 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор является известным журналистом и редактором журнала. В одной из журнальных статей, которая была опубликована 11 января 2002 года под названием "Прирожденный реформист", автор подверг политической критике целый ряд лиц, включая некоего г-на Сегрта. В момент публикации этой статьи г-н Сегрт управлял фабрикой "Тоза Мракович" в Кикинде. Ранее он состоял в Социалистической партии Сербии, а в 2001 году был руководителем партийной группы в федеральном парламенте Югославии. В упомянутой статье, в частности, говорилось:

"После того, как он впрыснул миллионы фабрики "Тоза" в Социалистическую партию Сербии, в кампанию югославских "левых" и другие партийные мероприятия; после того, как Слоба [Милошевич] нежно называл его "моим другом Дмитаром" до его высылки в гаагскую тюрьму; после того, как он организовал с Шешелем протесты против "отправки на нары" товарища Слобы; после блестящих партийных успехов в первой половине 2001 года; после того, как он понял, что время удовольствий и интриг прошло, он решил "кинуть" свою партию и стать "вдохновителем" реформ, проводимых правительством товарища..., извините, господина премьер-министра Джинджича".

Кроме того, в этой статье г-н Сегрт был назван "еще одним бывшим пособником Слобы [Милошевича]" и "менеджером из Плавы-Баньи, известным также под именем Дмитара Сегрта".

2.2 21 января 2002 года г-н Сегрт, ссылаясь на приведенные выше цитаты, подал в Муниципальный суд Кикинды жалобу на уголовно наказуемые клевету и оскорбления со стороны автора сообщения. 14 мая 2002 года Суд признал автора виновным в уголовно наказуемом оскорблении, сняв, однако, с него обвинение в клевете¹. Суд отклонил обвинение в клевете на том основании, что факты, изложенные в приведенных выдержках из статьи, являются практически достоверными и корректными. Что же касается обвинения в оскорблении, то Суд установил, что выдержки носят "фактически оскорбительный характер" и "наносит ущерб чести и репутации истца". По мнению Суда, использованные слова не были, как то утверждал автор, "серьезным журналистским комментарием, в котором он прибега к сарказму", и "не являются теми выражениями, которые можно использовать в серьезных критических статьях; наоборот, это - используемые в обиходе слова, которые передают издевательско-уничижительное отношение в данных социальных условиях". Суд счел, что использование жаргонных выражений и цитат, а не "литературного языка, который был бы адекватным для такой критики" свидетельствует о том, что использованные выражения "были направлены на унижение истца и представление его в смешном виде и, следовательно, подобное действие, хотя оно и было совершено в рамках исполнения журналистских профессиональных обязанностей, является, действительно, уголовно наказуемым преступлением (в виде оскорбления)".

По пункту обвинения в уголовно наказуемом оскорблении Суд приговорил автора сообщения к штрафу в размере 10 000 югославских динаров и к покрытию судебных издержек.

2.3 20 ноября 2002 года Жренининский окружной суд отклонил апелляцию автора на вынесенный ему приговор. Суд счел, что упомянутая статья носит в целом оскорбительный характер, особо выделив использование слов "впрыснул миллионы", "кинуть свою партию" и "нежно называл". В своей апелляции автор также упомянул о предшествующих высказываниях г-на Сегрта в его политических выступлениях, которые, как утверждается, можно приравнять к разжиганию ненависти

---

¹ В статье 92 Уголовного кодекса Республики Сербии в качестве уголовно наказуемого деяния квалифицируется действие любого лица, которое "обнаружает или распространяет любые заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство другого лица или подрывающие его репутацию", а в пункте 2 статьи 93 Кодекса аналогичным образом квалифицируется действие "любого лица, которое оскорбляет другое лицо".

и в которых он, в частности, окрестил членов демократической оппозиции "предателями", "фашистами" и "наймитами НАТО". Суд отметил, что, хотя предшествующие высказывания г-на Сегрта могут быть "предметом критики и анализа", их "нельзя использовать для его унижения и оскорбления, поскольку нельзя посягать на честь и достоинство кого бы то ни было". Наоборот, автор сообщения сам мог бы попросить о судебной защите, если он считает себя оскорбленным этими высказываниями.

2.4 По мнению автора, решение по его апелляции свелось к обычному уголовному разбирательству. 30 декабря 2002 года автор обратился к Прокурору Республики с просьбой направить в Верховный суд чрезвычайный "запрос о защите законности", но 24 февраля 2003 года Прокурор отклонил его просьбу. Таким образом, все внутренние средства правовой защиты были, как утверждается, исчерпаны.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что его уголовное осуждение за публикацию политической статьи является нарушением его закрепленного в статье 19 права на свободу выражения мнений. Автор ссылается на принятое Комитетом Замечание общего порядка № 10 по данному вопросу, а также на практику Европейского суда по правам человека ("Хендисайд против Соединенного Королевства"², "Лингенс против Австрии"³, "Обершлик против Австрии"⁴, "Швабе против Австрии"⁵, на доклад 22/94 Межамериканской комиссии по правам человека об аргентинских законах "destacato" и на практику Верховного суда Соединенных Штатов "Нью-Йорк Таймс ко против Салливана"⁶ и "Соединенные Штаты против Дэнниса"⁷). Ссылаясь на решения этих органов, автор заявляет, что статья 19 Пакта обеспечивает защиту широкой свободы выражения мнений, особенно в рамках политических дискуссий, и ограничения в отношении этой свободы следует тщательно продумывать во избежание замораживания легитимного процесса выражения мнений.

3.2 Кроме того, автор заявляет, что предложение Апелляционного суда о том, что ему следует добиваться в судах защиты против высказываний, с которыми выступал г-н Сегрт в эпоху Милошевича, когда он занимал высокую должность, является абсолютно нереалистичным (см. пункт 2.3 выше). Поэтому автор утверждает, что его осуждение и вынесенный ему приговор, а также квалификация клеветы и оскорбления в качестве уголовных преступлений в законодательстве государства-участника нарушают его права, предусмотренные в статье 19 Пакта.

3.3 Как следствие, автор добивается, чтобы было признано нарушение статьи 19, а государству-участнику было рекомендовано отменить квалификацию "клеветы" и "оскорбления" как уголовных преступлений, отменить вынесенный автору уголовный приговор и исключить упоминание о судимости из его личного дела, выплатить ему компенсацию за противозаконное осуждение, возместить ему штраф и издержки, к выплате которых он был приговорен, и компенсировать ему расходы на разбирательство в национальных судах и в Комитете.

---

² А 24 (1976), пункт 49.

³ А 103 (1986), пункт 42.

⁴ Доклад 1997-IV, пункт 34.

⁵ А 242-В (1992) Com Rep, пункт 55.

⁶ 376 US 254 (1964).

⁷ 341 US 494 (1951), opinion of Douglas J.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения и комментарии автора

4. В вербальной ноте от 23 мая 2005 года государство-участник изложило свое мнение о приемлемости и существовании сообщения, отметив, что осуждение за оскорбление на основании пункта 2 статьи 93 Уголовного кодекса Республики Сербии, подтвержденное Апелляционным судом, является результатом правомерного судебного решения. Оно далее подчеркивает, что при рассмотрении данного дела Прокуратура Республики Сербии установила необоснованность запроса о защите законности в отношении этого судебного решения.

5. В письме от 25 июля 2005 года автор повторил свои прежние доводы, заявив, что представления государства-участника имплицитно подтверждают факт истощения внутренних средств правовой защиты.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

6.1 Перед рассмотрением любых жалоб, содержащихся в сообщениях, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры, определить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, как это предусмотрено в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

6.3 Касаясь конкретных претензий, связанных с осуждением автора и вынесением ему обвинительного приговора, Комитет не рассматривает представление государства-участника от 23 мая 2005 года как возражение против утверждения о том, что были истощены внутренние средства правовой защиты, или против любого иного аспекта приемлемости сообщения, за исключением обоснования для целей приемлемости претензий. Однако выдвинутые автором конкретные претензии были, по мнению Комитета, достаточно обоснованы для целей приемлемости с точки зрения фактов и закона. Поэтому Комитет признает данное сообщение приемлемым в той мере, в какой в связи с претензиями автора возникают вопросы по статье 19 Пакта.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как то предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Комитету надлежит решить вопрос о том, было ли уголовное осуждение автора за статью, опубликованную им в январе 2002 года, равнозначным нарушению закрепленного в пункте 2 статьи 19 Пакта права на свободное выражение мнений, включая право на распространение информации. Комитет напоминает, что пункт 3 статьи 19 допускает ограничения в отношении свободного выражений мнений, если эти ограничения установлены законом и необходимы для уважения прав и репутации других лиц. Комитет отмечает, что в рассматриваемом случае государство-участник не представило никаких обоснований того, что преследование и осуждение автора по обвинению в уголовно наказуемом оскорблении необходимо для защиты прав и репутации г-на Сегрта. С учетом фактов, установленных Судом в отношении статьи о г-не Сегрте, бывшем на тот момент одним из ведущих государственных и политических деятелей, Комитету сложно понять, каким образом мнение автора относительно этих фактов, в той манере, в которой он их изложил, может быть приравнено к неоправданному посягательству на права и репутацию г-на Сегрта и, тем более, требовать применения уголовных санкций. Более того, Комитет отмечает, что в Пакте особенно важное

значение придается свободному выражению мнений в демократическом обществе в условиях публичного обсуждения политических деятелей, тем более в средствах массовой информации⁸. Из этого следует, что осуждение автора и вынесение ему приговора по рассматриваемому делу равнозначно нарушению пункта 2 статьи 19 Пакта.

8. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека полагает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 19 Пакта применительно к автору сообщения.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективные средства правовой защиты, включая отмену осуждения, возвращение вмененного штрафа, уплаченного автором, а также возмещение выплаченных им судебных издержек и компенсацию за нарушение его права, закрепленного в Пакте.

10. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах во исполнение настоящих Соображений Комитета. Кроме того, государство-участнику предлагается опубликовать Соображения Комитета.

Сообщение № 1184/2003

Представлено: г-ном Кори Брафом (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Австралия

Дата принятия Соображений: 17 марта 2006 года

Тема сообщения: утверждение о жестоком обращении и бесчеловечных условиях содержания по стражей юноши-аборигена

Процедурные вопросы: обоснование утверждений - Приемлемость *ratione materiae* - Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: свобода от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания - Право лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение их достоинства - Право на эффективное средство правовой защиты

Статьи Пакта: пункт 3 статьи 2, статьи 7, 10 и пункт 1 статьи 24

Статьи Факультативного протокола: статьи 2, 3 и пункт 2 b) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (статья 10 и пункт 1 статьи 24)

---

⁸ См., в частности, дело № 422-424/1990 "Адияом и др. против Того", Соображения, принятые 12 июля 1996 года, пункт 7.4: "Свобода информации и выражения своих мнений является краеугольным камнем свободного демократического общества. Суть такого уклада общественной жизни заключается в том, что граждане могут получать информацию об альтернативах политической системе и правящим партиям и что они могут критиковать свои правительства и открыто и публично оценивать их деятельность без боязни какого-либо вмешательства или наказания".

1. Автор сообщения является австралийский гражданин г-н Кори Браф, родившийся 22 апреля 1982 года, который в настоящее время проживает в Австралии. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией¹ статей 7, 10 и пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. В связи с сообщением, по-видимому, возникают также вопросы, связанные с пунктом 1 статьи 24 Пакта, хотя автор сообщения конкретно не указывает на это. Автор представлен адвокатом г-жой Мишель Хэннон.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения является аборигеном. Он страдает легкой формой психического расстройства с серьезным нарушением адаптивного поведения, навыков общения и когнитивных функций².

2.2 12 февраля 1999 года автор сообщения был задержан и помещен в исправительный центр для несовершеннолетних "Карионг" из-за нарушения им режима условного освобождения. 5 марта 1999 года суд по делам несовершеннолетних в Бидуре признал его виновным в ограблении, разбойном нападении и причинении телесных повреждений и приговорил к 8 месяцам тюремного заключения. 21 марта 1999 года автор сообщения участвовал в бунте в исправительном центре "Карионг", поднятом для того, чтобы обратить внимание на "грубое и жестокое обращение сотрудников исправительного центра "Карионг" с заключенными". Во время бунта один из сотрудников тюрьмы был взят автором сообщения в заложники.

2.3 22 марта 1999 года Генеральный директор Департамента по вопросам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в соответствии с положениями раздела 28 (А) Закона об исправительных учреждениях для несовершеннолетних от 1987 года предложил суду по делам несовершеннолетних Госфорда перевести автора сообщения в исправительное учреждение для несовершеннолетних³. Суд дал необходимую санкцию, и автор сообщения был переведен в исправительное учреждение "Паркли", где был помещен в тюремную больницу. Автор сообщения заявил протест по поводу его перевода в тюрьму для взрослых и обратился с просьбой о возвращении его в исправительное учреждение для несовершеннолетних.

---

¹ Пакт и Факультативный протокол к Пакту вступили в силу для государства-участника соответственно 13 ноября 1980 года и 25 декабря 1991 года. При ратификации Пакта государство-участник сделало следующую оговорку:

"Статья 10

Что касается пункта 2 а), то принцип отдельного режима приемлем в качестве цели, которая достигается постепенно. В отношении пунктов 2 б) и 3 (второе предложение) обязательство об отдельном режиме приемлемо только в той степени, в какой подобный отдельный режим, по мнению ответственных властей, отвечает интересам несовершеннолетних и совершеннолетних лиц. [...]"

² См. Медицинское заключение о психическом состоянии от 19 октября 2003 года, С.Х., доктор наук, доцент, заведующий отделением поведенческих наук медицинского факультета Университета Сиднея, стр. 5.

³ В разделе 28 (А) (2) Закона об исправительных учреждениях для несовершеннолетних Нового Южного Уэльса от 1987 года говорится следующее:

"(2) Во время производства по любому уголовному делу несовершеннолетнего, в отношении которого применяются положения данного раздела, суд может перевести этого несовершеннолетнего в тюрьму до начала слушания по данному делу или во время перерыва в рассмотрении дела, но лишь в том случае, если: а) лицо, начавшее производство, или Генеральный директор Департамента по вопросам отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних обратятся с просьбой о таком переводе и б) несовершеннолетний не освобожден под залог на основании Закона об освобождении под залог от 1978 года или если с) суд считает, что несовершеннолетний не должен содержаться в исправительном учреждении".

2.4 После того как автор сообщения был доставлен в Паркли, он в соответствии с разделом 22 (1) Закона об исправительных учреждениях Нового Южного Уэльса от 1952 года был помещен отдельно от других заключенных, поскольку общение с другими заключенными представляло угрозу для личной безопасности заключенных и для безопасности тюрьмы.

2.5 Во время обследования его психического состояния автор заявил, что он не возражает против помещения его в исправительное учреждение для взрослых. Хотя, согласно содержащейся в документах информации, не существовало опасности нанесения им самому себе увечий, он был помещен в "безопасную камеру" (помещение для заключенных, которые, как опасаются, могут нанести себе увечья)⁴ в отдельном помещении тюрьмы, для того чтобы защитить его от других заключенных.

2.6 Автор сообщения вскоре столкнулся с трудностями длительного пребывания в безопасной камере. 30 марта 1999 года был отмечен первый случай нанесения им себе увечья. Автор сообщения заявил сотруднику тюрьмы, что «если меня не выпустят отсюда, то здесь произойдет еще одна "черная смерть"» (имея в виду самоубийство аборигена).

2.7 1 апреля 1999 года автор сообщения, разбив тарелку, осколками разрезал матрас, его перевели из "безопасной камеры" в "сухую камеру"⁵, в которой он содержался в течение 48 часов.

2.8 7 апреля 1999 года было установлено, что автор сообщения пытался помешать работе одной из камер наблюдения. Сотрудники тюрьмы прибыли в камеру, чтобы изъять все предметы, которыми можно закрыть объектив камеры. После того, как он отказался снять с себя одежду, они якобы нанесли ему удары под ребра и сняли с него всю одежду, кроме нижнего белья. В отчете сотрудников об этом инциденте говорится, что четыре сотрудника применили силу в разумных пределах, чтобы удержать автора сообщения, который во время борьбы ударил одного из них ногой по голове. После этого, как утверждается, он был на 72 часа изолирован в камеру, где постоянно горел свет. 9 апреля автору сообщения возвратили одеяло и подушку.

2.9 13 апреля 1999 года автор попытался разбить электрические лампочки в камере, чтобы с помощью осколков повредить стекла объектива камеры наблюдения. Между автором и шестью или восемью должностными лицами тюрьмы произошла драка, во время которой автор и сотрудники тюрьмы получили мелкие телесные повреждения.

2.10 15 апреля 1999 года автор сообщения был помещен в "сухую камеру", пока производился ремонт освещения и камеры наблюдения в его "безопасной камере". Из отчетов видно, что автор в тот же день был возвращен в "безопасную камеру". В полдень ему было разрешено покинуть камеру, чтобы в течение получаса заняться физическими упражнениями. После отказа выполнить приказ о

---

⁴ В пункте 12.19.2 Руководства по оперативным процедурам Департамента исправительных учреждений Нового Южного Уэльса предусматривается, что "а) использование безопасных камер является краткосрочной мерой, применяемой для обеспечения режима содержания в исправительных учреждениях. Цель использования безопасных камер состоит в том, чтобы обеспечить заключенному безопасные, в меньшей степени влекущие стресс и более контролируемые условия содержания, позволяющие оказывать ему консультативную помощь, осуществлять за ним контроль и производить оценку на предмет определения надлежащего места размещения или режима; б) помещение в безопасную камеру не является наказанием и не используется в качестве принудительной меры за нарушение дисциплины в исправительном учреждении или в целях изоляции заключенного. [...] д) заключенный может содержаться в безопасной камере более 48 часов только с одобрения регионального инспектора".

⁵ Государство-участник определяет "сухую камеру" как "камеру строгого содержания, используемую для краткосрочного изолированного содержания заключенных, причем только в случае, если заключенный не в состоянии сдать биоматериал на анализ мочи или подозревается в сокрытии внутри тела незаконно переданных предметов".

возвращении в камеру в целях обеспечения контроля над ним была применена минимальная сила. С него была снята вся одежда, кроме нижнего белья. Позднее было обнаружено, что он пытается повеситься с помощью петли, сделанной из нижнего белья. Прибывшие сотрудники охраны тюрьмы, несмотря на сопротивление автора сообщения, силой отобрали у него петлю. Как говорится в записи в регистрационном журнале о поведении заключенных от 17 апреля 1999 года, автор признался в том, что отказался выполнить данное ему оправданное приказание. После этого он был изолирован в своей камере на 48 часов.

2.11 Автору вводился антипсихотический препарат ларгактил. Неясно, подвергался ли медицинскому осмотру автор, до того как было прописано это лекарство. 16 апреля 1999 года терапевт тюрьмы "Паркли" прописал автору принимать 50 мг ларгактила каждый день, до того как он будет осмотрен психиатром. После этого медицинского осмотра лечение указанным препаратом было продолжено.

2.12 Л.П., сотрудник наблюдательного комитета по рассмотрению случаев смерти содержащихся в заключении аборигенов, несколько раз посещавший автора в марте и апреле 1999 года, как сообщается, обратил внимание на то, что автор испытывает состояние тревоги, нервозности и нуждается в одежде и одеялах, для защиты от холода.

2.13 15 и 28 апреля 1999 года были приняты новые решения об изоляции автора, ввиду того что его общение с другими заключенными создавало угрозу для личной безопасности сотрудников тюрьмы и грозило нарушением дисциплины и порядка в исправительном учреждении.

2.14 В заключении психиатра от 16 апреля 2002 года говорится: "К сожалению, г-н Браф не смог рассказать мне что-либо, подтверждающее, по моему мнению, наличие какой-либо реакции эмоционального характера, которую можно было бы считать посттравматической как следствие содержания его примерно в течение месяца в изоляции при постоянном сильном электрическом освещении".

Жалоба

3.1 Автор сообщения утверждает, что он является жертвой нарушения пункта 3 статьи 2, статей 7, 10 и косвенно пункта 1 статьи 24 Пакта, поскольку он был переведен в исправительное учреждение для взрослых, несмотря на его возраст, поскольку условия его содержания в исправительном учреждении "Паркли" представляли собой жестокое, бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение и поскольку он не имел доступа к эффективной правовой защите. Он утверждает, что его перевод в исправительное учреждение для взрослых нарушает пункты 2 b) и 3 статьи 10 Пакта, потому что, учитывая его возраст, инвалидность и принадлежность к аборигенам, он оказался в исключительно уязвимом положении, при котором он нуждался в особом уходе и внимании.

3.2 Что касается условий его содержания, то, как утверждает автор сообщения, Комитет признал нарушения статьи 7 и/или статьи 10 Пакта при рассмотрении, как он указал, аналогичных дел⁶.

3.3 Автор утверждает, что помещение его в изолированную камеру и изоляция соответственно на 72 часа и 48 часов в качестве наказания за его поведение, отсутствие туалета в его камере, слабое отопление, изъятие у него одеяла и одежды, осуществление за ним наблюдения с помощью камеры при круглосуточном искусственном освещении, применение силы с причинением ему телесных

---

⁶ Автор ссылается на сообщения № 458/1991, *Муконг против Камеруна*, Соображения, принятые 21 июля 1994 года; № 28/1978, *Вайс против Уругвая*, Соображения, принятые 29 октября 1980 года; № 8/1975, *Вайсман против Уругвая*, Соображения, принятые 3 апреля 1980 года; № 900/1999, *С. против Австралии*, Соображения, принятые 28 октября 2002 года.

повреждений и назначение ему медикаментозного лечения без его свободного волеизъявления не являлись обязательными мерами для обеспечения его безопасности и поддержания порядка в исправительном учреждении. Совокупное воздействие этих мер является нарушением статьи 7, рассматриваемой в сочетании со статьей 10 Пакта.

3.4 Сославшись на доклад 1991 года Королевской комиссии по расследованию случаев смерти аборигенов во время содержания под стражей, автор утверждает, что число аборигенов в тюрьмах Нового Южного Уэльса непропорционально высоко и что сегрегация, изоляция и ограничение передвижения в тюрьмах действует более отрицательно на аборигенов, чем на других заключенных, учитывая большое значение, которое аборигены придают активному передвижению и возможности общения с семьями и общинами.

3.5 Автор утверждает, что он до сих пор страдает от последствий содержания в одиночной "безопасной камере". Иногда он просыпается весь в поту с сильным сердцебиением и испытывает приступы паники, находясь в камере один.

3.6 Автор указывает, что в пункте 3 статьи 2 Пакта предусматривается важное право, которое может рассматриваться отдельно от других прав, указанных в Пакте. Неспособность государства-участника предоставить ему эффективное средство правовой защиты для обеспечения его прав в соответствии со статьями 7 и 10 Пакта означает таким образом нарушение пункта 3 статьи 2. В поддержку своего утверждения автор ссылается на заключительные замечания Комитета в отношении третьего и четвертого периодических докладов государства-участника, в которых Комитет выразил беспокойство в связи с тем, что "все еще сохраняются области, в которых внутригосударственная правовая система не обеспечивает эффективной защиты лиц, чьи предусмотренные Пактом права были нарушены"⁷.

3.7 Автор утверждает, что ввиду отсутствия эффективных средств правовой защиты внутри страны он не может подавать жалобы, которые не будут удовлетворены⁸. В соответствии с практикой Комитета⁹, пострадавшие, нуждающиеся в правовой помощи, не обязаны направлять жалобы в суды более высокой инстанции для удовлетворения требований, предусмотренных в пункте 2 b) статьи 5, если они были уведомлены об отсутствии реальной перспективы для удовлетворения их апелляции. Автор утверждает, что у него более нет возможности воспользоваться правовой помощью.

3.8 Автор отмечает, что в рамках австралийского законодательства меры правовой защиты для обжалования решений, касающихся поддержания порядка в тюрьмах, ограничены. Меры правовой защиты в рамках обычного права, такие, как обязанность властей исправительных учреждений проявлять внимание к нуждам заключенных, меры в случае заключения в тюрьмы по необоснованным обвинениям или соблюдение habeas corpus, мало помогают заключенным, которые обжалуют условия их содержания. В тех случаях, когда проступок носит административно-управленческий характер и не связан с применением наказания или судебными аспектами, судебный надзор не предусмотрен¹⁰.

---

⁷ Комитет по правам человека [69], заключительные замечания в отношении третьего и четвертого периодических докладов Австралии, 28 июля 2000 года.

⁸ В этой связи автор ссылается на сообщение № 229/1987, *Рейнольдс против Ямайки*, Соображения, принятые 8 апреля 1991 года; сообщение № 253/1987, *Келли против Ямайки*, Соображения, принятые 8 апреля 1991 года; сообщение № 240/1987, *Коллинз против Ямайки*, Соображения, принятые 1 ноября 1991 года.

⁹ См. сообщения № 619/1995, *Фрей Дедрик против Ямайки*, Соображения, принятые 9 апреля 1998 года, пункт 6.1; и № 680/1996, *Галлимор против Ямайки*, Соображения, принятые 23 июля 1999 года, пункт 6.5.

¹⁰ Автор ссылается на дело *Везитиса против Макгичана* (1974 год) 1 NSWLR 718.

3.9 Хотя в соответствии с Законом о преступлениях (осуществление приговоров) от 1999 года и Постановлением о применении законодательства о преступлениях (управление исправительными учреждениями) от 1995 года в Новом Южном Уэльсе существуют конкретные гарантии для заключенных, жалобы в соответствии с этими положениями могут быть поданы только министру или Комиссару, но не в суды. Подав жалобу министру, автор сообщения не получил бы реально обеспеченного права на компенсацию или на получение какой-либо иной формы помощи, и потому такая жалоба не может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты.

3.10 Что касается процедуры подачи жалоб в соответствии с Законом о Комиссии по правам человека и равным возможностям от 1986 года, то, как заявляет автор сообщения, эта процедура применима лишь к деяниям и практике на федеральном уровне, но не в отношении действий сотрудников тюремных учреждений Нового Южного Уэльса. Автор также утверждает, что доклад от 7 мая 2002 года, подготовленный специалистом по вопросам законодательства о нанесении телесных повреждений отдельным лицам, в котором говорится, что ему не удастся добиться удовлетворения жалобы на халатность, ссылаясь на обращение с ним в исправительном учреждении Паркли.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 3 мая 2004 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения и одновременно само сообщение по существу, утверждая, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, что его сообщение представляет собой злоупотребление правом на подачу жалоб, что его утверждения ничем не подтверждены, несовместимы с положениями Пакта и безосновательны.

4.2 Что касается конкретных фактов, то, как сообщило государство-участник, оно не располагает информацией о якобы имевшем место инциденте 1 апреля 1999 года. Однако весьма похожий инцидент произошел 13 апреля 1999 года, когда автор сообщения разбил чашку, пытался разорвать матрац и разбить электрическую лампочку в своей камере. Он совершил нападение на сотрудника тюрьмы, который прибыл для изъятия упомянутых предметов. После этого автору сообщения было предъявлено обвинение в совершении нападения на сотрудника исправительного учреждения и он был приговорен к двум месяцам тюремного заключения. Как говорится в докладной записке от 14 апреля 1999 года, автор сообщения дал понять, что нанесет себе увечье, если его будут продолжать содержать в тех же условиях.

4.3 Вот как государство-участник описывает события, которые произошли после 28 апреля 1999 года. 11 мая 1999 года автор сообщения совершил нападение на сотрудников исправительного учреждения, которые проводили его досмотр с полным раздеванием перед тем, как доставить его в суд. 17 мая 1999 года суд по делам несовершеннолетних Бидуры приговорил автора сообщения к двум месяцам тюремного заключения за нападение на сотрудников исправительного учреждения и за отказ предстать перед судом. 8 июня 1999 года автор сообщения был освобожден из тюрьмы Паркли и переведен в исправительное учреждение для несовершеннолетних в Минде. 17 октября 1999 года во время пребывания под охраной в суде по делам несовершеннолетних Бидуры он попытался совершить побег. 26 февраля 2000 года после отказа автора сообщения предстать перед судом по обвинению за совершение вооруженного ограбления он был переведен в отделение строгого режима тюрьмы в Карионге. 28 февраля 2000 года Генеральный директор Департамента по вопросам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних обратился в суд по делам несовершеннолетних Бидуры с просьбой издать на основании раздела 28 (А) Закона о несовершеннолетних (исправительные учреждения для несовершеннолетних) от 1987 года распоряжение о содержании автора сообщения в тюрьме до завершения суда над ним. Первоначально это обращение было отклонено, но новое обращение, направленное 10 марта 2000 года, было удовлетворено судом по делам несовершеннолетних Вионга. В дальнейшем автор сообщения предпринимал попытки совершить самоубийство. В момент представления государством-участником своих замечаний автор сообщения отбывал наказание в тюрьме за совершенное вооруженное ограбление.

4.4 Что касается вопроса о приемлемости, то, как утверждает государство-участник, автор сообщения не представил никаких доказательств нарушения австралийскими властями норм гуманного обращения и уважения его достоинства. Поэтому сделанные им в соответствии со статьями 7 и 10 заявления являются необоснованными согласно статье 2 и неприемлемыми *ratione materiae* согласно статье 3 Факультативного протокола.

4.5 По мнению государства-участника, автор сообщения не подтвердил свою жалобу доказательствами на основании пункта 3 статьи 2 Пакта для обоснования ее приемлемости, поскольку в отношении обращения с ним в тюрьме он мог бы подать жалобу руководству тюрьмы Паркли, министру или Комиссару по делам исправительных учреждений и Омбудсмену Нового Южного Уэльса или в один из судов страны. Сославшись на правовую практику Комитета¹¹ и на формулировку пункта 3 статьи 2, государство-участник утверждает, что в силу ее вспомогательного характера произвольная ссылка на нее автора сообщения является неприемлемой *ratione materiae* на основании статьи 3 Факультативного протокола. Даже если автор представлял бы свою жалобу на основе пункта 3 статьи 2 в совокупности со статьями 7 и 10, ее следовало бы отклонить в силу неприемлемости его утверждений на основании статей 7 и 10 Пакта¹².

4.6 Признав, что автор не имел возможности обратиться в Комиссию по правам человека и равным возможностям, государство-участник повторяет, что он имел возможность воспользоваться другими эффективными средствами правовой защиты, такими, как подача жалобы министру или Комиссару по делам исправительных учреждений, официальным уполномоченным, назначаемым министром по делам исправительных учреждений, которые имеют широкие полномочия рассматривать вопросы, связанные с содержанием заключенных, или Генеральному инспектору по делам исправительных учреждений, а также подать заявление Совету по рассмотрению дел лиц, совершивших серьезные правонарушения, о пересмотре решения об изолированном содержании его или содержании под стражей свыше 14 дней¹³. Этот совет мог бы дать указание о временном прекращении изолированного содержания его или содержании под стражей, или переводе его в другое исправительное учреждение¹⁴. Эти средства правовой защиты отвечают таким международным стандартам, как статья 36 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и принципы 33 (1) и (4) Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению. Поэтому, прежде чем подавать жалобу в судебные органы, должны быть исчерпаны эти формы правовой защиты.

4.7 Что касается судебных средств защиты, то государство-участник указывает на судебную практику последнего времени, свидетельствующую о том, что суды могут рассматривать чисто административные решения, принятые тюремными властями, не вмешиваясь при этом, если установлено, что такие решения оправданы, не носят карающего характера наказания или разумны в рамках административных полномочий¹⁵. Заключенные, подвергшиеся незаконным формам обращения, могут обращаться за правовой защитой как и любые другие лица, которым был нанесен ущерб государственным должностным лицом. Учитывая значительный объем доказательств, представленных различными сотрудниками тюремных учреждений, социальных служб, медицинскими работниками и медицинскими сестрами, сомнительно, что автор сообщения мог бы

---

¹¹ Государство-участник ссылается в этой связи на сообщение № 75/1980, *Фанали против Италии*.

¹² При этом ссылка делается на сообщения № 363/1989, *Р.Л.М. против Франции*, решение в отношении приемлемости, принятое 6 апреля 1992 года; № 348/1989, *Г. Б. против Франции*, решение в отношении приемлемости, принятое 1 ноября 1991 года; и № 347/1988, *С.Г. против Франции*, решение в отношении приемлемости, принятое 1 ноября 1991 года.

¹³ См. Закон о преступлениях (исполнение приговоров) от 1999 года (NSW), раздел 19 (1).

¹⁴ См. там же, раздел 20 (1).

¹⁵ *Кристофер Мюриель и др. против Давида Мура и Эрика Холта* [2000], NZSC 23.

представить убедительные доказательства, которые подтверждали бы нарушение своих обязанностей сотрудниками или начальником тюрьмы, против которых можно было бы подать иск за нанесенный ущерб только в том случае, если их действия были продиктованы злым умыслом и не имели разумных и вероятных оснований¹⁶. Однако недостаток доказательств у автора сообщения никак не связан с вопросом о наличии эффективных средств правовой защиты¹⁷.

4.8 По мнению государства-участника, автор мог бы направить жалобу Омбудсмену Нового Южного Уэльса, который вправе рассматривать жалобы и направлять доклады и рекомендации руководителям соответствующих органов власти.

4.9 Государство-участник не согласно с утверждением автора сообщения о том, что обращение с ним представляет собой пытки или жесткое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание в свете статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта, указывая, что автор сообщения не подвергался каким-либо особым лишениям, кроме того, что совершенно неизбежно в замкнутой среде¹⁸. Автор сообщения не смог подтвердить факта какого-либо понесенного им физического или психического ущерба ввиду отсутствия доказательств телесных повреждений или прямой связи между его психическим состоянием и помещением в "безопасную камеру"¹⁹. Принятые в отношении автора сообщения меры не носили характер наказания, они преследовали цель защитить его от нанесения себе дополнительных телесных повреждений и обеспечить защиту других заключенных и безопасность исправительного учреждения. Эти меры носили соразмерный характер и согласуются с нормами, предусмотренными в статьях 7 и 10 Пакта, с применимым внутренним законодательством, Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными и Сводом принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению:

а) изолирование и помещение автора сообщения в "безопасную камеру" явилось неизбежной мерой предосторожности, учитывая, что он принимал участие в бунте в "Карионге"²⁰. Эта мера не носила характера одиночного заключения по смыслу статьи 171 Постановления о применении законодательства о преступлениях (управление исправительными учреждениями) от 1995 года²¹ и соответствовала положениям Руководства оперативных процедур Департамента по

---

¹⁶ См. Закон о преступлениях (исполнение приговоров) от 1999 года (NSW), раздел 263 (1) и (2).

¹⁷ Государство-участник, в частности, ссылается на сообщения № 224/1987, *А. и С.Н. против Норвегии*, решение в отношении приемлемости, принятое 11 июля 1988 года, пункт 6.2, и № 397/1990, *П.С. против Дании*, решение в отношении приемлемости, принятое 22 июля 1992 года.

¹⁸ Государство-участник ссылается на сообщение № 265/1987, *Вуллане против Финляндии*, Соображения, принятые 7 апреля 1989 года.

¹⁹ Сославшись на сообщение № 353/1988, *Грант против Ямайки*, Соображения, принятые 31 марта 1994 года (пункт 8), государство-участник утверждает, что утверждения автора не подтверждаются представленными им справками о психическом состоянии.

²⁰ См. раздел 10 действовавшего в то время Закона о преступлениях (исполнение приговоров) от 1999 года: "Комиссар может дать распоряжение о помещении заключенного под стражу в изолированное помещение, если, по его мнению, общение заключенного с другими заключенными создает или может создать угрозу: а) личной безопасности любого другого лица или б) безопасности исправительного учреждения, или с) поддержанию должного порядка и дисциплины в исправительном учреждении".

²¹ В правиле 171 действовавшего в то время Постановления о применении законодательства о преступлениях (управление исправительными учреждениями) от 1995 года говорится: "1) Заключенный не должен: а) в качестве наказания содержаться в темной камере или с применением механических средств сдерживания и б) подвергаться: i) одиночному заключению, или ii) телесным наказаниям, или iii) пыткам, или iv) жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, или с) любым другим формам наказания или обращения, которые, как можно с оправданной долей вероятности полагать, могут оказать отрицательное воздействие на физическое или психическое состояние заключенного. [...] 2) Для целей подпункта 1) б) i): одиночным заключением не является: а) отделение заключенного от других

делам исправительных учреждений²², поскольку автору сообщения были предоставлены все возможности для ежедневного занятия физическими упражнениями, питание и вода, а также возможность общаться с делегатом по делам аборигенов;

b) временное лишение автора сообщения одежды, одеяла, подушки и дистанционное наблюдение потребовались для осуществления наблюдения за ним и защиты от нанесения самому себе новых телесных повреждений. Он не содержался в холоде, его камера обогревалась в достаточной степени;

c) нет данных, подтверждающих, что электрический свет в его камере непрерывно горел более 24 часов. Сотрудники тюрьмы Паркли", очевидно, сочли необходимым использование освещения для того, чтобы осуществлять наблюдение за автором сообщения, после того как он попытался закрыть объектив камеры наблюдения в его камере;

d) 7 и 15 апреля 1999 года в отношении автора сообщения была применена сила после его отказа выполнить приказание сотрудников исправительного учреждения. Применение силы было минимальным, о чем свидетельствует отсутствие у автора сообщения телесных повреждений;

e) автору сообщения препарат "ларгактил" был назначен с целью контроля саморазрушающего поведения. Позднее автор сообщения согласился принимать это лекарство;

f) нет данных, подтверждающих заключение автора сообщения в одиночную камеру на 72 часа начиная с 7 апреля 1999 года. В регистрационном журнале медицинского пункта тюрьмы Паркли указывается, что автор сообщения 9 апреля 1999 года был на приеме у врача. Точно также нет данных о том, что автор был помещен в одиночную "сухую" камеру на 48 часов 1 апреля 1999 года или 13 апреля 1999 года, когда произошел другой инцидент.

Комментарии автора сообщения

5.1 30 июля 2004 года автор сообщения сделал комментарии в отношении утверждений государства-участника. Он заявил, что принятые в отношении него меры выходили за рамки, которые были необходимы для обеспечения его защиты, учитывая его возраст, инвалидность и тот факт, что он являлся аборигеном:

заклученных в соответствии с разделом 10 указанного Закона и b) помещение заключенного в камеру в соответствии с распоряжением, отданным на основании раздела 53 Закона, и c) содержание заключенного отдельно от других заключенных в соответствии с данным Постановлением, и d) содержание заключенного одного в камере, если, по мнению медицинского работника, такое содержание желательно в интересах сохранения здоровья заключенного".

²² В разделе 14.1.6 (отдельное содержание заключенных-аборигенов) действовавшего в то время Руководства говорится: "Отдельное содержание заключенного-аборигена нецелесообразно. Отдельное содержание может быть осуществлено только в тех случаях, когда нет иных средств для осуществления контроля над заключенным в сложившихся обстоятельствах. Однако, в тех случаях когда отдельное содержание является необходимым, начальник тюрьмы: i) обеспечивает заключенному возможность ежедневно заниматься физической зарядкой, а также предоставление одежды, питания, воды и возможности общаться с посещающими его лицами; ii) обеспечивает удовлетворительное освещение отдельной камеры, наличие санитарного узла и отопление; iii) обеспечивает информирование соответствующего регионального должностного лица, занимающегося делами аборигенов; iv) предоставляет содержащемуся в отдельной камере заключенному возможность связаться с членом Комитета по делам заключенных-аборигенов или с соответствующим делегатом по делам аборигенов. Такое общение может оказать помощь заключенным, сталкивающимся с проблемами, которые могут нанести им физический или психический ущерб. Данная процедура соответствует рекомендациям 181 и 183 Королевской комиссии по расследованию случаев смерти аборигенов во время содержания под стражей".

а) изъятие у него одежды являлось унижительным и оскорбительным. Кроме того, он содержался в очень холодной камере, поскольку она не отапливалась должным образом. Тот факт, что 15 апреля 1999 года его одежда была у него изъята до того, как он пытался повеситься с помощью петли, сделанной из нижнего белья, свидетельствует о том, что цель изъятия у него одежды состояла не в том, чтобы оградить его от нанесения себе телесных повреждений, а в том чтобы наказать его за отказ возвратиться в камеру. В заключении психолога тюрьмы Паркли говорится, что он не проявляет склонности к самоубийству, но испытывает проблемы, связанные с содержанием в заключении;

б) по мнению автора сообщения, отсутствие доказательств о постоянном освещении его камеры не опровергает его утверждения. Тот факт, что государство-участник не исключает использование освещения для осуществления наблюдения, свидетельствует о непроведении им должного расследования его жалобы. Использование освещения не было необходимым, учитывая непрерывное наблюдение за ним с помощью видеокамер. Подобное использование освещения было карательной мерой, чтобы унижить его и лишить его сна;

в) автор сообщения отрицает отсутствие данных, которые подтверждали бы нанесение ему телесных повреждений. Медицинский отчет Департамента здравоохранения Нового Южного Уэльса об инцидентах и совершенном насилии подтверждает наличие у него царапин на спине и мизинце правой руки, что явилось следствием инцидента, который произошел 13 апреля 1999 года. Кроме того, зафиксировано также наличие кровоподтеков на голове, которые, очевидно, явились следствием инцидента, произошедшего 11 мая 1999 года, когда он набросился на двух сотрудников исправительного учреждения во время досмотра с полным раздеванием;

г) автор утверждает, что он согласился и далее принимать ларгактил, поскольку ему было обещано, что он будет выпущен из "безопасной" камеры, если согласится принимать это прописанное ему лекарство;

е) что касается утверждения государства-участника о том, что нет данных, которые подтверждали бы якобы имевший инцидент 1 апреля 1999 года и его последующее помещение в одиночную камеру соответственно на 48 часов и 72 часа 7 апреля 1999 года, автор ссылается на докладную записку сотрудника тюрьмы от 1 апреля 1999 года, в которой говорится, что он разбил тарелку и использовал ее осколки для того, чтобы порезать матрас, а также на отчеты о поведении заключенных в тюрьме за 4 и 11 апреля 1999 года, в которых говорится, что он согласился с предъявленным ему обвинением в несоблюдении правил тюремного распорядка 1 апреля 1999 года и был изолирован в камере на 48 часов, что он согласился с обвинением его в нападении на сотрудника тюрьмы 7 апреля 1999 года и в качестве наказания за это был изолирован в камере на 72 часа.

5.2 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то, как повторяет автор, имеющиеся в его распоряжении административные²³ и судебные средства правовой защиты неэффективны. Жалобы на условия содержания его в тюрьме рассматривает начальник тюрьмы, т.е. лицо, которое устанавливает эти условия содержания. Жалобы омбудсмену могут лишь привести к подготовке доклада или представлению рекомендации правительству без возникновения какого-либо обязательного для выполнения права или формы правовой защиты. Подготовительные материалы к пункту 3 б) статьи 2 Пакта свидетельствуют о намерении составителей оговорить, что государства-участники должны развивать возможности судебной защиты. Спустя более 20 лет после ратификации Пакта в 1980 году Австралии следовало бы выполнить это обязательство.

5.3 Автор утверждает, что государство-участник не смогло опровергнуть подготовленное экспертами и представленное им заявление о том, что он был ограничен в имеющихся у него средствах правовой защиты. Согласно пунктам 1 и 2 раздела 263 Закона о преступлениях

---

²³ Автор утверждает, что неэффективность административных форм правовой защиты признана Комитетом в Сообщении № 900/1999, *К. против Австралии*.

(исполнение приговоров) 1999 года (Новый Южный Уэльс) для принятия судебных мер при нарушении норм содержания заключенных требуется доказать, что 1) обращение с автором сообщения носило злоумышленный характер, а установить это трудно, поскольку в соответствии с внутренним законодательством разрешается применение большинства мер, о которых идет речь; 2) что подобное обращение не было вызвано оправдывающими его и убедительными причинами; и 3) что при этом было установлено нанесение ему телесных повреждений или ущерба. Любые меры для установления ущерба были бы бесполезными, поскольку психиатр оказался не в состоянии установить точный характер какого-либо ущерба, нанесенного автору сообщения в результате обращения с ним.

5.4 Хотя при допущенной халатности компенсация за ущерб может быть получена только за признанный психический ущерб (а не за эмоциональные страдания), автор утверждает, что лишение его в течение длительного времени общения с другими лицами, унижение, которому он подвергся в результате раздевания, содержание в холодной камере при постоянном освещении и применение к нему физической силы вызвали тревожное и угнетенное состояние, постоянные кошмары и приступы паники, ассоциирующиеся с содержанием его в "безопасной" камере. В этой связи нет необходимости предоставлять какие-либо медицинские доказательства определенного психического и эмоционального ущерба, нанесенного ему в результате обращения с ним, чтобы установить факт нарушения статей 7 и 10 Пакта.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 29 июля 2005 года в ответ на просьбу Комитета представить подробную информацию о предельных сроках и фактической доступности административных и судебных мер правовой защиты, которые автор сообщения, как утверждает, не исчерпал, государство-участник представило дополнительную информацию, касающуюся приемлемости жалобы. Оно утверждает, что в период изоляции автор мог бы использовать ряд административных средств правовой защиты. Учитывая неизбежные задержки в осуществлении судебных разбирательств, такие средства легко доступны и обеспечили бы эффективную и своевременную помощь. Кроме того, в течение трех лет с момента, как он утверждает, нарушения статей 7 и 10 Пакта он мог бы предъявить судебный иск.

6.2. Государство-участник указывает, что все заключенные в исправительных учреждениях для совершеннолетних в Новом Южной Уэльсе могут встречаться с официальными уполномоченными, которые назначаются министром по делам исправительных учреждений и которые посещают исправительные учреждения по крайней мере один раз в месяц для получения жалоб от заключенных. Начальник исправительного учреждения обязан информировать всех заключенных о дате и времени таких посещений и о возможности подачи жалоб официальным уполномоченным. В соответствии с положениями Постановления о применении законодательства о преступлениях (исполнение приговоров) (управление исполнительными учреждениями) от 1995 года официальный уполномоченный обязан выяснять детали дел и представлять отчет Комиссару по делам исправительных учреждений. Он также обязан обращать внимание начальников исправительных учреждений на полученные им жалобы. В Постановлении конкретно не указываются предельные сроки подачи жалоб официальному уполномоченному.

6.3 Кроме того, автор сообщения мог бы обратиться с просьбой разрешить ему встретиться с начальником исправительного учреждения или министром или Комиссаром по делам исправительных учреждений. Такие просьбы должны передаваться начальникам исправительных учреждений без каких-либо неоправданных задержек. Начальники исправительных учреждений обязаны предоставлять заключенному возможность излагать его точку зрения по интересующему его вопросу или, соответственно, направлять его просьбу должностному лицу, с которым заключенный хотел бы переговорить во время его следующего посещения исправительного учреждения.

6.4 Государство-участник указывает далее, что заключенный мог бы также направить в письменной форме жалобу на обращение с ним в исправительном учреждении непосредственно

министру или Комиссару по делам исправительных учреждений. Подобная жалоба должна быть направлена этим лицам в запечатанном конверте. Письмо не может быть вскрыто, а его содержание не может быть проверено или прочитано третьими лицами. Хотя министр не может лично принимать меры, все полученные им жалобы направляются в компетентные органы, т.е. Комиссару, который наделен полномочиями изменять или отменять любое ранее принятое решение.

6.5 Автор имел также возможность подать жалобу Генеральному инспектору исправительных учреждений, мандат которого закончился 30 сентября 2003 года. Генеральный инспектор был назначен губернатором Нового Южного Уэльса и был независим от Департамента по делам исправительных учреждений. Он имел возможность беспрепятственно встречаться с правонарушителями, содержащимися под стражей, а также посещать Департамент и знакомиться с хранящимися в нем документами с целью проведения расследований и принятия решений в отношении жалоб на действия Департамента. Эту функцию он мог осуществлять по собственной инициативе, по просьбе министра по делам исправительных учреждений или в ответ на полученную жалобу. Хотя в отношении подачи жалоб не устанавливалось предельного срока, Генеральный инспектор был вправе решить не проводить расследования в отношении жалоб, касающихся инцидентов, которые произошли давно и для решения которых существуют эффективные альтернативные меры. Он мог также рекомендовать принять меры дисциплинарного характера или начать уголовное расследование в отношении должностных лиц Департамента.

6.6 Что касается периода содержания автора сообщения в изоляции, то, как признает государство-участник, в соответствии с Законом о преступлениях (исполнение приговоров) от 1999 года любой заключенный, который содержался в изоляции более 14 дней, имеет право подавать апелляцию в Совет по рассмотрению дел лиц, совершивших серьезные правонарушения. Заключенные должны быть информированы об этом их праве на подачу апелляций и должны подписать формуляр, в котором говорится, что они были информированы об этом. После рассмотрения апелляции Совет может подтвердить, внести изменения или отменить распоряжения об изоляции. До принятия окончательного решения по какому-либо делу Совет может также принять решение о приостановлении содержания заключенного в изоляции или о его переводе в другое исправительное учреждение.

6.7 И наконец, что касается судебных средств правовой защиты, то, как повторяет государство, австралийские суды считают себя компетентными рассматривать жалобы заключенных на незаконность их содержания, включая жалобы на нарушения условий содержания под стражей, наносящие вред заключенным. Соответствующая причина подачи жалоб основывается на существующем в общем праве положении о преступной халатности с учетом положений Закона о гражданской ответственности от 2002 года (Новый Южный Уэльс), в котором предусматривается исключение личной ответственности отдельных лиц при определенных обстоятельствах. В соответствии с Законом о разбирательстве дел в королевских судах от 1988 года (Новый Южный Уэльс) ответчиком по искам о преступной халатности против государственного учреждения, не являющегося юридическим лицом, выступает штат Новый Южный Уэльс. Однако автор сообщения не подал в суд иск о преступной халатности.

Комментарии автора сообщения

7.1 14 сентября 2005 года автор прокомментировал дополнительные замечания государства-участника. Он отрицал возможность практического использования им любого из вышеуказанных административных или судебных средств защиты и получения на их основе эффективной помощи в должное время. После помещения в исправительное учреждение Паркли его не информировали о каких-либо возможных механизмах подачи жалоб. Кроме того, обращение с ним в исправительном учреждении, на которое он пожаловался, в значительной степени предусматривается в соответствующих австралийских законах и постановлениях.

7.2 Автор сообщения утверждает, что во время его содержания в исправительном учреждении Паркли его никогда не информировали о посещении и о времени посещения тюрьмы официальным уполномоченным. Это означает, что он был лишен возможности подать жалобу официальному уполномоченному, который в любом случае обязан не "вмешиваться в дела, связанные с поддержанием дисциплины в исправительном учреждении и не давать каких-либо указаний сотрудникам этого учреждения или заключенным"²⁴.

7.3 Автор утверждает, что начальник исправительного учреждения Паркли неоднократно отклонял его жалобы на условия его содержания под стражей, заявляя: "Ты больше не в детском доме. Такие у нас порядки" или "С этим ничего нельзя поделать. Такие у нас порядки и так с тобой будут обращаться". Учитывая, что решения в отношении жалоб принимает начальник тюрьмы²⁵, подобная жалоба не является эффективным средством правовой защиты. Об этом свидетельствует тот факт, что во время указанного периода начальник тюрьмы, как заявляет автор сообщения, шесть раз одобрял решение о содержании автора в изоляции или в одиночной камере.

7.4 Автор утверждает, что он не был информирован о возможности подачи жалобы министру или Комиссару по делам исправительных учреждений через начальника тюрьмы или непосредственно в письменной форме. Тот факт, что начальник тюрьмы имеет право не направлять жалобы министру или Комиссару, а принимать по ним решения самостоятельно²⁶, чисто рекомендательные полномочия Комиссара, неспособность автора сообщения свободно читать и писать, а также отсутствие ручек, карандашей и бумаги в его "сухой" камере свидетельствует о том, что такие жалобы не являются эффективным средством правовой защиты.

7.5 Хотя после освобождения автора сообщения из одиночной камеры судья Сиднейской региональной корпорации по оказанию правовой помощи аборигенам подал от имени автора жалобу министерству по делам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, никаких мер по этой жалобе принято не было.

7.6 Автор далее утверждает, что его никогда не информировали о возможности подачи жалобы Генеральному инспектору. Поскольку Генеральный инспектор вправе не рассматривать жалобы, в отношении которых существуют альтернативные средства решения вопроса, он мог бы отклонить просьбу автора на том основании, что последний уже подавал жалобу на плохое обращение начальнику исправительного учреждения.

7.7 Точно также ему никто не говорил, что можно опротестовать изолированное содержание в Совет по рассмотрению дел лиц, совершивших серьезные правонарушения. Он не подписывал также никакого формуляра, в котором говорилось бы о том, что он был информирован о возможности подачи такой жалобы. Такая жалоба не стала бы эффективным средством правовой защиты, поскольку в период изолированного содержания он не являлся лицом, совершившим серьезное правонарушение, а Совет не обладает полномочиями решать, помимо изолированного содержания, такие другие вопросы, как, например, физическое обращение и лечение.

7.8 Автор утверждает, что хотя он знал о том, что начальник тюрьмы санкционировал обращение с ним, о чем свидетельствует его дело в Департаменте по делам исправительных учреждений, он предпринял все шаги, которых можно в разумной степени ожидать от 16-летнего ребенка-аборигена с недостаточным умственным развитием, для того чтобы изменить условия содержания, а именно,

---

²⁴ Правило 133 (3) Постановления о применении законодательства о преступлениях (исполнение приговоров) (управление исправительными учреждениями) от 1995 года (Новый Южный Уэльс).

²⁵ Там же, Правило 135 (3).

²⁶ Там же, Правило 136 (3).

подавал жалобы должностному лицу, занимающемуся расследованием случаев смерти заключенных-aborигенов и начальнику исправительного учреждения.

7.9 Сославшись на заключение эксперта от 7 мая 2002 года, автор вновь заявляет, что любая попытка подачи судебного иска по поводу нарушения условий его содержания была бы бесполезной.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости или неприемлемости согласно Факультативному протоколу к Пакту.

8.2 Комитет считает, что автор не смог, в обоснование приемлемости его сообщения, подтвердить, что должностные лица тюрьмы во время попыток установить контроль над его поведением в апреле-мае 1999 года применили к нему чрезмерную силу в нарушение статей 7 и 10 и что постоянное использование камеры наблюдения противоречит положениям этих статей.

8.3 Что касается утверждения автора сообщения о том, что его перевод в исправительное учреждение Паркли 22 марта 1999 года нарушает его права согласно пункту 3 статьи 10, то, как отмечает Комитет, государство-участник не использовало сделанную им оговорку о том, что предусмотренное в пункте 2 b) статьи 10 обязательство о раздельном содержании под стражей совершеннолетних и несовершеннолетних "приемлемо только в той степени, если подобный отдельный режим, по мнению ответственных властей, отвечает интересам несовершеннолетних и совершеннолетних лиц". Однако Комитету не требуется рассматривать вопрос о применимости оговорки государства-участника в отношении пунктов 2 b) и 3 статьи 10, поскольку ссылки автора на эти положения не приемлемы по другим основаниям:

а) что касается утверждения автора сообщения о том, что его перевод 22 марта 1999 года в исправительное учреждение Паркли нарушает пункт 2 b) статьи 10 Пакта, то, как напоминает Комитет, это положение защищает право обвиняемых несовершеннолетних на отдельное содержание их в исправительных учреждениях от взрослых и право быть в кратчайшие сроки доставленными в суд для вынесения решения. Однако в момент перевода автора в исправительное учреждение Паркли он был осужденным, а не обвиняемым несовершеннолетним, поскольку он был признан виновным в совершении ограбления, в разбойном нападении и причинении телесных повреждений 5 марта 1999 года. Поэтому его утверждение на основании пункта 2 b) статьи 10 является неприемлемым *ratione materiae* в свете статьи 3 Факультативного протокола;

б) что касается сделанного автором утверждения на основании пункта 3 статьи 10, то, как отмечает Комитет, по прибытии автора в Паркли, где он был помещен в "безопасную" камеру, он действительно был изолирован от других заключенных. Поэтому автор, в обоснование приемлемости его сообщения не доказал, каким образом его перевод в исправительное учреждение Паркли нарушал его право быть изолированным от совершеннолетних заключенных. Следовательно, данная часть сообщения автора является неприемлемой на основании статьи 2 Факультативного протокола.

8.4 Что касается утверждений автора о времени его содержания в одиночной камере, изъятия у него одежды и одеяла, непрерывного освещения его камеры, назначения ему препарата ларгактил, то, как считает Комитет, автор, с точки зрения приемлемости его сообщения, в достаточной степени подтвердил эти утверждения. В частности, Комитет считает, что автор опроверг утверждение государства-участника о том, что его не помещали в одиночную "сухую" камеру на 48 часов и 72 часа соответственно 1 и 7 апреля 1999 года, сославшись на записи от 4 и 11 апреля 1999 года, в которых

регистрировалось поведение заключенных исправительного учреждения Паркли, что подтверждает указанное им время содержания в одиночной камере.

8.5 Относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что автор не исчерпал административных, судебных и других средств защиты, которыми он располагал. Комитет также отмечает утверждение автора о неэффективности жалоб, подаваемых тюремным властям или омбудсмену, а также его сомнения в отношении возможности использования судов и перспектив принятия ими решения по делам о преступной халатности.

8.6 Комитет напоминает, что содержащиеся в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола требования в отношении исчерпания "всех доступных внутренних средств правовой защиты" касаются не только судебных, но также и административных средств правовой защиты за исключением случаев, когда такие средства явно являются бесполезными или же от подателя жалобы нельзя в разумной степени ожидать использования таких средств.

8.7 Что касается возможности подачи жалобы омбудсмену, то, как отмечает Комитет, любые заключения этого органа могут иметь только рекомендательный, а не обязательный характер для властей. Комитет считает, что подача такой жалобы не может рассматриваться как эффективное средство правовой защиты²⁷, которое на основании пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола автор должен был исчерпать.

8.8 Что касается возможности подачи жалобы министру по делам исправительных учреждений или Совету по рассмотрению дел заключенных, совершивших серьезные правонарушения, то Комитет отмечает неоспоренное утверждение автора о том, что он был информирован об этих и о каких-либо других административных средствах правовой защиты и что во время его изолированного содержания в исправительном учреждении Паркли он с трудом мог читать и писать.

8.9 Комитет напоминает также, что автор предпринимал несколько попыток изменить условия его содержания путем направления жалоб официальному должностному лицу, занимающемуся расследованием случаев смерти аборигенов во время содержания под стражей и начальнику исправительного учреждения. Комитет отмечает также утверждения автора о полученных им ответах от начальника исправительного учреждения на его жалобы. Комитет считает, что цель этих ответов состояла в том, чтобы побудить автора отказаться от подачи новых жалоб тюремным властям. Учитывая возраст автора, уровень его интеллектуального развития и его особенно уязвимое положение аборигена, Комитет пришел к выводу, что автор приложил достаточно усилий для того, чтобы воспользоваться существующими административными средствами правовой защиты в той степени, в какой эти средства были ему известны и в какой они могли быть эффективными.

8.10 Поэтому решающим является вопросом о том, были ли эффективные судебные средства защиты доступны автору и исчерпал ли он их. В этой связи Комитет напоминает утверждение государства-участника о том, что австралийские суды не вмешиваются в административные решения тюремных властей, если установлено, что эти решения являются *bona fide* и если они представляют собой оправданное использование руководством тюрем своих полномочий. Комитет напоминает также неоспариваемое автором утверждение государства-участника о том, что большинство мер, принятых в отношении автора, согласуются с соответствующим внутренним законодательством. Поэтому трудно представить, что автор мог бы эффективно оспорить в суде решения руководства тюрьмы Паркли.

---

²⁷ См. сообщение № 900/1999, *К. против Австралии*, Соображения, принятые 28 октября 2002 года, пункт 7.3.

8.11 Что касается возможности принятия судом решения на основании положения о преступной халатности в общем праве, то Комитет признает сделанное государством-участником заявление о том, что отсутствие доказательства у автора сообщения прямо не связано с вопросом о том, располагал ли автор эффективными судебными средствами защиты. Однако отсутствие доказательств нанесения явной психической травмы имеет отношение к вопросу о том, мог бы автор добиться желаемых результатов, если бы он исчерпал такие средства правовой защиты. В этой связи Комитет отмечает, что признания нарушения статей 7 и 10 Пакта при обращении с лицом, лишенным свободы, не обязательно наносить ему какую-либо явную психическую травму. Однако именно это, очевидно, требуется доказать в соответствии с австралийским законодательством для установления факта преступной халатности. По мнению Комитета, автор сообщения достаточно убедительно показал, и государство-участник не опровергло его утверждения о том, что эмоциональные страдания и испытываемый им страх явились бы недостаточным основанием для подачи в суд дела о нарушении условий его содержания.

8.12 Учитывая вышесказанное, Комитет считает, что, хотя в принципе автор сообщения мог воспользоваться судебными средствами защиты в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта, его обращение о проведении судебного разбирательства, судя по положению, в котором он находился, было бы бесполезным. Поэтому Комитет полагает, что в целях соблюдения положения пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола автору сообщения не было необходимости исчерпывать эти средства защиты.

8.13 Комитет считает, что данное сообщение является приемлемым в части возникающих в связи с утверждениями автора статьями 7 и 10 Пакта и в части его утверждений о сроках содержания в одиночной камере, изъятии у него одежды и одеяла, непрерывном освещении его камеры искусственным светом и назначении ему препарата ларгактил.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет принимает к сведению заявление автора сообщения о том, что его помещение в "безопасную" камеру, а также содержание, по крайней мере дважды, в одиночной "сухой" камере было неоправданным ввиду его возраста, инвалидности и принадлежности к аборигенам, для которых изоляция, лишение общения и ограничение передвижения в рамках тюрем являются особенно мучительными. Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что эти меры были необходимы для недопущения нанесения автором себе дополнительных увечий, для защиты других заключенных и для обеспечения безопасности исправительного учреждения.

9.2 Комитет напоминает, что лица, лишенные свободы, не должны подвергаться лишениям и ограничениям, кроме тех, которые обусловлены лишением свободы. Заключенным необходимо гарантировать такое же соблюдение их достоинства, как и лицам, находящимся на свободе²⁸. Положения статьи 10 Пакта начинают действовать уже при минимальном уровне строгости бесчеловечного обращения. Оценка этого минимального уровня зависит от всех обстоятельств дела, в частности таких, как характер и форма обращения, его продолжительность и физическое или психологическое воздействие, а в некоторых случаях от таких факторов, как пол, возраст, состояние здоровья и другие аспекты положения жертвы.

9.3 Государство-участник не сообщило о том, получал ли автор сообщения какую-либо медицинскую или психологическую помощь помимо назначения ему антипсихотического лекарства, несмотря на его неоднократные попытки нанести самому себе увечья, включая попытку самоубийства 15 декабря 1999 года. Сама цель использования "безопасной" камеры для "обеспечения безопасных, в меньшей степени порождающих стресс и более контролируемых условий содержания, позволяющих оказывать заключенному консультативную помощь, осуществлять за ним контроль и производить оценку на предмет определения надлежащего места содержания или

---

²⁸ Замечание общего порядка № 21, 1992 год [44], статья 10, пункт 3.

режима", была сведена на нет отрицательным влиянием, которое эти условия оказывали на психическое состояние автора сообщения. Кроме того, неясно, выполнялось ли в отношении автора сообщения требование не помещать заключенных в одиночную "безопасную" камеру в качестве наказания за нарушение дисциплины в исправительном учреждении или в целях их изоляции и не превышало ли такое заключение 48 часов (если на это не было прямой санкции). Комитет далее отмечает, что государство-участник не показало убедительно, что разрешение автору сообщения общаться с другими заключенными его возраста поставило бы под угрозу их безопасность и безопасность исправительного учреждения. Такое общение могло бы осуществляться под соответствующим наблюдением персонала тюрьмы.

9.4 Даже предположив, что содержание автора сообщения в одиночной "безопасной" или "сухой" камере преследовало цель обеспечить поддержание порядка в тюрьме и не допустить нанесение им себе новых увечий, а также вреда другим заключенным, Комитет считает, что данная мера несовместима с требованиями статьи 10. В соответствии с пунктом 3 статьи 10 в сочетании с пунктом 1 статьи 24 Пакта государство-участник было обязано обращаться с автором сообщения с учетом его возраста и правового статуса. В этих условиях продолжительное содержание автора в одиночной камере без всякой возможности общения в сочетании с использованием искусственного освещения в течение продолжительного периода времени и лишением его одежды и одеяла не согласуются с его статусом несовершеннолетнего лица, которое находится в особо уязвимом положении в силу его инвалидности и принадлежности к аборигенам. Как следствие, лишения, которым он был подвергнут во время тюремного заключения, были явно несовместимы с его состоянием, о чем свидетельствует его склонность к нанесению самому увечий и попытка совершить самоубийство. Поэтому Комитет считает, что подобное обращение с автором представляло собой нарушение пунктов 1 и 3 статьи 10 Пакта.

9.5 Что касается назначения автору сообщения антипсихотического препарата ларгактил, то Комитет отмечает утверждение автора о том, что это средство подавалось ему без его согласия. Однако Комитет принимает также к сведению не оспоренное автором сообщения утверждение государства-участника о том, что ларгактил был назначен автору сообщения, для того чтобы контролировать его саморазрушающее поведение. Комитет также напоминает, что лекарство было прописано врачом исправительного учреждения Паркли и его дальнейшее использование было продолжено только после обследования автора сообщения психиатром. Ввиду отсутствия каких-либо факторов, которые указывали бы на то, что такое лечение противоречило положениям статьи 7 Пакта, Комитет считает, что его назначение автору сообщения не является нарушением статьи 7.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 10 и пункта 1 статьи 24 Пакта.

11. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию. Государство-участник обязано не допускать подобных нарушений в будущем.

12. Учитывая, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать им эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом Соображений. Государству-участнику предлагается также обеспечить публикацию текста Соображений Комитета.

Сообщение № 1223/2003

Представлено: Вячеславом Царевым (адвокатом не представлен)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Эстония

Дата принятия Соображений: 26 сентября 2007 года

Тема сообщения: произвольный отказ в выдаче постоянного вида на жительство и обусловленная этим неспособность совершать поездки за границу и принимать участие в ведении государственных дел

Вопросы существа: равенство перед законом; запрещенная дискриминация; право на свободу передвижения; право покинуть любую страну, включая свою собственную; право принимать участие в ведении государственных дел

Процедурные вопросы: злоупотребление правом на представление сообщений; неисчерпание внутренних средств правовой защиты

Статьи Пакта: пункт 1 статьи 2; пункты 2 и 4 статьи 12,; статья 25; статья 26

Статьи Факультативного протокола: пункт 2 b) статьи 5; статья 3

Вывод: отсутствие нарушения

1. Автором сообщения является Вячеслав Царев, утверждающий, что он не имеет гражданства, родившийся в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике 7 декабря 1948 года и в настоящее время проживающий в Эстонии. Он утверждает, что является жертвой нарушений Эстонией его прав, предусмотренных в пунктах 2 и 4 статьи 12; статье 25; и статье 26 в совокупности с пунктом 1 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах¹. Он не представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 С 1956 года автор сообщения жил, обучался и работал в Эстонии. С октября 1975 года по август 1978 года он служил оперуполномоченным Комитета государственной безопасности (КГБ) бывшей Эстонской Советской Социалистической Республики (ЭССР). Затем, до июня 1981 года, он обучался в Высшей школе КГБ Советского Союза в Москве. С августа 1981 года по апрель 1986 года он служил старшим оперуполномоченным КГБ Бурятской АССР в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике. С апреля 1986 года по декабрь 1991 года он служил старшим оперуполномоченным КГБ ЭССР. В 1971 году автору было присвоено звание лейтенанта. Автор являлся гражданином Союза Советских Социалистических Республик (СССР, или Советский Союз) до 1991 года и имел паспорт СССР единого образца до 12 июля 1996 года. Впоследствии он ни разу не обращался с просьбой о предоставлении гражданства другой страны. До 1996 года у него были правовые основания для постоянного проживания в Эстонии (*протиска*). В 1995 году власти обратились к нему с требованием подать заявление на получение официального вида на жительство, и 17 июня 1995 года он направил свое ходатайство.

2.2 31 декабря 1996 года правительство в своем распоряжении № 1024 (распоряжение № 1024), изданном в соответствии с частью 5 статьи 12 Закона об иностранцах, предоставило автору временный вид на жительство, действительный до 31 декабря 1998 года. 14 сентября 1998 года автор подал заявление о предоставлении постоянного вида на жительство, действуя на основании постановления правительства № 137 "Порядок и условия подачи ходатайств о постоянном виде на

¹ Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 21 января 1992 года.

жительство" от 16 июня 1998 года (постановление № 137). 5 ноября 1998 года Совет по делам гражданства и миграции (Совет) отказался предоставить автору постоянный вид на жительство. В своем решении Совет сослался на ранее выданный автору временный вид на жительство. Решение Совета основывалось на пунктах 1 и 36 постановления правительства № 368 "Порядок выдачи, продления и отзыва видов на жительство и разрешений на трудоустройство для иностранцев" от 7 декабря 1995 года (постановление № 368).

2.3 4 декабря 1998 года автор обжаловал решение Совета в Таллинском административном суде, указав, что он впервые обратился с просьбой о выдаче вида на жительство до 12 июля 1995 года. В соответствии частью 1 статьи 20 Закона об иностранцах за иностранцами, ходатайствовавшими о выдаче вида на жительство до 12 июля 1995 года, получившими его и не относящимися к числу иностранцев, указанных в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, сохраняются права и обязанности, установленные ранее принятыми правовыми актами Эстонской Республики. В своей жалобе автор ссылаясь на постановление № 137 и утверждал, что он не относится к категории иностранцев, указанной в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, и что часть 5 статьи 12 Закона об иностранцах не является надлежащей правовой основой для распоряжения № 1024.

2.4 18 января 1999 года и 19 февраля 1999 года Таллиннский административный суд рассмотрел данное дело. В ходе судебного слушания автор оспаривал данные, отраженные в вопроснике, прилагавшемся к ходатайству о предоставлении постоянного вида на жительство. По его словам, Советский Союз стал зарубежной страной после 20 августа 1991 года (после того как Эстония вновь обрела независимость), и он служил в КГБ до того, как Советский Союз был объявлен иностранной державой. Он утверждал, что он имеет право ходатайствовать о предоставлении постоянного вида на жительство в соответствии с частью 1 статьи 20 Закона об иностранцах, поскольку он подал заявление о предоставлении вида на жительство до 12 июля 1995 года. В ходе судебного слушания дела Совет оспаривал апелляцию и просил отклонить ее. Совет разъяснил, что он выдал автору временный вид на жительство в порядке исключения в соответствии с частью 5 статьи 12 закона об иностранцах. Совет принял во внимание тот факт, что он состоял на службе в органах разведки или государственной безопасности иностранного государства и что он относится к категории иностранцев, указанной в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, которым не может быть выдан вид на жительство.

2.5 В своем решении от 22 февраля 1999 года Таллиннский административный суд удовлетворил жалобу автора и объявил решение Совета незаконным, руководствуясь процедурными соображениями. Суд указал, что Совет отказался выдать автору постоянный вид на жительство, ссылаясь на правовые основы в пунктах 1 и 36 постановления № 368, в то время как его ходатайство следовало рассматривать на основе постановления № 137, в котором устанавливаются процедуры для иностранцев, ходатайствовавших о предоставлении временного вида на жительство до 12 июля 1995 года, получившими его и не относящимися к категории иностранцев, указанной в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах. Поскольку Совет рассмотрел ходатайство автора о предоставлении постоянного вида на жительство на основе не того правового акта, суд поручил Совету пересмотреть это дело и принять новое решение.

2.6 Суд согласился с требованием автора о том, что в его отношении должны применяться положения части 1 статьи 20 Закона об иностранцах. Он обратился с ходатайством о предоставлении вида на жительство до 12 июля 1995 года и получил его. Поскольку автор оспаривал тот факт, что его отнесли к категории иностранцев, указанной в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, в ходе пересмотра его ходатайства о предоставлении постоянного вида на жительство следует провести правовую оценку того, можно ли рассматривать его службу в качестве старшего оперуполномоченного КГБ ЭССР в период с 1986 года по декабрь 1991 года в качестве работы в органах разведки или государственной безопасности иностранного государства. В соответствии с новым вариантом такого имплементационного положения Закона об иностранцах, как часть 1 статьи 20, ходатайство автора о предоставлении постоянного вида на жительство не может

основываться на положениях части 3 статьи 12 Закона об иностранцах. До 30 сентября 1999 года текст соответствующей части этого закона выглядел следующим образом:

"Статья 12. Основания для выдачи вида на жительство

[...] (3) Постоянный вид на жительство может быть выдан иностранному лицу, проживавшему в Эстонии на основании временного вида на жительство не менее трех из последних пяти лет и имеющему место жительства и работу в Эстонии или другой легальный доход для проживания в Эстонии, если иное не установлено настоящим законом. Постоянный вид на жительство не выдается иностранному лицу, которому вид на жительство в Эстонии выдан на основании пункта 1 или 2 части 1 настоящей статьи, или иностранному лицу, получившему вид на жительство в порядке исключения в соответствии с подразделом (5) настоящей части".

2.7 Совет подал апелляцию в Таллиннский апелляционный суд. 12 апреля 1999 года Таллиннский апелляционный суд отменил решение Таллиннского административного суда от 22 февраля 1999 года, удовлетворив апелляцию Совета. Таллиннский апелляционный суд постановил, что суд первой инстанции неправильно применял нормы материального права. Он отметил, что автор относится к одной из категорий иностранцев, перечисленных в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, и в этой связи на него не распространяются положения части 1 статьи 20 Закона об иностранцах и постановления № 137. Суд указал, что в Законе об иностранцах конкретно не определяется вид занятости, а также вопрос о том, когда и в каких органах работа рассматривается в качестве службы в органах разведки и государственной безопасности иностранных стран. В Законе "Порядок взятия на учет и предания гласности информации о лицах, находившихся на службе в органах разведки или контрразведки служб безопасности или вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию, либо лицах, сотрудничавших с ними" (Закон о порядке взятия на учет и предания гласности), принятом 6 февраля 1995 года, определяются органы безопасности и разведки государств, оккупировавших Эстонию, и указываются категории лиц, состоявших на службе в таких органах. В соответствии с частью 2 статьи 2 этого закона органами безопасности и разведки государств, оккупировавших Эстонию, являются органы безопасности и органы разведки и контрразведки вооруженных сил Советского Союза или органы, подчинявшиеся им; согласно подчасти 6 вышеуказанной части, в число этих организаций входит, в частности КГБ Советского Союза. Согласно части 2 статьи 3 этого закона, иностранец, состоявший на службе в органах разведки или безопасности в период с 17 июня 1940 года по 31 декабря 1991 года и проживающий на территории, находящейся под юрисдикцией Эстонской Республики, рассматривается в качестве лица, работавшего в органах государственной безопасности или разведки.

2.8 На основании вышеуказанного закона и по смыслу Закона об иностранцах Суд постановил, что службу автора в КГБ ЭССР или КГБ Бурятской АССР - а это он сам подтвердил в вопроснике к ходатайству о предоставлении ему постоянного вида на жительство - следует толковать как службу в органах разведки или государственной безопасности иностранной страны по смыслу пункта 5 части 4 статьи 12 Закона об иностранцах². Суд указал, что на основании соглашения, заключенного между премьер-министром Эстонской Республики, Председателем КГБ Советского Союза и Председателем Комитета национальной безопасности Эстонии от 4 сентября 1991 года, правительство Эстонской Республики обязалось гарантировать социальные и политические права служащим КГБ ЭССР в соответствии с общепризнанными международными нормами и законодательством Эстонии. Однако

---

² Текст пункта 5 части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, на который приводятся ссылки в постановлении Таллиннского апелляционного суда от 12 апреля 1999 года, не имеет эквивалента в нынешнем варианте этого закона и сформулирован следующим образом:

"Статья 12. Основания для выдачи вида на жительство

[...] (4) Вид на жительство не выдается иностранцу, если:

[...] 5) он/она состоял/ла или состоит на службе в органах разведки или государственной безопасности иностранного государства;"

это соглашение не допускает толкования, согласно которому введение ограничений на выдачу иностранцам вида на жительство на основании части 4 статьи 12 Закона об иностранцах будет противоречить положениям этого соглашения.

2.9 С учетом вышеуказанного Таллиннский апелляционный суд постановил, что, хотя 17 июня 1995 года автор подал ходатайство о предоставлении разрешения на жительство и в порядке исключения ему был выдан временный вид на жительство, он не имеет права обращаться с просьбой о выдаче вида на жительство на основании части 1 статьи 20 Закона об иностранцах и что его ходатайство о выдаче постоянного вида на жительство не может рассматриваться на основании постановления № 137, поскольку он относится к категории иностранцев, указанной в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах. Суд постановил, что в соответствии с частью 3 статьи 12 Закона об иностранцах постоянный вид на жительство может быть выдан иностранному лицу, проживавшему в Эстонии на основании временного разрешения на жительство не менее трех из последних пяти лет и имеющему место жительства и работу в Эстонии или другой легальный доход для проживания в Эстонии, если иное не установлено Законом об иностранцах. Постоянный вид на жительство не выдается иностранному лицу, которое получило разрешение на жительство в Эстонии в порядке исключения согласно части 5 статьи 12 Закона об иностранцах. Автор получил в соответствии с распоряжением № 1024 вид на жительство, действовавший в течение двух лет, в порядке исключения на основании части 5 статьи 12 Закона об иностранцах. В этой связи суд пришел к выводу о том, что Совет вполне оправданно отказался выдать автору постоянный вид на жительство. Поскольку положения постановления № 137 не распространяются на автора, Совет вполне справедливо рассмотрел его ходатайство о предоставлении постоянного вида на жительство на основании постановления № 368.

2.10 10 мая 1999 года автор подал апелляцию в Верховный суд в порядке кассационной жалобы на решение Таллиннского апелляционного суда. Он утверждал, что нижестоящий суд неправильно применил правовые нормы. Его служба в КГБ ЭССР не может рассматриваться в качестве службы в органах разведки или государственной безопасности иностранного государства и его включение в перечень лиц, конкретно указываемых в части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, нарушает статьи 23 и 29 Конституции Эстонии. Служба в пределах границ бывшего СССР не может рассматриваться как служба за границей, и никто не может быть осужден за службу в органах государственной безопасности. Автор отметил, что, хотя он не обладает субъективным правом на получение постоянного вида на жительство, отказ в выдаче постоянного вида на жительство должен быть убедительно обоснован. Причины, оправдывающие отказ в предоставлении вида на жительство, должны соответствовать положениям Конституции и не могут нарушать прав того или иного лица, например его права на равное обращение. В этой связи он делает вывод о том, что в нарушение статьи 26 Пакта в его отношении была допущена дискриминация по признаку происхождения, поскольку ему было отказано в выдаче постоянного вида на жительство в связи с тем, что он ранее являлся служащим органов разведки и государственной безопасности иностранного государства. 16 июня 1999 года в разрешении на апелляцию в Верховный суд было отказано на том основании, что кассационная апелляция была явно необоснованной.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что отказ в выдаче ему постоянного вида на жительство нарушает его права согласно пунктам 2 и 4 статьи 12 Пакта, поскольку срок действия его временного вида на жительство является слишком кратким и не позволяет ему получать визу для поездки в некоторые страны. Проездным документом для лиц без гражданства является паспорт иностранца. Согласно статье 27 (1) Закона о документах, удостоверяющих личность, паспорт иностранца выдается в том

случае, если конкретное лицо имеет действующий вид на жительство³. Согласно статье 28 этого закона, срок действия паспорта иностранца не может превышать срока действия вида на жительство, выданного иностранцу⁴. Поскольку последний вид на жительство был выдан автору на два года, то срок действия его паспорта иностранца был таким же. Если бы он пожелал совершить поездку в другую страну на более длительный период времени, он мог бы столкнуться с проблемами при получении въездной визы. Кроме того, если бы он пожелал выехать на более длительный период времени и заранее не позаботился о том, чтобы продлить срок действия своего вида на жительство, ему могли бы отказать в возвращении в Эстонию, поскольку у него уже не было бы никаких законных оснований для проживания в этой стране.

3.2 Далее автор заявляет о том, что отказ в выдаче ему постоянного вида на жительство нарушает его право голосовать и быть избранным согласно статье 25, поскольку это право предоставляется только эстонским гражданам или лицам, постоянно проживающим в Эстонии. В статье 60 (2) Конституции Эстонии и статье 4 (1) Закона о выборах в парламент указывается, что каждый эстонский гражданин, обладающий правом голоса и достигший 21 года, может баллотироваться в парламент. Автор лишен права быть избранным в органы местного самоуправления, поскольку он не является гражданином Эстонии или Европейского союза, или голосовать в ходе выборов в органы местного самоуправления, поскольку он не имеет постоянного вида на жительство. Согласно статье 156 Конституции Эстонии, все лица, достигшие 18-летнего возраста и постоянно проживающие на территории данного органа местного самоуправления, имеют право голосовать в ходе выборов в совет местного самоуправления.

3.3 Наконец, автор утверждает, что он является жертвой дискриминации по признаку этнического и социального происхождения и его ассоциации с соответствующим статусом, а именно со статусом бывшего военнослужащего бывшего Советского Союза, что противоречит положениям статьи 26 в сочетании с пунктом 1 статьи 2 Пакта. Он указывает, что пункт 7 части 4 статьи 12 Закона об иностранцах Эстонии⁵ носит дискриминационный характер, поскольку он ограничивает возможности для выдачи или продления вида на жительство для иностранца, если он служил в качестве военнослужащего в вооруженных силах иностранного государства. В соответствующих положениях закона указывается:

"Статья 12. Основания для выдачи разрешения на жительство

[...] (4) Вид на жительство не выдается и не продлевается иностранцам:

---

³ В статье 27 (1) указывается:

Статья 27. Основания для выдачи паспорта иностранца

(1) Паспорт иностранца выдается на основании личного заявления иностранца, который имеет действующий вид на жительство в Эстонии, если доказано, что данный иностранец не имеет проездного документа, выданный иностранным государством, и что он не может получить проездной документ, выданный иностранным государством. [...]

⁴ В статье 28 указывается:

Статья 28. Срок действия паспорта иностранца

Паспорт иностранца выдается на срок до 10 лет, однако этот срок не должен превышать срока действия вида на жительство, выданного иностранцу (17.05.2000, вступил в силу 01.08.2000 - RT I 2000, 40, 254).

⁵ Автор оспаривает в Комитете пункт 7 части 4 статьи 12 Закона об иностранцах: "служившим в качестве кадровых военнослужащих в вооруженных силах иностранного государства, уволенным из них в запас или вышедшим в отставку", хотя государство-участник считает, что он подпадает под действие положений пункта 5 части 4 статьи 12 Закона об иностранцах, действовавшего в момент рассмотрения ходатайства автора о предоставлении постоянного вида на жительство: "которые состояли или состоят на службе в органах разведки или государственной безопасности иностранного государства". В момент представления данного сообщения отсутствовал какой-либо эквивалент последнего положения в Законе об иностранцах.

[...] 7) служившим в качестве кадровых военнослужащих в вооруженных силах иностранного государства, уволенным из них в запас или вышедшим в отставку; [...]"

3.4 Согласно части 5 той же статьи временный вид на жительство может быть в порядке исключения выдан иностранцам, указанным, в частности, в пункте 7 части 4 Закона об иностранцах, и срок действия таких видов на жительство может быть продлен. В то же время согласно части 7 статьи 12 этого закона ограничения, предусмотренные, в частности, в пункте 7 части 4 статьи 12, не распространяются "на граждан государств - членов Европейского союза или НАТО". Автор утверждает, что этот закон равнозначен дискриминации, поскольку в нем предусматривается, что все иностранцы, за исключением граждан государств - членов НАТО и ЕС, которые служили в вооруженных силах, представляют собой угрозу для национальной безопасности Эстонии независимо от индивидуальных особенностей конкретно выполнявшейся работы. Он утверждает, что отсутствуют какие-либо доказательства того, что вышедшие в отставку военнослужащие представляют собой в целом какую-либо угрозу или что он лично представляет собой какую-либо угрозу. Он также отмечает, что эта "угроза" должна быть доказана, например, подлежащим исполнению судебным приговором. Он разъясняет, что не обращался с ходатайством о предоставлении эстонского гражданства; постоянный вид на жительство, о котором он ходатайствовал, позволил бы ему иметь более устойчивый статус в единственном государстве, в котором у него есть основания оставаться.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения

4.1 В своих представлениях от 1 июня 2004 года государство-участник поставило под сомнение как приемлемость, так и существование сообщения. Что касается приемлемости, то государство-участник утверждает, что данное сообщение следует рассматривать как злоупотребление правом на представление сообщений. Оно далее указывает, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Что касается существования вопроса, то государство-участник заявляет, что факты не указывают на какое-либо нарушение Пакта.

4.2 По мнению государства-участника, автор не объяснил, почему его сообщение было представлено в Комитет спустя более чем четыре года после принятия окончательного национального судебного решения. Хотя в Факультативном протоколе не устанавливаются какие-либо сроки для представления письменных сообщений, именно Комитету следует решать, действительно ли представляет собой значительная задержка в представлении сообщения злоупотребление правом на представление сообщений⁶, как это указывается в статье 3 Факультативного протокола. Эстония присоединилась к Пакту и Факультативному протоколу в 1991 году. В статье 3 Конституции указывается, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются неотъемлемой частью правовой системы Эстонии, а в статье 123 предусматривается, что в случае коллизии законов или иных актов Эстонии с ратифицированными парламентом международными договорами применяются положения международных договоров. Государство-участник отмечает, что автору должны были быть известны эти принципы. Любые средства правовой защиты, которые то или иное лицо стремится использовать, требуют того, чтобы это лицо предприняло шаги с целью передачи его дела в соответствующий орган в разумные сроки.

4.3 Автор не направил в Административный суд просьбу о проведении рассмотрения вопроса о соответствии Закона об иностранцах положениям Конституции. Государство-участник ссылается на решение от 5 марта 2001 года, в котором палата конституционного надзора объявила по рекомендации Административного суда неконституционными положения Закона об иностранцах, в соответствии с которыми истцу было отказано в предоставлении вида на жительство. Государство-

---

⁶ Приводится ссылка на сообщение № 787/1997 *Гобин против Маврикия*, решение о неприемлемости, принятое 16 июля 2001 года.

участник также отмечает, что Верховный суд использует свои полномочия с целью отмены внутренних законов, которые не соответствуют международным договорам о правах человека. Оно добавляет, что, поскольку защита равенства перед законом и от дискриминации обеспечивается как Конституцией, так и Пактом, конституционный иск предоставил бы автору имеющееся эффективное средство правовой защиты. Государство-участник считает, что в свете последних решений Верховного суда такое заявление имело бы достаточные шансы на успех и должно было быть подано.

4.4 Автор не воспользовался также возможностью обращения к Юриконсульту, с тем чтобы проверить соответствие оспариваемого закона Конституции или Пакту. Юриконсульт правомочен вносить предложения о рассмотрении законодательных положений, которые считаются неконституционными, или, в случае отсутствия директивного решения, обращаться с такими вопросами в Верховный суд. Верховный суд "в большинстве случаев" удовлетворяет такие просьбы. Поэтому если автор полагал, что не может сам возбудить конституционный иск, он мог бы обратиться к Юриконсульту с просьбой о принятии таких мер.

4.5 Государство-участник отмечает, что право на предоставление постоянного вида на жительство и связанные с ним права не гарантируются Пактом. Согласно международному праву, каждое государство может принимать решение по вопросам о въезде иностранцев в страну и их пребывании в ней, включая вопрос о выдаче вида на жительство. Эстонские власти могут по своему усмотрению регламентировать эти вопросы с помощью национального законодательства. Ограничения в отношении предоставления постоянного вида на жительство необходимы для обеспечения национальной безопасности и общественного порядка. Государство-участник ссылается на решение Комитета по сообщению *В.М.Р.Б. против Канады*⁷, в котором Комитет отметил, что он не может проверять ту оценку, которую суверенное государство дало в отношении характеристики иностранца с точки зрения безопасности. Соответственно государство-участник утверждает, что отказ в предоставлении автору постоянного вида на жительство не нарушает каких-либо из его прав в соответствии с Пактом.

4.6 Что касается существа жалобы по статье 26, то государство-участник ссылается на установившуюся правовую практику Комитета, которая предусматривает, что не все различия в обращении носят дискриминационный характер и что различия, оправданные по разумным и объективным соображениям, согласуются со статьей 26. Различия, возникающие в связи с единообразным применением законов, сами по себе не представляют собой запрещенную дискриминацию⁸. Согласно Закону об иностранцах, вид на жительство, как правило, не выдается лицам, состоявшим на службе в органах разведки или государственной безопасности иностранной страны; в порядке исключения им может выдаваться временный вид на жительство с разрешения правительства. В порядке исключения автору был выдан временный вид на жительство, и ему было отказано в предоставлении постоянного вида на жительство в соответствии с положениями внутригосударственного права, поскольку он состоял на службе в органах разведки и государственной безопасности иностранного государства.

4.7 Государство-участник утверждает, что ограничения в отношении выдачи постоянного вида на жительство необходимы в связи с причинами, касающимися национальной безопасности и общественного порядка. Они также необходимы в демократическом обществе в интересах защиты государственного суверенитета и соответствуют целям закона. Отказав автору в предоставлении ему постоянного вида на жительство, совет убедительно обосновал свое решение, юридическая мотивировка которого, по мнению государства-участника, является уместной и достаточной. При

---

⁷ Сообщение № 236/1987 *В.М.Р.Б. против Канады*, решение о неприемлемости, принятое 18 июля 1988 года.

⁸ Приводятся ссылки на сообщение 182/1984 *Ф.Х. Цваан-де Вриес против Нидерландов*; сообщение № 218/1986 *Хендрика С. Вос против Нидерландов*; сообщение № 295/1988 *А. Ярвинен против Финляндии*.

принятии этого конкретного законодательного акта во внимание был также принят тот факт, что в некоторых обстоятельствах бывшие служащие вооруженных сил могут ставить под угрозу суверенитет Эстонии изнутри страны. Это утверждение особенно справедливо в случае лиц, которые были уволены в запас, поскольку они знакомы с особыми условиями Эстонии и могут быть призваны на службу в вооруженные силы иностранной страны.

4.8 Государство-участник утверждает, что в отношении автора не было допущено неравного обращения в сравнении с другими лицами, которые состояли на службе в органах разведки иностранной страны, поскольку закон не допускает возможности предоставления таким лицам постоянного вида на жительство. Что касается жалобы автора на то, что положения части 5 статьи 12 Закона об иностранцах не распространяются на граждан государств ЕС и НАТО, то государство-участник напоминает о том, что просьба автора была отклонена в 1998 году, а положения, на которые ссылается автор, вступили в силу только 1 октября 1999 года. Таким образом, государство-участник утверждает, что причины, по которым автору было отказано в выдаче вида на жительство, основывались на соображениях национальной безопасности, а не на каких-либо фактах, касающихся социального происхождения автора. Отказ, произведенный в соответствии с законом, не являлся произвольным и не имел каких-либо негативных последствий для автора.

4.9 По мнению государства-участника, смежные права, которые, как утверждает автор, были также нарушены, тесно связаны с основным рассматриваемым вопросом - правом на получение вида на жительство. Их следует оценивать в целом. Государство-участник утверждает, что в любом случае предполагаемые нарушения статьи 12 в настоящее время являются спорными, поскольку автору был предоставлен временный вид на жительство на пятилетний срок и был выдан паспорт иностранца. Паспорт иностранца является проездным документом, и его владелец может пересекать границы, хотя для въезда в некоторые страны необходимо получить визу. Любые жалобы, связанные с требованием относительно выдачи таких виз правительствами иностранных государств, не могут быть предъявлены правительству Эстонии.

4.10 Жалоба автора на то, что он мог бы потерять право на въезд в Эстонию, если бы он оставался за границей в течение более длительного срока, является безосновательной. Можно было бы в письменном виде обратиться в Совет с просьбой о продлении срока действия вида на жительство и о выдаче паспорта иностранца. Согласно статьям 42 и 44 Закона о консульских отношениях, консульства Эстонии могут выписывать паспорт иностранца и выдавать вид на жительство. Автор мог бы обратиться с просьбой о выдаче паспорта иностранца или вида на жительство в том случае, если бы он находился за пределами Эстонии.

4.11 Что касается жалобы на то, что автору было отказано в праве голосовать и быть избранным, то государство-участник напоминает о том, что право голоса, предоставляемое иностранцам, имеющим вид на жительство, не является правом, указываемым в положениях статьи 25, которая гарантирует эти права только гражданам государства.

4.12 Государство-участник отмечает, что помимо временного вида на жительство, выданного автору 31 декабря 1996 года и действовавшего до 31 декабря 1998 года, ему были дополнительно выданы временные виды на жительство на следующие периоды: с 5 октября 1999 года по 1 февраля 2000 года, с 11 мая 2000 года по 31 декабря 2000 года, с 1 января 2001 года по 31 декабря 2001 года, с 1 января 2002 года по 31 декабря 2003 года и с 1 января 2004 года по 31 декабря 2008 года.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника

5.1 20 и 30 июля 2004 года автор направил свои замечания по представлениям государства-участника. Он напоминает о том, что он живет в Эстонии с восьмилетнего возраста, являлся гражданином СССР до 1991 года и до 1996 года имел в Эстонии постоянную регистрацию (*прописку*). До 31 декабря 1996 года, когда было издано соответствующее распоряжение, он не рассматривался в качестве лица, представляющего собой угрозу национальной безопасности Эстонии. Бывшие

служащие КГБ ЭССР, родители которых имели эстонское гражданство до 1940 года, получили эстонское гражданство после обретения независимости, несмотря на то, что они, как и автор, относятся к одной и той же категории лиц, представляющих собой угрозу национальной безопасности Эстонии.

5.2 Далее автор утверждает, что Закон о порядке взятия на учет и предания гласности, применяющийся государством-участником (см. пункт 2.7 выше), противоречит первому положению статьи 23 Конституции, в котором указывается, что никто не может быть осужден за то или иное деяние, если это деяние не признается преступлением согласно закону, действовавшему на момент совершения этого деяния. Служба автора в КГБ в период 1975-1991 годов не представляла собой в тот момент работу в специальных службах иностранного государства, равно как и не могла быть равносильна сотрудничеству со специальными службами оккупирующего государства.

5.3 Автор добавляет, что различные сроки действия его временных видов на жительство - от четырех месяцев до пяти лет - доказывают, что довод государства-участника относительно национальной безопасности является необоснованным. Государство-участник не продемонстрировало, каким образом и на основании каких критериев оценка угрозы, которую представляет автор для национальной безопасности Эстонии, оправдывает такие значительные расхождения в сроках действия видов на жительство. Автор также оспаривает довод государства-участника о том, что "в некоторых обстоятельствах бывшие члены вооруженных сил могут угрожать государственности Эстонии изнутри страны" и "могут призываться на службу в вооруженные силы иностранной страны", поскольку в его случае как СССР, так и ЭССР прекратили свое существование, а Бурятская АССР вряд ли могла бы представлять собой опасность для государственных интересов Эстонии.

5.4 Автор подробно цитирует положения соглашения, заключенного между Эстонией и Российской Федерацией в 1991 году, о статусе военных баз и двусторонних отношениях в поддержку его утверждения о том, что этот договор не исключает бывших служащих КГБ из положений статьи 3, которая позволяет гражданам СССР свободно выбирать российское или же эстонское гражданство. Автор добавляет, что первоначально он намеревался обратиться с просьбой о предоставлении эстонского гражданства после того, как он прожил в Эстонии в течение пяти лет на основании временного вида на жительство. Однако, как и другие 175 000 лиц без гражданства, которые проживают в Эстонии на протяжении многих лет, автор не может получить эстонское гражданство, поскольку он принадлежит к специальной группе так называемого бывшего личного состава вооруженных сил СССР.

5.5 Автор отрицает, что его сообщение представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений, поскольку Верховный суд Эстонии не проинформировал его о дальнейших возможностях правовой защиты после того, как он 16 июня 1999 года отказался дать автору разрешение обжаловать принятые решения.

5.6 В отношении довода о том, что автор не использовал процедуры конституционного надзора, с тем чтобы оспорить конституционность Закона об иностранцах, он утверждает, что в соответствии со статьей 6 Закона о процедуре конституционного надзора (действовал до 1 июля 2002 года) ее может возбуждать только президент Эстонии, Юрисконсульт и суды. Вопреки утверждению государства-участника он безуспешно пытался поднять вопрос о неконституционности Закона об иностранцах и его несовместимости со статьей 26 Пакта в национальных судах.

5.7 Что касается возможности обращения к Юрисконсульту, то автор отмечает, что в соответствии со статьей 22 (2) Закона о Юрисконсультате последний должен отклонять заявления, если они являются или являлись предметом судебных разбирательств. С учетом ограниченной эффективности юрисдикции Юрисконсульта автор решил возбудить судебный пересмотр принятого Советом решения.

5.8 6, 12, 15 и 21 июня 2007 года автор направил дополнительные замечания по представлениям государства-участника. Помимо ранее высказанных им претензий, автор заявляет о том, что он участвовал в других судебных разбирательствах в Эстонии в период 2004-2006 годов и что его жалоба, касающаяся последнего судебного разбирательства, была зарегистрирована Европейским судом по правам человека в 2007 году. Кроме того, в октябре 2006 года Совет предоставил ему статус "долгосрочного резидента - ЕС" на основании его ходатайства, поданного 10 июля 2006 года⁹. Лицу, обладающему этим статусом, не требуется иметь разрешение на работу в Эстонии; однако даже этот статус не дает ему оснований стать натурализованным гражданином Эстонии ввиду ограничений, указываемых в распоряжении № 1024.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Перед рассмотрением любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 его правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Для целей подпункта а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что направление данного сообщения равносильно злоупотреблению правом на представление сообщений с учетом чрезмерно длительного срока между представлением жалобы и вынесением решения национальными судами. Что касается, предположительно, чрезмерно длительной задержки в представлении жалобы, то Комитет указывает, что в Факультативном протоколе не предусмотрен какой-либо срок для представления сообщений и что сам по себе период времени, истекший до представления сообщения, кроме исключительных случаев, не представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений¹⁰. В обстоятельствах этого конкретного дела Комитет не считает, что четырехлетний срок между исчерпанием внутренних средств правовой защиты и представлением сообщения в Комитет равносильно злоупотреблению правом на представление сообщения.

6.4 Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты в связи с предполагаемым нарушением пунктов 2 и 4 статьи 12 и статьи 25, то Комитет напоминает о том, что автор не поднимал эти вопросы в национальных судах. Он далее ссылается на то, что автор должен был, по крайней мере, поднять вопрос о существовании его претензий в национальных судах до их представления Комитету. Поскольку автор сначала не поставил вопрос о предполагаемых нарушениях его прав в национальных судах, Комитет считает, что эта часть сообщения является неприемлемой согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.5 Что касается утверждения государства-участника о том, что заявление относительно нарушения статьи 26 также является неприемлемым, поскольку можно было бы возбудить процедуру конституционного надзора, то Комитет отмечает, что автор последовательно ставил в национальных судах, вплоть до уровня Верховного суда, вопрос о том, что отказ в предоставлении ему временного

---

⁹ С 1 июня 2006 года иностранец, имеющий постоянный вид на жительство, выданный эстонскими властями, автоматически считается иностранцем, имеющим статус "долгосрочного резидента ЕС". Как представляется, автору был предоставлен этот статус в порядке исключения, поскольку он никогда не имел постоянного вида на жительство, выданного эстонскими властями.

¹⁰ См. сноску 13 выше, сообщение *Гобин против Маврикия*, и сообщение № 1434/2005, *Филласье против Франции*, Соображения, принятые 28 апреля 2006 года, пункт 4.3.

вида на жительство по соображениям социального происхождения как бывшего служащего органов разведки и государственной безопасности иностранного государства нарушает гарантии равенства, предусмотренные Конституцией Эстонии и статьей 26 Пакта. С учетом того, что суды отвергали эти доводы, Комитет считает, что государство-участник не показало, каким образом такое средство правовой защиты могло бы иметь какие-либо шансы на успех. Поэтому это утверждение не является неприемлемым на основании исчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.6 Что касается остальных доводов государства-участника, то Комитет отмечает, что автор не выдвигает каких-либо претензий относительно права как такового на получение постоянного вида на жительство, а заявляет, что отказ в выдаче ему постоянного вида на жительство по соображениям социального происхождения как бывшего служащего органов разведки и государственной безопасности иностранного государства нарушает его права на недискриминацию и равенство перед законом. Эти заявления подпадают под положения пункта 1 статьи 2 в сочетании со статьей 26 и являются, по мнению Комитета, достаточно обоснованными для целей приемлемости.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Автор заявляет, что пункт 7 части 4 статьи 12¹¹ Закона об иностранцах Эстонии нарушает положения пункта 1 статьи 2 в сочетании со статьей 26 Пакта, поскольку он вводит ограничения на выдачу или продление вида на жительство иностранца, если он был военнослужащим вооруженных сил иностранного государства. Одновременно согласно части 7 статьи 12 этого Закона данное ограничение не распространяется на граждан государств - членов ЕС или НАТО. Автор утверждает, что данный Закон носит дискриминационный характер, поскольку он предполагает, что все иностранцы, за исключением граждан государств - членов ЕС и НАТО, которые служили в вооруженных силах, представляют собой угрозу для национальной безопасности Эстонии, независимо от индивидуальных особенностей той или иной конкретной службы или подготовки. Что касается последнего утверждения, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что просьба автора была отклонена в 1998 году, в то время как часть 7 статьи 12, на которую ссылается автор, вступила в силу только 1 октября 1999 года.

7.3 Комитет далее отмечает, что государство-участник ссылается на соображения национальной безопасности в качестве обоснования для отказа в предоставлении автору постоянного вида на жительство. Комитет ссылается на свое решение о том, что то или иное лицо может оказаться лишенным своего права на равенство перед законом, если какое-либо положение закона применяется по отношению к нему произвольным образом, так, что применение закона в ущерб интересам этого лица не имеет разумных и объективных оснований¹². Он также ссылается на свое решение по сообщению *Борзов против Эстонии*¹³ о том, что соображения, связанные с национальной безопасностью, могут служить законной цели при осуществлении государством-участником своего суверенитета в предоставлении гражданства или, как в данном случае, выдаче постоянного вида на жительство. Он напоминает о том, что ссылки государства-участника на соображения национальной безопасности *ipso facto* не означают, что Комитет вообще не должен рассматривать тот или иной вопрос, и признает, что его собственная роль в определении наличия и уместности таких соображений зависит от обстоятельств дела¹⁴.

---

¹¹ См. сноску 12 выше.

¹² Сообщение № 819/1998 *Каванах против Ирландии* (№ 1), соображения, принятые 4 апреля 2001 года, и сообщение № 1136/2002 *Борзов против Эстонии*, соображения, принятые 26 июля 2004 года.

¹³ Выше.

¹⁴ *В.М.Р.Б. против Канады*, см. сноску 14 выше, и *Борзов против Эстонии*, см. выше сноску 22.

7.4 В то время как в статьях 19, 21 и 22 Пакта определяется критерий необходимости в отношении ограничений, обоснованных соображениями национальной безопасности, критерии, применимые в соответствии со статьей 26 и пунктом 1 статьи 2, носят более общий характер, предполагают разумное и объективное обоснование и законную цель для различий, касающихся индивидуальных особенностей того или иного лица, перечисляемых в статье 26, включая "иные обстоятельства". Комитет отмечает, что принятие Закона об иностранцах, и в частности безоговорочное запрещение выдачи постоянного вида на жительство "бывшим служащим вооруженных сил" иностранного государства, нельзя изучать вне исторического контекста, т.е. исторических отношений между государством-участником и СССР. Комитет считает, что, хотя вышеуказанное безоговорочное запрещение само по себе представляет собой дифференцированный режим обращения, в обстоятельствах нынешнего дела обоснованность такого дифференцированного режима обращения будет определяться соображениями национальной безопасности, указываемыми государством-участником.

7.5 Государство-участник утверждает, что законодательство не нарушает статью 26 Пакта, если основания для проведения различий, содержащихся в нем, оправдываются объективными и разумными соображениями. В нынешнем деле оно сделало вывод о том, что выдача автору постоянного вида на жительство может вызвать проблемы, связанные с национальной безопасностью, с учетом его бывшей службы в КГБ. Комитет отмечает, что ни Пакт, ни международное право вообще не содержат конкретных критериев в отношении предоставления вида на жительство и что у автора было право на рассмотрение судами государства-участника решения об отклонении его просьбы о предоставлении постоянного вида на жительство.

7.6 Комитет отмечает, что категория лиц, которым в соответствии с законодательством государства-участника не может предоставляться постоянный вид на жительство, тесно связана с соображениями национальной безопасности. Кроме того, в тех случаях, когда такое обоснование дифференцированного режима обращения является убедительным, вовсе не обязательно, чтобы применение законодательства дополнительно оправдывалось в обстоятельствах того или иного дела. Решение по сообщению *Борзов*¹⁵, принятое на основе иного законодательства, согласуется с точкой зрения о том, что различия в самом законодательстве, оправданные по разумным и объективным соображениям, не требуют дополнительного обоснования этих соображений в ходе их применения в отношении того или иного лица. Соответственно с учетом обстоятельств данного дела Комитет не приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 26 в сочетании с пунктом 1 статьи 2 Пакта.

8. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении статьи 26 в совокупности с пунктом 1 статьи 2 Пакта.

---

¹⁵ См. выше, сноска 12.

Сообщение № 1249/2004

Представлено: праведной сестрой Джозефой и 80 сестрами-наставницами миссии "Святого Креста Третьего ордена св. Франциска в Менцингене" в Шри-Ланке (адвокатом не представлены)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Шри-Ланка

Дата принятия Сообщений: 21 октября 2005 года

Тема сообщения: определение Верховного суда о том, что регистрация религиозного ордена несовместима с Конституцией

Процедурные вопросы: исчерпание внутренних средств правовой защиты – обоснование для целей приемлемости

Вопросы существа: свобода религии – исповедование религиозных убеждений – свободное выражение мнений – допустимые ограничения – равенство перед законом – дискриминация по признаку религии

Статьи Пакта: пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 18, пункт 2 статьи 19 и статьи 26 и 27

Статьи Факультативного протокола: статья 2 и пункт 2 b) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 части 18 и статья 26)

1. Автором сообщения, первоначально датированного 14 февраля 2004 года, является праведная сестра Джозефа, гражданка Шри-Ланки, католическая монахиня, служащая в настоящее время настоятельницей миссии "Святого Креста Третьего ордена св. Франциска в Менцингене" в Шри-Ланке ("Орден"). Она представляет сообщение от своего имени и от имени других 80 сестер Ордена, которые прямо поручили ей действовать от их имени. Они утверждают, что стали жертвами нарушений Шри-Ланкой пункта 1 статьи 2; пункта 1 статьи 18; пункта 2 статьи 19 и статей 26 и 27 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для Шри-Ланки 3 января 1998 года. Авторы адвокатом не представлены.

Обстоятельства дела

2.1 Авторы утверждают, что Орден, основанный в 1900 году, занимается, помимо прочего, просветительской и другой благотворительной и общинной деятельностью в интересах представителей всего общества в целом, независимо от их расы или религии. В июле 2003 года Орден подал ходатайство о регистрации, которое в Шри-Ланке осуществляется посредством принятия соответствующего нормативного акта. Генеральный прокурор, который, по утверждению авторов, должен в соответствии со статьей 77 Конституции изучать каждый законопроект на предмет его соответствия Конституции, не представил Президенту доклада о наличии нарушений. После опубликования соответствующего акта в правительственном вестнике в первую инстанцию Верховного суда 14 июля 2003 года поступило от, по всей видимости, частного лица ("возражающая сторона") возражение в отношении двух его статей в совокупности с преамбулой¹.

¹ К оспариваемым статьям нормативного акта относились статьи 3 и 5 в совокупности с преамбулой. Они предусматривали следующее:

Преамбула

"ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ, что миссия "Сестры-наставницы [Орден]" образовалась как конгрегация для распространения религии путем создания и содержания католических школ, и других школ, получающих

2.2 Не известив Орден о возражении и не ознакомившись с его мнением, Верховный суд заслушал возражающую сторону и Генерального прокурора по этому вопросу. Авторы заявляют, что Генеральный прокурор, который в техническом плане отвечает за применяемые процедуры, поддержал доводы возражающей стороны. 1 августа 2003 года Верховный суд издал свое специальное определение, в котором он удовлетворил ходатайство возражающей стороны на основе несовместимости законопроекта со статьями 9 и 10 Конституции. Суд счел, что оспариваемые положения законопроекта "создают ситуацию, при которой соблюдение и отправление религии или убеждений сочетаются с деятельностью, связанной с предоставлением неопытным [sic], беззащитным и уязвимым людям материальных и иных благ в целях распространения религии. Предусмотренные в законопроекте виды [социально-экономической] деятельности неизбежно привели бы к оказанию ненужного и ненадлежащего давления на бедствующих и нуждающихся людей, имеющих право на свободу мысли, совести и религии и свободу исповедовать или принимать религию или убеждения по собственному выбору, как это предусмотрено в статье 10 Конституции". В этой связи Суд пришел к выводу, что "в Конституции не признается основное право на распространение религии". При формулировании этого вывода Суд сослался на статью 18 Всеобщей декларации прав человека и Пакта, а также на решения по двум делам, вынесенные Европейским судом по правам человека².

2.3 Суд рассмотрел далее ходатайство в свете статьи 9 Конституции, которая гласит, что: "В Республике Шри-Ланка буддизму отводится центральное место, и государство соответственно защищает и поддерживает учение "Будда Сасана", обеспечивая при этом всем религиям права, предусмотренные в статьях 10 и 14 (1) е)". Суд счел, что "распространение и расширение

помощь от государства или содержащихся им, и занимается общеобразовательной и профессиональной подготовкой в разных частях Шри-Ланки и созданием и содержанием сиротских приютов и домов для детей и престарелых;

ПРИНИМАЯ ТАКЖЕ ВО ВНИМАНИЕ, что регистрация [Ордена] стала необходимой для более эффективного осуществления, продвижения и достижения вышеуказанных целей;

ПРИНИМАЯ ТАКЖЕ ВО ВНИМАНИЕ, что должная регистрация [Ордена] является целесообразной мерой"

Статья 3

- a) Общими заявляемыми целями, для которых создается юридическое лицо, являются:
- b) распространение знаний о католической религии;
- c) проведение религиозной, общеобразовательной и профессиональной подготовки молодежи;
- d) преподавание в дошкольных учреждениях, школах, колледжах и учебных заведениях;
- e) работа в лечебницах, клиниках, больницах, лагерях беженцев и подобных заведениях;
- f) создание и содержание яслей, детских садов, домов для престарелых, сиротских приютов, лечебниц и передвижных клиник для детей, престарелых, сирот, нуждающихся и больных;
- g) формирование общества, основанного на любви и уважении каждого и всех;
- h) организация и осуществление деятельности и услуг, направленных на содействие осуществлению вышеуказанных целей юридического лица.

Статья 5 наделяет юридическое лицо правом приобретать, владеть и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом для целей, изложенных в нормативном Акте.

² Дело *Коккинакис против Греции*, ходатайство 14307/88, решение от 19 апреля 1993 года и дело *Лариссис против Греции*, ходатайства 23372/94, 26377/94 и 26378/94, решение от 24 февраля 1998 года.

христианства, как это указано в статье 3 [законопроекта], недопустимы, поскольку это угрожает самому существованию буддизма или учения "Будда Сасана". Кроме того, подпункты 1 а) и б) статьи 3 касаются распространения религиозных знаний, и поэтому они несовместимы со статьей 9 Конституции.

2.4 Авторы отмечают, что при формулировании этих выводов Суд сослался на решения по двум предшествующим делам, в которых аналогичные законопроекты о регистрации христианских ассоциаций были признаны неконституционными. После принятия этого решения, которое не могло быть обжаловано или пересмотрено, законопроект может быть введен в действие только в том случае, если за него проголосуют две трети депутатов парламента или если он будет одобрен на народном референдуме.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что вышеуказанные факты свидетельствуют о нарушениях пункта 1 статьи 2, а также статьи 26, статьи 27, пункта 1 статьи 18 и пункта 2 статьи 19. В отношении пункта 1 статьи 2 в совокупности со статьей 26 авторы утверждают, что представления Генерального прокурора против законопроекта и определение Верховного суда являются нарушениями этих прав. Генеральный прокурор, не признав каких-либо конституционных упущений в соответствии со статьей 77, был обязан в порядке обеспечения равенства перед законом занять в суде такую же позицию, учитывая тот факт, что Орден, будучи затронутой стороной, не был ни уведомлен, ни заслушан. Определение того, что статья 3 законопроекта несовместима со статьей 9 Конституции, было тем более нелогичным и произвольным, что нарушало основные нормы равенства, закрепленные в статье 26. Ссылаясь на решение Комитета по делу *Вальдман против Канады*³, авторы утверждают, что отказ в регистрации Ордена в условиях, когда многие нехристианские религиозные объединения, преследующие аналогичные цели, проходят регистрацию, является нарушением статьи 26. В подтверждение своих утверждений автор приводит (неполный) перечень из 28 зарегистрированных религиозных объединений с указанием их уставных целей, причем большинство из этих объединений является буддийскими при наличии нескольких мусульманских и полном отсутствии христианских.

3.2 Касаясь статьи 27, авторы ссылаются на принятое Комитетом Замечание общего порядка № 22 в том смысле, что официальное признание какой-либо религии в качестве государственной не должно ущемлять осуществление других прав, закрепленных в Пакте. В этой связи ссылка Суда на примат буддизма, закрепленный в статье 9, в качестве обоснования неконституционности законопроекта, является нарушением статьи 27. Авторы подчеркивают, что подобно множеству других религиозных органов, получивших регистрацию, Орден сочетает благотворительную и гуманитарную деятельность (названную судом социально-экономической деятельностью) с религиозной деятельностью, что является общей практикой для всех религий. Требование об ограничении благих дел приверженцев той или иной религии является дискриминацией и в то же время противоречит целям деятельности других религиозных органов, получивших регистрацию. Кроме того, распространение убеждений является неотъемлемой частью проповедования и исповедования религии; фактически все основные религии в Шри-Ланке (буддизм, индуизм, ислам и христианство) появились в результате их распространения. В любом случае, авторы утверждают, что за 70 лет существования Ордена в Шри-Ланке не было представлено данных или сообщено ни об одном случае склонения или побуждения к переходу из одной религии в другую. В этой связи этот аспект религиозной практики защищается правами, которыми члены Ордена пользуются в соответствии со статьей 27 Пакта.

3.3 В отношении пункта 2 статьи 18 и пункта 2 статьи 19 авторы утверждают, что наложенное судом ограничение на социально-экономическую деятельность Ордена является нарушением прав

---

³ Дело № 694/1996, Соображения, принятые 3 ноября 1999 года.

его членов согласно этим положениям. Право на распространение и популяризацию знаний о религии также охватывается этими статьями и не ограничивается наличием "основной" государственной религии. Ни одно из направлений деятельности Ордена не носит принудительный характер и поэтому пункт 2 статьи 18 неприменим к законной деятельности Ордена. Ссылаясь на статью 6 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений как на руководство по толкованию Пакта, автор утверждает далее, что невозможность владеть имуществом от имени Ордена резко ограничивает его действительные возможности по созданию мест отправления культа, а также благотворительных и гуманитарных учреждений. Представления Генерального прокурора и квалификация Верховным судом деятельности Ордена как потенциально принудительной в случае регистрации полностью лишены оснований и не подтверждаются фактами.

Представления государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих представлениях от 15 апреля 2004 года и 21 марта 2005 года государство-участник подвергло сомнению приемлемость и существо сообщения. Вначале государство-участник, излагая свое понимание утверждений автора, отметило три аспекта: а) что автору не была предоставлена возможность быть заслушанным в Верховном суде до вынесения Судом своего определения, б) что Генеральный прокурор поддержал представления подателя жалобы в Верховном суде и с) что само определение Верховного суда является нарушением прав автора по Пакту.

4.2 Что касается утверждения о том, что авторам не была предоставлена возможность быть заслушанными в Верховном суде до вынесения Судом своего определения, то государство-участник разъясняет, что, согласно статье 78 Конституции, любой законопроект подлежит публикации в правительственном бюллетене по крайней мере за семь дней до его включения в повестку дня парламента. Далее Конституцией определяется процедура, которая должна соблюдаться после включения законопроекта в повестку дня парламента. Согласно статье 121 Конституции Верховный суд наделен исключительным правом определять, противоречит ли законопроект или какое-либо его положение Конституции. Это право может быть истребовано Президентом в письменном обращении к Председателю Верховного суда или любым гражданином по письменному заявлению в Суд. Любое заявление должно направляться в течение недели после включения законопроекта в повестку дня парламента.

4.3 После такого истребования права Суда парламентские слушания законопроекта не могут проводиться до истечения трехнедельного срока или до вынесения Судом определения по делу, в зависимости от того, что происходит раньше. Заседания Суда носят открытый характер и любое лицо, заявляющее о своей заинтересованности в вынесении определения по рассматриваемому вопросу, может ходатайствовать перед Судом о предоставлении ему статуса участника. Суд представляет свое определение президенту или председателю парламента в течение трех недель после получения заявления. В случае, если Суд обнаружит несоответствие с Конституцией, законопроект должен приниматься квалифицированным большинством в две трети голосов всех членов парламента, а если законопроект касается статей 1–3 или 6–11 Конституции он также должен быть одобрен на всенародном референдуме. Членам парламента известно, когда любой законопроект включается в повестку дня парламента.

4.4 Государство-участник разъясняет, что рассматриваемый законопроект был представлен в качестве личного законопроекта. Как таковой он не рассматривался Генеральным прокурором в соответствии со статьей 77 Конституции, и по поводу него Генеральный прокурор не высказывал никаких соображений. Если авторы хотели участвовать в разбирательстве, им следовало проявить бдительность и проверить по регистрационному журналу Суда, было ли в нем зарегистрировано какое-либо заявление в течение недели после включения законопроекта в повестку дня парламента. Если бы такое должное старание было проявлено и подано заявление об участии, то не существует каких-либо видимых причин для того, чтобы Суд отклонил это заявление, что оказалось бы беспрецедентным фактом. В этой связи речь идет скорее не об отказе в возможности быть

выслушанными, а явно о том, что автор не предпринял надлежащих шагов для того, чтобы воспользоваться этой возможностью, и теперь авторы лишены права на возражение иным образом.

4.5 Что касается утверждения о том, что Генеральный прокурор поддержал в Верховном суде подателя жалобы, то государство-участник отмечает, что когда дело касается статьи 121 Конституции, Конституция предусматривает необходимость уведомления и заслушивания Генерального прокурора. На этом этапе он должен рассмотреть возражения в отношении конституционности переданных ему положений и оказать содействие Суду в вынесении определения. Генеральный прокурор ранее не высказывал соображений по поводу конституционности законопроекта, поскольку он носил личный характер, но даже если бы он сделал это, то было бы абсолютно неправильным и необоснованным полагать, что это более раннее определение связывало бы его при рассмотрении вопроса в рамках процедур, предусмотренных статьей 121.

4.6 Что касается утверждения о том, что само определение Верховного суда являлось нарушением прав авторов по Пакту, то государство-участник отмечает, что Верховный суд уполномочен не изменять Конституцию, а только толковать ее в рамках ее положений. Суд рассмотрел внесенные представления, принял во внимание предыдущие определения и аргументировал свои заключения. В любом случае авторы, не проявив должного старания для обеспечения своего права быть выслушанными, лишаются права на опротестование определения суда в другой инстанции. В этой связи государство-участник, касаясь всех трех утверждений, отмечает, что авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты.

4.7 Государство-участник утверждает также, что определение Верховного суда не запрещает авторам заниматься своей предыдущей деятельностью в Шри-Ланке. Государство-участник отмечает, что определения Суда по статье 121 не являются обязательными для судов более низкой инстанции, и поэтому эти суды не должны ограничивать право авторов на занятие законной религиозной деятельностью. Этого, со своей стороны, не предполагает и определение Верховного суда.

4.8 Кроме того, определение Суда не запрещает парламенту принять законопроект, который, несмотря на несоответствие статьям 9 и 10 Конституции, может быть по-прежнему принят квалифицированным большинством членов парламента и на референдуме. В альтернативном порядке несоответствующие Конституции положения законопроекта могут быть изменены, а законопроект повторно представлен в парламент.

Комментарии автора по представлениям государства-участника

5.1 В письме от 30 мая 2005 года авторы отмечают, что государство-участник ограничилось ответом на три второстепенных утверждения, которые не составляют сути их дела. Авторы утверждают, что вопрос заключается не в том, препятствует ли определение Суда осуществлению ими своей деятельности, а скорее в том, нарушены ли права по Пакту по причинам, подробно изложенным в жалобе. Во внутреннем праве не предусмотрено никаких средств правовой защиты против определения Верховного суда, которое является окончательным и, следовательно, рассмотрение его существа в Комитете является оправданным.

5.2 Что касается ответа государства-участника в отношении возможности быть выслушанными, то авторы подчеркивают, что только председатель парламента и Генеральный прокурор получают предписывающее уведомление о применении статьи 121, причем в нем не содержится требования об уведомлении затронутых сторон, т.е. применительно к настоящему делу таких сторон, которые имели отношение к законопроекту о регистрации органа. По некоторым личным законопроектам Верховный суд откладывал слушания и уведомлял соответствующего члена парламента, если он

желал быть выслушанным⁴. В данном деле ни соответствующий член парламента, ни авторы уведомлены не были, что является нарушением пункта 1 статьи 2 в связи со статьей 26 Пакта.

5.3 Авторы утверждают, что если Генеральный прокурор мог отклониться в рамках процедур по статье 121 от требований ранее полученного конституционного уведомления, то само это уведомление лишается всякого смысла. Возможность произвольно менять такие мнения создает предпосылки для серьезных злоупотреблений и, несомненно, затрагивает права частных лиц в нарушение статьи 21 в связи со статьей 26 Пакта. Авторы утверждают также, что ответ государства-участника по поводу претензии о несоответствии Пакту определения Верховного суда, из которого следует, что Суд вынес определение в рамках применимой правовой основы, является недостаточным ответом на их жалобу.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что авторы не проявили должного старания с тем, чтобы удостовериться через повестку дня парламента и затем регистрационный журнал Верховного суда, было ли зарегистрировано какое-либо заявление по статье 121 Конституции, и соответственно подать ходатайство о желании быть выслушанными. Комитет считает, что, помимо наличия исключительных неотложных обстоятельств *ex parte*, в тех случаях, когда Суд заслушивает заявления, прямо затрагивающие права того или иного лица, элементарные понятия справедливости и нормы правосудия, предусмотренные в пункте 1 статьи 14 Пакта, требуют, чтобы затронутая сторона была уведомлена о разбирательстве, особенно когда решение о правах является окончательным. В данном деле ни члены Ордена, ни представивший законопроект член парламента не были уведомлены о предстоящем разбирательстве. Учитывая не в последнюю очередь тот факт, что в ходе предыдущих разбирательств Суд по имеющейся у Комитета информации уведомлял членов парламента о таких разбирательствах, авторов нельзя винить в том, что они не подали в Суд ходатайство об участии в процессе. Комитет отмечает, что в любом случае могут возникать сомнения в отношении эффективности такого средства правовой защиты, учитывая требования о решении сложных конституционных вопросов, включая соответствующую устную аргументацию, в течение трех недель после регистрации претензии при условии получения такой претензии в течение недели с момента публикации законопроекта в повестке дня парламента. Из этого следует, что сообщение не является неприемлемым из-за неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.3 Что касается утверждения о том, что права авторов по статьям 2 и 26 Пакта были нарушены Генеральным прокурором, опротестовавшим конституционность законопроекта в Суде, хотя ранее он не высказывался по поводу его несоответствия Конституции, то государство-участник без всяких опровергающих доказательств разъяснило, что обязанность Генерального прокурора проверять конституционность законопроектов на начальной стадии не распространяется на личные законопроекты, каковым является рассматриваемый законопроект. Соответственно соображения Генерального прокурора, высказанные в рамках процедур по статье 121, были его первыми официальными соображениями по делу, на которые ранее занятая позиция не влияет. В этой связи Комитет считает, что данное утверждение недостаточно обосновано для целей приемлемости и соответственно является неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола.

---

⁴ Авторы приводят пример законопроекта под названием "Девятнадцатая поправка к Конституции", представленного членом парламента в личном качестве с целью, в частности, признания буддизма в качестве официальной государственной религии.

6.4. В отсутствие любых других возражений в отношении приемлемости сообщения и отмечая, в частности, что статьи 18 и 22 Пакта гарантируют свободу религии, исповедуемую сообща с другими, Комитет считает остальные выдвинутые претензии достаточно обоснованными для целей приемлемости и приступает к рассмотрению их существа.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 В отношении претензии по статье 18 Комитет отмечает, что основным принципом многих религий, в том числе, по словам авторов, их собственной, является распространение знаний, проповедование своих убеждений среди других людей и оказание помощи другим людям. Эти аспекты являются частью исповедования религии и свободного выражения мнения отдельных лиц, и в этой связи они пользуются защитой в соответствии с пунктом 1 статьи 18 в той степени, в какой они не ограничиваются должным образом принятым мер, совместимых с пунктом 3⁵. Авторы заявили, а государство-участник не опровергло, что регистрация Ордена позволит им более эффективно решать религиозные и светские задачи их Ордена, включая, например, создание мест отправления культа. Действительно, законопроект преследовал эту цель, которая была отражена в статье о направлениях деятельности. Из этого следует, что определение Верховного суда о неконституционности законопроекта ограничило права авторов на свободное исповедование религии и убеждений, которые согласно пункту 3 соответствующей статьи подлежат лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны прав свобод других лиц и общественной безопасности порядка, здоровья и морали. Хотя определение Суда, несомненно, является ограничением, установленным законом, предстоит определить, является ли это ограничение необходимым для какой-либо из перечисленных целей. Комитет отмечает, что разрешенные ограничения предусмотренных Пактом прав, являясь изъятиями из осуществления конкретного права, должны подлежать узкому толкованию и тщательному рассмотрению причин, выдвигаемых в порядке их обоснования.

7.3 В данном деле государство-участник не сделало попытки обосновать посягательство на права, ограничившись ссылкой на причины, изложенные в решении самого Верховного суда. В этом решении Суд счел, что в своей деятельности Орден, предоставляя уязвимым людям материальные и иные блага, будет принудительно или иным ненадлежащим способом распространять религию. В этом решении Суд не привел никаких доказательных или фактических оснований для такой оценки и не увязал эту оценку с аналогичными благами и услугами, предоставляемыми другими зарегистрированными религиозными органами. В решении не содержится также никакого обоснования вывода о том, что законопроект будет «угрожать самому существованию буддизма или учения "Будда Сасана"», в том числе через распространение знаний о религии. Кроме того, Комитет отмечает, что международное прецедентное право, упомянутое в решении, не подтверждает выводов Суда. По одному делу уголовное преследование было возбуждено против частной стороны за прозелитизм в связи с нарушением свободы религии. По другому делу уголовное преследование было допустимым против военнослужащих как представителей государства за прозелитизм в отношении некоторых подчиненных, а не за прозелитизм частных лиц вне вооруженных сил. В этой связи, по мнению Комитета, выдвинутые по данному делу основания были недостаточными для доказательства с точки зрения Пакта того, что рассматриваемые ограничения были необходимы по

---

⁵ См. *Малаховский и др. против Беларуси*, дело № 1207/2003, Собрания, принятые 26 июля 2005 года, и статью 6 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, резолюцию 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 года, которая гласит: "...право на свободу мысли, совести, религии или убеждений включает, в частности, следующие свободы: ...

b) создавать и содержать соответствующие благотворительные и гуманитарные учреждения".

одной или несколькими из перечисленных причин. Из этого следует, что имеет место нарушение пункта 1 статьи 18 Пакта.

7.4 Что касается претензии по статье 26, то Комитет ссылается на свою устоявшуюся правовую практику, согласно которой должна проводиться разумная и объективная дифференциация с целью недопущения признания факта дискриминации, в частности по перечисленным в статье 26 причинам, которые включают религиозные убеждения. В рассматриваемом деле авторы представили широкий перечень других религиозных объединений, которые были зарегистрированы и которые преследовали те же цели, что и Орден авторов сообщения. Государство-участник не разъяснило, почему Орден авторов находится в ином положении или почему для иного отношения к их претензиям существуют разумные и объективные основания. В этой связи, как это отметил Комитет в деле *Вальдман против Канады*⁶, такой дифференцированный режим в предоставлении того или иного преимущества государством должен осуществляться без какой-либо дискриминации на основании религиозных убеждений. Таким образом, несоблюдение этого положения в рассматриваемом деле является нарушением провозглашенного в статье 26 права на свободу от дискриминации на основании религиозных убеждений.

7.5 Что касается последней жалобы на то, что Верховный суд принял отрицательное определение в отношении ходатайства авторов без уведомления о рассмотрении и без предоставления возможности быть заслушанными, то Комитет ссылается на свои соображения в контексте приемлемости, изложенные в пункте 6.2. Как отметил Комитет по делу *Каванах против Ирландии*⁷, понятие равенства перед законом предполагает, что находящимся в одинаковом положении лицам должны предоставляться одинаковые условия в судах, если не существуют объективные и разумные основания, оправдывающие дифференциацию. В данном деле государство-участник не обосновало, почему по другим делам затронутые стороны были уведомлены о рассмотрении, чего не было сделано в данном деле. В этой связи Комитет приходит к выводу о нарушении положений, изложенных в первом предложении статьи 26, которые гарантируют равенство перед законом.

7.6 По мнению Комитета, претензии по статьям 19 и 27 не вносят новых обстоятельств в рассмотренные выше вопросы и поэтому рассматривать их отдельно нет необходимости.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что установленные им факты свидетельствуют о нарушении Шри-Ланкой пункта 1 статьи 18 и статьи 26 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам эффективное средство правовой защиты при полном соблюдении их прав по Пакту. Государство-участник также обязано не допускать подобных нарушений в будущем.

10. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их эффективными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом Соображений. Государству-участнику предлагается также обеспечить публикацию текста Соображений Комитета.

---

⁶ Там же.

⁷ Дело № 819/1998, Соображения, принятые 4 апреля 2001 года.

Сообщение № 1296/2004

Представлено: Александром Беляцким и др. (адвокатом не представлены)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Беларусь

Дата принятия Сообщений: 24 июля 2007 года

Тема сообщения: ликвидация правозащитного объединения по судебному решению властей государства-участника

Вопросы существа: равенство перед законом; запрещение дискриминации; право на свободу ассоциации; допустимые ограничения; право на определение прав и обязанностей в гражданском процессе компетентным, независимым и беспристрастным судом

Процедурный вопрос: необоснованность утверждений

Статьи Пакта: пункт 1 статьи 14; пункты 1 и 2 статьи 22; статья 26

Статья Факультативного протокола: 2

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 статьи 22)

1. Автором сообщения является Александр Беляцкий, гражданин Беларуси, родившийся в 1962 году и проживающий в Минске, Беларусь. Сообщение представлено от его имени и от имени десяти других белорусских граждан, являющихся членами неправительственного общественного объединения Центр защиты прав человека "Вясна" (далее именуемого "Вясна") и проживающих в Беларуси. Он представляет доверенность, подписанную всеми десятью соавторами. Автор утверждает, что все они являются жертвами нарушений Беларусь¹ пункта 1 статьи 14; пунктов 1 и 2 статьи 22; и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Адвокатом он не представлен.

Факты в изложении автора

2.1 Автор является председателем совета "Вясны", неправительственного объединения, зарегистрированного Министерством юстиции 15 июня 1999 года. К октябрю 2003 года оно насчитывало более 150 членов в Беларуси, а также имело четыре зарегистрированных районных и два городских отделения. Его деятельность заключалась в наблюдении за положением в области прав человека в Беларуси и в подготовке альтернативных докладов о правах человека в Беларуси, которые использовались и на которые ссылались договорные органы Организации Объединенных Наций. "Вясна" осуществляла наблюдение за ходом президентских выборов в 2001 году, мобилизовав для этой цели порядка 2 000 человек в качестве наблюдателей, а также за выборами в городские советы в 2003 году. Она также организовывала марши протеста и пикеты в связи с различными вопросами прав человека. "Вясна" неоднократно подвергалась преследованиям со стороны властей, включая административное задержание ее членов, а также проведение как заранее спланированных, так и необъявленных тщательных проверок помещений этой организации и ее деятельности сотрудниками Министерства юстиции и налоговых органов.

2.2 В 2003 году Министерство юстиции провело проверку уставной деятельности отделений "Вясны" и 2 сентября 2003 года подало иск в Верховный суд Беларуси с просьбой о ликвидации "Вясны" из-за ряда предполагаемых правонарушений, совершенных этим объединением. Иск был основан на статье 29 Закона "Об общественных объединениях" и подпункте 2 пункта 2 статьи 57

---

¹ Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Беларуси соответственно 23 марта 1976 года и 30 декабря 1992 года.

Гражданского процессуального кодекса². "Вясна" была обвинена в следующем: подаче документов с поддельными подписями учредителей в обоснование своего заявления о регистрации в 1999 году; на момент регистрации в Могилевском отделении "Вясны" насчитывалось лишь восемь, а не десять требуемых учредителей; неуплате членских взносов, предусмотренных уставом "Вясны", и отсутствии отделения в Минске; действиях в качестве общественного защитника прав и свобод граждан, не являющихся членами "Вясны", в Верховном суде в нарушение статьи 72 Гражданского процессуального кодекса³, статьи 22 Закона "Об общественных объединениях"⁴ и ее собственного устава; а также действиях в нарушение избирательных законов, предположительно совершенных в ходе наблюдения за президентскими выборами в 2001 году⁵.

2.3 10 сентября 2003 года Верховный суд возбудил гражданское дело против "Вясны" на основании иска Министерства юстиции. 28 октября 2003 года в рамках слушания в открытом заседании судья Верховного суда поддержал обвинение в нарушении избирательного законодательства, отклонив при этом другие обвинения, и вынес постановление о ликвидации "Вясны". В отношении нарушений избирательного законодательства Верховный суд определил, что "Вясна" не соблюдала установленную процедуру направления своих наблюдателей на заседания

---

² Статья 29 Закона "Об общественных объединениях" предусматривает, что общественное объединение может быть ликвидировано по решению суда, если: 1) оно совершает действия, указанные в статье 3 [деятельность, направленная на свержение либо насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности и безопасности государства, пропаганду войны, насилие, разжигание национальной, религиозной и расовой вражды, а также деятельность, которая может отрицательно влиять на физическое и психическое здоровье граждан]; 2) оно повторно в течение года совершает действия, за которые было вынесено письменное предупреждение; и 3) при регистрации общественного объединения со стороны его учредителей были допущены нарушения настоящего закона и других законов. Общественное объединение может быть ликвидировано по решению суда за однократное нарушение законодательства о массовых мероприятиях в случаях, прямо предусмотренных законодательными актами Беларуси. Пункт 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса предусматривает процедуру ликвидации юридического лица по решению суда в тех случаях, когда это юридическое лицо занимается неразрешенной деятельностью или деятельностью, запрещенной законом, или когда оно неоднократно грубо нарушало закон.

³ Статья 72 Гражданского процессуального кодекса гласит:

"Представителем в суде может быть любое дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде, за исключением лиц, перечисленных в статье 73 настоящего Кодекса.

Представителями в суде, в частности, могут быть:

- 1) адвокаты;
- 2) работники юридических лиц по делам этих лиц;
- 3) уполномоченные общественных объединений, которым законом или уставом дано право представлять и защищать законные интересы своих членов в суде;
- 4) уполномоченные организаций, которым законодательством предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы других лиц;
- 5) законные представители;
- 6) близкие родственники, супруги;
- 7) представители, назначенные судом;
- 8) один из процессуальных соучастников по поручению этих соучастников".

⁴ Пункт 2 статьи 22 Закона "Об общественных объединениях" гласит: "Общественное объединение пользуется правом представлять и защищать права и законные интересы своих членов (участников) в государственных, хозяйственных и общественных органах и организациях".

⁵ Ссылка делается на постановление Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов от 8 сентября 2001 года.

избирательной комиссии и на избирательные участки. Соответствующие пункты решения Верховного суда от 28 октября 2003 года гласят:

"В том числе объединение направляло незаполненные формуляры протоколов заседаний совета 18 июня, 1 и 22 июля, 5 августа 2001 года в Могилевскую и Брестскую области. Впоследствии в эти формуляры в произвольном порядке вносились фамилии граждан, в отношении которых каких-либо решений о направлении их в качестве наблюдателей не принималось; кроме того, они не были членами данного объединения.

В Поставском районе один из членов объединения предложил гражданам, которые не являлись ни членами "Вясны", ни каких-либо других общественных объединений, денежные средства за присутствие в качестве наблюдателей на избирательных участках и в их присутствии заполнил бланки протоколов о заседаниях совета.

Аналогичные нарушения закона, выразившиеся в направлении наблюдателей от данного общественного объединения, произошли на избирательных участках № 30 и 46 в Новогрудковском районе".

Суд пришел к выводу о том, что нарушение избирательного законодательства являлось достаточно "грубым", чтобы возбудить дело по пункту 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса⁶. Выводы суда были подтверждены текстом письменного предупреждения, направленного руководящему органу "Вясны" Министерством юстиции 28 августа 2001 года и постановлением Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов (далее именуемой ЦКВ) от 8 сентября 2001 года. Последнее постановление было основано на материалах проверок, проведенных сотрудниками Министерства юстиции и прокуратурой Беларуси.

2.4 Решение Верховного суда вступило в силу сразу же после его принятия. В соответствии с законодательством Беларуси решение Верховного суда является окончательным и не может быть обжаловано в кассационном порядке. Решение Верховного суда может быть обжаловано лишь в рамках процедуры пересмотра в надзорном порядке и отменено Председателем Верховного суда или Генеральным прокурором Беларуси. Ходатайство представителей "Вясны", направленное Председателю Верховного суда с просьбой о пересмотре в надзорном порядке решения Верховного суда от 28 октября 2003 года было отклонено 24 декабря 2003 года. При этом каких-либо иных внутренних средств правовой защиты для оспаривания решения о ликвидации "Вясны" не существует; внутреннее законодательство запрещает функционирование незарегистрированных объединений в Беларуси.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что решение о ликвидации "Вясны" равнозначно нарушению его права и права соавторов согласно пункту 1 статьи 22 Пакта. По его словам, в нарушение пункта 2 статьи 22 ограничения, установленные государством-участником в отношении осуществления этого права, не соответствуют критериям необходимости защиты интересов национальной безопасности или общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

3.2 Автор утверждает, что ему и другим соавторам было отказано в праве на равенство перед судами и в праве на определение их прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе (пункт 1 статьи 14 Пакта).

---

⁶ См. выше сноску 2.

3.3 Автор утверждает, что власти государства-участника нарушили его право и право соавторов на равную защиту закона без всякой дискриминации (статья 26) по признаку их политических убеждений.

3.4 Автор далее оспаривает применимость пункта 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса (пункт 2.3 выше) к решению о ликвидации "Вясны". В соответствии с пунктом 3 статьи 117 Гражданского процессуального кодекса правовой режим, применимый к общественным объединениям в их качестве участников гражданского процесса подпадает под действие *lex specialis*. Поэтому сфера охвата положения, касающегося "неоднократных грубых нарушений закона", согласно которому объединение может быть ликвидировано по решению суда на основании статьи 57 Гражданского процессуального кодекса, должна определяться на основании этого *lex specialis*. Согласно закону "Об общественных объединениях", любое объединение может быть ликвидировано по решению суда в случае повторного в течение года совершения действий, за которые уже было вынесено письменное предупреждение. В соответствии с этим законом и другими соответствующими *lex specialis* к "неоднократным грубым нарушениям закона" относятся: 1) деятельность, направленная на свержение или насильственное изменение конституционного строя; нарушение целостности или безопасности государства; пропаганда войны, насилия; разжигание национальной, религиозной и расовой вражды, а также деятельность, которая может отрицательно влиять на физическое и психическое здоровье граждан; 2) однократное нарушение законодательства о массовых мероприятиях в случаях, прямо предусмотренных законодательными актами Беларуси; 3) нарушение требований подпунктов 1-3 пункта 4 Декрета Президента "О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи" от 28 ноября 2003 года. По мнению автора, деятельность "Вясны" не подпадает ни под одну из вышеуказанных категорий. Кроме того, сославшись на письменное предупреждение от 28 августа 2001 года и на постановление ЦКВ от 8 сентября 2001 года, Верховный суд в своем решении от 28 октября 2003 года о ликвидации "Вясны" фактически дважды наказал ее за одни и те же действия: первый раз - это было предупреждение Министерства юстиции и второй раз - решение Верховного суда о ликвидации объединения. Автор приходит к выводу о том, что решение о ликвидации "Вясны" является незаконным и политически мотивированным.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 5 января 2005 года государство-участник напомнило хронологию дела. Оно указало, что решение ликвидировать "Вясну" было принято на основании пункта 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса. Оно далее оспаривает утверждение автора о том, что "Вясна" дважды понесла наказание за одни и те же действия, и утверждает, что письменное предупреждение Министерства юстиции от 28 августа 2001 года было вынесено в ответ на нарушение "Вясной" порядка отчетности, а отнюдь не за нарушение избирательного законодательства. По мнению государства-участника, подделка подписей членов объединения и нарушение устава "Вясны" были обнаружены в ходе перерегистрации объединения.

4.2 Государство-участник далее добавляет, что утверждение автора по пункту 1 статьи 14 Пакта не подтверждается материалами гражданского дела "Вясны". Дело было рассмотрено в открытом заседании по просьбе представителя "Вясны" и слушалось на белорусском языке, и ход разбирательства записывался на аудио- и видеоаппаратуру. Слушание проводилось в соответствии с принципом "равенства состязательных возможностей", гарантируемым статьей 19 Гражданского процессуального кодекса, что иллюстрируется тем обстоятельством, что Верховный суд поддержал не все обвинения, выдвинутые в иске Министерства юстиции. По мнению государства-участника, лишение ликвидировать "Вясну" было принято на основании тщательного и подробного анализа всех свидетельств, представленных обеими сторонами, и само решение соответствовало действовавшей в то время юридической процедуре Беларуси.

5.1 19 января 2005 года автор заявил, что ссылка Верховного суда и государства-участника на пункт 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса противоречит положениям пункта 3 статьи 117 того же Кодекса (см. пункт 3.4 выше). В отсутствие того, что в статье 57 Гражданского процессуального кодекса названо "неоднократным грубым нарушением закона", суд обладает всей полнотой действий для установления данного факта с учетом обстоятельств каждого дела. В деле "Вясны" Верховный суд постановил, что нарушение избирательного законодательства, предположительно имевшее место в ходе наблюдения за президентскими выборами в 2001 году, было достаточно "грубым", чтобы потребовать ликвидации "Вясны" двумя годами спустя. Автор повторяет, что это решение является политически мотивированным и непосредственно связано с общественной и правозащитной деятельностью "Вясны"⁷.

5.2 Автор отвергает аргумент государства-участника о том, что письменное предупреждение Министерства юстиции от 28 августа 2001 года было вынесено лишь в ответ на нарушение объединением своей отчетности, а вовсе не за нарушение избирательного законодательства. Он ссылается на постановление ЦКВ от 8 сентября 2001 года, в котором четко указано, что сотрудники Министерства юстиции и прокуратуры Беларуси проверили соблюдение "Вясной" закона о направлении наблюдателей. Письменное предупреждение Министерства юстиции от 28 августа 2001 года было впоследствии использовано в качестве основания для постановления ЦКВ от 8 сентября 2001 года. В свою очередь, решение Верховного суда от 28 октября 2003 года о ликвидации "Вясны" основывалось на тех же фактах, что и письменное предупреждение Министерства юстиции от 28 августа 2001 года.

5.3 Автор опровергает утверждение государства-участника о том, что подделка подписей членов объединения была обнаружена в ходе перерегистрации "Вясны". В качестве общественного объединения, зарегистрированного 15 июня 1999 года, "Вясна" не обязана проходить процедуру перерегистрации. В своем решении от 28 октября 2003 года Верховный суд четко заявил, что он не получил каких-либо свидетельств в обоснование утверждений Министерства юстиции о наличии каких-либо поддельных подписей членов объединения в поданном в 1999 году ходатайстве о регистрации "Вясны". Автор добавляет, что Верховный суд не поддержал ни одного из других обвинений, представленных в иске Министерства юстиции, за исключением тех, которые связаны с нарушением пункта 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса.

5.4 5 октября 2006 года автор добавляет, что после ликвидации "Вясны" государство-участник приняло новые правовые положения, наносящие ущерб осуществлению прав на свободу выражения мнений, мирные собрания и ассоциацию и представляющие собой весьма серьезную опасность для существования независимого гражданского общества в Беларуси. Среди них можно назвать поправки к Уголовному кодексу Беларуси, подписанные Президентом 13 декабря 2005 года и вступившие в силу 20 декабря 2005 года, которыми предусматриваются уголовные санкции за деятельность временно приостановленного или ликвидированного объединения или фонда. Согласно новой статье 193-1 Уголовного кодекса любому лицу, которое организует деятельность временно приостановленного, ликвидированного или незарегистрированного объединения, грозит штраф, арест на срок до шести месяцев или приговор, "ограничивающий его свободу" на срок до двух лет. В 2006 году на основании статьи 193-1 четверо членов неправительственного объединения "Партнерство" были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Он просит Комитет рассмотреть его утверждение в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Пакта в свете нового законодательства, которое квалифицирует в качестве преступления деятельность незарегистрированных объединений в Беларуси.

---

⁷ В обоснование своих утверждений автор ссылается на доклад международной миссии МФЗПЧ/ОМСТ по наблюдению за принятием судебных решений: "Belarus: The "liquidation" of the independent civil society", April 2004, pp. 12-16.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры принять решение о приемлемости или неприемлемости сообщения согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет удостоверился в том, как того требует пункт 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается по другой процедуре международного разбирательства или урегулирования, и отмечает, что государство-участник не оспаривает факта исчерпания внутренних средств правовой защиты по данному сообщению.

6.3 Что касается утверждений о предполагаемом нарушении пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта, выразившемся в том, что автору было отказано в праве на равенство перед судами, в определении его прав компетентным, независимым и беспристрастным судом и в равной защите закона от дискриминации, то Комитет считает, что эти утверждения недостаточно обоснованы для целей приемлемости. Таким образом, они являются неприемлемыми по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

6.4 Комитет считает оставшееся утверждение автора, касающееся статьи 22, достаточно обоснованным и, соответственно, признает его приемлемым.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Главный вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, равнозначна ли ликвидация "Вясны" нарушению права автора и его соавторов на свободу ассоциации. Комитет отмечает, что согласно неоспоренной информации автора "Вясна" была зарегистрирована Министерством юстиции 15 июня 1999 года и ликвидирована приказом Верховного суда Беларуси 28 октября 2003 года. Он отмечает, что законодательство страны запрещает деятельность на территории Беларуси незарегистрированных объединений и квалифицирует в качестве преступной деятельность отдельных членов таких объединений. В этой связи Комитет отмечает, что право на свободу ассоциации не только связано с правом на создание ассоциаций, но и гарантирует право беспрепятственного осуществления такой ассоциацией своей уставной деятельности. Защита, обеспечиваемая статьей 22, распространяется на любую деятельность ассоциации, и при роспуске ассоциации должны быть выполнены требования пункта 2 этого положения⁸. В свете серьезных последствий, которые возникли для автора, соавторов и их объединения в данном случае, Комитет считает, что ликвидация "Вясны" равнозначна нарушению права автора и его соавторов на свободу ассоциации.

7.3 Комитет отмечает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 22, для того чтобы ограничение права на свободу ассоциации было оправдано, при любом ограничении этого права должны быть соблюдены в совокупности следующие условия: а) такое ограничение должно быть предусмотрено законом; б) оно может быть введено только для одной цели, предусмотренной в пункте 2; и с) должно быть "необходимо в демократическом обществе" для достижения одной из этих целей. Ссылка на понятие "демократическое общество" в контексте статьи 22, по мнению Комитета, указывает на то, что существование и деятельность ассоциаций, в том числе тех, которые мирным путем пропагандируют идеи, необязательно положительно воспринимаемые правительством или

---

⁸ *Корнеев и др. против Беларуси*, сообщение № 1274/2004, соображения, принятые 31 октября 2006 года, пункт 7.2.

большинством населения, есть краеугольный камень демократического общества⁹. Само наличие разумного и объективного оправдания для ограничения свободы ассоциации является недостаточным. Государство-участник должно также продемонстрировать, что запрещение ассоциации является действительно необходимым для предотвращения реальной, а не всего лишь гипотетической угрозы национальной безопасности или демократическому порядку и что менее решительные меры являлись бы недостаточными для достижения этой цели¹⁰.

7.4 В данном случае судебное постановление о ликвидации "Вясны" основывается на предполагаемых нарушениях избирательного законодательства государства-участника, имевших место в ходе наблюдения членами данного объединения за ходом президентских выборов в 2001 году. Это ограничение де-факто права на свободу ассоциации должно оцениваться в свете последствий, которые возникают для автора, соавторов сообщения и самого объединения.

7.5 Комитет отмечает, что автор сообщения и государство-участник расходятся в отношении толкования пункта 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса и его соответствия *lex specialis*, регулирующего правовой режим общественных объединений в Беларуси. Комитет считает, что, даже если предполагаемые нарушения "Вясной" избирательного законодательства подпадают под категорию "неоднократного грубого нарушения закона", государство-участник не выдвинуло какого-либо убедительного аргумента относительно того, в какой мере основания для ликвидации "Вясны" совместимы с любым из критериев, перечисленных в пункте 2 статьи 22 Пакта. Как было указано Верховным судом, нарушения избирательного законодательства состояли в невыполнении "Вясной" установленной процедуры направления своих наблюдателей на заседания избирательной комиссии и на избирательные участки; а также в обещании предоставления третьим лицам, не являющимся членами "Вясны", денежных средств за их услуги в качестве наблюдателей (см. пункт 2.3 выше). С учетом серьезных последствий ликвидации "Вясны" для осуществления права автора и его соавторов на свободу ассоциации, а также незаконности действия незарегистрированных объединений Беларуси Комитет приходит к выводу о том, что ликвидация объединения является несоразмерной мерой и не отвечает требованиям, предусмотренным в пункте 2 статьи 22. Права авторов по пункту 1 статьи 22, таким образом, были нарушены.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленная ему информация свидетельствует о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 22 Пакта.

9. В соответствии с положениями пункта 3 а) статьи 2 Пакта Комитет считает, что автор и соавторы сообщения имеют право на соответствующее возмещение, включая перерегистрацию "Вясны" и компенсацию. Оно также обязано принять меры по недопущению аналогичных нарушений в будущем.

10. Принимая во внимание тот факт, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место какое-либо нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные средства правовой защиты в случае установления какого-либо нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение соображений Комитета. Кроме того, он просит государство-участник опубликовать соображения Комитета.

---

⁹ Там же, пункт 7.3.

¹⁰ *Йонг-Юн Ли против Республики Корея*, сообщение № 1119/2002, соображения, принятые 20 июля 2005 года, пункт 7.2.

Сообщение № 1297/2004

Представлено: Али Меджнуном (представлен адвокатом Рашидом Месли)

Предполагаемая жертва: Малик Меджнун (сын автора сообщения)

Государство-участник: Алжир

Дата принятия Соображений: 14 июля 2006 года

Тема сообщения: арест и длительное лишение свободы, содержание под стражей без связи с внешним миром, содержание под стражей без суда

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Вопросы существа: запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения; право на свободу и личную неприкосновенность; произвольные арест и содержание под стражей; уважение достоинства, присущего человеческой личности, право на справедливое судебное разбирательство; право быть безотлагательно информированным о характере обвинения; право быть судимым без чрезмерной задержки

Статьи Пакта: 7; пункты 1, 2 и 3 статьи 9; пункт 1 статьи 10; пункты 3 а), с) и е) статьи 14

Статьи Факультативного протокола: не затрагиваются

Вывод: наличие нарушения (статья 7; пункты 1, 2 и 3 статьи 9 и пункты 3 а) и с) статьи 14)

1. Автором сообщения от 11 июня 2004 года является г-н Али Меджнун. Он представляет сообщение от имени своего сына Малика Меджнуна, гражданина Алжира, родившегося 15 февраля 1974 года и в настоящее время содержащегося под стражей в гражданской тюрьме в Тизи-Узу, Алжир. Автор утверждает, что его сын является жертвой нарушения Алжиром статей 7, пунктов 1, 2 и 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пунктов 3 а) с) и е) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт). Он представлен адвокатом Рашидом Месли. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для государства-участника 12 декабря 1989 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщает, что его сын был похищен в общественном месте приблизительно в 200 м от его дома 28 сентября 1999 года в 8 час. 30 мин. утра и увезен в неизвестном направлении тремя вооруженными лицами в гражданской одежде (агентами Управления разведки и безопасности (УРБ)) на автомобиле марки "Рено" белого цвета¹. На глазах у свидетелей они угрожали сыну оружием, выстрелили один раз в воздух и силой усадили его в машину. Сначала его привезли в военную казарму в центре города Тизи-Узу, где с ним жестоко обращались, а затем перевезли в багажнике автомобиля в другую военную казарму, расположенную в сотне километров в центре Антар в городе Бен-Акнун (Алжир) и находящуюся в ведении УРБ. Там его передали сотруднику в чине капитана и его коллеге. В течение двух дней сотрудники алжирской службы безопасности подвергали его пыткам: били палками по различным частям тела, применяли пытку под названием "кляп", которая заключается в затыкании рта жертвы тряпкой и затем во введении ему в желудок грязной воды, производя тем самым ощущение удушья и утопления, пытку с помощью электрических разрядов на всех частях тела и т.д.². Его также расспрашивали о его пребывании в тюрьме (в течение трех лет

¹ Адвокат представил письменное свидетельство Малика Меджнуна, полученное во время посещения адвокатом места содержания под стражей г-на М. Меджнуна в мае 2000 года.

² Адвокат ссылается также на донесения НПО, которые описывают методы пыток, часто используемые алжирскими спецслужбами, а также на ежегодные доклады Специального докладчика по вопросу о пытках.

с 1993 по 1996 годы), о лицах, которых он там встречал, и о том, сохранил ли он контакты с ними, в частности с одним человеком, который бежал за границу, и собирался ли он сам уехать за границу.

2.2 Автор сообщает, что он обращался к Генеральному прокурору Тизи-Узу 2 октября 1999 года с жалобой по поводу исчезновения его сына. Эта жалоба была зарегистрирована под № 99/PG/3906. 15 октября и 8 ноября 1999 года автор был принят этим представителем правосудия, утверждавшим, что ему ничего не известно о похищении. Однако тот не распорядился возбудить предварительное расследование, как это обязывает сделать закон с учетом тяжести преступления. Сын автора сообщает, что он был доставлен к прокурору 4 марта 2000 года вместе с еще одним лицом (С.Х.)³. Вторично он был доставлен к тому же прокурору 6 марта 2000 года вместе с тем же самым лицом. По окончании этой встречи он был препровожден в помещение УРБ в Бен-Акнуне, где содержался под стражей около двух месяцев по распоряжению прокурора, который получил жалобу по поводу исчезновения 2 октября 1999 года. С точки зрения алжирского закона это является преступлением и соучастием в преступлении похищения и содержания под стражей, т.е. правонарушением, предусмотренным и наказуемым в соответствии со статьями 292, 293 и 293-бис Уголовного кодекса⁴. В течение всего этого времени сын автора содержался под стражей без связи с внешним миром в бесчеловечных условиях в течение 218 дней, до тех пор пока 2 мая 2000 года он не был доставлен к следственному судье в Тизи-Узу. Автор сообщает, что срок законного содержания в полиции, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Алжира, не превышает 12 дней⁵. Автор сообщает, что 2 мая 2000 года следственный судья обвинил его сына в соучастии в убийстве кабийского певца Матуба Лунеса, а также в принадлежности к вооруженной группировке и распорядился о заключении его под стражу до суда.

2.3 В связи с вопросом об использовании внутренних средств правовой защиты автор напоминает, что он подавал жалобу по поводу содержания его сына под стражей без связи с внешним миром, по которой прокуратура - единственный орган, уполномоченный это сделать, - не предприняла никаких

---

³ В своих показаниях г-н Меджнун сообщает, что в феврале 2000 года его привезли в больницу возле города Блида, где он познакомился с этим человеком. Он находился там целый месяц до того, как был доставлен к прокурору.

⁴ Статья 292: "В случае, если арест или похищение осуществляются лицами в форменной одежде или с уставными отличительными знаками или выглядевшими таковыми в соответствии со статьей 246 Уголовного кодекса, либо лицами под ложными именами или по ложному официальному ордеру на арест, мерой наказания является пожизненное заключение. Эта же мера наказания применяется в случае, если арест или похищение производились с помощью моторизованного транспортного средства или если жертве угрожали смертью".

Статья 293: "В случае, если похищенное, арестованное, задержанное или содержащееся под стражей лицо подвергалось физическим пыткам, виновные наказываются смертной казнью".

Статья 293-бис: "Любое лицо, которое с помощью насилия, угроз или обмана похищает или заставляет похищать какое-либо лицо, независимо от его возраста, наказывается тюремным заключением на срок от 10 до 20 лет. Если похищенное лицо подвергалось физическим пыткам, мерой наказания для виновного является смертная казнь. Если же похищение совершалось с целью получения выкупа, мерой наказания для виновного также является смертная казнь".

⁵ Статья 51 Закона № 90-24 от 18 августа 1990 года: "Если для целей расследования сотрудник уголовной полиции вынужден задержать одно или несколько лиц, упомянутых в статье 50, он должен незамедлительно известить об этом государственного прокурора; содержание в полицейском участке не может превышать 48 часов. Без ущерба для конфиденциальности расследования сотрудник уголовной полиции должен разрешить задержанному лицу с помощью любых средств незамедлительно и непосредственно связаться с его родственниками, а также принимать посетителей [...] (Приказ № 95-10 от 25 февраля 1995 года). Все сроки, предусмотренные в настоящей статье, удваиваются, когда речь идет о посягательстве на государственную безопасность. Они могут быть продлены в пределах, не превышающих 12 суток, в случае преступлений, квалифицируемых как террористические или подрывные акты".

действий. Что касается содержания его сына в гражданской тюрьме Тизи-Узу начиная с 2 мая 2000 года, то согласно алжирскому законодательству такое содержание под стражей без суда не должно превышать 16 месяцев (четыре срока по четыре месяца)⁶. Этот возобновляемый дважды четырехмесячный срок может, в исключительных случаях, продлеваться обвинительной палатой еще на один невозобновляемый четырехмесячный период⁷. По истечении этого срока обвиняемый должен предстать перед судом на его ближайшем заседании⁸. В данном случае расследование по делу было завершено в апреле 2001 года, и дело должно было бы быть передано на рассмотрение суда в июне 2001 года, чего сделано не было. В этой связи сын автора направил ходатайство в обвинительную палату с просьбой о его временном освобождении в соответствии со статьей 128 Уголовно-процессуального кодекса⁹, однако оно было отклонено 6 августа 2001 года обвинительной палатой суда Тизи-Узу¹⁰. Сын автора направил еще несколько других просьб, но тщетно - последняя была отклонена 28 декабря 2003 года¹¹. Таким образом, все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

2.4 Автор отмечает, что данное дело было передано на рассмотрение организации "Международная амнистия" 9 декабря 1999 года и Рабочей группе Организации Объединенных Наций по насильственным или недобровольным исчезновениям в апреле 2000 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что Малик Меджнун является жертвой нарушения статьи 7, пунктов 1, 2 и 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пунктов 3 а), с) и е) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Были нарушены его основные права, в частности право на свободу, право на получение информации в момент ареста, право быть немедленно доставленным к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, право оспорить законность его содержания под стражей, право быть судимым в разумные сроки и, наконец, право на гуманное обращение в период содержания под стражей и право не подвергаться пыткам.

---

⁶ Статья 125 Закона № 86-05 от 4 марта 1986 года: "В иных случаях, помимо тех, которые предусмотрены статьей 124, срок предварительного заключения не может превышать четыре месяца; если срок такого заключения должен быть продлен, следственный судья может увеличить его на основании обоснованного распоряжения и согласно процедуре, изложенной в также обоснованном требовании прокурора:

- один раз, когда максимальная мера наказания, предусмотренная законом, превышает три года тюремного заключения;
- два раза в случае уголовных дел.

Срок каждого продления не может превышать четыре месяца".

⁷ Статья 125-бис Закона № 86-05 от 4 марта 1986 года: "В случае, когда обвинительная палата решает продлить срок предварительного заключения, срок такого продления не может превышать четыре месяца и не может возобновляться".

⁸ Статья 279 Закона № 86-05 от 4 марта 1986 года: "Любое дело, готовое для судопроизводства, должно передаваться суду для рассмотрения на его ближайшем заседании".

⁹ Статья 128 Закона № 82-03 от 13 февраля 1982 года: "После передачи дела в суд только данный суд может вынести распоряжение о временном освобождении обвиняемого; ...до его передачи в суд по уголовным делам и в промежутке между заседаниями этого суда такими полномочиями обладает обвинительная палата".

¹⁰ В деле находится копия извещения и уведомление на арабском языке с переводом на французский.

¹¹ В деле находится копия извещения и уведомление на арабском языке с переводом на французский.

3.2 В связи с утверждениями, касающимися статьи 7, адвокат напоминает, что бесспорным является тот факт, что г-н Меджнун был похищен алжирскими службами безопасности 28 сентября 1999 года, что он содержался под стражей без связи с внешним миром и подвергался пыткам. Он сообщает, что содержание под стражей в полной изоляции и в неизвестном месте, без какого-либо контакта с внешним миром в течение продолжительного времени само по себе уже считается актом пытки и что жестокое и бесчеловечное обращение, которому подвергся сын автора сообщения, является нарушением статей 7 и 10 Пакта.

3.3 В отношении статьи 9 адвокат напоминает, что похищение и содержание под стражей Малика Меджнуна в течение почти восьми месяцев не соответствует внутренним нормам ни по существу, ни с точки зрения процедуры и является нарушением пункта 1 статьи 9. Кроме того, в нарушение пункта 2 статьи 9 сын автора не был проинформирован ни о фактах, ни о причинах своего похищения, равно, как и о предъявляемых ему обвинениях до его привода к следственному судье спустя восемь месяцев. Что касается предполагаемого нарушения пункта 3 статьи 9, то сын автора не был своевременно доставлен к судье¹² и содержался под стражей в произвольном порядке. Прокурор отказался передать г-на Меджнуна следственному судье и вместо этого отправил его в распоряжение служб безопасности. Кроме того, продолжающееся содержание под стражей сына автора в течение свыше четырех лет после его встречи со следственным судьей 2 мая 2000 года является нарушением пункта 3 статьи 9 Пакта. Наконец, адвокат напоминает, что г-н Меджнун содержится без связи с внешним миром в совершенно негуманных условиях на протяжении почти восьми месяцев, в течение которых он подвергался жесточайшим пыткам и грубому обращению.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 28 декабря 2004 года государство-участник поясняет, что в рамках дела, связанного с убийством Матуба Лунеса, следственный судья города Тизи-Узу 30 июня 1998 года начал уголовное расследование в отношении неизвестного лица или лиц. После проведенного расследования, продолжавшегося несколько месяцев, и отчасти на основании сведений, предоставленных бывшим террористом, являющимся государственным свидетелем, несколько человек были арестованы и переданы в руки правосудия, в том числе Малик Меджнун, который был обвинен в принадлежности к террористической организации и умышленном убийстве. По окончании уголовного расследования следственный судья распорядился 2 декабря 2000 года передать материалы генеральному прокурору, который потребовал передачи Малика Меджнуна и его сообщников обвинительной палате суда Тизи-Узу. 10 декабря 2000 года обвинительная палата вынесла в отношении обвиняемых постановление о предъявлении им обвинения и о передаче дела палате по уголовным делам при том же суде по обвинению в принадлежности к террористической организации и совершении умышленных убийств, т.е. деяний, предусмотренных статьями 87-бис и 255 и последующими статьями Уголовного кодекса. Обвиняемые подали кассационную жалобу в Верховный суд для пересмотра судебного постановления, который отклонил ее 10 апреля 2001 года. Слушание дела было тогда назначено на 5 мая 2001 года в суде города Тизи-Узу, который перенес его на более позднюю дату, поскольку инциденты, имевшие место в регионе, не позволили правосудию

---

¹² Адвокат утверждает, что алжирский закон не соответствует международным нормам, и ссылается на замечания Комитета, согласно которым "эти сроки не должны превышать нескольких дней" (Замечание общего порядка 8, пункт 2); по мнению адвоката, недельный срок между арестом и доставкой обвиняемого к судье является несовместимым с пунктом 3 статьи 9 Пакта (Сообщение № 702/1996, *Маклоуренс против Ямайки*, Соображения, принятые 18 июля 1997 года). Адвокат ссылается также на Сообщение № 44/1979, *Пьетравойя против Уругвая*, Соображения от 27 марта 1981 года, и на нарушение той же самой статьи в отношении лица, содержавшегося под стражей без связи с внешним миром в течение четырех-шести месяцев и затем судимого военным трибуналом по истечении восьми месяцев. Наконец, адвокат отмечает, что статья 51 Уголовно-процессуального кодекса Алжира (Закон № 90-24 от 18 августа 1990 года, с изменениями, внесенными указом № 95-10 от 25 февраля 1995 года), которая разрешает службам безопасности содержать под стражей в течение 12 дней в полной изоляции лиц, подозреваемых в терроризме, противоречит букве Пакта и прецедентной практике Комитета.

рассматривать это дело в спокойных условиях, необходимых при такой процедуре. Поэтому в соответствии с законом это дело пришлось многократно представлять в палату по уголовным делам Тизи-Узу для рассмотрения.

4.2 Государство-участник уточняет, что касательно утверждений об избиениях и произвольном содержании под стражей в полиции ничто в полученной жалобе или в представленных документах не позволяет подкрепить эти утверждения и поэтому они должны быть отклонены. В связи с предполагаемым нарушением положений, касающихся содержания под стражей Малика Меджнуна, статья 125 и последующие статьи Уголовно-процессуального кодекса касаются временного содержания под стражей на стадии уголовного расследования, а не на последующей стадии судопроизводства. А Малик Меджнун уже не находится на этой стадии с момента принятия постановления от 10 декабря 2000 года о передаче дела в суд по уголовным делам. Суд по уголовным делам постановил перенести рассмотрение этого дела на более позднюю дату на основании статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса, которая гласит: "Председатель суда по уголовным делам может *proprio motu* или по требованию Государственной прокуратуры распорядиться об отсрочке до следующего заседания рассмотрения дел, которые не представляются ему готовыми для судебного разбирательства в ходе заседания, на которое они назначены". Поэтому данная жалоба должна быть отклонена как необоснованная.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника

5.1 31 января 2005 года адвокат автора прежде всего отмечает, что государство-участник не оспаривает приемлемости сообщения, которое, таким образом, должно быть объявлено приемлемым по форме в связи с исчерпанием всех внутренних средств правовой защиты и в связи с отсутствием соответствующих замечаний со стороны государства-участника. В отношении существа сообщения он утверждает, что аргументы государства-участника о недоказанности произвольного содержания под стражей и избиений не могут серьезно приниматься в расчет, поскольку государство-участник не оспаривает факт похищения, продолжительность и место содержания под стражей без связи с внешним миром, жалобу, поданную автором, и сообщение, зарегистрированное Рабочей группой по насильственным исчезновениям. Таким образом, не существует каких-либо разумных оснований сомневаться в том, что Малик Меджнун подвергался пыткам и избиениям во время его содержания под стражей в изоляции от внешнего мира, что является практикой, широко распространенной в государстве-участнике, о которой регулярно сообщали Специальный докладчик и правозащитные НПО. В заключение адвокат утверждает, что одно лишь содержание под стражей в течение 218 дней без какого-либо контакта с внешним миром само по себе является актом пытки.

5.2 Что касается продолжающегося содержания под стражей Малика Меджнуна, то, по словам адвоката, государство-участник признает, что расследование по делу было закончено 2 декабря 2000 года и что его слушание в суде было назначено на 5 мая 2001 года, а также, что, по утверждению государства-участника, г-н Меджнун будто бы не находится больше в предварительном заключении с 10 декабря 2000 года. Его содержание под стражей якобы соответствует положениям статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса, однако при таком толковании данного положения государственная прокуратура, в рамках которой этап расследования уже завершен, но слушание дела в суде еще не назначено, могла бы бесконечно долго содержать под стражей любое лицо на любых основаниях по своему усмотрению. Такое толкование, по мнению адвоката, вело бы к явному нарушению права на свободу личности согласно пункту 1 статьи 9 Пакта. Хотя статья 279 того же самого Уголовно-процессуального кодекса гласит, что "любое дело, готовое к рассмотрению в суде, должно быть передано в суд для рассмотрения на его ближайшем заседании", судебная практика в Алжире такова, что прерогатива включить слушание какого-либо дела в программу заседания суда по уголовным делам принадлежит только государственной прокуратуре. По мнению адвоката, следовало бы потребовать от государства-участника привести свое уголовное законодательство в соответствие с Пактом, установив, в частности, законный максимальный срок содержания под стражей между датой постановления обвинительной палаты о передаче дела в суд и датой слушания

дела в суде. Представляется очевидным, что срок судебного разбирательства по делу сына автора нельзя считать разумным.

5.3 1 и 3 февраля 2006 года адвокат автора представил копию последнего постановления обвинительной палаты города Тизи-Узу от 19 сентября 2005 года, в котором Малику Меджнуну было вновь отказано во временном освобождении после шести лет предварительного заключения. Это решение продиктовано статьей 123 Уголовно-процессуального кодекса¹³. Согласно заявлению обвинительной палаты, содержание под стражей в данном случае "по-прежнему необходимо и освобождение обвиняемого могло бы затруднить установление истины", даже несмотря на то, что расследование было закончено более пяти лет тому назад и завершилось постановлением о передаче дела в суд по уголовным делам города Тизи-Узу, принятым той же самой обвинительной палатой 10 декабря 2000 года. Вместе с тем эта судебная инстанция не решает просить у Генеральной прокуратуры назначить конкретную дату слушания дела в суде. В заключение адвокат сообщает, что сын автора продолжает получать угрозы со стороны алжирских властей с целью заставить его отозвать свое сообщение и что он почти готов уступить в надежде быть преданным суду.

Ответ государства-участника

6. В вербальной ноте от 23 мая 2006 года государство-участник вновь заявляет, что содержание под стражей г-на Меджнуна не являлось произвольным, ибо положения статьи 125 и последующих статей Уголовно-процессуального кодекса касаются временного содержания под стражей на стадии уголовного расследования, а не на последующей стадии судопроизводства. Дело г-на Меджнуна в настоящее время находится на рассмотрении в суде по уголовным делам, который постановил перенести его на более позднюю дату в соответствии со статьей 278 Уголовно-процессуального кодекса. Государство-участник поясняет, что в ожидании судебного процесса обвиняемый может в любой момент обратиться в обвинительную палату с ходатайством о временном освобождении, что г-н Меджнун и сделал. Что же касается отклонения его последней просьбы, то правильность этого решения вряд ли можно обсуждать, поскольку суд является в полной мере суверенным в своей оценке обстоятельств дела и целесообразности удовлетворения или неудовлетворения ходатайства, с которым к ней обращается обвиняемый. Государство-участник уточняет, что это дело должно быть в ближайшее время запланировано для слушания в суде по уголовным делам. Кроме того, г-н Меджнун мог бы при наличии законных оснований воспользоваться положениями приказа № 06-01 от 27 февраля 2006 года, касающегося осуществления Хартии за мир и национальное примирение¹⁴. В этом случае судебное преследование могло бы быть прекращено до предания суду, он мог бы получить помилование или добиться отмены наказания. В настоящее время положения этого приказа выполняются. В заключение государство-участник отмечает, что утверждение о давлении, которому подвергся г-н Меджнун, с тем чтобы заставить его отозвать свое сообщение, не может быть принято во внимание, поскольку оно является слишком

---

¹³ Статья 123 (Закон № 90-24 от 17 августа 1990 года): "Предварительное заключение является исключительной мерой. Тем не менее, если меры судебного надзора оказываются недостаточными, решение о предварительном заключении или о продлении его срока может быть принято в случае:

1. Когда оно является единственным способом сохранить материальные доказательства или свидетельства или же помешать оказанию давления на свидетелей или жертвы или сговору между обвиняемым и его сообщниками, что может затруднить установление истины;
2. Когда это является необходимым для защиты обвиняемого, в целях прекращения правонарушения или его повторения;
3. Когда обвиняемый сознательно уклоняется от обязательств, предусмотренных установленными мерами судебного надзора".

¹⁴ Государство-участник не дает других уточнений.

расплывчатым и несостоятельным. Автор ограничивается простым утверждением, не давая других уточнений ни о характере давления, ни о том, какие именно "алжирские власти" оказывали на него это давление.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из правила 93 своих Правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 В соответствии с требованием пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет отмечает, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 В связи с вопросом об исчерпании внутренних средств правовой защиты Комитет, касаясь содержания под стражей без связи с внешним миром сына автора алжирскими службами безопасности с 28 сентября 1999 года по 2 мая 2000 года, отмечает, что 2 октября 1999 года была подана жалоба, которой прокуратура не дала никакого хода, несмотря на то, что она является единственным уполномоченным органом. Что касается содержания под стражей без суда сына автора с 2 мая 2000 года, то последний направил несколько ходатайств о временном освобождении, все они были отклонены, хотя указанное лицо так и не было предано суду. С учетом этого Комитет считает, что процедура применения средств внутренней правовой защиты явилась чрезмерно долгой и затянутой, поэтому автор удовлетворяет требованиям пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7.4 В связи с вопросом о жалобах, поданных в соответствии со статьей 7, пунктами 1, 2 и 3 статьи 9 и пунктом 1 статьи 10, Комитет отмечает, что автор представил точные утверждения об аресте своего сына, его содержании под стражей без связи с внешним миром, условиях его заключения и о жестоком обращении, которому он подвергся. Вместо того, чтобы ответить на эти различные утверждения, государство-участник ограничивается заявлением о том, что они не обоснованы. В данном случае Комитет считает, что для целей приемлемости факты, представленные автором, достаточны для обоснования жалоб, поданных в соответствии со статьей 7, пунктами 1, 2 и 3 статьи 9 и пунктом 1 статьи 10. Комитет также считает, что жалобы, поданные в соответствии с пунктами 3 а) и с) статьи 14 достаточно обоснованы. Что же касается жалобы, поданной в соответствии с пунктом 3 е) статьи 14, то Комитет отмечает, что сын автора еще не предстал перед судом, чтобы ответить на предъявляемые ему обвинения. В этой связи Комитет считает, что данная жалоба противоречит *ratione materiae* положениям статьи 3 Факультативного протокола. Таким образом, он считает, что сообщение является приемлемым в соответствии со статьей 7, пунктами 1, 2 и 3 статьи 9, пунктом 1 статьи 10, а также пунктами 3 а) и с) статьи 14, и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 Что касается жалобы на содержание под стражей без связи с внешним миром, то Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его сын был арестован 28 сентября 1999 года и исчез до 2 мая 2000 года. Комитет отмечает, что государство-участник не ответило на эти достаточно подробные утверждения автора.

8.3 Комитет напоминает¹⁵, что бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к доказательствам и что зачастую лишь государство располагает необходимыми сведениями. Как это косвенно вытекает из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник обязано провести добросовестное расследование всех утверждений о нарушении Пакта, выдвигаемых против него и его представителей, и передать Комитету те сведения, которыми оно располагает. В случаях, когда автор передает государству-участнику информацию, подкрепленную достоверными свидетельствами, и когда дополнительное прояснение обстоятельств зависит только от сведений, которыми располагает государство-участник, Комитет может считать эту информацию обоснованной, если только государство-участник не опровергнет ее, представив удовлетворительные доказательства и объяснения.

8.4 В связи с жалобой на нарушение статьи 7 Пакта Комитету известно, каким страданием является содержание под стражей без контакта с внешним миром в течение неопределенного срока. Он напоминает в этой связи о своем Замечании общего порядка 20 (44), касающемся статьи 7, в котором он рекомендует государствам-участникам принять положения, запрещающие содержание под стражей без связи с внешним миром. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу о том, что арест и удержание в неволе сына автора, препятствовавшие его общению с родственниками и внешним миром, являются нарушением статьи 7 Пакта¹⁶. Кроме того, обстоятельства, сопровождавшие арест и удержание в неволе Малика Меджнуна, а также его показания в мае 2000 года о том, что он неоднократно подвергался пыткам, дают серьезные основания полагать, что он действительно подвергался такому обращению. Комитет не получил от государства-участника никакой информации, позволяющей опровергнуть это утверждение. Комитет приходит к выводу, что обращение, которому подвергался Малик Меджнун, является нарушением статьи 7¹⁷.

8.5 Из информации, полученной Комитетом, следует, что Малик Меджнун был увезен представителями государства-участника, схватившими его возле его дома. В отсутствие убедительных разъяснений со стороны государства-участника по поводу утверждения автора о том, что арест и содержание под стражей его сына были произвольными и незаконными и что его содержали под стражей без связи с внешним миром до 2 мая 2000 года, Комитет приходит к выводу о нарушении пункта 1 статьи 9.

8.6 Относительно предполагаемых нарушений пункта 2 статьи 9 и пункта 3 а) статьи 14 Комитет напоминает, что эти положения гарантируют любому арестованному лицу право быть информированным в момент его ареста о причинах ареста и в кратчайшие сроки получить

---

¹⁵ Сообщения № 146/1983, *Бабоерам Адхин и др. против Суринама*, Соображения, принятые 4 апреля 1985 года, пункт 14.2; № 139/1983, *Контерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 года, пункт 7.2; № 202/1986, *Грациэла Ато дель Авельянал против Перу*, Соображения, принятые 31 октября 1988 года, пункт 9.2; № 30/1978, *Блейер против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1982 года, пункт 13.3; № 107/1981, *Елена Кинтерос Альмейда против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 11; № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.4.

¹⁶ Сообщения № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года, пункт 8.5; сообщение № 458/1991, *Муконг против Камеруна*, Соображения, принятые 24 июля 1994 года, пункт 9.4.; сообщение № 440/1990, *Эль-Мегреси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 23 марта 1994 года, пункт 5.

¹⁷ Сообщения № 449/1991, *Мохика против Доминиканской Республики*, Соображения, принятые 10 августа 1994 года, пункт 5.7; № 1196/2003, *Бушерф против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.6.

уведомление о том, какие обвинения против него выдвигаются¹⁸. Комитет отмечает, что г-н Меджнун был арестован 28 сентября 1999 года - факт, который не был опровергнут государством-участником, - и что он содержался под стражей в тайном месте в течение 218 дней - факт, который также не был оспорен государством-участником. Он также принимает к сведению утверждение адвоката о том, что г-н Меджнун не был своевременно информирован о причинах его ареста и что государство-участник не опровергло это утверждение. В отсутствие какой-либо информации со стороны государства-участника, подтверждающей, что автор был своевременно информирован о причинах его ареста, Комитет вынужден полагаться на заявление автора, согласно которому его сын был проинформирован о причинах его ареста, только тогда, когда 2 мая 2000 года он был доставлен к следственному судье. Этот срок противоречит пункту 2 статьи 9 и пункту 3 а) статьи 14, и в данном случае Комитет пришел к выводу о нарушении этих положений.

8.7 Что касается предполагаемого нарушения пункта 3 статьи 9, то Комитет напоминает, что право "в срочном порядке" быть доставленным в судебный орган предполагает, что любая отсрочка не может превышать нескольких дней и что содержание под стражей без связи с внешним миром само по себе является нарушением пункта 3 статьи 9¹⁹. Комитет принимает к сведению показания сына автора о том, что он был доставлен к прокурору 4 и 6 марта 2000 года, а также аргумент автора о том, что его сын содержался под стражей без связи с внешним миром в течение 218 дней до того, как его доставили к следственному судье 2 мая 2000 года и что с тех пор он ожидает суда уже в течение шести лет. С учетом обстоятельств дела в отсутствие убедительных разъяснений со стороны государства-участника или какого-либо иного оправдательного элемента в деле автора Комитет полагает, что досудебное содержание под стражей свыше пяти лет является нарушением права, предусмотренного пунктом 3 статьи 9.

8.8 В свете вышеприведенных выводов Комитету нет необходимости рассматривать утверждения автора, касающиеся статьи 10 Пакта.

8.9 Комитет отмечает, что г-н Меджнун продолжает содержаться под стражей в ожидании суда. Он принимает к сведению, что, по словам государства-участника, предварительное расследование по этому делу было закончено 10 декабря 2000 года и что слушание дела было назначено на 5 мая 2001 года, но было перенесено на более позднюю дату. На сегодняшний день, т.е. почти семь лет спустя после начала расследования и свыше пяти лет после первой передачи дела в суд, сын автора продолжает находиться в тюрьме в ожидании суда. В связи с чрезмерной продолжительностью заключения до суда Комитет напоминает, что, согласно его прецедентной практике, "лицо, обвиняемое в совершении тяжкого преступления, например умышленного или неумышленного убийства, когда суд отказывает в освобождении под залог, должно быть как можно скорее предано суду"²⁰. В данном случае, учитывая, что сын автора был арестован 28 сентября 1999 года и 2 мая 2000 года ему были предъявлены обвинения, среди прочего, в соучастии в убийстве, Комитет считает, что должны существовать веские причины, оправдывающие содержание под стражей в течение почти шести лет без судебного разбирательства и вынесение приговора. Государство-участник сообщало, что инциденты, происходившие в данном районе, не позволили органам правосудия рассмотреть это дело в спокойных условиях, необходимых для подобной процедуры. Оно также проинформировало Комитет 28 декабря 2004 года о том, что данное дело должно быть передано в суд по уголовным делам города Тизи-Узу в

---

¹⁸ См. Замечание общего порядка 13 (21), пункт 8.

¹⁹ Сообщения №1128/2002, *Рафаэль Маркеш де Мораиш против Анголы*, Соображения, принятые 29 марта 2005 года, пункт 6.3; № 992/2001, *Бусруаль против Алжира*, соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.6. См. также Замечание общего порядка 8 (16), пункт 2.

²⁰ Сообщения № 473/1991, *Барросо против Панамы*, Соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 8.5; № 818/1998, *Секстус против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 16 июля 2001 года, пункт 7.2.

ближайшее время. Однако с тех пор прошло почти 18 месяцев, а суд над г-ном Меджнуном так и не состоялся. Поэтому Комитет пришел к выводу о нарушении прав, закрепленных в пункте 3 с) статьи 14.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 7, пунктов 1, 2 и 3 статьи 9 и пунктов 3 а) и с) статьи 14 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить эффективное средство правовой защиты, заключающееся, в частности, в безотлагательной доставке Малика Меджнуна к судье для ответа на предъявленные ему статьи обвинения или освобождения, проведении полного и тщательного расследования по факту его содержания под стражей без связи с внешним миром и обращения, которому Малик Меджнун подвергся с 28 сентября 1999 года и возбуждении уголовного преследования в отношении лиц, предположительно ответственных за эти нарушения, в частности за жестокое обращение. Государству-участнику предлагается также выплатить Малику Меджнуну соответствующую компенсацию за совершенные нарушения. Кроме того, государству-участнику предлагается принять меры по недопущению повторения аналогичных нарушений в будущем.

11. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, оно обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, и Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых им во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Государству-участнику предлагается также опубликовать Соображения Комитета.

Сообщение № 1298/2004

Представлено: г-ном Мануэлем Франсиско Бесерра Барнеем (адвокатом не представлен)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Колумбия

Дата принятия Соображений: 11 июля 2006 года

Тема сообщения: привлечение к суду и осуждение лица, замешанного в незаконном финансировании президентской компании

Процедурные вопросы: неисчерпание внутренних средств правовой защиты, недостаточно обоснованный иск

Вопросы существа: нарушение права на надлежащее судебное разбирательство

Статьи Пакта: 2 и 14

Статьи Факультативного протокола: 2 и подпункт b) пункта 2 статьи 5

Вывод: наличие нарушения (статья 14)

1.1 Автором сообщения от 11 апреля 2003 года является Мануэль Франсиско Бесерра Барней, гражданин Колумбии, родившийся в 1951 году. Он утверждает, что является жертвой нарушений Колумбией пунктов 1 и 3 а) и с) статьи 2 и статьи 14 Пакта. Адвокатом он не представлен.

1.2 Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 29 января 1970 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор был генеральным контролером и бывшим министром образования Колумбии на момент событий, о которых он рассказывает. После президентских выборов 1994 года Генеральный прокурор Колумбии начал расследование финансирования избирательной компании избранного, но еще не вступившего в должность президента Эрнесто Сампера Писано, который, как утверждалось, получал деньги от торговли наркотиками в виде пожертвований от членов картеля Кали. Расследования, которые в основном касались министров и членов парламента, привели к так называемому "Суду 8000". В рамках этих расследований была проведена проверка служебных помещений гражданина Чили Гильермо Алехандро Палломари Гонсалеса, главного финансового управляющего картеля Кали, в ходе которой были конфискованы бухгалтерские книги и выявлены финансовые махинации этой организации. На допросе Палломари обвинил автора в незаконном финансировании президентской компании Эрнесто Сампера.

2.2 31 января 1996 года автор был задержан на основе распоряжения Генерального прокурора. Он заявляет, что был подвергнут допросу лицами, находившимися за зеркальными стеклами, и так и не смог их увидеть. После завершения стадии расследования дело было препровождено в компетентный отдел государственной прокуратуры. Решением от 26 сентября 1996 года прокурор обвинил автора в получении денег за счет незаконного оборота наркотиков для финансирования избирательной кампании тогдашнего кандидата в президенты, обвинив его в "незаконном обогащении лиц в интересах третьих сторон" и изъяв некоторое имущество, которое ему принадлежало.

2.3 В коллегиальном решении от 22 августа 1997 года районный суд Кали, который состоял из анонимных судей, признал автора виновным в незаконном обогащении лиц в интересах третьих сторон и приговорил его к пяти годам и 10 месяцам тюремного заключения, штрафу в размере 300 млн. колумбийских песо (примерно 125 000 долл. США) - сумме, эквивалентной той, которую, как утверждалось, он получил незаконно, - и лишению права находиться на государственной службе или занимать государственные должности в течение периода, равного сроку его приговора. Автор заявляет, что суд проходил в Кали за закрытыми дверями и что он не присутствовал и не был представлен там, а содержался под стражей в Боготе, на расстоянии 550 км от Кали. Он также утверждает, что, хотя показания, данные на допросе свидетелем обвинения Гильермо Палломари, рассматривались в качестве ключевых в ходе досудебных разбирательств, эти свидетельства так и не были представлены его адвокату и тот не имел возможности допросить человека, выдвигавшего обвинения. Он заявляет, что личность судьи сохранялась в тайне.

2.4 Автор обжаловал свой приговор в Национальном суде, заявив о наличии процедурных нарушений, в частности о том факте, что решение было основано на показаниях свидетеля, который не был приведен к присяге, что был нарушен принцип состязательных возможностей, а также что судебное разбирательство проводилось без должных гарантий соблюдения надлежащей правовой процедуры. Он заявляет, что Национальный суд также состоял из анонимных судей, что дело рассматривалось на закрытом заседании и что на нем не присутствовал ни он, ни его адвокат. Решением от 24 июля 1998 года Национальный суд отклонил апелляцию и увеличил срок тюремного заключения по приговору, вынесенному судом более низкой инстанции, до семи лет. Это, утверждает автор, противоречит принципу *non reformatio in peius*, признаваемому в статье 31 Конституции Колумбии, которая запрещает ужесточение приговора, вынесенного в первой инстанции, когда, как это имело место в его случае, осужденное лицо является единственной стороной, подавшей апелляцию.

2.5 Автор ходатайствовал об отмене решения Национального суда, вновь заявив о других процедурных ошибках, помимо нарушения принципа *non reformatio in peius*. 2 октября 2001 года Кассационная палата по уголовным делам Верховного суда отклонила эту апелляцию.

2.6 19 ноября 2001 года автор обратился в Конституционный суд с заявлением о защите (*tutela*) от приговоров, вынесенных апелляционным судом и в процессе кассации, заявив о нарушении права на надлежащее судебное разбирательство, равенство перед судами и доступ к отправлению правосудия. Решением от 3 декабря 2001 года Дисциплинарная юрисдикционная палата Судебного совета Гундинамарки предоставила *защиту* и аннулировала приговор, вынесенный Верховным судом в рамках процедуры кассации на том основании, что принцип *reformatio in peius* в том случае, когда осужденное лицо является единственной стороной, подавшей апелляцию, был нарушен. Она предоставила суду Кали 48 часов, для того чтобы вернуть дело в Кассационную палату по уголовным делам Верховного суда для принятия нового решения, в котором полностью соблюдался бы принцип *non reformatio in peius*.

2.7 В решении от 19 марта 2002 года Верховный суд отказался выполнять решение о *защите*, заявив, что, поскольку Верховный суд является высшим судом общеправовой юрисдикции, его решения имеют силу *res judicata* и поэтому средство защиты, предполагающее *защиту*, не является правомочным. Автор указывает, что Верховный суд впервые отказался выполнять защитное решение, подчеркнув, что до этого в аналогичных делах суд всегда принимал ходатайства о защите. По словам автора отказ выполнить данное решение привел к конфронтации между различными органами государственной власти, в особенности между Верховным и Конституционным судом, вследствие вступления в силу новой Конституции Колумбии в июле 1991 года.

2.8 17 мая 2002 года Судебный совет заявил о том, что он не правомочен рассматривать жалобу на неуважение к суду, которую автор хотел подать против Кассационной палаты по уголовным делам Верховного суда, и препроводил данную жалобу в палату представителей в конгрессе для принятия дисциплинарных мер. До настоящего времени Особый комитет палаты представителей так и не высказался по вопросу о том, какие наказания, если они вообще уместны, следует наложить на судей Кассационной палаты по уголовным делам за отказ принять защитное решение.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что он является жертвой нарушения статьи 14, поскольку он был признан виновным анонимными судьями в суде первой инстанции и при рассмотрении апелляции; при этом оба суда проводились за закрытыми дверями и ему было отказано в праве на публичное заслушивание, праве на собственную защиту и допрос свидетеля обвинения.

3.2 Автор также заявляет о нарушении пункта 1 статьи 2 в форме дискриминации по отношению к нему со стороны Верховного суда, когда тот отказался принять защитное решение, вынесенное в его пользу, тем самым отступив от своей прежней практики в аналогичных делах.

3.3 Наконец, автор заявляет о нарушении подпунктов а) и с) пункта 3 статьи 2, поскольку Верховный суд отказался принять защитное решение, лишив автора эффективного средства правовой защиты от нарушения его прав, признаваемых в Пакте.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и комментарии автора

4.1 В замечаниях, представленных 1 ноября 2005 года, государство-участник отмечает, что палата представителей еще не вынесла решения в отношении жалобы на неуважение к суду, поданной автором на Кассационную палату по уголовным делам Верховного суда. Оно добавляет, что один из судей Верховного суда обжаловал защитное решение Судебного совета Гундинамарки, но эта апелляция еще не урегулирована, и в результате защитительное решение пока еще не полностью вступило в силу. Государство-участник утверждает, что предусмотренные внутренним законодательством средства правовой защиты не были исчерпаны, и поэтому сообщение следует объявить неприемлемым.

4.2 Государство-участник далее сообщает, что утверждения автора в отношении любого ущерба, который можно рассматривать в качестве нарушения прав человека, признаваемых в Пакте, недостаточно обоснованы, и что поэтому его жалоба является неприемлемой.

4.3 Что касается существа дела, то государство-участник отмечает, что Комитет не правомочен определять наличие нарушения пунктов 1 и 3 статьи 2, поскольку в этих пунктах говорится об общем обязательстве, взятом на себя государством-участником при подписании Пакта, из которого нельзя вывести какого-либо конкретного права, на которое конкретно могли бы ссылаться отдельные лица.

4.4 Что касается жалоб автора в связи со статьей 14, то государство-участник утверждает, что информации для установления факта нарушения права на равенство перед судами недостаточно, а сам автор не представил каких-либо свидетельств, указывающих на то, что Верховный суд действительно принимал иные решения при рассмотрении заявлений о защите, аналогичных тем, которые были поданы автором; это обвинение, таким образом, является безосновательным.

4.5 Что касается предполагаемого нарушения права быть заслушанным в открытом заседании при соблюдении всех необходимых гарантий, то государство-участник ссылается на решение Конституционного суда № С-040 от 1997 года о законности судопроизводства, проводившегося региональными судами, которые действовали во время указанных событий, в том числе и судопроизводства в отношении автора. Государство-участник отмечает, что в то время суд указал на то, что слушание в открытом заседании не является конституционным требованием в отношении судопроизводства и не было необходимым или обязательным. Поэтому законодательная власть имела право не проводить этого этапа судебного разбирательства, что она впоследствии и сделала, приняв правила, регулирующие деятельность "Суда по охране общественного порядка" и разрешающие анонимность судов. Государство-участник отмечает, что слово "присутствовать", с точки зрения Конституционного суда, необязательно требует физического присутствия обвиняемого на разбирательствах, а скорее его участия с целью осуществления права на защиту. В заключение оно отмечает, что судебные формальности как в суде первой инстанции, так и при рассмотрении апелляции были завершены в присутствии адвоката автора, и право автора на защиту было тем самым гарантировано.

5.1 В своих комментариях от 4 января 2006 года автор утверждает, что он возбудил десять различных процедурных исков после своего осуждения в 1996 году (10 лет назад), включая все имеющиеся общеправовые и чрезвычайные средства правовой защиты, и государство-участник не может утверждать, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Он указывает на то, что жалоба на неуважение к суду является не внутренним средством правовой защиты, а дисциплинарной мерой в отношении судей, не соблюдающих конституционные права на обеспечение защиты, единственным следствием которой было бы принятие санкций в отношении соответствующих судей.

5.2 Автор оспаривает утверждения государства-участника о том, что его представитель заслушивался во время разбирательств в суде первой инстанции и при рассмотрении апелляции. Он настаивает на том, что оба разбирательства проводились за закрытыми дверями, что устных или открытых слушаний никогда не проводилось и что ни ему, ни его представителю не было разрешено там присутствовать, в частности потому, что личность судей, выносивших различные приговоры, сохранялась в тайне. Он обращает внимание на противоречие в заявлениях государства-участника о признании и оправдании практики проведения судебных разбирательств в закрытом режиме и его утверждением о том, что адвокат автора был заслушан. Он вновь утверждает, как указывалось в его первоначальных исках, что его защита всегда велась письменно, что он не знал, кто был его судьями, и что его адвокату так и не было разрешено допросить свидетеля обвинения.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Существенные вопросы и особые аспекты

6.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры, должен принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет установил, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования для целей пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

6.3 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет отмечает заверения государства-участника в том, что жалоба на неуважение к суду, поданная на судей Кассационной палаты по уголовным делам Верховного суда рассматривается в палате представителей. Однако Комитет также отмечает заявление автора о том, что эта жалоба является дисциплинарной мерой в отношении этих судей, а не апелляцией, которая позволила бы пересмотреть его дело. Поэтому государство-участник не может утверждать, что автору следует подождать, когда палата представителей в конгрессе примет решение по его жалобе, прежде чем Комитет сможет рассматривать данное дело в рамках Факультативного протокола, особенно с учетом того, что данная жалоба находится в палате в течение четырех лет и не дает реальной возможности пересмотреть дело автора.

6.4 Комитет также отмечает заявления государства-участника о том, что защитное решение (*tutela*) было оспорено одним из судей Верховного суда и что поэтому внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Комитет отмечает, что оспариваемое решение предоставило автору защиту и что Верховный суд отказался выполнять именно это решение. В этой связи оспаривание данного решения не имеет значения для целей предоставления автору какого-либо эффективного средства правовой защиты по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он находился под судом и был признан виновным в суде первой инстанции и при рассмотрении апелляции судами, состоявшими из анонимных судей, без соблюдения надлежащих гарантий в отношении проведения открытых слушаний и состязательности процесса и, в частности, что ему не было разрешено присутствовать на судебных разбирательствах и защищать себя лично или с помощью своего представителя, а также что у него не было возможности допросить свидетеля обвинения. Комитет указывает, что для соблюдения требований в отношении права на защиту, гарантированного пунктом 3 статьи 14 Пакта, при любом уголовном судопроизводстве обвиняемому должно предоставляться право на устное разбирательство, на котором ему разрешается присутствовать лично или быть представленным защитником, представлять доказательства, которые он считает относящимися к делу, и допрашивать свидетелей¹. Учитывая, что автору не было предоставлено возможности для такого заслушания в ходе разбирательств, которые завершились признанием его виновным и вынесением приговора, Комитет заключает, что его право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в статье 14 Пакта, было нарушено.

7.3 С учетом вышеизложенных заключений Комитет не видит необходимости в рассмотрении жалобы по пункту 3 статьи 2 Пакта.

---

¹ Сообщение 848/1999, *Родригес Орехуэла против Колумбии*, решение от 23 июля 2002 года, пункт 7.3.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 14.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное и соответствующее средство правовой защиты.

10. С учетом того, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся на его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в соответствии с его Соображениями. Государству-участнику также предлагается опубликовать Соображения Комитета.

Сообщение № 1306/2004

Представлено: Эрлингуром Свейнном Харалдссоном и Эрном Снайваром Свейнссоном
(представлены адвокатом г-ном Людвиком Эмилом Каабером)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Исландия

Дата принятия Соображений: 24 октября 2007 года

Тема сообщения: совместимость системы организации рыболовства с принципом недискриминации

Процедурные вопросы: понятие "жертва", исчерпание внутренних средств правовой защиты, совместимость с положениями Пакта

Вопросы существа: дискриминация

Статья Пакта: статья 26

Статьи Факультативного протокола: статья 1 и пункт 2 б) статьи 5

Вывод: наличие нарушения.

1.1 Авторами сообщения являются г-н Эрлингур Свейнн Харалдссон и г-н Эрн Снайвар Свейнссон, оба граждане Исландии. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Исландией статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах¹. Авторы представлены г-ном Людвиком Эмилом Каабером.

1.2 Авторы с детства являются профессиональными рыбаками. Их жалобы связаны с исландской системой организации рыболовства и ее последствиями для них. Система организации рыболовства, созданная законодательным путем, распространяется на всю рыбопромысловую деятельность в Исландии.

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Исландии 22 ноября 1979 года.

2.1 Адвокат и государство-участник ссылаются на *дело Кристьянссона*² и свои разъяснения, представленные в отношении этого дела и касающиеся системы организации рыболовства в Исландии. В 70-е годы XX века рыбопромысловые мощности Исландии превышали уровень воспроизводства ее рыбных ресурсов, и возникла необходимость принять меры для сохранения главного природного богатства Исландии. После ряда безуспешных попыток ограничить добычу отдельных видов и ввести лицензирование рыболовства по определенным категориям орудий лова или типу рыболовного судна на основании Закона 82/1983, первоначально принятого на один год, была введена система организации рыболовства. Она была основана на принципе распределения квот на добычу рыбы среди индивидуальных судов с учетом их рыбопромысловой мощности и обычно называлась "системой квот". Принцип распределения квот достаточно широко использовался с 60-х годов XX века применительно к ловле лангустов, креветок, моллюсков, мойвы и сельди, в отношении которых уже в 1975 году была установлена система квот.

2.2 Исходя из этого Закона, нормативный акт № 44/1984 (об организации глубоководного рыбного промысла) предусматривает, что лицензию на вылов рыбы могут получать те операторы судов, которые занимались выловом глубоководных видов в период с 1 ноября 1980 года по 31 октября 1983 года. Эти суда имели право на получение квот с учетом своей рыбопромысловой мощности в указанный период. Последующие нормативные акты исходили из тех же принципов, которые были преобразованы в статутное законодательство Законом № 97/1985, гласящее, что никто не может добывать без разрешения следующие виды рыб: глубоководную рыбу, креветки, лангусты, моллюски, сельдь и мойву. Главное правило заключалось в том, что разрешения на отлов рыбы должны быть ограничены теми судами, которые получили разрешения в предыдущем рыболовном году. Следовательно, списание того или иного судна, уже входящего в состав флота, являлось предварительным условием для предоставления какому-либо новому судну разрешения на отлов рыбы. После принятия Закона № 38/1990 об организации рыболовства (далее - Закон), с последующими внесенными в него поправками, система квот на добычу рыбы стала действовать на постоянной основе.

2.3 В статье 1 Закона говорится о том, что рыбопромысловые прибрежные районы Исландии являются общим достоянием исландского народа и что выделение квот не порождает права частной собственности или неограниченную по времени эксплуатацию рыбопромысловых районов частными лицами. В соответствии со статьей 3 Закона, министр рыболовства утверждает нормативный акт, устанавливающий объем общего допустимого улова (ОДУ) на определенный период или сезон в конкретных рыбопромысловых зонах Исландии, добычу рыбы в которых считается необходимым ограничить. Предусматриваемые в Законе права вылова рассчитываются на основе этого объема, и каждому промысловому судну выделяется конкретная доля ОДУ по видам рыб, так называемая "квотная доля". В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Закона, никто не может осуществлять в водах Исландии промышленную добычу рыбы, не имея общего разрешения на отлов. Статья 4(2) уполномочивает министра рыболовства принимать нормативные акты о введении специальных разрешений на добычу по определенным видам рыб или конкретному типу орудий лова, определенному типу морских судов или по конкретным районам. Статья 7(1) предусматривает, что добыча тех видов живых морских ресурсов, которые не подлежат ограничениям ОДУ, предусмотренным в статье 3, открыта для всех морских судов, имеющих разрешение на промышленный рыбный промысел. В статье 7(2) говорится о том, что все индивидуальные суда должны получать права на добычу тех видов рыбы, общий объем вылова которых ограничен. При установлении квотных долей на виды, в отношении которых ранее не действовал ОДУ, за основу берутся рыбопромысловые мощности за последние три рыбопромысловых сезона. При определении квотных долей на виды рыбы, вылов которых ограничен, за основу берутся представленные в предшествующие годы квоты. В соответствии со статьей 11(6) Закона, квотная доля рыболовецкого

---

² См. Сообщение 951/2000, *Кристьянссон против Исландии*, объявлено неприемлемым 16 июля 2003 года.

судна может быть полностью или частично передана другому судну или же объединена с квотной долей другого судна при условии, что в результате такой передачи права вылова получающему судну не будут явно превышены его промысловые мощности. Если эти стороны, обладающие постоянной квотной долей, не осуществляют своего права удовлетворительным образом, то они могут навсегда утратить свое право. Кроме того, Закон об организации рыболовства вводит ограничения на размер квотных долей, которыми могут обладать физические и юридические лица. Наконец, Законом устанавливаются наказания за нарушения его положений: от штрафов в размере 400 000 исландских крон до тюремного заключения сроком до шести лет.

2.4 Государство-участник представляет некоторые статистические данные, свидетельствующие о том, что сектор рыболовства по-прежнему является одним из важнейших компонентов исландской экономики. Оно отмечает, что любые изменения в системе организации могут оказать колоссальное воздействие на экономическое благосостояние страны. В последние несколько лет велись активные общественные дискуссии и политические споры о порядке правильной организации системы рыболовства наиболее эффективным образом в интересах как страны в целом, так и тех, кто занят в индустрии рыболовства. Исландские суды рассматривали систему организации рыболовства с учетом конституционных принципов равенства перед законом (статья 65 Конституции) и свободы занятий (статья 75 Конституции), в частности в двух делах.

2.5 В декабре 1998 года Верховный суд Исландии вынес свое решение по делу "Вальдимар Йоханнессон против Республики Исландия" (*дело Вальдимара*), заявив, что ограничения свободы на выбор трудовой деятельности на основании статьи 5 Закона об организации рыболовства несовместимы с принципом равенства, закрепленным в статье 65 Конституции. Он посчитал, что статья 5 Закона заранее устанавливает исключительные ограничения на возможность отдельных лиц избирать рыболовство в качестве своей трудовой деятельности. Он сделал вывод о том, что в соответствии с действовавшими в то время ограничениями разрешения на отлов рыбы предоставлялись лишь определенным судам, которые находились в составе рыболовного флота в течение определенного периода времени, или новым судам, которые их заменили, и что эти ограничения являются неконституционными. Однако он не занял никакой позиции по статье 7(2) относительно ограничений на доступ обладателей разрешений на отлов рыбы к рыбопромысловым районам. После этого парламент принял Закон № 1/1999, который существенно смягчил условия получения разрешений на промышленную добычу рыбы. После принятия этого Закона списание судов, уже входящих в состав флота, более не является предварительным условием для предоставления разрешения на отлов рыбы новым судам. Вместо этого были приняты общие условия для предоставления разрешений на отлов рыбы всем судам.

2.6 Другое соответствующее решение Верховного суда от 6 апреля 2000 года было принято по делу директората публичных преследований против Бьёрна Кристьянссона, Свара Гюднасона и Хирно лтд. (*дело Ватнейри*). В отношении статьи 7 Закона Верховный суд установил, что ограничения свободы отдельных лиц заниматься промышленным рыболовством совместимы со статьями 65 и 75 Конституции, поскольку они основаны на объективных соображениях. В частности, суд отметил, что положение о том, чтобы права на отлов были постоянными и могли передаваться, подкрепляется соображением о том, что это дает возможность операторам планировать свою деятельность в долгосрочной перспективе и увеличивать или сокращать объемы своего вылова конкретных видов по собственному усмотрению.

2.7 После *дела Вальдимара* был учрежден комитет для пересмотра законодательства, регулирующего организацию рыболовства. На основе его рекомендаций Законом № 85/2002 были приняты соответствующие поправки. Согласно этому закону за использование рыбопромысловых районов следует взимать пошлину, известную как "пошлина за улов". Эта пошлина основана на экономической производительности сектора рыболовства. Она включает в себя постоянную часть, основанную на издержках государства по организации рыболовства и переменный компонент, отражающий экономические показатели отрасли. По мнению государства-участника, эти поправки свидетельствуют о том, что исландские законодательные органы постоянно изучают наилучшие

способы достижения цели по наиболее эффективной организации рыболовства в интересах всего народа.

2.8 Авторы утверждают, что на практике, несмотря на статью 1 Закона (предусматривающую, что рыбопромысловые банки у берегов Исландии являются общим достоянием исландского народа и что предоставление прав на отлов не означает предоставления индивидуальным сторонам права собственности на такие квоты), те, на кого они были в указанный период распределены бесплатно, рассматривают эти квоты как личную собственность. Следовательно, другие лица, как, например, авторы, должны покупать или брать в аренду право на отлов рыбы у бенефициариев этого положения или у других лиц, которые, в свою очередь, приобрели у них такое право. Таким образом, авторы считают, что наиболее важный экономический ресурс Исландии отдан в руки привилегированной группы. Деньги, уплаченные за право доступа к рыбопромысловым банкам, возвращаются не к собственнику этого ресурса - исландскому народу, - а попадают в руки частных лиц.

Факты в изложении автора

3.1 В течение периода, о котором идет речь, авторы работали в качестве капитана и боцмана. В 1998 году вместе с третьим лицом они создали частную компанию "Фагримули эхф" и приобрели рыболовецкое судно "*Свейнн Свейнссон*", имевшее общее разрешение на отлов рыбы. Эта компания была зарегистрирована в качестве владельца судна. В течение 1997-1998 рыболовного сезона, когда судно было приобретено, были цессированы различные права вылова (права на добычу), но у этого судна не было каких-либо конкретных долевых квот. В начале 2001-2002 рыболовного сезона судну "*Свейнн Свейнссон*" были впервые предоставлены права вылова морской щуки, туска и морского ангела, которые позволяли осуществлять лишь незначительный отлов. Авторы утверждают, что они неоднократно ходатайствовали о предоставлении прав на добычу, используя различные основания, но безуспешно. В частности, Агентство по рыболовству заявило, что для предоставления им какой-либо квоты нет законных оснований. В результате они были вынуждены арендовать все права вылова у других лиц по непомерным ценам и в конечном счете обанкротились.

3.2 Они решили разоблачить эту систему, и 9 сентября 2001 года письменно обратились в министерство рыболовства с заявлением о том, что они намереваются ловить рыбу, не имея прав на добычу, с тем чтобы получить по данному вопросу судебное решение и установить, смогут ли они и впредь вести свой род занятий, не платя чрезмерных сумм денег другим лицам. В своем ответе от 14 сентября 2001 года министерство рыболовства обратило внимание авторов на тот факт, что в соответствии с положениями о наказаниях, содержащимися в Законе № 38/1990 об организации рыболовства и Законе № 57/1996 об эксплуатации рыбопромысловых районов, добыча, превышающая объемы, предусматриваемые в разрешениях на отлов рыбы, наказывается штрафами или тюремным заключением на срок до шести лет, а также изъятием разрешений на отлов рыбы.

3.3 10, 11, 13, 19, 20 и 21 сентября 2001 года первый автор, будучи управляющим директором, членом совета "Фагримули эхф", владельцем компании, эксплуатирующей "*Свейнн Свейнссон*", и капитаном этого судна, и второй автор, как председатель совета этой компании, направили судно в плавание и выловили, не имея необходимых прав на добычу, 5 292 кг потрошенной трески, 289 кг потрошенного морского окуня, 4 кг потрошенной зубатки и 606 кг потрошенной камбалы. Они сделали это с единственной целью, заключавшейся в том, чтобы об этом стало известно и их дело могло бы быть заслушано в суде. 20 сентября Агентство по рыбной ловле получило сообщение о том, что в этот день "*Свейнн Свейнссон*" доставило улов в Патрексфьёрдюр.

3.4 В свете этого Агентство по рыбной ловле подало комиссару полиции Патрексфьёрдюра жалобу на авторов в связи с нарушениями Закона № 57/1996 об эксплуатации рыбопромысловых районов, Закона № 38/1990 об организации рыболовства и Закона № 79/1997 о порядке регулирования рыбной ловли в Исландии. 4 марта 2002 года Национальный комиссар полиции возбудил против авторов уголовное дело в Окружном суде Вест-Фьёрдса. Авторы признались в совершении вменяемых им в вину деяний, но оспорили конституциональность положений о наказаниях, на которых было

основано обвинение. 2 августа 2002 года, сославшись на прецедент по решению Верховного суда от 6 апреля 2000 года в деле *Ватнейри*, Окружной суд признал авторов виновными и приговорил каждого из них к выплате штрафа в размере 1 млн. исландских крон³ или трем месяцам лишения свободы, а также обязал оплатить судебные издержки. Рассмотрев апелляцию, Верховный суд 20 марта 2003 года поддержал решение Окружного суда.

3.5 14 мая 2003 года компания авторов была объявлена банкротом. Их судно было продано с аукциона лишь за часть цены, которую авторы заплатили за него четырьмя годами ранее. Их банк потребовал осуществить принудительную продажу береговых сооружений компании и их домов. Одному из авторов удалось заключить с банком соглашение о поэтапной выплате и начать работу в качестве офицера на судне, используемом в промышленных целях. Другой автор потерял свой дом, уехал из своей родной общины и начал работать каменщиком. На момент представления сообщения ему не удалось расплатиться со своими долгами.

Жалоба

4.1 Авторы утверждают, что являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта, поскольку в соответствии с законом они обязаны платить деньги привилегированной группе сограждан, с тем чтобы им разрешили вести выбранный ими род занятий. В соответствии с принципами свободы труда и равенства, авторы просят предоставить им возможность вести избранный ими род занятий без необходимости преодоления заранее установленных препятствий, которые являются привилегиями для других.

4.2 Авторы требуют предоставить компенсацию за убытки, понесенные ими в результате функционирования системы организации рыболовства.

Замечания государства-участника

5.1 29 октября 2004 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения на трех основаниях: необоснованность утверждения авторов о том, что они являются *жертвами* нарушения статьи 26, исчерпание внутренних средств правовой защиты и несовместимость сообщения с положениями Пакта.

5.2 Государство-участник утверждает, что авторы не продемонстрировали, каким образом статья 26 Пакта может быть применима к их делу или каким образом принцип равенства был нарушен по отношению к ним как отдельным лицам. Они не продемонстрировали, что с ними обращались хуже или что они подвергались дискриминации по сравнению с другими лицами, находящимися в сопоставимом положении, или что какое-либо различие, которое было проведено между ними и другими лицами, было основано на неуместных соображениях. Они просто делают общее заявление о том, что исландская система организации рыболовства нарушает принцип равенства, закрепленный в статье 26.

5.3 Государство-участник отмечает, что авторы многие годы работали в море, один в качестве капитана, а другой - морского инженера. Они работали по найму на судах, от рыбопромысловой мощности которых зависела не их прямая выручка, а выручка их работодателей, которые, в отличие от авторов, инвестировали средства в суда и оборудование, с тем чтобы вести добычу рыбы. Одна из главных причин принятия Закона № 38/1990 об организации рыболовства заключалась в том, что он создаст приемлемые условия работы для тех, кто инвестировал средства в рыбопромысловую деятельность, вместо того чтобы на них распространялись те же ограничения на объем вылова, что и на других лиц, которые не вложили таких средств. Авторы не продемонстрировали, какой дискриминации они были подвергнуты, когда им было отказано в квоте, и получили ли капитаны или матросы других судов, находившиеся в том же положении, какие-либо квоты. Кроме того, они не

---

³ Примерно 13 600 долл. США.

предприняли никаких попыток для того, чтобы эти отказы были пересмотрены судами на том основании, что они представляют собой дискриминацию в нарушение статьи 65 Конституции или статьи 26 Пакта.

5.4 Когда авторы вложили средства в приобретение "*Свейнн Свейнссон*" в 1998 году, они знали о существовании этой системы. Они приобрели судно, не имея квоты, с намерением арендовать ее на квотной бирже в качестве основы для ведения рыбной ловли. В результате растущего спроса на квоты на рынке цены на квоты поднялись, что изменило экономическую основу для ведения авторами рыбной ловли. После того как они выловили рыбу без квоты, они предстали перед судом и были осуждены, что случилось бы с любым другим лицом, находившимся в аналогичных обстоятельствах. Государство-участник делает вывод о том, что сообщение следует объявить неприемлемым *ratione personae* в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола, поскольку авторы недостаточно обосновали свои утверждения о том, что являются жертвами нарушения Пакта.

5.5 Государство-участник заявляет, что авторы не исчерпали всех имеющихся внутренних средств правовой защиты, поскольку они не предприняли никаких попыток к тому, чтобы отказ в выдаче им квоты был пересмотрен судами. Они могли бы передать эти административные решения в суды с просьбой об их отклонении. Государство-участник указывает, что это было сделано в деле *Вальдмара*, где соответствующее лицо, которому было отказано в разрешении на ведение рыбной ловли, потребовало отмены административного решения. Его требование было принято судами, что свидетельствует о том, что это является эффективным средством правовой защиты. Государство-участник делает вывод о том, что сообщение следует объявить неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

5.6 Наконец, государство-участник утверждает, что суть дела состоит в том, является ли ограничение права авторов на свободный выбор трудовой деятельности чрезмерным, поскольку, по их мнению, цены квот на коммерческий улов являются неприемлемыми и представляют собой препятствие для осуществления их права на свободный выбор трудовой деятельности. Государство-участник отмечает, что право на свободный выбор трудовой деятельности само по себе не защищается Международным пактом о гражданских и политических правах и что в отсутствие конкретных доводов в пользу того, что ограничение их свободы заниматься трудовой деятельностью носит дискриминационный характер, сообщение должно быть признано неприемлемым как несовместимое с положениями Пакта по смыслу статьи 3 Факультативного протокола.

5.7 Государство-участник также высказывает соображения по существу сообщения. Оно утверждает, что никакой противозаконной дискриминации между авторами и теми, кому были предоставлены права вылова, не проводилось. Имела место оправданная дифференциация. Эта дифференциация преследовала законные цели и была основана на разумных и объективных критериях, определенных в законе и подтверждающих соразмерность используемых средств и преследуемой цели. Государство-участник поясняет, что общественные интересы требуют установить ограничения на свободу отдельных лиц заниматься промышленным рыболовством для предотвращения чрезмерного вылова. Направленные на достижение этой цели ограничения регламентированы в подробных законодательных актах о рыболовстве. Государство-участник далее утверждает, что распределение ограниченных ресурсов невозможно без определенной дискриминации, и заявляет о том, что при выдаче разрешений законодательная власть руководствуется прагматическим подходом. Государство-участник отвергает утверждение авторов о том, что гарантируемый статьей 26 Пакта принцип равенства следует толковать так, словно из него вытекает обязанность выделять определенную долю ограниченных ресурсов всем гражданам, которые работают в качестве матросов или капитанов. Такое положение нарушало бы принцип равенства в отношении группы лиц, которые, вложив значительные средства в эксплуатацию судов и развитие коммерческих предприятий, связали с сектором рыболовства свои знания, активы и избрали его в качестве источника средств к существованию.

5.8 Государство-участник подчеркивает, что положение, в соответствии с которым права вылова являются постоянными и могут передаваться, основано главным образом на соображении о том, что это позволяет отдельным лицам планировать свою деятельность в долгосрочной перспективе и увеличивать или ограничивать свои права вылова конкретных видов по собственному усмотрению, что ведет к выгодному для национальной экономики использованию рыбопромысловых районов. Государство-участник отмечает, что постоянный и передаваемый характер прав вылова обеспечивает экономическую эффективность и является наилучшим средством решения экономических и биологических задач в рамках организации рыболовства. Наконец, государство-участник подчеркивает, что в третьей фразе статьи 1 Закона об организации рыболовства ясно говорится о том, что предоставление прав вылова не наделяет стороны ни правом собственности, ни неотъемлемой юрисдикцией в отношении права вылова. Поэтому права вылова являются постоянными лишь в том смысле, что их можно отменить или изменить лишь посредством законодательного акта.

5.9 В заключение государство-участник отмечает, что дифференциация, вытекающая из системы организации рыболовства, основана на объективных и адекватных критериях и направлена на достижение законных целей, определенных в законодательстве. При введении ограничений на свободный выбор трудовой деятельности принцип равенства был соблюден, и авторы не обосновали достаточным образом свое утверждение о том, что они являются жертвами противозаконной дискриминации в нарушение статьи 26 Пакта.

Комментарии авторов

6.1 28 декабря 2004 года авторы прокомментировали замечания государства-участника по вопросу о приемлемости. В отношении первого довода государства-участника о том, что авторы не являются *жертвами* нарушения Пакта, авторы указывают, что с ними обращались незаконно не в рамках внутригосударственного права, а по смыслу Пакта. Авторы утверждают, что решение государства-участника закрыть рыбопромысловые районы для лиц, не занимавшихся рыбной ловлей в "указанный период", на самом деле означало передачу рыбопромысловых районов в дар лицам, которые вели такую ловлю, и, как стало ясно впоследствии, даровую передачу личного права требовать плату с других граждан за ведение рыбной ловли в океанских водах у берегов Исландии. На практике эти права имеют характер собственности. Жалоба авторов касается этой передачи в дар и положения, в котором оказались авторы вследствие этого. Они вновь заявляют о том, что они, воспитанные и обученные как рыбаки, происходят из культурной среды рыбаков и хотят быть рыбаками. Они вынуждены, если хотят заниматься деятельностью по своему выбору, преодолевать препятствия, которые не стоят на пути их привилегированных сограждан. Поэтому они утверждают, что являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта. Тот факт, что все граждане Исландии, за исключением отдельной группы граждан, находятся в их положении и что им также были бы предъявлены уголовные обвинения, если бы они не согласились с этим положением, не имеет значения. Авторы признают, что большая часть других граждан Исландии столкнулась бы с такими же трудностями, что и они. Но они считают, что их ситуацию следует сравнивать не с другими людьми, находящимися в их положении, а с положением группы лиц, членам которой была предоставлена привилегия и которые имеют право получать денежные выплаты от принадлежащих к их числу лиц, таких, как авторы, желающих работать в этой же области.

6.2 Авторы напоминают о том, что в отличие от господина Кристьянссона, дело которого было объявлено Комитетом неприемлемым, авторы являлись владельцами предприятия, эксплуатировавшего судно, которое они использовали. Они были прямо, лично и непосредственно заинтересованы в том, чтобы вести избранный ими род занятий и они неоднократно подавали заявление на получение квоты.

6.3 Авторы указывают, что, когда они решили вести рыбную ловлю в нарушение действовавших правил, исландское общество было разделено в спорах о характере системы организации рыболовства. Мнение, которого придерживались общественность и многие политические деятели, заключалось в том, что исландскую систему организации рыболовства нельзя более сохранять и что

право использовать рыбопромысловые банки следует как можно скорее признать за каждым гражданином, отвечающим общим требованиям.

6.4 В отношении довода государства-участника о том, что авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты, авторы отмечают, что конституционные положения обладают приоритетом над всеми другими источниками права. Поэтому несовместимость какого-либо уголовного положения с Конституцией является юридически обоснованным возражением в исландском уголовном праве, и установление вины подтверждает конституционную действительность того или иного уголовного положения. Именно по этой причине двое из семи судей Верховного суда хотели оправдать господина Кристьянссона в деле *Ватнейри*. Приговор авторам был вынесен со ссылкой на это дело. Они подчеркивают, что вопрос, в отношении которого они представляют жалобу в Комитет, касается законодательства Исландии.

6.5 Авторы ссылаются на довод государства-участника о том, что они не оспаривали решение об отказе в выдаче им квоты на отлов рыбы во внутригосударственных судах, как это сделал господин Йоханессон в деле *Вальдимара*, и поэтому не исчерпали внутренних средств правовой защиты. Они отмечают, что законодательные органы должны принимать правила, регулирующие организацию рыболовства, административные органы должны осуществлять эти правила на практике, а суды - разрешать споры, касающиеся толкования или осуществления этих правил. Они также отмечают, что, как указывалось государством-участником, решение в деле *Вальдимара* не касалось вопроса о предоставлении квот привилегированной группе и последующего требования о том, что другие должны платить им за долю того, что было ими получено даром. В деле *Ватнейри* Верховный суд объявил систему организации рыболовства конституционно действительной. Согласно этим правилам, авторам не могли быть выделены квоты, поскольку они не отвечали существующим требованиям.

6.6 Что касается утверждения государства-участника о том, что жалоба несовместима с положениями Пакта, то авторы соглашаются с тем, что меры по предупреждению чрезмерного отлова посредством установления ограничений на объем вылова являются необходимым элементом защиты и рационального использования рыбопромысловых районов и что общественные интересы требуют установления ограничений на свободу отдельных лиц заниматься промышленным рыболовством. Они могут согласиться с утверждением о том, что право на занятость может быть предоставлено только какой-либо ограниченной группе. Тем не менее они утверждают, что такие ограничения должны носить общий характер и что все граждане, удовлетворяющие определенным общим требованиям, должны иметь равные шансы для того, чтобы быть в составе этой ограниченной группы. По их мнению, требование о получении в дар какой-либо постоянной личной квоты или о покупке или аренде такой квоты не является правоммерным.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

7.1 На своей семьдесят седьмой сессии 5 июля 2006 года Комитет изучил вопрос о приемлемости сообщения. Он отметил, что государство-участник оспорило приемлемость сообщения на том основании, что авторы не являются жертвами нарушения Пакта. Авторы утверждают, что являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта, поскольку по закону они были обязаны заплатить деньги привилегированной группе своих сограждан, с тем чтобы им разрешили продолжать вести род занятий по своему собственному выбору. Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что с авторами обращались так же, как и со всеми другими лицами, находящимися в их положении, т.е. рыбаками, которые не получили квоту в течение указанного периода. Однако в действительности авторы утверждают, что с ними обращались иначе, чем с теми, кто получил квоту в течение указанного периода. Комитет отмечает, что единственная разница между авторами, основавшими компанию, которая владела судном "*Свейнн Свейнссон*" и эксплуатировала его, и получившими отказ в предоставлении квоты, и рыбаками, которые действительно получили квоту, заключалась в периоде времени, в течение которого они занимались рыболовством. Комитет отмечает, что требование относительно указанного периода после этого стало постоянным. Это было

подтверждено тем фактом, что авторы неоднократно ходатайствовали о предоставлении квоты и все просьбы были отклонены. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу о том, что авторы непосредственно пострадали от системы организации рыболовства в государстве-участнике и что у них был личный интерес в рассмотрении данного дела.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты, поскольку они не пытались добиться пересмотра в исландских судах вынесенного решения об отказе им в предоставлении квоты. Он изучил ссылку государства-участника на дело *Вальдимара*, сделанную для того, чтобы показать, что у авторов было реальное и эффективное средство правовой защиты. В этом решении Верховный суд установил, что:

"Хотя временные меры такого рода, направленные на предотвращение исчезновения популяций рыбы, и могут быть оправданными, закрепление законом на постоянной основе дискриминации, проистекающей из положения, содержащегося в статье 5 Закона № 38/1990, в отношении вопроса о правах на отлов рыбы, нельзя рассматривать как логически необходимое. Ответчик [государство-участник] не продемонстрировал, что для достижения законной цели защиты рыбных популяций вокруг Исландии не могут быть использованы другие средства".

Суд посчитал, что статья 5 Закона № 38/1990 противоречит принципу равенства. Однако он пришел к выводу о том, что:

"Нельзя считать, что министерство рыболовства на законных основаниях отклонило ходатайство истца о предоставлении общей и специальной лицензий на отлов рыбы по соображениям, на которых было основано это решение об отказе. Поэтому принятое министерством решение об отказе будет признано недействительным. С другой стороны, в связи с данным делом не будет занята какая-либо позиция по вопросу о том, было ли министерство в данной ситуации обязано удовлетворить ходатайство истца, поскольку дело возбуждено только по вопросу о признании решения министерства недействительным, а не о признании права истца на получение каких-либо конкретных прав на отлов рыбы".

Комитет не был проинформирован о том, была ли истцу в данном деле впоследствии предоставлена квота в результате аннулирования Верховным судом административного решения об отказе ему в предоставлении квоты. Он счел, что один этот пример не может быть использован для того, чтобы показать, что у авторов имелось эффективное средство правовой защиты.

7.3 Комитет также отметил, что конституционная действительность системы организации рыболовства была впоследствии подтверждена Верховным судом в деле *Ватнейри*, которое использовалось в качестве прецедента при рассмотрении дела авторов Окружным судом и Верховным судом. В этих обстоятельствах и с учетом того, что авторы не удовлетворяли правовым и административным требованиям для предоставления квоты, Комитету трудно предположить, что Верховный суд принял бы решение в пользу авторов, если бы они попытались обжаловать административные решения об отказе в предоставлении квоты. Поэтому Комитет пришел к выводу о том, что средство правовой защиты, на которое ссылалось государство-участник, не являлось эффективным для целей пункта 2 b) Факультативного протокола.

7.4 Наконец, Комитет отмечает, что авторы неоднократно ходатайствовали о предоставлении квоты и что все просьбы были отклонены, поскольку они не отвечали требованию о предоставлении таковой, а именно требованию о том, чтобы они занимались активной деятельностью в секторе рыболовства в период с 1 ноября 1980 года по 31 октября 1983 года. По мнению Комитета, у авторов не было никакой возможности получить квоту от государства-участника, поскольку у государства-участника, раздавшего все имевшиеся квоты в начале 80-х годов XX века и сделавшего тогдашних бенефициариев квот постоянными владельцами квот, на самом деле больше не было квот для распределения. Комитет пришел к выводу о том, что вследствие этого у авторов не было эффективного средства правовой защиты для того, чтобы оспорить решение об отказе в

предоставлении им квоты, и что ничто не мешает ему рассмотреть сообщение в рамках пунктах 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7.5 Что касается утверждения государства-участника о том, что жалоба авторов выходит за рамки Пакта, то Комитет считает, что факты затрагивают вопросы, непосредственно связанные с существом дела, и что эти вопросы уместнее рассматривать вместе с содержанием жалобы авторов по смыслу статьи 26 Пакта. 5 июля 2006 года Комитет объявил сообщение приемлемым.

Соображения государства-участника по существу вопроса

8.1 19 января 2007 года государство-участник представило свои соображения по существу сообщения. Оно приводит формулировки статьи 65⁴ и пункта 1⁵ статьи 75 Конституции, касающиеся соответственно равенства перед законом и свободы трудовой деятельности. Что касается законов, регулирующих рыболовство, то государство-участник указывает, что единообразная система индивидуальных передаваемых квот (ИПК) была введена в 1991 году Законом № 38/1990 об организации рыболовства. До этого было опробовано множество различных систем организации рыболовства, отличающихся от ИПК, включая квоты на общий объем вылова, лицензии на рыболовство, ограничения на ведение рыбной ловли и программы контроля за инвестициями и выкупа судов. Однако опыт, накопленный в рамках осуществления этих различных систем, привел к принятию системы ИПК во всех рыбопромысловых районах.

8.2 Государство-участник представило обновленную информацию о поправках, внесенных в законодательство об организации рыболовства. В 2006 году Закон об организации рыболовства был в целом переиздан как Закон № 116/2006, заменив прежний Закон № 38/1990. Основные положения, касающиеся дела авторов, остаются фактически неизменными.

8.3 Что касается существа дела, то государство-участник утверждает, что авторы не представили обоснованных доводов в отношении своего утверждения по статье 26 Пакта; вместо этого они только в общих чертах заявили о том, что имела место противозаконная дискриминация, поскольку власти не предоставили им квотной доли, которая была предоставлена тем лицам, занимающимся рыбным промыслом, которые получили такие права на отлов в соответствии с Законом № 38/1990 на основе их прежнего опыта рыболовства.

8.4 Государство-участник считает, что ограничение трудовой деятельности авторов не представляло собой нарушения статьи 26. В отношении авторов не осуществлялось никакой противозаконной дискриминации по сравнению с теми лицами, которым квотные доли были предоставлены в соответствии со статьей 7 Закона № 38/1990. Дифференциация между авторами, которые принадлежали к большой группе исландских моряков и операторов рыболовческих судов, была оправданной. Государство-участник ссылается на нормы, установленные исландскими судами и Европейским судом по правам человека, с тем чтобы оценить оправданность дифференциации. Во-первых, цель дифференциации была законной и была основана на объективных и разумных соображениях. Во-вторых, она была предусмотрена законом. В-третьих, в отношении авторов не осуществлялась какая-либо чрезмерная дискриминация, если рассматривать это в сопоставлении с общей целью рыболовного законодательства. Государство-участник ссылается на практику⁶

---

⁴ "Все лица равны перед законом и пользуются правами человека независимо от их пола, религии, убеждений, национального происхождения, расы, цвета кожи, имущественного положения, рождения или иного положения. (...)".

⁵ "Все лица свободны заниматься трудовой деятельностью по своему выбору. Тем не менее эта свобода может ограничиваться законом, если того требуют общественные интересы".

⁶ Государство-участник ссылается на сообщение № 182/1984, *Зваан де Врис против Нидерландов*, Соображения принятые 9 апреля 1987 года.

Комитета, в соответствии с которой не всякое различие представляет собой дискриминацию и что объективная и разумная дифференциация допускается. Оно заявляет, что в отношении авторов для дифференциации были соблюдены все условия, с тем чтобы она не представляла собой нарушения статьи 26.

8.5 Касаясь цели дифференциации, государство-участник отмечает, что с защитой и экономическим использованием рыбопромысловых районов связаны важные и очевидные общественные интересы. Государство-участник подписало международно-правовые обязательства с целью обеспечения рационального использования этих ресурсов, в частности содержащиеся в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Угроза чрезмерного вылова рыбы в Исландии является реальной и непосредственной, что обусловлено развитием рыболовецкой техники, увеличением объемов вылова и ростом рыболовецкого флота. Коллапс рыбопромысловых районов будет иметь катастрофические последствия для исландского народа, для которого рыболовство с давних времен является одним из основных видов деятельности. Меры по недопущению чрезмерного вылова рыбы посредством установления ограничений на отлов являются необходимым элементом защиты и рационального использования рыбопромысловых районов. Поэтому общественные интересы требуют того, чтобы свобода отдельных лиц заниматься промышленным отловом рыбы была ограничена. Такие ограничения предписываются законом и подробно оговорены в законодательстве о рыболовстве. Государство-участник ставит вопрос о том, как нужно было делить ограниченные ресурсы рыбопромысловых районов страны, и считает, что было невозможно предоставить равные доли всем гражданам.

8.6 Государство-участник утверждает, что существуют разумные и объективные основания для решения законодательных органов Исландии ограничивать и контролировать объемы улова посредством системы квот, в которой права вылова предоставляются на основе прежнего рыболовного опыта рыболовецких судов, а не путем использования других методов организации рыболовства. Оно ссылается на решение Верховного суда в деле *Вальдемара*:

"Придание правам вылова постоянного характера, предполагающего возможность передачи, также обусловлено соображением о том, что это позволяет операторам планировать свою деятельность в долгосрочной перспективе и увеличивать или сокращать объем вылова отдельных видов в соответствии с тем, как это им необходимо в каждый конкретный момент. В этом отношении Закон основан на положении о том, что экономические выгоды, проистекающие из постоянного характера прав вылова, и возможности передачи прав вылова и квот приведут к прибыльному использованию рыбопромысловых районов на благо национальной экономики".

8.7 Государство-участник ссылается на Закон № 85/2002, которым было установлено положение о взимании с операторов судов за право доступа к рыбопромысловым районам специальной пошлины на отлов, которая исчисляется с учетом рыбопромысловых мощностей рыбных хозяйств. Пошлина на отлов оказывает то же воздействие, что и специальный налог, взимаемый с операторов судов. Это свидетельствует о том, что законодательные органы постоянно изучают оптимальные способы эффективного контроля за рыболовством и обеспечения наилучших интересов Исландии. Парламент постоянно изучает меры по организации рыболовства и право на отлов рыбы. Он также может оговорить это право соответствующими условиями и выбрать более эффективный способ обеспечения общественных интересов.

8.8 Государство-участник отмечает, что сравнение различных систем организации рыболовства в Исландии и за рубежом, а также рассмотрение результатов научных исследований, проведенных учеными в области морской биологии и экономики, позволили сделать безоговорочный вывод о том, что система квот, подобная исландской, является наилучшим способом достижения экономических и биологических целей современных систем организации рыболовства. Оно ссылается на доклад,

озаглавленный "On Fisheries and Fisheries Management in Iceland – A background report" ("Рыболовство и организация рыболовства в Исландии - справочный доклад")⁷. В этом докладе охарактеризованы основные особенности и преимущества системы ИПК и опыт использования этой системы в других странах. Государство-участник ссылается также на доклад ОЭСР "Towards Sustainable Fisheries: Economic Aspects of the Management of Living Marine Resources" ("Обеспечение устойчивого рыболовства: экономические аспекты управления живыми ресурсами моря").

8.9 Государство-участник отмечает, что объективные и разумные основания, существовавшие при принятии системы ИПК, по-прежнему сохраняются. Если бы все граждане Исландии на основе равенства перед законом имели равное право начать рыбопромысловую деятельность и в этих целях им были бы предоставлены квоты на отлов, тогда была бы разрушена основа исландской системы организации рыболовства. Такое положение подорвало бы стабильность системы. Квотные права, которые первоначально были предоставлены на основе рыбопромысловых мощностей, после этого в значительной степени перешли в другую собственность. Те, кто впоследствии приобрел эти квоты, - либо купил их по полной рыночной стоимости, либо взял их в аренду. Эти лица не являются "привилегированной группой". Они приняли правила, действующие в исландской системе организации рыболовства. Если эти права были бы внезапно ограничены или отняты у их собственников, с тем чтобы на равной основе распределить их среди тех, кто заинтересован в том, чтобы начать рыбопромысловую деятельность, то это стало бы серьезным попранием прав тех, кто инвестировал средства в эти права и на законных основаниях предполагает, что может и впредь пользоваться ими.

8.10 Государство-участник отметило, что последствия действия законов и положений не были чрезмерными для авторов и поэтому не нарушают принцип пропорциональности в соответствии со статьей 26 Пакта. Государство-участник рассматривает положение авторов на двух временных этапах: а) во время принятия Закона № 38/1990 об организации рыболовства и первоначального распределения прав вылова и б) в то время, когда их просьба о предоставлении квоты на отлов была отклонена, поскольку они не отвечали требованиям закона.

8.11 Во-первых, 1 января 1991 года, когда вступил в силу Закон об организации рыболовства, оба автора работали в море на том же судне в качестве капитана и боцмана. Они находились в том же положении, что и тысячи других морских офицеров, не вложивших никаких финансовых средств в рыбопромысловые суда, с помощью которых они решили зарабатывать себе на жизнь. Тем не менее рыбопромысловые показатели судов, на которых они работали, обусловили получение этими судами квотной доли на основе новой системы организации рыболовства. Новая система ничего не изменила в контексте работы авторов в качестве капитана и боцмана судна. Они были в состоянии продолжать свою карьеру, и для них не возникло никаких чрезмерных последствий. Им не пришлось отказаться от того рода занятий, к которому, как они утверждают, они были готовы с образовательной и культурной точек зрения.

8.12 Государство-участник не согласно с тем, что статья 26 Пакта не позволяла властям, готовившим новое законодательство, проводить какое-либо разграничение между лицами, являвшимися владельцами рыбопромысловых судов (которых авторы называют "привилегированной группой"), и другими лицами, работавшими в секторе рыболовства. Оно не согласно с тем, что всем им следовало бы предоставить равные права на вылов. Между владельцами рыбопромыслового судна, на котором работали авторы, и моряками, которые работали на этом корабле, была существенная разница.

8.13 Поэтому государство-участник считает, что ту разницу, которая была проведена между авторами и владельцами рыбопромысловых судов при принятии Закона, нельзя рассматривать как представляющую собой противозаконную дискриминацию по смыслу статьи 26.

---

⁷ Этот доклад в прилагается к соображениям государства-участника.

8.14 Во-вторых, государство-участник рассматривает ситуацию, когда авторы решили стать операторами судна и приобрели рыболовецкое судно, имеющее ограниченные права вылова. Их намерения, когда приобретали судно, были непрактичными, что отчасти объясняется значительным сокращением объема популяций некоторых исчезающих видов рыбы. Эти сокращения общего объема вылова в равной мере коснулись всех рыболовецких судов, имевших квотные доли на отлов соответствующих видов, и привели к временному росту рыночных цен на квоты отлова этих видов. Можно было предполагать, что власти примут решение об отказе в предоставлении квоты авторам. Потеря собственности и доходов явилась следствием их собственного решения перестать работать в своем прежнем качестве работников по найму в секторе рыболовства и начать управлять судоходной компанией исходя из неубедительных и рискованных предпосылок. Было ясно, какие правовые условия распространялись в то время на лиц, намеревавшихся приступить к эксплуатации рыболовецкого судна.

8.15 Государство-участник утверждает, что, если Комитет согласится с тем, что на основании приобретения авторами рыболовецкого судна в 1998 году они имели право на предоставление им квоты и начало рыболовецкой деятельности, тогда он также должен по меньшей мере согласиться с тем, что все лица, работавшие в качестве капитанов судов или членов экипажа, также имели равное право на начало рыболовецкой деятельности и получение квот. Последствия системы не более серьезны для авторов, чем для тысяч других моряков в Исландии, которые, возможно, желают приобрести рыболовецкое судно и начать рыболовецкую деятельность. Государство-участник не может согласиться с тем, что операторы судов намеренно производят незаконный отлов рыбы в знак протеста против того, что они считают несправедливой системой организации рыболовства. Ясно, что лица, нарушающие закон, будут привлечены к ответственности. Поступив так, они не приобрели статуса "жертв" противозаконной дискриминации.

8.16 Наконец, государство-участник заявляет, что если бы оно в настоящее время решило предоставить равные квоты на отлов рыбы всем лицам, которые работают в море или которые заинтересованы в приобретении и эксплуатации рыболовецких судов, то это привело бы к возникновению серьезных последствий для тех, кто в настоящее время ведет активную рыболовецкую деятельность и инвестировал средства в такие права. Такое решение имело бы последствия для заинтересованности общества в целом в сохранении стабильности сектора рыболовства. Ввиду повышения спроса на доли в рыбопромысловых районах (ограниченный ресурс) и обязанности правительства предоставлять равные доли всем рыбакам стабильность этих прав была бы поставлена под сомнение. В результате инвестиции в рыболовецкие суда стали бы невыгодными, индустрия в целом столкнулась бы с трудностями и произошел бы возврат к ситуации, которая существовала до вступления в силу нынешней системы.

8.17 Государство-участник утверждает, что финансовые потери авторов связаны не с системой организации рыболовства, а скорее с их собственным решением приобрести рыболовецкое судно без квотной доли, зная о предусмотренных законом требованиях и предсказуемых последствиях этой ситуации.

Комментарии авторов

9.1 23 марта 2007 года авторы представили свои комментарии в отношении замечаний государства-участника по существу дела. Они утверждают, что государство-участник настойчиво придерживалось политики, принятой после решения по делу *Вальдимара*, пренебрегая всякой возможностью создать систему организации рыболовства, которая соответствовала бы основополагающим принципам прав человека. Если государство-участник утверждает, что "значительное большинство" прав вылова, установленных системой, теперь уже было продано, то авторы соглашаются с тем, что "многие стали миллионерами, продав свои подарки". Однако многие лица и компании сохраняют свои подарки в собственности и либо сдают их в аренду другим лицам, либо используют их в собственных интересах. Никакой отчетности или регистрации продаж не производилось. Авторы утверждают, что государству удалось уговорить невиновных приобрести

незаконно приобретенные ценности. В то же время они заявляют, что покупка незаконно приобретенных ценностей не создает права собственности.

9.2 Авторы заявляют, что права человека не подлежат действию законов об исковой давности и не могут быть отменены предписанием. Они указывают, что не требуют доли в какой-либо привилегии. Наоборот, они настаивают на том, что ограничения на рыбную ловлю должны устанавливаться на основе условий, распространяющихся на всех. Они утверждают, что во всякой нормальной внутригосударственной правовой системе незаконно на постоянной основе ограничивать океанскую рыбную ловлю четко определенной группой лиц, которым такое право было предоставлено бесплатно, и обязывать других покупать долю в привилегиях ее членов к их личной выгоде.

9.3 Авторы утверждают, что принцип равенства запрещает дискриминацию по признакам, указанным в статье 26 Пакта, которые включают "положение". Для целей этих положений "дискриминация" означает менее благоприятное обращение с каким-либо лицом, по сравнению с другими, по таким признакам. Если каким-либо лицам предоставляется привилегия, в которой отказывается другим, то создается "положение", включающее не только положение привилегированности, но также и положение непривилегированности. Предполагаемый нарушитель статьи 26 не может логически использовать в качестве аргумента довод о том, что все лица, которые не пользуются привилегией, находятся в одинаковом положении.

9.4 Что касается довода государства-участника о том, что никакой дискриминации по смыслу статьи 26 не имело место, то авторы соглашаются с тем, что цель дифференциации, т.е. сохранение и защита природных ресурсов, была законной. Однако они отмечают, что метод, использовавшийся для преследования этой цели, заключался в распределении всех ОДУ среди операторов, проявивших активность в определенный период времени. После этого было принято решение о том, чтобы превратить доли ОДУ в частную, подлежащую переуступке собственность. В результате была создана привилегия для получателей в ущерб гражданским правам других лиц. Вследствие этого лишь получатели могли заниматься рыболовством. Все другие, включая авторов, должны покупать у них часть отданной им в дар доли ОДУ, если они тоже хотят заниматься рыболовством. Авторы утверждают, что законность сохранения и защиты никак не связана с последствиями принятия этой меры.

9.5 Авторы считают, что создание привилегии не имеет правовой основы вследствие ее неконституционности. Они добавляют, что дискриминация никогда не может быть оправдана и что смысл понятия "дискриминация" заключается в неспособности государства применять выгодные правила по отношению ко всем или в применении неблагоприятных правил только по отношению к некоторым.

9.6 Что касается заявления государства-участника о необходимости соблюдения права на труд лиц, ведущих активную деятельность в секторе рыболовства, то авторы ставят под сомнение беспристрастность этого довода. Они утверждают, что с появлением и вступлением в силу системы организации рыболовства укоренилась идея о том, что труд или право продолжать трудовую деятельность, которой занималось соответствующее лицо, на самом деле является собственностью, которая как таковая охраняется статьей 72 Конституции Исландии. Впоследствии был выдуман аргумент для оправдания системы организации рыболовства, когда было объявлено, что конституционные права бенефициариев ограничения промысловых банок должны быть защищены.

9.7 Авторы напоминают о том, что исландская система организации рыболовства сложилась эволюционным путем, после чего было принято решение о придании ей постоянного характера. Причина того, почему ее терпели первоначально, заключалась в том, чтобы отдельным лицам и компаниям, вложившим средства в суда и оборудование, была предоставлена возможность окупить свои вложения. Авторы ссылаются на дело *Вальдимара*, в котором отмечалось, что:

"Хотя временные меры подобного рода по предотвращению коллапса промысловых районов, возможно, были оправданными, хотя речь идет не об этом, закрепление законодательным путем дискриминации, проистекающей из [...] вопроса о правах на рыбную ловлю, нельзя считать логически необходимым".

9.8 Авторы указывают, что обязанность разработать такую систему организации рыболовства, которая не нарушает международные права человека, является задачей исландского правительства, а не авторов. Они требуют возможности продолжать вести избранный ими род занятий на тех же условиях, которые распространяются на других. Решение о том, как соблюсти это требование, должно принять правительство Исландии.

9.9 Что касается высказанного государством-участником опасения относительно "очевидной основы для коллапса исландской системы организации рыболовства", то авторы заявляют, что сохранению этой системы способствовало опасение, что рухнет система бесплатно предоставленных привилегий. Однако ее уничтожение было бы в некоторой степени компенсировано возвращением к соблюдению правовых принципов и большим уважением закона в будущем.

9.10 Что касается утверждения государства-участника о том, что система организации рыболовства не затрагивает авторов, поскольку они могли продолжать свою карьеру, которую они делали всю свою трудовую жизнь, то авторы ссылаются на принцип равенства возможностей: возможность всех лиц любого ранга или любых качеств улучшать свое социальное положение и благосостояние, занимаясь работой любого рода, была до последнего времени одной из сильных сторон Исландии.

9.11 Авторы считают, что в условиях, которые можно считать незаконными с точки зрения как внутригосударственного, так и международного права, попытки какого-либо лица согласовать свою деятельность с этими условиями не следует рассматривать как признание их законности или как его отказ от своего права осудить эти условия как незаконные. Авторы ссылаются на положение пункта 1 Закона, в котором признается "общее достояние народа". Лица, публично выступающие от имени правительства Исландии, все больше склоняются к тому, что это положение является бессмысленным. Такое заявление позволяет предположить, что это положение было включено в Закон для того, чтобы ввести общество в заблуждение. Кроме того, авторы действовали так, как они действовали, поскольку чувствовали большую несправедливость.

9.12 Авторы подчеркивают, что их требование заключается не в том, чтобы власти предоставили им квотную долю, а в том, чтобы иметь возможность продолжать вести избранный ими род занятий на тех же условиях, что и другие. Они не ставят перед собой задачу точно определить, как должно быть выполнено это требование.

9.13 Авторы поясняют, что треска является и всегда являлась самым распространенным видом рыб, вылавливаемых в океанических водах вокруг Исландии, и экспорт этого вида всегда приносил гораздо более высокие доходы. Треска настолько широко распространена и так часто встречается, что она обычно попадает в сети при лове любой другой океанской рыбы. В улове любого другого вида обычно содержится 5-15% трески. Тот факт, что треска попадает в улов любой другой рыбы, обуславливает необходимость того, чтобы рыбаки имели квоту на отлов трески, даже если они намерены ловить только иные виды. Для отлова других видов, на которые у них имелась квота, авторам надо было бы получить или купить квоту на отлов трески, которая обязательно тоже попадет в сети. Поскольку никакой квоты на отлов трески им выдано не было, они были вынуждены ее приобрести посредством аренды или покупки.

9.14 Водоизмещение судна авторов "*Свейнн Свейнссон*" составляло 24 тонны брутто. Они хотели развивать свою компанию, эксплуатируя рыболовецкие суда примерно такого или, если это будет возможно, гораздо большего водоизмещения, то есть современные океанические рыболовецкие суда. Это то, чем они занимались и для чего проходили подготовку. Введенная в 1984 году система квот автоматически распространилась на всех лиц, являющихся владельцами судов водоизмещением в

10 т брутто и более, но на суда меньшего размера эта система сразу не распространялась. Это происходило постепенно, поэтапно. Законом № 97/1985 ограничения на отлов рыбы сетями были установлены для судов водоизмещением менее 10 тонн. Законом № 8/1988 установленный лимит в 10 тонн был понижен до 6 тонн. Наконец, Законом № 38/1990 предусматривалось сохранение учрежденной системы для всех судов водоизмещением более 6 тонн. Даже если верно то, что этот процесс был завершен только в 2004 году, это ничего не меняет в отношении жалобы авторов.

9.15 Что касается защиты права на свободу трудовой деятельности, то авторы заявляют, что цель статьи 75 Конституции заключается в том, чтобы возможности трудоустройства были открыты всем при соблюдении общеприменимых требований. Ее цель состоит не в том, чтобы защищать интересы тех, кто уже имеет работу. Напротив, ее цель заключается в недопущении того, чтобы заинтересованные группы монополизировали профессии или препятствовали тому, чтобы этими профессиями могли заниматься другие.

9.16 В заключение адвокат отмечает, что контроль за ловлей рыбы в океане посредством индивидуального владения правами на отлов является деликатным вопросом. Поэтому, если такая система учреждается, жизненно важно создать ее на законных основаниях, не нарушая никоим образом конституционные принципы и международные договоры по правам человека. Это нельзя сделать законно, если государственные представители ограничивают использование рыбопромысловых банок какой-либо конкретной группой и передают в личную собственность ее членов соответствующие привилегии, с тем чтобы они продавались или сдавались ими в аренду остальному населению.

Рассмотрение по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, согласно положениям пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Главный вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, являются ли авторы, которых закон обязывает платить деньги своим согражданам за квоты, необходимые для ведения промышленного отлова определенных видов рыбы и, тем самым, для получения доступа к таким рыбопромысловым районам, представляющим собой общее достояние исландского народа⁸, жертвами дискриминации в нарушение статьи 26 Пакта. Комитет ссылается на свою практику, в соответствии с которой согласно статье 26 государства-участники в своей законодательной, судебной и исполнительной деятельности обязаны обеспечить каждому равное обращение без всякой дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное положение, рождение или иное обстоятельство. Он вновь заявляет о том, что дискриминацию следует понимать как предполагающую не только исключения или ограничения, но также и преференции, основанные на каком-либо из таких признаков, если они имеют своей целью или следствием аннулирование или неполное признание, обеспечение или осуществление всеми лицами прав и свобод на равной основе⁹. Он напоминает, что не каждое различие представляет собой дискриминацию, нарушающую статью 26, но эти различия должны оправдываться разумными и объективными причинами и осуществляться с целью, являющейся законной с точки зрения Пакта¹⁰.

---

⁸ Формулировка статьи 1 Закона 38/1990.

⁹ Замечание общего порядка № 18 - Недискриминация, пункт 7.

¹⁰ См. сообщения № 1314/2004, *О'Нилл и Куинн против Ирландии*, Соображения, принятые 24 июля 2006 года; № 1238/2004 *Йонгенбургер-Верман против Нидерландов*, Соображения, принятые 1 ноября 2005 года; № 983/2001 *Лов и др. против Австралии*, Соображения, принятые 25 марта 2003 года.

10.3 Прежде всего Комитет отмечает, что претензия авторов основана на дифференциации между группами рыбаков. Первая группа бесплатно получила квотную долю, поскольку эти рыбаки занимались выловом тех видов рыб, на которые распространяются квоты, в период между 1 ноября 1980 года и 31 октября 1983 года. Члены этой группы имеют право не только самостоятельно использовать эти квоты, но и продавать их или сдавать в аренду другим. Вторая группа рыбаков должна покупать или арендовать квотную долю у первой группы, если они желают ловить те виды рыбы, на которые распространяются квоты, в силу той простой причины, что в указанный период они не имели рыболовецких судов и не эксплуатировали их. Комитет приходит к выводу о том, что такое различие основано на принципах, эквивалентных владению собственностью.

10.4 Хотя Комитет считает, что цель такого различия, принятого государством-участником, а именно защита его рыбопромысловых районов, которые представляют собой ограниченный ресурс, является законной, он должен установить, основано ли это различие на разумных и объективных критериях. Комитет отмечает, что всякая система квот, принимаемая для регулирования доступа к ограниченному ресурсам, в некоторой степени ставит обладателей таких квот в привилегированное, а других лиц - в неблагоприятное положение, не обязательно имея дискриминационный характер. В то же время он отмечает специфику настоящего дела: с одной стороны, в статье 1 Закона № 38/1990 об организации рыболовства говорится, что рыбопромысловые банки вокруг Исландии являются общим достоянием исландского народа, а с другой стороны, различие, основанное на деятельности в течение указанного периода, которое первоначально, как временная мера, возможно, являлось разумным и объективным критерием, с принятием Закона стало не только постоянным, но и превратило первоначальные права на использование и эксплуатацию общественной собственности в личную собственность: выделенные квоты, более не используемые их первоначальными владельцами, могут быть проданы или сданы в аренду по рыночным ценам, вместо того чтобы быть возвращенными государству для передачи новым владельцам квот в соответствии с критериями справедливости и равенства. Государство-участник не показало, что эта конкретная структура и порядок осуществления системы квот удовлетворяют требованию разумности. Хотя Комитет не обязан рассматривать вопрос о совместимости системы квот на использование ограниченных ресурсов с Пактом как таковым, он приходит к выводу о том, что в конкретных обстоятельствах данного дела привилегированное право собственности, предоставленное на постоянной основе первоначальным владельцам квот в ущерб авторам, не имеет разумных оснований.

11. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с положениями пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам эффективное средство правовой защиты, включая адекватную компенсацию и пересмотреть свою систему организации рыболовства.

13. Принимая во внимание то, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечивать эффективное и действенное средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, которые были им приняты для реализации соображений Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Несогласное мнение членов Комитета г-жи Элизабет Пальм, г-на Ивана Ширера и г-жи Юлии Антоанеллы Моток

Как было установлено большинством членов Комитета, существует дифференциация между группой рыбаков, которые бесплатно получили квотную долю, и другой группой рыбаков, которые должны покупать или арендовать квотную долю у первой группы, если они желают ловить виды рыб, попадающих под квоты. Мы согласны с большинством в том, что цель этого разграничения, а именно защита исландских рыбопромысловых районов, которые представляют собой ограниченный ресурс, является законной. Остается решить, основано ли это различие на разумных и объективных критериях.

В этом отношении мы отмечаем, что Верховный суд в своем решении, принятом в 1998 году по делу Вальдимира, высказал мнение о том, что экономические выгоды, обусловленные постоянным характером прав вылова и возможностями переуступки прав вылова и квот, приведут к выгодному использованию рыбопромысловых районов на благо национальной экономики. Кроме того, в деле Ватнери от апреля 2000 года Верховный суд установил, что ограничения свободы отдельных лиц заниматься промышленным рыболовством совместимы с Конституцией Исландии, поскольку они основаны на объективных соображениях. В частности, Суд отметил, что в пользу того, что права вылова имеют постоянный характер и могут быть переуступлены, говорит соображение о том, что это позволяет операторам планировать свою деятельность в долгосрочной перспективе и увеличивать или уменьшать объем своих прав вылова индивидуальных видов по своему усмотрению.

Также примечательно, что, несмотря на то, что квотными правами пользуются лишь определенные суда, они все равно должны, согласно Закону № 85/2002, платить специальную пошлину на отлов за свое право доступа в рыбопромысловые районы, которая исчисляется на основе экономических показателей рыбных промыслов. Согласно утверждению государства-участника, пошлина на отлов имеет такое же воздействие, что и специальный налог, взимаемый с операторов судов. По мнению государства-участника, изменение системы организации рыболовства повлекло бы за собой серьезные последствия для тех, кто купил квотные доли у первоначальных владельцев квот, и поставило бы под угрозу стабильность сектора рыболовства. Государство-участник считает, что это также может повлечь за собой последствия для государства в целом, которое на законных основаниях заинтересовано в сохранении стабильности сектора рыболовства. После нескольких безуспешных попыток регулирования организации рыболовства была создана нынешняя система, и она доказала свою экономическую эффективность и устойчивость.

Принимая во внимание все факторы, упомянутые выше, и преимущества, которые нынешняя система создает для организации рыболовства в Исландии, особенно необходимость наличия стабильной и здоровой системы, а также неудобства этой системы для авторов, т.е. ограничения свободы авторов заниматься промышленным рыболовством, мы считаем, что государство-участник, используя свои законодательные и судебные механизмы, установило тщательно выверенное равновесие между общим интересом и интересом отдельных рыбаков. Кроме того, мы считаем, что разграничение между двумя группами рыбаков основано на объективных соображениях и соразмерно преследуемой на законных основаниях цели. Из этого следует, что в данном деле не было нарушения статьи 26.

Несогласное мнение члена Комитета сэра Найджела Родли

Я в целом согласен с особым мнением г-на Ивасава и совместным особым мнением г-жи Пальм и г-на Ширера. Хотя я понимаю чувство несправедливости, которое должны испытывать авторы в связи с созданием привилегированного класса, наделенного правом эксплуатировать ценный ресурс, от которого зависят их средства к существованию, и в связи с полученным ими

отказом в доступе к этому ресурсу, я не могу сделать вывод о том, что государство-участник нарушило Пакт в отношении авторов.

Государство-участник обратило внимание на факты, подтверждающие его заявление о том, что система ИПК была наиболее эффективной с экономической точки зрения (см. пункт 8.8) и, следовательно, разумной и соразмерной. В этом заключаются практические доводы, которые авторы в своем ответе должным образом не рассматривают (см. пункт 9.8). Им настоятельно необходимо дать ответ на этот вопрос, особенно в свете тех трудностей, которые возникают у неспециализированного международного органа при вынесении решений по рассматриваемым вопросам, и тогда государство-участник смогло бы представить в отношении этих доводов свои комментарии.

Кроме того, как представляется, на соображения Комитета оказал влияние - может быть решающее - контекстуальный фактор, в соответствии с которым рыбный промысел представляет общее достояние исландского народа. Мне не ясно, каким образом аналогичные факты в другой стране, которая не приняла доктрину "общего достояния", смогут тогда служить оправданием принятия Комитетом иного решения.

Несогласное мнение члена Комитета г-на Юдзи Ивасава

Согласно сложившейся практике настоящего Комитета, не каждое различие представляет собой дискриминацию в нарушение статьи 26 Пакта; в частности, проводимое различие должно иметь обоснованные и объективные причины и быть направлено на достижение легитимной с точки зрения Пакта цели.

Соображения большинства членов Комитета не ставят под сомнение то, что государство-участник преследовало законную цель при принятии системы организации рыболовства ради сохранения своих ограниченных природных ресурсов, но содержат вывод о том, что принятая государством-участником система квот не была оправдана "разумными" причинами и поэтому стала нарушением статьи 26 Пакта. Я представляю отдельное письменное мнение, чтобы выразить свое несогласие с таким заключением.

В статье 26 Пакта перечисляется ряд конкретных признаков, таких, как раса, цвет кожи, пол и т.д., по которым дискриминация запрещается и которые заслуживают особенно тщательного изучения. Несомненно, этот перечень не является исчерпывающим, что видно из фразы "как то" и аморфного признака, выраженного словами "иное обстоятельство", но важно отметить, что данное дело не связано ни с одним из прямо перечисленных признаков запрещенной дискриминации. Кроме того, правом, затрагиваемым системой квот, является право заниматься экономической деятельностью по своему собственному выбору, и оно не связано ни с одним из гражданских и политических прав, которые образуют основу демократического общества, таких, как свобода выражения мнений или право голоса. Государствам следует предоставить более широкую свободу действий в разработке регламентационных стратегий в экономических областях, чем в тех случаях, когда они ограничивают, например, свободу выражения мнений или право голоса. Комитету следует учитывать ограниченность своего собственного опыта в рассмотрении экономических стратегий, которые были тщательно разработаны в рамках демократических процессов. Комитету следует в полной мере принять во внимание эти факторы при оценке того, может ли какое-либо различие быть оправдано "разумными" причинами.

"Собственность" является одним из запрещенных признаков дискриминации, и большинство членов, как представляется, полагают, что данное дело связано с дискриминацией, основанной на "собственности", заявляя - довольно неясно, - что различие основано на "признаках, эквивалентных признакам собственности". Система квот, принятая государством-участником в 1983 году и ставшая постоянной в 1990 году, предполагала предоставление квот на отлов отдельным судам на основе их рыбопромысловых мощностей в указанный период, т.е. с 1 ноября 1980 года по 31 октября 1983 года.

Различие, проводимое на основе рыбопромысловых мощностей отдельных судов в указанный период, не является, на мой взгляд, различием, основанным на "собственности", а скорее объективным различием, основанным на экономической деятельности того или иного лица в течение конкретного периода времени.

Рыбопромысловые мощности Исландии превышали уровень воспроизводства ее рыбных ресурсов, и возникла необходимость принять меры для сохранения ее ограниченного природного ресурса. Государство-участник утверждало - довольно правильно, - что общественные интересы требуют установить ограничения на свободу отдельных лиц заниматься промышленным рыболовством для предотвращения чрезмерного вылова, как это было сделано многими другими государствами - участниками Пакта. В условиях, в которых находилось государство-участник, введение системы предоставления постоянных и подлежащих переуступке прав вылова считалось необходимым, с тем чтобы гарантировать стабильность тем, кто вложил денежные средства в рыбопромысловую деятельность, и предоставить им возможность планировать свою деятельность в долгосрочной перспективе. В 2002 году эта система была видоизменена, с тем чтобы с операторов судов за их права доступа к рыбопромысловым районам можно было взимать специальную пошлину на отлов. Государство-участник пояснило, что пошлина на отлов имеет тот же эффект, что и специальный налог, взимаемый с операторов судов. Нынешняя система доказала свою экономическую эффективность и устойчивость. Государство-участник заявляло, что если изменить эту систему в настоящий момент, то это приведет к серьезным последствиям для тех субъектов, которые в настоящее время осуществляют активную деятельность в секторе рыболовства и вложили финансовые средства в рыбный промысел, а также, возможно, поставит под угрозу стабильность сектора рыболовства.

Если рыбаки, которые инвестировали средства в рыбный промысел и являлись владельцами рыболовческих судов, в указанный период получили квоты, то другие рыбаки не могут заниматься промышленным ловом рыбы, если они не купят или не возьмут в аренду соответствующую квоту у владельцев квот, и, следовательно, они испытывают соответствующие неудобства. Однако система организации рыболовства по необходимости должна предполагать ограничения на свободу отдельных лиц заниматься промышленным рыболовством, с тем чтобы добиваться поставленной перед ней цели. Учитывая преимущества, создаваемые нынешней системой, я не могу прийти к выводу о том, что проистекающие для авторов неудобства - ограничения их права заниматься экономической деятельностью по своему выбору в той степени, в какой они этого желают, - являются несоразмерными. В силу этих причин я не могу согласиться с выводом большинства о том, что различие, установленное государством-участником на основе рыбопромысловых мощностей отдельных судов в указанный период, является "неразумным" и нарушает статью 26.

Несогласное мнение члена Комитета г-жи Рут Уэджвуд

Я согласна с тщательным разъяснением фактов по настоящему делу, которое дали мои коллеги Элизабет Пальм и Иван Ширер. Государство-участник представило обстоятельное объяснение того, почему исландские власти пришли к выводу о том, что система рыболовческих квот, основанная на исторических объемах вылова, является наиболее подходящим методом регулирования и защиты исландского рыбного промысла.

В то же время я согласна с моим коллегой Юдзи Ивасовой в важном принципиальном вопросе - в частности в том, что рамки рассмотрения Комитетом по правам человека жалоб по вопросам экономического регулирования, подаваемых в рамках статьи 26, являются строго ограниченными.

В данном случае предполагаемая дискриминация имела место между рыбаками, занимавшимися рыбной ловлей в раннее или в более позднее время. Ничто не говорит о том, что различие между рыбаками было основано на признаке этнического происхождения, религии, пола или политической принадлежности или каком-либо ином признаке, указанном в статье 26 или иным образом защищаемом Пактом. Проявление заботы о тех, кто ранее осуществлял деятельность в том

или ином секторе, остается общей практикой самых различных государств, в том числе в том, что касается выдачи лицензий на вождение такси, предоставления сельскохозяйственных субсидий и телекоммуникационных частот. Бесплатное вхождение в новые сектора экономики, возможно, является желательным, но Международный пакт о гражданских и политических правах не является манифестом, принятым с целью отмены экономического регулирования. Для обеспечения эффективной защиты важных прав, подпадающих под сферу действия Пакта, Комитет тоже должен добросовестно соблюдать *пределы* своей компетенции, как правовой, так и практической.

Сообщение № 1314/2004

Представлено: Майклом О'Нилом и Джоном Куинном (представлены адвокатом г-ном Майклом Фарреллом)

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Ирландия

Дата принятия Сообщений: 24 июля 2006 года

Тема сообщения: дискриминация со стороны должностного лица в отношении использования программы досрочного освобождения заключенных

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Вопросы существа: равенство перед законом и равная защита закона

Статьи Пакта: 9, пункт 1; 14, пункт 1; 26; 2, пункты 1 и 3

Статьи Факультативного протокола: не затрагиваются

Вывод: отсутствие нарушения

1. Авторами сообщения являются Майкл О'Нил и Джон Куинн, граждане Ирландии, родившиеся 10 февраля 1951 года и 8 ноября 1967 года соответственно. Они заявляют, что стали жертвами нарушения Ирландией их прав по пунктам 1 и 3 статьи 2; пункту 1 статьи 9; пункту 1 статьи 14; и статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу для Ирландии 8 марта 1990 года. Они представлены адвокатом г-ном Майклом Фарреллом, солиситором.

Факты в изложении автора

2.1 3 февраля 1999 года Специальный уголовный суд признал Майкла О'Нила виновным в непредумышленном убийстве сотрудника полиции (Garda), детектива Джерри Маккейба (далее в тексте именуемого "детектив Маккейб"), злоумышленном ранении другого сотрудника полиции и владении огнестрельным оружием с намерением совершения преступления. Эти преступления были совершены в ходе попытки ограбления почтового фургона, предпринятой 7 июня 1996 года в городе Адир, графство Лимерик, в Ирландии. Г-н О'Нил признал себя виновным и был приговорен к 11 годам тюремного заключения по обвинению в непредумышленном убийстве и двум пятилетним срокам тюремного заключения по другим обвинениям с одновременным отбыванием приговоров. Хотя он находился в заключении с 20 июня 1996 года, приговоры были вынесены в феврале 1999 года, и он должен быть освобожден после полного отбытия срока тюремного заключения 17 мая 2007 года.

2.2 В феврале 1999 года Специальный уголовный суд признал г-на Куинна виновным в сговоре с целью совершения упомянутого выше ограбления; г-н Куинн признал себя виновным и был приговорен к шести годам лишения свободы. Он был освобожден 8 августа 2003 года, отбыв свой

срок тюремного заключения с учетом стандартного смягчения наказания. В непредумышленном убийстве детектива Маккейба, злоумышленном ранении другого сотрудника полиции и владении огнестрельным оружием с намерением совершения преступления были признаны виновными еще три человека. Они были приговорены к тюремному заключению на срок от 12 до 14 лет.

2.3 Попытка ограбления была осуществлена по заданию Временной Ирландской республиканской армии (ИРА), незаконной военизированной организации, принимающей участие в вооруженном конфликте в Северной Ирландии, который зачастую захватывает территорию Великобритании и территорию государства-участника. Изначально Временная ИРА отрицала свою причастность к ограблению и перестрелке, однако позже признала ее. Все пятеро осужденных были признаны Управлением пенитенциарных учреждений Ирландии и министерством юстиции, по вопросам равноправия и законодательной реформе (далее именуемым "министерством юстиции") как члены Временной ИРА и содержались в отдельной части тюрьмы, отведенной для подобных заключенных.

Соглашение Страстной пятницы и программа освобождения заключенных

2.4 С начала 1970-х годов в Северной Ирландии шел продолжительный и ожесточенный конфликт. В августе 1994 года Временная ИРА объявила о прекращении огня; вскоре после этого с аналогичным заявлением выступили лоялистские военизированные группировки, выступавшие за дальнейшее пребывание Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства. ИРА возобновила насильственные действия в феврале 1996 года, и именно в этот период произошло преступление, о котором идет речь. В сентябре 1997 года было объявлено о прекращении огня, и эта ситуация сохраняется до настоящего времени.

2.5 10 апреля 1998 года были достигнуты официальное соглашение между правительствами Соединенного Королевства и Ирландии (Англо-ирландское соглашение) и политическое соглашение между правительствами двух стран и различными политическими партиями (Многopартийное соглашение). Согласно условиям первого соглашения, оба правительства, помимо всего прочего, берут на себя обязательства в порядке применения норм международного права "поддерживать и, в случае необходимости, применять условия Многopартийного соглашения". Официальным названием этого пакета соглашений является "Соглашение, достигнутое в ходе многopартийных переговоров", однако, как правило, его называют Соглашением Страстной пятницы (далее именуемым ССП).

2.6 Один из разделов ССП под названием "Заключенные" предписывал правительствам Соединенного Королевства и Ирландии создать механизмы, позволяющие досрочно освобождать заключенных, осужденных за "внесенные в реестр особо опасные преступления" в Северной Ирландии или сходные преступления, совершенные где-либо в другом месте. "Особо опасными преступлениями" являлись преступления, совершенные военизированными организациями или по их заданию в рамках конфликта в Северной Ирландии. Заключенные, связанные с организациями, не поддерживающими решения о полном и безоговорочном прекращении огня, не могли воспользоваться положениями о досрочном освобождении. Согласно ССП, предусматривалось, что все отвечающие определенным требованиям заключенные будут освобождены на исходе второго года после введения в действие этой программы или ранее¹.

2.7 Программа освобождения заключенных была осуществлена государством-участником путем принятия Закона об уголовном правосудии (освобождении заключенных) в 1998 году (далее в тексте именуемого "Закон 1998 года"). Закон 1998 года не предоставлял новых полномочий по освобождению заключенных министру юстиции, по вопросам равноправия и законодательной реформе (далее в тексте - "министр юстиции"). Освобождение заключенных должно было

---

¹ В разделе ССП "Заключенные" указывалось, что "...цель состоит в том, чтобы, при благоприятствующих этому обстоятельствах, все отвечающие определенным требованиям заключенные, продолжающие отбывать наказание спустя два года после вступления в действие этой программы, на этом этапе были бы освобождены".

осуществляться в рамках существующих дискреционных полномочий (статья 33 Закона о государственных преступлениях 1939 года, см. пункт 4.3 ниже), но данный Закон предусматривал создание комиссии, которая консультировала бы министерство юстиции по вопросам освобождения заключенных согласно ССП. Вместе с тем указанный Закон предусматривал, что эта комиссия может давать министру консультативное заключение в отношении тех заключенных, которые уже были признаны им "отвечающими определенным требованиям с точки зрения Соглашения Страстной пятницы". Соответственно, ключевым решением для освобождения любого заключенного в рамках этой программы было решение о том, является ли он лицом, "отвечающим определенным требованиям"². Программа досрочного освобождения вступила в действие 28 июля 1998 года. В совместном заявлении, обнародованном 5 мая 2000 года, премьер-министры Соединенного Королевства и Ирландии заявили: "В соответствии с ССП предполагается, что все остающиеся в заключении лица, отвечающие требованиям для досрочного освобождения, будут освобождены к 28 июля 2000 года". Данные, обнародованные двумя правительствами 14 июля 2001 года, подтвердили, что в рамках ССП в Северной Ирландии были освобождены 444, а в государстве-участнике – 57 таких заключенных.

Ходатайства авторов об освобождении

2.8 25 июля 2000 года авторы направил министру юстиции письмо с просьбой подтвердить, что он признает их "отвечающими определенным требованиям заключенными" с точки зрения программы досрочного освобождения, и с просьбой о досрочном освобождении в соответствии с ССП и Законом 1998 года. Они добавили, что, если министр намерен отклонить их ходатайство, он должен сообщить им основания такого решения и предоставить возможность сделать в связи с этим соответствующие представления. К 30 июля 2001 года, несмотря на еще несколько направленных министру писем, авторы получили лишь подтверждение их получения. За этот период министр юстиции выступил с несколькими заявлениями, как публичными, так и сделанными в письмах к частным лицам, о том, что заключенные, осужденные за убийство детектива Маккейба, не будут освобождены в рамках ССП. Согласно сообщению авторов, в государстве-участнике были освобождены несколько заключенных, осужденных за преступления столь же серьезные, что и преступления, совершенные авторами, включая тяжкое убийство сотрудника полиции³. В Северной Ирландии было освобождено значительное число заключенных, осужденных за убийство сотрудников полиции.

2.9 В 2002 году или примерно в это время авторы, воспользовавшись законом о свободе информации, получили из министерства юстиции четыре документа. В первом документе, датированном 4 октября 2000 года, устанавливались "критерии для рассмотрения дел заключенных

---

² Согласно Закону 1998 года, «к числу "отвечающих определенным требованиям заключенных" должны относиться лица, подпадающие под положения статьи 3 (2) этого Закона». Статья 3 (2) гласит: «Министр должен время от времени, когда он/она считает это уместным, запрашивать консультативное мнение комиссии относительно осуществления, со ссылкой на соответствующие положения, полномочий, о которых говорится в подпункте 1) этой статьи, в отношении лиц, определенных министром как отвечающих требованиям с точки зрения этих положений (в данном Законе они называются "отвечающие требованиям заключенные", и Комиссия обязана выполнить этот запрос». Под "соответствующими положениями" понимаются «те положения Соглашения, достигнутого в ходе многопартийных переговоров, которые перечислены в этом Соглашении под рубрикой "Заключенные"». В разделе "Заключенные" в ССП указывается, среди прочего, что заключенным должен быть вынесен обвинительный приговор за преступление, сходное с "особо опасными преступлениями" в Северной Ирландии, и они не должны быть связаны с организациями, не поддерживающими решения о полном и безоговорочном прекращении огня.

³ До 1990 года в Ирландии сохранялась смертная казнь в качестве наказания за убийство сотрудников полиции во время исполнения ими служебных обязанностей, называемое "тяжким убийством", но все приговоры по таким делам смягчались до тюремного заключения на срок до 40 лет без права помилования. В 1990 году смертная казнь была ликвидирована для всех видов преступлений, и минимальным возможным наказанием за тяжкое убийство стало тюремное заключение на срок до 40 лет.

согласно положениям Соглашения "Страстной пятницы" и указывалось, что совершенные заключенными "преступления должны были иметь место до подписания ССП и быть исполнены по заданию организации, на которую распространяются положения ССП". В данном документе приводился список лиц, приговоренных к пожизненному заключению за убийства, и их кандидатуры рекомендовалось передать на рассмотрение Комиссии по освобождению заключенных. Один из перечисленных в списке заключенных был осужден за убийство сотрудника полиции (детектива Сиочана); в документе также указывалось, что другие лица, вместе с ним осужденные за это убийство, уже были освобождены в соответствии с условиями ССП. Во втором недатированном документе указывалось, что заключенные, осужденные Специальным уголовным судом государства-участника за преступления, аналогичные особо опасным преступлениям в Северной Ирландии, которые были совершены до заключения ССП, и связанные с Временной ИРА или другой военизированной организацией под названием Ирландская национальная освободительная армия (ИНОА), отвечают необходимым требованиям для освобождения согласно ССП. Как сообщают авторы, совершенные ими преступления явно отвечают критериям, устанавливаемым этими двумя документами.

2.10 В третьем документе, составленном в виде списка вопросов и ответов, указывалось, что заключенные, осужденные после 10 апреля 1998 года (даты заключения ССП), за преступления, совершенные до этой даты, попадают под действие программы досрочного освобождения, за исключением лиц, "осужденных за убийство" детектива Маккейба. Далее в этом документе обсуждался вопрос о том, какой срок до своего освобождения должны отбыть заключенные, приговоренные после 10 апреля 1998 года за преступления, совершенные до подписания заключения ССП. В данном документе признавалось, что в отношении лиц, осужденных за убийство детектива Маккейба, было сделано исключение, и говорилось, что "это – политическое решение, принятое с учетом необходимости обеспечить общественную поддержку положений ССП". В документе указывалось, что "лица, осужденные за убийство других детективов (сотрудников полиции), которые уже отбыли продолжительные сроки заключения, попадут под действие соглашений об освобождении заключенных". Четвертый документ, датированный 17 августа 2001 года, представляет собой письмо ирландского Управления пенитенциарных учреждений (на тот момент являвшегося отделом министерства юстиции) на имя начальника тюрьмы Порт-Лейише и заключенного, чья фамилия была удалена, который добивался досрочного освобождения согласно ССП. В нем указывалось, что министр не склонен причислять этого заключенного к лицам, отвечающим определенным требованиям, и приводились основания для этого решения министра. Между тем в письме заключенному предлагалось направлять дополнительные ходатайства, если он этого пожелает.

2.11 В связи с отсутствием ответа из министерства юстиции 30 июля 2001 года авторы подали ходатайство в Высокий суд и получили разрешение возбудить процедуру судебного пересмотра дела, добиваясь, среди всего прочего, определения, что они являются "заключенными, отвечающими требованиям" ССП и Закона 1998 года. Процедура судебного пересмотра в государстве-участнике проходит в виде рассмотрения свидетельских показаний, представленных в форме аффидевита. Ответчики не направили ни одного ответного аффидевита и не опровергли ни одного показания, представленного от имени авторов. Письмом от 5 июня 2002 года министр юстиции ответил на просьбу авторов быть включенными в число удовлетворяющих требованиям заключенных, указав, что они не были включены в это число и что подобные решения принимаются в порядке "привилегий или уступок" и никак не зависят от процедур, затребованных авторами.

2.12 26 и 27 ноября 2002 года дело авторов было рассмотрено в Высоком суде, и 27 марта 2003 года было вынесено решение. В решении суда говорится, что "...представляется очевидным и не опротестовывается ответчиками, не направившими ни одного аффидевита, что истцы, если министр рассмотрит их кандидатуру для освобождения, попадают в категорию заключенных, удовлетворяющих требованиям для освобождения согласно соответствующим положениям". Однако в решении указывалось, что статья 3 (2) Закона 1998 года наделяет министра "абсолютными дискреционными полномочиями" в отношении направления запросов в Комиссию по освобождению

заклученных, касающихся возможности освобождения отдельных заклученных. Соответственно, министр не обязан изучать возможность освобождения какого-либо конкретного лица. Таким образом, нельзя заклучить, что он действовал своевольно, произвольно или несправедливо, отказываясь включить авторов в число удовлетворяющих требованиям заклученных. Он отклони́л ходатайство авторов о судебном пересмотре их дела.

2.13 Авторы подали апелляцию в Верховный суд, который вынес решение 29 января 2004 года. Суд отметил, что хотя факт того, что на момент совершения преступления и осуждения авторов они были связаны с Временной ИРА, является неоспоримым, "было сочтено, что ни один из авторов в настоящий момент не связан с организацией, не выполняющей решения о полном и безоговорочном прекращении огня". Суд сослался на документ, составленный в форме вопросов и ответов (пункт 2.10 выше). Он пришел к заклучению, что ССП не включено в ирландское законодательство и не предоставляет отдельным лицам никаких конкретных прав. Полномочия на освобождение заклученных являются "в основе своей функцией административного руководства, осуществляющейся на дискреционной основе". Вместе с тем суд пришел к выводу о том, что определение дискреционных полномочий как "абсолютных", данное судьей Высокого суда, является слишком широким: подобные полномочия следует осуществлять добросовестно, а не произвольно, своевольно или иррационально.

2.14 В заклучение суд провел различие между делом авторов и делами других заклученных, которые были освобождены, хотя и совершили столь же серьезные или даже более тяжкие преступления, на том основании, что всех этих лиц судили и признали виновными в то время, когда было заклучено ССП. Учитывая это различие, суд заклучил, что решение о том, что никто из лиц, связанных с данным убийством, не будет освобожден, является "политическим выбором, осуществляемым по усмотрению соответствующего должностного лица, и что он не может быть охарактеризован как своевольный, произвольный или иррациональный". Суд отклони́л жалобу авторов на то, что отказ включить их в число удовлетворяющих определенным требованиям заклученных является несправедливой дискриминацией между ними и другими лицами, совершившими столь же тяжкие или даже более тяжкие преступления, и подтвердил, что, на основании презюмируемого различия, авторы находятся в ином положении, по сравнению с лицами, совершившими столь же серьезные или даже более тяжкие преступления. Верховный суд отклони́л апелляцию авторов.

2.15 По словам авторов, различие, проведенное Верховным судом между авторами и лицами, осужденными вместе с ними, и другими лицами, освобожденными в рамках ССП, не было доведено до сведения адвоката авторов в ходе слушаний. Ничто не указывало на то, что суд считает это важным вопросом. Оно было упомянуто председателем суда в одном вопросе абстрактного характера в ходе обмена мнениями между членами суда и адвокатом ответчиков, причем адвокат на этот вопрос не ответил. Кроме того, это различие ошибочно с точки зрения фактов. Документ в форме вопросов и ответов, полученный в соответствии с законом о свободе информации (пункт 2.10 выше), ссылки на который содержались как в решении Высокого суда, так и в решении Верховного суда, ясно свидетельствовал о том, что положения об освобождении касались лиц, которым был вынесен приговор как после заклучения ССП, так и до этого. В действительности, государством-участником были освобождены два человека, приговоренных после заклучения ССП за преступления, совершенные до его подписания; по меньшей мере 11 человек, приговоренные после заклучения ССП за совершенные до этого преступления, были освобождены в Северной Ирландии, что служит подтверждением того факта, что местные власти не проводили такого различия между приговорами, вынесенными до или после 10 апреля 1998 года. Эти случаи не были доведены до сведения Высокого суда, так как никто не пытался провести такое различие. Высокий суд неоспоримо установил, что, если бы министр рассмотрел кандидатуры авторов, они попали бы в категорию лиц, отвечающих требованиям для освобождения согласно соответствующим положениям. Эта точка зрения не была оспорена ответчиками. Эта информация также не была доведена до сведения Верховного суда, поскольку, будучи апелляционным судом, он действует на основании доказательств, представленных суду низшей инстанции. В этом деле ни одна сторона не

пыталась оспорить заключение Высокого суда о том, что авторы удовлетворяли критериям программы досрочного освобождения.

2.16 12 февраля 2004 года авторы подали ходатайство, добиваясь отмены или изменения решения и распоряжения Верховного суда и повторного рассмотрения своей апелляции. Это ходатайство было подано на основе affidavits, в котором содержались сведения о двух осужденных после заключения ССП лицах, освобожденных в государстве-участнике, а также о гораздо большем числе лиц, находившихся в том же положении, которые были освобождены в Северной Ирландии. В данных под присягой письменных показаниях от 4 марта 2004 года ответчики подтвердили сведения об освобождении двух лиц, осужденных после заключения ССП, однако отрицали, что их ситуация сравнима с ситуацией авторов. 1 апреля 2004 года ходатайство авторов было рассмотрено тем же составом Верховного суда, который вынес решение о том, что факты, касающиеся спорного вопроса, "являются согласованными и не составляют предмета спора ни на одном из этапов дела". Суд высказал удовлетворение тем обстоятельством, что адвокат авторов имел все возможности для того, чтобы полностью разобраться с этой ситуацией, и отклонил апелляцию.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что они стали жертвой дискриминации согласно пункту 1 статьи 2 и статье 26, вследствие того, что министр юстиции отказался признать их заключенными, удовлетворяющими определенным требованиям согласно Закону 1998 года. Они утверждают, что удовлетворяют всем критериям для освобождения по этой программе, изложенным в четырех приведенных выше документах, составленных министерством юстиции, но что министр юстиции произвольно отказался включить их в эту программу. Они утверждают, что являются единственными лицами, отвечающими этим критериям, которые были исключены из данной программы, и что другие лица, осужденные за сравнимые или даже более тяжкие преступления, были включены в число подобных заключенных.

3.2 Авторы полагают, что дискреционные полномочия министра юстиции не могут осуществляться произвольным, иррациональным или дискриминационным способом и должны применяться в рамках критериев, используемых при осуществлении руководства программой досрочного освобождения. До слушаний в рамках процедуры судебного пересмотра авторам не было сообщено о причинах их исключения из этой программы. Причины, приведенные после начала слушаний, были связаны не с целями этой программы, а с внешними политическими соображениями. Более того, авторам не была предоставлена доступная для других заключенных, добывающихся досрочного освобождения, возможность сделать представления до того, как по их ходатайству будет вынесено решение. Таким образом, авторы стали жертвами дискриминации с точки зрения порядка рассмотрения их ходатайств, и в плане отказа внести их в число отвечающих определенным требованиям заключенных и освободить.

3.3 Авторы утверждают, что был нарушен пункт 1 статьи 9, поскольку, хотя изначально их содержали под стражей в соответствии с обоснованным решением суда, после дискриминационного отказа министра включить их в программу досрочного освобождения, их содержание под стражей приобрело произвольный характер. Они также утверждают, что им было отказано в справедливом разбирательстве их дела согласно пункту 1 статьи 14 в силу того, что Верховный суд отклонил их апелляцию на явно ошибочных основаниях, не предоставив юридическим представителям авторов возможности сделать представление о неправомерном предположении, на основании которого суд вынес решение, или выступить с его опровержением. Отказ в справедливом разбирательстве был усугублен отказом Верховного суда отменить или внести изменения в свое решение после того, как ему были предоставлены доказательства того, что это решение основывалось на правомерных предположениях.

3.4 Авторы утверждают, что им было отказано в эффективных средствах правовой защиты согласно пункту 3 статьи 2, поскольку суды государства-участника не смогли защитить их от

дискриминации при реализации программы досрочного освобождения, включая отказ в процедурах, доступных для других заключенных. Они также утверждают, что им было отказано в эффективных средствах правовой защиты еще и потому, что после того, как Верховный суд отклонил их апелляцию на явно ошибочных основаниях и не смог обеспечить справедливого разбирательства в ходе рассмотрения их апелляции, способов защиты их прав не осталось.

3.5 Наконец, авторы утверждают, что решение Верховного суда о взыскании с них судебных издержек в связи с их ходатайством об отмене решения суда или проведении повторных слушаний по их апелляции, является нарушением их права на эффективные средства правовой защиты. Утверждается, что это решение наказывает авторов за попытку добиться защиты своих прав после того, как судебное решение было вынесено на основании не соответствующих действительности фактов. Авторы утверждают, что им должна была быть предоставлена возможность для выступления, в ходе которого ситуацию можно было бы разумно оценить и исправить, если их заявление действительно было сочтено заслуживающим рассмотрения по существу. Вместо этого Верховный суд в том же составе просто отказался заново рассматривать фактически принятое решение, предположив вместо этого, что у представителей авторов были достаточные возможности для опровержения фактологических выводов.

Представление государства-участника относительно приемлемости

4.1 22 декабря 2004 года государство-участник оспаривает приемлемость этого сообщения. Оно подтверждает сообщенные авторами факты, касающиеся инцидента, в связи с которым им был вынесен обвинительный приговор. Оно заявляет, что до совершения этого преступления государство-участник вело сложные и деликатные переговоры, получившие название "мирный процесс", с Соединенным Королевством и рядом заинтересованных политических партий Северной Ирландии. По его словам, данное преступление вызвало негодование во всем государстве и в ходе судебного процесса свидетели обвинения отказывались давать показания или утверждали, что не могут ничего вспомнить об этом происшествии. Оно утверждает, что ССП является вопросом значительной политической, исторической, конституционной и юридической значимости в Ирландии. Чтобы принять на себя обязательства в рамках Англо-Ирландского соглашения в согласовании с обязательствами, предусмотренными Многопартийным соглашением, правительство государства-участника предложило внести в Конституцию Ирландии поправки, которые были приняты на референдуме 22 мая 1998 года.

4.2 Государство-участник заявляет, что авторы никогда не рассматривались как кандидаты на помилование в рамках программы досрочного освобождения. До, во время и после переговоров о ССП, в процессе принятия поправок к Конституции Ирландии и вступления в силу Закона 1998 года правительство государства-участника часто разъясняло, что никакие положения об освобождении заключенных не будут применимы ни к одному лицу, осужденному за причастность к инциденту, в ходе которого был убит детектив Маккейб. Представители правительства государства-участника неоднократно выступали с публичными заявлениями на эту тему. Авторы должны были бы узнать, что они будут исключены из этой программы, из переговоров о ССП, заявлений членов правительства в Парламенте, печатных и других средств массовой информации и в связи с референдумом по внесению поправок в Конституцию. На момент представления государство-участник заявило, что переговоры по ССП вступили в критическую фазу, и, согласно положениям ССП, политические представители ИРА требуют освобождения лиц, причастных к данному инциденту. Не отказываясь от своего убеждения, что эти заключенные не подпадают под действие ССП, правительство государства-участника было готово рассмотреть возможность их освобождения в рамках окончательного всеобъемлющего соглашения, которое предусматривало бы контролируемое независимыми наблюдателями полное разоружение, полное прекращение военных операций и прекращение всей преступной деятельности ИРА без каких-либо исключений. По его словам, на этапе вхождения мирного процесса в столь критическую фазу делает крайне неуместным направленное Комитету сообщение по вопросу, являющемуся в основе своей внутренним политическим вопросом ведущихся переговоров.

4.3 С точки зрения государства-участника, все претензии авторов неприемлемы, поскольку они не подпадают под действие Пакта. Согласно ирландскому праву, не существует ни права на освобождение, ни обязательства со стороны правительства государства-участника освободить заключенных. Подобное право не гарантируется ни ССП, ни Законом 1998 года, и именно к такому решению пришел Верховный суд в деле Доэрти против начальника тюрьмы Порт-Лейише. Авторам был вынесен приговор после судебного процесса, проходившего в установленном законом порядке. У них также была возможность опротестовать в Высоком и Верховном судах решение исполнительного органа государства об отказе в досрочном освобождении. Государство-участник объясняет, что полномочия по замене или смягчению приговора, вынесенного Специальным уголовным судом, предусматриваются статьей 33 Закона о преступлениях против государства 1939 года в следующей формулировке:

"За исключением дел о преступлениях, за которые предусмотрена высшая мера наказания, правительство располагает полными дискреционными полномочиями в любой момент частично или полностью отменить или изменить (только в сторону смягчения), или отсрочить любое наказание, наложенное Специальным уголовным судом".

4.4 Согласно заявлениям государства-участника, правительство может широко использовать свои дискреционные полномочия. Когда должностное лицо осуществляет эти полномочия или когда речь идет о дискреционных полномочиях, ожидается, что принятое решение будет в основе своей политическим, в отличие от судебного или квазисудебного решения. Ответственность за подобные решения правительство, согласно статье 28.4 Конституции, несет прежде всего перед Парламентом Ирландии (Dáil). Между тем любое применение дискреционных полномочий, будь то прямых или опосредованных, должно осуществляться в рамках, предусмотренных Конституцией. Государство-участник подтверждает, что уполномочивающие положения Закона 1998 года позволяют министру отнести то или иное лицо к категории "заключенных, отвечающих определенным требованиям", однако указывает, что Закон 1998 года не имеет своей целью наделение его какими-либо дополнительными полномочиями по замене или смягчению приговора⁴. Консультационная комиссия по получению соответствующего запроса, представит министру юстиции не имеющее обязательной силы консультативное заключение. Механизм, созданный Законом 1998 года, формирует таким образом дополнительный уровень дискреционных полномочий, которые правительство может осуществлять в рамках таких положений, как статья 33 Закона 1939 года о преступлениях против государства.

4.5 По словам государства-участника, Высокий и Верховный суды отклонили утверждения о том, что министр юстиции использовал свои дискреционные полномочия произвольным или своевольным образом. Суд согласился с тем утверждением, что в свете четкой политики, о которой было публично объявлено правительством, лица, признанные виновными в причастности к инциденту, в ходе которого был убит детектив Маккейб, не смогут воспользоваться положениями о досрочном освобождении, содержащимися в Законе 1998 года. Таким образом, нельзя сказать, что решение в рамках этой широко известной правительственной политики было произвольным или своевольным. Государство-участник добавляет, что правительство должно сохранить за собой возможность занимать политическую позицию по вопросу, который в основе своей носит политический характер. Правительство пришло к выводу, что общественная поддержка ССП будет подорвана, если программа досрочного освобождения окажется доступна для лиц, причастных к инциденту, в ходе которого был убит детектив Маккейб. По мнению государства-участника, претензии авторов равнозначны предположению о том, что Комитет по правам человека должен вмешаться в политические договоренности, соглашения и взаимопонимания, достигнутые различными сторонами, которые участвовали в усилиях по урегулированию конфликта в Северной Ирландии. С его точки

---

⁴ *Doherty v. Governor of Portlaoise Prison* [2002] 2 IR 252.

зрения, участвующим в этом сторонам необходимо предоставить определенную степень свободы для ведения переговоров и выполнения взаимных обязательств.

4.6 В частности, государство-участник указывает, что вышеуказанные претензии находятся вне сферы действия статей 26 и 2. Во внутренних судах было успешно доказано, что сутью любого дела о равноправии является необходимость равного обращения с равными лицами. Всем лицам, осужденными в связи с этим инцидентом, было обеспечено равное обращение в рамках программы освобождения заключенных. Лица, причастные к убийству детектива Маккейба, рассматривались как входящие в особую группу заключенных, на которую не распространяются никакие соглашения, заключенные в рамках ССП. Авторы знали об этом и признали себя виновными после ясного объявления государственной политики. Они отличаются от других лиц, которые могут воспользоваться этой программой, так как правительство государства-участника сочло, что народ Ирландии не согласился бы с их освобождением. Государство-участник опровергает тот аргумент, что предоставление государством на дискреционной основе определенных привилегий другим лицам, находящимся в сходных условиях, создает подкрепленное законом право; в этой связи оно ссылается на решение Верховного суда Соединенных Штатов Америки в деле Коннектикутская комиссия по помилованию против Дамшката⁵. Оно заявляет, что дискриминация допускается согласно статье 26 только в том случае, если существуют разумные и объективные критерии, как это имеет место в данном случае. Что касается деятельности государства-участника по освобождению заключенных согласно Закону 1998 года, то утверждается, что "анализ статистических и других материалов свидетельствует не в пользу авторов".

4.7 Государство-участник утверждает, что данные преступления и сопутствующие им проблемы не могут сравниваться с другими преступлениями. Инцидент, о котором идет речь, произошел во время срыва соглашения о прекращении огня со стороны ИРА на том этапе, когда правительство участвовало в высокоуровневых переговорах, которые должны были привести к подписанию ССП. Речь идет о первом случае осуждения за убийство сотрудника полиции после прекращения огня со стороны ИРА. Преступники действовали с особой жестокостью, их жертвами стали члены ирландской полиции, а к самому инциденту оказались причастны высокопоставленные члены Временной ИРА. Что же касается претензии по статье 9, то государство-участник утверждает, что она не подпадает под сферу действия Пакта. Оно опровергает утверждение, что содержание под стражей является/являлось произвольным, и в этой связи ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой «"произвольный характер" не должен отождествляться с понятием "противозаконный". Его необходимо толковать более широко. Так, он должен включать в себя элементы неуместности, несправедливости и непредсказуемости»⁶. Авторы отбывали наказание, установленное соответствующими судебными органами Ирландии, и ничто во внутреннем законодательстве не предусматривало их освобождения до отбытия приговора. Требование полностью отбыть приговор было предсказуемым в свете политики правительства.

4.8 Государство-участник утверждает, что указанные претензии не подпадают под действие статьи 14, так как это положение касается процедурных гарантий судебных процессов, а не существа решений, вынесенных судами. Когда судебная ошибка происходит в оценке фактологического материала, представленного суду, это не подпадает под защитные положения Пакта. Комитет не должен действовать в качестве суда четвертой инстанции, в полномочия которого входит пересмотр или переоценка выводов по фактам⁷. Авторы критикуют то, что считают ошибочными выводами по фактам со стороны Верховного суда при принятии решения по их ходатайству. Государство-

---

⁵ 452 US 458.

⁶ *Фон Альфен против Нидерландов*, сообщение № 305/1988, Соображения, принятые 23 июля 1990 года.

⁷ Государство-участник ссылается на дело *Б.Д.Б против Нидерландов*, сообщение № 273/1998, решение от 30 марта 1989 года.

участник отмечает, что суд вновь рассмотрел вынесенное им решение и выразил удовлетворение тем обстоятельством, что стороны имели возможность представить и опровергнуть все рассмотренные им материалы. То же самое относится и к претензии по статье 2.

4.9 Государство-участник заключает, что в силу вышеизложенного данное сообщение должно быть признано неприемлемым, и просит рассматривать вопрос о приемлемости сообщения отдельно от его существования. 28 декабря 2004 года Специальный докладчик по новым сообщениям установил, что вопрос о приемлемости сообщения должен рассматриваться Комитетом одновременно с существом дела.

Представление государства-участника относительно существования сообщения

5.1 23 марта 2005 года государство-участник представило свой комментарий по вопросу о существовании сообщения и в значительной степени повторило аргументы, касающиеся его приемлемости. Относительно фактологической стороны дела оно сообщает, что переговоры по соглашению о несогласованных аспектах ССП продолжаются. Что же касается заявления со стороны государства-участника о том, что оно рассмотрит возможность досрочного освобождения авторов в контексте достижения всеобъемлющего соглашения, то сообщение об этом со стороны премьер-министра страны (Taoiseach) в Парламенте (Dáil) вызвало в начале декабря 2004 года сильный общественный резонанс и многочисленные споры. 20 декабря 2004 года в Белфасте было ограблено отделение "Нозерн Бэнк"; как предполагается, к этому была причастна ИРА. После этого события правительство государства-участника ясно указало, что вопрос о досрочном освобождении лиц, причастных к инциденту, в ходе которого был убит детектив Маккейб, более не рассматривается. В заявлении от 13 марта 2005 года сами заключенные указали, что они не хотят, чтобы их освобождение стало темой каких-либо дальнейших переговоров с правительством государства-участника.

5.2 Государство-участник подтверждает, что на сегодняшний день в Ирландии, согласно условиям ССП, были освобождены 57 заключенных. За исключением тех лиц, которые были освобождены ранее на временной основе, дела этих заключенных были переданы министром Комиссии по освобождению заключенных для получения консультативного заключения относительно возможности их освобождения согласно статье 3 (2) Закона 1998 года. Трое из освобожденных были осуждены после заключения ССП и освобождены в июне, июле и сентябре 2000 года. Они были признаны виновными во владении взрывчатыми веществами, огнестрельным оружием и боеприпасами и приговорены к срокам лишения свободы от четырех до семи лет.

Комментарии авторов по представлению государства-участника

6.1 3 июня 2005 года авторы прокомментировали представление государства-участника. Они считают политические аргументы государства-участника не относящимися к делу и неуместными. В ССП подробно объясняется, что уважение к правам человека должно быть составной частью мирного процесса. Обеспечению подобного уважения вряд ли способствовал бы тот факт, что Комитет воздержался бы от рассмотрения сообщений о нарушении прав человека во время важнейших этапов политических переговоров. В любом случае авторы подтверждают, что ни они, ни государство-участник не хотели бы, чтобы их освобождение стало темой дальнейших переговоров. Таким образом, возражение государства-участника против рассмотрения этого дела Комитетом, базировавшееся на политических соображениях, как представляется, не имеет под собой никаких оснований. Далее они заявляют, что правительство государства-участника не уведомило ирландские суды, что рассматривать ходатайство авторов о судебном пересмотре дела будет неуместным или неправильным.

6.2 По словам авторов, они не утверждали, что имеют право на досрочное освобождение. Они заявляют, что после того, как была принята специальная программа по досрочному освобождению определенной группы заключенных, и когда авторы *prima facie* могли бы входить в эту группу, они

обладают правом на недискриминацию в отношении применения этой программы, если только для наличия такой дискриминации не будут приведены разумные и объективные основания. В этой связи авторы ссылаются на Соображения Комитета по делу Каванах против Ирландии⁸. Что же касается утверждения государства-участника о том, что принятые министром решения по этой программе вообще не могут пересматриваться, то авторы отмечают, что Верховный суд ясно указал, что дискреционные полномочия министра должны осуществляться в соответствии с Конституцией Ирландии в порядке, не являющемся произвольным, самовольным или иррациональным. Поскольку государство-участник является стороной Пакта, осуществление министром своих дискреционных полномочий не должно быть дискриминационным, за исключением тех случаев, когда для этого есть разумные и объективные основания. Авторы соглашаются с тем, что право на досрочное освобождение заключенных скорее закреплено в более раннем законодательстве, чем в Законе 1998 года. Однако данная ситуация отличается от общего режима освобождения заключенных тем, что государство-участник, связав себя международным соглашением, взяло на себя обязательство освободить определенную категорию заключенных, а затем посредством законодательных и административных действий установило критерии и разработало соответствующую процедуру. Само государство-участник подтвердило, что «уполномочивающие положения Закона 1998 года позволяют министру отнести то или иное лицо к категории "отвечающих определенным требованиям заключенных"».

6.3 По словам авторов, для рассмотрения ходатайств по программе досрочного освобождения ССП была создана специальная процедура, воспользоваться которой авторам не дали. Существование такой процедуры подтверждается наличием по крайней мере трех дел, рассмотрение которых проходило в судах государства-участника⁹. Проходившим по этим делам лицам, которые ходатайствовали о досрочном освобождении, предоставлялась возможность делать соответствующие представления до принятия отрицательного решения. В одном из таких дел, О'Ши против Ирландии, правительства и Генерального прокурора, г-н Кенни, представитель Отделения пенитенциарных учреждений министерства, указал в одном из affidavits: "Очевидно, что для принятия решения по таким ходатайствам существовала специальная процедура. Столь же очевидно, что эта процедура была введена в действие и что заявитель рассматривался как лицо, подавшее ходатайство в соответствии с Законом 1998 года". По мнению авторов, существование такой процедуры отличает программу досрочного освобождения ССП от вопроса, поднятого в деле Комиссия по помилованию штата Коннектикут против Дамшката, которое касалось общих ходатайств о помиловании. Кроме того, авторы указывают, что подход суда США в деле Дамшката явно отличается от подхода Европейского суда и Комиссии по правам человека, ориентированного на положения Пакта¹⁰.

6.4 Что же касается информации государства-участника о том, что авторы и другие осужденные вместе с ними лица были специально исключены из программы досрочного освобождения после ряда высказываний представителей правительства, то авторы напоминают, что второй автор был осужден не за убийство детектива Маккейба и не "за причастность к этому убийству". Он был признан виновным в сговоре с целью совершения ограбления, и при этом не сообщалось даже, что он был в месте убийства в момент, о котором идет речь. Закон 1998 года был сформулирован в общих выражениях и не содержал никаких положений, которые исключали бы авторов или других лиц, которые могли быть осуждены за убийство детектива Маккейба или в связи с событиями в Адаре. Если (как утверждается) в намерения правительства входило целенаправленное исключение этих лиц из программы досрочного освобождения, всем критериям которой они prima facie удовлетворяли, в

---

⁸ Сообщение № 819/1998, Соображения, принятые 4 апреля 2001 года.

⁹ *Desmond O'Hare -v- the Justice Minister, Equality and Law Reform and Ireland and the Attorney General*, № 513JR/2000, *Henry Doherty -v- the Governor of Portlaoise Prison and others*, [2000] IEHC107 и [2002] IESC8, *O'Shea v. Ireland, the Government and the Attorney General*, 418JR/1999.

¹⁰ Авторы ссылаются на дела *Grice v. The United Kingdom*, Application № 22564/93, 14 April 1994, *Webster v. The United Kingdom*, Application № 12118/86, 4 March 1987 and *Weeks v. The United Kingdom* (9787) [1987] ECHR.

закон могла бы быть внесена четкая исключаящая клаузула, особенно с учетом того, что, согласно ирландским законам, заявления министров правительства в парламенте или где-либо еще не могут использоваться для толкования законодательства. В этих обстоятельствах заявления министра и аналогичные комментарии премьер-министра (An Taoiseach) обладали лишь статусом мнений или толкований программы досрочного освобождения и Закона 1998 года. После того, как данная программа вступила в действие, обязанностью министра стало управлять ею в соответствии с установленными критериями, а обязанностью судов – давать ее толкование в случае возникновения разногласий. Нет ничего необычного в том, что суды толкуют законодательство не так, как это делает правительство, иногда прямо противореча ему. С точки зрения авторов, министру не стоило несколько раз заранее выносить суждение в отношении тех, чьи ходатайства по программе он должен был бы рассмотреть в установленном порядке.

6.5 Авторы поясняют, что их претензия по пункту 1 статьи 9 Пакта связана с тем, что они подверглись необоснованной дискриминации, будучи лишены доступа к программе досрочного освобождения, и что им не предоставили возможности прибегнуть к соответствующей процедуре для определения их соответствия требованиям данной программы. Кроме того, министр публично огласил свое предварительное суждение по их ходатайствам, вследствие чего им был закрыт доступ к альтернативному директивному органу, который мог бы использовать справедливые процедуры в определении их соответствия требованиям программы или в деле пересмотра отрицательного решения министра¹¹. По мнению авторов, в своих Соображениях по делу Ван Альфен против Нидерландов¹², на которые также ссылается государство-участник (пункт 4.7), Комитет поддерживает ту точку зрения, что заключение, изначально являвшееся правомерным, может стать произвольным в результате последовавшего затем нарушения прав авторов. Согласно авторам, их претензия по пункту 1 статьи 14 не является, как полагает государство-участник, жалобой на исход их дела, и не призывает Комитет выступить в качестве суда четвертой инстанции над ирландскими судами. Речь идет о жалобе на процедуру во внутренних судах, которая привела к вынесению решения не в пользу авторов. Авторы утверждают, что это соответствует Соображениям Комитета, процитированным государством-участником (пункт 4.8).

6.6 Что касается ссылок на дальнейшее развитие политической ситуации, приведенных в представлении государства-участника относительно существа сообщения, то авторы повторяют, что эта информация к делу не относится. Она касается событий, произошедших спустя много лет после того, как был помещен в тюрьму первый автор, находившийся под стражей с 1996 года, и второй автор, находившийся в заключении с 1999 по 2003 год. Авторы никоим образом не причастны к этим более поздним событиям, и ссылка на крупное ограбление банка, произошедшее в Белфасте в декабре 2004 года, не только не относится к делу, но и наносит ущерб их интересам. Что же касается довода о том, что это дело было единственным подобным инцидентом за всю историю конфликта в Северной Ирландии, то авторы утверждают, что ни один из фактов, перечисленных государством-участником, отнюдь не является уникальным, и в ходатайствах, направленных во внутренние суды, авторы привели подробные сведения о ряде других лиц, осужденных за похожие и столь же тяжкие преступления и получивших досрочное освобождение. Кроме того, этот довод не приводился в ходе рассмотрения дела во внутренних судах и не является обоснованным. Следствием многолетнего конфликта в Северной Ирландии стало большое число жестоких убийств, и целый ряд лиц, виновных в этих убийствах, был освобожден министром по условиям ССП. Авторы подтверждают довод государства-участника о том, что после прекращения ИРА огня в 1994 году никто не был осужден за убийство сотрудника полиции в связи с конфликтом в Северной Ирландии, однако при этом они

---

¹¹ Авторы ссылаются на дела *Grice v. The United Kingdom*, supra., *Weeks v. The United Kingdom*, supra., *R v. Parole Board ex parte West* [2005] UKHL1, 27 January 2005, где Палата лордов Соединенного Королевства, сославшись на статью 5.4 Европейской конвенции о правах человека, приняла решение о том, что заключенные, опротестовывающие отказ во временном освобождении, имеют право на справедливую процедуру, которая может, в случае необходимости, включать устные слушания.

¹² Выше, сноска 6.

отклоняют его как не имеющий отношения к делу. Критерии, по которым министр устанавливает соответствие заключенных определенным требованиям, не содержат указания на различные даты для различных типов преступлений.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Перед рассмотрением любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека должен определить, в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры, является ли данная жалоба приемлемой согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Во исполнение требования, содержащегося в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет принимает во внимание общий аргумент государства-участника о том, что решение исключить авторов (и всех лиц, причастных к инциденту, в ходе которого был убит детектив Маккейб) из программы досрочного освобождения основывается на политических соображениях, принято в критический для мирного процесса в Северной Ирландии момент, и по этим причинам рассмотрение его Комитетом было бы неуместным. Комитет считает, что на его компетенцию рассматривать индивидуальные сообщения никак не влияют идущие в государстве-участнике или между государствами-участниками политические переговоры. Он также отмечает, что суды самого государства-участника провели судебный пересмотр решения исполнительного органа, и, как представляется, вопрос о политическом характере оспариваемого решения в данном случае не возникал. Ведь сам Верховный суд установил, что полномочия министра по освобождению заключенных, хотя и являются дискреционными, должны осуществляться добросовестно, а не произвольно, своевольно или иррационально. Таким образом, Комитет полагает, что ничто не препятствует ему рассмотреть сообщение на этих основаниях.

7.4 Комитет считает, что прочие аргументы государства-участника о том, что указанные претензии не подпадают под действие Пакта, в действительности касаются существа сообщения, и, таким образом, их более уместно аннулировать в ходе рассмотрения сообщения по существу. Поскольку Комитет не видит никаких других причин для того, чтобы считать претензии авторов неприемлемыми, он переходит к рассмотрению существа дела.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 При рассмотрении претензий авторов Комитет основывается на следующих фактах. Основанная на официальном соглашении программа досрочного освобождения заключенных была разработана в соответствии с Многопартийным соглашением ССП и осуществлялась на основании Закона об уголовном правосудии (освобождении заключенных) от 1998 года. Многопартийное соглашение является политическим соглашением. Не вызывает сомнений, что ни ССП, ни Закон об уголовном правосудии (освобождении заключенных) от 1998 года, на основании которого осуществлялось это соглашение, не наделяли заключенных общим правом на освобождение. Также не вызывает сомнений и то, что, хотя Закон 1998 года не имел своей целью наделять министра дополнительными полномочиями по замене или смягчению приговора, он, тем не менее, наделяет его полномочиями причислить то или иное лицо к категории "отвечающих определенным требованиям заключенных". Критерии, на основании которых министр уполномочивался относить заключенных к этой категории, в законе не фигурируют, однако, и государство-участник этого не опровергает,

представляется, что определенные критерии для оценки уместности причисления заключенного к той или иной категории были сформулированы самим министром. С точки зрения государства-участника, сформулированные и применяемые министром критерии не имеют отношения к обстоятельствам дела, поскольку не предполагалось рассматривать кандидатуры авторов по условиям этой программы.

8.3 Авторы заявляют, что отказ министра юстиции по вопросам равноправия и законодательной реформе отнести их к категории лиц, отвечающих определенным требованиям программы досрочного освобождения заключенных по условиям ССП, является произвольным и дискриминационным решением. Комитет считает, что согласно статье 26 государства-участники в своей законодательной, судебной и исполнительной деятельности обязаны обеспечить каждому равное обращение без всякой дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то: раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное положение, рождение или иное обстоятельство. Ссылаясь на свою постоянную правовую практику, он напоминает, что не каждое различие представляет собой дискриминацию, нарушающую статью 26, но эти различия должны оправдываться разумными и объективными причинами и осуществляться с законной с точки зрения Пакта целью¹³. Что касается запрещения дискриминации, то Комитет отмечает, что различие, проведенное государством-участником между авторами и теми заключенными, которые были включены в программу досрочного освобождения, не основывается ни на одном из перечисленных в статье 26 признаков. В частности, авторы были исключены не на основании своих политических взглядов. Вместе с тем статья 26 не только запрещает дискриминацию, но и закрепляет гарантии равенства перед законом и равной защиты закона.

8.4 Комитет отмечает, что программа освобождения заключенных была введена в действие в соответствии с Многопартийным (политическим) соглашением, и полагает, что он не может рассматривать это дело вне его политического контекста. Он отмечает, что программа досрочного освобождения заключенных не предоставляла права на досрочное освобождение, но давала властям дискреционные полномочия решать на индивидуальной основе, может ли то или иное лицо воспользоваться этой программой. Комитет полагает, что эти дискреционные полномочия чрезвычайно широки, и поэтому тот факт, что другие заключенные, находившиеся в том же положении, были освобождены, вовсе не означает автоматического нарушения статьи 26. Комитет отмечает, что государство-участник объясняет исключение авторов (и других лиц, причастных к инциденту, в ходе которого был убит детектив Маккейб) из этой программы совпадением таких обстоятельств этого инцидента, как время его совершения (в контексте нарушения соглашения о прекращении огня), жестокость преступления и необходимость обеспечить общественную поддержку ССП. В 1996 году, когда произошел этот инцидент, правительство сочло, что его последствия являются чрезвычайными. По этой причине оно пришло к выводу, что все причастные к нему лица должны быть исключены из всех дальнейших соглашений об освобождении заключенных. Это решение было принято после того, как произошел инцидент, о котором идет речь, но до того, как были осуждены лица, несущие за него ответственность, и, таким образом, оно основывалось скорее на воздействии, произведенном инцидентом, чем на причастных к нему лицах. Все лица, несущие за него ответственность, с самого начала были поставлены в известность, что, если их признают каким-либо образом причастными к этому инциденту, они будут исключены из программы. Комитет также отмечает, что, как представляется, другие лица, осужденные за убийство сотрудников полиции и воспользовавшиеся программой досрочного освобождения, уже отбыли продолжительные сроки тюремного заключения (см. пункт 2.10). Комитет полагает, что его позиция не позволяет ему подменять оценку фактов, проведенную государством-участником, своими собственными взглядами, особенно в отношении решения, которое было принято почти десять лет тому назад в политическом контексте и обеспечивало заключение мирного соглашения. Он полагает, что представленный ему

---

¹³ *Лавлейс против Австралии*, сообщение № 24/1977, Соображения, принятые 30 июля 1982 года, *Тисдейл против Тринидада и Тобаго*, сообщение № 677/1996, Соображения, принятые 1 апреля 2002 года, *Каванагх против Ирландии*, см. выше.

материал не свидетельствует о произвольности, и приходит к заключению, что права авторов на равенство перед законом и равную защиту закона согласно статье 26 нарушены не были.

8.5 Что касается заявления авторов о том, что их продолжающееся заключение нарушает пункт 1 статьи 9 Пакта, то Комитет полагает, что в свете сделанного выше вывода (пункт 8.4) подобное содержание под стражей не равносильно произвольному содержанию под стражей.

8.6 Наконец, авторы утверждают, что их лишили эффективных средств правовой защиты согласно пункту 3 статьи 2 и что они стали жертвами нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку суды государства-участника не смогли защитить их от дискриминации в отношении программы досрочного освобождения, у них отсутствовали средства защиты после того, как Верховный суд отклонил их апелляцию на явно ошибочных основаниях и не смог обеспечить им справедливую процедуру при заслушании их апелляции и рассмотрении их ходатайства об отмене судебного решения. Комитет отмечает, что авторы имели полный доступ к судам страны и что Верховный суд рассматривал их дело дважды. Хотя сейчас возникает впечатление, что решение суда было основано на ошибочных фактах, при пересмотре своего решения 1 апреля 2004 года Верховный суд установил, что стороны достигли договоренности относительно спорного факта, и тем самым подтвердил предыдущее решение. Таким образом, Комитет приходит к заключению, что эти решения не свидетельствуют о какой-либо произвольности и что статьи 2 и 14 Пакта в данном деле нарушены не были.

9. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека полагает, что рассмотренные им факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо статей Пакта.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое несогласное мнение членов Комитета г-на Иполито Солари-Иригойена, г-н Эдвина Джонсона и г-на Рафаэля Риваса Посады

Я не согласен с мнением большинства членов Комитета по следующим моментам:

1. Рассматривая Соглашение Страстной пятницы как "политическое соглашение", которое он "не может рассматривать... вне его политического контекста", Комитет придает слишком большую значимость заявлению государства-участника о том, что оно основывало решение не включать авторов в программу досрочного освобождения на чрезвычайном воздействии и отголосках преступления [в котором они были признаны виновными] в общественном мнении. Государство-участник утверждает, что преступление, о котором идет речь, "вызвало негодование", что правительство полагало, что ирландский народ не допустит досрочного освобождения авторов и что, когда премьер-министр объявил в Парламенте о готовности рассмотреть возможность их досрочного освобождения, его заявление вызвало "сильный резонанс со стороны общественности".

2. Представляется ненормальной ситуация, когда, согласно позиции большинства членов Комитета в ходе обсуждения дела в его политическом контексте, политические воззрения авторов характеризуются как действительные или "предполагаемые", в то время как государство-участник открыто признало, что к инциденту были причастны высокопоставленные члены Временной ИРА, когда неоспоримые доказательства, представленные Комитету, показывают, что преступления, в которых были признаны виновными авторы, были совершены от имени Временной Ирландской республиканской армии, когда Управление пенитенциарных учреждений и министерство юстиции признали, что авторы являются членами Временной ИРА и в качестве таковых были помещены в специальный тюремный блок, отведенный для членов ИРА. Верховный суд также признал, что авторы безусловно являются членами Временной ИРА. Относительно политических взглядов авторов нет ничего "предполагаемого".

3. Независимо от того, было ли Соглашение Страстной пятницы политическим или нет, основная задача Комитета состоит в том, чтобы убедиться, что исключение авторов из программы досрочного освобождения не противоречит статье 26 Пакта, которая призывает к равенству перед законом и запрещает дискриминацию на указанных в ней основаниях. Даже если программа досрочного освобождения оставляет на усмотрение властей включение или исключение из нее конкретных лиц, решение исключить кого-либо должно основываться на справедливых и разумных критериях – государство-участник даже пыталось это сделать.

4. Авторы указывают, что государство-участник включило в программу лиц, виновных в таких же преступлениях, как и те, которые совершили они, или даже в более серьезных преступлениях, таких, как убийство сотрудника полиции, за что до 1990 года полагалась смертная казнь, а затем тюремное заключение с минимальным сроком в 40 лет. Они также сообщают, что в предоставленном им документе министерства юстиции, в котором рассматривался вопрос о сроках тюремного заключения, которые должны отбыть лица, признанные виновными после 10 апреля 1998 года в преступлениях, совершенных до Соглашения Страстной пятницы (таков случай авторов), четко говорилось об их исключении. Государство-участник подтвердило, что авторов неоднократно исключали из программы досрочного освобождения и что "представители правительства... неоднократно выступали с публичными заявлениями на эту тему" (п. 4.2). Таким образом, государство-участник намеренно обращалось с авторами не так, как с другими лицами, приговоренными за такие же преступления, которые совершили авторы, или более серьезные.

5. Учитывая, что один из авторов был признан виновным в непредумышленном убийстве (в деле детектива Маккейба), а другой – в заговоре с целью совершения ограбления, хотя он даже не присутствовал на месте преступления, необходимо признать, что государство-участник не продемонстрировало, что его решение исключить авторов из программы досрочного освобождения заключенных основывается на справедливых и разумных основаниях. Решение было основано на политических и других соображениях, неприемлемых согласно Пакту, таких, как возможное воздействие досрочного освобождения авторов на общественное мнение. Как указал Комитет в Замечании общего порядка 18, статья 26 Пакта не просто дублирует гарантии, предоставляемые статьей 2, но предоставляет и самостоятельное право, запрещающее дискриминацию по закону или фактически в любой сфере, регламентируемой и защищаемой государственными властями.

6. Таким образом, я считаю, что право авторов согласно статье 26 Пакта на равенство перед законом и равную защиту закона без всякой дискриминации было нарушено.

Особое совпадающее мнение члена Комитета г-жи Рут Уэджвуд

Комитет справедливо заключил, что государство-участник действовало произвольным образом, когда отказалось освободить этих двух авторов из тюрьмы согласно Соглашению Страстной пятницы. Авторы были причастны к ограблению, которое в июне 1996 года привело к гибели в перестрелке сотрудника ирландской полиции. Это жестокое преступление привело к срыву двухлетнего соглашения о прекращении огня, объявленного в августе 1994 года, и тому, что бои в этом ожесточенном гражданском конфликте продолжались еще более года. Все возможно искаженные толкования фактов в деле авторов в Верховном суде были исправлены в ходатайстве, направленном для рассмотрения, и в правительственном аффидевите, представленном суду. См. Соображения Комитета, пункт 2.16, выше. Обладая полным объемом информации, Верховный суд подтвердил свое предыдущее решение.

В связи с нашим рассмотрением этого дела необходимо сделать одно замечание. Статья 26 Пакта гарантирует равенство всех лиц перед законом и равную защиту их законом. Статья 26 также запрещает дискриминацию "по какому бы то ни было признаку, как-то: расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства". Но статья 26 не позволяет

Комитету действовать в качестве административного суда, рассматривая все правительственные решения, как это делает национальный административный суд. Этот момент особенно важен при осуществлении нашего права на принятие решений согласно Первому факультативному протоколу.

В жалобе авторов указывается, что министр юстиции Ирландии не сообщил им причины их исключения из числа "заключенных, отвечающих определенным требованиям" для возможного освобождения. Они также просят Комитет дезавуировать приведенные министром причины как произвольные и несостоятельные, так как другие заключенные, которые были освобождены, предположительно совершили столь же тяжкие преступления, что и они. Но Верховный суд Ирландии отметил, что Соглашение Страстной пятницы не включено в законодательство Ирландии и не имеет своей целью наделять отдельных лиц конкретными правами. В значительном числе стран полномочия объявить помилование являются дискреционными, и руководящие лица не обязаны отчитываться о причинах своих решений. Здесь нет никаких утверждений о том, что какой-либо из конкретных элементов, названных в статье 26, или какой-либо иной элемент, связанный с личностью авторов, повлиял на решение правительства. Таким образом, видимых оснований для претензий авторов по статье 26 не существует.

Особое несогласное мнение членов Комитета г-на Раджсумера Лаллаха и г-жи Кристины Шане

1. Я не могу согласиться с мнением большинства о том, что статья 26 не была нарушена. С моей точки зрения, были нарушены те положения статьи, которые требуют соблюдения базовых принципов равенства перед законом и равной защиты закона.

2. Хотя с уверенностью можно сказать, что фактическое осуществление права на освобождение заключенных до истечения срока их тюремного заключения оговаривалось в существующем законодательстве, которое применялось в общем порядке ко всем заключенным, Закон 1998 года, разработанный с целью реализации ССП применительно к заключенным, создал специальную программу и специальный механизм консультационной комиссии для рассмотрения возможности досрочного освобождения "отвечающих определенным требованиям заключенных" (см. пункты 2.6 и 2.7 Соображений Комитета о происхождении и смысле этого термина).

3. Таким образом, Закон 1998 года создал с целью осуществления положений о досрочном освобождении особую категорию заключенных, список которых соответствующий министр был официально уполномочен передавать Комиссии для получения ее консультативного заключения.

4. Здесь я открываю скобку, чтобы отметить, что вопрос о том, является ли консультативное заключение Комиссии обязательным для исполнения министром, к делу не относится, хотя разумно предположить, что подобные комиссии создаются с реальной целью, не являются бесполезными официальными конструктами и сходны с комиссиями по помилованию, предусмотренными конституциями некоторых современных государств, консультативные заключения которых являются обязательными для исполнительных органов. Очевидно, что ее целью является именно защита решений, касающихся свободы граждан, от соображений политической целесообразности и обеспечение соблюдения принципов равенства перед законом и равной защиты закона.

5. Как бы то ни было, Закон 1998 года создал отличающуюся от общей категории заключенных особую категорию "лиц, отвечающих определенным требованиям", которые могли быть включены в список министра и дела которых должны были рассматриваться официальной комиссией. Хотя статья 26 в принципе допускает разное обращение с различными заявителями на основании разумных и объективных критериев, эти критерии перестают быть разумными и объективными, когда они основываются главным образом на политических соображениях, четко запрещенных статьей 26, идет ли речь о принятии законов, об их исполнении или об их судебном применении. Таким образом, авторы были лишены своего права на включение в список "заключенных, отвечающих определенным требованиям", что явилось нарушением их права, предусмотренного статьей 26, на равное обращение и равную защиту закона.

Сообщение № 1320/2004

Представлено: Мариано Пиментелем и др. (представлены адвокатом г-ном Робертом Свифтом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Филиппины

Дата принятия Соображений: 19 марта 2007 года

Тема сообщения: исполнение решения иностранной судебной инстанции на территории государства-участника

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Вопросы существа: понятие "судебного процесса", разумные сроки

Статьи Пакта: пункт 3 а) статьи 2, пункт 1 статьи 14

Статья Факультативного протокола: пункт 2 b) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 статьи 14 в совокупности с пунктом 3 статьи 2)

1. Авторами сообщения являются Мариано Пиментель, Рубен Ресус и Хильда Нарсиско, являющиеся гражданами Филиппин. Первый из авторов проживает в Гонолулу, Гавайские Острова, другие – на Филиппинах. Они утверждают, что стали жертвами нарушения Республикой Филиппины их прав по пункту 3 а) статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Сообщение, как представляется, также затрагивает вопросы, относящиеся к пункту 1 статьи 14 Пакта. Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для государства-участника соответственно 23 января 1987 года и 22 ноября 1989 года. Авторы представляет адвокат г-н Роберт Свифт из Филадельфии, Пенсильвания.

Факты в изложении автора

2.1 Авторы утверждают, что входят в группу из 9 539 филиппинских граждан, в отношении которых в Соединенных Штатах Америки было принято окончательное решение о выплате им компенсации из наследства покойного Фердинанда Е. Маркоса ("Наследство Маркоса") в связи с тем, что они подвергались пыткам во время правления президента Маркоса¹. Фердинанд Е. Маркос в это время проживал на Гавайских Островах.

2.2 В сентябре 1972 года первый из авторов был арестован по приказу президента Маркоса - две недели спустя после введения военного положения на Филиппинах. На протяжении следующих шести лет он содержался в нескольких центрах задержания без предъявления ему обвинения в общей

---

¹ United States District Court in Hawaii, Estate of Ferdinand E. Marcos Human Rights Litigation, MDL No. 840. [Фамилии авторов сообщения в решении суда не фигурируют. Там имеется список из порядка 137 произвольно выбранных членов "группы заявителей" и указана присужденная каждому из них компенсация за понесенный ущерб (от 10 000 до 185 000 долл. США). Было также вынесено решение о компенсации потерпевшим трех оставшихся подгрупп заявителей из числа "всех нынешних граждан Республики Филиппины, их наследников и доверенных лиц, которые в период с сентября 1972 по февраль 1986 года подвергались пыткам/были казнены без надлежащего судебного разбирательства/пропали без вести и считаются умершими, будучи задержаны филиппинскими военными или полувоенными формированиями", тремя пропорциональными частями в размере 251 819 811,00, 409 191 760,00 и 94 910 640,00 долл. США. Было также вынесено решение о компенсации морального ущерба в размере 1 197 227 417,90 долл. США, поделенной пропорционально между всеми членами группы заявителей.]

сложности в течение четырех лет. После возвращения по окончании последнего срока заключения он был похищен солдатами, которые избивали его прикладами, в результате чего ему были выбиты зубы, сломана рука и нога, произошло смещение грудной клетки. Его закопали по шею на отдаленной плантации сахарного тростника и оставили там, но впоследствии его спасли.

2.3 В 1974 году сын второго автора сообщения, А.С., был арестован по приказу президента Маркоса и помещен в военную тюрьму. Он подвергался допросам с применением пыток, содержался под стражей без предъявления ему обвинения и в итоге пропал без вести в 1977 году. В марте 1983 года третий автор сообщения также была арестована, подверглась групповому изнасилованию и пыткам при допросе. Она никогда ни в чем не обвинялась и не имела судимости за какие-либо правонарушения.

2.4 В апреле 1986 года авторы вместе с другими членами группы подали иск в отношении наследства Маркоса. 3 февраля 1995 года жюри присяжных Окружного суда Соединенных Штатов Америки на Гавайях присудило компенсацию в размере 1 964 005 859,90 долларов США 9 539 жертвам (или их наследникам), пострадавшим в результате применения пыток, казней без суда и насильственных исчезновений. По мнению членов жюри присяжных, при режиме президента Маркоса в период 1972-1986 годов на Филиппинах существовала постоянная практика нарушений прав человека. Произвольно выбранные потерпевшие получают каждый свою определенную судом долю выделенной компенсации. Потерпевшие, которые не попали в число произвольно выбранных лиц, но входят в группу в целом (к ним относятся и авторы сообщения), должны получить свою долю из соответствующей части компенсации, выделенной по совокупности на каждую из трех подгрупп². Однако эти суммы, выделенные по совокупности, не были поделены между индивидуальными заявителями в каждой подгруппе, и Окружной суд Соединенных Штатов Америки на Гавайях определит долю, причитающуюся каждому заявителю, только после получения (полностью или частично) суммы присужденной компенсации. 17 декабря 1996 года Апелляционный суд Соединенных Штатов по девятому округу подтвердил это решение³.

2.5 20 мая 1997 года пять членов группы, включая третьего автора сообщения, подали исковую жалобу против наследства Маркоса в районный суд первой инстанции в Макати-Сити на Филиппинах с целью добиться исполнения решения, вынесенного судом Соединенных Штатов. Защита ответчика ходатайствовала об отклонении иска на том основании, что сумма исковой пошлины в 400 филиппинских песо (ФП) (7,20 долл. США), внесенная каждым из заявителей, является недостаточной. 9 сентября 1998 года районный суд первой инстанции отклонил жалобу на том основании, что заявители не уплатили исковую пошлину в размере 472 млн. ФП (8,4 млн. долл. США), исчисленную исходя из общей оспариваемой суммы (2,2 млрд. долл. США). 10 ноября 1998 года авторы подали в тот же суд заявление о пересмотре этого решения, которое было отклонено 28 июля 1999 года.

2.6 4 августа 1999 года пять членов группы потерпевших от своего имени и от имени группы направили в Верховный суд Филиппин ходатайство для получения определения суда о том, что пошлина должна была составлять 400 ФП, а не 472 млн. ФП. На момент получения сообщения Комитетом (11 октября 2004 года) Верховный суд не принял решение по этому ходатайству, несмотря на просьбу о скорейшем рассмотрении данного вопроса, направленную заявителями 8 декабря 2003 года (см. пункт 4 ниже, обновленные данные).

2.7 По словам авторов, уже после подачи ими ходатайства в Верховный суд Филиппин тот же суд принял решение в пользу государства-участника о выплате наследством Маркоса 650 млн. долл.

---

² Подгруппы включают те жертвы, которые 1) подвергались пыткам, 2) были казнены без надлежащего судебного разбирательства и 3) пропали без вести и считаются умершими.

³ United States Court of Appeals for the Ninth Circuit, *Hilao v. Estate of Marcos*, 103 F.3d 767.

США и руководил исполнением этого решения, хотя соответствующее ходатайство было подано через два года после петиции самих авторов.

Жалоба

3. Авторы утверждают, что на Филиппинах процедура рассмотрения их обращения об исполнении решения суда США неоправданно затягивается и что требование несоразмерной суммы исковой пошлины является по сути отказом в праве на эффективные средства правовой защиты в целях получения компенсации за причиненный им вред, согласно статье 2 Пакта. По их утверждению, к ним неприменимо требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты, поскольку судебная процедура на Филиппинах неоправданно затянулась. Данное сообщение, как представляется, также затрагивает вопросы по пункту 1 статьи 14 Пакта.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существования сообщения

4. 12 мая 2005 года государство-участник направило представление о том, что данное сообщение является неприемлемым в силу неисчерпания внутренних средств правовой защиты. В нем указывается, что 14 апреля 2005 года Верховный суд вынес свое решение по делу *Миджарес и др. против достопочтенного г-на Ранада и др.*, подтвердив утверждение авторов о том, что они должны выплатить пошлину в размере 410 ФП, а не 472 млн. ФП по своему иску об исполнении решения Окружного суда Соединенных Штатов Америки на Гавайях. В этой связи государство-участник отрицает, что авторам не были предоставлены эффективные средства правовой защиты.

Комментарии авторов сообщения по представлению государства-участника

5.1 12 января 2006 года авторы сообщили, что по их жалобе не было принято удовлетворительного решения. Они подтверждают, что 14 апреля 2005 года Верховный суд принял решение о размере пошлины в их пользу. Однако, несмотря на мнение Верховного суда о том, что их жалоба будет быстро разрешена в суде первой инстанции, последний до сих пор не принял решение об исполнении постановления Окружного суда Соединенных Штатов Америки на Гавайях.

5.2 Помимо этого, авторы сообщения утверждают, что апелляция по параллельному делу, поданная на год раньше, чем апелляция по их делу, ожидала решения Верховного суда Филиппин в течение более семи лет⁴.

Дополнительные комментарии сторон

6. 1 июня 2006 года государство-участник указало, что, согласно решению Верховного суда о размерах пошлины, дело возвращено в суд первой инстанции. При этом оно добавляет, что авторы сообщения, фигурирующие в данном деле, не имеют никакого отношения к делу, упоминающемуся в пункте 5.2.

7.1 15 июня и 4 июля 2006 года в ответ на просьбу Секретариата уточнить статус авторов сообщения как "жертв[ы]" в связи со статьей 1 Факультативного протокола авторы заявили, что групповой иск в Соединенных Штатах может быть подан любым членом определенной группы, в данном случае 9 539 жертвами пыток, казней без надлежащего судебного разбирательства и насильственных исчезновений. Все члены группы обладают необходимой процессуальной правоспособностью при подаче группового иска, если это подтверждено судом, и все они имеют

---

⁴ Данное дело связано с делом *Имельда М. Маноток против Апелляционного суда* по факту промежуточной апелляции суда низшей инстанции, согласно которой этим судом была произведена достаточная процедура по отношению к Ими Маркос-Маноток, дочери Фердинанда М. Маркоса, при рассмотрении иска об исполнении судебного решения США в связи с вменяемыми ей обвинениями в пытках и убийстве человека.

право на свою долю в окончательном решении суда. Суд может назначить отдельных членов группы "представителями группы" для целей рассмотрения дела, но при этом такие "представители" обладают не большей правоспособностью или правами по иску, чем любой другой член группы. Таким образом, использование разных "представителей группы" по делу одной и той же группы, возбужденному в США и на Филиппинах, не затрагивает процессуальной правоспособности авторов сообщения. Филиппинская процедура групповых исков основывается на аналогичной процедуре судопроизводства Соединенных Штатов.

7.2 По словам авторов, при подаче группового иска в Соединенных Штатах обычно не принято представлять список всех членов группы. В этом случае, когда документы публичного характера могли оказаться в руках филиппинского правительства, которое могло бы подвергнуть репрессиям оставшихся в живых жертв пыток, были приняты меры предосторожности. Авторы приводят доказательства того, что они являются членами группового иска в Соединенных Штатах: выдержку из свидетельских показаний г-жи Нарсиско на судебном процессе о возмещении ущерба в Соединенных Штатах; выдержку из показаний г-на Пиментеля в Соединенных Штатах в 2002 году и решение суда Соединенных Штатов, в котором он признается "представителем группы" в соответствующем деле; а также исковое заявление по установленной судом форме в отношении г-на Ресуса. Авторы также подтверждают, что каких-либо действий для исполнения решения суда не предпринималось.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Перед рассмотрением любых жалоб, содержащихся в сообщениях, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры определить, является или нет данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

8.2 Комитет отмечает, что заявление, касающееся исполнения решения Окружного суда Соединенных Штатов Америки на Гавайях, в настоящее время находится в производстве суда первой инстанции государства-участника. После первых слушаний по вопросу о размере пошлины по этому делу, проходивших 15 апреля 2005 года, в которых Верховный суд вынес заключение в поддержку авторов сообщения, вопрос об обеспечении исполнения судебного решения американского суда был возвращен в районный суд первой инстанции. По этой причине и учитывая тот факт, что жалоба касается гражданского иска о получении компенсации (хотя и в связи с применением пыток), Комитет не может заключить, что процедура рассмотрения дела была столь неоправданно затянута, что лишила авторов возможности полностью исчерпать эту меру правовой защиты. Соответственно Комитет приходит к выводу о том, что данная жалоба является неприемлемой согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

8.3 Комитет отмечает, что после того, как авторы подали иск в районный суд первой инстанции в 1997 году, вопрос о размерах требуемой пошлины, вытекающий из факта подачи иска авторами, рассматривался тем же судом, как и Верховным судом, в общем итоге трижды (9 сентября 1998 года, 28 июля 1999 года и 15 апреля 2005 года) на протяжении более восьми лет, прежде чем было принято решение в пользу авторов. Комитет считает, что такие сроки принятия решения дают основания для заключения о приемлемости сообщения согласно пункту 1 статьи 14 и пункту 3 статьи 2, и обсуждения вопроса по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Что касается продолжительности разбирательства по вопросу о размере исковой пошлины, то Комитет считает, что право на равенство перед судами, как оно гарантировано пунктом 1 статьи 14, предполагает выполнение ряда требований, в том числе соблюдение условия, что судопроизводство в национальных судах должно проводиться достаточно быстро, чтобы не подрывать принципы справедливости⁵. Комитет отмечает, что районный суд первой инстанции и Верховный суд трижды рассматривали этот вопрос, имеющий вспомогательный характер, в течение восьми лет и что государство-участник не привело причин, объясняющих, почему такой простой вопрос рассматривался им столько времени. В силу этого Комитет считает, что сроки решения этого вопроса были неоправданно затянуты, что привело к нарушению прав авторов в соответствии с пунктом 1 статьи 14 в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

10. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет по правам человека полагает, что рассмотренные им факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14 в совокупности с пунктом 3 статьи 2 в том, что касается процедуры рассмотрения вопроса о размерах исковой пошлины.

11. Комитет полагает, что согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта авторы сообщения имеют право на использование эффективных средств защиты, что налагает на государство-участник обязательство обеспечить авторам адекватные средства правовой защиты, включая компенсацию и скорейшее разрешение их вопроса, касающегося исполнения государством-участником решения суда Соединенных Штатов Америки. Государство-участник также обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

12. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления факта нарушения обеспечить эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых им мерах по выполнению Соображений Комитета.

Сообщения № 1321/2004 и 1322/2004

Представлены: г-ном Ё Бом Юном и г-ном Мюн Джин Чхве (представлены адвокатом г-ном Сук-Дэ Ли)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщений

Государство-участник: Республика Корея

Дата принятия Соображений: 3 ноября 2006 года

Тема сообщения: сознательный отказ от прохождения обязательной военной службы на основании искренних религиозных убеждений

Процедурные вопросы: объединение сообщений

Вопросы существа: право свободно исповедовать религию или убеждения – допустимые ограничения свободы вероисповедания

Статьи Факультативного протокола: не затрагиваются

Статьи Пакта: пункты 1 и 3 статьи 18

---

⁵ *Пертерер против Австрии*, сообщение № 1015/2001, Соображения, принятые 20 июля 2004 года, пункт 10.7.

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 статьи 18)

1.1 Авторами сообщений, первоначально представленных 18 октября 2004 года, являются г-н Мюн Джин Чхве и г-н Ё Бом Юн, граждане Республики Корея, родившиеся соответственно 27 мая 1981 года и 3 мая 1980 года. Они считают себя жертвами нарушения Республикой Корея их прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 18 Пакта. Авторы представлены адвокатом г-ном Сук-Дэ Ли.

1.2 В соответствии с пунктом 2 правила 94 Правил процедуры Комитета эти два сообщения рассматриваются совместно ввиду их фактического и правового сходства.

Факты в изложении авторов

Дело г-на Юна

2.1 Г-н Юн является свидетелем Иеговы. 11 февраля 2001 года административные органы вооруженных сил государства-участника направили г-ну Юну уведомление о призыве на военную службу. Руководствуясь своими религиозными убеждениями и совестью, г-н Юн отказался подчиниться призыву в установленные сроки, в связи с чем был арестован и обвинен в соответствии с частью 1 статьи 88 Закона "О военной службе"¹. В феврале 2002 года г-н Юн был освобожден под залог.

2.2 13 февраля 2004 года г-н Юн был осужден судом Восточного округа Сеула на основании предъявленного обвинения и приговорен к полутора годам лишения свободы. 28 апреля 2004 года Первое уголовное отделение суда Восточного округа Сеула оставило в силе данный приговор и меру наказания со следующей мотивировкой:

"...нельзя считать, что внутренняя потребность действовать в согласии с собственной совестью, основанная на индивидуальных убеждениях, превышает по значимости долг защиты отечества, который крайне важен для защиты государственной независимости и территории, жизни, здоровья, свободы и собственности людей. Кроме того, поскольку вопрос об обязательности или необязательности требования законопослушности должен решаться не исходя из положения конкретного субъекта, а исходя из положения среднестатистического представителя общества, так называемые "решения, основанные на совести", когда человек возражает против выполнения предусмотренного законом воинского долга со ссылкой на религиозные убеждения, не могут служить оправданием для отказа от военной службы в нарушение действующего законодательства".

2.3 22 июля 2004 года Верховный суд большинством голосов оставил в силе приговор и назначенное наказание, мотивируя это, в частности, следующим:

---

¹ Статья 88 закона "О военной службе" гласит:

"Уклонение от призыва на военную службу

- 1) Лица, получившие уведомление о зачислении или повестку о призыве на действительную военную службу (включая повестку о зачислении на военную службу путем вербовки), которые без уважительных причин отказываются быть зачисленными в состав вооруженных сил или не подчиняются призыву даже по истечении указанного ниже срока для явки на службу с даты зачисления или повестки, наказываются лишением свободы на срок до трех лет: 1. Пять суток в случае зачисления на действительную военную службу [...]"

"если свобода совести [г-на Юна] ограничивается в случае необходимости в целях обеспечения национальной безопасности, законности и порядка или общественного благополучия, такое ограничение допускается Конституцией ...Статья 18 [Пакта], как представляется, предусматривает по сути такие же правила и гарантии, что и статья 19 (свобода совести) и статья 20 (свобода религии) Конституции Кореи. Таким образом, право на освобождение от выполнения требований указанной части закона "О военной службе" не вытекает из статьи 18 [Пакта]".

2.4 Однако, по мнению меньшинства членов суда, основанному на резолюциях (бывшей) Комиссии по правам человека, призывающих к принятию мер, альтернативных военной службе, а также на обширной государственной практике, отказ по истинным соображениям совести может быть приравнен к "уважительным причинам" по смыслу статьи 88 (часть 1) закона "О военной службе", допускающим возможность освобождения от военной службы.

Дело г-на Чхве

2.5 Г-н Чхве также является свидетелем Иеговы. 15 ноября 2001 года административные органы вооруженных сил государства-участника направили г-ну Чою уведомление о призыве на военную службу. По причине своих религиозных убеждений и соображений совести г-н Чхве отказался поступить на военную службу в предусмотренный срок, после чего был арестован и обвинен на основании статьи 88 (часть 1) Закона "О военной службе"².

2.6 13 февраля 2002 года судом Восточного округа Сеула г-н Чхве был осужден на основании предъявленного обвинения и приговорен к полутора годам лишения свободы. 28 февраля 2002 года г-н Чхве был освобожден под залог. 28 апреля 2004 года и 15 июля 2004 года соответственно Первое уголовное отделение суда Восточного округа Сеула и Верховный суд оставили в силе приговор и назначенное наказание на основании приведенной выше мотивировки в отношении г-на Юна.

Последующие события

2.7 26 августа 2004 года в одном деле, не имеющем отношения ни к г-ну Юну, ни к г-ну Чхве, Конституционный суд большинством голосов отклонил жалобу о неконституционности статьи 88 закона "О военной службе" в связи с ее несоответствием принципу свободы совести, содержащемуся в Конституции Кореи. Суд постановил, в частности:

"свобода совести, предусмотренная в статье 19 Конституции, никому не дает права отказываться от несения военной службы. Свобода совести представляет собой просто право просить государство по возможности учитывать и защищать совесть личности и, следовательно, не является правом, позволяющим отказываться от выполнения воинской обязанности по соображениям совести, равно как и не позволяет требовать замены законной обязанности альтернативной службой. Таким образом, право требовать установления альтернативной службы нельзя вывести из свободы совести. Конституция не содержит положений, которые отдавали бы свободе выражения какой-либо абсолютный приоритет над воинской обязанностью. Отказ от исполнения воинской обязанности по соображениям совести может быть признан в качестве законного права только в том случае, если такое право прямо предусмотрено Конституцией".

2.8 Поддержав конституционность оспариваемых положений, большинство судей Конституционного суда тем не менее призвало законодателя заняться изучением способов разрешения конфликта между принципом свободы совести и национальной безопасностью в интересах общества. Однако не согласившееся с этим решением меньшинство со ссылкой на

---

² Там же.

Замечание общего порядка № 22 Комитета, отсутствие оговорки государства-участника к статье 18 Пакта, резолюции (бывшей) Комиссии по правам человека и государственную практику считало, что соответствующие положения закона "О военной службе" могли бы быть признаны не соответствующими Конституции в связи с отсутствием попыток регламентировать надлежащим образом отказ от военной службы по соображениям совести.

2.9 После принятия этого решения, согласно утверждениям авторов, было в срочном порядке возобновлено судопроизводство по приостановленным делам в отношении порядка 300 отказников по соображениям совести. Соответственно, ожидается, что к концу 2004 года под стражей будет находиться свыше 1 100 таких лиц.

Жалоба

3. Авторы заявляют, что отсутствие в государстве-участнике альтернативы обязательной военной службе, отказ от несения которой чреват уголовным преследованием и тюремным заключением, является нарушением их прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 18 Пакта.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своем представлении от 2 апреля 2005 года государство-участник утверждает, что ни одно из данных сообщений не имеет под собой фактической основы. Оно отмечает, что статья 18 предусматривает возможность ограничения в необходимых случаях свободы совести. Хотя статья 19 Конституции государства-участника защищает свободу совести, статья 37(2) предусматривает, что "права и свободы граждан могут быть ограничены законом, только когда это необходимо для охраны национальной безопасности, поддержания законности и порядка или обеспечения общественного благополучия... Даже в случае введения таких ограничений ни один существенный аспект прав или свобод не должен быть нарушен". Соответственно, Конституционный суд постановил, что "свобода совести, провозглашенная в статье 19 Конституции, никому не дает права отказываться от несения воинской службы" в силу ограниченности принципа, обязывающего обеспечивать соблюдение всех основных прав в границах, позволяющих человеку выражать свою гражданскую позицию и гарантировать поддержание "законности" в государстве. Из этого следует, что свобода совести может подлежать ограничению по закону, когда такое выражение гражданской позиции наносит вред общественной безопасности и порядку или когда оно угрожает "законности".

4.2 Государство-участник утверждает, что в силу своей специфики отказ от несения военной службы по соображениям совести должен быть ограничен, так как может причинить вред национальной безопасности. В отличие от свободы формировать и определять внутренние убеждения, свобода отказываться от несения военной службы по религиозным причинам может быть ограничена, как это предусмотрено статьей 18 Пакта, в интересах общества, поскольку в этом случае речь идет о выражении или проявлении убеждений путем пассивного неисполнения.

4.3 Учитывая особые обстоятельства, связанные с необходимостью обеспечения безопасности перед лицом угрозы со стороны соседней Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), государство-участник, как единственная в мире разделенная нация, создало систему всеобщего призыва на военную службу, основанную на обязанности всех граждан нести воинскую службу. Таким образом, принцип равенства при исполнении долга и обязанности, связанных со службой в вооруженных силах, в государстве-участнике имеет большее значение, чем в любой другой стране. Учитывая сильную социальную потребность в равенстве и ожидание, что принцип равенства будет соблюдаться при исполнении воинской обязанности, любые исключения из этого правила могут препятствовать социальному единению, нанося при этом серьезный ущерб государственной безопасности путем подрыва самой основы национальной системы военной службы – всеобщей воинской обязанности – особенно с учетом просматривающейся в обществе тенденции всячески уклоняться от прохождения военной службы.

4.4 Государство-участник отмечает, что государственная система военной службы непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности, и является вопросом, решаемым по усмотрению законодателей с целью создания национальной армии, способной в максимальной степени обеспечить обороноспособность страны с учетом ее геополитического положения, внутренних и внешних условий безопасности, экономического и социального положения и национального духа, а также некоторых других факторов.

4.5 Государство-участник утверждает, что, учитывая существующие угрозы, потребность в равенстве перед воинской обязанностью и различные сопутствующие ограничения для создания системы альтернативной службы, пока еще рано говорить о таком улучшении ситуации в плане безопасности, которое позволило бы ограничить военную службу, равно как и о достижении национального консенсуса по данному вопросу.

4.6 В заключение государство-участник отмечает, что запрещение отказа от военной службы по соображениям совести оправдано его особыми социальными и внешними условиями, в связи с чем сложно сделать вывод о нарушении данным решением существенных аспектов свободы совести, предусмотренной в пункте 3 статьи 18 Пакта. Принимая во внимание условия, связанные с обеспечением безопасности в государстве-участнике, потребность в равной воинской обязанности и отсутствие национального консенсуса по этому вопросу, а также ряд других факторов, введение альтернативной службы не предвидится.

Комментарии авторов по представлению государства-участника

5.1 Авторы ответили на представление государства-участника в письме от 8 августа 2005 года. Они отмечают, что государство-участник не указывает, какое из предусмотренных в пункте 3 статьи 18 допустимых ограничений применяется в данном случае, хотя и признают, что в целом аргументация строится вокруг обеспечения "общественной безопасности и порядка". Вместе с тем государство-участник не объяснило, каким образом лица, отказывающиеся от несения военной службы по соображениям совести, причиняют вред общественной безопасности или порядку. Строго говоря, поскольку отказ от военной службы по соображениям совести никогда не был разрешен, государство-участник не может определить фактическое наличие или отсутствие такой опасности.

5.2 Авторы отмечают наличие у государства-участника смутных опасений по поводу того, что разрешение отказа от военной службы по соображениям совести может угрожать системе всеобщей воинской обязанности. Но такие опасения не могут оправдать суровых наказаний, назначаемых на основании Закона "О военной службе" тысячам таких отказников, и дискриминации, с которой они сталкиваются после освобождения. В любом случае авторы подвергают сомнению истинную ценность совести, если ее требуется держать при себе и нельзя выражать открыто. Авторы отмечают, что отказ от военной службы по соображениям совести и пацифистское неприятие насилия имеют давнюю историю, еще со времен существования Римской Республики. Ссылаясь на замечание общего порядка № 22 Комитета, авторы утверждают, что лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, на самом деле не только не представляют угрозы для общественной безопасности или порядка, но, напротив, укрепляют их, исповедуя высокие ценности, основанные на глубокой морально-нравственной позиции.

5.3 По вопросу угрозы, исходящей от КНДР, авторы отмечают, что государство-участник превосходит своего северного соседа по численности населения почти вдвое, по экономическим показателям в тридцать раз, а с точки зрения ежегодного военного бюджета почти в десять раз. КНДР постоянно находится под спутниковым наблюдением и в настоящее время переживает гуманитарный кризис. В отличие от этого численность личного состава вооруженных сил в государстве-участнике составляет почти 700 000 человек и 350 000 молодых людей ежегодно привлекаются к несению военной службы. 1 053 человека, лишенных свободы за отказ от военной службы по соображениям совести, - это слишком мало, чтобы серьезно сказаться на такой военной мощи. На этом фоне было бы неразумно говорить о том, что угроза, исходящая от КНДР, является

достаточным основанием для наказания лиц, отказывающихся от несения военной службы по соображениям совести.

5.4 Что касается принципа равенства, то авторы утверждают, что создание системы альтернативной службы обеспечит его соблюдение путем установления в случае необходимости более длительного срока альтернативной службы. Авторы отмечают позитивный опыт учреждения института альтернативной службы в Тайване, который сталкивается по крайней мере с такой же внешней угрозой, как и государство-участник, а также в Германии. Создание такого института способствовало бы социальной интеграции и развитию, а также уважению прав человека в обществе. Отмечающаяся в обществе тенденция уклоняться от прохождения военной службы не имеет отношения к соображениям совести, а обусловлена плохими условиями службы. В случае их улучшения такая тенденция пойдет на спад.

5.5 Авторы опровергают довод о том, что введение альтернативной службы зависит от воли законодателя, отмечая, что наличие такой воли не может служить оправданием нарушения Пакта, и в любом случае в этом направлении проводится очень незначительная работа. Кроме того, государство-участник не выполнило свое обязательство в качестве члена Комиссии ООН по правам человека и, умышлено или нет, не отразило в своем периодическом докладе в Комитет ситуацию с отказом от несения военной службы по соображениям совести.

Дополнительное представление государства-участника

6.1 В своем представлении от 6 сентября 2006 года государство-участник изложило дополнительные соображения по существу сообщений в ответ на утверждения авторов. Государство-участник отмечает, что в соответствии со статьей 5 Конституции обеспечение национальной безопасности и обороны страны - это священный долг вооруженных сил государства, а согласно статье 39 воинская обязанность является одним из важнейших и по сути ключевых средств обеспечения национальной безопасности, являясь сама по себе привилегией и гарантией со стороны закона. Государство-участник указывает, что национальная безопасность является неременным условием его существования, поддержания его территориальной целостности и защиты жизни и безопасности его граждан, составляя при этом основную предпосылку для реализации гражданских свобод.

6.2 Государство-участник утверждает, что свобода на отказ от несения обязательной военной службы по соображениям безопасности подлежит четким ограничениям, предусмотренным пунктом 3 статьи 18 Пакта. Изъятия из общего правила относительно обязательной военной службы одного из основных обязательств, распространяющихся на всех граждан за счет ряда основных прав на охрану жизни и общественного имущества, могут подорвать основу государственной военной службы, которая является основной силой национальной обороны, обострить социальную напряженность, причинить вред общественной и национальной безопасности и в свою очередь посягнуть на основные права и свободы граждан. Таким образом, ограничение, основанное на вреде для общественной безопасности и порядка или угрозе для поддержания законности в стране, когда оно распространяется на членов религиозных общин, представляется допустимым.

6.3 Государство-участник заявляет, что, хотя ситуация на Корейском полуострове действительно изменилась с момента появления новой концепции национальной безопасности и современных методов ведения войны, а также возникновения разрыва в военной мощи, обусловленного экономическим неравенством между Севером и Югом, численность вооруженных сил остается главным фактором обороноспособности. Перспектива сокращения призыва в связи со снижением рождаемости также должна быть принята во внимание. Применение санкций в отношении лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, несмотря на их малочисленность, препятствует уклонению от военной службы. Создание системы альтернативной службы вполне может обрушить всю существующую систему. С учетом имеющегося опыта нарушений и существования в обществе тенденции к уклонению от военной службы, сложно предположить, что

учреждение альтернативной службы послужит предотвращению попыток уклонения от воинской обязанности. Кроме того, допущение отказа от воинской службы по соображениям совести, в то время как численность армии остается главным фактором обороноспособности страны, может вести к злоупотреблению правом на отказ в качестве узаконенного способа избежать воинской службы, причинив тем самым большой вред национальной безопасности путем подрыва обязательности призыва.

6.4 Что касается утверждений авторов по вопросу о равенстве, то государство-участник заявляет, что освобождение отказников от этой обязанности или применение к ним менее строгих требований грозит нарушением принципа равенства, предусмотренного статьей 11 Конституции, общей обязанности по обеспечению обороноспособности страны, закрепленной в статье 39 Конституции, и может быть приравнено к недопустимому покровительствованию или выделению определенной группы. Учитывая острую социальную потребность и ожидание соблюдения принципа равноправия при выполнении воинской обязанности, разрешение исключений может препятствовать социальному единению и наносить существенный вред национальному потенциалу, порождая неравенство. В случае утверждения института альтернативной службы для обеспечения справедливости право выбора между военной и альтернативной службой должно быть предоставлено всем, что неизбежно поставит под угрозу общественную безопасность и правопорядок, а также защиту основных прав и свобод. Государство-участник признает, что проблемы в области прав человека являются основными причинами уклонения от военной службы, и существенно улучшило казарменные условия. Помимо этого, двухлетний срок службы, что значительно дольше, чем в других странах, является еще одной причиной уклонения от службы и, как представляется, не утратит своей актуальности даже при существенном улучшении условий или учреждения альтернативной службы.

6.5 Относительно доводов авторов, касающихся международной практики, государство-участник отмечает, что в Германии, Швейцарии и в Тайване признается отказ по соображениям совести и предусматриваются альтернативные формы службы. Государство-участник обращалось к административным органам каждой из указанных стран и собирало информацию о соответствующей практике, проводя исследования и семинары, следя за событиями в этом вопросе и рассматривая возможности применения этого опыта. Вместе с тем государство-участник отмечает, что введение альтернативной службы в перечисленных странах было продиктовано спецификой их ситуации. В Европе, например, альтернативная служба появилась в русле общего перехода от обязательной военной службы к добровольной после окончания "холодной войны", учитывая резкое сокращение непосредственной и серьезной угрозы для национальной безопасности. Тайвань также разрешил отказ по соображениям совести в 2000 году, когда с началом проведения в 1997 году политики сокращения армии возникла проблема избытка призывников. Государство-участник также указывает на то, что в январе 2006 года его национальная комиссия по правам человека подготовила план действий по вопросам отказа от воинской службы по соображениям совести, и правительство намерено принимать дальнейшие меры в этой связи.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из правила 93 своих правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 В отсутствие возражений со стороны государства-участника на предмет приемлемости сообщения, а также любых причин, по которым Комитет должен *proprio motu* признать сообщение неприемлемым полностью или частично, Комитет, в соответствии со статьей 18 Пакта, объявляет сообщение приемлемым.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Комитет отмечает утверждение авторов о том, что статья 18 Пакта, гарантирующая право на свободу совести и право исповедовать религию или убеждения, требует признания их подлинного религиозного убеждения в том, что обязательная воинская служба является недопустимой для них с моральной и этической точек зрения. Комитет также отмечает, что пункт 3 статьи 8 Пакта исключает из определения "принудительного или обязательного труда" "любую службу военного характера, а в тех странах, в которых признается отказ от военной службы по соображениям совести, какую бы то ни было службу, предусматриваемую законом для лиц, отказывающихся от военной службы по таким мотивам". Следовательно, статья 8 Пакта сама по себе не признает и не исключает права на отказ по соображениям совести. Таким образом, настоящая жалоба должна быть рассмотрена только в контексте статьи 18 Пакта, понимание которой с течением времени развивается так же, как и понимание любой другой предусмотренной Пактом гарантии с учетом его текста и цели.

8.3 Комитет ссылается на свою предыдущую правовую практику об оценке утверждения, что отказ от военной службы по соображениям совести является защищенной формой выражения религиозных убеждений в соответствии с пунктом 1 статьи 18³. Он отмечает, что, хотя право исповедовать религию или убеждения не предполагает само по себе право отказываться от всех обязательств, предусмотренных законом, оно обеспечивает определенную защиту, соответствующую пункту 3 статьи 18, от принуждения к совершению действий, противоречащих подлинным религиозным убеждениям. Комитет также напоминает свое общее мнение, выраженное в Замечании общего порядка № 22⁴, что обязывать человека применять оружие, когда такое применение может серьезно расходиться с требованиями его совести или религиозными убеждениями, подпадает под действие статьи 18. Комитет отмечает, что в данном деле отказ авторов от призыва на обязательную военную службу был непосредственным выражением их религиозных убеждений, истинность которых не оспаривается. Осуждение и наказание авторов, соответственно, можно приравнять к ограничению возможности исповедовать религию или убеждения. Такое ограничение должно быть оправдано допустимыми пределами, предусмотренными пунктом 3 статьи 18, т.е. любое ограничение должно вводиться на основании закона и быть необходимым для защиты общественной безопасности, правопорядка, здоровья, морали или основных прав и свобод других лиц. Вместе с тем, такие ограничения не должны затрагивать само существо этого права.

8.4 Комитет отмечает, что законами государства-участника не предусмотрена процедура признания отказа от военной службы по соображениям совести. Государство-участник утверждает, что такое ограничение необходимо для обеспечения общественной безопасности, поддержания обороноспособности государства и сохранения социального согласия. Комитет принимает во внимание аргумент государства-участника относительно особой необходимости обеспечения

---

³ В деле *Мухонен против Финляндии* (сообщение № 89/1981), например, Комитет отказался выносить решение относительно того, гарантирует ли статья 18 право на отказ по соображениям совести. В деле *Л.Т.К. против Финляндии* (сообщение № 185/1984) Комитет отказался полностью рассматривать вопрос по существу, предварительно решив в части рассмотрения приемлемости, что данный вопрос выходит за рамки статьи 18. В деле *Бринкхоф против Нидерландов* (сообщение № 402/1990) рассматривался вопрос относительно отличий между абсолютными отказниками и свидетелями Иеговы, а дело *Уэстерман против Нидерландов* (сообщение № 682/1996) касалось процедуры признания отказа по соображениям совести в соответствии с внутренним правом как таковым, а не существования основополагающих прав. Хотя это заявление было не обязательным для вынесения окончательного решения, в деле *Дж. П. против Канады* (сообщение № 446/1991) Комитет отметил, не предоставив дальнейшего разъяснения, что статья 18 "несомненно охраняет право иметь, выражать и распространять мнения и убеждения, включая выражение несогласия с военной деятельностью и военными расходами по соображениям совести".

⁴ Замечание общего порядка № 22 (1993), пункт 11.

национальной безопасности, а также его намерение принять меры в связи с национальным планом действий по вопросу об отказе по соображениям совести, разработанным национальной комиссией по правам человека (см. пункт 6.5 выше). В отношении соответствующей практики государств Комитет также отмечает, что возрастающее количество государств - участников Пакта, в которых сохранилась система обязательной военной службы, ввели альтернативы такой службе, и приходит к выводу, что государство-участник не смогло продемонстрировать, какой именно вред будет причинен ему в случае полного соблюдения прав авторов, предусмотренных статьей 18. Что касается вопроса социального согласия и равенства, то Комитет считает, что уважение государством убеждений совести и их проявлений само по себе является важным фактором обеспечения сплоченного и стабильного плюралистического общества. Комитет также приходит к выводу, что в принципе возможны и практически реализуемы такие альтернативы обязательной военной службе, которые не подрывают основы принципа всеобщей воинской обязанности, но приносят эквивалентную пользу обществу и предъявляют равноценные требования к каждому человеку, ликвидируя несправедливое неравенство между теми, кто проходит обязательную военную службу, и теми, кто проходит альтернативную службу. Таким образом, Комитет считает, что государство-участник не смогло доказать, что в настоящем деле рассматриваемые ограничения являются необходимыми по смыслу пункта 3 статьи 18 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Республикой Корея в отношении обоих авторов пункта 1 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию. Государство-участник обязано избегать подобных нарушений Пакта в будущем.

11. С учетом того что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось гарантировать всем лицам на его территории и под его юрисдикцией права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и обеспеченные правовой санкцией средства правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение Соображений Комитета. Комитет также просит государство-участник опубликовать его Соображения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое несогласное мнение члена Комитета г-на Иполито Солари Иригойена

Хотя я и разделяю вывод большинства членов, изложенный в пункте 9, что факты, представленные Комитету, свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 18, я не согласен с предложенным большинством моих коллег обоснованием, исходя из следующих соображений:

Рассмотрение сообщения по существу

8.2 Комитет принимает во внимание заявление авторов о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 18 Пакта путем привлечения их к уголовной ответственности и последующего осуждения за отказ от обязательной военной службы по причинам религиозных убеждений, обусловленных их принадлежностью к Свидетелям Иеговы.

Комитет также отмечает заявление государства-участника о том, что статья 19 его Конституции никому не предоставляет права отказываться от исполнения воинской обязанности. Государство-

участник также утверждает, что отказ по соображениям совести может быть "ограничен", поскольку может представлять угрозу национальной безопасности. Государство-участник заключает, что запрещение отказа от военной службы по соображениям совести является оправданным и что оно, учитывая формулировку пункта 3 статьи 18, не нарушает положений Пакта. Конституционный суд (см. пункт 2.7 выше) ограничил бы право на свободу совести только правом просить государство "по возможности" учитывать и защищать право отказника.

Основное право человека на отказ по соображениям совести предполагает, что любое лицо может быть освобождено от обязательной военной службы, если ее осуществление не соответствует его религии и убеждениям. Право не должно ущемляться принудительным образом. Учитывая, что государство-участник не признает это право, настоящее сообщение должно быть рассмотрено в соответствии с пунктом 1 статьи 18, а не пунктом 3.

8.3 Право на отказ от военной службы по соображениям совести происходит от права на свободу мысли, совести и религии. Как сказано в пункте 2 статьи 4 Пакта, от этого права не допускается отступлений даже в исключительных обстоятельствах, при которых жизнь нации поставлена под угрозу и которые оправдывают объявление чрезвычайного положения. Когда право на отказ по соображениям совести признается, государство может, если пожелает, обязать отказника проходить альтернативную гражданскую службу, не входящую в военную сферу и не находящуюся под военным командованием. Альтернативная служба не должна носить карательный характер. Это должна быть действительная служба обществу, совместимая с принципом уважения прав человека.

В Замечании общего порядка № 22 Комитет признает это право, "поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию или убеждения". В том же Замечании общего порядка говорится, что право на свободу мысли, совести и религии "является весьма широким и глубоким" и что "свобода мысли и свобода совести защищаются в такой же степени, как и свобода религии и убеждений".

Руководствуясь своими религиозными убеждениями, авторы сослались на право, предусмотренное пунктом 1 статьи 18, чтобы избежать обязательной военной службы. Уголовное преследование, осуждение и тюремное заключение составили непосредственное нарушение этого права.

Свобода исповедания религии или убеждений, установленная в пункте 3 статьи 18 означает свободу исповедовать религию или убеждения открыто, а не признание права как такового, которое защищено пунктом 1. Даже в случае ошибочного предположения, что настоящее сообщение касается не признания права отказника, а его публичного выражения, заявление о том, что свобода открыто исповедовать убеждения подлежит только "ограничениям, установленным законом", не подразумевает, что само существование такого права является вопросом, зависящим от усмотрения государств-участников.

Намерение государства-участника принять меры в связи с национальным планом по вопросам отказа по соображениям совести, разработанным национальной комиссией по правам человека (см. пункт 6.5 выше), что отмечено Комитетом в пункте 8.4, должно быть рассмотрено в совокупности с содержащимся в пункте 4.6 заявлением о том, что введения системы альтернативной службы не предвидится. Кроме того, намерения должны подкрепляться действиями, а только намерение "принять меры по вопросу" не говорит о том, будет ли когда-либо в будущем признано право на отказ по соображениям совести.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к выводу, что Республика Корея нарушила права авторов сообщений, предусмотренных пунктом 1 статьи 18 Пакта.

Я разделяю мнение других членов Комитета о том, что государство-участник, желающее следовать принципам Международного пакта о гражданских и политических правах, должно в том же духе уважать требования лиц, отказывающихся от военной службы по причине религиозных или других убеждений. Священность религиозных убеждений, включая учение об обязанности воздерживаться от насилия, должна охраняться свободным демократическим государством.

Вместе с тем, к сожалению, я не могу согласиться с тем, что право воздерживаться от обязательной военной службы предусмотрено Пактом в качестве законного основания. Пункт 1 статьи 18 гласит: "Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении".

Статья 18 таким образом содержит важные гарантии защиты права исповедовать религию как публично, так и в частном порядке, собираться для этих целей с другими, организовывать религиозные школы и открыто демонстрировать религиозные символы. Положение пункта 3 статьи 18 о том, что "свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц", не может быть использовано государством-участником в качестве лазейки, позволяющей затруднять осуществление религиозной деятельности. Комитет по правам человека соответствующим образом отверг любые попытки ограничить гарантии статьи 18 "традиционными" религиями или использовать административные меры, чтобы воспрепятствовать практической реализации права на отправление религиозного культа или запретить ее.

Однако статья 18 не предполагает, что лицо, руководствуясь своими религиозными убеждениями, вправе уклоняться от выполнения законных требований общества. Например, граждане не могут уклоняться от уплаты налогов, даже если они возражают против государственной деятельности по соображениям совести. В настоящей интерпретации статьи 18, вроде бы проводя различие между военной службой и другими обязанностями перед государством, Комитет не приводит какие-либо факты из истории согласования текста Пакта в подтверждение того, что такое положение в принципе подразумевалось. Практика государств-участников также может иметь отношение к делу, будь то в момент заключения Пакта или даже в настоящее время. Мы не располагаем сведениями, в частности, относительно количества участников Пакта, которые все еще придерживаются практики обязательной военной службы, не имея правовых гарантий права на отказ по соображениям совести.

Безусловно, в "заключительных замечаниях", принимаемых по итогам изучения докладов государств, Комитет по правам человека нередко призывал государства признать право на отказ от военной службы по соображениям совести. Но эти заключительные замечания могут лишь содержать предложения относительно "наилучшего опыта" и не меняют сами по себе положений Пакта. Также верно то, что в 1993 году Комитет постановил в пункте 11 "Замечания общего порядка № 22", что право на отказ по соображениям совести может быть следствием статьи 18. Но в течение почти десяти лет с тех пор в практике Комитета в соответствии с Факультативным протоколом ни разу не было сделано вывода о том, что такое "следствие" действительно предусмотрено Пактом⁵. Формулировка пункта 3 (с) (ii) статьи 8 Пакта также препятствует такому выводу Комитета.

---

⁵ В деле *Дж. П. против Канады*, сообщение № 446/1991 от 7 ноября 1991 года, Комитет отклонил жалобу заявителя о том, что она была вправе уклоняться от уплаты налогов в знак протеста против военных расходов Канады. Комитет постановил, что "хотя статья 18 Пакта, несомненно, охраняет право иметь, выражать и распространять мнения и убеждения, включая выражение несогласия с военной деятельностью и военными

Это не меняет того факта, что практика государства-участника в этом деле, очевидно, оказалась слишком жесткой. "Нагромождение" уголовных наказаний за отказ по соображениям совести посредством направления неоднократных уведомлений о призыве на военную службу может привести к драконовским результатам. Отказ в принятии на работу в государственные учреждения после отказа от военной службы также является крайне суровой мерой.

В недавно вынесенном решении Конституционного суда Кореи министр обороны государства заявил, что "нынешние условия жизни военнослужащих являются плохими" и, следовательно, "количество отказников от военной службы будет быстро возрастать", если "в государстве, подобном нашему, разрешить альтернативную службу"⁶. На основании этого можно сделать вывод о целесообразности попыток улучшить условия жизни военнослужащих. В любом случае многие другие государства в состоянии определить, какие способы применения права на отказ по соображениям совести основаны на истинных моральных или религиозных убеждениях и не наносят ущерба функционированию национальной системы военной службы. Таким образом, демократически созданные законодательные органы государства-участника, несомненно, пожелают изучить вопрос о признании права меньшей части граждан на отказ от воинской службы по религиозным основаниям без ограничения возможности организации национальной обороны.

X. Сообщение № 1325/2004

Представлено: Марио Конде Конде (представлен Хосе Луисом Масоном Костой)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Испания

Дата принятия Соображений: 31 октября 2006 года

Тема сообщения: назначение более строгого наказания вышестоящим судом; пределы пересмотра дела в кассационном порядке Верховным судом Испании

Процедурные вопросы: необоснованность претензий

Вопросы существа: право на пересмотр приговора и наказания вышестоящим судом

Статьи Пакта: пункт 5 статьи 14

Статья Факультативного протокола: 2

Вывод: наличие нарушения

1. Автор сообщения от 7 января 2003 года является гражданином Испании Марио Конде Конде, 1948 года рождения, который в настоящее время содержится под стражей в тюрьме Алкала-Меко в Мадриде. Он утверждает, что является жертвой нарушения Испанией пункта 5 статьи 14 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для Испании 25 апреля 1985 года. Автор представлен адвокатом Хосе Луисом Масоном Костой.

расходами по соображениям совести, отказ от уплаты налогов на основании несогласия по соображениям совести явно находится за пределами прав, охраняемых данной статьей". Другими словами, возражения лица по соображениям совести против налогов на военные нужды не обязывает государство воздерживаться от взимания таких налогов.

⁶ См. 2002 Хеон Гал, предположительное несоответствие Конституции части 1, статьи 88, глава 1, закона "О военной службе", Конституционный суд Кореи, дело Кюн-Су Ли.

Факты в изложении автора

2.1 На момент описываемых событий автор был президентом "Банко эспаньол де кредито" ("Банесто"). В начале 1989 года, осуществляя полномочия, которыми он был наделен в силу своей должности, но не имея разрешения правления "Банесто", он по собственному усмотрению израсходовал 300 млн. песет (1 803 339 евро) на цели, не связанные с непосредственной деятельностью компании. После этого инцидента компаниями, имеющими связи с "Банесто", был осуществлен ряд других корпоративных сделок и мошеннических бухгалтерских операций.

2.2 14 ноября 1994 года прокуратура при Национальной судебной коллегии возбудила уголовное дело в отношении 10 лиц, включая автора, которому были предъявлены обвинения по восьми пунктам в связи с девятью сделками: по четырем пунктам он обвинялся в неправомерном присвоении, по трем - в мошенничестве и по одному - в подделке коммерческого документа. Помимо исков, возбужденных государственным прокурором, было предъявлено 14 частных обвинений и гражданских исков. В ходе следствия, которое продолжалось два года, было допрошено 470 свидетелей и экспертов. Материалы дела составили 53 тома досудебных протоколов и 121 том приобщенных материалов.

2.3 31 марта 2000 года Высший национальный суд:

1) признал автора виновным в неправомерном присвоении в связи с операцией "Сементерас" и приговорила его к четырем годам и двум месяцам лишения свободы и выплате солидарной компенсации "Банесто" в размере 1 556 млн. песет (9 353 322 евро);

2) признал автора виновным в делящемся преступлении мошенничества в связи с операциями "Сентро комерсьяль конча эспина и ойл дор" и приговорила его к шести годам лишения свободы и выплате солидарной компенсации "Банесто" в размере 1 880 016 900 песет (11 301 900 евро);

3) признал автора невиновным в неправомерном присвоении в связи с операцией "Карбюрор металикос";

4) признал автора невиновным в неправомерном присвоении наличных средств компании "Банесто" (упоминается как операция "300 млн. наличными"). Суд посчитал, что преступление, связанное с неправомерным присвоением, было совершено, но квалифицировал его в качестве отдельного правонарушения, которое погашено давностью, поскольку прошло пять лет, как того требует соответствующий закон, и вследствие этого автор не понес уголовной ответственности;

5) признал автора невиновным по одному пункту неправомерного присвоения и одному пункту мошенничества в связи с операцией "Исолюкс";

6) признал автора невиновным по одному пункту неправомерного присвоения и одному пункту мошенничества в связи с операцией "Промосьонес хотеларас"; и

7) признал автора невиновным в подделке коммерческого документа в связи с мошеннической бухгалтерской операцией.

2.4 Автор подал кассационную жалобу по 39 основаниям, большинство из которых касались предполагаемых ошибок в оценке доказательств в ходе судебного разбирательства и нарушений принципа презумпции невиновности; в своей жалобе он утверждал, что был признан виновным на основании недостаточных уличающих доказательств. Были также поданы отдельные апелляции в кассационном порядке: одна - государственным прокурором, три - в виде гражданских исков и шесть - в виде частных обвинений.

2.5 29 июля 2002 года Верховный суд отклонил кассационную жалобу автора и частично поддержал апелляцию государственного прокурора, частные обвинения и два гражданских иска. Суд оставил в силе приговор, вынесенный Национальной судебной коллегией, за исключением пунктов 4) и 7), выше:

В отношении пункта 4) Верховный суд охарактеризовал обвинение в неправомерном присвоении (операция "300 млн. наличными") как длящееся преступление и поэтому не погашенное давностью. Вследствие этого суд приговорил автора к шести годам и одному дню лишения свободы и выплате 300 млн. песет (1 803 339 евро) в качестве компенсации.

В отношении пункта 7) Верховный суд постановил, что было совершено преступление, квалифицируемое как подделка коммерческого документа в связи с мошеннической бухгалтерской операцией, и приговорил автора к четырем годам лишения свободы и уплате штрафа в размере 1 млн. песет (6 011 евро).

Верховный суд частично отменил приговор, вынесенный автору Судебной коллегией, и увеличил меру наказания, назначенную в первой инстанции; он охарактеризовал обвинения в неправомерном присвоении (операция "300 млн. наличными") как обвинения в длящемся и поэтому не погашенном давностью преступлении, а также установил факт совершения преступления, квалифицируемого как подделка коммерческого документа в связи с мошеннической бухгалтерской операцией.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что имеет место нарушение положений пункта 5 статьи 14 Пакта на том основании, что ему не удалось добиться пересмотра в полном объеме приговора, вынесенного Национальной судебной коллегией, поскольку пересмотр в вышестоящем суде касался только юридических аспектов. Он утверждает, что приговор был основан на оценке множества доказательств, которые Верховный суд был не в состоянии пересмотреть.

3.2 Автор заявляет, что положения пункта 5 статьи 14 нарушены также в силу того, что ему было отказано в каком-либо пересмотре вынесенного ему приговора и более строгой меры наказания, назначенной Верховным судом. Автор утверждает, что в отличие от других государств-участников Испания не сформулировала оговорку к пункту 5 статьи 14 в смысле его неприменимости в случаях первоначального вынесения приговоров апелляционным судом. Он также отмечает, что установившаяся в Конституционном суде практика заключается в том, что право обжалования по процедуре ампаро не предоставляется, если приговор вынесен кассационным судом, и что поэтому в данном случае подача жалобы по процедуре ампаро была бы бессмысленной.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своей вербальной ноте от 3 января 2005 года государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в соответствии с подпунктом b) пункта 2 статьи 5 Пакта в силу неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Оно утверждает, что в кассационной жалобе автора не упоминается о праве на пересмотр приговора и нет ссылок на пункт 5 статьи 14 Пакта или какие-либо аналогичные положения внутригосударственного или международного права. Кроме того, автор не представил заявления по процедуре ампаро в Конституционный суд, о нарушении его права на пересмотр приговора.

4.2 Государство-участник заявляет, что по сравнению с прошлой практикой в результате развития юриспруденции и доктрины Конституционного суда произошло существенное расширение рамок кассационных средств правовой защиты, которые в настоящее время позволяют тщательным образом изучать факты и доказательства. В качестве примера таких изменений государство-участник приводит кассационное решение по собственному делу автора, которое касалось многих вопросов

факта, поднятых заявителями в связи с презумпцией невиновности и фактическими ошибками в оценке доказательств. Государство-участник ссылается на вынесенное Верховным судом решение, которое гласит: "...многочисленные участники процесса имели возможность заявить более 170 оснований кассационного обжалования, среди которых часто фигурируют фактические ошибки в оценке доказательств и при последующем повторном рассмотрении доказанных фактов. Они также ссылаются на презумпцию невиновности как аргумент, позволяющий оспорить оценку доказательств с точки зрения их разумности и логической аргументированности. Из этого следует, что в данном случае мы имеем средство правовой защиты, выходящее за строгие и формальные рамки классической кассации и удовлетворяющее требованию о проведении повторного слушания".

4.3 Что касается осуждения и назначения более строгой меры наказания по апелляции, то государство-участник указывает, что Конституционный суд установил, что "в праве на апелляцию не отказывается даже в том случае, когда [приговор] выносится тем же судом, который рассматривал данное дело по апелляции". Кроме того, нельзя толковать пункт 5 статьи 14 как лишаящий сторону обвинения права на подачу апелляции. По мнению государства-участника, тот факт, что ряд государств-участников сделали оговорки по пункту 5 статьи 14 Пакта, исключив тем самым его применение в случае ужесточения наказания, не означает, что это положение само по себе препятствует такому ужесточению наказания.

4.4 Государство-участник утверждает, что автор заявил лишь о нарушении пункта 5 статьи 14, хотя поднятые вопросы, если бы они были поддержаны, указывали бы на нарушения многих статей Пакта, в связи с чем возникает вопрос о действительной цели сообщения.

4.5 В вербальной ноте от 10 января 2006 года государство-участник вновь заявляет о том, что кассационная жалоба автора не содержала утверждения о нарушении права на апелляцию и что он не подал заявление по процедуре *ампаро*, что позволило бы ему выдвинуть такую претензию.

4.6 Государство-участник также вновь заявляет, что Конституционный суд развивает свое толкование применяемых в Испании кассационных средств правовой защиты и расширил их настолько, что теперь они позволяют тщательным образом изучать факты и доказательства.

4.7 Оно далее повторяет, что автор заявил лишь о нарушении пункта 5 статьи 14, хотя заявления, содержащиеся в сообщении, могли бы указывать на нарушение большого числа статей Пакта.

Комментарии автора

5.1 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то автор ссылается на сообщения Комитета по делу *Переса Эсколара против Испании* (сообщение № 1156/2003), которое связано с теми же судебными разбирательствами и которое Комитет счел приемлемым, поскольку средство правовой защиты по процедуре *ампаро* оказалось неэффективным.

5.2 Автор вновь заявляет о том, что ограниченность существующих в Испании кассационных средств правовой защиты не позволила проверить надежность свидетелей или пересмотреть предположительно противоречивые документальные доказательства, на которых основывалось обвинение.

5.3 Автор заявляет, что судом первой инстанции он был признан виновным в "бухгалтерском мошенничестве" и операции "300 млн. наличными", но судом более высокой инстанции был осужден и приговорен соответственно к четырем годам лишения свободы и шести годам лишения свободы, а также к уплате штрафа в размере 300 млн. песет. Он вновь заявляет о том, что у него не было возможности добиться пересмотра более строгого приговора вышестоящим судом. Он напоминает о том, что в своих сообщениях по делу *Гомарис против Испании* (сообщение № 1095/2002) Комитет установил, что отсутствие средства правовой защиты в отношении приговора, первоначально

вынесенного по апелляции, без возможности пересмотра, является нарушением пункта 5 статьи 14 Пакта.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 В соответствии с правилом 93 своих правил процедуры Комитет по правам человека, прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, должен решить, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет установил, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, поскольку о предполагаемых нарушениях, о которых сообщается Комитету, никогда не доводилось до сведения национальных судов. Тем не менее Комитет ссылается на свою установившуюся практику, в соответствии с которой необходимо исчерпать лишь те средства правовой защиты, которые имеют разумные шансы на успех¹. Заявление по процедуре ампаро не имело шансов на успех в отношении предполагаемого нарушения пункта 5 статьи 14 Пакта, и поэтому Комитет полагает, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

6.4 Автор заявляет о нарушении пункта 5 статьи 14 Пакта на том основании, что доказательства, которые оказали решающее влияние на признание его виновным, не были рассмотрены вышестоящим судом по причине ограниченности рамок кассационных средств защиты в Испании. Однако Комитет, исходя из вынесенного решения, приходит к заключению, что Верховный суд внимательно и в деталях изучил данную судом первой инстанции оценку доказательств в отношении выдвинутых против него обвинений и что в отношении двух обвинений он действительно в некоторой степени отошел от оценки, данной Судебной коллегией. Комитет считает, что эта жалоба о нарушении пункта 5 статьи 14 недостаточно обоснована для целей приемлемости, и объявляет ее неприемлемой по пункту 2 Факультативного протокола.

6.5 Комитет приходит к заключению, что в связи с жалобой автора в отношении его осуждения и назначения более строгой меры наказания по апелляции, без возможности пересмотра вышестоящим судом, возникают вопросы по пункту 5 статьи 14 Пакта, и объявляет ее приемлемой.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации, как это требуется согласно пункту 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что вынесенный ему апелляционным судом обвинительный приговор по двум пунктам обвинительного акта, по которым он был признан невиновным судом первой инстанции, и последующее назначение более строгой меры не могли быть пересмотрены вышестоящим судом. Он напоминает о том, что отсутствие какого-либо права на пересмотр в вышестоящем суде приговора, вынесенного апелляционным судом, в том случае, когда соответствующее лицо было признано невиновным нижестоящим судом,

---

¹ См., например, сообщения № 1095/2002, *Гомарис против Испании*, Соображения, принятые 22 июля 2005 года, пункт 6.4, и 1101/2002 *Альба Кабриада против Испании*, Соображения, принятые 1 ноября 2004 года, пункт 6.5.

является нарушением пункта 5 статьи 14 Пакта². Комитет отмечает, что в данном деле Верховный суд признал автора виновным в преступлении, связанном с подделкой коммерческого документа, хотя это обвинение было с него снято нижестоящим судом, и что он охарактеризовал преступление, связанное с неправомерным присвоением, как делящееся преступление и поэтому непогашенное давностью. На этом основании Верховный суд частично отменил приговор нижестоящего суда и назначил более строгое наказание, не предоставив какой-либо возможности для пересмотра осуждения или меры наказания в вышестоящем суде в соответствии с законом. Комитет приходит к выводу о том, что факты, находящиеся на его рассмотрении, представляют собой нарушение пункта 5 статьи 14.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с положениями пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты указывают на нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта.

9. В соответствии с положениями подпункта а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, которое позволило бы пересмотреть вынесенный ему обвинительный приговор и назначенную меру наказания в вышестоящем суде. Государство-участник обязано принять необходимые меры для того, чтобы аналогичные нарушения не повторялись в будущем.

10. Став участницей Факультативного протокола, Испания признала компетенцию Комитета устанавливать наличие нарушений Пакта. В соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения. Комитет желал бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах по практической реализации его Соображений. Государству-участнику также предлагается опубликовать Соображения Комитета.

Сообщение № 1327/2004

Представлено: Мессаудой Атамна, в замужестве Гриуа (представлена адвокатом Нассерой Дютур)

Предполагаемые жертвы: Мохамед Гриуа (сын автора) и Мессауда Атамна, в замужестве Гриуа

Государство-участник: Алжир

Дата принятия Соображений: 10 июля 2007 года

Тема сообщения: исчезновение, содержание под стражей в тайном месте

Процедурные вопросы: не затрагиваются

Вопросы существа: запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания; право на свободу и личную неприкосновенность; произвольные арест и содержание под стражей; уважение достоинства, присущего человеческой личности; право на признание правосубъектности личности

Статьи Пакта: 2, пункт 3; 7; 9; 16

Статья Факультативного протокола: пункт 2 b) статьи 5

---

² В этой связи см. сообщения 1095/2002, *Гомарис против Испании*, Соображения, принятые 22 июля 2005 года, пункт 7.1, и 1421/2005, *Ларраньяга против Филиппин*, Соображения, принятые 7 июля 2006 года, пункт 7.8.

Вывод: наличие нарушения (статьи 7, 9 и 16 и пункт 3 статьи 2 в совокупности со статьями 7, 9 и 16 в отношении сына автора, а также статья 7 и пункт 3 статьи 2 в совокупности со статьей 7 в отношении самого автора сообщения)

1.1 Автором сообщения, датированного 7 октября 2004 года, является г-жа Мессауда Атамна, в замужестве Гриуа, выступающая от собственного имени и от имени своего сына Мохамеда Гриуа, гражданина Алжира, родившегося 17 октября 1966 года. Автор указывает, что ее сын является жертвой нарушения Алжиром пункта 3 статьи 2, статей 7, 9 и 16 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт) и что сама она является жертвой нарушения Алжиром пункта 3 статьи 2 и статьи 7 Пакта. Она представлена адвокатом Нассерой Дютур, которая является официальным представителем Ассоциации родственников лиц, исчезнувших в Алжире. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для государства-участника 12 декабря 1989 года.

1.2 11 июля и 23 августа 2005 года адвокат просила о принятии временных мер защиты в связи с разработкой государством-участником *проекта Хартии за мир и национальное примирение*, который был вынесен на референдум 29 сентября 2005 года. По мнению адвоката, этот законопроект мог на практике причинить невосполнимый вред жертвам исчезновений, подвергнув опасности лиц, все еще считающихся исчезнувшими; он мог также поставить под угрозу применение в интересах жертв эффективных средств правовой защиты и оставить без последствий соображения Комитета по правам человека. В связи с этим адвокат обратилась к Комитету с просьбой предложить государству-участнику приостановить процедуру референдума до принятия Комитетом своих соображений по трем делам, одним из которых является дело *Гриуа*. Просьба о применении временных мер защиты была препровождена государству-участнику 27 июля 2005 года для представления замечаний; ответа на нее не последовало.

1.3 23 сентября 2005 года Специальный докладчик по новым сообщениям и временным мерам обратился к государству-участнику с просьбой не применять против лиц, которые представили или, возможно, представят сообщения в Комитет, положения закона, устанавливающие, что "никто в Алжире или за границей не имеет права использовать боль национальной трагедии для того, что посягать на институты Алжирской Народной Демократической Республики, ослаблять государство, наносить ущерб репутации всех должностных лиц, которые ему достойно служили, или авторитету Алжира на международной арене" и отвергающие "любое утверждение, предполагающее возложение на государство ответственности за надуманные случаи исчезновений. Он [алжирский народ] считает, что предосудительные действия государственных служащих, которые подвергались наказанию в судебном порядке каждый раз при установлении факта таких действий не могут служить поводом для дискредитации всех сил правопорядка, выполнявших свой долг при поддержке граждан и в интересах служения Родине".

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщает, что в 5 час. 30 мин. 16 мая 1996 года квартал Эль-Мерджа (в предместье Бараки на восточной окраине Алжира) был оцеплен объединенными силами полиции, жандармерии и армии, в форме и на служебных автомашинах, которые до 14 часов проводили в нем массовую "облаву", арестовав в результате около десятка человек. В 8 час. 00 мин. в дом семьи Гриуа явились военнослужащие Национальной народной армии, одетые в форму десантников. Войдя, они без предъявления ордера полностью обыскали дом, но ничего не нашли. Тогда военные в присутствии членов семьи арестовали сына автора, объявив его родственникам, и в том числе автору, что ее сын задержан в целях расследования, но не предъявив при этом ни судебного постановления, ни ордера на арест.

2.2 По словам автора, она отправилась вдогонку за военными, которые увели ее сына, и последовала за ними к дому своих соседей, семьи Шихуб. Там она присутствовала при задержании Джамеля Шихуба, которого военные увели вместе с ее сыном. Затем, по-прежнему на глазах автора,

военные направились к дому семьи Буфертелла, сын которых, Фуад Буфертелла, тоже был взят под стражу. Наконец, военнослужащие вместе с тремя задержанными пришли в дом семьи Кимуш, где также арестовали сына, Мурада Кимуша. Автор приводит свидетельства целого ряда лиц, официально признающих, что они присутствовали при событиях 16 мая 1996 года и в том числе при задержании военными сына автора в ее доме, и видели, как сын автора был увезен военными в армейской машине. По мнению автора, эти показания подтверждают обстоятельства ареста ее сына.

2.3 Военные сковали задержанных наручниками попарно и в 11 часов утра доставили их на служебной машине в реквизированное ими под штаб здание средней школы "Ибн-Таймия", у въезда в предместье Бараки. Все задержанные в этот день лица были свезены в школу "Ибн-Таймия", где представители объединенных сил произвели проверку их личности. Некоторых из них сразу отпустили, а других доставили в районную жандармерию Бараки либо в расположенную в том же предместье военную казарму, или в полицейский комиссариат соседнего с Бараки района "Эвкалипты".

2.4 Автор сообщает, что в 10 часов утра того же дня она в поисках сына пришла в жандармерию Бараки. Жандармы сказали ей, что задержанные в ее присутствии лица, имена которых она назвала, в жандармерию не доставлялись. Ей посоветовали обратиться в полицейский комиссариат Бараки, но в комиссариате полицейские заявили, что никого не арестовывали и что сын ее находится в казарме Бараки, где ей и следует его искать. В казарме военные предложили ей отправиться за сыном в комиссариат полиции. Вернувшись туда, она вновь услышала от полицейских, что ее сын находится в казарме и что военные лгут. Разыскивать сына автор продолжала до самого вечера.

2.5 На следующий день, 17 мая 1996 года, она продолжила поиски, и вновь жандармы, полицейские и военные поочередно отсылали ее друг к другу. С этого дня автор не прекращала попыток найти сына. В казарме она побывала неоднократно, получая от военнослужащих все те же туманные ответы. И по сей день автор наталкивается на упорное молчание властей, отказывающихся сообщить ей что-либо о задержании сына.

2.6 Фуад Буфертелла был освобожден около 19 часов еще в день облавы, с поврежденным глазом и травмой ноги. Он рассказал автору, что его отпустили из казармы Бараки, где также находился ее сын и другие задержанные вместе с ним лица (Мурад Кимуш и Джамель Шихуб). Он сообщил, что этих задержанных, как и его самого, поочередно пытали, по 10 минут каждого. По его словам, он видел, как к Джамелю Шихубу применяли пытку электрическим током, и слышал, как делавшие это лица говорили, что сына автора они будут пытать ночью.

2.7 Автор сообщает, что она неоднократно обращалась в различные судебные инстанции с жалобами, первая из которых была подана спустя не более месяца после исчезновения ее сына¹. Большинство этих жалоб остались без последствий². 29 октября 1996 года суд Эль-Харраша отказался принять дело к рассмотрению как не входящее в его компетенцию, а от генерального прокурора алжирского городского суда 21 января 1997 года был получен ответ, где говорилось

---

¹ Жалоба № 849/96 от 24 июня 1996 года на имя государственного прокурора городского суда Эль-Харраша; жалоба № 2202/96 от 10 августа 1996 года на имя генерального прокурора городского суда Алжира; та же жалоба, переадресованная 28 августа 1996 года прокурору городского суда Бир Мурад Раиса, 21 октября 1996 года - прокурору городского суда Эль-Харраша и 2 июля 1997 года - в жандармерию Бараки; новая жалоба от 30 декабря 1996 года на имя государственного прокурора городского суда Эль-Харраша; жалоба от 1 апреля 1998 года на имя генерального прокурора городского суда Алжира; жалоба от 2 августа 1999 года на имя прокурора военного трибунала города Блиды; жалоба от 2 января 2001 года на имя государственного прокурора городского суда Эль-Харраша.

² Адвокатом представлены копии адресованных ряду членов семьи Гриуа вызовов в жандармерию Бараки (5 февраля 1997 года, 21 февраля 1997 года, 10 мая 1998 года, 9 июля 1998 года), в администрацию провинции Алжир (22 июня 1997 года), в полицейский комиссариат Бараки (7 ноября 1997 года), в суд Эль-Харраша (12 ноября 1997 года, 24 мая 1999 года) и в Генеральную прокуратуру Алжира (дата неразборчива).

следующее: "Вынужден с сожалением сообщить, что предпринятые усилия по его розыску не дали никаких результатов. В случае его обнаружения мы незамедлительно сообщим вам об этом". 23 ноября 1997 года судебным следователем суда Эль-Харраша было издано постановление о прекращении дел № 586/97 и 245/97 в отношении Гриуа³. Дело № 836/98 было передано в городской суд Алжира 4 апреля 1998 года, а дело № 854/99 было в итоге прекращено постановлением судебного следователя суда Эль-Харраша от 28 июня 1999 года, на которое автор 18 июля 1999 года подала апелляцию в Апелляционный суд Алжира. Обвинительная палата Алжирского городского суда, в которую поступила апелляция, отклонила ее постановлением от 17 августа 1999 года по причине несоблюдения автором установленной процедуры⁴. 4 сентября 1999 года автор с соблюдением установленных законом сроков подала кассационную жалобу по тому же делу № 845/99, однако в кассационную палату Алжирского городского суда эта жалоба поступила лишь 20 июля 2002 года, а в Суд высшей инстанции города Алжира - 4 августа 2002 года. Суд высшей инстанции до сих пор не вынес по ней никакого решения.

2.8 Касаясь внутренних средств правовой защиты, автор напоминает о принятых ранее соображениях Комитета, согласно которым исчерпаны должны быть лишь эффективные, действенные и доступные средства правовой защиты, и о том, что в данном случае, поскольку речь идет о допущенном в отношении сына автора нарушении основных прав человека, необходимо исчерпать лишь судебные средства правовой защиты⁵. Она подчеркивает необычно долгий промежуток времени между подачей автором кассационной жалобы и ее поступлением в Суд высшей инстанции города Алжира (почти три года). В течение этого периода, 21 мая 2000 года, автор направила в Суд высшей инстанции телеграмму с запросом о ходе кассационной процедуры. Кассационная жалоба до сих пор находится на рассмотрении Суда высшей инстанции, поскольку из-за задержки с передачей жалобы в суд ее рассмотрение существенно затянулось, а принятие решения было отложено на неопределенный срок. Такое затягивание судебной процедуры привело, по мнению адвоката, к превышению "разумного" срока, как он понимается в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, и требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты утратило силу применительно к рассмотрению Комитетом дела сына автора. При этом все процедуры, которые автор пыталась использовать в течение восьми лет, оказались бесполезными. Алжирские судебные инстанции, несмотря на многочисленные элементы, имеющиеся в деле об исчезновении сына автора, и на совпадающие показания многих свидетелей, не проявили достаточной настойчивости для выяснения судьбы сына автора, равно как и для нахождения, задержания и предания суду виновных в его похищении. В этих условиях судебные средства правовой защиты, имевшиеся внутри страны, следует считать исчерпанными.

2.9 Что касается административных средств защиты, то из перечня предпринятых действий становятся очевидными нежелание государства-участника оказывать родственникам содействие в поиске исчезнувших лиц, а также многочисленные противоречия, нередко обнаруживающиеся в позициях различных государственных органов по отношению к делам об исчезновении людей. Свои жалобы автор направляла заказными письмами с распиской о вручении в высшие государственные инстанции⁶: президенту Республики, премьер-министру, министру юстиции, министру внутренних дел, министру обороны, государственному омбудсмену, председателю Национального центра по контролю за соблюдением прав человека, а затем председателю созданной вместо него в 2001 году Национальной консультативной комиссии по поддержке и защите прав человека. Из Центра по

---

³ Официальное извещение от 31 ноября 1997 года.

⁴ На основании статей 170-174 и последующих статей Уголовно-процессуального кодекса.

⁵ Адвокат ссылается на сообщения № 147/1983, *Люсия Арсуага Хильбоа против Уругвая*, Соображения, принятые 1 ноября 1985 года; № 563/1993, *Баутиста де Ареллана против Колумбии*, Соображения, принятые 27 октября 1995 года; № 612/1995, *Хосе Висенте и др. против Колумбии*, Соображения, принятые 29 июля 1997 года; № 778/1997, *Коронель и др. против Колумбии*, Соображения, принятые 24 октября 2002 года.

⁶ Адвокатом представлены копии писем на арабском языке с расписками о вручении.

контролю за соблюдением прав человека автору отвечали трижды. В ответе от 17 сентября 1997 года говорится: "Результаты сделанных Центром запросов и информация, полученная нами из Главного управления национальной безопасности, свидетельствуют о том, что разыскиваемое лицо находится под следствием после вынесения судебным следователем постановления о его взятии под стражу за № 996/96". В ответе от 27 января 1999 года указывается, что Центр "со своей стороны установил контакт с соответствующими службами безопасности. Центр обязуется передавать вам любую новую информацию о ходе следствия, которая станет ему известна". Наконец, в ответе от 5 июня 1999 года говорится следующее: "На основании сделанных Центром запросов и информации, полученной нами от служб безопасности, подтверждаем, что данное лицо разыскивается вышеуказанными службами и что обладающий территориальной юрисдикцией суд Эль-Харраша выдал ордер на его арест за № 996/96". В то же время военные и судебные инстанции, являющиеся единственным источником, из которого Центр мог получить такую информацию, сами ни разу не признали факт возбуждения судебного дела против сына автора. Наконец, 11 ноября 1998 года заявление об исчезновении было официально зарегистрировано в приемной для родственников исчезнувших лиц.

2.10 Автор сообщает, что 19 октября 1998 года дело было передано в Рабочую группу Организации Объединенных Наций по насильственным или недобровольным исчезновениям. Вместе с тем адвокат ссылается на принятые ранее соображения Комитета, согласно которым "внедоговорные процедуры или механизмы, которые создаются Комиссией по правам человека или Экономическим и Социальным Советом Организации Объединенных Наций и в мандатах которых предусматривается изучение положения в области прав человека в конкретных странах или территориях или серьезных случаев нарушений прав человека во всем мире и подготовка передаваемых гласности докладов на основе полученных результатов, не представляют собой - что должно быть известно государству-участнику - процедуры международного разбирательства или урегулирования по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола"⁷. В заключение адвокат подчеркивает, что случай с сыном автора не является в Алжире единичным. Своих родственников, исчезнувших, как правило, после того, как они оказались в руках алжирской полиции, жандармерии или армии, разыскивают более 7 000 семей. Для выявления лиц, виновных в этих исчезновениях, не проводилось никакого серьезного расследования. Большинство таких виновных, имена которых известны и которые были опознаны свидетелями или родственниками, по сей день пользуются полной безнаказанностью, и никакие административные или судебные демарши не приносят результатов.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что представленные факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 2 и статьи 7 в отношении автора и ее сына, а также пункта 3 статьи 2, статей 9 и 16 Пакта в отношении сына автора.

3.2 Что касается утверждений о нарушении статьи 7 применительно к сыну автора, то обстоятельства его исчезновения и сохранение в полной тайне того, что он, весьма вероятно, был взят под стражу, относятся к числу элементов, которые уже сами по себе признаются Комиссией по правам человека элементами негуманного или унижающего достоинство обращения. Комитет также признал, что насильственное исчезновение как таковое можно приравнять к негуманному или унижающему достоинство обращению с жертвой такого исчезновения⁸. Что касается автора, то она, несмотря на свой 65-летний возраст и на то, что ей трудно передвигаться, ни на день не прекращает

---

⁷ Сообщение № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года, подпункт 1 пункта 7.

⁸ Адвокат ссылается на сообщения № 449/1991, *Мохика против Доминиканской Республики*, Соображения, принятые 10 августа 1994 года; № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года; № 542/1993, *Чишимби против Заира*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года.

своих поисков. Постоянная неопределенность судьбы сына превратила ее жизнь в мучение. Незнание и отказ властей сообщить какую-либо информацию причиняют ей сильные и непрекращающиеся страдания. Комитет признал, что исчезновение человека является нарушением статьи 7 Пакта по отношению к его родственникам⁹.

3.3 В связи со статьей 9 отмечается, что сын автора был задержан 16 мая 1996 года, после чего родственники не видели его ни разу. Его арест не имел под собой никаких юридических оснований, а его содержание под стражей не отражено в протоколах регистрации задержанных. Какие-либо официальные сведения о его местонахождении или судьбе отсутствуют. То, что факт задержания сына автора не признается, что оно было произведено без всякого соблюдения гарантий, установленных статьей 9, что расследование не носило необходимого при подобных обстоятельствах эффективного и действенного характера и что официальные власти по-прежнему скрывают участь сына автора, означает, что последний был произвольно лишен свободы и что ему было отказано в защите, гарантируемой согласно статье 9. Из соображений, принятых Комитетом ранее, следует, что любое содержание под стражей, факт которого не признается, представляет собой нарушение статьи 9 Пакта¹⁰. С учетом изложенных обстоятельств нарушение статьи 9 носит достаточно серьезный и очевидный характер для того, чтобы привлечь соответствующие власти к ответственности.

3.4 Что касается статьи 16, то она предусматривает право любого лица на его признание в качестве субъекта определенных прав и обязанностей. Насильственное исчезновение людей по самой своей сути есть отрицание этого права, поскольку отказ тех, чьи действия оно вызвано, сообщить о судьбе или местонахождении таких лиц или признать факт их лишения свободы ставит данных лиц вне защиты закона¹¹. Кроме того, в своих заключительных замечаниях по второму периодическому докладу государства-участника Комитет признал, что насильственные исчезновения могут ставить под угрозу право, гарантируемое согласно статье 16 Пакта¹².

3.5 Применительно к пункту 3 статьи 2 Пакта отмечается, что сын автора не был признан задержанным и таким образом был лишен своего законного права использовать эффективные средства правовой защиты от произвольного задержания. Что касается автора, то она использовала все имевшиеся в ее распоряжении правовые средства. Однако она постоянно наталкивалась на непризнание властями факта ареста и содержания под стражей ее сына. Государство-участник было обязано гарантировать сыну автора его права, и отрицание причастности служб безопасности к его насильственному исчезновению нельзя считать ответом, приемлемым и достаточным для урегулирования дела о насильственном исчезновении сына автора. Кроме того, согласно принятому Комитетом Замечанию общего порядка № 31, позитивные обязательства государств-участников, предусмотренные пунктом 3, а именно гарантировать закрепленные Пактом права, будут выполнены полностью только в том случае, если люди будут защищены государством не только от нарушения их

---

⁹ Адвокат ссылается на сообщение № 107/1981, *Элена Кинтерос против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, и на заключительные замечания Комитета, принятые в отношении Алжира в 1998 году (CCPR/C/79/Add.95 от 18 августа 1998 года, пункт 10).

¹⁰ Адвокат ссылается на сообщения № 612/1995, *Хосе Висенте и др. против Колумбии*, Соображения, принятые 29 июля 1997 года; № 542/1993, *Чишимби против Заира*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года; № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года; № 563/1993, *Баутиста де Ареллана против Колумбии*, Соображения, принятые 27 октября 1995 года; № 181/1984, *Санхуан Аревало против Колумбии*, Соображения, принятые 3 ноября 1989 года; № 139/1983, *Конттерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 года; № 56/1979, *Селиберти де Касарьего против Уругвая*, Соображения, принятые 29 июля 1981 года.

¹¹ Адвокат ссылается на третий абзац преамбулы Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений, резолюция 47/133 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года (A/RES/47/133).

¹² CCPR/C/79/Add.95, пункт 10.

прав представителями государства, но и от актов, совершаемых частными лицами, как физическими, так и юридическими, которые наносят ущерб осуществлению предусмотренных Пактом прав. При подобных обстоятельствах невыполнение обязательства, сформулированного в статье 2, может перерасти в нарушение в случае попустительства таким актам со стороны государства-участника или непринятия им необходимых мер либо неосуществления должной предусмотрительности в целях предупреждения и наказания таких действий частных лиц.

3.6 Автор просит Комитет констатировать нарушение государством-участником пункта 3 статьи 2, статей 7, 9 и 16 и предложить государству-участнику в неотложном порядке распорядиться о проведении независимых расследований, с тем чтобы определить местонахождение сына автора, обеспечить привлечение виновных в его насильственном исчезновении к ответственности перед компетентными гражданскими органами и предоставление надлежащей компенсации.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 28 августа 2005 года государство-участник сообщает, что поиски, предпринятые канцелярией Верховного суда, не позволили обнаружить дело Гриуа. В связи с этим государство-участник просит указать более подробные данные и, в частности, номер акта о поступлении дела в Верховный Суд. С учетом многочисленности находящихся на рассмотрении дел это облегчило бы выяснение состояния данного дела.

4.2 В вербальной ноте от 9 января 2006 года государство-участник указывает, что о деле Гриуа полицейские органы были поставлены в известность жалобой Саада Гриуа, брата предполагаемого потерпевшего, поданной в связи с похищением последнего, совершенным, как сказано в жалобе, "неизвестными лицами" 16 мая 1996 года. На основании обвинительного заключения, вынесенного государственным прокурором Эль-Харраша (Алжир), дело о похищении, влекущем за собой ответственность по статье 291 Уголовного кодекса, было поручено следственному судье третьей палаты. После того как многомесячное расследование не привело к установлению виновного в предполагаемом похищении, следственный судья 23 ноября 1997 года издал постановление о прекращении дела. По апелляции, поданной в обвинительную палату Алжирского городского суда, последняя вынесла решение 17 августа 1999 года, отклонив эту апелляцию как не соответствующую положениям Уголовно-процессуального кодекса о процедуре обжалования постановлений следственного судьи. Кассационная жалоба на это решение была отклонена постановлением Верховного суда.

Комментарии автора относительно замечаний государства-участника

5. 24 февраля 2006 года адвокат отмечает, что государство-участник ограничивается изложением последовательности процессуальных действий, не давая ответа по существу, т.е. не отрицая и не признавая своей ответственности за насильственное исчезновение сына автора. В соответствии с правовой практикой Комитета государство-участник должно предоставлять материалы, опровергающие утверждения автора сообщения: одно лишь прямое или косвенное отрицание само по себе не может рассматриваться как довод в пользу государства-участника¹³. Касаясь процессуальных аспектов, адвокат напоминает о том, что все эффективные средства правовой защиты по данному делу исчерпаны, а также о длительном промежутке времени между датой подачи автором кассационной жалобы и датой поступления этой жалобы в Верховный суд.

---

¹³ Адвокат ссылается на сообщение № 107/1981, *Элена Кинтерос Альмейда против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года.

Вопросы и процедура их рассмотрения вопросов в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из правила 93 своих правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 В соответствии с требованием пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет отмечает, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 В связи с вопросом об исчерпании внутренних средств правовой защиты Комитет отмечает, что государством-участником не было высказано никаких замечаний относительно приемлемости сообщения. Он констатирует, что автор, по ее утверждениям, начиная с 1996 года подавала многочисленные жалобы, но что возбужденное по этим жалобам дело было закрыто, а постановление о его закрытии подтверждено апелляционными инстанциями - несмотря на наличие в деле, по словам автора, многочисленных элементов, указывающих на исчезновение ее сына, и на совпадающие показания многих свидетелей. Комитет считает также, что процедура рассмотрения внутри страны других жалоб, неоднократно и настойчиво подававшихся автором с 1996 года, была чрезмерно затянута. Поэтому он приходит к выводу, что автором были соблюдены требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 В отношении вопроса о жалобах, поданных в соответствии со статьями 7 и 9 Пакта, Комитет отмечает, что автор представила точные утверждения об исчезновении своего сына и о жестоком обращении, которому он подвергался. Эти утверждения государство-участник оставило без ответа. В данном случае Комитет считает, что с точки зрения приемлемости представленные автором элементы достаточны для обоснования жалоб, поданных в соответствии со статьями 7 и 9. Что касается жалобы на нарушение пункта 3 статьи 2, то Комитет также считает эту жалобу достаточно обоснованной для целей приемлемости.

6.5 В отношении жалоб, поданных в соответствии со статьей 16, Комитет считает, что вопрос о том, может ли насильственное исчезновение быть приравнено к отказу потерпевшему в признании его правосубъектности, и если да, то при каких обстоятельствах, тесно связан с конкретными фактами дела. Соответственно, он приходит к выводу, что анализ таких жалоб наиболее уместен на стадии рассмотрения сообщений по существу.

6.6 Комитет приходит к выводу о том, что сообщение является приемлемым в том, что касается пункта 3 статьи 2, а также статей 7, 9 и 16 Пакта, и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

7.2 Комитет напоминает об определении "насильственного исчезновения", содержащееся в пункте 2 i) статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда: "насильственное исчезновение людей" означает арест, задержание или похищение людей государством или политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении этих людей с целью лишения их защиты со стороны закона в течение длительного периода времени". Любые действия, ведущие к такому исчезновению, представляют собой нарушение многих прав, закрепленных в Пакте, включая право на свободу и личную неприкосновенность (статья 9), право не подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения

или наказания (статья 7) и право всех лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности (статья 10). Они также нарушают право на жизнь или подвергают это право серьезной угрозе (статья 6)¹⁴. В данном случае автор ссылается на статью 7, статью 9 и статью 16.

7.3 Что касается жалобы автора по факту исчезновения, то человека Комитет отмечает, что автором и государством-участником представлены различные версии событий. Автор утверждает, что ее сын был арестован 16 мая 1996 года представителями государственной власти и с тех пор исчез, тогда как согласно данным Национального центра по наблюдению за осуществлением прав человека сын автора находится в розыске на основании ордера на арест № 996/96, выданного судом Эль-Харраша. Комитет отмечает, что по сведениям государства-участника дело о похищении рассматривалось следственным судьей, который в результате проведенного следствия не смог найти виновного в предполагаемом похищении и издал постановление о прекращении дела.

7.4 Комитет вновь подтверждает¹⁵, что бремя доказывания не лежит исключительно на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к элементам доказательств и что зачастую лишь государство располагает необходимыми сведениями. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола косвенно вытекает, что государство-участник обязано провести добросовестное расследование всех утверждений о нарушении Пакта, выдвигаемых против него и его представителей, и передать Комитету сведения, которыми оно располагает. В случаях, когда автор предъявил государству-участнику утверждения, опирающиеся на серьезные показания свидетелей, а любое дополнительное прояснение обстоятельств зависит от сведений, которыми располагает только государство-участник, Комитет считает эти утверждения достаточно обоснованными, если только государство-участник не опровергнет их, представив удовлетворительные доказательства и объяснения. В связи с данным делом Комитету были представлены показания лиц, присутствовавших при аресте сына автора представителями государства-участника. Адвокат сообщил Комитету, что одним из лиц, арестованных одновременно с сыном автора, содержащихся вместе с ним под стражей, а затем освобожденных, были даны показания об их задержании и обращении, которому они подвергались.

7.5 В том, что касается жалобы на нарушение статьи 9, из информации, полученной Комитетом, следует, что сын автора был увезен представителями государства-участника, явившимися за ним к нему на дом. Государство-участник не ответило на утверждения автора, согласно которым арест и содержание под стражей ее сына носили произвольный, или незаконный, характер, а сам он нигде не появлялся с 16 мая 1996 года. Учитывая эти обстоятельства, к представленной автором информации следует отнестись со всей серьезностью, которой она заслуживает. Комитет напоминает, что тайное содержание под стражей само по себе может являться нарушением статьи 9¹⁶, и принимает к сведению утверждение автора о том, что ее сын был арестован 16 мая 1996 года и с тех пор тайно содержится под стражей, не имея возможности встретиться с адвокатом или опротестовать свое задержание как незаконное. В отсутствие достаточных разъяснений на этот счет со стороны государства-участника Комитет приходит к выводу о нарушении статьи 9.

---

¹⁴ См. сообщение № 95/2000, *Сарма против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 31 июля 2003 года, пункт 9.3.

¹⁵ Сообщения № 146/1983, *Бабоерам Адхин и др. против Суринама*, Соображения, принятые 4 апреля 1985 года, пункт 14.2; № 139/1983, *Контерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 года, пункт 7.2; № 202/1996, *Грасизла Ато дель Авельяналь против Перу*, Соображения, принятые 31 октября 1998 года, пункт 9.2; № 30/978, *Блейер против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1982 года, пункт 13.3; № 107/1981, *Элена Кинтерос Альмейда против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 11; № 992/2001, *Буруаль против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.4.

¹⁶ Сообщение № 1128/2002, *Рафаэль Маркеш де Мораиш против Анголы*, Соображения, принятые 29 марта 2005 года, пункт 6.3. См. также Замечание общего порядка 8 (16), пункт 2.

7.6 В связи с жалобой на нарушение статьи 7 Пакта Комитет признает всю степень страданий, с которыми связано содержание в течение неопределенного срока без каких-либо контактов с внешним миром. Он напоминает о своем Замечании общего порядка 20 (44), касающемся статьи 7, в котором он рекомендует государствам-участникам принять положения, запрещающие содержание под стражей в тайном месте. С учетом обстоятельств дела Комитет приходит к выводу, что исчезновение сына автора, препятствовавшее его общению с родственниками и внешним миром, представляет собой нарушение статьи 7 Пакта¹⁷. Кроме того, обстоятельства, сопровождавшие исчезновение сына автора, а также показания свидетелей о том, что к нему применялись пытки, дают серьезные основания полагать, что он действительно подвергался такому обращению. Комитет не получил от государства-участника никаких доводов, позволяющих отказаться от такой презумпции или опровергнуть ее. Комитет приходит к выводу о том, что обращение, которому подвергся сын автора, является нарушением статьи 7¹⁸.

7.7 Комитет также принимает во внимание терзания и душевную боль, причиняемые автору исчезновением ее сына и сохраняющейся неопределенностью в отношении его судьбы. Поэтому Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Пакта непосредственно по отношению к автору¹⁹.

7.8 В связи с жалобой на нарушение статьи 16 возникает вопрос о том, при каких обстоятельствах насильственное исчезновение может быть приравнено к отказу потерпевшему в признании его правосубъектности. Комитет отмечает, что преднамеренное лишение лица защиты со стороны закона в течение длительного периода времени может представлять собой отказ в признании правосубъектности личности, если в момент последнего контакта с потерпевшим он находился в руках государственных органов и если при этом попыткам его близких получить доступ к потенциально эффективным средствам правовой защиты, включая обращение в судебные инстанции (пункт 3 статьи 2 Пакта), чинятся систематические препятствия. В подобных случаях исчезнувшие лица фактически лишаются возможности осуществлять права, гарантированные им по закону, включая все остальные права, закрепленные в Пакте, а также использовать какие-либо из возможных средств правовой защиты, непосредственно в результате действий государства, каковые действия должны рассматриваться как отказ от признания правосубъектности потерпевших. Комитет отмечает, что согласно пункту 2 статьи 1 Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений²⁰, насильственное исчезновение является нарушением норм международного права, гарантирующих, в частности, право каждого на признание его правосубъектности. Он также напоминает о том, что в пункте 2 i) статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда умысел на "лишение [лиц] защиты со стороны закона в течение длительного периода времени" признается одним из важнейших элементов определения насильственного исчезновения людей. Наконец, в статье 2 Международной конвенции о защите всех лиц от насильственных исчезновений упоминается о том, что насильственное исчезновение лишает исчезнувшее лицо защиты со стороны закона.

---

¹⁷ Сообщения № 540/1993, *Селис Лауреано против Перу*, Соображения, принятые 25 марта 1996 года, пункт 8.5; № 458/1991, *Муконг против Камеруна*, Соображения, принятые 24 июля 1994 года, пункт 9.4; № 440/1990, *Эль-Мегреси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 23 марта 1994 года, пункт 5.

¹⁸ Сообщения № 449/1991, *Мохика против Доминиканской Республики*, Соображения, принятые 10 августа 1994 года, пункт 5.7; № 1196/2003, *Бушерф против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.6.

¹⁹ Сообщения № 107/1981, *Элена Кинтерос Альмейда против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 14; № 950/2000, *Сарма против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 31 июля 2003 года, пункт 9.5.

²⁰ См. резолюцию 47/133 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года.

7.9 В данном случае автор указывает, что ее сын вместе с другими лицами был арестован военнослужащими Национальной народной армии 16 мая 1996 года. После проверки личности он предположительно был доставлен в военную казарму Бараки. С этого дня никаких известий о нем не поступало. Комитет отмечает, что государство-участник не отрицало этих фактов, не провело никакого расследования для выяснения судьбы сына автора и не предоставило автору никаких эффективных средств правовой защиты. Он считает, что если то или иное лицо задержано властями, если о его судьбе после этого не поступает никаких известий и на этот счет не проводится никакого расследования, то такое бездействие властей равносильно лишению исчезнувшего лица защиты со стороны закона. В силу этого Комитет приходит к выводу, что факты, представленные ему в настоящем сообщении, свидетельствуют о нарушении статьи 16 Пакта.

7.10 Автор ссылается на пункт 3 статьи 2 Пакта, обязывающий государства-участники обеспечить любому лицу доступные, эффективные и имеющие исковую силу средства защиты его прав. Комитет считает важным создание государствами-участниками соответствующих судебных и административных механизмов в рамках внутреннего законодательства для рассмотрения жалоб на нарушение прав. Он напоминает о своем Замечании общего порядка 31²¹, в котором, в частности, указывается, что отказ государства-участника от проведения расследования предполагаемых нарушений сам по себе может приводить к явному нарушению Пакта. В данном случае имеющаяся в распоряжении Комитета информация говорит о том, что ни автору, ни ее сыну не был предоставлен доступ к эффективным средствам правовой защиты, и Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 2 Пакта, рассматриваемого в совокупности со статьями 7, 9 и 16, в отношении сына автора; а также о нарушении пункта 3 статьи 2 Пакта, рассматриваемого в совокупности со статьей 7 Пакта, непосредственно в отношении автора.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 7, статьи 9 и статьи 16 Пакта, а также пункта 3 его статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьями 7, 9 и 16, в отношении сына автора, а также статьи 7 и пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 7, непосредственно в отношении автора.

9. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективные средства правовой защиты, включая, в частности, проведение углубленного и добросовестного расследования по факту исчезновения и дальнейшей судьбы сына автора, его немедленное освобождение, если он еще жив, надлежащую информацию о результатах проведенных расследований и адекватное возмещение автору и ее родственникам, в том числе в форме компенсации. Хотя Пактом не предусмотрено права частного лица требовать от государства привлечения другого лица к уголовной ответственности²², Комитет тем не менее считает, что государство-участник обязано не только провести тщательное расследование предполагаемых нарушений прав человека, особенно когда речь идет о насильственном исчезновении людей и посягательствах на право на жизнь, но и возбудить уголовное дело против любых лиц, подозреваемых в совершении таких нарушений, привлечь их к суду и вынести им наказание. Следовательно, государство-участник также обязано привлечь к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в этих нарушениях, предать их суду и назначить им наказание. Кроме того, государство-участник обязано принять меры по недопущению аналогичных нарушений в будущем. Комитет также напоминает о просьбе Специального докладчика по новым сообщениям и временным

---

²¹ Пункт 15.

²² Сообщения № 213/1986, *Х.К.М.А. против Нидерландов*, Соображения, принятые 30 марта 1989 года, пункт 11.6; № 612/1995, *Хосе Висенте и др. против Колумбии*, Соображения, принятые 29 июля 1997 года, пункт 8.8.

мерам от 23 сентября 2005 года (см. пункт 1.3) и вновь подчеркивает, что государству-участнику не следует применять положения закона о *Хартии за мир и национальное примирение* против лиц, которые ссылаются на положения Пакта или которые представили или, возможно, представят сообщения в Комитет.

10. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта оно обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действительными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения Комитета.

Сообщение № 1361/2005

Представлено: X (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: автор

Государство-участник: Колумбия

Дата принятия Соображений: 30 марта 2007 года

Тема сообщения: дискриминация в отношении передачи пенсии в случае гомосексуальных пар

Процедурные вопросы: отсутствие достаточного обоснования заявлений о предполагаемых нарушениях

Вопросы существа: равенство перед судами; произвольное или незаконное вмешательство в частную жизнь; равенство перед законом и право на равную защиту закона без дискриминации

Статьи Пакта: 2, пункт 1, 3, 5, 14, пункт 1, 17 и 26

Статьи Факультативного протокола: 2 и 3

Вывод: наличие нарушения (статья 26)

1. Автор сообщения¹ от 13 января 2001 года - гражданин Колумбии. Он утверждает, что он является жертвой нарушения Колумбией статей 2, пункт 1, 3, 5, пункты 1 и 2, 14, пункт 1, 17 и 26 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу в отношении Колумбии 23 марта 1976 года. Автор представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 27 июля 1993 года после 22 лет отношений и 7 лет сожительства с автором умер г-н Y, его постоянный партнер. 16 сентября 1994 года автор, зависевший в материальном отношении от своего умершего партнера, подал заявление в отдел пособий Фонда социального обеспечения конгресса Республики (Фонд), ходатайствуя о передаче ему пенсионного пособия.

2.2 19 апреля 1995 года Фонд отклонил заявление автора, мотивировав это тем, что закон не допускает передачу пенсии лицам того же пола.

---

¹ Фамилии и имена автора и его партнера были исключены по просьбе одной из сторон для сохранения конфиденциальности.

2.3 Автор отмечает, что в регламентирующем указе № 1160 1989 года устанавливается следующее: "Для цели передачи пенсии учитывается факт сожительства заявителя с умершим на протяжении года, предшествовавшего смерти, или на протяжении срока, установленного специальным законом", не устанавливая в качестве условия передачи пенсии, что речь идет о лицах разного пола. Он также отмечает, что закон № 113 1985 года предоставил постоянному партнеру право на получение пенсии вместо умершего работника, имеющего право на получение пенсии, положив конец дискриминации лиц, состоящих в гражданском браке, в вопросах пенсионного обеспечения.

2.4 Автор подал заявление о защите основных прав в 65-й Муниципальный суд Боготы по уголовным делам, чтобы получить ответ от Фонда социального обеспечения конгресса Республики. 14 апреля 1995 года Муниципальный суд по уголовным делам принял решение оставить жалобу без удовлетворения в силу отсутствия нарушения основных прав. Автор обжаловал это решение в 50-м Окружном суде Боготы по уголовным делам. 12 мая 1995 года указанный суд распорядился о пересмотре указанного выше решения и о проведении Главным контрольно-ревизионным управлением проверки упущений в деятельности сотрудников Фонда.

2.5 Получив отказ в назначении ему пенсии, автор подал заявление о защите основных прав в 18-й Окружной суд Боготы по уголовным делам. 15 сентября 1995 года указанный суд отклонил эту жалобу, посчитав, что не имеется оснований требовать защиты указанных прав. Автор обжаловал это решение в Высоком суде Боготы, который 27 октября 1995 года оставил без изменения решение суда первой инстанции.

2.6 Автор указывает, что все решения по заявлениям о защите прав в стране передаются для последующего рассмотрения Конституционному суду, который, однако, не принял к рассмотрению данную конкретную жалобу. Поскольку в соответствии с декретом № 2591 Народный защитник вправе настаивать на рассмотрении дела, автор обратился к Управлению Народного защитника с просьбой ходатайствовать о пересмотре данного решения перед Конституционным судом. 26 февраля 1996 года Управление ответило, что закон прямо не признает за гомосексуалистами прав, признанных за гетеросексуалами, например на заключение брачного договора или получение пенсии вместо умершего супруга или супруги.

2.7 Автор направил заявление в Суд по административным делам Кундинамарки, который 12 июня 2000 года отклонил это заявление, сославшись на то, что ни в Конституции, ни в другом законодательстве не признаются гомосексуальные союзы как ячейка, образующая семью. Автор подал апелляцию в Государственный совет, который 19 июля 2000 года оставил в силе решение Суда по административным делам, мотивировав это тем, что в соответствии с Конституцией "семья создается в силу естественных юридических связей... между женщиной и женщиной". Извещение об этом решении было помещено только в бюллетене от 17 октября 2000 года; 24 октября того же года оно вступило в законную силу.

2.8 Автор считает, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты. Он обращает внимание на то, что все дела о защите основных прав в стране направляются Конституционному суду для последующего рассмотрения и что решение по его делу Судом не рассматривалось.

2.9 Автор просит не раскрывать персональных данных о нем, а также о его партнере.

Жалоба

3.1 Что касается жалобы на нарушение статьи 2, пункт 1, автор утверждает, что он подвергается дискриминации по признаку его сексуальной ориентации и пола. Он утверждает, что колумбийское государство не соблюдает свое обязательство обеспечить всем жителям страны защиту от дискриминации.

3.2 Автор заявляет о нарушении статьи 3, поскольку партнеру того же пола отказывается в правах, которые предоставлены партнерам другого пола, без какого бы то ни было обоснования. Он утверждает, что им выполнены все юридические требования для получения пенсии, на которую он имеет право, и что в ней ему было отказано на основании доводов, которыми его права игнорируются в силу предпочтения другого пола. Он отмечает, что, если бы заявление о назначении пенсии после смерти сожителя было представлено женщиной, пенсия была бы назначена, поэтому такая ситуация представляет собой дискриминацию. Автор считает, что отказ партнеру того же пола в правах, предоставляемых партнерам другого пола, есть нарушение статьи 3.

3.3 Автор также заявляет о нарушении положений пунктов 1 и 2 статьи 5 Пакта, поскольку действия государства-участника не соответствуют принципам равенства и недискриминации. Как заявляет автор, государство-участник игнорировало решения Комитета по вопросу о запрещении дискриминации по признаку сексуальной ориентации², а также что колумбийское законодательство применяется ограничительным образом, в результате чего автор оказывается лишен возможности получения пенсии вместо его партнера, что ставит под угрозу его выживание и качество жизни.

3.4 Что касается заявленного нарушения положений пункта 1 статьи 14, то автор утверждает, что не было соблюдено его право на равенство перед судами, поскольку судебные органы Колумбии неоднократно отклоняли его заявления по мотивам его пола. Он ссылается на особое несогласное мнение члена административного суда судьи Олайи Фореро, в котором она указала, что данное решение означает неравное отношение к гомосексуалистам.

3.5 Автор заявляет о нарушении положений пункта 1 статьи 17, считая, что государство-участник допустило негативное вмешательство, сославшись на его сексуальное предпочтение как на основание для отказа в основном праве на пенсию, которая обеспечила бы ему средства к существованию. Что касается заявленного нарушения положений пункта 2 статьи 17, то утверждается, что в решениях судебных органов его личная жизнь имела больший вес, чем юридические требования для назначения пенсии. Судьи отказались предоставить ему защиту или средство правовой защиты *ампаро* лишь из-за того, что он является гомосексуалистом.

3.6 Что касается нарушения статьи 26, то автор утверждает, что государство-участник в силу решения Фонда социального обеспечения и позднее многочисленных решений судебных органов имело возможность не допустить дискриминации по признаку пола и сексуальной ориентации, однако не сделало этого. Он утверждает, что в обязанности государства входит урегулирование ситуаций, когда его жители оказываются в ущемленном положении, однако в его случае, наоборот, государство усугубило его, сделав его более уязвимым в условиях сложной социальной ситуации, переживаемой страной.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и по существу сообщения

4.1 Вербальной нотой от 25 января 2005 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и по существу сообщения.

4.2 Что касается приемлемости сообщения, то государство-участник провело подробное изучение средств правовой защиты, использованных автором, придя к выводу, что они были исчерпаны, за исключением таких средств правовой защиты, как ходатайство о пересмотре решения, вступившего в законную силу, и заявления о пересмотре промежуточного судебного решения, которые не были им использованы своевременно. Оно утверждает, что Комитет не вправе рассматривать решения судов страны по вопросам факта или права, равно как и отменять судебные решения, как если бы он был вышестоящей судебной инстанцией. Государство-участник считает, что автор намеревается использовать Комитет в качестве четвертой инстанции.

---

² Автор, по-видимому, ссылается на решения Комитета № 488/1992, *Тунен против Австралии*, и 941/2000, *Янг против Австралии*.

4.3 Что касается средств защиты, предусмотренных национальным законодательством, то государство-участник отмечает, что Фонд социального обеспечения применял положения статьи 1 закона № 54 1990 года, устанавливающей, что "...для всех гражданских правоотношений под постоянными партнерами понимаются мужчина и женщина, которые образуют фактический брачный союз". Оно заключает, что колумбийское законодательство не признает в гражданско-правовом отношении союзы между лицами одного пола. Оно также отмечает, что суд по административным делам Кундинамарки постановил, что систематическое и единообразное применение Конституции 1991 года вместе с другими нормами не дает оснований администрации удовлетворить заявление автора. Государство-участник отмечает, что административная юстиция обладает средствами защиты чрезвычайного характера, такими, как право пересмотра окончательного и промежуточного судебного решения, которыми автор мог воспользоваться, но не воспользовался своевременно, пропустив предусмотренные для этого законные сроки.

4.4 Что касается заявлений о защите основных прав, поданных автором, то государство-участник считает, что заявление, поданное в 65-й Муниципальный суд по уголовным делам, не преследовало цели защиты права на передачу пенсии, а имело целью защиту права на подачу заявлений. Поэтому оно считает, что указанное средство защиты не должно приниматься как одно из средств, с помощью которых государство имеет возможность расследовать сообщение о нарушении. Второе заявление о защите основных прав, действительно, имело своей целью защиту некоторых прав, которые якобы были нарушены, и было отклонено в силу того, что, по мнению суда, автор не подвергался неминуемой угрозе и к тому же располагал другими соответствующими средствами судебной защиты.

4.5 Что касается пересмотра решений по делам о защите основных прав Конституционным судом, то государство-участник подтверждает, что эти решения представляются суду, однако специально не отбираются. Оно подтверждает, что пересмотр дел производится Судом в порядке надзора и не по всем делам, поскольку он не является третьей инстанцией при рассмотрении дел о защите основных прав. Оно также препровождает замечания Народного защитника, который воздержался от того, чтобы рекомендовать Конституционному суду провести пересмотр указанных решений. Государство-участник ссылается на решение Конституционного суда по запросу о конституционности статьи 1 и положений пункта а) статьи 2 закона № 54 1990 года "в которых определяются фактические брачные союзы и режим имущества постоянных партнеров", препроводив часть текста, указанного в постановлении"³.

4.6 Государство-участник заключает, что автор исчерпал внутренние средства правовой защиты и что его несогласие с принятыми решениями побудило его обратиться к Комитету как к четвертой инстанции. Оно указывает, что решения национальных судов были приняты с соблюдением норм права и судебных гарантий, признаваемых в Пакте.

4.7 Что касается существа, то государство-участник представило следующие замечания. По поводу жалобы на нарушение положений пункта 1 статьи 2 Пакта государство-участник утверждает, что Комитет не обладает компетенцией высказывать замечания по поводу нарушения указанной статьи, поскольку последняя касается обязательства общего характера, касающегося уважения и гарантий по отношению ко всем индивидам. Оно ссылается на правовую практику Комитета в связи с сообщением № 268/1987, МБГ и СП против Тринидада и Тобаго и заключает, что автор не вправе ссылаться на нарушение указанной статьи изолированным образом, если не имеется нарушения положений пункта 1 статьи 14.

4.8 Что касается жалобы на нарушение статьи 3, то государство-участник полагает, что эта статья имеет другую сферу действия, чем считает автор, поскольку указанная норма призвана гарантировать равенство прав мужчин и женщин в свете исторических факторов дискриминации, которой

---

³ Corte Constitucional, C-098 de 1996.

подвергались последние. Оно ссылается на постановление Конституционного суда по соответствующему делу и присоединяется к замечаниям Суда, в частности, следующим. Фактические брачные союзы гетеросексуального характера, когда они образуют семью, признаются законом в целях обеспечения их "всесторонней защиты" и в особенности того, чтобы "женщина и мужчина" имели равные права и обязанности (статьи 42 и 43 Конституции). Законодатель учел разные факторы социального и юридического характера, а не только собственно общность жизни членов пары, тем более если учесть, что таковая может иметь место в парах и социальных группах разного характера или разного состава, объединяемых или не объединяемых половыми или эмоциональными узами, и поэтому законодатель не считал себя обязанным установить имущественный режим, аналогичный тому, который был установлен законом № 54 1990 года. Юридическое определение фактического брачного союза в силу своей сферы действия признает и защищает группу, ранее подвергавшуюся дискриминации, однако не создает привилегии, которая была бы несовместимой с Конституцией. Государство-участник также ссылается на соображения Народного защитника такого же смысла, который пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 3 Пакта.

4.9 Что касается жалобы на нарушение положений пунктов 1 и 2 статьи 5, то государство-участник утверждает, что оно не усматривает ее прямых обоснований, поскольку автор не указал, каким образом государству, группе или лицам предоставляется право на осуществление деятельности или актов, направленных на умаление каких бы то ни было из прав и свобод, признанных в Пакте.

4.10 Государство-участник вновь ссылается на постановление Конституционного суда в отношении того, что цель регламентирующих такой режим норм заключается в защите гетеросексуальных союзов без ущерба для остальных и без того, чтобы последние страдали от какого бы то ни было ущемления или умаления, поскольку в них не просматривается какой-либо цели ущемления гомосексуалистов. Что касается положений пункта 2 статьи 5, то государство-участник отмечает, что ни один из законов Республики не ограничивает и не ущемляет права человека, признаваемые в Пакте. Наоборот, действуют законодательные акты, которые, как закон № 54 1990 года, расширяют пенсионные и имущественные права постоянных партнеров, состоящих в фактических брачных союзах, ситуация, которая не предусматривается в статье 23 Пакта, касающейся прав участников брачного союза.

4.11 Что касается утверждения о нарушении положений пункта 1 статьи 14, то государство-участник указывает, что судебные решения, принятые в ходе рассмотрения дела о защите основных прав, имеют действие только в отношении сторон. Оно считает, что эти утверждения не обоснованы, поскольку все судебные решения, которые были приняты по обращениям автора, свидетельствуют о равенстве не только перед законом, но и перед судебной системой. Ни в один момент времени не была ограничена возможность обращения к правосудию и использованию всех механизмов, имеющихся в его распоряжении для того, чтобы требовать восстановления прав, которые он считал нарушенными. То, что автор считает нарушениями - это не каприз суда, а строгое выполнение его судебных функций в соответствии с законом, регламентирующим социальное обеспечение, цель которого - защита семьи, под которой понимается семья в составе гетеросексуальной пары, как это предусматривается самим Пактом в его статье 23.

4.12. В отношении утверждений о нарушении статьи 17 государство-участник заявляет, что автор не объяснил причин, по которым он считает, что эта статья была нарушена, равно как и не представляет каких-либо доказательств того, что он стал жертвой произвольного или незаконного вмешательства в его частную жизнь. Поэтому оно считает, что в этой части автор не обосновал свою жалобу.

4.13 Что касается утверждений о нарушении статьи 26, то государство-участник указывает, что оно уже провело соответствующий анализ в связи со статьями 3 и 14, поскольку во всех этих случаях речь идет о тех же вопросах факта и права. Государство-участник заключает, что каких-либо нарушений Пакта не имеется и просит признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 Протокола.

4.14 Государство-участник не возражает против просьбы автора о неразглашении его личности и личности его умершего партнера, хотя и не разделяет мнение автора относительно необходимости этого.

Комментарии автора

5.1 В своих комментариях от 26 января 2006 года автор указывает, что из замечаний государства-участника следует, что колумбийское законодательство не признает пенсионных прав лица, сожительствующего с лицом того же пола. Он ссылается на решение Административного суда и Государственного совета. Что касается замечаний государства-участника, что ему следовало обратиться с заявлениями о пересмотре промежуточного судебного решения и вступившего в законную силу законного решения, он отмечает, что указанные заявления подаются в тот же Государственный совет, который уже рассмотрел этот вопрос, прямо и недвусмысленно постановив, что в соответствии с колумбийским законодательством заявление удовлетворению не подлежит. Тем не менее так же были исчерпаны судебные средства, касающиеся основных прав или прав человека в соответствии с механизмом защиты основных прав. Автор отмечает, что Управление Народного защитника воздержалось от того, чтобы ходатайствовать перед Конституционным судом о пересмотре дел о защите основных прав, посчитав, что для такого обращения нет оснований. Он утверждает, что из ответа государства-участника следует, что в данном случае не существует каких-либо возможностей защиты в рамках Конституции, другого законодательства, подзаконных актов или процессуального законодательства страны.

5.2 Автор отмечает, что статья 93 Конституции устанавливает, что мнения и решения международных организаций в области прав человека являются абсолютно обязательными для Конституционного суда. Он утверждает, что таким образом государство-участник обязано именно в этом качестве воспринимать Комитет по правам человека, и в частности учитывать его решения № 488/1992, *Тунен против Австралии*, и 941/2000, *Янг против Австралии*.

5.3 В заключение автор указывает, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и что колумбийское законодательство более не располагает каким-либо средством, которое защищало бы право гомосексуальных пар и прекращало бы нарушение их основных прав.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Комитет принимает к сведению, что, по мнению государства-участника, автор исчерпал внутренние средства правовой защиты.

6.2 Что касается утверждений, касающихся статьи 3, то Комитет принимает к сведению аргументацию, согласно которой однополый паре отказано в правах, предоставляемых разнополым парам, и что если бы заявление о назначении пенсии было подано женщиной после смерти ее сожителя-мужчины, то такая пенсия была бы предоставлена и эта ситуация представляет собой дискриминацию. Тем не менее Комитет отмечает, что автор не утверждает, что имеется дискриминация в том, что касается обращения с женщинами-гомосексуалистками в ситуациях, аналогичных его ситуации. Комитет считает, что для целей приемлемости автор не обосновал указанную жалобу убедительным образом и приходит к выводу, что эта часть сообщения в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола является неприемлемой.

6.3 Что касается жалоб в связи со статьей 5 Пакта, то Комитет находит, что это положение не предполагает наличия какого-либо конкретного индивидуального права⁴. Таким образом, жалоба является несовместимой с Пактом и неприемлемой согласно статье 3 Факультативного протокола.

6.4 Что касается жалобы по статье 14, то, по мнению Комитета, она не была должным образом обоснована для целей статьи 2 Факультативного протокола и поэтому эта часть жалобы должна быть признана неприемлемой по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

6.5 Комитет считает, что в связи с остальной частью жалобы автора возникают вопросы, касающиеся пункта 1 статьи 2, статей 17 и 26 Пакта, признает ее приемлемой и переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Автор утверждает, что отказ колумбийских судов предоставить ему пенсию по причине его сексуальной ориентации нарушает его права в соответствии со статьей 26 Пакта. Комитет отмечает тот аргумент государства-участника, что в данном случае законодатель учитывал разнообразные факторы социального и юридического характера, а не только лишь общность жизни между членами пары и что оно не обязано признавать имущественный режим, аналогичный режиму, созданному законом № 54 1990 года, за всеми разнообразными имеющимися парами и социальными группами, объединяемыми или не объединяемыми сексуальными или эмоциональными связями. Он также принимает к сведению то утверждение государства-участника, что цель норм, регламентирующих этот режим, ограничивается защитой гетеросексуальных союзов без ущерба для всех прочих и без того, чтобы эти последние потерпели какой-либо ущерб или были в чем-либо ущемлены.

7.2 Комитет отмечает, что автор не был признан в качестве постоянного сожителя г-на У для целей назначения пенсионного пособия в силу того, что решения судов, основанные на законе № 54 1990 года, признавали право на получение пенсий только за теми, кто состоит в гетеросексуальном гражданском браке. Комитет ссылается на свое предыдущее решение о том, что запрещение дискриминации в соответствии со статьей 26 охватывает также и дискриминацию по признаку сексуальной ориентации⁵. Он также напоминает, что ранее в результате рассмотрения сообщения Комитет пришел к выводу о том, что различия в получаемых льготах между лицами, состоящими в браке и гетеросексуальными супружескими парами, не состоящими в браке, являются обоснованными и объективными, поскольку у таких супружеских пар имелась возможность вступить в брак, со всеми вытекающими из этого последствиями⁶. Комитет также отмечает, что, хотя автор не имел возможности заключить брак со своим постоянным партнером того же пола, в данном законе различие проводится не между парами, состоящими и не состоящими в браке, а между гомосексуальными и гетеросексуальными парами. Комитет отмечает, что государство-участник не представило каких-либо аргументов, показывающих, что это различие между партнерами того же пола, которые лишены права на пенсионное пособие, и не состоящими в браке гетеросексуальными партнерами, которым такие пособия предоставляются, является обоснованным и объективным. Государство-участник также не представило каких-либо доказательств, обнаруживающих наличие факторов, оправдывающих такое различие. Исходя из этого Комитет заключает, что государство-

---

⁴ См. сообщение № 1167/2003, *Райос против Филиппин*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 6.8, и 1011/2001, *Мадафферри и Мадафферри против Австралии*, Соображения, принятые 26 июля 2004 года.

⁵ См. сообщение № 941/2000, *Янг против Австрии*, Соображения, принятые 6 августа 2003 года, пункт 10.4.

⁶ См. сообщения № 180/1984, *Даннинг против Нидерландов*, Соображения, принятые 9 апреля 1987 года, пункт 14, и 976/2001, *Дерксен и Баккер против Нидерландов*, Соображения, принятые 1 апреля 2004 года, пункт 9.2.

участник нарушило статью 26 Пакта, отказав автору в праве на пенсию своего постоянного партнера по мотивам его сексуальной ориентации.

7.3 В свете этих выводов Комитет считает, что нет необходимости рассматривать жалобы в связи со статьями 2, пункт 1, и 17.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Колумбией статьи 26 Пакта.

9. В соответствии с положениями подпункта а) пункта 3 статьи 2 Пакта Комитет приходит к выводу, что автор, являющийся жертвой нарушения статьи 26, имеет право на предоставление ему эффективного средства защиты, включая пересмотр его заявления о пенсии без дискриминации по признаку пола или сексуальной ориентации. Государство-участник обязано принять меры для обеспечения того, чтобы аналогичные нарушения Пакта не совершались в будущем.

10. С учетом того, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета устанавливать факт наличия или отсутствия нарушений Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать им эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для претворения в жизнь настоящих соображений. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение членов Комитета г-на Абдельфаттаха Амора и г-на Ахмеда Тауфика Халиля

Автор, Х, потерял своего партнера, того же пола, после 22 лет отношений и семи лет сожительства. Он считает, что, подобно оставшимся в живых супругам, состоявшим в браке или сожительстве гетеросексуальных пар, он имеет право на получение пенсии по случаю потери кормильца, которое не зафиксировано в законодательстве государства-участника.

Комитет посчитал обоснованной жалобу автора, установив, что он является жертвой дискриминации по смыслу статьи 26 Пакта, т.е. по признаку пола или половой ориентации, и указывает, что государство-участник не объяснило, каким образом может "считаться разумным и объективным различие в обращении между гомосексуальными парами и гетеросексуальными парами, не состоящими в браке", равно как и "не представило каких-либо свидетельств того, что имеются факторы, оправдывающие различие в обращении".

Из этого вывода Комитета следует, что в том, что касается пенсий по случаю потери кормильца, не проводится различия между однополыми парами и фактическими гетеросексуальными парами. Поэтому любое различие или дифференциация представляют собой дискриминацию по признаку пола или половой ориентации в отсутствие объяснений со стороны государства-участника и доказательств, оправдывающих их, и являются нарушением статьи 26, запрещающей дискриминацию по признаку пола и сексуальной ориентации. Поэтому не удивительно, что Комитет настоятельно призвал государство-участник вновь рассмотреть заявление автора о назначении ему пенсии, "без дискриминации по признаку пола или сексуальной ориентации". Кроме того, государство-участник обязано в соответствии с закрепленной формулировкой "принять меры для обеспечения того, чтобы подобные нарушения Пакта не совершались в будущем".

Решение Комитета в действительности вытекает из решения, принятого в 2003 году по делу Янг против Австралии (сообщение № 941/2000) и явно вписывается в тенденцию установления и усиления постоянной правовой практики в этой области, обязательной для всех государств - участников Пакта.

По ряду юридических причин мы не можем поддержать ни мотивировку, ни вывод Комитета.

Во-первых, следует подчеркнуть, что в статье 26 Пакта прямо не говорится о дискриминации, основанной на сексуальной ориентации, которая в данном случае может выводиться из упоминания "иного обстоятельства" в конце статьи 26. Это означает, что вопросы, касающиеся сексуальной ориентации, не могут рассматриваться со ссылкой на Пакт иначе как в порядке толкования. Очевидно, что этот текст поддается толкованию, хотя такое толкование должно быть разумным и не должно искажать содержание текста или же выражать волю, отличную от воли его составителей. Следует опасаться, как будет показано далее, что Комитет вышел за рамки собственно толкования.

Кроме того, мы отмечаем также в рамках предварительных замечаний, что толкование, даже основывающееся на национальном юридическом опыте, не может игнорировать состояние действующего международного права, которое не признает право на сексуальную ориентацию в качестве права человека. Таким образом, новаторская и нормотворческая роль Комитета должна ограничиваться правовой реальностью.

Важно подчеркнуть, что, каким бы ни было толкование статьи 26, оно должно касаться недискриминации, а не создания новых прав, связь которых с Пактом далеко неочевидна, хотя это не значит, что ее не существует, с учетом контекста, в котором возник Пакт.

В своей работе по толкованию концепции недискриминации Комитет всегда демонстрировал образцы значительной строгости. Так, он считает, что "не любая дифференциация по признакам, перечисленным в статье 26 Пакта, является дискриминацией в той мере, в какой она основывается на разумных и объективных причинах" (Йонгенбургер-Верман против Нидерландов; сообщение № 1238/2004). В деле Майкл О'Нил и Джон Кин против Ирландии (сообщение № 1314/2004) Комитет, подтвердив свою неизменную правовую практику (см. сообщение № 218/1986, Вос против Нидерландов; № 425/1990, А. М. М. Доебург Ланой Нефс против Нидерландов; № 651/1995, Дж. Снейдерс против Нидерландов; № 1164/2003, Абаль-Кастель-Руис против Испании), напоминает, что "не каждое различие представляет собой дискриминацию в нарушение статьи 26, но эти различия должны оправдываться разумными и объективными причинами и осуществляться с законной, с точки зрения Пакта, целью.

Разумная и объективная оценка мотивов разграничения или дифференциации, а также законности цели в соответствии с Пактом обычно сопряжена с той или иной степенью трудности. В этом смысле толкователь сталкивается с риском впасть в субъективность, прежде всего, когда он применяет, сознательно или неосознанно, телеологический подход. То, о чем идет речь, может в некоторых случаях оставаться за пределами Пакта или даже противоречить ему. Поэтому юридическое пространство может уступать место другим категориям пространства, легитимность которых может корениться в других сферах или, как это часто бывает, на периферии юридического пространства. Таким образом, выведение аналогий, параллелей или эквивалентности между ситуациями гетеросексуальных пар, состоящих или не состоящих в браке, и гомосексуальных пар может вынуждать как к наблюдению, так и к толкованию фактов, и по этой причине не может служить для разумных и объективных юридических построений.

Толкование положений Пакта не может обойтись ни без одних, ни без других, прежде всего тогда, когда положения имеют между собой связи, которые нельзя скрыть и тем более устранить. Поэтому вопрос дискриминации по признаку пола или сексуальной ориентации не может рассматриваться в связи со статьей 26 с точки зрения обязательств предоставить или исполнить что-либо в отрыве от статьи 23, в которой указывается, что "семья - это естественный и

основополагающий элемент общества" и "признает право мужчины и женщины на вступление в брак и создание семьи, если они имеют соответствующий для этого возраст". Это значит, что гомосексуальная пара не является семьей по смыслу Пакта и поэтому не может требовать пособий и льгот, основанных на концепции семьи, поскольку та образована лицами разного пола.

Какие дополнительные пояснения должны дать государства? Какие другие доказательства необходимо представить для того, чтобы продемонстрировать разумный и объективный характер различия между гомосексуальными и гетеросексуальными парами. Логика, на которой Комитет строит свои суждения, в данном случае весьма спорна. Она основана на той посылке, что все пары независимо от пола их членов равны и имеют право на одну и ту же защиту в том, что касается позитивных льгот. Из этого выводится, что государство, а не автор, обязано объяснить, обосновать и продемонстрировать это, как если бы речь шла об установившейся и неоспоримой норме, что далеко не так. Мы считаем, что в данном случае, когда речь идет о позитивных льготах, широко распространенные ситуации должны презюмироваться законными, исключая произвольные решения или явно ошибочную оценку, а законность ситуаций, выходящих за рамки нормы, должна демонстрироваться теми, кто считает их законными.

С другой стороны, в том, что касается толкования каких-либо положений Пакта в связи с другими его положениями, следует подчеркнуть, что статья 3 Пакта, касающаяся равенства между мужчинами и женщинами, должна толковаться в свете статьи 26, однако не может применяться для экстраполяции равноправия между гетеросексуальными парами на гомосексуальные пары.

Наоборот, дискриминация по признаку сексуальной ориентации действительно представляет собой очевидное нарушение статьи 17, которая запрещает вмешательство в частную жизнь. Как в своих заключительных замечаниях по докладам государств, так и в соображениях по сообщениям отдельных лиц, Комитет неоднократно с полным основанием приходил к выводу, что защита от произвольного или незаконного вмешательства в частную жизнь запрещает преследование и наказание в случае гомосексуальных отношений между давшими согласие взрослыми. Статья 26 в совокупности со статьей 17, совершенно уместна в этой связи, поскольку речь идет именно о борьбе с дискриминацией, а не о создании новых прав. Тем не менее статья 26 не может применяться обычным образом, когда речь идет о льготах, например о праве получения пенсии по случаю потери кормильца для лиц, потерявших партнера того же пола. Положение гомосексуальной пары в том, что касается такого рода пенсии, не является идентичным или сходным с положением гетеросексуальной пары, если только проблема не видится с культурной точки зрения - а культуры различны, и даже противоположны в трактовке определенных социальных вопросов.

Таким образом, гибкость права - это большой источник богатства, однако в некоторых случаях она может приводить к эксцессам, которые выхолащивают норму, давая ей содержание, отличное от того, которое имел в виду ее составитель или которое определяется ее буквой и духом. Возможности выбора в области толкования могут быть признаны только в рамках и пределах толкуемой нормы. При этом, разумеется, понимается, что государства имеют право и возможности создавать новые права в интересах людей, находящихся под их юрисдикцией. В этом смысле Комитету не следует действовать вместо государства и выбирать решения, которые не относятся к его компетенции.

Сообщение № 1416/2005

Представлено: Мохаммедом Альзери (представлен адвокатом г-жой Анной Вигенмарк)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Швеция

Дата принятия Соображений: 25 октября 2006 года

Тема сообщения: высылка гражданина Египта по соображениям национальной безопасности из Швеции в Египет с привлечением иностранных агентов, осуществленная сразу же после принятия не подлежащего пересмотру решения исполнительной власти и после того, как высланный был подвергнут грубому обращению "в интересах безопасности"

Вопросы существа: пытки или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание - реальная опасность подвергнуться пытке или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию и/или явно несправедливому судебному разбирательству в третьем государстве - несоблюдение надлежащей законной процедуры в процессе высылки иностранца - неэффективные внутренние средства правовой защиты от предполагаемых нарушений - невозможность осуществления права на эффективную подачу жалобы

Процедурные вопросы: достаточные полномочия адвоката - рассмотрение по другой процедуре международного разбирательства или урегулирования - применимость процессуальной оговорки государства-участника - злоупотребление правом на представления сообщения - неоправданная задержка представления сообщения - обоснование для целей приемлемости

Статьи Пакта: 2, 7, 13 и 14

Статьи Факультативного протокола: 1, 2, 3 и 5 пункт 2 а)

Вывод: наличие нарушения (статья 7, взятая отдельно и в совокупности со статьей 2 Пакта)

1. Автором сообщения от 29 июля 2005 года является гражданин Египта г-н Мохаммед Альзери, родившийся 23 сентября 1968 года. Он утверждает, что является жертвой нарушений Швецией статей 2, 7, 13 и 14 Пакта и статьи 1 первого Факультативного протокола. Он представлен адвокатом (см., однако, пункты 4.1 и 5.1 и далее ниже).

Промежуточные решения

2.1 24 октября 2005 года через своего Специального докладчика по новым сообщениям Комитет принял решение о раздельном рассмотрении приемлемости сообщения и его существа. Чтобы получить надлежащую возможность решения поднятых вопросов о приемлемости, адвокату также было предложено подтвердить, с учетом представлений государства-участника, изложенных в пункте 4.1 ниже, что доверенность от 29 января 2004 года вместе с доверенностью от 7 апреля 2004 года продолжают действовать и на их основании разрешено ведение дела по сообщению в Комитете.

2.2 Действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям, Комитет также принял решение дать указание адвокату в соответствии с полномочиями, предусмотренными в пункте 3 правила 102 Правил процедуры Комитета, сохранять конфиденциальность некоторых представлений государства-участника вплоть до дальнейшего решения Специального докладчика, Рабочей группы Комитета или пленарного заседания Комитета.

2.3 16 января 2006 года в свете комментариев адвоката к представлениям государства-участника (см. пункты 5.1 и далее ниже) и материалов, представленных Комитету в связи с ситуацией автора

сообщения, Комитет через Специального докладчика по новым сообщениям просил государство-участник на основании правила 92 Правил процедуры принять необходимые меры, гарантирующие то, что автор сообщения не будет подвергаться предсказуемой опасности причинения ему существенного личного вреда в результате любого действия со стороны государства-участника в отношении автора сообщения.

Факты в изложении автора

3.1 Автор сообщения, учитель химии и физики, закончил Каирский университет. Во время обучения в университете он активно участвовал в деятельности одной из организаций исламской оппозиции, в том числе распространял листовки, участвовал в собраниях и лекциях, а также читал Коран детям в своей деревне. Автор сообщения признает, что он - противник правительства, но отвергает любые утверждения о том, что он выступает за насилие. Закончив в 1991 году учебу, он решил в тот же год уехать из страны, поскольку подвергался преследованию и неоднократно задерживался службами безопасности Египта в связи со своей деятельностью в организации. Как утверждает автор сообщения, однажды его схватили и пытали (подвесили вверх ногами за щиколотки, били и опускали головой в воду). Перед тем как его освободить, как он заявляет, его заставили подписать отказ от участия в деятельности организации в будущем, в противном случае следующий арест будет "навсегда".

3.2 Автор сообщения заявляет, что уехал из Египта, чтобы избежать ареста и пыток. Со своим паспортом, но по фальшивой визе он въехал в Саудовскую Аравию, где жил до 1994 года, пока не переехал в Сирию. В 1999 году он был вынужден покинуть Сирию после высылки оттуда на родину нескольких граждан Египта. Достав себе фальшивый датский паспорт, 4 августа 1999 года он прибыл в Швецию. Там он сразу же попросил убежище, назвав свое настоящее имя и признавшись, что он въехал в страну по фальшивому паспорту. В обоснование своего ходатайства о предоставлении убежища автор сообщения заявил, что в Египте он подвергался физическому насилию и пыткам; что он чувствовал, что за ним следят и обыскивают его дом; что после его отъезда из Египта (в Саудовскую Аравию, а потом в Сирию) его искали в доме его родителей; что он опасается, что если вернется в Египет, то его предадут военному суду по обвинению в членстве в незаконной организации; а также что он боится быть арестованным и подвергнутым пыткам. С 4 по 18 августа 1999 года он был задержан для установления его личности. Приняв решение не продлевать срок задержания, тогдашний Миграционный совет постановил, что, хотя личность автора сообщения точно не установлена и он въехал в страну по фальшивому паспорту, что создало опасность того, что он скрывается от правосудия, вместо задержания будет достаточно взять его под наблюдение.

3.3 Как утверждает автор, для подтверждения своей личности он обходными путями связался с египетским юристом, которому удалось получить табель успеваемости средней школы и направить его факсом шведским властям. В том же факсимильном сообщении юрист представил affidavit, подтверждающий, что автор сообщения в 1996 году проходил в качестве обвиняемого по делу об участии в деятельности запрещенной организации, которое, видимо, рассматривается военным судом. В газете "Аш-Шарк аль-Аусат" была помещена статья, в которой описывались обстоятельства дела, указывалось имя автора и говорилось о предъявлении ему заочного обвинения. Согласно статье, данная организация выступает за продолжение вооруженной борьбы с правительством Египта, а ее членов будет судить военный суд, в силу чего они будут лишены права на справедливый суд, поскольку, в частности, приговор военного суда обжалованию не подлежит. Автор сообщения отрицал всякие связи с организацией, но заявил, что боится ареста по ложному обвинению, если он вернется в Египет. Также, по словам автора, посольство Швеции в Каире не могло подтвердить, что дело, о котором писали в газете, имело место и что г-н Альзери был одним из подозреваемых.

3.4 Миграционный совет Швеции рассмотрел ходатайство автора сообщения о предоставлении ему убежища и вида на жительство по первой инстанции. 31 января 2001 года был направлен запрос в Шведскую полицию безопасности, в чьи обязанности входит изучение заявлений о предоставлении

убежища на предмет необходимости учета соображений национальной безопасности до предоставления вида на жительство. В апреле 2001 года полиция безопасности начала расследование и в июне 2001 года опросила автора сообщения. Во время опроса он заявил, что никогда не участвовал в том движении, в причастности к которому его обвиняют, и категорически не приемлет любое насилие как средство достижения любой политической цели. Однако он считал, что по возвращении в Египет он будет арестован и подвергнут пыткам на основании ложных обвинений. Автора сообщения ознакомили с протоколом слушания, состоявшегося в сентябре 2001 года, но о выводах, сделанных на основании его опроса, не проинформировали.

3.5 30 октября 2001 года полиция безопасности представила доклад, в котором рекомендовала отказать в удовлетворении заявления на получение вида на жительство "по соображениям безопасности". 12 ноября 2001 года Миграционный совет, считая, что автор сообщения может рассматриваться как лицо, нуждающееся в защите, передал дело правительству для принятия решения на основании закона об иностранцах ввиду связанных с ним вопросов безопасности. Получив от Миграционного совета материалы дела, Апелляционный совет по делам иностранцев, разделяя мнения Миграционного совета относительно существа, также счел, что решение по этому делу должно быть принято правительством.

3.6 12 декабря 2001 года состоялась встреча старшего сотрудника Министерства иностранных дел Швеции с представителем правительства Египта. Целью встречи было определить, существует ли возможность предписать возвращение автора сообщения в Египет, не нарушив при этом международных обязательств Швеции, в том числе обязательств, принятых ею на основании Пакта. Рассмотрев возможность получения гарантий от властей Египта в отношении будущего обращения с автором сообщения, правительство пришло к мнению, что было бы возможным и целесообразным выяснить, можно ли получить гарантии того, что по возвращении в Египет с автором сообщения будут обращаться в соответствии с международным правом. Без таких гарантий его высылка в Египет не была бы сочтена возможным вариантом. Госсекретарь Министерства иностранных дел Швеции представил египетскому должностному лицу памятную записку, в которой говорилось:

"Согласно пониманию правительства Королевства Швеции [автор сообщения и другое лицо] предстанут перед справедливым судом в Арабской Республике Египет. Далее, согласно пониманию правительства Королевства Швеции, эти лица не будут подвергнуты бесчеловечному обращению или любого рода наказанию со стороны любых властей Арабской Республики Египет и, далее, не будут приговорены к смертной казни или, если такой приговор будет вынесен, он не будет приведен в исполнение никакими компетентными властями Арабской Республики Египет. Наконец, согласно пониманию правительства Королевства Швеции, жена и дети [другого физического лица] не будут подвергаться преследованию или нападкам со стороны любых властей Арабской Республики Египет".

3.7 В письменном ответе правительства Египта говорилось: "Настоящим мы подтверждаем наше полное понимание всех пунктов настоящей записки относительно способа обращения с указанными лицами после их репатриации вашим правительством при полном уважении их прав личности и человека. Это будет осуществлено в соответствии с положениями Конституции и законодательства Египта". Во время бесед с представителями правительства Египта правительство Швеции также просило разрешить представителям своего посольства присутствовать на суде. Как указывает автор сообщения, остается неясным, какие другие виды механизмов последующих действий обсуждались и были согласованы до высылки. Хотя правительство Швеции и указало на то, что обсуждалось право на посещение автора сообщения в тюрьме, это остается неподтвержденным.

3.8 18 декабря 2001 года правительство приняло решение не выдавать автору сообщения вид на жительство в Швеции по соображениям безопасности. Правительство приняло к сведению содержание гарантий, предоставленных высокопоставленным представителем правительства Египта. Несмотря на то, что в свете обстоятельств и утверждений автора в отношении своего поведения в прошлом его страх по поводу преследования был признан действительно оправданным, что давало

ему право на получение защиты на территории Швеции, правительство приняло решение не признавать его статуса беженца. В своем решении на основании информации спецслужб правительство сделало вывод о том, что автор сообщения занимает руководящее положение и играет роль в работе организации, причастной к террористической деятельности, и что ему должно быть отказано в защите.

3.9 Правительство отдельно проанализировало наличие опасности для автора сообщения подвергнуться преследованию, быть приговоренным к смерти подвергнуться пыткам или чрезмерно жестокому обращению по возвращении, что стало бы обстоятельствами, являющимися безоговорочным законным препятствием к высылке. Правительство решило в этой связи, что предоставленные гарантии являются достаточными для соблюдения обязательств Швеции относительно невысылки. Правительство вынесло предписание о немедленной высылке автора сообщения.

3.10 18 декабря 2001 года, во второй половине дня, через несколько часов после принятия решения о высылке, сотрудники шведской полиции безопасности задержали автора сообщения. По утверждению государства-участника, при задержании сила не применялась. Ему сообщили, что его ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, и затем его доставили в следственную тюрьму Стокгольма. Во время задержания автор сообщения разговаривал по телефону со своим тогдашним адвокатом, но разговор был прерван. В месте содержания задержанных он, как утверждается, просил разрешения позвонить своему адвокату, но в этой просьбе ему было отказано. После нескольких часов в месте задержания его доставили на машине в аэропорт Бромма. Затем его отвели в полицейский участок аэропорта, где передали приблизительно десяти иностранным агентам в штатском с капюшонами на голове. В ходе дальнейших расследований, проведенных шведским парламентским омбудсменом, выяснилось, что люди в капюшонах были агентами служб безопасности Соединенных Штатов и Египта.

3.11 По заявлениям автора сообщения, агенты в капюшонах уволокли его в тесную раздевалку, где подвергли так называемому "обыску усиленной тщательности", хотя шведская полиция уже провела его менее строгий обыск. Агенты в капюшонах срезали ножницами одежду с автора сообщения, изучая каждый кусок ткани и положив потом все в полиэтиленовый мешок. По словам шведских должностных лиц, присутствовавших при обыске, второй агент проверил волосы задержанного, его рот и губы, в то время как третий агент его фотографировал. После того как с задержанного была срезана одежда, ему надели наручники и сковали ноги. Затем ему ввели ректально какой-то транквилизатор и надели на него подгузник. После на него надели комбинезон и отвели в самолет с завязанными глазами, в капюшоне и босиком. Во время задержания и обыска заявителя присутствовали два представителя посольства Соединенных Штатов Америки. В самолете с иностранной регистрацией его посадили на пол так, что ему было неудобно и больно, а цепи не давали двигаться. Все это время он оставался в капюшоне и с завязанными глазами, в том числе во время передачи примерно через пять часов сотрудникам военной службы безопасности Египта в аэропорту Каира. По словам (тогдашнего) шведского адвоката заявителя, последнего держали с завязанными глазами до 20 февраля 2002 года, сняв повязку всего на несколько дней, в связи с посещением посла Швеции 23 января 2002 года и интервью шведскому журналисту в феврале 2002 года.

3.12 Когда в январе 2002 года после посещения посла (бывший) адвокат автора сообщения встретился с госсекретарем Гун-Бритт Андерссон, та заверила его в том, что жалоб на плохое обращение от задержанных не поступало. На слушаниях в Постоянном комитете Швеции по конституции в апреле 2002 года (тогдашним) министром иностранных дел было заявлено: "Я по-прежнему полагаю, что мы можем доверять властям Египта. Если (окажется, что) им нельзя доверять, нам придется вернуться к этому вопросу. Но все, чему мы были свидетелями до сих пор, говорит о том, что мы можем им доверять". В своем последующем докладе от 6 мая 2003 года Комитету по правам человека правительство Швеции также заявило: "Правительство Швеции считает, что гарантии, полученные от принимающего государства, являются удовлетворительными и

окончательными и что они соблюдаются и будут соблюдаться в полной мере. Правительство не получало никакой информации, которая заставила бы усомниться в этом выводе"¹.

3.13 Посещение послом автора сообщения в тюрьме Тора не проходило с глазу на глаз, как не были таковыми и любые последующие посещения во время пребывания автора сообщения в этой тюрьме. Автор жаловался на плохое с ним обращение не только в присутствии посла, но и в присутствии надзирателя и еще пяти египтян. Представители египетского тюремного персонала делали заметки, чтобы потом, по мнению посла, оценить перевод с арабского на английский. Присутствие сотрудников тюремных служб безопасности или надзирателя и даже их участие в разговоре с автором сообщения было обычным порядком, и посетители из посольства не возражали против этого. Неоднократно шведские представители задавали прямые вопросы о присутствующем египетском тюремном персонале или без повода комментировали заявления автора.

3.14 Вскоре после первого посещения посол просил организовать встречу с сотрудниками египетских служб безопасности, чтобы обсудить услышанные жалобы на плохое обращение. Сотрудник спецслужб, с которым встретился посол, отверг эти обвинения под предлогом того, что "от террористов" ничего другого нельзя ожидать. Шведские власти приняли это объяснение и больше не возвращались к этому вопросу. Следующее посещение состоялось по прошествии пяти недель. В дипломатическом докладе от 2 февраля 2002 года, направленном послом Швеции министру иностранных дел, сообщалось: "Мы согласовали следующий порядок посещений представителями посольства: посещения будут организовываться раз в месяц в любое время по нашему усмотрению. Мы будем сообщать [правка] о нашем желании посетить задержанного за несколько дней вперед, чтобы тюремные власти могли уладить технические детали. [Правка] было заявлено в этой связи, что если слухи о применении пыток и т.д. будут продолжаться, мы совместно обсудим различные способы опровержения таких слухов". В письме также говорилось, что Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках направил правительству Швеции письмо с просьбой представить информацию о системе контроля, применяемой для обеспечения прав автора сообщения и другого лица.

3.15 После январской встречи автор сообщения был переведен в другой участок тюрьмы Тора, который контролируется египетскими службами безопасности (а не общей разведкой). Он заявляет, что в течение последующих пяти недель его допрашивали и во время допроса жестоко с ним обращались, в том числе пытали электрическим током, прикладывали электроды к гениталиям, соскам и ушам. Во время пыток за ним следили врачи, которые после пытки наносили на кожу мазь, чтобы не оставалось никаких шрамов. Его вынудили признаться в преступлениях, которые он не совершал, и допрашивали, например, о подготовке собраний запрещенной организации, активным участником которой он являлся, и выступлений против "системы". Несмотря на наказания, автор продолжал пытаться передать информацию о жестоком обращении с ним, как подробно указано в докладе посла, представленном после второго посещения 7 марта 2002 года:

"Во время следующей встречи ни один из заключенных не говорил о пытке. Однако они подавали сигналы или знаки о том, что что-то было не в порядке; в связи с чем я хотел спросить, не подвергались ли они пыткам или жестокому обращению с момента моего последнего посещения. [Второй заключенный] уклончиво ответил, что было бы неплохо, если бы я приходил по возможности чаще. Затем я попросил его снять рубашку и майку и повернуться спиной. Никаких следов жестокого обращения видно не было. [Другой заключенный] затем объяснил, что на его теле не было видно следов. Один из сотрудников египетских служб безопасности затем заметил, что [другой заключенный] недвусмысленно, но уклончиво пытался сказать, что на самом деле с ним жестоко обращались, но не сказал это напрямую... На основании другой информации, полученной во время разговора, можно заключить следующее: ... Они оба ушли от ответа на мой вопрос об их распорядке дня. В заключение я спросил, не хотят ли они мне еще что-нибудь сказать. В ответ они сказали, что

---

¹ CCPR/CO/74/SWE/Add.1.

надеются, что я скоро вновь их посетю, добавив, что "в тюрьме тяжело". В итоге, ничто не изменило моего мнения, сформированного после первого посещения, относительно того, что [автор сообщения и другой заключенный] содержатся в достаточно хороших условиях. Никаких признаков пыток или жестокого обращения замечено не было".

3.16 По заявлению автора сообщения, в течение длительного времени ему и другому лицу не разрешали встречаться с другими заключенными и держали в изоляции в камерах без света. 20 февраля 2002 года его перевели в другую тюрьму, где до второй недели декабря 2002 года его держали в небольшой одиночной камере 1,5 на 1,5 метра. Три или четыре раза в 2002 году его вызывали на слушания к прокурору для вынесения решения о продлении срока содержания под стражей. На первом слушании в марте 2002 года автор сообщения пожаловался на пытки и жестокое обращение, которым он подвергался. Ему не дали ознакомиться с протоколом слушания. Несмотря на то, что в то время он был представлен адвокатом, последний не отреагировал на его заявление, и на последующих слушаниях автору сообщения пришлось выступать самому. Согласно сведениям посольства, в период с октября 2002 года по май/июнь 2003 года автора сообщения вызывали к прокурору каждые две недели, а потом - каждые 45 дней. Всякий раз содержание под стражей продлевалось прокурором, ссылавшимся на чрезвычайное законодательство, не предъявляя автору сообщения официального обвинения.

3.17 16 июня 2002 года (тогдашний) шведский адвокат автора сообщил в Европейский суд по правам человека, что он намеревается в разумные сроки подать полное заявление от имени автора сообщения. 9 сентября 2002 года посол Швеции во время посещения автора сообщения просил тюремные власти разрешить последнему подписать доверенность, направленную в посольство тогдашним шведским адвокатом автора, для целей обращения в Европейский суд по правам человека. 26 сентября 2002 года посол сообщил адвокату по факсу, что автор содержится под стражей и поэтому не имеет права на подписание доверенности. Посольство Египта в свою очередь не ответило на просьбу адвоката о содействии. В конце 2002 года автора сообщения частично информировали о причине его задержания. Его причислили к одному из 250 членов запрещенной организации, в отношении которой в 1993 году было возбуждено уголовное дело. По словам автора сообщения, многие из обвиняемых по этому делу находились под стражей без суда годами, некоторые из них были приговорены к смертной казни и казнены, а другие не были освобождены даже после оправдательного приговора суда. Он боялся, что его ждет подобная судьба. С декабря 2002 года по октябрь 2003 года он находился под стражей по распоряжению Министерства внутренних дел.

3.18 27 октября 2003 года его освободили, так и не предъявив обвинения. Согласно посольству Швеции, решение об освобождении автора сообщения вынес египетский суд, но сам автор при этом не присутствовал, поэтому не может ничего сказать по этому поводу. После освобождения физическое здоровье автора улучшилось, он завершил дополнительное обучение на педагогическом факультете в университете, которое он начал в тюрьме, и женился. Решив заняться впоследствии бизнесом, он построил небольшую животноводческую ферму.

3.19 В начале 2004 года (тогдашний) шведский адвокат автора сообщения представил Министерству иностранных дел Швеции заявления автора сообщения относительно того, что его подвергали, в частности, пыткам в Египте до и после первого посещения представителей посольства, которое состоялось 23 января 2002 года. Однако после 20 февраля 2002 года не было никаких случаев применения пыток или других видов жестокого обращения. Более того, во время посещения представителей посольства в начале 2004 года автор сообщения повторил свои заявления. Согласно докладу посольства об этом посещении, после первого посещения представителей посольства заключенного подвергали пыткам. Никакой информации относительно жестокого обращения до первого посещения автора в тюрьме им представлено не было. 19 марта 2004 года (тогдашний) шведский адвокат автора подал заявление в Европейский суд по правам человека по поводу того, что в результате высылки автор сообщения подвергся пыткам и жестокому обращению, а также опасности быть приговоренным к смертной казни или погибнуть под пыткой. Кроме того, он заявил, что ему не дали возможности обратиться в суд или воспользоваться эффективным средством

правовой защиты в отношении вынесения против него обвинений в участии в террористической деятельности и что предписание о его высылке не было рассмотрено судом. 26 октября 2004 года палата Европейского суда большинством голосов объявила дело неприемлемым на основании того, что сроки его подачи истекли². За отсутствием удовлетворительного объяснения адвоката по поводу задержки в подаче дела суд назначил 19 марта 2004 года датой подачи жалобы и объявил ее соответственно неприемлемой.

3.20 Что касается процедур после высылки, осуществленных в Швеции, то 12 апреля 2002 года Министерство юстиции провело судебную оценку работы полиции безопасности по исполнению предписаний о высылке и в принципе приняло порядок, применяемый в полиции безопасности. В жалобе от 25 мая 2004 года на имя районного прокурора Стокгольма содержались материалы расследования в отношении того, было ли совершено уголовное правонарушение представителями шведского государства в связи с решением правительства от 18 декабря 2001 года выслать, в частности, господина Альзери и были ли допущены какие-либо нарушения при исполнении этого решения. Что касается жалобы по поводу представителей из министерств, она была передана в Постоянный парламентский комитет по конституции, в обязанности которого входит подача в Верховный суд обвинений в совершении преступлений, таких, как серьезные упущения о работе министерств. 17 февраля 2005 года Комитет принял решение о том, что в той части жалобы, которая была передана ему районным прокурором Стокгольма, не требуется никаких действий.

3.21 Что касается оставшихся вопросов, то 18 июня 2004 года районный прокурор Стокгольма принял решение не возбуждать предварительное расследование относительно наличия факта уголовного правонарушения в связи с приведением в исполнение решения о высылке. Это решение мотивировалось отсутствием оснований предполагать, что сотрудником шведской полиции было совершено уголовное правонарушение, преследуемое государством, в связи с приведением в исполнение решения о высылке. Районный прокурор передал дело Главному прокурору Прокуратуры Стокгольма для принятия решения по поводу необходимости производства предварительного расследования в связи с событиями, произошедшими на борту самолета с иностранной регистрацией.

3.22 3 ноября 2004 года Главный прокурор отказался от дальнейших действий. Он отметил, что полиции безопасности поставили задачу привести в исполнение решение о высылке, и она несет за это ответственность. Следовательно, обеспечением соответствия мер безопасности, принятых сотрудниками полиции безопасности или теми, кто им помогал, соответствующим нормам шведского законодательства должна была заниматься полиция безопасности. Поэтому вопрос заключался в том, справились ли сотрудники полиции безопасности со своей задачей при отправлении ими своих полномочий, что по сути означало дачу оценки решению районного прокурора. Главный прокурор сослался на мандат полиции безопасности в области борьбы с терроризмом, полагая, что для выполнения своих задач ей иногда требуются методы, отличные от тех, которые применяются обычной полицейской службой. Решение о высылке было принято правительством, а лиц, о которых идет речь, правительство сочло представляющими опасность для безопасности королевства. Принимая во внимание, что, в частности, в рассматриваемый период действовали строгие требования в отношении безопасности и мер защиты, происшедшее не может рассматриваться как нарушение общих принципов, применяемых при вмешательстве полиции. Поэтому Главный прокурор разделял мнение районного прокурора относительно отсутствия оснований для того, чтобы предполагать, что сотрудники шведской полиции совершили уголовное правонарушение, преследуемое государством. Было признано, что решение предусматривает меры, принятые иностранным персоналом, с учетом того, что такой персонал не занимался какой-либо деятельностью самостоятельно.

3.23 Что касается действий, совершенных на борту самолета с иностранной регистрацией, Главный прокурор считал, что в соответствии с законом о воздушном сообщении пилот самолета с иностранной регистрацией был обязан проверить, можно ли использовать этот самолет для полетов над

---

² *Альзери против Швеции*, ходатайство № 10786/04.

территорией Швеции. Такая проверка и дала право на принятие мер, обусловленных интересами безопасности. Не было оснований предполагать, что пилотом иностранного самолета было совершено уголовное преступление, преследуемое в порядке публичного обвинения.

3.24 Государство-участник уведомляет, что, прилагая усилия к тому, чтобы прояснить факты, обнаружившиеся после возвращения автора сообщения, 18 мая 2004 года оно подняло вопрос о заявлениях о жестоком обращении перед египетскими властями на самом высоком уровне. Специальный представитель выразил озабоченность Швеции сообщениями о жестоком обращении в первые недели после возвращения и потребовал провести расследование, включая международную медицинскую экспертизу. Правительство Египта отвергло эти утверждения, но провести расследование согласилось. В июне 2004 года министр иностранных дел Швеции направила письмо властям Египта, в котором предложила провести расследование с участием независимого органа или поручить проведение расследования такому органу, включая судебно-медицинскую экспертизу и предпочтительно международную экспертизу в области расследования пыток. Она также предложила содействие шведских экспертов. В июле 2004 года власти Египта отвергли заявления о жестоком обращении и сослались на расследования, проведенные в Египте. В декабре 2004 года обсуждался вопрос о возможном международном расследовании под эгидой Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. 11 мая 2005 года министр иностранных дел Швеции направила письмо Верховному комиссару, в котором описывались, в частности, неудачные усилия, предпринятые шведской стороной в целях проведения в Египте расследования, призванного независимым образом установить факты в связи с заявлениями о применении пыток и жестоком обращении после высылки двух граждан Египта в эту страну. Верховному комиссару была направлена просьба о проведении ее Управлением расследования этого дела как основы для оценки эффективности и осуществления дипломатических гарантий, данных Египтом. Министр заявила, что правительство готово предоставить любую помощь в проведении расследования, включая, при необходимости, финансовые ресурсы. Верховный комиссар ответила в письме от 26 мая 2005 года. Ссылаясь на решение Комитета против пыток по делу *Агиза против Швеции*³, Верховный комиссар заявила, в частности, что она не находит оснований, по которым ее Управление могло бы дополнить каким бы то ни было существенным образом оценки и результаты работы Комитета. В заключение Верховный комиссар заявила, что она не готова начинать предложенное расследование. Государство-участник представляет подробную информацию о ряде дальнейших контактов на уровне министра и старших должностных лиц с их египетскими коллегами, вновь предпринятых ими в попытках организовать независимое, беспристрастное расследование фактов.

3.25 21 марта 2005 года парламентский омбудсмен представил доклад о проведенном им по своей инициативе расследовании обстоятельств дела автора сообщения до его высылки, в ходе которого были вскрыты серьезные недостатки в действиях полиции безопасности, в адрес которой омбудсмен высказал крайне острую критику⁴. Сам автор сообщения не участвовал в этом расследовании, но омбудсмен беседовал с его бывшим шведским адвокатом. Задача омбудсмена состояла в том, чтобы установить, было ли совершено Шведской полицией безопасности в ходе приведения в исполнение предписания о высылке какое-либо преступление или любое другое нарушение. В начале разбирательства омбудсмен решил не проводить уголовное расследование. Омбудсмен не представил мотивов такого решения, но государство-участник предполагает, что они по-видимому связаны с тем, что полицией безопасности не было назначено старшего офицера, который руководил бы операцией в аэропорту Бромма, а присутствовавшие полицейские имели относительно низкие звания и никто из них не считал, что именно он отвечает за проведение операции, к тому же на их действиях, вероятно, сказалась та срочность, с которой кабинет потребовал привести решение в исполнение, - в день его принятия. Адвокат считает, что настоящая причина не в этом, цитируя высказывания омбудсмена в СМИ, в том смысле, что предыдущее решение прокуратуры не возбуждать уголовное дело было важным фактором при принятии им своего решения. Какой бы ни

---

³ Комитет против пыток, сообщение № 233/2003, Мнения, принятые 20 мая 2005 года.

⁴ Доклад № 2169-2004.

была эта причина, сделав выбор отказаться от проведения уголовного расследования, омбудсмен смог получить показания сотрудников полиции, которые обязаны были дать их в рамках проверки по выявленным фактам, при том что они были вправе отказаться от дачи показаний на основании права не давать показаний против себя по уголовному делу.

3.26 В своих выводах омбудсмен подверг критике то, что полиция безопасности не смогла удержать контроль над ситуацией в аэропорту Бромма, дав иностранным агентам возможность по своему усмотрению исполнить свои полномочия на шведской территории. Такое самоустранение шведской полиции было незаконным. Высылка была осуществлена бесчеловечным, неприемлемым образом. Обращение с задержанным в некоторых отношениях было незаконным, а в целом его можно охарактеризовать как унижающее достоинство. Вопрос в том, была ли также нарушена статья 3 Европейской конвенции. В любом случае полиция безопасности должна была вмешаться и предотвратить бесчеловечное обращение. По мнению омбудсмана то, как вела себя полиция безопасности, можно назвать абсолютно пассивным поведением - от принятия предложения воспользоваться американским самолетом до завершения высылки. Как пример он отметил, что полиция безопасности не запросила информацию о том, что будет включать усиленная проверка, которую требовали провести американцы. Омбудсмен также критиковал ненадлежащую организацию, выяснив, что руководство операцией в аэропорту Бромма не было поручено ни одному из присутствовавших там сотрудников. Находящиеся в аэропорту сотрудники полиции безопасности имели относительно низкие ранги. Они вели себя с необъяснимым пиететом по отношению к американским должностным лицам. Что касается иностранных агентов, омбудсмен решил, что у него нет юрисдикции для возбуждения уголовного дела.

3.27 4 апреля 2005 года, получив жалобу Хельсинского комитета по правам человека (Шведское отделение), Генеральный прокурор Швеции принял решение не продлять срок предварительного расследования. В силу, в частности, наличия у парламентского омбудсмана полномочий возбуждать дела, в силу обязательности для судов, административных органов и государственных/муниципальных должностных лиц предоставлять омбудсмену любую запрашиваемую информацию, а также полномочий Генерального прокурора, в частности, пересматривать решения нижестоящего прокурора, был сделан вывод о невозможности пересмотра решения парламентского омбудсмана воздержаться от осуществления своего права на преследование в уголовном порядке. Можно было бы также серьезно усомниться в праве Генерального прокурора вновь решать вопрос о возбуждении или возобновлении предварительного уголовного расследования, если этот вопрос уже решен парламентским омбудсменом. Имела место именно такая ситуация, тем более что каких-либо новых обстоятельств здесь не возникло. Генеральный прокурор далее указал, что в любом случае ряд лиц, которым пришлось бы дать показания на возобновленном предварительном уголовном расследовании, уже были опрошены парламентским омбудсменом и сообщили сведения под присягой согласно положениям шведского законодательства, касающегося подобного разбирательства. Следовательно, возможность проведения предварительного расследования на основании Процессуального кодекса отпала.

3.28 21 сентября 2005 года Постоянный парламентский комитет по Конституции представил доклад о расследовании, начатом в мае 2004 года по просьбе пяти членов парламента о рассмотрении Комитетом действий правительства в этом деле, приведшим, в частности, к высылке г-на Альзери в Египет. Что касается предоставленных гарантий, то, по мнению Комитета, более подробный план механизма контроля не был согласован с египетскими властями и, по-видимому, до принятия решения о высылке такого механизма вообще не существовало. Этот недостаток отразился и в практическом контроле за соблюдением гарантий, который не соответствовал рекомендациям, представленным позже Специальным докладчиком Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках, а также практике, установленной Красным Крестом. Большой ошибкой, естественно, было то, что первое посещение заключенных не состоялось раньше. Однако, по мнению Комитета, недостатки практического контроля являлись главным образом следствием отсутствия заблаговременного планирования. Предпосылки эффективного контроля существовали бы, если бы надлежащий контроль был спланирован и согласован с египетскими властями до высылки

заключенных. Трудности контроля вполне можно было бы предвидеть до принятия решения положиться на гарантии и, следовательно, до высылки этих людей в свою страну. Комитет отметил, что, как подчеркнуло правительство, принимая свое решение положиться на гарантии, оно было уверено в желании Египта показать себя серьезным членом международного сообщества, выполняющим обязательства, взятые им, в том числе на основании резолюции 1373 Совета Безопасности, принятой за несколько недель до высылки. Комитет далее отметил, что у него не было возможности определить, подвергались ли высланные пыткам или другим видам обращения, несовместимого с соответствующими конвенциями. Однако многое свидетельствовало о том, что такое обращение имело место. Он пришел к выводу, что в любом случае гарантии не следовало принимать.

3.29 Что касается немедленного приведения в исполнение приказа о высылке, то Комитет отметил, что, несмотря на то что такая процедура была предусмотрена законом, возникает вопрос, не повлияли ли на процесс принятия решения опасения относительно того, что задержанные обратятся за принятием временных мер в международный орган до приведения решения о высылке в исполнение. На самом деле такие опасения абсолютно неуместны. Комитет отметил, что решения были доведены до сведения высылаемых через правоохранительные органы, а адвокатов уведомили заказными письмами. Такую процедуру можно было бы считать приемлемой, если бы решения были представлены адвокату более оперативно.

3.30 В связи с событиями в аэропорту Бромма компетенция Комитета не распространялась на расследование действий полиции безопасности; Комитет главным образом сосредоточился на вопросе о том, оказала ли г-жа Анна Линд, (тогдашний) министр иностранных дел, неправомерное влияние на полицию безопасности во время высылки, указав на предпочтительность определенного направления действий. Комитет отметил, что во время рассмотрения этого вопроса в Министерстве иностранных дел 17 декабря 2001 года министр иностранных дел была информирована об альтернативном решении, связанном с использованием для высылки американского самолета, а служба безопасности при решении вопроса о выборе способа перевозки также учла позицию, которую, по ее мнению, министр иностранных дел занимала в этом вопросе. Было невозможно внести полную ясность в вопрос о том, располагала ли министр иностранных дел упомянутой информацией во время рассмотрения этого вопроса в Министерстве, а также имелась ли данная информация в это время в распоряжении других подразделений канцелярии правительства. Полиция безопасности вела журнал своих совещаний с министерствами, а в канцелярии правительства никакой соответствующей информации на этот счет не оказалось.

3.31 По мнению Комитета, неудовлетворительным является то, что процедуры подготовки правительственных материалов оставляют возможность существенных неясностей в отношении того, что реально имело место. Поскольку произошло именно это, провести последующую проверку было гораздо труднее. Вместе с тем бесспорным является тот факт, что возможность оказания иностранной помощи, даже просто в форме так называемых интервалов полетного времени, упоминалась во время доклада министру иностранных дел, которая подняла вопрос о независимости административных органов. Согласно шведским законам никакой орган власти (в том числе парламент) не может указывать какому-либо административному органу, какое решение принимать в каком-либо конкретном случае по вопросам, связанным с осуществлением прерогатив государственной власти в отношении какого-либо лица. В то же время шведские законы требуют, чтобы глава Министерства иностранных дел был информирован другим государственным органом в случаях возникновения вопросов, имеющих важное значение для отношений с другим государством или какой-либо межправительственной организацией.

3.32 В связи с решением правительства о немедленном осуществлении высылки Комитет отметил, что следует задаться вопросом о том, нарушила ли министр иностранных дел принцип независимости административных органов, когда во время рассмотрения вопроса до заседания кабинета правительства она высказалась за предпочтительность исполнения этого решения в день его принятия. По мнению Комитета, речь идет главным образом о том, что слышала и что говорила

министр иностранных дел, что она имела в виду и как это следовало понимать. Поскольку, ввиду ее смерти, ее мнение уже нельзя услышать, Комитет не имеет возможности прояснить этот вопрос. Он подчеркнул, что ответственность за то, как выполнялось это решение, несет полиция безопасности.

3.33 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то, как отмечает автор сообщения, законом не предусмотрена возможность подачи апелляции или пересмотра решения о высылке от 18 декабря 2001 года. Что же касается жалобы, с которой он обратился в Европейский суд, то, как утверждает автор, не без учета общей важности этого дела, процедурные задержки его адвоката и решение о неприемлемости, принятое Европейским судом, не должны служить основанием для того, чтобы Комитет по правам человека отклонил это дело, потому что тогда его не сможет рассмотреть ни один международный орган по правам человека. В любом случае утверждается, что существовали веские причины, оправдывающие задержку с представлением этой жалобы. По возвращении в Египет автор сразу же был арестован, допрошен и подвергся пыткам сначала Главным разведывательным управлением Египта, а потом службами государственной безопасности. Когда жалоба в первый раз подавалась в Европейский суд в 2002 году, адвокат не только считал, что ему была необходима письменная доверенность на ведение дела, учитывая формулировку в бланке заявления, но и хотел быть уверенным в том, что автор одобрил такой образ действий. При этом следовало принять во внимание серьезные проблемы обеспечения безопасности, поскольку подача жалобы в международные органы на Египет могла подвергнуть г-на Альзери новой угрозе жестокого обращения и пыток. У адвоката не было доступа к автору, и он не хотел ставить семью последнего, занимавшую скромное положение, в уязвимую и потенциально опасную ситуацию. После встречи с автором, последовавшей за его освобождением, адвокат пытался добиться разрешения на возвращение автора в Швецию, учитывая, что против него не было выдвинуто никаких обвинений и поскольку у него осталось мало шансов на нормальную жизнь в Египте. Безуспешные переговоры на этот предмет затянули сроки подачи жалобы в Европейский суд.

Жалоба

4.1 Автор утверждает, что является жертвой нарушений статей 2, 7, 13 и 14 Пакта и статьи 1 Факультативного протокола.

4.2 Основная жалоба автора в соответствии со статьей 7 Пакта является двойкой. Во-первых, он считает свою высылку нарушением статьи 7 в связи с тем, что Швеция была или должна была быть осведомлена о том, что он подвергается реальному риску пыток в этих условиях, независимо от предоставленных гарантий. Во-вторых, автор утверждает, что обращение, которому он подвергся на территории под шведской юрисдикцией, явилось нарушением этой статьи и что неэффективность последующих расследований расходится с процедурными обязательствами, предусмотренными этой статьей.

Нарушение запрета на принудительное возвращение (статья 7 Пакта)

4.3 Автор утверждает, что в сложившихся обстоятельствах этого дела Швеция нарушила свое обязательство по статье 7 не подвергать какое-либо лицо реальной опасности применения к нему пыток третьей стороной. Он отмечает, что существование подобной реальной опасности учитывается в момент высылки и не требует доказательств реальных пыток, имевших место потом, хотя информация о последующих событиях связана с оценкой первоначального риска. Автор заявляет, что в его случае данные о последующем обращении с ним убедительно свидетельствуют о наличии с самого начала реальной опасности пыток. Он утверждает, что полученные гарантии в сочетании с механизмами контроля, не способными защитить его от жестокого обращения и даже выявить таковое, явились недостаточной защитой от риска причинения вреда. Автор настаивает на том, что запрещение выдворения носит абсолютный характер и не может ставиться на весы против соображений национальной безопасности или тех или иных действий, в которых подозревается данное лицо. В подтверждение этих выводов автор ссылается на решение Европейского суда по

правам человека в деле *Чахал против Соединенного Королевства*⁵ и решение Комитета Организации Объединенных Наций против пыток по делу *Агиза против Швеции*⁶.

4.4 Что касается реальной или презюмируемой осведомленности Швеции в момент высылки, то, как утверждает автор, Швеции было прекрасно известно о положении в области прав человека в Египте. В своих ежегодных докладах по этому вопросу шведское правительство выражает обеспокоенность по поводу пыток лиц, подозреваемых в терроризме, в частности службами безопасности. Оно также критикует использование военных трибуналов для суда над гражданскими лицами. Из других достоверных источников известно, что полиция и служба безопасности применяют пытки в отношении лиц, содержащихся под стражей, при практически полной безнаказанности и что лицам, подозреваемым в терроризме, грозит особенно высокая степень риска подвергнуться пыткам или жестокому или бесчеловечному обращению и наказанию. Автор ссылается на заключительные замечания Комитета по правам человека и Комитета против пыток о состоянии дел в этой области в Египте, охватывающие продолжительный период времени⁷, а также на критические доклады, подготовленные национальными организациями по правам человека, и международные источники. Правительство Швеции также знало, что президент Египта с 1981 года объявил и постоянно продлевал чрезвычайное положение и что многие законы, защищающие права человека, игнорировались, в частности было разрешено судить гражданских лиц военными трибуналами. Правительству было также известно, что Египет не признал юрисдикцию по рассмотрению индивидуальных жалоб ни одного договорного органа, и не направлял приглашения ни одному международному органу, включая Специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания.

4.5 В своем январском докладе 2001 года Комиссии по правам человека⁸ Специальный докладчик сообщил о 32 случаях смерти в период 1997-1999 годов, судя по всему, в результате пыток. Признания, полученные под пытками, широко использовались в качестве доказательства в ходе политических процессов и служили основанием для вынесения приговоров. У жертв пыток не было никаких действенных средств правовой защиты и оставались лишь слабые возможности для возмещения ущерба: многие из них обращались с жалобой в гражданские суды и получили по их решению финансовую компенсацию, что можно считать своего рода признанием со стороны властей того факта, что пытки имели место. Но очень немногим жертвам удалось убедить власти привлечь их мучителей к уголовной ответственности: среди ничтожного числа подобных случаев, дошедших до суда за последние годы, почти все закончились оправдательными приговорами или вынесением смехотворных наказаний. Наконец, по сообщению Специального докладчика, в то время, как число сообщений о пытках политических заключенных в последнее время уменьшилось, пытки обычных уголовных преступников в отделениях полиции по-прежнему широко распространены.

4.6 Автор утверждает, что Швеция была осведомлена не только об общей угрозе пыток, жестокого обращения и несправедливого суда в его стране, но и о риске, которому автор лично подвергался в данном конкретном случае. Из материалов дела ясно видно, что шведское правительство знало, что оно нарушит свое обязательство о *невыворенни*, если сразу же вышлет автора - именно поэтому оно решило вступить в переговоры с представителями египетского правительства и, после получения заверений Египта на этот счет, решило отклонить ходатайство автора о предоставлении ему убежища и немедленно выполнить предписание о высылке. По словам автора, полученные гарантии не были достаточно эффективными даже для того, чтобы теоретически защитить его от пыток или жестокого

---

⁵ Application No. 70/1995/576/662, Grand Chamber judgment of 15 November 1996.

⁶ Op.cit.

⁷ CCPR/CO/76/EGY (2002), A/54/44 (1999) et CAT/C/CR/29/4 (2002).

⁸ E/CN.4/2001/66.

обращения. Помимо того, что правительству Швеции было известно о положении в области прав человека в Египте, автор был выслан под тем предлогом, что он представлял собой угрозу безопасности и обвинялся в причастности к террористическим актам в Египте, что явно грозило ему пытками и содержанием под стражей в строгой изоляции. Он утверждает, что Швеции было также известно о том, что Египет отверг попытки других государств получить аналогичные гарантии и создать эффективные механизмы дальнейшего контроля в случаях высылки в соответствии с принципами, подтвержденными решением по делу Чахала⁹.

4.7 Помимо всего прочего, решение о высылке автора было принято не только после переговоров с властями Египта о содержании заверений, но и после ознакомления с мнением посольств Великобритании, Соединенных Штатов и Германии в Каире. Швеция также не пыталась предложить какие-либо поправки к проекту гарантий, предложенному египетской стороной после встречи в декабре. Швеции должно было быть также известно о том, что ряд других лиц египетского происхождения были высланы в Египет и там задержаны. Например, в октябре 2001 года два жителя Боснии с двойным боснийско-египетским гражданством были лишены своего гражданства и депортированы из Боснии в Египет, где были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и, по сообщениям, подвергались пыткам. Автор утверждает, что поэтому неясно, какое реальное значение правительство Швеции на самом деле придавало полученным гарантиям, поскольку эти гарантии не обеспечили ему никакого особого обращения, чем-то лучшего по сравнению с другими подозреваемыми террористами. Более того, с ним обращались как с любым другим подозреваемым, представляющим угрозу национальной безопасности. И таким образом, все действующие законы, в том числе законы о государственной безопасности, были полностью применимы к случаю г-на Альзери.

4.8 Автор утверждает, что данные гарантии имели пороки по целому ряду конкретных аспектов. Они не обеспечили назначения ему адвоката сразу же по возвращении в страну, присутствия адвоката во время допросов, достаточно частых и проводимых по мере необходимости встреч наедине и без посторонних или проведения независимого медицинского освидетельствования. Наоборот, по возвращении в Египет он был передан Главному разведывательному управлению Египта и пять недель ждал первого посещения. Разрешение на его посещение послом Швеции было дано начальником тюрьмы только после того, как было заранее оговорено, когда состоятся эти визиты. В период летних отпусков и Рождества посещения были менее частыми, интервалы между ними иногда достигали двух месяцев. Ни одно из его посещений в тюрьме не проходило с глазу на глаз. Наоборот, автора приводили в кабинет начальника, где присутствовало еще с десятка должностных лиц. Во многих случаях этим лицам предлагалось участвовать в беседе, а в других случаях они сами выступали с комментариями. Посольство не настаивало на том, чтобы автора осмотрел врач, тем более тот, у которого есть конкретный опыт обследования жертв пыток. Оно также не просило разрешения привезти в тюрьму своего врача для проведения какого-либо медицинского освидетельствования. Автора заставляли разговаривать с сотрудниками посольства через переводчика, хотя он почти свободно изъясняется по-шведски. Сотрудникам посольства также не разрешили посетить его в камере, в которой он содержался. Автор также утверждает, что из донесений посольства ясно, что у сотрудников посольства не было опыта и знаний о том, как ведут себя и разговаривают жертвы пыток, какие вопросы им следует задавать, и в целом о том, как воссоздать по возможности наиболее правдивую картину событий. Автор утверждает, что со стороны шведских властей было неосмотрительно просить египетские власти дать оценку достоверности его утверждений о жестоком обращении. Помимо посещений представителей посольства, автора всего один раз посетил адвокат - перед его первым допросом у прокурора.

4.9 После первого посещения посла, когда автор и второй заключенный пожаловались ему на обращение с ними, их, по словам автора, подвергли жестокому и бесчеловечному обращению, как только посол покинул тюрьму. После этого, до марта 2003 года, они больше не поднимали вопрос о жестоком обращении. Зимой 2002-2003 годов Министерство иностранных дел Швеции назначило

---

⁹ *Hani El Sayed Sabaei Youssef v Home Office* [2004] EWHC 1884 (Queens Bench, Field J.)

специального представителя, поручив ему следить за дальнейшим ходом этих дел. При посещении им автора и второго заключенного в марте 2003 года последний вновь пожаловался на жестокое обращение. Разговаривая потом отдельно с автором, последний каких-либо заявлений по поводу обращения с ним не делал, но, согласно донесению посольства, только когда ему пришлось отвечать на поставленные вопросы, он заявил, что уже сказал все, что хотел.

4.10 Таким образом, автор утверждает, что никакой реальной процедуры контроля во время его высылки предусмотрено не было, как и после этого не было создано никаких адекватных механизмов, которые могли бы защитить его от жестокого обращения. По мнению автора, на самом деле Швеция даже не пыталась эффективно следить за выполнением соглашения. Единственное, о чем договорились Швеция и Египет, было право представителей Швеции присутствовать на каком-либо новом судебном процессе, если таковой состоится. В соглашении ничего не говорится о праве на посещения автора в тюрьме или о регулярности таких посещений, ни о том, как должны проходить эти посещения или что должно произойти, какие механизмы должны быть задействованы в случае появления каких-либо признаков нарушения этого соглашения. По мнению автора, у государства-участника не было ни возможностей, ни желания должным образом следить за положением автора, несмотря на обеспокоенность, выражавшуюся различными национальными и международными источниками. Вместо того, чтобы содействовать исправлению положения, шведское правительство утверждало, что соглашение соблюдается и ничто не говорит о том, что Египет его нарушает.

4.11 Автор высказывает предположение, что причиной отсутствия механизма дальнейшего контроля явилось то, что, как полагала Швеция, ей достаточно будет просто полагаться на добросовестность египетского правительства, чтобы избежать критики за нарушение ею своих международных обязательств. На слушаниях в Комитете по Конституции Государственный секретарь Швеции прямо заявил, что Швеция после высылки не может вмешиваться в то, что она считает внутренним делом какого-либо государства, поскольку автор является египетским гражданином, содержащимся под стражей в Египте. Еще раньше посол пояснял, что причина, по которой он не просил разрешения о посещении заключенных в течение пяти недель после их высылки в Египет, состоит в том, что, поступи он так, это было бы воспринято как знак недоверия к тому, что Египет соблюдает соглашение. Автор утверждает, что, поскольку Швеция пошла на соглашение с Египтом, она не только чувствовала себя обязанной верить в то, что оно соблюдается, но и действовать таким образом, чтобы слабые стороны этого соглашения не вышли наружу. Это поведение отражает недостатки, присущие дипломатическим соглашениям о защите прав человека отдельных лиц. Дипломатия не может обеспечить эффективную защиту отдельного лица от незаконного жестокого обращения. И, как указывалось выше, поскольку оба государства рискуют быть обвиненными в нарушении абсолютного запрета пыток, у них нет никакого стимула предавать гласности утверждения или информацию о жестоком обращении. В мае 2004 года, когда Швеция безуспешно пыталась провести расследование, египетские власти с неудовольствием восприняли предложение о том, чтобы расследование жалоб о жестоком обращении было произведено каким-либо иностранным независимым представителем или органом. Выражая свое разочарование, шведские власти, тем не менее, не смогли предпринять никаких дальнейших действий. В этой связи автор отмечает, что упомянутые гарантии не имеют юридической силы в Египте и не могут быть обеспечены санкцией или использованы им в качестве правового документа.

4.12 Автор задается вопросом, добросовестно ли действовало шведское правительство, высылая его. Помимо немедленного исполнения приказа о высылке, что закрыло ему доступ к международным средствам правовой защиты, вскоре после теракта 11 сентября 2001 года, отмечает автор, шведское правительство, не колеблясь, позволило провести на шведской территории тайную операцию Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Шведская полиция безопасности была информирована о том, что будет произведен усиленный обыск высылаемых, но не поинтересовалась, что под этим понимается. Она также была информирована о том, что агенты ЦРУ будут действовать в масках и капюшонах и согласилась с этим. В аэропорту Бромма не оказалось ни одного шведского старшего должностного лица, а те, кому было поручено осуществить высылку, уступили полномочия и контроль проводившим операцию иностранным агентам. Автор разделяет мнение парламентского

омбудсмена о том, что предпосылкой такого обращения с ним на шведской земле является тогдашняя общая ситуация в мире. Он также подчеркивает, что операция, объектом которой он стал, была совместной операцией Египта и Соединенных Штатов с участием американских и египетских агентов в аэропорту Бромма и в самолете. Автор считает, что угроза жестокого обращения для него была тем самым уже вполне ясной и возникла она на шведской территории, и, соответственно, чрезвычайно важным было предпринять срочные эффективные последующие меры по его прибытии в Египет.

Обращение, которому автор подвергся в аэропорту Бромма (статья 7 Пакта)

4.13 Автор утверждает, что ответственность за обращение, которому он подвергся в аэропорту Бромма, как это описано в пункте 3.11 выше, ложится на Швецию в силу того, что она не сумела его предотвратить, хотя это было в ее силах, а затем нарушила его права, предусмотренные в статье 7 Пакта. Кроме того, неполное и неэффективное расследование, проведенное по факту обращения с ним, явилось процедурным нарушением той же статьи. По вопросу о том, является ли Швеция ответственной за обращение с ним, автор отмечает, что шведские власти допустили возможность такого обращения, не пытаясь предотвратить или остановить его.

Неудовлетворительное расследование утверждений о нарушении прав в виде пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (статья 7 Пакта)

4.14 В отношении расследования автор утверждает, что по факту обращения с ним не было произведено быстрого и независимого расследования и в итоге не было установлено никакой личной ответственности даже в форме выговора. Незаконные действия, совершенные иностранными агентами, не стали предметом никакого уголовного расследования, несмотря на жалобы в соответствующие инстанции. Что касается омбудсмена, то его мандат не распространяется на расследование или судебное преследование незаконных действий, совершенных иностранцами на шведской территории. Автор отмечает, что заявление о возбуждении уголовного дела, поданное в 2004 году, охватывало все возможные уголовные деяния, имевшие место в аэропорту Бромма, в том числе совершенные иностранными агентами и, в силу отданных распоряжений, шведским правительством. Однако прокурор распорядился срочно прекратить расследование. Предыдущее расследование, проведенное Министерством юстиции в апреле 2002 года, также пришло к выводу, что ничего криминального в аэропорту Бромма не происходило. Несмотря на расследование, проведенное омбудсменом в марте 2005 года, и представленные им факты, прокуратура настояла на своей прежней правовой оценке и отказалась возобновить расследование, заявляя, что она не может отменить решение омбудсмена не возбуждать дело против кого-либо из сотрудников шведских правоохранительных органов. Однако основной причиной того, почему омбудсмен решил не привлекать кого-либо к судебной ответственности, являлось предыдущее решение прокурора не возбуждать уголовного дела. Он провел свое расследование как проверку по фактам, а не уголовное расследование, и поэтому ему не было необходимости предупреждать дававших показания полицейских о том, что все сказанное ими может быть использовано против них в суде. Позднее, как заявил омбудсмен, он счел, что полиция безопасности извлекла из этого урок, поэтому проведенную им проверку в целях установления фактов он не стал превращать в уголовное разбирательство.

4.15 Автор отмечает, что в ходе расследования, проведенного омбудсменом, не рассматривался вопрос об ответственности старших должностных лиц за отданные распоряжения. Омбудсмен также не заслушивал никаких иностранных агентов, так как это не входит в его мандат. По мнению автора, критические замечания омбудсмена по поводу незаконности действий - а именно в отношении иностранных агентов, действовавших на шведской территории без соответствующего разрешения, а также обращения с ним, равносильного с точки зрения международного права по меньшей мере обращению, унижающему достоинство, - должны были быть достаточны для того, чтобы Генеральный прокурор распорядился возобновить уголовное расследование.

4.16 Автор утверждает, что его высылка явилась также нарушением статьи 14 Пакта в связи с тем, что с учетом обстоятельств данного дела он подвергся риску несправедливого суда. Автор напоминает, что он покинул Египет в 1991 году в связи с преследованием лиц, связанных с организациями, входящими в исламистскую оппозицию, и жестоким обращением, которому он уже подвергался. Он опасался попасть в тюрьму из-за действовавших тогда чрезвычайных законов и быть допрошенным с применением пыток как многие другие лица, оказавшиеся в подобной ситуации. Автор утверждает, что шведское правительство стремилось исключить его из сферы защиты беженцев на основании его мнимых связей с исламистскими группами в Египте, хотя оно не смогло доказать наличия у него таких связей.

4.17 Автор настаивает на том, что во время его высылки шведское правительство не было осведомлено о его правовом положении в Египте, полагая, по неизвестным автору причинам, что он был осужден и приговорен к семи годам тюрьмы. Только в марте 2003 года посольство сообщило правительству, что, по его мнению, оно получило правильную информацию о положении автора, а именно о том, что начиная с 1993 года он подозревался вместе с другими 250 лицами в принадлежности к запрещенной организации, занимающейся террористической деятельностью. Автор напоминает, что сам он не был информирован об этом до конца 2002 года и никогда не преследовался в судебном порядке или не был судим за какую-либо деятельность уголовного характера или угрожающую безопасности.

4.18 Автор заявляет, что, несмотря на эти факты, шведское правительство как публично, так и на закрытых слушаниях постоянно утверждало, что автор действительно связан с террористами и несет ответственность за серьезные преступления, что поднимает также вопрос о презумпции невиновности. Парламентскому Комитету по Конституции сообщалось, что автор занимает руководящее положение в одной террористической организации в Египте и был причастен к серьезным преступлениям. Он считает, что попал в волну всеобщей антитеррористической истерии, отмечая, что никогда не видел полного заключения полиции безопасности по его делу. Автор утверждает, что его освобождение без предъявления обвинений, несмотря на допросы и пытки по его возвращении в Египет, подтверждает, что он не принадлежал к террористической организации.

4.19 Автор отмечает, что в своих переговорах с Египтом шведское правительство никогда не требовало, чтобы автора судил какой-либо гражданский суд, а просило лишь о том, чтобы суд над ним был справедливым. Он считает это результатом опыта предыдущих случаев, когда Египет сопротивлялся попыткам других государств добиться представления гарантий судебного разбирательства в гражданском суде¹⁰. Механика того, как может быть обеспечено справедливое судебное разбирательство, не обсуждалась - Швеция просто просила разрешения присутствовать на новом судебном процессе. Автор отмечает, что лицо, высланное одновременно с ним, и по поводу которого были даны такие же гарантии, впоследствии было судимо военным трибуналом в условиях явного отсутствия всякой справедливости, и Швеции не было разрешено наблюдать за этим процессом. Ни один шведский представитель также не присутствовал и на слушаниях у прокурора в связи с делом автора. По мнению автора, Швеции было прекрасно известно, что никаких других правовых перспектив рассмотрения его дела, иначе как в военном трибунале или в чрезвычайном суде, у него не было, что представляло собой реальную угрозу несправедливого судебного разбирательства. Подобные судебные процессы, обычно проводимые начиная с 1992 года в случаях, связанных с террористической деятельностью, зачастую проводятся коллективно и, как правило, не соответствуют международным стандартам, касающимся справедливого судебного разбирательства, даже в случаях, когда выносятся смертный приговор. Доказательства, в том числе признания, добываются под принуждением, с применением угроз и пыток, когда лица содержатся под стражей в соответствии с чрезвычайными законами без суда и освобождаются только после соответствующих

---

¹⁰ См., например, дело *Биласи-Аири против Австрии*, Европейский суд по правам человека, 26 ноября 2002 года.

признаний или сообщения требуемой информации, зачастую имен других лиц, которые в свою очередь арестовываются и допрашиваются. Автор утверждает, что заявление, сделанное в 2005 году шведским министром иностранных дел о том, чтобы лицу, высланному вместе с г-ном Альзери, была предоставлена возможность быть судимым в гражданском суде, поскольку военное судопроизводство не является справедливым, показывает, что Швеция поначалу считала, что военные трибуналы в Египте могут быть справедливыми и что автор мог бы быть судим таким судом.

4.20 Автор осознает, что правовая практика Комитета до сегодняшнего дня не распространялась на защиту от выдворения в связи с несправедливым судебным разбирательством, но призывает Комитет последовать примеру Европейского суда по правам человека, который это сделал¹¹. Он подчеркивает, что существует тесная связь между правом на справедливое судебное разбирательство и правом не подвергаться пыткам в виде продолжительного содержания под стражей, зачастую в строгой изоляции, до суда, что заведомо сопряжено с высоким риском применения пыток. Это особенно верно, когда, как в его случае, доказательства, получаемые под пыткой, как правило, используются в последующем судебном разбирательстве. Он напоминает, что, хотя представители Швеции его и посещали во время содержания под стражей, это не устранило риск и не оградило его от реальных пыток, которым он подвергся в течение первых двух месяцев.

4.21 С учетом изложенного выше, автор утверждает, что Швеция, выслав его на основании беспочвенных утверждений о его террористической деятельности, не пошла ему навстречу и не сумела обеспечить того, чтобы ему действительно была представлена возможность справедливого, невоенного судебного разбирательства, нарушив тем самым его права в соответствии со статьей 14 Пакта. В заключение он отмечает, что его дело вполне могло бы быть рассмотрено как выдача, которую можно было бы обжаловать в шведских судах. Он также заявляет, что, учитывая серьезность инкриминируемых ему преступлений, Швеция могла бы также возбудить против него судебное преследование в рамках своей собственной и универсальной юрисдикции, касающейся подобных преступлений.

Неадекватная процедура высылки иностранца и недостаточное, неэффективное средство правовой защиты (статьи 2 и 13 Пакта)

4.22 Автор утверждает, что процедура, последовавшая за его высылкой, явилась нарушением статьей 13 и 2 Пакта. Он отмечает, что в соответствии с тогдашним законом об иностранцах какой-либо вопрос предоставления убежища мог быть передан на рассмотрение правительству, если было признано, что он затрагивает аспекты общественной и национальной безопасности, или если этот вопрос имеет важное значение для отношений данной страны с каким-либо иностранным государством или межправительственной организацией. Эта оговорка предоставляет правительству полную свободу по своему усмотрению соотносить соображения национальной безопасности и право индивида на защиту. Вопросы национальной безопасности не рассматриваются ни в одном обычном суде или независимом органе до того, как будет принято решение правительства. Правительство является первой и последней инстанцией - его решение не подлежит обжалованию. Поскольку вопросы, рассматриваемые в рамках этой процедуры, получают гриф секретности, информация, на основе которой принималось решение (заключение полиции безопасности), как правило, не сообщается просителю убежища, адвокату и общественности. Если какая-то отобранная информация все же сообщается просителю убежища и его адвокату на строгих условиях неразглашения, то основания для вынесения оценки зачастую излагаются лишь в общих чертах и не раскрываются настолько, чтобы их могло осмыслить или оспорить данное лицо. В случае автора единственной частью заключения полиции безопасности, которая была раскрыта на условиях неразглашения,

---

¹¹ См. дело *Колоцца против Италии*, решение суда от 12 февраля 1985 года, серии А № 89, стр. 16, § 32; *Зёринг против Соединенного Королевства*, дело № 1/1989/161/217, решение суда от 7 июля 1989 года; и *Маматкулов и др. против Турции*, дела № 46827/99 и 46951/99, Большая палата, решение от 4 февраля 2005 года.

явилась информация, изложенная им самим во время допроса, проводимого полицией безопасности. Как правило, заинтересованное лицо также не имеет никакого права передавать свое дело на рассмотрение министров или тех должностных лиц правительства, которые принимают решение, что еще больше сокращает его возможности изложить какие-либо доводы против высылки. Автор специально просил о закрытой встрече для того, чтобы изложить свое дело представителям правительства, но его просьба не была удовлетворена.

4.23 Сославшись на предыдущие критические замечания Комитета в связи с подобным отказом заслушать другую сторону, высказанные при рассмотрении четвертого периодического доклада государства-участника¹², автор утверждает, что эта процедура не отвечает требованиям статьи 13 Пакта. Признавая, что статья 13 позволяет государствам-участникам высылать какого-либо просителя убежища, не дав ему возможности изложить доводы против высылки или возможности добиться пересмотра своего дела, если существуют "императивные соображения государственной безопасности", автор тем не менее утверждает, что подобное исключение следует толковать узко для того, чтобы соблюсти цели и дух Пакта. Оно должно также восприниматься в сочетании с утвержденными принципами, касающимися процедурного права отдельного просителя убежища, вытекающего из Конвенции 1951 года о статусе беженцев и протоколов к ней. В своем Руководстве по процедурам и критериям определения статуса беженцев и в недавно разработанных руководящих принципах, касающихся правил высылки, содержащихся в Конвенции, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) устанавливает минимальные процедурные гарантии, на которые должен иметь право проситель убежища, даже если он подозревается в самых серьезных преступлениях. Эти руководящие принципы предусматривают, что, учитывая тяжелые последствия отказа от предоставления убежища для конкретного лица и исключительный характер этой меры, важно, чтобы в процедуру определения статуса беженца были включены строгие процессуальные гарантии на этот счет. Следует напомнить о процессуальных гарантиях, считающихся необходимыми при определении статуса беженца в целом, которые включают рассмотрение каждого отдельного случая; предоставление заявителю возможности изучить и прокомментировать доказательства, на основании которых ему может быть отказано в предоставлении убежища; предоставление юридической помощи; наличие, в случае необходимости, компетентного переводчика, изложение оснований для отказа в письменном виде; предоставление права на обжалование решения об отказе в независимом судебном органе; а также воздержание от высылки соответствующего лица до тех пор, пока не будут исчерпаны все правовые средства защиты в отношении решения об отказе предоставить ему убежище.

4.24 Автор утверждает, что в его случае эти нормы не были соблюдены и что информация, на которой правительство основывало свое заключение о безопасности, возможно, была ложной. Кроме того, принадлежность к преступной организации - что автор отрицает - сама по себе не является достаточным основанием для того, чтобы возложить ответственность за действия этой организации, без более полного уточнения, на какое-либо лицо, лишив его защиты, полагающейся беженцу. Автор отмечает, что до его ареста и высылки 18 декабря 2001 года, он никогда не арестовывался, не подвергался особой проверке службами безопасности или каким-либо иным образом рассматривался как реальная угроза безопасности: он легально находился в Швеции, имел разрешение на работу и мог бы в принципе вести свободный и нормальный образ жизни в этой стране. Совет по миграции передал его ходатайство о предоставлении убежища правительству после того, как полиция безопасности дала свое заключение о том, что он считается лицом, представляющим угрозу безопасности. Однако основная часть информации о том, что он якобы представляет собой опасность, осталась закрытой для него и его адвоката. Не имея доступа к полному тексту заключения полиции безопасности, автор предполагает, что единственной причиной его высылки явилось то, что он значился в списке "разыскиваемых" лиц в Египте и, вероятно, в Соединенных Штатах Америки. Поскольку характер обвинений в его адрес никогда не был раскрыт и неизвестно, какую информацию шведская полиция безопасности сочла достоверной, автору было трудно опровергнуть предъявленные ему обвинения, в том числе высказать беспокойство по поводу того, что информация

---

¹² Документ ООН CCPR/C/79/Add.58 (1995), пункт 16.

может оказаться недостоверной, например потому, что была получена под пытками. Подчеркнув, что даже после продолжительного содержания под стражей в Египте ему так и не были предъявлены обвинения, автор полагает, что шведское правительство слишком охотно доверилось информации, полученной от своих служб безопасности, которые в свою очередь положились на сообщение иностранной разведки, не проявив должной осмотрительности при их использовании. В момент высылки и по сей день автор остается в неведении относительно того, почему его сочли представляющим угрозу безопасности Швеции.

4.25 Автор характеризует как "одностороннюю" общую компетенцию правительства в вопросах национальной безопасности в связи с каким-либо заявлением о предоставлении убежища, даже если над лицом висит угроза пыток или другого жестокого или бесчеловечного наказания, смертной казни или иных преследований. В описании истории нынешнего закона об иностранцах, а также в докладе правительственной комиссии, представленном в 1999 году с предложением внести изменения в законодательство и правила процедуры предоставления убежища авторы предупреждали: "Если... какое-либо лицо может выдвинуть достаточно достоверное утверждение о каком-либо нарушении прав по Пакту и если правительство в этом случае принимает решение в качестве первой и единственной инстанции, данное лицо лишается права на эффективное средство правовой защиты, предусмотренное в статье 13 (Европейской конвенции)"¹³.

4.26 Призвав Комитет проявить аналогичный подход, автор ссылается далее на рекомендацию 98(13) Комитета министров Совета Европы, в которой статья 13 (Право на эффективное средство правовой защиты) рассматривается в увязке со статьей 3 (запрещение пыток) следующим образом:

"1. Эффективное средство правовой защиты в каком-либо национальном органе должно предоставляться любому просителю убежища, ходатайство которого о предоставлении статуса беженца было отклонено и который подлежит высылке в страну, в отношении которой данное лицо выдвигает достаточно достоверное утверждение о том, что он или она могут подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

2. При применении пункта 1 данной рекомендации, средство правовой защиты в каком-либо национальном органе считается эффективным, когда:

2.1 этот орган является судебным или, если он является квазисудебным или административным органом, имеет ясные полномочия и состоит из беспристрастных членов, пользующихся гарантиями независимости;

2.2 этот орган обладает компетенцией принимать решения о наличии условий, предусмотренных статьей 3 Конвенции, принимать соответствующие меры защиты;

2.3 это средство правовой защиты доступно искателю убежища, получившему отказ; а также

2.4 исполнение распоряжения о высылке приостанавливается до принятия решения в соответствии с пунктом 2.2".

4.27 Автор обращает внимание Комитета на подход, принятый в этом вопросе Комитетом против пыток в сопутствующем деле *Агиза против Швеции*, где Комитет заявил (пункт 13.8):

---

¹³ SOU 1999:16 Ökad rättssäkerhet i asylärenden ("Защита индивидуальных прав в вопросах предоставления убежища"). Заключительный доклад Комиссии по вопросам нового законодательства и правил процедуры по делам иностранцев (NIPU), стр. 330-331.

"Комитет отмечает, что при нормальном ходе событий государство-участник предусматривает возможность - через Совет по миграции и Апелляционный совет по делам иностранцев - для пересмотра решения о высылке, выполняя требования статьи 3 в отношении эффективного, независимого и беспристрастного пересмотра решения о высылке. Однако в настоящем деле, исходя из интересов государственной безопасности, эти судебные органы передали рассматриваемое дело правительству, которое приняло первое и сразу же окончательное решение о высылке заявителя. Комитет подчеркивает, что не существовало никакой возможности для какого бы то ни было пересмотра этого решения. Комитет напоминает о том, что предоставляемые Конвенцией виды защиты являются абсолютными даже в контексте интересов национальной безопасности и что такие соображения указывают на важное значение надлежащих механизмов пересмотра. Хотя интересы национальной безопасности могут требовать внесения корректировок в конкретную процедуру пересмотра, выбранный механизм должен по-прежнему удовлетворять требованиям статьи 3 в отношении эффективного, независимого и беспристрастного пересмотра. Таким образом, в рассматриваемом случае, руководствуясь имеющейся в его распоряжении информацией, Комитет приходит к выводу о том, что отсутствие каких-либо возможностей для судебного или независимого административного пересмотра решения правительства о высылке заявителя не соответствуют процедурному обязательству в отношении обеспечения эффективного, независимого и беспристрастного пересмотра, установленного в статье 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания]".

4.28 Автор утверждает, что, помимо несоответствия требованиям статьи 13, компетенция правительства Швеции в качестве первой и последней инстанции для принятия решения по данному делу, в том числе когда речь идет о пытках, является нарушением статьи 2 Пакта, как это толкуется в Замечаниях общего порядка 20 и 31, требующих предоставления эффективного средства правовой защиты. Исключение возможности пересмотра расходится с требованием о доступном, эффективном и обеспеченном правовой санкцией средстве правовой защиты в случае нарушения какого-либо права, закрепленного в Пакте.

Нарушение права на эффективную индивидуальную жалобу (первый Факультативный протокол, статья 1)

4.29 Автор утверждает, что исполнение решения правительства в считанные часы и без уведомления автора или его адвоката лишило его возможности реального осуществления права на подачу жалобы, в том числе поиска временных мер защиты, гарантированных статьей 1 Факультативного протокола. Вследствие этого ему был нанесен непоправимый ущерб. Автор отмечает, что 14 декабря 2001 года его (тогдашний) шведский адвокат известил правительство о его намерении в случае неблагоприятного решения искать международные средства правовой защиты. Он утверждает, что целью столь поспешной его высылки было избежать подобного развития событий. И добавляет, что в дни, предшествовавшие высылке, адвокат не получал полных отчетов полиции безопасности, ему не были сообщены подробности переговоров с Египтом, ни планировавшиеся сроки принятия решения правительства; наоборот должностные лица специально отказывались дать согласие на просьбы адвоката предоставить ему соответствующие записи. Когда 18 декабря 2001 года телефонный разговор адвоката с автором был прерван, адвокат связался с Министерством иностранных дел и ему было сообщено, что никакого решения принято не было. Извещение заказным письмом о решении было получено адвокатом уже после высылки автора.

4.30 Со своей стороны, полиция безопасности также планировала выполнить распоряжение о высылке автора как можно быстрее. Хотя полиция безопасности информировала Министерство иностранных дел о том, что у нее в распоряжении имеется самолет, готовый доставить автора в Египет 19 декабря 2001 года, это решение было отклонено правительством как недостаточно быстрое. Тогда полиция безопасности представила правительству другое предложение, полученное от Соединенных Штатов, а именно о том, что у Центрального разведывательного управления есть самолет, получивший разрешение на посадку в Каире 18 декабря, который могла бы использовать

Швеция. По утверждению автора, тем самым становится ясно, что полиция безопасности, во-первых, знала о том, что решение о его высылке должно быть принято в этот день, а, во-вторых, была готова действовать быстро, как только оно будет принято. Рассматривая эти факты в совокупности и учитывая решение по делу *Агиза против Швеции*, когда аналогичные события были признаны нарушением права на подачу эффективной жалобы в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания ("Конвенции против пыток"), автор утверждает, что все это одновременно свидетельствует о нарушении статьи 1 Факультативного протокола.

Представление государства-участника относительно приемлемости

5.1 Вербальной нотой от 10 октября 2005 года государство-участник оспорило сообщение по трем основаниям. Во-первых, оно поставило под сомнение то, что данное сообщение было в действительности представлено от имени предполагаемой жертвы, утверждая, что г-н Альзери мог узнать о том, что сообщение было подано от его имени, только недавно. По-прежнему неясно, имела ли нынешний адвокат автора надлежащее разрешение ее клиента обратиться с данным делом к Комитету (см. пункт 7 выше).

5.2 Во-вторых, государство-участник утверждало, что сообщение неприемлемо в силу его оговорки в отношении сообщений, предмет которых уже рассматривается или рассматривался по другой процедуре международного разбирательства или урегулирования. Государство-участник отметило, что автор представил утверждения о пытках, жестоком обращении и убийстве, а также об отсутствии доступа к суду и действенных средств правовой защиты в Европейский суд по правам человека, который признал данное дело неприемлемым в силу несвоевременного представления. Государство-участник утверждало, что обе жалобы касаются одного и того же вопроса, будучи основаны на одних и тех же фактах и тех же правовых аргументах. Эта оговорка, кроме того, преследовала цель избежать "апелляции" со стороны Европейского суда в Комитете. По мнению государства-участника, можно было бы поставить вопрос, не будет ли решение Комитета не считать данное сообщение неприемлемым на этом основании подрывать уважение к Суду и его решениям. В отличие от ситуации в деле *О.Ф. против Норвегии*¹⁴, когда Комитет установил, что процессуальная оговорка не препятствует приемлемости сообщения, а секретариат Европейской комиссии сообщил о вероятных проблемах с приемлемостью, в данном случае Европейский суд подробно мотивировал свое решение признать дело неприемлемым.

5.3 В-третьих, государство-участник затронуло вопрос о задержке представления сообщения, равнозначной злоупотреблению процессом. Оно отметило, что, хотя сама по себе задержка не означает злоупотребление, в известных обстоятельствах Комитет ожидает разумного объяснения задержки¹⁵. Государство-участник обратило внимание Комитета на то, что автор, по-видимому, ждал решения Комитета против пыток по параллельному делу *Агиза против Швеции*, вынесенного 20 мая 2005 года, прежде чем подать свое дело. По мнению государства-участника, задержка между высылкой 18 декабря 2001 года и подачей сообщения 29 июля 2005 года чрезмерна и не имеет приемлемого обоснования. Это, в частности, касается периода времени между освобождением автора в октябре 2003 года и июлем 2005 года, и в еще большей степени - периода между принятием решения Европейского суда в октябре 2004 года и июлем 2005 года. Государство-участник не видит никаких очевидных оснований, по которым было невозможно обратиться в Комитет как можно скорее после принятия решения Европейским судом - факты данного дела уже были представлены суду и юридические аргументы, изложенные суду, также могли использоваться в Комитете.

5.4 Государство-участник также ссылается на подробный анализ Европейского суда, рассматривавшего задержку в рассматриваемом им деле, и высказало мнение, что такой анализ имеет

---

¹⁴ Сообщение № 158/1983, решение от 26 октября 1984 года.

¹⁵ См. *Гобин против Маврикия*, сообщение № 787/1997, решение о неприемлемости от 16 июля 2001 года.

отношение и к данному случаю. В этих обстоятельствах и с учетом того, что в юриспруденции Комитета признается, что сообщение может быть отведено за несвоевременностью, государство-участник утверждает, что если будет начато разбирательство по данному сообщению, то это чревато опасностью подрыва уважения к Европейскому суду и его решениям. В интересах юридической определенности и недопущения состояния неопределенности государство-участник утверждает, что здесь налицо злоупотребление процедурой представления сообщения.

5.5 По поводу утверждений о том, что не были приняты необходимые меры в связи с событиями в аэропорту Бромма (статья 7) и в отношении рассмотрения вопроса о пытках в законодательстве страны (статья 7), государство-участник утверждает, что эти заявления недостаточно обоснованы для целей приемлемости. Что касается утверждений по статье 14, то государству-участнику непонятно, о каком отсутствии справедливого суда может идти речь, когда никакого суда не проводилось ни в Египте, ни в Швеции. Это утверждение, поэтому, умозрительно, и автор не имеет достаточного статуса жертвы. Кроме того, поскольку не было предъявлено обвинения, которое могло бы повлечь за собой применение статьи 14, это утверждение неприемлемо *ratione materiae*.

Комментарии адвоката по представлениям государства-участника относительно приемлемости

6.1 В своем письме от 10 января 2006 года адвокат автора оспорил представления государства-участника. По поводу сохраняющего силу разрешения на производство действий адвокат утверждала, что она по-прежнему имеет полную доверенность на ведение переписки от имени г-на Альзери. Она утверждает, что согласно доверенности, выданной в январе 2004 года бывшему шведскому адвокату г-на Альзери, ему было предоставлено право действовать во всех случаях от имени г-на Альзери и назначать любое лицо, которому он мог бы поручить представлять г-на Альзери. Поэтому любое возражение по поводу нынешней доверенности адвоката должно предполагать аннулирование первоначальных полномочий, выданных в январе 2004 года. Адвокат, однако, утверждает, что в соответствии с общим принципом права доверенность действительна до ее отмены, демонстрируемой достаточными объективными свидетельствами, чего в данном случае продемонстрировано не было. Адвокат далее утверждает, что бремя доказывания должно лежать на государстве-участнике, которое обязано продемонстрировать такое изменение обстоятельств. В любом случае она представила письменное заявление первоначального адвоката г-на Альзери, в котором подтверждается сохраняющееся право нынешнего адвоката предпринимать действия.

6.2 Адвокат далее ставит под сомнение уместность установления связи государством-участником с оппонирующим заявителем в продолжающемся производстве деле, для того чтобы задавать щекотливые вопросы по поводу заявителя, вместо того, чтобы обратиться к юридическому представителю данного лица. Адвокат утверждает, что такое поведение подвергает г-на Альзери "большой опасности", а также что государство-участник тем самым пытается оказывать давление на г-на Альзери и выяснить, поддерживает ли тот контакт со своим адвокатом, и если поддерживает, то как именно. Обстоятельства освобождения г-на Альзери не дают возможности точного установления намерений г-на Альзери без риска для него, в частности в том, что касается событий, происшедших во время посещения шведского представителя (см. пункт 3.19 выше). В свете этих обстоятельств готовность и возможность адвоката связаться с ним также существенно ограничивались. Кроме того, адвокат оспаривает, что шведское посольство регулярно поддерживало контакт с г-ном Альзери.

6.3 Адвокат утверждает, что после того как бывший адвокат г-на Альзери был информирован Министерством иностранных дел о его контакте с г-ном Альзери по поводу данного сообщения (см. пункт 4.1 выше), ответственный сотрудник Министерства подтвердил, что, по его мнению, телефон г-на Альзери, вероятно, прослушивается, однако посольство утверждало, что обсуждение этих вопросов по телефону не повлечет за собой риска для г-на Альзери. В октябре 2005 года во время безопасного, по мнению адвоката, разговора с г-ном Альзери бывший адвокат г-на Альзери спросил о звонке из посольства и правда ли, что г-н Альзери сказал, что ему ничего не известно о рассмотрении дела Комитетом и он не желает никакого такого рассмотрения. Дав заверения в том, что он желает, чтобы его дело рассматривалось Комитетом по правам человека, г-н Альзери сообщил,

что звонивший ему был устным переводчиком, работающим в посольстве. Этот человек, таким образом, говорил по-арабски, однако, по словам г-на Альзери, переводчик не переводил их разговор на шведский язык, на котором г-н Альзери хорошо говорит. Он не слышал, чтобы кто-либо задавал вопросы и говорил рядом с телефоном. По словам г-на Альзери, переводчик упомянул решение Комитета против пыток по делу Агизы, сказав, что это решение могло бы быть "хорошей возможностью" и для него. Переводчик затем продолжил эту тему, спросив, нет ли у г-на Альзери каких-либо планов использования этого решения Комитета против пыток, на что г-н Альзери ответил, что его адвокат в Швеции занимается всеми его юридическими вопросами.

6.4 Что касается того аргумента, что компетенция Комитета рассматривать сообщение исключается в силу оговорки государства-участника, адвокат сослался на правовую практику Комитета, согласно которой прекращение рассмотрения дела на чисто процедурных основаниях, таких, как правило шести месяцев, примененное Европейским судом в данном деле, нельзя считать "рассмотрением" дела по смыслу такой оговорки. В любом случае, нынешнее сообщение касается жалоб по статьям 13 и 7 Пакта (в отношении обращения в аэропорту Бромма и утверждений о том, что государство-участник не провело безотлагательного и независимого расследования этих нарушений), которые не рассматривались Европейским судом. В жалобе также гораздо подробнее разбираются статьи 2, 14 и 7 Пакта (в отношении принципа недопущения принудительного возвращения), чем это было возможно в Европейском суде. Адвокат опровергла то утверждение, что г-н Альзери либо пытался, либо намеревался использовать международные механизмы жалоб таким образом, который не совместим с объектом и целью данных договоров, или что решение Комитета каким-либо образом подорвет уважение к Европейскому суду.

6.5 Что касается аргумента о необоснованной задержке представления сообщения, то он утверждает, что в обстоятельствах данного дела оно было подано своевременно. С самого начала адвокат отмечает, что г-н Альзери был выслан неожиданно, не имея возможности обратиться к какому-либо национальному или международному органу для обжалования или отсрочки исполнения высылки. Г-н Альзери через своего тогдашнего адвоката прямо дал понять шведскому правительству, что если решение о высылке будет принято, то он обратится к международному органу, такому, как Европейский суд. Возможность того, что правительство решит привести решение о высылке в исполнение немедленно, не сообщив об этом адвокату, в тот период казалась столь маловероятной, что ее никак нельзя было ожидать. Столь же исключительным было решение использовать и принять дипломатические гарантии. Адвокат утверждает, что если бы г-н Альзери или его адвокат были информированы об использовании дипломатических гарантий до высылки, он немедленно ходатайствовал бы о применении временных мер на международном уровне.

6.6 Адвокат утверждала, что сразу после принятия решения 18 декабря 2001 года обстоятельства дела г-на Альзери стали чрезвычайными и связаны с секретностью и тайной деятельностью при том, что ни одно из нескольких международных и национальных расследований, проведенных после этого не смогло в полной мере прояснить все аспекты данного дела. Равным образом г-н Альзери не был признан в качестве заявителя или стороны любого расследования. Некоторые из этих расследований также имели дефекты, вызванные введением в заблуждение или нежеланием со стороны шведского правительства представлять информацию, что создало неопределенность в правовой ситуации г-на Альзери. Адвокат подчеркивает, что г-н Альзери был освобожден только в октябре 2003 года при строгом ограничении его контактов, в силу чего его общение с адвокатом оказалось опасным, ненадежным и редким. Кроме того, адвокат желала исчерпать альтернативы национальным или международным обращениям с жалобой, которые не были бы столь серьезны или опасны для г-на Альзери, включая усилия по проведению расследования Верховным комиссаром по правам человека и получение согласия на его возвращение в Швецию. Таким образом, решение обратиться к Комитету должно было быть воспринято при должном учете соображений блага г-на Альзери в свете расследований, завершенных после принятия Европейским судом своего решения в октябре 2004 года.

Дополнительные представления относительно приемлемости сообщений

7. Вербальной нотой от 10 февраля 2006 года государство-участник сообщило, что в свете замечаний адвоката по его представлению относительно приемлемости сообщений оно не видит оснований и далее выражать сомнения в отношении того, что адвокат действительно была уполномочена на подачу сообщения. Соответственно, оно снимает свои возражения в этой части.

Решение о приемлемости

8.1 8 марта 2006 года на своей восьмьдесят шестой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Во-первых, в том, что касается того аргумента государства-участника, что юрисдикция Комитета рассматривать данное дело исключается в силу оговорки государства-участника, Комитет сослался на свою неизменную правовую практику, в соответствии с которой в тех случаях, когда жалоба в другую международную инстанцию, например в Европейский суд по правам человека, отклоняется по процессуальным основаниям без рассмотрения по существу, нельзя говорить о том, что она была "рассмотрена", чтобы исключить компетенцию Комитета¹⁶. Поскольку в данном случае Европейский суд отклонил заявление на процессуальном основании несоблюдения правила представления заявления в шестимесячный срок, Комитет в свою очередь не имеет препятствий для дальнейшего рассмотрения сообщения. Комитет далее отметил, что, вопреки мнению государства-участника, такой вывод не предполагает какого-либо неуважения к Европейскому суду в силу того, что критерии приемлемости Комитета не включают основы, на которой Европейский суд строит свои решения. Из этого следует, что сообщение не является неприемлемым на этом основании.

8.2 Во-вторых, в том что касается того аргумента государства-участника, что сообщение должно быть отклонено как злоупотребление процессом на том основании, что оно не должно было подаваться в силу просрочки, Комитет отметил, что (тогдашний) адвокат автора начал переписку с Европейским судом по правам человека, сделав выбор суда, который он мог и был в полном праве выбрать, менее чем за шесть месяцев после высылки. В силу сложности данного дела, включая недостаточность подробных сведений, известных об обращении с ним, общем состоянии и желании продолжить рассмотрение жалобы, этот период не мог рассматриваться как чрезмерный. С момента принятия решения о неприемлемости Европейским судом по правам человека в октябре 2004 года до представления сообщения в Комитет в июле 2005 года прошло еще восемь месяцев. В данных обстоятельствах и в свете прежней практики Комитета в отношении отсчета времени Комитет не был убежден в том, что такой период времени чересчур несообразен или обусловлен особыми обстоятельствами (такими как выборы в деле *Гобин против Маврикия*¹⁷), чтобы считать его злоупотреблением процессом. Таким образом, жалоба не является неприемлемой по этим основаниям.

8.3 В-третьих, государство-участник подняло вопрос о том, действительно ли сообщение было подано от имени г-на Альзери. Комитет отметил, что государство-участник впоследствии сняло свое возражение по этому аспекту приемлемости сообщения. Кроме того, Комитет отметил в связи с содержанием полномочий, что в своей практике он выводит наличие полномочий не в строгом или формалистском смысле. Наоборот, он стремится установить полномочия де-факто, которыми заявитель хотел наделить адвоката. Если применять такой подход, то не может быть особых сомнений в том, что г-н Альзери предоставил достаточно широкие полномочия, которые в тот момент, когда они были даны, охватывали подачу сообщения в Комитет. В то же время полномочия могут быть отозваны либо прямо, либо косвенно в силу последующих событий, не совместимых с первоначальным предоставлением полномочий.

---

¹⁶ См., например, *Вайс против Австрии*, сообщение 1086/2002, Соображения, принятые 3 апреля 2003 года, и *Линдерхольм против Хорватии*, сообщение № 744/1997, решение, принятое 23 июля 1999 года.

¹⁷ Op.cit.

8.4 Что касается того, имел ли место такой отзыв в данном случае, то Комитет отметил, что первоначальный аргумент государства-участника основывался на том, что, как сообщается, было сказано г-ном Альзери в доверительной беседе арабоязычному работнику шведского посольства, говорившему с ним по телефону в первый раз за значительный период времени. Ввиду строгости условий его освобождения, и в частности событий, последовавших за очевидным прослушиванием предыдущего телефонного контакта г-на Альзери с национальной правозащитной организацией (см. пункт 3.19 выше), заявление г-на Альзери как отражение его подлинных намерений необходимо воспринимать с большой осторожностью. Учитывая как серьезность заявленных нарушений, так и важность для рассмотрения международным органом существа такого рода дела, если окажется, что проведенное внутри страны расследование по существу дела было неадекватным или неэффективным, Комитет считает, что государство-участник не выполнило обязанности продемонстрировать, что первоначально предоставленные полномочия уже не действуют. Из этого следует, что, даже если бы государство-участник не сняло свое возражение по поводу приемлемости, Комитет не признал бы сообщение неприемлемым на том основании, что адвокат не имела соответствующих полномочий от г-на Альзери.

8.5 Комитет далее решил, что автор подтвердил для целей приемлемости свои аргументы, касающиеся нарушения запрещения принудительного возвращения, обращения с ним в аэропорту Бромма и ненадлежащего расследования сообщений о нарушениях, выразившихся в пытках или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (все - статья 7 Пакта), ненадлежащих процедур высылки иностранца и недостаточных, недейственных средств защиты (статьи 2 и 13 Пакта), а также нарушения права на эффективные индивидуальные жалобы (первый Факультативный протокол, статья 1). Поэтому 8 марта 2006 года он признал сообщение приемлемым.

Представления государства-участника по существу сообщения

9.1 В представлениях от 10 октября 2005 года и 5 мая 2006 года государство-участник высказалось по существу сообщения. Что касается утверждения о нарушении статьи 7 в силу того, что автор был принудительно возвращен в Египет и подвергся реальному риску пыток и другого жестокого обращения, государство-участник ссылается на решение Комитета против пыток в сходном деле *Агиза против Швеции*, в котором Комитет признал нарушение статьи 3 Конвенции против пыток. Государство-участник отчасти принимает этот вывод и не видит необходимости оспаривать соответствующую жалобу по Конвенции, хотя и не признает того, что автор действительно подвергался пыткам или грубому обращению. Если бы такое обращение имело место, основную ответственность несли бы египетские власти, и оно представляло бы собой нарушение их двусторонних обязательств. Государство-участник, ссылаясь на свое желание установить, что же в действительности имело место, тем не менее ссылается на безуспешные усилия на самых высоких уровнях обеспечить проведение с участием международных экспертов беспристрастного, независимого расследования фактического хода событий в Египте, ставших причиной высылки (пункт 3.2 выше). Государство-участник отмечает, что оно не удовлетворено ответами египетского правительства, но что в процессе тщательного рассмотрения возможных последующих действий исключительно важно получить определенного рода подтверждение того, что такие действия соответствуют желанию самого автора. К настоящему времени государство-участник получило по поводу такого желания противоречивую информацию. Естественно, последующие меры не должны быть чреваты опасностью затронуть или поставить под угрозу безопасность или благо автора каким бы то ни было образом, и в данных обстоятельствах необходимо, чтобы египетское правительство оказывало содействие и предоставило согласие в отношении последующих усилий по расследованию. Кроме того, государство-участник ссылается на выводы своего парламентского Комитета по конституции и свои усилия по выработке в Совете Европы правового акта о надлежащем использовании дипломатических гарантий. После того как соответствующий орган Совета Европы принял решение не продолжать работу в этой области, государство-участник не имеет намерения далее заниматься данным вопросом официального правового акта о гарантиях в

международном плане. В свете этих усилий государство-участник оставляет на усмотрение Комитета вопрос о том, имело ли место в этой связи нарушение статьи 7.

9.2 По поводу утверждений, касающихся статьи 7, о грубом обращении в аэропорту Бромма государство-участник ссылается на выводы парламентского омбудсмена (пункт 3.23 выше и далее), в которых высказывается крайне острая критика полиции безопасности и серьезных недостатков в ее действиях в данном случае. Оно, однако, отмечает, что парламентский омбудсмен пришел к выводу, что имело место унижающее достоинство обращение, но не пытки, хотя его критика тем не менее сохраняет силу. Государство-участник также отвергает утверждение, что происшедшее было равнозначно пыткам согласно определению в статье 1 Конвенции против пыток¹⁸. Государство-участник отмечает, что после опубликования выводов парламентского омбудсмена независимый "Комитет по исполнению" пришел к заключению, что необходимы четкие правила, регламентирующие приведение в исполнение предписаний о высылке иностранцев. После этого в октябре 2004 года был разослан циркуляр Национального полицейского совета, который был включен в феврале 2005 года в сборник инструкций Совета и вступил в силу немедленно. Эти регламентации требуют, в частности, от сотрудника полиции, руководящего приведением в исполнение предписания о высылке, немедленно принять меры, если иностранец подвергается со стороны иностранных властей обращению, противоречащему шведским представлениям о правосудии. На шведских полицейских прямо возлагается ответственность за приведение предписания в исполнение в случае содействия со стороны иностранных властей, в то время как спецконтроль, проводимый на шведской территории, должен осуществляться шведской полицией. Кроме того, государство-участник приводит подробные данные о подготовке и реорганизации полиции безопасности, наращивании специальных ресурсов для таких ситуаций и уточнении системы ответственности. Не имея возможности изложить или прокомментировать причины действий иностранных должностных лиц в данном случае, государство-участник признает, что некоторые шаги, предпринятые в аэропорту Бромма, заходили слишком далеко с учетом реально существовавшего риска. Исходя из этого государство-участник оставляет оценку этого вопроса по статье 7 на усмотрение Комитета.

9.3 Что касается утверждения, что также в нарушение статьи 7 по поводу обращения в аэропорту Бромма не было проведено надлежащего и независимого расследования для выявления конкретных виновных или расследования действий иностранных должностных лиц, то государство-участник отмечает, что эти события были рассмотрены в обычном порядке механизмом уголовного преследования, сославшись на три группы мотивированных решений районного прокурора Стокгольма, Главного прокурора и Генерального прокурора. Особые меры по расследованию со стороны органов, наделенных компетенцией вести уголовное разбирательство, также были приняты парламентским омбудсменом, который решил не начинать предварительного уголовного расследования, а также парламентским Постоянным комитетом по расследованиям, который решил не принимать последующих действий по уголовным жалобам на соответствующих министров. В соответствии со шведским правом такое разбирательство было проведено безотлагательно и независимо после подачи жалоб, и, таким образом, в этом отношении нарушений статьи 7 не имеется.

---

¹⁸ Статья 1 Конвенции гласит следующее:

1. Для целей настоящей Конвенции определение "пытка" означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включается боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

9.4 Что касается утверждений о том, что пытки и другое грубое обращение недостаточным образом запрещаются в шведском законодательстве, то государство-участник напоминает, что Пакт не требует инкорпорации конкретных определений этих понятий. После тщательного анализа шведского уголовного законодательства государство-участник заключило, что Конвенция против пыток не требует внесения поправок в уголовное законодательство страны. Все акты (равно как и покушения и соучастие) пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания представляют собой преступления по законодательству страны, наказуемые достаточно строгими мерами, соответствующими статье 7 Пакта. Что касается утверждения об отсутствии справедливого суда, то государство-участник отмечает, что после возвращения автора ему не предъявлялось какого-либо уголовного обвинения, равно как он и не предстал перед судом в этой стране. Таким образом, нарушений его прав по статье 14 не имеется.

9.5 Что касается отсутствия эффективной правовой защиты применительно к принятому на уровне кабинета решению по ходатайству автора о предоставлении ему убежища, то государство-участник признает выводы Комитета против пыток в деле Агизы, что это равноценно нарушению процессуального обязательства по статье 3 Конвенции против пыток, и таким образом не оспаривает соответствующую жалобу со ссылкой на Пакт. Тем не менее государство-участник отмечает, что с 31 марта 2006 года создана новая система судебного рассмотрения жалоб в связи с убежищем в виде миграционных судов и Верховного миграционного суда. В рамках этой системы Верховный миграционный суд вправе определять на своих слушаниях наличие препятствий для приведения в исполнение решения о высылке, таких, как угроза пыток, и его решения будут обязательны для правительства. Новый закон также предусматривает автоматическое представление, в отсутствие чрезвычайных обстоятельств, вида на жительство иностранцу в тех случаях, когда международный орган, принимающий решение по жалобе данного лица, приходит к выводу, что это лицо не может быть выслано. Что касается той жалобы, что высылка автора была несовместима со статьей 13, поскольку ему не было разрешено представить свое дело министрам и/или должностным лицам, принимавшим решение, то государство-участник отмечает, что решение о высылке было принято в соответствии с законом и что статья 13 устанавливает исключение, касающееся соображений национальной безопасности, которые наличествовали в данном случае. Таким образом, нарушений статьи 13 Пакта не имеется.

9.6 Что касается утверждений об отсутствии возможности обратиться к Комитету с данным делом в нарушение статьи 1 Факультативного протокола, государство-участник признает выводы Комитета против пыток в деле Агизы о том, что немедленное приведение в исполнение предписания о высылке свело на нет право представления сообщений, и таким образом оно не усматривает причины оспаривать соответствующую жалобу в Комитете. Оно отмечает выводы Постоянного комитета, содержащиеся в его докладе от 21 сентября 2005 года по данному вопросу, которые касаются невозможности в данном случае обращения к международному органу с просьбой о применении временных мер защиты, а также того, что процедура, согласно которой решение о высылке доводится до сведения подлежащих высылке лиц органом, которому поручено приведение его в исполнение, а адвокат уведомляется письмом, приемлема при условии уведомления адвоката в более сжатые сроки.

Замечания адвоката по представлениям государства-участника относительно существования сообщения

10.1 16 июня 2006 года адвокат ответил на представление государства-участника относительно существования сообщения. Что касается достаточности расследований, проведенных в отношении обращения в аэропорту Бромма, адвокат отмечает, что шведское правительство с самого начала знало о том, что произошло в аэропорту, более того, Министерство юстиции составило отчет по этому поводу. Вместе с тем государство-участник сохраняло конфиденциальность этих вопросов на протяжении нескольких лет, не сообщая об этом общественности и парламенту. Только в 2004 году, когда подробности о происшедшем стали известны благодаря телепередаче, была подана жалоба и было начато официальное уголовное расследование. Поэтому говорить о безотлагательном расследовании не приходится. Кроме того, адвокат утверждает, что, даже если согласиться с теми мотивами, которые государство-участник приводит в качестве обоснования решения омбудсмена не

возбуждать уголовное расследование (см. пункт 3.27 выше), это представляет собой системный сбой контроля, организационную ответственность за который несет полиция безопасности. Решение омбудсмана провести проверку по фактам, когда должностные лица привлекаются для дачи показаний, также означает, что не только омбудсмен, но и другие осуществляющие уголовное преследование органы не могли привлечь к ответственности виновных должностных лиц в силу их права не свидетельствовать против себя.

10.2 Что касается утверждений государства-участника о неясности того, каковы должны быть последующие действия в отношении египетских властей (см. пункт 9.1), адвокат утверждает, что автор уже сообщил шведскому правительству о своем желании участвовать в полном и всестороннем расследовании, если оно будет проведено независимым образом и сможет обеспечить его безопасность. Такая позиция остается в силе, хотя по причинам личной безопасности автор всегда отказывался от производства расследования египетской полицией, в частности если оно будет иметь своей целью наказание отдельных должностных сил. Он озабочен тем, что двусторонние переговоры между Швецией и Египтом, которые в любом случае начались поздно, не отвечают его интересам и что двустороннее расследование могло бы подвергнуть его большей опасности, когда государство сохранил за собой право произвольно задержать его по соображениям безопасности.

10.3 Что касается аргумента со ссылкой на статью 14, то адвокат утверждает, что тот факт, что автор на самом деле не предстал перед судом, нельзя считать ответом на его жалобы. Он пострадал от допроса и злоупотреблений в период содержания под стражей, неоднократно встречаясь только с прокурором, продлевавшим содержание под стражей. В ходе этих слушаний не обеспечивалось присутствие или контроль со стороны посольства, равно как посольство не установило контакта с национальной правозащитной группой, занимающейся контролем за разбирательством, несмотря на то что оно было уведомлено об этом факте. Ему был предоставлен адвокат для первого такого слушания, однако ему не было разрешено встретиться с ним раньше. Приглашенный им частный адвокат не смог посетить его в тюрьме. Египетские законы разрешают допуск государственного адвоката к делу только после официального предъявления обвинения. Ему никогда не было представлено каких-либо доказательств, с которыми он мог бы ознакомиться, а также не было подробно сообщено содержание обвинений против него. Адвокат утверждает, что государство-участник знало о той серьезной опасности, что его юридические права как обвиняемого могут оказаться нарушены, и что не имеется последующих механизмов осуществления и без того минимального контроля над разбирательством после возвращения автора.

10.4 По поводу того аргумента по статье 13 и ссылки государства-участника на исключение по мотивам национальной безопасности адвокат утверждает, что это положение в данном случае неприменимо. Ссылаясь на недавнее предоставление шведским правительством виз деятелям "Хамас", на мнение правительства о том (см. выше пункт 4.7), что по египетскому законодательству г-ну Альзери могло быть вынесено сравнительно мягкое наказание в виде семи лет лишения свободы за совершение преступления, а также на то, что так и не нашлось доказательств, достаточных для того, чтобы предъявить ему обвинение, тем более признать его виновным в совершении преступления, адвокат утверждает, что исключение по соображениям национальной безопасности согласно статье 13 не имеет по собой оснований. В любом случае отсутствие должной тщательности при расследовании дела и использование полученных по международным каналам оперативных данных как обоснование высылки не соответствуют даже минимальному уровню процессуальных гарантий, обеспечиваемых статьей 13.

10.5 Наконец, адвокат утверждает, что на каждой стадии принудительного возвращения автор подвергался не менее тяжким формам грубого обращения, а пыткам (обращение в Броммском аэропорту, молчаливо санкционированное шведской полицией, обращение в ходе полета и обращение в Египте по возвращении). В любом случае адвокат отмечает, что оценка степени тяжести должна быть дана независимым образом Комитетом, а не любыми властями государства и что Комитет неизменно воздерживается от проведения строгих различий между категориями жестокого обращения.

Рассмотрение сообщения по существу

11.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами, согласно положениям пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.2 С самого начала Комитет отмечает, что по ряду пунктов жалобы государство-участник признает нарушения Пакта или Факультативного протокола в силу параллельных выводов Комитета против пыток в деле *Агиза против Швеции*, сделанных в отношении по существу сходных положений Конвенции против пыток. Хотя такое признание имеет отношение к решению Комитета, тот тем не менее должен независимым образом установить, что в обстоятельствах данного дела имели место нарушения соответствующих положений Пакта и Факультативного протокола.

11.3 Первый вопрос существа, который должен быть разрешен Комитетом, состоит в том, подвергся ли автор в результате высылки из Швеции в Египет реальной опасности пыток или грубого обращения в принимающем государстве в нарушение запрета принудительного возвращения, предусмотренного статьей 7 Пакта. При определении опасности такого обращения в данном случае Комитет обязан учесть все соответствующие элементы, включая общую ситуацию в области прав человека в данном государстве. Наличие дипломатических гарантий, их содержание, существование и осуществление механизмов исполнения решений - все это фактические элементы, имеющие отношение к общему решению о том, существует ли на самом деле реальная опасность такого обращения.

11.4 Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник само признало, что имелась опасность жестокого обращения, которая, не говоря о прочем, исключила бы высылку автора в соответствии с международными обязательствами государства-участника в области прав человека (см. пункт 3.6). Таким образом, государство-участник положило только на дипломатические гарантии, считая, что опасность запрещенного жестокого обращения стала достаточно мала, чтобы избежать нарушения запрета на принудительное возвращение.

11.5 Комитет отмечает, что предоставленные гарантии не предусматривали какого-либо механизма контроля за их соблюдением. Равным образом вне текста собственно гарантий не было достигнуто каких-либо договоренностей, которые обеспечивали бы реальное соблюдение. Посещения посла государства-участника и его сотрудников начались через пять недель после возвращения, когда полностью был проигнорирован период максимальной подверженности риску причинения вреда. Более того, механика состоявшихся посещений не соответствовала ключевым аспектам международной оптимальной практики, поскольку не предъявлялось требования конфиденциального доступа к задержанному и проведения соответствующей судебно-медицинской экспертизы, даже после появления серьезных утверждений о жестоком обращении. В свете этих факторов государство-участник не продемонстрировало того, что предоставленные дипломатические гарантии действительно достаточны в данном случае для сокращения опасности жестокого обращения до уровня, совместимого с требованиями статьи 7 Пакта. Таким образом, высылка автора равноценна нарушению статьи 7 Пакта.

11.6 Что касается вопроса об обращении с автором в аэропорту Бромма, то Комитет обязан сначала оценить, следует ли вменять обращение, которому был подвергнут автор со стороны агентов иностранного государства, в вину государству-участнику согласно положениям Пакта и применимым нормам об ответственности государств. Как минимум, государство-участник отвечает за акты должностных лиц иностранных государств, осуществляющих акты суверенной власти на его территории, если таковые акты осуществляются с согласия или без возражений со стороны государства-участника (см. также статью 1 Конвенции против пыток). Из этого следует, что акты, составляющие предмет жалобы, которые имели место в ходе официальных функций в присутствии должностных лиц государства-участника и на территории под юрисдикцией государства-участника, с

полным основанием могут быть вменены самому государству-участнику, помимо государства, от имени которого действовали данные должностные лица. Поскольку государство-участник признает выводы своего парламентского омбудсмана о том, что допущенное обращение было несоразмерным с любой законной правоохранительной целью, очевидно, что применение силы было чрезмерным и равноценным нарушению статьи 7 Пакта. Из этого следует, что государство-участник нарушило статью 7 Конвенции в результате обращения, которому подвергся автор в аэропорту Бромма.

11.7 Что касается жалобы по статье 7 в отношении действенности законодательства государства-участника в связи с обращением в Броммском аэропорту, Комитет отмечает, что власти государства-участника знали о грубом обращении с автором начиная со времени, когда оно имело место; более того, его должностные лица присутствовали при данных действиях. Вместо того, чтобы довести такие действия, преступный характер которых был очевиден до сведения соответствующих властей, государство-участник ждало более двух лет подачи частной уголовной жалобы, прежде чем начать уголовное разбирательство. По мнению Комитета, уже эта задержка не позволяет говорить о выполнении обязательства государства-участника по проведению безотлагательного независимого и беспристрастного расследования событий, которые имели место. Комитет далее отмечает, что в результате разбирательства, проведенного как парламентским омбудсменом, так и органами прокуратуры, ни в отношении шведских должностных лиц, ни в отношении агентов иностранного государства не было проведено полное уголовное расследование, не говоря уже о предъявлении официальных обвинений согласно шведскому законодательству, сфера охвата которого вполне позволяла рассмотреть эти правонарушения по существу. В частности, Комитет отмечает решение парламентского омбудсмана о проведении проверки по фактам, включая обязательную дачу обширных показаний. Хотя тщательность проведенного для этого расследования не ставится под сомнение, системные последствия заключаются в серьезном уменьшении вероятности проведения уголовного расследования как на начальствующем, так и на оперативном уровне полиции безопасности. По мнению Комитета, государство-участник обязано обеспечить, чтобы его следственный аппарат был организован таким образом, чтобы он сохранял возможность расследования в максимально возможной степени уголовной ответственности всех соответствующих должностных лиц как своего государства, так и иностранных государств, за действия в нарушение статьи 7, совершенные на территории под его юрисдикцией, и предъявления соответствующих обвинений. То, что государство-участник не обеспечило этого в данном случае, равноценно нарушению обязательств государства-участника по статье 7, рассматриваемых в совокупности со статьей 2 Пакта.

11.8 Что касается утверждений об отсутствии независимого пересмотра решения кабинета о высылке ввиду наличия достаточно весомой опасности пыток, Комитет отмечает, что статья 2 Пакта в совокупности со статьей 7 требует действенной защиты от нарушений последнего положения. В силу характера принудительного возвращения до его производства должна иметься возможность действенного рассмотрения решения о высылке при наличии достаточного риска пыток с целью предотвратить непоправимый ущерб для данного лица и не допустить того, чтобы процедура пересмотра была пустой формальностью, лишенной смысла. Отсутствие любой возможности эффективного независимого пересмотра решения о высылке в случае автора, соответственно, равносильно нарушению статьи 7, рассматриваемой в совокупности со статьей 2 Пакта.

11.9 Что касается жалобы со ссылкой на статью 14 относительно существования риска явно несправедливого суда, Комитет отмечает, что государство-участник всего-навсего полагалось на включение в дипломатические гарантии принимающего государства обязательства обеспечить автору справедливый суд. С учетом того, что суд на самом деле не имел места, и того, что в силу выводов Комитета, изложенных выше, государство-участник допустило в отношении автора в месте высылки серьезные нарушения Пакта, Комитет не считает необходимым выносить отдельного решения по данному вопросу.

11.10 В отношении жалобы по статье 13 Комитет признает, что решение о высылке автора было принято в соответствии с законодательством государства-участника, действовавшим в тот период, и

таким образом "во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом" по смыслу статьи 13 Пакта. Комитет отмечает, что государство-участник располагает весьма широкими дискреционными полномочиями для определения того, связано ли данное дело с соображениями национальной безопасности, что позволяет использовать исключения, предусмотренные в статье 13¹⁹. В данном случае Комитет удовлетворен тем, что государство-участник по крайней мере имеет уважительные причины для того, чтобы в тот период считать данное дело связанным с соображениями национальной безопасности. В этой связи Комитет не усматривает нарушений статьи 13 Пакта в связи с тем, что автору не было разрешено выдвинуть аргументы против его высылки, а также представить его дело на рассмотрение компетентного органа.

11.11 В отношении жалобы на нарушение государством-участником своих обязательств по Факультативному протоколу Комитет ссылается на свою установившуюся правовую практику, согласно которой при присоединении к Факультативному протоколу государство-участник обязано разрешить добросовестное осуществление права подачи жалоб в Комитет, предусмотренное в Факультативном протоколе, воздерживаясь от шагов, которые могли бы сделать решение по сообщению бесполезным и тщетным²⁰. В данном случае Комитет отмечает, что (тогдашний) адвокат автора прямо сообщил государству-участнику, еще до принятия правительством своего решения, о своем намерении воспользоваться международными средствами правовой защиты в случае отрицательного решения (см. пункт 4.29 выше). Адвокат был неправильно информирован о том, что решение принято не было, притом что оно было уже принято, и государство-участник осуществило высылку, полностью отдавая себе отчет в том, что уведомление об этом решении будет получено адвокатом уже после того, как оно будет приведено в исполнение. По мнению Комитета, эти обстоятельства вскрывают явное нарушение государством-участником своих обязательств по статье 1 Факультативного протокола.

12. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, как они были установлены Комитетом, вскрывают нарушение Швецией статьи 7, рассматриваемой в отдельности и в совокупности со статьей 2 Пакта. Комитет повторяет свой вывод о том, что государство-участник также нарушило свое обязательство по статье 1 Факультативного протокола.

13. В соответствии с положениями подпункта а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию. Государство-участник также обязано не допускать подобных нарушений в будущем. В этой связи Комитет приветствует создание специальных независимых миграционных судов, имеющих полномочия рассматривать решения о высылке, такие, как решение, вынесенное в данном деле.

14. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действительными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Государству-участнику предлагается также опубликовать текст соображений Комитета.

---

¹⁹ См., например, *Борзов против Эстонии*, сообщение № 1136/2003, Соображения, принятые 26 июля 2004 года.

²⁰ *Пиандионг и др. против Филиппин*, сообщение № 869/1999, Соображения, принятые 19 октября 2000 года, и *Вайс против Австрии*, сообщение № 1086/2001, Соображения, принятые 3 апреля 2003 года.

Сообщение № 1421/2005

Представлено: Франсиско Хуаном Ларраньягой (представлен адвокатом г-жой Сарой де Мас и г-ном Файзалом Сайфи)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Филиппины

Дата принятия соображений: 24 июля 2006 года

Тема сообщения: вынесение смертного приговора после несправедливого судебного разбирательства

Процедурные вопросы: принятие временных мер

Вопросы существа: вынесение смертного приговора в обязательном порядке, возобновление практики смертной казни, произвольное лишение жизни, беспристрастность суда, нарушение принципа презумпции невиновности, непредоставление адекватного времени и возможностей для подготовки защиты, право на вызов свидетелей, право на помощь адвоката по своему выбору, вынесение более тяжкого наказания после рассмотрения апелляции, право на пересмотр приговора и осуждения судом более высокой инстанции, право быть судимым без неоправданной задержки

Статьи Пакта: 6, 7, 9 и 14

Статья Факультативного протокола: не затрагивается

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 статьи 6; статья 7 и пункты 1, 2, 3 b), c), d), e) и 5 статьи 14)

1.1 Автором сообщения от 15 августа 2005 года является гражданин Филиппин и Испании Франсиско Хуан Ларраньяга, родившийся 27 декабря 1977 года. Ему был вынесен смертный приговор, и в настоящее время он содержится в заключении в тюрьме "Нью-Билибид" на Филиппинах. Он заявляет о том, что стал жертвой нарушений Филиппинами статей 6, 7, 9 и 14 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 22 ноября 1989 года. Автора представляют адвокаты г-жа Сара де Мас и г-н Файзал Сайфи.

1.2 В соответствии с правилом 92 своих Правил процедуры Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям, 19 августа 2005 года обратился к государству-участнику с просьбой не приводить вынесенный автору смертный приговор в исполнение, с тем чтобы дать Комитету возможность рассмотреть его жалобу.

Факты в изложении автора

2.1 5 мая 1999 года Специальный суд по делам о тяжких преступлениях в городе Себу признал автора, вместе с шестью сообвиняемыми, виновными в похищении и незаконном лишении свободы Жаклин Чон при отягчающих обстоятельствах и приговорил их к пожизненному тюремному заключению. 3 февраля 2004 года Верховный суд Филиппин также признал автора виновным в похищении и незаконном лишении свободы при отягчающих обстоятельствах, а также в убийстве и изнасиловании Мэриджой Чон и вынес ему смертный приговор. Кроме того, он был приговорен к пожизненному тюремному заключению за похищение и продолжительное незаконное содержание под стражей Жаклин Чон при отягчающих обстоятельствах.

2.2 Как заявляет сторона обвинения, 16 июля 1997 года в городе Себу автор вместе с семьей другими мужчинами похитил Мэриджой и Жаклин Чон. В тот же день обе женщины, как утверждается, были изнасилованы. Затем Мэриджой Чон сбросили в ущелье, а Жаклин Чон избили. До настоящего времени местонахождение Жаклин Чон неизвестно.

2.3 По словам автора, 8 июня 1997 года он выехал из города Себу в Кесон-Сити, чтобы продолжить там свое обучение в Центре кулинарного искусства. 16 июля 1997 года он целый день сдавал экзамены, а вечером пошел в ресторан. Он был там с друзьями до утра следующего дня. 17 июля 1997 года он сдал еще один экзамен, а затем сел в самолет, вылетающий назад в город Себу в 17 часов.

2.4 15 сентября 1997 года полиция попыталась арестовать автора без соответствующего ордера. 17 сентября 1997 года адвокат автора обратился к прокурору с просьбой провести предварительное расследование дела автора и предоставить ему двадцать дней для изложения письменных показаний в защиту автора. Прокурор отклонил эту просьбу, заявив, что автор имеет право лишь на коронерское расследование. 19 сентября 1997 года адвокат автора обратился в Апелляционный суд, чтобы предотвратить возбуждение уголовного дела против автора. Однако 17 сентября 1997 года Районный суд города Себу уже предъявил автору обвинения в совершении уголовного преступления. 22 сентября 1997 года адвокат обратился в Апелляционный суд с ходатайством о том, чтобы Районный суд города Себу не выдавал ордера на арест автора. Тем не менее в тот же день автор был арестован на основании ордера, выданного этим судом. С тех пор он содержится под стражей. В Апелляционный суд была подана еще одна жалоба на арест автора, которая была отклонена 25 сентября 1997 года. Это решение было обжаловано в Верховном суде. Несмотря на то, что решение по этой апелляции принято не было, 14 октября 1997 года автора доставили к судье. Он не признал своей вины, и тогда судья признал его невиновным по двум пунктам - похищению и незаконному лишению свободы при отягчающих обстоятельствах. 16 октября 1997 года Верховный суд временно отстранил этого судью от разбирательства данного дела, чтобы предотвратить закрытие уголовного дела. 27 октября 1997 года Верховный суд прекратил коронерское расследование, указав, что автор имеет право на надлежащее предварительное расследование.

2.5 12 августа 1998 года началось судебное разбирательство в Специальном суде по делам о тяжких преступлениях в городе Себу. Обвинение вызвало своего первого и главного свидетеля, обвиняемого Дэвидсона Валиенте Русиа, которому обещали прекратить преследование, если он скажет правду. Судья побуждал свидетеля обвинения к даче показаний против автора и его обвиняемых. Этот перекрестный допрос проходил 13 и 17 августа 1998 года. В ходе слушаний свидетель впервые признал, что он изнасиловал Мэриджой Чон. Однако на следующий день перекрестный допрос был прекращен после того, как свидетель заявил, что он говорил неправду о своих прошлых судимостях, которые должны лишить его права на прекращение преследования, и сказал, что плохо себя чувствует. 20 августа 1998 года этот свидетель был вновь доставлен в суд, но его перекрестный допрос был вновь прекращен после того, как он заявил, что его подкупили. В тот же день рассматривавший дело судья постановил, что с учетом дефицита времени и во избежание убийства, похищения, запугивания или подкупа свидетеля следующий перекрестный допрос должен быть завершен к 17 часам того же дня. В ответ на это адвокат автора отказался участвовать в судебном разбирательстве и предложил судье взять самоотвод. 24 августа 1998 года его в порядке упрощенного производства признали виновным в проявлении неуважения к суду, арестовали и заключили в тюрьму. Судебное разбирательство было приостановлено.

2.6 Автор дал письменное согласие на отзыв своего адвоката и попросил три недели для поиска нового адвоката. 31 августа 1998 года суд отказался откладывать далее судебное разбирательство и предложил обвиняемым вновь нанять адвоката, находившегося в то время в тюрьме, поскольку судебное разбирательство должно было возобновиться 3 сентября 1998 года. 2 сентября 1998 года суд потребовал от прокуратуры направить на судебное заседание несколько ее сотрудников для временного выполнения функций адвокатов до тех пор, пока обвиняемые не найдут нового адвоката. 3 сентября 1998 года судебное разбирательство возобновилось и суд назначил трех сотрудников прокуратуры для выполнения функций адвоката для всех обвиняемых, у которых не было защитников, включая автора. Автор вновь заявил, что он желает самостоятельно выбрать своего адвоката.

2.7 В период с 3 по 18 сентября 1998 года дали показания 25 свидетелей обвинения, а самого автора представлял адвокат из числа сотрудников прокуратуры. Постановлением от 8 сентября 1998 года суд отложил перекрестный допрос еще нескольких свидетелей обвинения, поскольку обвиняемые настаивали на том, что этот перекрестный допрос будет проводить адвокат, которого им еще предстоит выбрать. 24 сентября 1998 года вновь назначенный адвокат автора появился в зале суда и попросил вновь допросить свидетелей обвинения. Суд отказался сделать это. Он также отказался предоставить новому адвокату автора 20-30 дней для ознакомления с материалами дела и эффективного проведения перекрестного допроса свидетелей. Вместо этого Суд постановил, что перекрестный допрос начнется 30 сентября 1998 года, поскольку судебное разбирательство необходимо завершить в течение 60 дней. В период с 1 по 12 октября 1998 года адвокат автора провел новый перекрестный допрос главного свидетеля обвинения Русиа. Однако по ходатайству обвинения 12 ноября 1998 года с него как со свидетеля сняли обвинения и предоставили ему иммунитет от уголовного преследования. Постановлением от 8 октября 1998 года суд предоставил новому адвокату лишь четыре дня для принятия решения о необходимости проведения перекрестного допроса свидетелей обвинения, которые давали показания в период, когда адвокатом автора был сотрудник прокуратуры. 12 октября 1998 года адвокат в знак протеста отказался проводить перекрестный допрос этих свидетелей обвинения. В постановлении от 14 октября 1998 года суд констатировал, что все обвиняемые отказались от своего права на перекрестный допрос свидетелей обвинения.

2.8 23 ноября 1998 года 14 свидетелей дали показания в пользу автора, подтвердив, что он находился в Кесон-Сити непосредственно до, во время и после предполагаемого преступления, совершенного в городе Себу, который находится от него на расстоянии более 500 км. В подтверждение этого суду было представлено несколько вещественных доказательств. 9 декабря 1998 года судья отказался заслушивать других свидетелей на том основании, что их показания будут по сути такими же, как и показания уже заслушанных свидетелей автора. 6, 12, 18, 20 и 25 января 1999 года суд отказался заслушивать показания других свидетелей защиты на том основании, что их показания "не имеют отношения к делу и не существенны", хотя автор считает, что они имели ключевое значение для подтверждения его алиби. Из протоколов, например, явствует, что 12 января 1999 года судья отказался заслушать одного из свидетелей защиты, поскольку его показания не будут служить доказательством того, что автор "физически не мог" находиться в городе Себу в момент совершения преступлений. 1 февраля 1999 года автору также не позволили дать показания. 2 февраля 1999 года суд принял постановление, в соответствии с которым любые иные доказательства алиби автора будут лишь повторными и излишними, поскольку от него выступило уже 14 свидетелей. 3 февраля 1999 года суд подтвердил свой отказ в отношении дачи автором своих показаний.

2.9 5 мая 1999 года Специальный суд по делам о тяжких преступлениях признал автора виновным в похищении и незаконном лишении свободы Жаклин Чон и приговорил его к пожизненному тюремному заключению. Суд констатировал отсутствие достаточных доказательств для признания его виновным в похищении и незаконном лишении свободы при отягчающих обстоятельствах, а также в убийстве и изнасиловании Мэриджой Чон. 10 мая 2000 года автор подал апелляцию в Верховный суд. В этой апелляции были подняты четыре вопроса: i) о нарушениях права на надлежащее судебное разбирательство, включая право на выбор адвоката и право на эффективную правовую помощь, об отказе заслушать свидетелей автора, непредоставлении автору возможности вызвать свидетелей защиты и о непроведении беспристрастного судебного разбирательства в результате решений председательствующего судьи; ii) о неадекватной оценке показаний главного свидетеля обвинения; iii) о недостаточности доказательств стороны обвинения для осуждения автора; и iv) о нарушении норм доказывания при представлении доказательств, подтверждающих алиби.

2.10 Хотя в соответствии с судебным регламентом Верховный суд полномочен проводить слушания, он, следуя своей обычной практике, не стал заслушивать показания каких-либо свидетелей при пересмотре дела, положившись исключительно на оценку доказательств судом низшей

инстанции. 3 февраля 2004 года он признал автора виновным не только в похищении и незаконном лишении свободы Жаклин Чон, но и по совокупности - в похищении и незаконном лишении свободы при отягчающих обстоятельствах, а также в убийстве и изнасиловании Мэриджой Чон. Автора приговорили к смерти путем введения смертельной инъекции. 2 марта 2004 года в Верховный суд было подано ходатайство о пересмотре дела, которое было отклонено 21 июля 2005 года.

Жалоба

3.1 Автор заявляет о нарушении статьи 6 Пакта, поскольку государство-участник возобновило практику смертной казни после ее отмены¹. Он утверждает, что смертная казнь была отменена после вступления в силу новой Конституции 2 февраля 1987 года (подпункт 1 пункта 19 статьи 3). 13 декабря 1993 года Конгресс принял Республиканский закон № 7659, разрешающий вновь выносить смертные приговоры за совершение ряда преступлений. Автор напоминает о том, что, хотя, по мнению большинства судей Верховного суда, новые законы, позволяющие применять смертную казнь, не являются неконституционными, с точки зрения меньшинства, "Конституция не просто приостановила вынесение смертных приговоров, а фактически полностью запретила их в законодательном порядке"². Меньшинство судей вновь высказали свое мнение при принятии решения по делу автора.

3.2 Автор заявляет о нарушении статьи 6, поскольку Верховный суд автоматически приговорил его к смертной казни на основании статьи 267 пересмотренного Уголовного кодекса. Таким образом, суд не учел никакие возможные смягчающие обстоятельства, которые могли бы говорить в пользу автора, например его сравнительно молодой возраст. Автор утверждает, что вынесение смертного приговора в обязательном порядке является нарушением его права не подвергаться произвольному лишению жизни³.

3.3 Автор заявляет о нарушении пункта 2 статьи 14, а также о том, что оценка фактов и доказательств Специальным судом по делам о тяжких преступлениях и Верховным судом была явно произвольной и равнозначной отказу в правосудии, в нарушение его права считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана⁴. Он утверждает, что, во-первых, не было собрано достаточного объема доказательств факта убийства и изнасилования. Он напоминает, что суд установил недостаточность доказательств факта убийства и изнасилования как Мэриджой, так и Жаклин Чон и что главный свидетель обвинения даже не упоминал имени автора, говоря об убийстве

---

¹ Сообщение № 1110/2002, *Роландо против Филиппин*, Соображения, принятые 3 ноября 2004 года, особое мнение г-на Мартина Шейнина, г-жи Кристины Шане и г-на Раджсумера Лаллаха; и сообщение № 869/1999 *Пиандонг и др. против Филиппин*, Соображения, принятые 19 октября 2000 года, пункт 7.4. См. также сообщение № 829/1998 *Джсадж против Канады*, Соображения, принятые 5 августа 2003 года, пункт 10.4; сообщение № 470/1991 *Киндлер против Канады*, Соображения, принятые 30 июля 1993 года, особое мнение г-на Фаусто Покара и г-на Бертила Веннергрена; и сообщение № 539/1993 *Кокс против Канады*, Соображения, принятые 31 октября 1994 года, особые мнения г-жи Кристины Шане, г-на Фаусто Покара и г-на Франсиско Хосе Агилара Урбины.

² *People of the Philippines v. Echegaray*, GR No. 117472, 7 February 1997.

³ Сообщение № 806/1998, *Томпсон против Сент-Винсент и Гренадин*, Соображения, принятые 18 октября 2000 года, пункт 8.2; сообщение № 845/1998, *Кеннеди против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 26 марта 2002 года, пункт 7.3; сообщение № 1077/2002, *Карпо и др. против Филиппин*, Соображения, принятые 28 марта 2003 года, пункт 8.3; сообщение № 1167/2003, *Райос против Филиппин*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 7.2; и сообщение № 1110/2002, *Роландо против Филиппин*, Соображения, принятые 3 ноября 2004 года, пункт 5.2. См. также Заключительные замечания Комитета по правам человека по докладу Филиппин, ССРР/СО/79/РН1, 1 декабря 2003 года, пункт 10.

⁴ Замечание общего порядка 13/21 от 13 апреля 1984 года, пункт 7.

Мэриджой Чон. Серьезные сомнения относительно представленных в суде доказательств высказал и судебно-медицинский эксперт. Вместе с тем Верховный суд признал автора виновным в убийстве и изнасиловании Мэриджой Чон, опираясь исключительно на доказательства, представленные в суде. Во-вторых, обвинение было основано на показаниях свидетеля, который был обвинен в совершении тех же преступлений. Этот свидетель дал показания против автора в обмен на свое собственное освобождение и оправдание⁵. Автор напоминает о том, что по признанию самого судьи этот свидетель солгал, но при этом судья считал, что не все его показания лживы. Верховный суд не принял во внимание мотивы, которыми руководствовался свидетель при даче показаний против обвиняемого, и не оценил объективно значение его показаний. И наконец, автор утверждает, что как суд первой инстанции, так и Верховный суд неправомерно переложили на него бремя доказывания того, что он "физически не мог" находиться на месте совершения преступления. Единственное доказательство против автора было получено от опознавших его свидетелей обвинения, а его самого обязали представить "ясные и убедительные доказательства" того, что его не было на месте преступления. Таким образом, по его словам, в результате перекладывания бремени доказывания не была обеспечена презумпция его невиновности.

3.4 Автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 14⁶ и пункта 2 статьи 14⁷, поскольку как на суд первой инстанции, так и на Верховный суд оказывали внешнее давление влиятельные социальные группы, особенно китайско-филиппинская община, членами которой были жертвы и которая требовала казни обвиняемых. Тетей жертв являлась секретарь президента Эстрады, которая призвала казнить автора после вынесения приговора судом первой инстанции. До вынесения приговора в средствах массовой информации было опубликовано много негативных сообщений об обвиняемых, в результате чего у судей сложились предубеждения по данному делу. И наконец, автор полагает, что эти предубеждения нашли отражение в судебных решениях.

3.5 Автор заявляет о нарушениях статьи 14, поскольку вынесенные Специальным судом по делам о тяжких преступлениях осуждения и приговоры были основаны на серьезных процедурных нарушениях, которые как в отдельности, так и в совокупности представляют собой нарушения данной статьи⁸. Во-первых, автору не разрешили давать показания при разбирательстве его собственного дела в нарушение пунктов 1⁹, 3 d)¹⁰ и 3 e)¹¹ статьи 14. Автор утверждает, что он вправе представлять свое дело наилучшим образом, что на практике означает право обвиняемого отвечать на утверждения обвинения и представлять доказательства своей невиновности. В своем решении

---

⁵ Сообщение № 971/2001, *Арутюнянц против Узбекистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 6.4.

⁶ Сообщение № 263/1987, *Гонсалес дель Рио против Перу*, Соображения, принятые 28 октября 1992 года, пункт 5.2.

⁷ Сообщение № 5/1997, *Амбросини и др. против Уругвая*, Соображения, принятые 15 августа 1979 года, пункт 10, и сообщение № 8/1977, *Вайсмани и Пердомо против Уругвая*, Соображения, принятые 3 апреля 1990 года, пункт 16.

⁸ Сообщение № 815/1983, *Дугин против Российской Федерации*, Соображения, принятые 5 июля 2004 года, пункт 9.3.

⁹ Сообщение № 139/1983, *Контерис против Уругвая*, Соображения, принятые 17 июля 1985 года, пункт 10, и сообщение № 32/1978, *Турон против Уругвая*, Соображения, принятые 31 марта 1981 года, пункт 12.

¹⁰ Замечание общего порядка 13/21 от 13 апреля 1984 года, пункт 11.

¹¹ Там же, пункт 12.

Верховный суд лишь принял к сведению, что суд первой инстанции не разрешил автору давать показания.

3.6 Во-вторых, как утверждает автор, в нарушение пункта 3 е) статьи 14 не было обеспечено равенства в деле вызова и допроса свидетелей¹². Судья отказался заслушать несколько свидетелей защиты и практически проигнорировал доказательство того, что могли совершить преступления, в которых обвиняется автор, другое лицо или лица¹³. Так, автор напоминает о том, что 25 января 1999 года судья отказался направить повестку для вызова в суд и заслушивания свидетельских показаний директора Национального следственного управления города Себу, поскольку сторона обвинения высказала сомнения в необходимости таких свидетельских показаний. На деле, свидетельские показания директора подтвердили бы, что первоначально в похищении подозревалось 25 лиц и что автора в их числе не было. Это свидетельство было представлено Верховному суду, который, однако, в своем решении от 3 февраля 2004 года отметил, что оно не имеет значения.

3.7 В-третьих, автор утверждает, что его право на перекрестный допрос свидетелей обвинения было необоснованно ограничено в нарушение пункта 3 е) статьи 14. Он напоминает о том, что судья занял обструкционистскую позицию, когда адвокат автора изъявил желание провести перекрестный допрос главного свидетеля обвинения (см. пункт 2.5 выше). Хотя его новый адвокат не захотел проводить перекрестный допрос свидетелей обвинения, автор утверждает, что это решение было не тактическим ходом, а решением не участвовать в несправедливом судебном разбирательстве, и что его не следует наказывать за то, что он настаивал на праве проводить перекрестный допрос свидетелей обвинения справедливым образом. Автор добавляет, что его новый адвокат не мог проводить перекрестный допрос свидетелей, поскольку он не присутствовал на первоначальном допросе тех же свидетелей. Если бы он провел такой допрос, то он был бы в неравном положении по отношению к стороне обвинения, которая присутствовала как на первом, так и при перекрестном допросе свидетелей. Верховный суд не исправил эти ошибки.

3.8 В-четвертых, автор утверждает, что с учетом необратимости приведения в исполнение смертного приговора и неэффективности назначенных судом адвокатов¹⁴ его адвокат не располагал достаточным временем для подготовки защиты вопреки пункту 3 b) статьи 14¹⁵ и что на практике он не мог выбрать себе адвоката вопреки пункту 3 d) статьи 14¹⁶. Решение взять под стражу его адвоката за проявление неуважения к суду представляет собой нарушение Пакта¹⁷. Он добавляет, что

---

¹² Сообщение № 480/1991, *Фуэнсалида против Эквадора*, Соображения, принятые 12 июля 1996 года, пункт 9.5; сообщение № 1117/2002, *Хомидов против Таджикистана*, Соображения, принятые 29 июля 2004 года, пункт 6.5, и сообщение № 353/1988, *Грант против Ямайки*, Соображения, принятые 31 марта 1994 года, пункт 8.5.

¹³ Сообщения № 464/1991 и 482/1991, *Пирт и Пирт против Ямайки*, Соображения, принятые 19 июля 1985 года, пункт 11.5.

¹⁴ Сообщение № 330/1988, *Берри против Ямайки*, Соображения, принятые 7 апреля 1994 года, пункт 11.4; и сообщение № 1167/2003, *Райос против Филиппин*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 7.3.

¹⁵ Сообщение № 49/1979, *Маре против Мадагаскара*, Соображения, принятые 24 марта 1983 года, пункт 19; и сообщение № 283/1988, *Литтл против Ямайки*, Соображения, принятые 1 ноября 1991 года, пункт 8.3.

¹⁶ Сообщение № 253/1987, *Келли против Ямайки*, Соображения, принятые 8 апреля 1991 года, пункт 5.10.

¹⁷ Сообщение № 1189/2003, *Фернандо против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 31 марта 2005 года, пункт 9.2.

отказ предоставить разумное время для поиска нового адвоката был также противозаконным¹⁸, и напоминает о том, что 2 сентября 1998 года судья назначил адвоката из прокуратуры для представления интересов автора несмотря на то, что автор настаивал на предоставлении ему времени для поиска собственного адвоката, и несмотря на тот факт, что он располагал для этого необходимыми средствами¹⁹. Как следствие, в период между 3 и 23 сентября 1998 года автора представлял адвокат из прокуратуры, у которого было менее одного дня для подготовки защиты и которому не было предоставлено никакого иного времени для подготовки защиты в нарушение Пакта²⁰. В течение этого периода 25 свидетелей обвинения давали показания и назначенный адвокат автора не высказывал возражений в отношении каких-либо показаний. Адвокаты из прокуратуры даже жаловались на конфликт интересов, поскольку на одной из стадий судопроизводства они представляли интересы главного свидетеля обвинения, каковым был один из обвиняемых, а затем представляли других обвиняемых. Автор утверждает, что его новому адвокату необходимо было предоставить достаточное время для ознакомления с материалами дела. Хотя эти вопросы были подняты в апелляции, Верховный суд не исправил ошибки, совершенные в ходе судебного разбирательства.

3.9 В-пятых, автор заявляет, что он не был судим независимым и беспристрастным судом в нарушение пункта 1 статьи 14. Он напоминает, что судья побуждал главного свидетеля обвинения к даче показаний против автора и что его адвокат неоднократно возражал против этого. Судья не позволил провести перекрестный допрос упомянутого свидетеля 13 августа 1998 года и делал оскорбительные замечания свидетелям защиты. Кроме того, судья был тем же лицом, которое 19 октября 1997 года оценивало выдвинутые против автора предварительные обвинения и, таким образом, не должно было принимать участие в судебном разбирательстве²¹. Данный вопрос был также поднят в Верховном суде, который не дал на него адекватного ответа.

3.10 Автор заявляет о нарушениях пункта 2 статьи 6 и статьи 14, поскольку Верховный суд не исправил процессуальные нарушения, допущенные судом низшей инстанции²². Во-первых, у судей Верховного суда сложились предубеждения в отношении судебного разбирательства вопреки пункту 1 статьи 14²³. Он отмечает, что два члена Апелляционного суда, которые в 1997 году оценивали выдвинутые против автора предварительные обвинения, заседали в Верховном суде при

---

¹⁸ Сообщение № 232/1987, *Пинто против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 20 июля 1990 года, пункт 12.5; и сообщение № 223/1987, *Робинсон против Ямайки*, Соображения, принятые 30 марта 1989 года, пункт 10.3.

¹⁹ Сообщение № 52/1979, *Садис де Лопес* против Уругвая, Соображения, принятые 29 июля 1981 года, пункт 13; сообщение № 74/1980, *Эстрелла против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1983 года, пункт 10; сообщение № 232/1987, *Пинто против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 20 июля 1990 года, пункт 12.5; и сообщение № 677/1996, *Тисдейл против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 1 апреля 2002 года, пункт 9.6.

²⁰ Сообщение № 796/1998, *Рис против Ямайки*, Соображения, принятые 14 июля 2003 года, пункт 7.2; и сообщение № 775/1997, *Браун против Ямайки*, Соображения, принятые 23 марта 1999 года, пункт 6.6.

²¹ Сообщение № 240/1987, *Коллинз против Ямайки*, Соображения, принятые 1 ноября 1991 года, особое мнение г-жи Кристины Шане, г-на Курта Херндля, г-на Франсиско Хосе Агилара Урбины и г-на Бертиля Веннергрена; и сообщение № 387/1989, *Карттунен против Финляндии*, Соображения, принятые 23 октября 1992 года, пункт 7.2.

²² Сообщение № 387/1989, *Карттунен против Финляндии*, Соображения, принятые 23 октября 1992 года, пункт 7.3.

²³ Сообщение № 1015/2001, *Пертерер против Австрии*, Соображения, принятые 20 августа 2004 года, пункт 10.2; и сообщение № 387/1989, *Карттунен против Финляндии*, Соображения, принятые 23 октября 1992 года, пункт 7.2.

вынесении решения по делу автора 3 февраля 2004 года и при отклонении его ходатайства о пересмотре дела 21 июля 2005 года. По мнению автора, они, таким образом, нарушили правило 137 судебного регламента Филиппин. Другой судья, чья жена была двоюродной бабушкой жертв, также заседал в Верховном суде при принятии решения по делу автора 3 февраля 2004 года и при отклонении ходатайства о пересмотре дела 21 июля 2005 года. Во-вторых, Верховный суд нарушил принцип "*ex officio reformatio in peius*", закрепленный в пункте 1 статьи 14²⁴, и право автора на апелляцию, предусмотренное в пункте 5 статьи 14. Он напоминает о том, что Верховный суд признал его виновным в убийстве и изнасиловании Мэриджой Чон и приговорил к смертной казни²⁵. В-третьих, автор утверждает, что Верховный суд нарушил его право на публичное судебное разбирательство, закрепленное в статье 14²⁶, и в частности в пункте 1 статьи 14²⁷, в пункте 2 статьи 6 и в пункте 2 статьи 14, а также в пункте 5 статьи 14²⁸, и его право присутствовать на слушаниях, закрепленное в пункте 3 d) статьи 14²⁹. Он напоминает о том, что Верховный суд не заслушивал устные показания свидетелей и что ему не разрешили присутствовать на разбирательстве его апелляции. Никаких причин для отказа от заслушивания его показаний не было³⁰, особенно если учесть тот факт, что решение по апелляции было вынесено четыре года и девять месяцев спустя, и соответственно вопрос оперативности не имел никакого значения. И наконец, автор утверждает, что Верховный суд нарушил его право на подачу апелляции в вышестоящую судебную инстанцию согласно закону, как это предусмотрено в пункте 5 статьи 14. Он отмечает, что его осудили за убийство и изнасилование и приговорили к смертной казни только в последней инстанции³¹, и он не мог подать апелляцию в вышестоящий судебный орган³². Автор также отмечает, что его ходатайство о пересмотре дела было рассмотрено 21 июля 2005 года теми же 12 судьями, которые приговорили его к смертной казни. Поэтому он утверждает, что решение по его ходатайству нельзя считать беспристрастным.

3.11 Автор заявляет о нарушениях пункта 3 статьи 9, пункта 3 с) статьи 14 и пункта 5 статьи 14, поскольку в ходе судебного процесса были допущены неоправданные задержки. Судопроизводство в

---

²⁴ Сообщение № 207/1986, *Мораль против Франции*, Соображения, принятые 28 июля 1989 года, пункт 9.3.

²⁵ Замечание общего порядка 13/21 от 13 апреля 1984 года, пункт 19.

²⁶ Сообщение № 848/1999 *Орехуэла против Колумбии*, Соображения, принятые 23 июля 2002 года, пункт 7.3.

²⁷ Сообщение № 387/1989 "*Карттунен против Финляндии*", Соображения, принятые 23 октября 1992 года, пункт 7.3.

²⁸ Замечания общего порядка 13/21 от 13 апреля 1984 года, пункт 17.

²⁹ Сообщение № 232/1987 *Пинто против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 20 июля 1990 года, пункт 12.5.

³⁰ Сообщение № 387/1989 *Карттунен против Финляндии*, Соображения, принятые 23 октября 1992 года, особое мнение г-на Бертила Веннергрена.

³¹ Сообщение № 973/2001 *Халилов против Таджикистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.5, и сообщение № 1073/2002 "*Террон против Испании*", Соображения, принятые 5 ноября 2004 года, пункт 7.4.

³² Сообщение № 64/1979 *Сальгар де Монтехо против Колумбии*, Соображения, принятые 24 марта 1982 года, пункты 9.1 и 11.

целом, как и его отдельные стадии, проводилось с неоправданными задержками³³. Автор напоминает, что сведения, на основе которых его обвинили в похищении и незаконном лишении свободы двух лиц при отягчающих обстоятельствах, были представлены 17 сентября 1997 года, что судебное разбирательство его дела началось спустя 11 месяцев 12 августа 1998 года и что решение суда было вынесено только через один год и восемь месяцев после предъявления обвинений, а именно 5 мая 1999 года³⁴. Он направил свою апелляцию 10 мая 2000 года, а Верховный суд вынес решение почти три года и девять месяцев спустя, 3 февраля 2004 года³⁵. Таким образом, промежуток между предъявлением обвинения и решением Верховного суда составил шесть лет и пять месяцев. 2 марта 2004 года автор направил ходатайство о пересмотре дела, по которому решение было вынесено 21 июля 2005 года, т.е. спустя один год и четыре месяца. Соответственно, промежуток между предъявлением обвинения и вынесением окончательного решения составил 7 лет и 10 месяцев³⁶. По словам автора, такая задержка является неоправданной, поскольку необходимо было провести незначительные следственные действия, и доказательствами служили лишь показания прямых свидетелей и заключения судебно-медицинской экспертизы.

3.12 Автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 6, поскольку вынесение ему смертного приговора в конце процесса, в рамках которого были нарушены его гарантии на справедливое судебное разбирательство, представляет собой произвольное лишение жизни³⁷.

3.13 Автор заявляет о нарушении статьи 7, поскольку продолжительное время его содержали в камере смертников³⁸. Он утверждает, что налицо бесчеловечное обращение³⁹, ибо он пострадал от других нарушений Пакта и ему реально угрожает опасность быть в конечном итоге незаконно

---

³³ Замечание общего порядка 13/21 от 13 апреля 1984 года, пункт 10; сообщение № 43/1979 *Кальдас против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункты 12.1 и 14; сообщение № 864/1999 *Агудо против Испании*, Соображения, принятые 31 октября 2002 года, пункт 9.1, и сообщение № 203/1986 *Эрмоса против Перу*, Соображения, принятые 4 ноября 1988 года, пункт 11.3.

³⁴ Сообщение № 677/1996 *Тисдейл против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 1 апреля 2002 года, пункт 9.3; и сообщение № 56/1979 *Де Касарьего против Уругвая*, Соображения, принятые 29 июля 1981 года, пункт 11.

³⁵ Сообщение № 938/2000 *Сьюперсауд и др. против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 29 июля 2004 года, пункт 6.2; сообщение № 683/1996 *Ванза против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 26 марта 2002 года, пункт 9.4; сообщение № 580/1994 *Эйби против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 21 марта 2002 года, пункт 10.5; сообщение № 677/1996 *Тисдейл против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 1 апреля 2002 года, пункт 9.4; сообщения № 210/1986 и 225/1987 *Пратт и Морган против Ямайки*, Соображения, принятые 6 апреля 1989 года, пункт 13.4, и сообщение № 27/1977 *Пинкни против Канады*, Соображения, принятые 29 октября 1981 года, пункт 22.

³⁶ Сообщение № 203/1986, *Эрмоса против Перу*, Соображения, принятые 4 ноября 1988 года, пункт 11.3; и сообщение № 43/1979, *Кальдас против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 12.1.

³⁷ Сообщение № 250/1987 *Рейд против Ямайки*, Соображения, принятые 20 июля 1990 года, пункт 11.5; сообщение № 16/1977 *Мбенге против Заира*, Соображения, принятые 25 марта 1983 года, пункт 17; и сообщение № 349/1980 *Райт против Ямайки*, Соображения, принятые 27 июля 1992 года, пункт 8.7.

³⁸ Сообщение № 470/1991 *Киндлер против Канады*, Соображения, принятые 30 июля 1993 года, пункты 15.2 и 15.3; и сообщения № 270-271/1988 *Барретт и Сатклифф против Ямайки*, Соображения, принятые 30 марта 1992 года, пункт 8.4.

³⁹ Сообщения № 210/1986 и 225/1987 *Пратт и Морган против Ямайки*, Соображения, принятые 6 апреля 1989 года, пункт 13.6; сообщение № 599/1994 *Спенс против Ямайки*, Соображения, принятые 18 июля 1996 года, пункт 7.1; и сообщение № 720/1996 *Морган и Уильямс против Ямайки*, Соображения, принятые 3 ноября 1998 года, пункт 6.3.

казненным⁴⁰. Действительно, опасения и неопределенность, вызванные смертным приговором и усугубленные неоправданной задержкой в обстоятельствах, когда существует реальная угроза приведения приговора в исполнение, приносят серьезные страдания⁴¹. Автор напоминает о том, что он сам не был причиной какой-либо задержки⁴², и утверждает, что ему реально угрожает казнь, поскольку казни по-прежнему приводятся в исполнение. Хотя 17 сентября 2002 года президент объявил о моратории на приведение смертных казней в исполнение, 26 июня 2003 года были внесены изменения в Общие руководящие принципы относительно рекомендаций о президентском помиловании, в результате чего ходатайства о помиловании не получают поддержки, если в момент совершения преступления виновный находился в состоянии наркотического опьянения. Автор напоминает о том, что Верховный суд установил, что он и его сообвиняемые потребляли марихуану перед совершением предполагаемых преступлений.

3.14 Касательно вышеуказанных нарушений автор сообщения утверждает, что он не был лишен свободы на таких основаниях и в соответствии с такими процедурами, которые предусмотрены в законе. Он считает, что его вина не была доказана вне разумных сомнений и что поэтому он не должен был подвергнуться тюремному заключению.

3.15 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то автор сообщает, что он обращался с рядом жалоб на все вышеуказанные нарушения. Все процедурные нарушения в ходе судебных слушаний были обжалованы в Верховном суде, а все процедурные нарушения, допущенные в Верховном суде, были перечислены в ходатайстве о пересмотре дела. Автор сообщения утверждает, что повторное ходатайство о пересмотре дела не может рассматриваться как действенное средство правовой защиты⁴³.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 3 марта 2006 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Что касается восстановления смертной казни, то оно указывает, что Конституция 1987 года не отменила смертной казни. Государство-участник напоминает, что, согласно статье 19(1) раздела III Конституции, смертный приговор может выноситься лишь "при наличии веских оснований за самые ужасающие преступления в порядке, определенном Конгрессом". Ссылаясь на историю выработки данной статьи, оно демонстрирует, что право государства применять смертную казнь никогда не ставилось под сомнение. Оно ссылается также на решение Верховного суда, в котором суд подтвердил, что ничто в статье 19 (1) раздела III конкретно не запрещает смертную казнь⁴⁴. Государство-участник напоминает, что вынесение смертного приговора за некоторые виды преступлений относится к числу прерогатив государства при том условии, что эта мера наказания применяется лишь к "самым тяжким преступлениям". Кроме того, оно напоминает, что не является участником второго Факультативного протокола к Пакту. Признавая существование в настоящее время тенденции к отмене смертной казни даже за самые

---

⁴⁰ Сообщение № 1110/2002, *Роландо против Филиппин*, Соображения, принятые 3 ноября 2004 года, особое мнение г-на Мартина Шейнина, г-жи Кристины Шане и г-на Раджсумира Лаллаха.

⁴¹ Сообщение № 1167/2003 *Райос против Филиппин*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 7.1; и сообщение № 1110/2002 *Роландо против Филиппин*, Соображения, принятые 3 ноября 2004 года, пункт 5.4.

⁴² Сообщения № 210/1986 и 225/1987, *Пратт и Морган против Ямайки*, Соображения, принятые 6 апреля 1989 года, пункт 13.4.

⁴³ Сообщение № 1073/2002, *Террон против Испании*, Соображения, принятые 5 ноября 2004 года, пункт 6.5; и сообщение № 1101/2002, *Кабриада против Испании*, Соображения, принятые 1 ноября 2004 года, пункт 6.5.

⁴⁴ *Народ Филиппин против Эчегаре*, GR No. 117472, 7 февраля 1997 года.

тяжкие преступления, государство-участник в то же время считает этот аргумент недостаточным для того, чтобы полностью запретить смертную казнь. Соответственно, статью 6 следует понимать таким образом, что страны, отказавшиеся от смертной казни, не могут восстанавливать ее, в то время как для стран, где она продолжает применяться, ее отмена является не обязательной, а в высшей степени желательной.

4.2 Что касается утверждения о том, что в соответствии с действующим законодательством вынесение смертного приговора автору сообщения было обязательным, какими бы ни были смягчающие обстоятельства, то государство-участник напоминает, что, согласно пересмотренному Уголовному кодексу, лицо может быть признано виновным в преступлении, совершенном другим лицом, когда имели место сговор или общность целей, а также преступный умысел. Таким образом, участники сговора несут ответственность за преступные деяния друг друга, и степень фактического участия каждого из них не имеет значения. В рассматриваемом деле Верховный суд установил, что автор сообщения и его соотечественники имели общую цель - похитить и незаконно удерживать сестер Чон. Поскольку факт сговора установлен, автор сообщения несет ответственность за весь комплекс преступлений - похищение, незаконное удержание, изнасилование и убийство, - независимо от того, кто из группы фактически сбросил Мариджой Чон в ущелье. Что же касается относительной молодости автора сообщения, то государство-участник отмечает, что, хотя смертный приговор не может быть вынесен лицу, которому на момент совершения преступления еще не исполнилось 18 лет, автору сообщения на момент совершения им преступления было уже 20 лет. Государство-участник отмечает, что ни во внутреннем уголовном праве, ни в правовой практике Комитета "относительная молодость" не признается в качестве смягчающего обстоятельства.

4.3 Государство-участник напоминает, что, хотя смертный приговор и был вынесен на основании статьи 267 пересмотренного Уголовного кодекса, даже в этом случае были учтены как положение правонарушителя, так и обстоятельства преступления. С точки зрения высшей меры наказания единственными смягчающими обстоятельствами могут признаваться несовершеннолетие, наличие частично оправдывающих и частично освобождающих от ответственности обстоятельств. Государство-участник отмечает, что один из соотечественников автора сообщения не был приговорен к смертной казни, поскольку в момент совершения преступлений он был несовершеннолетним. Оно указывает также на то, что вынесение смертного приговора обставляется защитными процессуальными мерами, которые доказали свою эффективность за время, прошедшее с 1993 года. В этой связи государство-участник настаивает на том, что "обязательный приговор" никоим образом не указывает на факт произвола, и не усматривает здесь никакого нарушения требований статьи 6 (1). Обращаясь к правовой практике Комитета, оно отмечает, что смертный приговор становится обязательным (в смысле, произвольным), когда он выносится без учета обстоятельств преступления и ситуации правонарушителя, т.е. на основании недифференцированного применения правовых положений о высшей мере наказания или независимо от участия обвиняемого в совершении правонарушения⁴⁵. Государство-участник ссылается при этом на Замечание общего порядка № 14/23 от 2 ноября 1984 года по статье 6 Пакта, в котором Комитет рассматривал понятие произвольного лишения жизни, а также на два особых мнения, прилагаемых к соображениям Комитета по делу *Карно*⁴⁶.

4.4 Что касается утверждения о том, что оценка фактов была очевидно необъективной, означая по сути отказ в правосудии, то, по мнению государства-участника, решение Верховного суда свидетельствует о существовании убедительных доказательств убийства и изнасилования. Оно напоминает, что в случае подачи апелляции по уголовному делу соответствующее дело полностью

---

⁴⁵ Сообщение № 806/1998, *Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин*, Соображения, принятые 18 октября 2000 года, пункт 8.2; и сообщение № 845/1998, *Кеннеди против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 26 марта 2002 года, пункт 7.3.

⁴⁶ Сообщение № 1077/2002, Соображения, принятые 28 марта 2003 года, особые мнения г-на Нисуке Андо и г-жи Рут Вуэджвуд.

пересматривается, причем Верховный суд вправе отказать сторонам в устном представлении аргументации. Верховный суд внимательно изучил представленные ему доказательства и не согласился с приговором к пожизненному тюремному заключению, вынесенным автору сообщения и его соотечественником судом, слушавшим это дело.

4.5 Что касается утверждения о том, что обвинение основывалось на признаниях сообщника, обвиняемого в тех же преступлениях, то государство-участник отмечает, что суд, в котором слушалось дело, признал их убедительными. В то же время, эти признания подкреплялись показаниями незаинтересованных свидетелей и вещественными уликами. Ни суд, в котором слушалось дело, ни Верховный суд не отклонили эти признательные показания.

4.6 В отношении утверждений о неправильном использовании критериев доказанности и возложении бремени доказывания государство-участник заявляет, что, хотя обязанность доказать наличие состава преступления лежит на обвинении, сторона защиты должна продемонстрировать существование алиби или оправдательных или освобождающих от ответственности обстоятельств. Что касается мотивов главного свидетеля обвинения, то государство-участник напоминает, что Верховный суд не установил наличие у свидетелей мотивов для дачи ложных показаний против обвиняемых. Оно приходит к выводу, что никто не лишил автора сообщения права на презумпцию невиновности и что сторона обвинения смогла доказать вне разумных оснований наличие состава преступления по каждой статье обвинения.

4.7 Говоря о якобы имевшем месте давлении на отдельных судей, государство-участник отмечает, что решение принималось Верховным судом в целом, а не отдельными судьями. Как бы то ни было, президент Эстрада лишился власти в январе 2001 года, а автор сообщения был приговорен к смертной казни тремя годами позднее. Трудно себе представить, чтобы изгнанный президент оказывал давление на Верховный суд, требуя осудить автора сообщения. Что же касается утверждений о том, суд, слушавший дело, и Верховный суд отнеслись к делу предвзято, то государство-участник заявляет, что все это не более чем домыслы и спекуляции и что в данном случае судебная власть действовала совершенно независимо.

4.8 Относительно утверждения о том, что из-за нарушения принципа справедливого судебного разбирательства решение Специального суда по особо тяжким преступлениям не имеет законной силы, государство-участник заявляет, что ничто не мешало автору сообщения самому дать показания, если, как отмечает автор в своем представлении Комитету, стороны обвинения и защиты действительно договорились обойтись без них. Поэтому автор сообщения не должен перекладывать ответственность за неудачу показаний на слушавший его дело суд. Государство-участник напоминает, что в случае согласия стороны обвинения и защиты внутренние суды могут приобщить к материалам дела показания свидетелей, даже не заслушав их, и что такая практика особенно распространена в тех случаях, когда показания подкрепляют уже имеющиеся свидетельства, что и произошло в данном случае.

4.9 Отвечая на утверждения о том, что стороны не имели равных возможностей для вызова и допроса свидетелей, государство-участник отмечает, что за упорядоченный и оперативный допрос свидетелей, позволяющий не тратить время впустую, отвечает ведущий слушания судья. Поэтому суд может отказать от допроса свидетелей, которые лишь подтвердят уже данные другими свидетелями показания. По мнению государства-участника, решение суда отказать от показаний отдельных свидетелей защиты было совершенно оправданным: эти свидетели лишь подтвердили бы то, что уже было известно суду.

4.10 Относительно утверждений о неоправданном ограничении права на перекрестный допрос свидетелей обвинения государство-участник ссылается на решение Верховного суда от 3 февраля 2004 года, в котором суд отверг утверждение ответчиков о том, что во время суда им не были предоставлены достаточные возможности для перекрестного допроса главного свидетеля обвинения. Кроме того, Верховный суд отметил, что регулирование процедуры перекрестного допроса

свидетелей является правом и обязанностью суда, который должен экономить время и не допускать их затяжного и бесцельного допроса.

4.11 Что касается утверждений о том, что адвокат не имел достаточно времени для подготовки защиты и что было нарушено право автора сообщения на выбор компетентного адвоката, то государство-участник напоминает, что адвокат автора был признан виновным в оскорблении суда и приговорен к тюремному заключению. Оно поясняет, что прямым считается оскорбление, нанесенное суду или отдельному судье в здании суда или неподалеку от него, и оно может наказываться в порядке упрощенного производства без проведения судебных слушаний. Государство-участник не считает Соображения Комитета по делу *Фернандо* применимыми к данному случаю, поскольку в том деле приговор за оскорбление суда был вынесен без ссылки на какие-либо основания⁴⁷. В ответ на утверждение о том, что назначенный адвокат не имел достаточной подготовки, государство-участник ссылается на решение Верховного суда, постановившего, что суд, для того чтобы начать слушания по делу, имеет право назначить такого адвоката, которого он считает достаточно компетентным. Оно поясняет, что никакого конфликта интересов не существовало, поскольку адвокат Рузии, также из прокуратуры, никогда не участвовал в обвинении автора сообщения, и его роль заключалась лишь в том, чтобы добиться для своего клиента иммунитета от судебного преследования. Государство-участник вновь ссылается на решение Верховного суда, постановившего, что отсрочка предоставляется по усмотрению суда и что отказ в отсрочке, как правило, не нарушает право ответчика на помощь адвоката.

4.12 Касаясь вопроса о нарушении права автора сообщения на беспристрастный суд, государство-участник утверждает, что ведущий слушания судья имеет право задавать вопросы свидетелям во время как прямого, так и перекрестного допроса. Нельзя обвинять судью в предвзятости и необъективности лишь на том основании, что именно он сообщил автору сообщения о предъявленных ему обвинениях и спросил его, признает ли он себя виновным. Кроме того, предварительное следствие по делу проводил не судья, а прокурор из министерства юстиции.

4.13 Относительно предполагаемого нарушения Верховным судом положений Пакта государство-участник поясняет, что бывший судья Давид не участвовал в рассмотрении дела, что подтверждается имеющейся в решении пометкой против его фамилии. Что касается двух других судей, упомянутых автором сообщения, то государство-участник утверждает, что ни один из них не председательствовал в суде, признавшем автора виновным. Как считает государство-участник, принцип *ex officio reformatio in peius* означает, что апелляционный суд не может ужесточить вынесенный ранее приговор, не предложив сторонам представить свои замечания. Слушания в Верховном суде носят состязательный характер, хотя суд может ограничить число выступлений сторон. Обжалование уголовного дела влечет его полный пересмотр, и апелляционный суд обязан исправить любые ошибки в обжалуемом приговоре. Автор сообщения имел достаточно возможностей изложить Верховному суду свои аргументы и замечания. Что касается права на открытое слушание дела, государство-участник отмечает, что на стадии обжалования это право не является абсолютным и что оно предоставляется лишь при рассмотрении дела в первой инстанции. В данном случае Верховный суд не считал необходимым заслушивать устные представления сторон⁴⁸.

4.14 Касаясь утверждения о нарушении предусмотренного в законе права на подачу апелляции в суд высшей инстанции, государство-участник указывает, что автор сообщения обжаловал вынесенный ему приговор в Верховном суде и что эта претензия не имеет под собой никаких оснований.

---

⁴⁷ Сообщение № 1189/2003, *Фернандо против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 31 марта 2005 года, пункт 9.2.

⁴⁸ Сообщение № 1110/2002, *Роландо против Филиппин*, Соображения, принятые 3 ноября 2004 года, пункт 4.5.

4.15 В отношении утверждения о неоправданных задержках государство-участник заявляет, что первоначально задержка возникла из-за стремления автора сообщения добиться снятия предъявленных ему обвинений. В ходе слушания дела в суде автор сообщения один представил четырнадцать свидетелей, и сторона защиты пыталась затянуть рассмотрение дела при помощи "стратегических махинаций". Государство-участник поясняет, что каждый ответчик подал отдельную апелляцию и что до вынесения по ним окончательного решения Верховному суду пришлось урегулировать все побочные вопросы, поднятые автором сообщения и его соответчиками. Оно признает, что с учетом сложности дела, а также того, что автор сообщения использовал все доступные средства правовой защиты, суд вынужден был действовать максимально оперативно. Что касается залога, то государство-участник объясняет, что когда предъявляется обвинение в совершении преступления, влекущего за собой смертную казнь или пожизненное тюремное заключение, и имеются убедительные доказательства вины, освобождение под залог невозможно.

Комментарии автора

5.1 10 мая 2006 года автор сообщения прокомментировал представление государства-участника. Он узнал о принятом 16 апреля 2006 года решении государства-участника заменить все смертные приговоры на пожизненное тюремное заключение. Тем временем автор сообщения продолжает ожидать смертной казни, не получив из канцелярии президента никаких документов о том, что вынесенный ему смертный приговор был заменен. Кроме того, он утверждает, что как президент, так и ее преемник вполне могут отменить принятое решение. Как бы то ни было, автор сообщения настаивает на том, что принцип *ex officio reformatio in peius* был нарушен, поскольку пожизненное тюремное заключение является более тяжким наказанием, чем предусмотренное во внутреннем праве "reclusion perpetua"⁴⁹.

5.2 Автор сообщения вновь подчеркивает, что смертная казнь на Филиппинах была отменена, а затем восстановлена. Он заявляет также, что его не признали виновным в "самом тяжком преступлении", поскольку Верховный суд не смог доказать, что автор совершил преступление, был его соучастником или вообще мог предположить, что Мариджой Чон сбросят в ущелье. По мнению автора сообщения, на основе установленных Верховным судом фактов он мог быть признан виновным лишь в похищении, незаконном лишении свободы и изнасиловании, которые для целей пункта 2 статьи 6 не могут считаться "самыми тяжкими преступлениями".

5.3 Автор сообщения подчеркивает, что обязательное вынесение смертного приговора является нарушением статьи 6 Пакта. Он утверждает также, что это нарушает и прописанный в статье 7 запрет на применение жестоких и нетрадиционных видов наказания.

5.4 Касаясь утверждения государства-участника о том, что автор сообщения и его соответчики преследовали одну цель - похитить и лишить свободы сестер Чон - и поэтому виновны в сговоре, автор считает, что прямые доказательства сговора отсутствуют и что ни суд, в котором слушалось дело, ни Верховный суд не смогли доказать, что ему было хоть что-либо известно о готовящихся преступлениях. Он настаивает на том, что в ходе судебных слушаний были допущены серьезные процессуальные нарушения. В ответ на утверждение о том, что он сам отказался от дачи показаний, автор сообщения подчеркивает, что он никогда не давал на это своего согласия и что заслушать его отказался слушавший дело судья. Что касается решения ограничить число свидетелей защиты, то автор сообщения напоминает, что суд заслушал показания более чем двадцати двух свидетелей обвинения, подтвердивших показания главного свидетеля обвинения, и в то же время несправедливо ограничил право автора вызвать всех тех свидетелей, которые подтвердили бы его версию событий.

---

⁴⁹ Reclusion perpetua означает тюремное заключение сроком от 20 до 40 лет, предусматривающее возможность условно-досрочного освобождения после 30 лет, в то время как пожизненное тюремное заключение не предусматривает такой возможности.

5.5 Остановливаясь на заявлении государства-участника о том, что Верховный суд имел право ужесточить приговор, вынесенный слушавшим дело судом, и даже отменить его, автор сообщения утверждает, что это не так, поскольку основная цель подачи апелляции в Верховный суд заключается в том, чтобы защитить обвиняемого. По законам страны, сторона обвинения не имеет права обжаловать оправдательный или какой-либо иной приговор слушавшего дело суда. Поэтому он настаивает на том, что действующий во многих странах принцип *ex officio reformatio in peius* был нарушен.

5.6 В отношении утверждения государства-участника о том, что задержки возникли по вине автора сообщения, он заявляет, что их причиной является отсутствие дисциплины в судебной системе, в том числе неоправданно продолжительный отпуск председательствовавшего судьи. Что касается утверждения о том, что процедура обжалования была затянута отчасти потому, что каждый из обвиняемых подал отдельную апелляцию, автор сообщения отмечает, что все апелляции рассматривались в комплексе.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Перед рассмотрением любых жалоб, содержащихся в сообщениях, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры определить, является или нет данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет удостоверился в том, что для целей пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник не высказало никаких возражений относительно приемлемости сообщения. Опираясь на имеющийся в его распоряжении материал, Комитет не видит никаких препятствий для принятия сообщения и объявляет его приемлемым.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Из приговоров суда первой инстанции и Верховного суда Комитет делает вывод о том, что автор сообщения был признан виновным в похищении и незаконном лишении свободы при отягчающих обстоятельствах в совокупности с убийством и изнасилованием на основании статьи 267 пересмотренного Уголовного Кодекса, предусматривающей, что "когда жертва погибает или умирает вследствие лишения свободы или подвергается изнасилованию [...], назначается высшая мера наказания". Таким образом, смертный приговор был вынесен автоматически на основании статьи 267 пересмотренного Уголовного кодекса. Комитет напоминает о своих предыдущих постановлениях, согласно которым автоматическое и обязательное вынесение смертного приговора представляет собой произвольное лишение жизни в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта в тех случаях, когда смертный приговор выносится без учета личных обстоятельств обвиняемого или обстоятельств конкретного преступления⁵⁰. Следовательно, права автора сообщения, закрепленные в пункте 1

---

⁵⁰ Сообщение № 806/1998, *Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин*, Соображения, принятые 18 октября 2000 года; сообщение № 845/1998, *Кеннеди против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 26 марта 2002 года; и сообщение № 1077/2002, *Карпо против Филиппин*, Соображения, принятые 28 марта 2003 года.

статьи 6 Пакта, были нарушены. В то же время Комитет отмечает, что государство-участник приняло Республиканский закон № 9346, запрещающий вынесение смертного приговора на Филиппинах.

7.3 Комитет принял к сведению аргументы автора сообщения, считающего, что восстановление смертной казни за "особо тяжкие преступления" на основании Республиканского закона № 7659 является нарушением статьи 6 Пакта. С учетом того, что государство-участник недавно отменило смертную казнь, Комитет считает, что это утверждение утратило свою актуальность и не заслуживает рассмотрения в связи с данным делом.

7.4 Что касается жалобы на нарушение принципа презумпции невиновности, то автор сообщения перечислил ряд обстоятельств, которые, по его мнению, подтверждают, что он не смог воспользоваться этим правом. Комитету известно, что некоторые государства требуют, чтобы ответчик продемонстрировал наличие у него алиби, и что для признания предъявляемых защитой доказательств должен быть соблюден определенный критерий доказывания. Однако в данном случае рассматривавший дело суд не продемонстрировал достаточной благосклонности и не позволил ответчику доказать свое алиби, в частности, отказавшись заслушать ряд свидетелей защиты. Уголовный суд может признать ответчика виновным лишь в случае отсутствия обоснованных сомнений в его вине, причем рассеивать такие сомнения должно обвинение. В рассматриваемом деле слушавший дело судья задал стороне обвинения ряд наводящих вопросов, и это служит подтверждением того, что невиновность автора сообщения не презюмировалась до того момента, как его вина была доказана. Кроме того, Комитет считает, что к показаниям сообщника, обвиняемого в том же преступлении, следует относиться очень осторожно, особенно с учетом того, что этот человек лгал о своих предыдущих судимостях, получил иммунитет от преследования и в конечном счете сознался в изнасиловании одной из жертв. По мнению Комитета, в рассматриваемом деле ни суд первой инстанции, ни Верховный суд не отреагировали должным образом на вышеупомянутые жалобы автора сообщения. Что касается публичных заявлений высших чиновников о виновности автора сообщения, которые широко освещались в средствах массовой информации, то Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 13 по статье 14, в котором он, в частности, указал, что "все государственные власти обязаны воздерживаться от предопределения исхода судебного процесса". Комитет считает, что в данном случае власти не выполнили требования пункта 2 статьи 14 воздерживаться от преждевременных суждений, особенно если принять во внимание постоянные намеки в ходе слушания дела в суде на то, что автора сообщения следует приговорить к смертной казни. С учетом вышеуказанных обстоятельств Комитет приходит к выводу, что в нарушение пункта 2 статьи 14 в ходе суда над автором сообщения принцип презумпции невиновности был нарушен⁵¹.

7.5 Опираясь на представленную ему информацию, Комитет отмечает, что назначенный адвокат автора сообщения просил суд предоставить ему отсрочку в связи с неготовностью защищать своего клиента, поскольку назначение он получил 2 сентября 1998 года, а суд возобновил слушания 3 сентября 1998 года. Аналогично этому, выбранный автором сообщения адвокат также ходатайствовал перед судом об отсрочке по причине неподготовленности защиты клиента: он впервые появился в суде по этому делу 24 сентября 1998 года, а судебные заседания возобновились 30 сентября 1998 года. Судья отказался удовлетворить эти просьбы якобы потому, что судебный процесс должен был быть завершен за 60 дней. По мнению Комитета, в тех случаях, когда существует вероятность назначения высшей меры наказания и когда адвокат ответчика просит отложить слушания, поскольку у него не было достаточно времени для ознакомления с материалами дела, суд обязан предоставить ответчику возможность подготовить свою защиту. В рассматриваемом деле отсрочка должна была быть предоставлена как назначенному, так и выбранному автором

---

⁵¹ Сообщение № 971/2001, *Арутюнянц против Узбекистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 6.4.

сообщения адвокату. Таким образом, Комитет усматривает здесь нарушение пункта 3 b) и d) статьи 14 Пакта⁵².

7.6 Относительно представления интересов автора сообщения в суде Комитет подчеркивает, что в делах, в которых существует вероятность назначения высшей меры наказания, такое представление является обязательным. В данном случае очевидно, что назначенного адвоката автору сообщения предоставили после того, как его прежний адвокат был признан виновным в оскорблении суда и заключен в тюрьму. Из имеющихся в распоряжении Комитета материалов видно, что автор сообщения не хотел, чтобы его представлял назначенный адвокат, и просил отложить рассмотрение дела, для того чтобы нанять нового адвоката, что было ему вполне по средствам. В данных обстоятельствах и с учетом того, что подсудимому грозил смертный приговор, рассматривавший дело суд должен был удовлетворить просьбу автора сообщения найти другого адвоката, даже если это потребовало бы приостановки слушаний. Поскольку автору сообщения было отказано в праве быть представленным выбранным им самим адвокатом и поскольку Верховный суд, которому было сообщено об этом нарушении, не исправил его, речь идет о невыполнении требований пункта 3d) статьи 14⁵³.

7.7 Что касается жалобы автора сообщения на неравенство возможностей из-за ограничения его права на перекрестный допрос свидетелей обвинения, то Комитет отмечает, что судья неоднократно прерывал перекрестный допрос главного свидетеля обвинения и досрочно прекратил его, опасаясь причинения ему вреда (см. пункт 2.5 выше). Комитет отмечает также, что рассматривавший дело судья отказался заслушать всех свидетелей защиты. Отказ был мотивирован "неактуальностью и несущественностью" показаний, а также ограниченностью времени. Комитет подтверждает, что в каждом конкретном деле оценка фактов и доказательств относится к ведению национальных судов. В то же время, учитывая серьезность предъявленных в рассматриваемом деле обвинений, Комитет считает, что, отказавшись заслушать всех свидетелей защиты лишь на основании предполагаемой "неактуальности и несущественности" их показаний и нехватки времени и не ограничив в равной степени число свидетелей обвинения, слушавший дело суд не выполнил требований статьи 14. В этой ситуации Комитет делает вывод о нарушении пункта 3 e) статьи 14 Пакта.

7.8 Относительно утверждения автора сообщения о том, что, отказавшись заслушать показания свидетелей и основываясь на их толковании судом первой инстанции, Верховный суд нарушил его права, предусмотренные в статье 14, в частности в пунктах 1 и 5, Комитет напоминает о своих предыдущих выводах, согласно которым для целей пункта 5 статьи 14 "фактический пересмотр" или "слушание дела заново" не требуется⁵⁴. Однако в данном случае Комитет обращает внимание на то, что, хотя автор сообщения обжаловал в Верховном суде принятое судом первой инстанции решение признать его виновным в похищении Жаклин Чон и незаконном лишении ее свободы при отягчающих обстоятельствах, Верховный суд признал его также виновным в похищении Мариджой Чон и незаконном лишении ее свободы при отягчающих обстоятельствах, связанных с ее убийством и изнасилованием, т.е. в преступлении, в связи с которым он был оправдан и в отношении которого обвинение не ходатайствовало об изменении приговора. Верховный суд приговорил автора сообщения к смертной казни, даже не сочтя нужным заслушать устные показания сторон. По

---

⁵² Сообщение № 594/1992, *Филип против Ямайки*, Соображения, принятые 20 октября 1998 года, пункт 7.2; и сообщение № 913/2000, *Чан против Гайаны*, Соображения, принятые 31 октября 2005 года, пункт 6.3.

⁵³ Сообщение № 232/1987, *Пинто против Тринидада и Тобаго*, Соображения, принятые 20 июля 1990 года, пункт 12.5.

⁵⁴ Сообщение № 536/93, *Перера против Австралии*, Соображения, принятые 28 марта 1995 года, пункт 6.4; сообщение № 534/1993, *Х.Т.Б. против Канады*, Соображения, принятые 19 октября 1993 года, пункт 4.3; и сообщение № 1110/2002, *Роландо против Филиппин*, Соображения, принятые 3 ноября 2004 года, пункт 4.5.

мнению Комитета, в данном случае Верховный суд в соответствии с национальным законодательством должен был не только изучить фактическую и юридическую стороны дела, и в частности провести всестороннюю оценку того, виновен ли автор сообщения или нет, но в рамках своих полномочий и положений национального законодательства обязан был провести устные слушания, с тем чтобы соблности закрепленные в пункте 1 статьи 14 требования справедливого судебного разбирательства⁵⁵. Комитет отмечает также, что Верховный суд признал автора сообщения виновным в изнасиловании и убийстве после того, как суд первой инстанции оправдал его в связи с этими же преступлениями. В результате, вопреки требованиям пункта 5 статьи 14 Пакта, автор сообщения был лишен возможности добиваться, согласно закону, пересмотра вышестоящей судебной инстанцией вынесенного ему смертного приговора⁵⁶. Исходя из имеющихся в его распоряжении фактов, Комитет приходит к выводу о нарушении пунктов 1 и 5 статьи 14 Пакта.

7.9 Что касается жалобы автора сообщения на то, что его права, предусмотренные в пункте 1 статьи 14, были нарушены, поскольку ни суд первой инстанции, ни Верховный суд не являются независимыми и беспристрастными судебными инстанциями, Комитет обращает внимание на то, что судья первой инстанции и два судьи Верховного суда были причастны к оценке материалов предварительного обвинения, предъявленного автору в 1997 году. В рассматриваемом случае участие этих судей в предварительном расследовании позволило им сформировать мнение по делу до начала суда и процедуры обжалования. Это их мнение неизбежно повлияло на выдвинутые против автора сообщения обвинения и их оценку. Поэтому участие этих судей на стадиях судебного разбирательства и обжалования несовместимо с требованием беспристрастности, закрепленном в пункте 1 статьи 14 Пакта.

7.10 Комитет принял к сведению разъяснения государства-участника относительно задержек в слушании дела автора сообщения в суде. В то же время он считает, что эти задержки были вызваны действиями властей и что автора сообщения невозможно обвинить ни в одной сколь либо серьезной задержке. В любом случае, автора сообщения нельзя обвинять в том, что он подал апелляцию. Пункт 3 с) статьи 14 предоставляет всем обвиняемым право быть судимым без неоправданной задержки, и это требование в равной степени распространяется и на право на пересмотр обвинительного приговора, гарантируемое пунктом 5 статьи 14. По мнению Комитета, срок в семь лет и десять месяцев, прошедший с момента ареста автора сообщения в сентябре 1997 года до принятия Верховным судом окончательного решения об отклонении его прошения о пересмотре приговора в июле 2005 года, не соответствует требованиям пункта 3 с) статьи 14 Пакта⁵⁷.

7.11 Касательно предполагаемого нарушения статьи 7 Комитет полагает, что вынесение человеку смертного приговора по итогам несправедливого судебного разбирательства является противоправным актом, заставляющим его жить в страхе перед предстоящей смертной казнью. В тех случаях, когда возможность приведения смертного приговора в исполнение является реальной, испытываемый страх должен быть очень мучительным. Такие душевные муки нельзя не связывать с несправедливостью разбирательства, по итогам которого и был вынесен приговор. Фактически Комитет уже отмечал⁵⁸, что вынесение смертного приговора, которое невозможно оправдать ссылкой

---

⁵⁵ Сообщение № 387/1989, *Карттунен против Финляндии*, Соображения, принятые 23 октября 1992 года, пункт 7.3. См. также European Court of Human Rights, *Ekbatani v. Sweden*, application № 10563/83, 26 May 1988, para. 32.

⁵⁶ Сообщение № 973/2001, *Халилов против Таджикистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.5.

⁵⁷ Сообщение № 390/1990, *Лубуто против Замбии*, Соображения, принятые 31 октября 1995 года, пункт 7.3.

⁵⁸ Сообщение № 588/1994, *Эррол Джонсон против Ямайки*, Соображения, принятые 22 марта 1996 года, пункты 8.2 и 8.3.

на статью 6, автоматически ведет к нарушению статьи 7. В этой связи Комитет приходит к выводу о том, что вынесение смертного приговора автору сообщения по итогам судебного разбирательства, не отвечающего требованиям статьи 14 Пакта, представляет собой негуманное обращение, запрещенное статьей 7⁵⁹.

7.12 В свете выводов, содержащихся в пункте 7.11 выше, Комитету нет необходимости анализировать, были ли права автора сообщения, закрепленные в статье 6, нарушены в силу вынесения ему смертного приговора (см. пункт 3.12 выше), поскольку вынесенный ему смертный приговор был подтвержден по итогам судебных слушаний, не соответствовавших требованиям статьи 14. Нет у него необходимости и в рассмотрении жалобы автора сообщения по статье 9 (см. пункт 3.14 выше).

8. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека полагает, что рассмотренные им факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 6; статьи 7; и пунктов 1, 2, 3 b), c), d), e), 5 статьи 14 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору сообщения эффективное средство правовой защиты, в том числе смягчить вынесенный ему смертный приговор и обеспечить возможность скорейшего условно-досрочного освобождения. Государство-участник обязано принять меры для предотвращения аналогичных нарушений в будущем.

10. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления факта нарушения обеспечить эффективное и действенное средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых им мерах во исполнение Соображений Комитета. Кроме того, государству-участнику предлагается опубликовать Соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо

1. Я ссылаюсь на свое особое мнение в деле *Карно и др. против Филиппин* (дело № 1077/2002).
2. Я не считаю, что Комитет вправе ссылаться в сноске 59 настоящего документа на решение Европейского суда по правам человека.

Особое мнение члена Комитета г-жи Рут Уэджвуд

У адвокатов есть имеющая большой нравственный смысл поговорка: "Смерть - это особый случай". Когда обвиняемому за совершенное уголовное преступление может быть вынесен смертный приговор, на любом слушающем дело или апелляционном суде лежит особая обязанность обеспечить справедливое судебное разбирательство. В данном случае в ходе слушаний в Специальном суде по делам о тяжких преступлениях и в процессе пересмотра дела в филиппинском Верховном суде ряд решений был принят без благосклонного отношения к аргументам защиты, свидетельствующего о мудрости судей.

В то же время в своих Соображениях Комитет по правам человека, вскрывая нарушения Пакта государством-участником, делает ряд необоснованных выводов, которые не подкрепляются его

---

⁵⁹ European Court of Human Rights, *Öcalan v. Turkey*, application № 43221/99, 12 May 2005, paras. 167-175.

толкованием материалов дела. Если бы в этом деле нас назначили судьями, мы могли бы организовать производство иначе. Однако мы не можем говорить о нарушении Пакта лишь на этом основании. Мы, как минимум, обязаны показать, как требования Пакта были нарушены в контексте конкретного судопроизводства и работы с фактами.

Например, в пункте 7.4 Комитет выражает озабоченность в связи с использованием показаний соучастника и наводящих вопросов в ходе предъявления подсудимому государственного обвинения "в похищении и незаконном лишении свободы при отягчающих обстоятельствах в совокупности с убийством и изнасилованием" (см. пункт 7.2). Комитет отметил, что на эти факты "не отреагировали должным образом", и признал в этом несоблюдение принципа презумпции невиновности в нарушение пункта 2 статьи 14 Пакта. Однако наводящие вопросы допускаются во многих системах судопроизводства, и судьям часто разрешается задавать вопросы свидетелям. Поскольку филиппинская судебная система наделяет функцией установления фактов судью и не предусматривает суда присяжных, нельзя говорить о том, что вмешательство судьи могло повлиять на мнение присяжных. Если же рассматривать вопрос под углом зрения достаточности доказательств, придется принять к сведению оставшееся не опровергнутым утверждение государства о том, что на суде дали показания еще 25 свидетелей обвинения, что были представлены вещественные улики и что среди свидетелей фигурировали незаинтересованные лица.

В пункте 7.5 Комитет пришел также к выводу о нарушении прав ответчика, предусмотренных в пунктах 3 b) и d) статьи 14, поскольку слушавший дело судья отказал ему в многочисленных просьбах об объявлении перерыва в заседаниях. Однако ответчика судили вместе с шестью соответчиками, и любой перерыв, объявленный по просьбе одного из них, отразился бы на праве на оперативное судебное разбирательство дел всех остальных. Первому адвокату ответчика следовало бы вместо того, чтобы отказываться от дальнейшего участия в судебном процессе, отложить до апелляции жалобу на невозможность в полном объеме провести перекрестный допрос главного соответчика. Суд первой инстанции дал ответчику неделю для того, чтобы нанять нового или прежнего адвоката, и впоследствии назначил государственных защитников для проведения перекрестного допроса свидетелей обвинения. Автор сообщения не пояснил, а Комитет не понял, в чем заключалась неадекватность процедуры перекрестного допроса. Когда три недели спустя ответчик нанял нового частного адвоката, тот запросил от 20 до 30 дней на изучение материалов дела. Однако найдется немного судей, которые согласятся на столь продолжительный перерыв или суд *viva voce*, причем автор сообщения никак не объяснил, почему для подготовки требуется так много времени или что его новый адвокат не использовал все имеющиеся возможности для его защиты. Судья установил крайний срок для принятия адвокатом решения о том, проводить ли ему перекрестный допрос предыдущих свидетелей обвинения или нет, однако это произошло спустя целых 18 дней после его назначения. Никто не объяснил, почему этого времени было недостаточно для подготовки, например из-за отсутствия письменных протоколов заседаний или каких-либо иных препятствий.

В качестве другого примера в пункте 7.9 Комитет утверждает, что предусмотренное в пункте 1 статьи 14 право автора сообщения на "компетентный, независимый и беспристрастный суд" было нарушено, поскольку "судья первой инстанции и два судьи Верховного суда были причастны к оценке материалов предварительного обвинения, предъявленного автору в 1997 году". Однако многие системы права предусматривают проведение в уголовных делах предварительного производства, в ходе которого ответчик может оспорить основания своего ареста, возможные мотивы преступления и те обвинения, которые будут предъявлены ему на суде. Концепция предвзятости судьи обычно связана с посторонними факторами, которые могут настроить судью против конкретной стороны. Она никак не связана с рассмотрением дела в ходе предыдущего судопроизводства. Действительно, в некоторых судебных системах связанные между собой судебные дела обычно поручаются одному судье, поскольку он уже знаком с обстоятельствами дел. Предложение отстранять судью от дальнейшего участия в процессе лишь на том основании, что именно он принимал решение об освобождении под залог, заключении под стражу или об адекватности предъявляемого обвинения, было бы довольно радикальным. В рассматриваемом

случае не предлагается никаких объяснений тому, почему по итогам предыдущей профессиональной деятельности у судей сформировалось предвзятое мнение.

Не попытался Комитет обосновать и свой отход от сложившейся правовой практики при рассмотрении жалобы, касающейся пункта 1 статьи 14. В сноске 21 к пункту 3.9, в котором Комитет излагает свое мнение по данному вопросу, он ссылается на принятые им 1 ноября 1991 года Соображения по Сообщению № 240/1987 *Коллинс против Ямайки*, а точнее - на совпадающее мнение четырех членов Комитета. При этом уместно было бы напомнить, что в деле *Коллинса* мнение большинства членов Комитета было противоположно тому мнению, которого Комитет придерживается сегодня. В деле *Коллинса* судья одобрил ходатайство о переносе предварительного слушания уголовного дела в другую судебную инстанцию, заметив якобы при этом, что, "если бы дело автора поручили рассматривать ему, он бы постарался обеспечить вынесение смертного приговора" (см. *Коллинс против Ямайки*, пункт 2.3 выше). После того как в этом деле присяжные не смогли прийти к согласию, был назначен повторный судебный процесс. Как ни странно, тому самому судье, который позволил себе предвзятые ремарки в ходе предварительного слушания, было поручено вторичное рассмотрение дела по существу.

Но даже перед лицом столь серьезных фактов Комитет заявил, что "после внимательного рассмотрения имевшегося в его распоряжении материала Комитет не смог прийти к выводу о том, что высказывание, приписываемое судье Г., в ходе судебного заседания в суде Портленда привело к тому, что [обвиняемому] было отказано в справедливом рассмотрении его дела в ходе повторного слушания...", отметив при этом, что адвокат обвиняемого высказал мнение "о предпочтительности продолжения судебного процесса" (см. *Коллинс против Ямайки*, пункт 8.3 выше). В своем особом мнении четыре члена Комитета также обратили внимание на "высказывания, приписываемые судье Г.", отметив при этом, что "государству-участнику надлежит выявить и устранить противоречия, существующие между различными судебными функциями".

Вторым делом, пользы от которого немного, но на которое ссылается Комитет, является дело *Карттунена против Финляндии*, Сообщение № 387/1989, Соображения, принятые 23 октября 1992 года. В этом уголовном деле в коллегии из шести судей были два непрофессиональных судьи, имевших родственные связи с двумя корпоративными истцами. Государство-участник открыто признало неправомочность назначения этих судей для рассмотрения данного дела в силу наличия у них потенциальных частных интересов. В этой связи, рассматривая дело *Карттунена против Финляндии*, Комитет в пункте 7.2 отметил, что «"беспристрастность" суда предполагает, что судьи не должны относиться к рассматриваемой ими проблеме предвзято или действовать в интересах одной из сторон». В этом деле Комитет отметил также, что судьи должны были быть отстранены от дела на основании финского законодательства и что выполнение закона, определяющего основания для отвода судей, должно обеспечиваться *proprio toto* самим судом (см. *Карттунен против Финляндии*, пункт 7.2). Однако Комитет не ставил под сомнение мнение большинства в деле *Коллинса против Ямайки*. Не совсем понятно, почему в настоящем случае Комитет отходит от собственных решений⁶⁰.

Наконец, Комитет воспользовался данным случаем, чтобы провозгласить новаторскую доктрину: при наличии любых противоречащих требованиям статьи 14 процессуальных нарушений в

---

⁶⁰ В рассматриваемом деле автор сообщения утверждал, что супруга одного из судей Верховного суда Филиппин доводилась двоюродной бабушкой одной из жертв преступления. См. Соображения Комитета, пункт 3.10. Этот факт является в высшей степени серьезным, и в соответствии с нашим решением в деле *Карттунена*, его должно быть вполне достаточно, чтобы установить факт нарушения пункта 1 статьи 14. Однако государство-участник заверило нас, что судья, о котором идет речь, не участвовал в рассмотрении дела, "что подтверждается имеющейся в решении пометкой против его фамилии" (см. Соображения Комитета, пункт 4.13). Комитет ничего не возразил против этого заверения и не попытался глубже изучить стенограмму судебных заседаний.

делах, предусматривающих применение смертной казни, вынесенный приговор сам нарушает положения статьи 7. Этому предлагается следующее объяснение: лицо, неправомерно осужденное в ходе судебного процесса, сопровождавшегося процессуальными нарушениями, должно испытывать бóльшие страдания, чем лицо, приговоренное к смертной казни по итогам идеального с процессуальной точки зрения суда. Ожидание смертной казни для приговоренного к ней лица, безусловно, является поводом для страданий. Однако Пакт не запрещает смертную казнь. Требования статьи 7 Пакта, запрещающей "пытки" или "жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство наказание", сами по себе являются достаточно серьезными, и их не следует лишней раз использовать для бичевания тех государств-участников, которые предпочитают не отказываться от смертной казни.

Загадочная фраза Комитета о том, что "вынесение смертного приговора, которое невозможно оправдать ссылкой на статью 6, автоматически ведет к нарушению статьи 7", не подкрепляется принятыми 22 марта 1996 года Соображениями по делу *Эррола Джонсона против Ямайки*, Сообщение № 588/1994. В этом деле, посвященном главным образом выяснению того, является ли длительное ожидание смертной казни одной из форм бесчеловечного обращения, делается вывод о том, что конкретное число лет не может служить критерием в этом вопросе.

Неожиданное решение Комитета скорее всего заимствовано из постановления Европейского суда по правам человека № 43221/99 от 12 мая 2005 года по делу *Оджалан против Турции*, пункты 167-175. Однако Страсбургский суд отмечал, что сформировавшийся в Европейском сообществе консенсус в отношении необходимости запрета смертной казни сам по себе оправдывает применение телеологических форм толкования (см. *Оджалан против Турции*, пункты 162-164). Напротив, второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни, который был принят 11 июля 1991 года, на настоящий момент насчитывает всего лишь 57 государств-участников и еще семь подписавших его сторон. Это - меньшинство по сравнению с 156 государствами - участниками самого Пакта и шестью подписавшими его сторонами. Сознательное отношение членов Комитета к проблеме смертной казни еще не дает им права отмахиваться от текста договора и игнорировать волю суверенных государств. Как бы то ни было, материалы данного дела говорят о том, что смертная казнь на Филиппинах уже не применяется⁶¹.

---

⁶¹ В связи с замечаниями Комитета в пункте 7.2 я хотела бы сослаться на свое особое мнение в деле *Карно против Филиппин*, № 1077/2002, 28 марта 2003 года.

Сообщение № 1454/2006

Представлено: Вольфгангом Ледербауэром (представлен адвокатом Александром Х. Е. Моравой)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Австрия

Дата принятия соображений: 13 июля 2007 года

Тема сообщения: дисциплинарное увольнение государственного служащего за участие в управлении частной компанией

Вопросы существа: право на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом - задержка рассмотрения - право на равенство перед законом и равную защиту закона

Процедурные вопросы: приемлемость *ratione personae* и *ratione materiae* - уровень обоснования жалобы - оговорка государства-участника к пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола - исчерпание внутренних средств правовой защиты

Статьи Пакта: пункт 1 статьи 14; статья 26

Статьи Факультативного протокола: 1, 2, 3 и пункт 2 а) и б) статьи 5

Вывод: наличие нарушения (пункт 1 статьи 14)

1. Автор сообщения является Вольфганг Ледербауэр, гражданин Австрии. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австрией¹ его прав, предусмотренных в соответствии с пунктом 1 статьи 14, рассматриваемым отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 2, а также статьей 26 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакта). Он представлен адвокатом Александром Х. Е. Моравой.

Факты в изложении автора

2.1 В 1981 году автор поступил на работу в Счетную палату (СП) Австрии (*Rechnungshof*). Он был зачислен в штат департамента по проведению аудиторских проверок в государственных больницах. В 1985 году он изобрел систему экологически чистых шумоизолирующих экранов для шоссе и железных дорог, которую он назвал "Ecowall". Он проинформировал СП о своем изобретении и назначил свою супругу доверенным лицом по вопросам патентования.

2.2 В 1989 году автор основал компанию с ограниченной ответственностью "Econtract", и его супруга стала единственным ее акционером. После развода автора со своей супругой владение компанией и патентами было передано автору, который назначил г-на Е. Л. директором предприятия и проинформировал СП об изменившихся обстоятельствах.

2.3 В 1993 году, когда СП заинтересовалась его участием в реализации лицензий на установку систем "Ecowall", автор направил заявление председателю СП, в котором подверг критике тот факт, что нововведениям в области создания шумопоглотителей для транспортных коридоров препятствует

---

¹ Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Австрии соответственно 10 декабря 1978 года и 10 марта 1988 года. При ратификации Факультативного протокола Австрия сформулировала следующую оговорку: "При условии, что согласно положениям пункта 2 статьи 5 Протокола образованный в соответствии со статьей 28 Пакта Комитет не рассматривает никаких сообщений от лиц, пока не удостоверится в том, что этот же вопрос не рассматривается Европейской комиссией по правам человека, учрежденной на основании положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод".

засилие нескольких крупных корпораций. Впоследствии "Econtract" сделал ряд конкурсных предложений для проводимых в Австрии проектов, включая установку шумоизолирующих экранов для одного из железнодорожных путей, находившихся в ведении Федеральной корпорации железных дорог.

2.4 В 1994 году автор и Е. Л. по отдельности обратились к г-ну В., председателю парламентской комиссии по расследованию, которая была учреждена для рассмотрения предполагаемых нарушений, связанных со строительством национальной автострады, с целью проинформировать его об "Ecowall" в качестве альтернативы стандартным шумоизолирующим системам, предлагаемым другими корпорациями. Е. Л. не знал, что его беседа с г-ном В. подслушал журналист журнала "Профиль". Несмотря на заверения автора в том, что он полностью проинформировал СП и ее председателя о том, что является владельцем патентов на изготовление "Ecowall", а также компании "Econtract", журнал "Профиль" и другие газеты впоследствии опубликовали статьи с критикой предполагаемой несовместимости его деятельности с функциями ответственного сотрудника СП.

2.5 30 августа 1994 года председатель СП временно отстранил автора от выполнения служебных обязанностей, поскольку имелись достаточные основания полагать, что его частная предпринимательская деятельность, особенно его участие в маркетинге по проекту "Ecowall", была несовместимой с его функциями государственного служащего и нарушала статью 126 Федерального конституционного закона, предусматривающую, что члены СП не должны участвовать в управлении компаниями, деятельность которых направлена на получение прибылей², а также пункты 1 и 2 статьи 43 Федерального закона о государственных служащих.

2.6 1 сентября 1994 года председатель СП, не заслушав автора, издал приказ ("первый приказ"), запрещающий автору участвовать в управлении и руководстве "Econtract" и продолжать заниматься маркетингом "Ecowall". 20 сентября 1994 года автор обжаловал этот приказ. Вплоть до 2 июня 2000 года СП не принимала никаких мер, пока автор не обратился с иском по поводу бездеятельности СП в Высший административный суд, который в свою очередь обязал СП принять меры в трехмесячный срок. 18 сентября 2000 года СП издала новый приказ ("второй приказ"), который являлся всего лишь повторением предыдущего. 18 октября 2000 года автор обжаловал его в Высшем административном суде, заявив, что СП не предоставила ему возможности выразить свое мнение, а также не выяснила, что именно ей известно об участии автора в деятельности "Econtract". 31 октября 2000 года он дополнил свою апелляцию просьбой о том, чтобы Суд провел устное разбирательство. В письме от 30 июня 2005 года председатель третьей палаты Высшего административного суда просил автора указать, заинтересован ли он по-прежнему в получении решения по своей апелляции в отношении приказа, которое не может изменить окончательного решения, принятого по итогам дисциплинарного разбирательства. 14 июля 2005 года автор подтвердил свою заинтересованность в получении решения Суда, который затем 27 сентября 2005 года аннулировал приказ.

2.7 10 октября 1994 года председатель СП подал жалобу на автора в связи с дисциплинарными нарушениями по статье 126 Федерального конституционного закона и статье 43 (1) и (2) и далее Федерального закона о гражданских служащих и выдвинул следующие обвинения: участие в управлении компанией "Econtract"; отказ представить медицинскую справку об освобождении от работы по болезни и отсутствие на работе в рабочее время в определенные дни; а также невыполнение указаний вышестоящих должностных лиц. 11 ноября 1994 года Дисциплинарная комиссия начала дисциплинарное разбирательство в отношении автора. 23 декабря 1994 года автор обратился с жалобой в Конституционный суд, заявив о нарушении его прав на равенство перед законом и на рассмотрение его дела судьей, к подсудности которого оно отнесено законом. 6 марта 1995 года Конституционный суд отказался рассматривать его жалобу. 31 мая 1995 года председатель

---

² Статья 126 Федерального конституционного закона Австрии гласит: "Ни один член Счетной палаты не может участвовать в руководстве и управлении предприятиями, деятельность которых подлежит контролю со стороны Счетной палаты. Ни один член Счетной палаты не может также участвовать в руководстве и управлении прочими предприятиями, деятельность которых направлена на получение прибылей".

СП дополнил новыми обвинениями жалобу в отношении автора в связи с дисциплинарными нарушениями.

2.8. 13 октября 1994 года Дисциплинарная комиссия окончательно отстранила автора от должности на основании статьи 126 Федерального конституционного закона и сократила на одну треть его заработную плату. 19 декабря 1994 года Дисциплинарная апелляционная комиссия отклонила его апелляцию. 6 февраля 1995 года автор обжаловал это решение в Высшем административном суде, обратившись с просьбой о проведении устного разбирательства и заявив, что СП была проинформирована о его участии в деятельности "Econtract", однако приняла меры только после того, как его деятельность была подвергнута критике в средствах массовой информации, не предоставив ему возможности высказать свое мнение в качестве стороны в споре. 29 ноября 2002 года Суд отклонил его апелляцию. При этом он постановил, что вопрос об устном разбирательстве не является уместным, поскольку данное дело не относится к рамкам применения статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека.

2.9 21 декабря 1995 года и 6 марта 1996 года автор обращался с просьбами об отмене решения об отстранении от должности, обосновав их тем, что эта мера постепенно трансформировалась в наказание *de facto*. Дисциплинарная апелляционная комиссия отклонила его просьбы соответственно 25 января и 10 апреля 1996 года. 7 июня 1996 года он направил жалобу в Высший административный суд; 19 декабря 2002 года эта жалоба была отклонена.

2.10 20 мая 1997 года после того, как автор обратился к председателю Национального совета (нижней палаты парламента) и к лидерам четырех политических партий в парламенте с просьбой разобраться с его делом, Дисциплинарная комиссия "спешно" приняла решение, наметив проведение дисциплинарного устного разбирательства. Председателем Комиссии был назначен г-н П.С., работавший в СП в качестве главы департамента по проведению проверок Федеральной железнодорожной администрации Австрии и государственной Корпорации высокоскоростных железных дорог.

2.11 30 мая 1997 года автор заявил отвод председателю Дисциплинарной комиссии П.С. по причине предполагаемой пристрастности, поскольку П.С. проводил проверки тех организаций, которые обычно занимаются поставками именно таких шумопоглощающих материалов, которые автор подвергал критике и стремился улучшить благодаря своему изобретению. 3 июля 1997 года он обжаловал решение Дисциплинарной комиссии, наметившей дисциплинарное разбирательство его дела в Конституционном суде, заявив о нарушении его прав на равное обращение и справедливое рассмотрение его дела судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, и вновь заявив о своем возращении по поводу кандидатуры П.С. Конституционный суд отказался заниматься данной жалобой, которая впоследствии была передана Высшему административному суду и 27 июня 2001 года отклонена.

2.12 6 октября 1997 года автор попросил предоставить ему доступ к материалам дела, имевшимся в распоряжении Дисциплинарной комиссии, на основании "обоснованного подозрения" в том, что определенные документы были оставлены без внимания или проигнорированы. 14 октября 1997 года Комиссия отклонила его просьбу, указав, что у ее членов "есть право не доводить до сведения сторон дисциплинарного разбирательства индивидуальные мотивы принятых ими решений и свою позицию при голосовании. Такое положение является необходимым *a fortiori*, поскольку [...] члены Дисциплинарной комиссии и стороны являются сотрудниками одного и того же правительственного учреждения и в связи с этим, предположительно, находятся друг с другом в постоянном контакте. Если сторонам станет известно об их мотивах и позиции при голосовании, то это может неблагоприятно отразиться на их профессиональных контактах [...], что будет расходиться с обоснованной заинтересованностью каждого члена Дисциплинарной комиссии в том, чтобы избежать конфликтов в своей профессиональной среде. [...] Предполагаемые неточности в материалах дисциплинарного дела или другие нарушения можно указать в апелляции". Решение Дисциплинарной комиссии обжалованию не подлежало.

2.13 После освещения в средствах массовой информации деятельности автора и возбуждения в отношении него дисциплинарного разбирательства компания "Econtract" не получила ни одного заказа на систему "Ecowall". Фирма-грузоперевозчик возбудила уголовное дело в отношении автора и Е.Л. в связи с неоплаченным счетом. 18 ноября 1998 года Венский окружной уголовный суд признал автора виновным в халатности, приведшей к банкротству компании, и приговорил его к пятимесячному сроку тюремного заключения условно. 6 июля 1999 года Венский апелляционный суд отклонил его апелляцию.

2.14 На основании полученного из Венского окружного уголовного суда уведомления о том, что в отношении автора возбуждено уголовное разбирательство, 9 ноября 1998 года председатель СП подал дополнительную дисциплинарную жалобу на автора, обвинив его в халатности, приведшей к банкротству компании и нанесению ущерба его кредиторам.

2.15 Тем временем обнаружилось, что докладная записка одного из сотрудников СП от 18 февраля 1993 года о совместимости частнопредпринимательской деятельности автора с его официальными функциями была изъята из его личного дела вместе с сопроводительными документами. Среди этих документов находилось заявление автора в СП от 16 июля 1993 года с разъяснением степени его участия в деятельности "Econtract", и в частности проект приказа с обоснованием того, что предпринимательская деятельность автора несовместима с положениями статьи 126 Федерального конституционного закона.

2.16. 27 января 1999 года автор обратился в Дисциплинарную комиссию с просьбой о возобновлении производства по первому разбирательству в связи с дисциплинарными нарушениями на предмет прекращения дела, заявив, что недавно обнаруженные документы подтверждают, что еще в 1993 году СП была полностью проинформирована о его участии в компании "Econtract", что им было выполнено обязательство по оповещению руководства и что у него имелись основания полагать, что отсутствие приказа, запрещающего ему продолжать заниматься своей деятельностью, означало, что СП не считает такую деятельность предосудительной.

2.17 23 февраля 1999 года Дисциплинарная комиссия приступила ко второму этапу разбирательства в связи с дисциплинарными нарушениями автора. 13 июня 1999 года его апелляция против этого решения была отклонена Дисциплинарной апелляционной комиссией. 24 августа 1999 года Дисциплинарная комиссия проинформировала автора о том, что она не будет проводить какого-либо дополнительного устного разбирательства и вынесет письменное решение. 26 августа 1999 года автор обратился с просьбой о проведении устного разбирательства и вновь дал отвод председателю П.С., который впоследствии был заменен другим председателем.

2.18 13 декабря 1999 года Дисциплинарная комиссия признала автора виновным в дисциплинарных нарушениях и уволила его с гражданской службы. Комиссия отметила, что она "была обязана учитывать имеющие обязательную юридическую силу установленные уголовным судом факты по делу" и что в основу ее решения были положены только те обвинения, по которым автор был признан виновным уголовным судом. Она добавила, что устные свидетельские показания автора не привели бы к установлению дополнительных фактов, имеющих отношение к решению Комиссии.

2.19 1 и 14 января 2000 года автор обжаловал это решение, сославшись на права, связанные с нормами отправления правосудия, и обратился с просьбой о проведении устного разбирательства в Дисциплинарную апелляционную комиссию, которая 13 июня 2000 года отклонила его апелляцию на основании того, что статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека не распространяется на разбирательства, связанные с дисциплинарными нарушениями. 21 июля 2000 года автор обратился с жалобой в Конституционный суд, заявив о нарушении его прав на равное обращение и на справедливое судебное разбирательство, а также указав, что необходимость того, чтобы Дисциплинарная комиссия руководствовалась выводами уголовных судов, противоречит Конституции. 25 сентября 2001 года Конституционный суд отклонил жалобу, сославшись на

отсутствие у нее шансов на успешный исход и указав, что она не затрагивает вопросов конституционного права.

2.20 21 июля 2000 года наряду с разбирательством в Конституционном суде автор обратился в Высший административный суд, указав, что решение, подтверждающее его увольнение с гражданской службы, было принято без справедливого и публичного разбирательства, включая устное разбирательство, как это предусмотрено в статье 6 Европейской конвенции. Он утверждал, что увольнение со службы является настолько строгой дисциплинарной санкцией, что подпадает под действие статьи 6 Европейской конвенции и оправдывает предоставление ему права быть заслушанным лично. Автор просил Суд провести устное разбирательство, настаивая на том, что при отсутствии такого слушания он будет лишен возможности представить доводы в свою защиту.

2.21 31 января 2001 года Высший административный суд отклонил его апелляцию. На основе допущения о том, что служебные обязанности автора в СП включали в себя проведение проверок в отношении "строительных проектов, связанных с автомобильными и железными дорогами", суд пришел к заключению о том, что его частная предпринимательская деятельность была тесно связана с его официальными функциями в качестве аудитора. Сославшись на решение Европейского суда по правам человека в деле *Пеллегрен против Франции*, Суд отклонил его просьбу о проведении устного разбирательства, отметив, что статья 6 Европейской конвенции не является применимой, учитывая, что автор был гражданским служащим, исполнявшим обязанности публично-правового характера. 5 июня 2001 года автор обратился в Высший административный суд с ходатайством о пересмотре принятого им решения и обвинил членов Палаты, проводивших рассмотрение его дела, в пристрастном отношении. 22 января 2002 года Суд в ином составе отклонил это обвинение.

2.22 31 декабря 2002 года автор направил в Высший административный суд ходатайство о возобновлении производства по разбирательству в связи с его отстранением от должности и увольнением, сославшись на процессуальные нарушения и несоблюдение его права на устное разбирательство. 27 февраля 2003 года Суд отклонил ходатайство о возобновлении производства по разбирательству в отношении его отстранения от должности, отметив, что в распоряжении автора имелись достаточные возможности, для того чтобы представить свои аргументы в письменном виде, и что отсутствует какое-либо обязательство заслушивать его в качестве стороны или просить его представить дополнительные письменные замечания. 27 марта 2003 года по тем же причинам он отклонил его просьбу о возобновлении разбирательства в связи с его увольнением.

2.23 1 января 2000 года³, 12 декабря 2000 года, 13 марта 2001 года⁴ и 4 марта 2002 года⁵ автор обращался с заявлениями в Европейский суд по правам человека, в которых утверждал о нарушениях его прав по статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека, в частности его права на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок. Суд объединил некоторые из этих жалоб и отклонил их в качестве неприемлемых *ratione materiae*⁶, сославшись на дело *Пеллегрен против Франции*⁷.

---

³ Заявление № 57822/00.

⁴ Заявление № 73230/01.

⁵ Заявление № 13874/02.

⁶ См. Европейский суд по правам человека, решение о приемлемости (заявление № 73230/01) от 26 февраля 2002 года; решение о приемлемости (заявление № 13874/02) от 27 июня 2002 года.

⁷ Европейский суд по правам человека, постановление от 8 декабря 1999 года, *Pellegrin v. France* (заявление № 28541/95), 1999-VIII Reports, пункт 67.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что состав и отсутствие независимости Дисциплинарной комиссии, отказ на его неоднократные просьбы о проведении устного разбирательства в Дисциплинарной комиссии, в Дисциплинарной апелляционной комиссии и в Высшем административном суде, отсутствие публичности в разбирательстве в Дисциплинарной комиссии и в Дисциплинарной апелляционной комиссии, а также длительные задержки в связи с разбирательством в Высшем административном суде, равно как в периоды между подачей жалобы в связи с дисциплинарными нарушениями и началом проведения дисциплинарного разбирательства, являлись нарушениями его прав, предусмотренных в соответствии с пунктом 1 статьи 14, рассматриваемыми отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 2, а также статьей 26 Пакта.

3.2. Автор утверждает, что члены Дисциплинарной комиссии, рассматривавшие его дело, не являлись ни независимыми, ни беспристрастными. Согласно пункту 2 статьи 98 Федерального закона о государственных служащих, члены дисциплинарных комиссий должны являться сотрудниками того же правительственного учреждения, что и ответчик. Хотя в пункте 2 статьи 102 Закона и предусмотрено, что члены Комиссии пользуются "независимостью при исполнении своих обязанностей", автор считает эту презумпцию чистой фикцией, поскольку: а) члены Дисциплинарной комиссии, рассматривавшие его дело, продолжали оставаться государственными служащими, работавшими под началом председателя СП, и по-прежнему оставались в его подчинении, за исключением вопросов, связанных с дисциплинарным разбирательством; б) они являлись коллегами автора на служебном поприще, были его конкурентами в продвижении по службе и регулярно пересекались с ним по профессиональным вопросам; с) они подвергались потенциальному воздействию интересов внутренней политики СП, а также влиянию тех самых лиц, которые возбудили в отношении него дисциплинарное разбирательство.

3.3 Автор утверждает, что председатель Дисциплинарной комиссии был настроен против него, поскольку возглавлял в СП подразделение, занимавшееся проверками государственных железнодорожных компаний, в то время как автор подвергал критике практику приобретения шумоизолирующих заграждений по завышенным ценам, не учитывавшую при этом альтернативные решения, такие, как его изобретение. Одним из проектов, по которым компания "Econtract" представила свое предложение, касался установки шумоизолирующего заграждения вдоль железнодорожного пути, принадлежавшего государственной железнодорожной компании, которую инспектировал П.С. Он выражает претензию по поводу того, что, несмотря на его возражение против кандидатуры П.С. "в самом начале разбирательства" и в его первоначальной жалобе в Дисциплинарную комиссию, а также в апелляции в Конституционный суд против изданного Дисциплинарной комиссией 20 мая 1997 года приказа о назначении дисциплинарного разбирательства, П.С. не был заменен вплоть до самого окончания разбирательства, после того как состоялось последнее официальное слушание дела.

3.4 Автор утверждает, что нежелание апелляционных органов заменить П.С. на более ранней стадии разбирательства представляет собой нарушение его права на независимое и беспристрастное судебное разбирательство, предусмотренное в пункте 1 статьи 14. Тот факт, что, в отличие от других работников, государственные служащие лишены возможности рассмотрения их дел обычными судами, представляет собой нарушение статьи 26.

3.5 По мнению автора, отклонение его неоднократных просьб о проведении устного слушания Дисциплинарной комиссией, Дисциплинарной апелляционной комиссией и Высшим административным судом на том основании, что статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека не применяется в отношении дисциплинарных разбирательств, нарушило его право на публичное разбирательство, предусмотренное в пункте 1 статьи 14⁸. Ни Дисциплинарная

---

⁸ Автор ссылается на сообщение № 1015/2001, *Пертерер против Австрии*, пункт 9.3.

апелляционная комиссия, ни Высший административный суд не отвечали требованиям и не действовали в его деле в качестве судов по смыслу статьи 14. Если Дисциплинарная апелляционная комиссия отклонила его апелляцию без проведения слушания, то рассмотрение дела Высшим административным судом ограничилось вопросами права.

3.6 Автор напоминает, что пункт 1 статьи 14 предусматривает ряд условий, включая безотлагательную процедуру⁹, а также тот факт, что неоправданные задержки с разбирательством являются нарушением данного положения¹⁰. Кроме того, он напоминает, что Высшему административному суду потребовалось более семи лет, для того чтобы принять решение о его жалобе на отстранение от должности, что является неоправданной задержкой. Суд не предпринимал никаких действий в период с 6 февраля 1995 года, когда он подал жалобу, и по 17 июля 2002 года, когда суд провел свое первое заседание. Для оспаривания бездействия суда никаких средств правовой защиты не существует.

3.7 Автор утверждает, что период в шесть с половиной лет, который потребовался Высшему административному суду, для того чтобы принять решение по его обжалованию решения Дисциплинарной апелляционной комиссии от 10 апреля 1996 года и отклонить его просьбу об отмене решения об отстранении от должности, также является неоправданной задержкой. С 7 июня 1996 года, когда он обратился с жалобой, и по 19 декабря 2002 года, когда было вынесено решение, суд не предпринимал никаких действий.

3.8 По мнению автора, также неоправданной была задержка на два года и семь месяцев, т.е. с 10 октября 1994 года, когда против него были выдвинуты обвинения в дисциплинарных нарушениях, и по 20 мая 1997 года, когда в соответствии с решением Дисциплинарной комиссии было намечено первое слушание. Являясь обвиняемой стороной, он не был обязан настаивать на ускорении направленной против него процедуры. Вместе с тем Дисциплинарная комиссия наметила слушание только после его обращения к членам парламента. В ходе внутригосударственного разбирательства не было названо никаких причин для такой задержки. Поэтому ответственность за задержку полностью возлагается на государство-участника.

3.9 В отношении его жалобы в отношении первого приказа председателя СП, автор напоминает, что второй приказ был издан только в связи с тем, что 2 июня 2000 года он направил жалобу в Высший административный суд. В период с 18 октября 2000 года, когда он обжаловал второй приказ, и 27 сентября 2005 года, когда Суд отменил его, никаких процессуальных действий Судом предпринято не было.

3.10 Автор утверждает, что общая продолжительность дисциплинарного разбирательства (почти 11 лет) является неоправданной, учитывая, что им были использованы все возможности для ускорения рассмотрения его апелляции¹¹.

3.11 Поскольку разбирательства в Дисциплинарной комиссии и в Апелляционной комиссии проводились в закрытом заседании в соответствии с пунктом 1 статьи 128 Федерального закона о

---

⁹ Автор ссылается на сообщение № 207/1986, *Ив Морель против Франции*, пункт 9.3.

¹⁰ Автор ссылается на сообщение № 203/1986, *Муньос Эрмоса против Перу*, пункты 11.3 и 12; № 238/1987, *Флоресмилио Боланьос против Эквадора*, пункт 8.4.

¹¹ Автор ссылается, *mutatis mutandis*, на сообщение № 1060/2002, *Франц и Мария Дайсль против Австрии*, пункт 11.6 с).

государственных служащих, а также ссылаясь на замечание общего порядка № 13¹², автор утверждает, что не существовало каких-либо чрезвычайных обстоятельств, которые являлись бы оправданием для того, чтобы не допускать публику или ограничивать участие в разбирательстве лишь определенной категорией лиц, поскольку выдвинутые против него обвинения были опубликованы в газетах и касались его поведения как частного лица, а не официальных обязанностей, связанных с вопросами служебного и секретного характера. Ограничение публичности дисциплинарных разбирательств в сочетании с отсутствием какого-либо устного разбирательства в Высшем административном суде и в Конституционном суде, лишили его возможности защитить себя посредством изложения своей позиции и таким образом являются нарушением его права на публичное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 14.

3.12 В отношении приемлемости автор утверждает, что этот же вопрос не рассматривается и не рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Европейский суд по правам человека признал его жалобы неприемлемыми *ratione materiae*, сославшись на дело *Пеллегрен против Франции*, и таким образом не приступал к рассмотрению его жалоб¹³ по существу.

3.13 Автор утверждает, что им были исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Не существует средства правовой защиты, предусматривающего возможность возражать против состава Дисциплинарной комиссии; бесполезно оспаривать конституционность пункта 2 статьи 98 Федерального закона о государственных служащих, касающегося состава дисциплинарных комиссий, принимая во внимание решения Конституционного суда о конституционности учреждения и состава дисциплинарных органов на федеральном, земельном и муниципальном уровнях. В отношении задержек с разбирательством в Высшем административном суде не имеется никаких средств правовой защиты, позволяющих оспаривать бездействие Суда.

3.14 В связи с применимостью пункта 1 статьи 14 к дисциплинарным разбирательствам автор напоминает, что понятие "гражданского процесса" основано на характере соответствующего права и обязанностей, а не на статусе сторон¹⁴. Поэтому Комитет применял положения пункта 1 статьи 14 в отношении разбирательств, касавшихся гражданских или государственных служащих, независимо от того, касались ли такие разбирательства их статуса¹⁵. Кроме того, он ссылается на заявление Комитета в деле *Пертерер против Австрии*, о том, "что когда задача принятия решения о применении дисциплинарных мер возложена на юридический орган, последний должен гарантировать равенство всех лиц, дела которых рассматриваются в судах и трибуналах в

---

¹² Комитет по правам человека, двадцать первая сессия (1984 год), Замечание общего порядка № 13: *Равенство перед судами и право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела независимым судом, созданным на основании закона (статья 14)*, пункт 6.

¹³ Автор ссылается на сообщения № 158/1983, *О. Ф. против Норвегии*, решение о приемлемости, принятое 26 октября 1984 года, пункт 5.2; № 441/1990, *Казанова против Франции*, Соображения, принятые 19 июля 1994 года, пункт 5.1.

¹⁴ Сообщение № 1060/2002, *Дайсль против Австрии*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 11.1.

¹⁵ Сообщения № 203/1986, *Муньос Эрмоса против Перу*, Соображения, принятые 4 ноября 1988 года, пункты 11 и далее; № 824/1998, *Николов против Болгарии*, Соображения, принятые 20 марта 2000 года, пункт 8.3; № 454/1991, *Гарсия Понс против Испании*, Соображения, принятые 30 октября 1995 года, пункты 9.3 и далее; № 468/1991, *Баамонде против Экваториальной Гвинеи*, Соображения, принятые 20 октября 1993 года.

соответствии с пунктом 1 статьи 14, и соблюдать принципы беспристрастности, справедливости и равноправия, которые подразумевает такая гарантия"¹⁶.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 13 апреля 2006 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения, заявив, что автором не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, что его сообщение является неприемлемым *ratione materiae* и что тот же самый вопрос рассматривался Европейским судом по правам человека. Таким образом, сделанная Австрией оговорка в отношении пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, не позволяет Комитету рассматривать жалобу автора.

4.2 Государство-участник утверждает, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты в связи с его заявлением о неоправданной продолжительности разбирательств. В соответствии с пунктом 1 статьи 73 Общего административно- процессуального кодекса административные органы, включая Дисциплинарную комиссию, обязаны реагировать на его запросы и апелляции в течение шести месяцев; в противном случае, в соответствии с пунктом 2 статьи 73, может быть подана просьба о передаче дела на рассмотрение вышестоящего органа. Автор ни разу не обращался с подобными просьбами заявлений, хотя он и был представлен адвокатом. Согласно государству-участнику, статья 132 Федерального конституционного закона предусматривает возможность обжаловать бездействие административных органов (далее "жалоба на бездействие") в Высшем административном суде. Автором была подана только одна подобная жалоба против бездействия СП в связи с принятием решения по его апелляции в отношении приказа от 1 сентября 1994 года. Государство-участник напоминает, что Европейский суд по правам человека признал вышеупомянутые возможности для ускорения разбирательства эффективными средствами правовой защиты¹⁷.

4.3 Ссылаясь на правовую практику Европейского суда по правам человека¹⁸, государство-участник утверждает, что дисциплинарные процедуры в отношении автора выходят за рамки применения статьи 14 Пакта, поскольку касаются спора между административным органом и государственным служащим, чьи функции предусматривают непосредственное участие в осуществлении полномочий и обязанностей, закрепленных за ним в соответствии с публичным правом. Споры, касающиеся найма, продвижения по службе и увольнения гражданских служащих, представляют собой определение "прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе" по смыслу пункта 1 статьи 14 только в том случае, если они связаны с каким-либо из "исключительно экономических прав", например выплатой вознаграждения, либо с одним из "преимущественно экономических прав". Это вытекает из изложенного в пункте 1 статьи 14 на французском языке требования в отношении гражданского характера подлежащих определению прав и обязанностей. Разбирательства по поводу автора не являлись "гражданскими" просто потому, что они также затрагивали экономические вопросы¹⁹, а именно: финансовые последствия его увольнения. Дисциплинарные разбирательства также не представляют собой определение уголовного обвинения в отношении автора из-за отсутствия достаточно строгой санкции, которая оправдывала бы квалификацию дисциплинарной меры в качестве уголовного обвинения. Наконец, автор

---

¹⁶ Сообщение № 1015/2001, *Пертерер против Австрии*, Соображения, принятые 20 июля 2004 года, пункт 9.2.

¹⁷ Государство-участник ссылается на решения Европейского суда по правам человека по заявлениям № 29800/96, *Basic v. Austria*, и № 30160/96, *Pallanich v. Austria*, оба датированы 30 апреля 2001 года.

¹⁸ Европейский суд по правам человека, заявление № 28541/95, *Pellegrin v. France*, решение от 8 декабря 1999 года, пункты 64 и далее; № 39564/98, *G.K. v. Austria*, решение от 14 марта 2000 года, *passim*.

¹⁹ Государство-участник ссылается на Европейский суд по правам человека, *Pierre-Bloch v. France*, решение от 21 октября 1997 года, Reports 1997-VI, пункт 51.

противоречит сам себе, отрицая, что дисциплинарные органы и Высший административный суд являются трибуналами по смыслу статьи 14, и при этом ссылаясь на дело *Пертпер против Австрии*. Государство-участник делает вывод, что жалобы автора по статье 14, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 2 и 26 Пакта, являются неприемлемыми *ratione materiae*.

4.4 Государство-участник ссылается на свою оговорку по пункту 2 а) статьи 5 в связи с тем, что данное дело уже рассматривалось Европейским судом по правам человека. Тот факт, что суд счел жалобы автора не совместимыми с положениями Европейской конвенции, показывает, что он отклонил его жалобы, скорее, по существенным, чем по формальным основаниям после, по меньшей мере, поверхностного изучения существа дела. Для обоснования своего решения он использовал, скорее, пункт 3 статьи 35 Европейской конвенции, который касается вопросов существа, чем пункты 1 и 2 статьи 35, содержащие формальные основания для неприемлемости. Поэтому жалобы автора являются неприемлемыми по статьям 3 и 5 Факультативного протокола с учетом сделанной Австрией оговорки.

5.1 16 августа 2006 года государство-участник представило свои замечания по существу и вновь оспорило приемлемость сообщения на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты, отсутствия статуса жертвы и неприменимости статьи 14 Пакта. Оно утверждает, что автор не обращался во внутренние суды со своими жалобами по поводу непроведения устного разбирательства в связи с его отстранением от должности, состава Дисциплинарной комиссии, а также продолжительности разбирательств и отсутствия публичности. Его аргумент о бесперспективности оспаривания конституционности состава дисциплинарных комиссий, учитывая правовую практику Конституционного суда, является неверным, поскольку приведенные им решения относятся к 1956 году и касались только формальных требований к созданию дисциплинарных комиссий. Автор никогда не оспаривал состава Дисциплинарной комиссии или Апелляционной комиссии как таковых во внутригосударственных судебных органах; он лишь высказывал претензии по поводу участия председателя Дисциплинарной комиссии П.С. на первом и втором этапах дисциплинарного разбирательства. В своих жалобах от 21 июля 2000 года в Конституционный и Высший административный суды он не только не опротестовывал недостаточную публичность дисциплинарных разбирательств, но и прямо признал, что: "Ограничение присутствия публики тремя государственными служащими в качестве доверенных лиц (пункт 3 статьи 124 Федерального закона о государственных служащих) вполне отвечает требованию публичности и может быть логически обосновано с точки зрения возможности не допускать публику, предусмотренной в пункте 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека [...]. Национальной безопасности вряд ли может быть причинен ущерб в ходе дисциплинарных разбирательств, и поэтому полный запрет на присутствие публики является недопустимым. Однако, хотя и в меньшей степени, интересы государства затрагиваются, что оправдывает ограничение [...]".

5.2 В соответствии с пунктом 2 статьи 118 Федерального закона о государственных служащих производство в рамках первого этапа дисциплинарных разбирательств в отношении автора было прекращено *ex lege* в силу его освобождения от должности в ходе второго этапа разбирательств, что равносильно оправданию. Таким образом, жалобы автора по первому этапу разбирательств перестали иметь практическое значение. Аналогичным образом, после отмены 27 сентября 2005 года Высшим административным судом второго приказа жалобы на отсутствие устного слушания в ходе разбирательства по поводу приказа о запрещении ему заниматься деятельностью, связанной с "Econtract", перестали иметь практическое значение. Поэтому автор не имеет статуса жертвы в связи с вышеупомянутыми жалобами.

5.3 Государство-участник утверждает, что автор не обосновал для целей приемлемости и, следовательно, рассмотрения по существу следующие жалобы:

а) ему не удалось обосновать заявление о том, что Высший административный суд не обладает неотъемлемыми свойствами трибунала по смыслу статьи 14 Пакта. Суд является независимым органом, который занимается не только вопросами права, но также и вопросами факта;

b) он не представил достаточных обоснований в подтверждение своего утверждения о том, что члены Дисциплинарной и Апелляционной комиссий не обладают достаточной независимостью и беспристрастностью. Эти требования были удовлетворены Федеральным законом о государственных служащих, который относится к категории конституционных законов и содержит важные гарантии, касающиеся состава дисциплинарных комиссий (участие представителей персонала, назначение их членов на пятилетний срок) и методов их работы (распределение объема работы на год вперед, конфиденциальность обсуждений и голосования). Являясь сотрудниками той же организации, члены комиссии могут принять обоснованное решение и находятся в более предпочтительном положении, чем кто-то со стороны, для того чтобы произвести оценку обвинений. Конфиденциальность обсуждения и голосования также соблюдается в отношении вышестоящих должностных лиц и сослуживцев, что укрепляет тем самым независимость и беспристрастность членов таких комиссий;

c) П.С. был сразу же заменен на другого председателя после того, как автор заявил отвод его кандидатуре. Наличие какой-либо связи между его обязанностями в СП и изобретением автора не должно вызывать сомнений в отношении беспристрастности, поскольку предметом рассмотрения Дисциплинарной комиссии являлось не изобретение автора как таковое, а совместимость его деятельности с положениями статьи 126 Федерального конституционного акта.

d) 1 200 страниц стенографического отчета подтверждают, что на первом этапе дисциплинарных разбирательств при участии нового председателя устное слушание проводилось в течение 26 дней в присутствии автора, его адвоката и двух назначенных им доверенных лиц;

e) необходимость в устных слушаниях на втором этапе дисциплинарных разбирательств отсутствовала, поскольку дисциплинарные органы исходили из фактов, установленных в окончательном решении Венского окружного уголовного суда. Поэтому имелась возможность принять решение в данном случае исключительно на основании материалов дела и без ущерба для принципов справедливого судебного разбирательства. Проведение еще одного устного слушания могло бы привести к задержкам в разбирательстве. Если исходить из позиции автора, заключающейся в том, что Дисциплинарная апелляционная комиссия и Высший административный суд не являются трибуналами по смыслу статьи 14, то этим органам изначально не требовалось проводить устных слушаний;

f) длительность различных и взаимосвязанных разбирательств объясняется их сложностью, что подтверждается 38-страничным решением Высшего административного суда от 29 ноября 2002 года, отклонившего апелляцию автора, в которой он обжаловал свое окончательное отстранение от должности. Автором были поданы многочисленные жалобы на отдельные процессуальные действия дисциплинарных органов. Разбирательства по поводу его отстранения от должности, хотя и продолжались с февраля 1995 года по ноябрь 2002 года, перестали иметь какое-либо значение для автора после 31 января 2001 года, когда Высший административный суд поддержал решение о его увольнении со службы. Общая продолжительность разбирательства (11 лет) в конечном итоге означает, что положение автора значительно улучшилась с точки зрения пенсионного обеспечения;

g) недопущение присутствия публики во время дисциплинарных разбирательств было обусловлено интересами соблюдения служебной тайны и соответствовало пункту 1 статьи 14. Пункт 3 статьи 20 Федерального конституционного закона предусматривает, что все государственные служащие обязаны хранить в тайне "все факты, которые стали им известны исключительно в связи с их официальной деятельностью". Кроме того, запрет на присутствие публики позволил защитить автора от нежелательной огласки любых совершенных им социально неадекватных деяний. В соответствии с пунктом 3 статьи 124 Федерального закона о государственных служащих ему предоставлялось право назначить не более трех государственных служащих, которым разрешалось присутствовать во время разбирательства в качестве доверенных лиц. Тот факт, что он воспользовался данной возможностью, показывает, что у него не имелось каких-либо возражений

против проведения дисциплинарного разбирательства исключительно государственными служащими.

5.4 В заключение государство-участник указывает, что Комитет не является "четвертой инстанцией" и что автор не обосновал своих утверждений о том, что предполагаемые недостатки в отношении дисциплинарных разбирательств являлись явно произвольными, либо представляли собой отказ в правосудии.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 15 декабря 2006 года, автор представил свои комментарии, заявив, что государство-участник упускает из виду тот факт, что в отношении его жалобы на неоправданную задержку разбирательств в Высшем административном суде отсутствовали какие-либо правовые средства ускорения разбирательства. В связи с разбирательствами по поводу первого приказа председателя СП он подавал также жалобу на бездействие. Что касается задержки, составившей 31 месяц, т.е. период между подачей дисциплинарной жалобы и началом дисциплинарного разбирательства, то вряд ли можно было бы ожидать от автора, что он станет активно участвовать в проведении направленных против него дисциплинарных разбирательств. Он не был обязан ускорять процедуру своего собственного "обвинения" после того, как этого не сделал "орган судебного преследования".

6.2 Автор утверждает, что пункт 3 статьи 124 Федерального закона о государственных служащих допускает отвод только одного члена коллегии Дисциплинарной комиссии, рассматривающей дело. Хотя он и был ограничен правом официального отвода только одной кандидатуры, которое он использовал против П.С., он также подвергал сомнению независимость и беспристрастность других членов Дисциплинарной комиссии, что отражено в ряде стенограмм закрытых заседаний Комиссии. Таким образом он сделал все от него зависящее для того, чтобы выразить свое несогласие в отношении всего состава Дисциплинарной комиссии.

6.3 Автор отрицает, что в своих представлениях от 21 июля 2000 года в Конституционный и Высший административный суды (см. пункт 5.2 выше) он давал согласие на отсутствие публичного слушания. В процитированном государством-участником отрывке всего лишь излагалась преобладающая правовая точка зрения согласно внутреннему законодательству - ее нельзя интерпретировать как отказ от собственного права на публичное слушание.

6.4 В отношении приемлемости *ratione materiae* автор заявляет, что упорное желание государства-участника ограничить трактовку пункта 1 статьи 14 в свете практики, предусмотренной в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека, противоречит объекту и цели Пакта и искажает представление о том, что Европейский суд по правам человека четко понимал временный и небыстречный характер критериев применительно к делу *Пеллегрена*, которые, по мнению Суда, могли обеспечить более широкую концепцию защиты.

6.5 Автор настаивает на том, что оговорка к пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола является неприменимой, поскольку Европейский суд по правам человека лишь рассматривал необходимые элементы для определения его как "гражданского служащего" в соответствии с имевшимися в деле *Пеллегрена* критериями и не приступал к рассмотрению существа его жалобы.

6.6 По вопросу существа автор утверждает, что конституционные гарантии того, что гражданские служащие, находящиеся в зависимом и подчиненном положении, становятся независимыми на период выполнения ими функций членов Дисциплинарной комиссии, являются чисто умозрительными при отсутствии подлинной "культуры независимости". Пятилетний срок назначения членов Дисциплинарной комиссии не соответствует правовым гарантиям, которыми пользуются судьи, поскольку члены Комиссии остаются в полной власти учреждения, которое преследует ответчика по дисциплинарному разбирательству и в штат которого они возвращаются

после завершения срока их членства. Участие в Дисциплинарной комиссии представителей персонала не является гарантией того, что Комиссия в целом отвечает минимальным требованиям независимости, особенно учитывая, что их статус не предоставляет им никаких дополнительных мер по обеспечению независимости. Тот факт, что члены дисциплинарных комиссий проводят свои совещания при закрытых дверях, не имеет отношения к их независимости или беспристрастности.

6.7 Автор сетует на то, что государство-участник искусственно допускает упущения, утверждая, что его жалоба на отсутствие беспристрастности у председателя П.С. касается только первого этапа дисциплинарных разбирательств, производство в рамках которого в конечном итоге было прекращено, но не относится ко второму этапу. Существовал только один этап дисциплинарных разбирательств, в ходе которого было добавлено новое обвинение, в связи с чем он был подразделен на две стадии или части. Он заявлял отвод председателю на обеих стадиях внутренних разбирательств, и его жалоба в связи с нарушением пункта 1 статьи 14 относится к обеим стадиям в том, что касается отсутствия независимости и беспристрастности у председателя и Комиссии.

6.8 Автор отвергает аргумент государства-участника о том, что необходимость в устном разбирательстве отсутствовала, поскольку дисциплинарные органы были ограничены в своих действиях фактами, установленными уголовным судом. Юридический вопрос о его осуждении в уголовном порядке, т.е. вопрос о том, действительно ли в результате его халатности его компания обанкротилась, отличается от предмета дисциплинарного разбирательства, а именно вопроса о том, управлял ли он компанией в нарушение статьи 126 Федерального конституционного акта. Статья 126 не запрещает сотрудникам СП занимать руководящие посты в частных компаниях, работающих в областях, не связанных с их аудиторскими функциями в СП. Поэтому установленный Уголовным судом факт того, что автор являлся управляющим компании сам по себе является недостаточным для того, чтобы утверждать, что он управлял именно компанией, на которую распространяется действие статьи 126. Поскольку на первой стадии дисциплинарного разбирательства проводились только формальные слушания, а во время второй части разбирательства никаких слушаний вообще не проводилось, то невозможно оценить тяжесть правонарушения, необходимый уровень санкции и степень вины, как того требует пункт 1 статьи 93 Федерального закона о гражданских служащих. Аналогичным образом, отсутствие устных слушаний лишило его возможности изложить смягчающие обстоятельства в соответствии с пунктом 2 статьи 32 Уголовного кодекса. Даже если допустить, что Дисциплинарная комиссия была ограничена в своих действиях фактами, установленными уголовным судом, определение вины автора и применение к нему надлежащей санкции все равно оставались в рамках ее собственных полномочий и, таким образом, требовали заслушивания автора.

6.9 В отношении продолжительности разбирательств автор утверждает, что данное дело не представляло особой сложности и не нуждалось в обстоятельном расследовании, поскольку касалось исключительно вопроса о том, являлось ли продвижение его изобретения посредством владения и предполагаемого управления компанией несовместимым с его функциями государственного служащего СП. То что разбирательства оказались сложными и взаимозависимыми, представляет собой вопрос, который должен был быть решен государством-участником за счет своевременной и эффективной организации деятельности его судебных и административных органов. Он всего лишь защищал себя от дисциплинарных обвинений в рамках предусмотренной процессуальной системы и осуществлял свое право на обжалование неблагоприятных решений.

6.10 Автор отвергает утверждение государства-участника о том, что он выиграл от затягивания разбирательства в плане пенсионного обеспечения. Помимо страданий, связанных с одиннадцатилетней неопределенностью в отношении своего профессионального статуса, он утратил всякое право на получение пенсионного пособия из-за его увольнения с государственной службы.

6.11 В отношении права на публичные слушания автор утверждает, что публика не может *ipso facto* быть лишена возможности присутствовать на всех дисциплинарных разбирательствах в отношении всех гражданских служащих из-за всеобъемлющего запрещения публичности "в интересах сохранения служебной тайны". Вопрос о том, вступало ли отсутствие публики в противоречие с его

интересами, не имеет значения, поскольку публичность является неограниченным правом и ответчик не должен требовать его соблюдения, ссылаясь на особые "интересы". Публичность скорее должна являться гарантированной, если не имеется доказательств, что устранение публичности является оправданным в соответствии с пунктом 1 статьи 14. Государству-участнику не удалось представить какого-либо подобного оправдания в его деле.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какое-либо содержащееся в сообщении утверждение, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Что касается выдвинутого государством-участником возражения *ratione materiae*, то Комитет напоминает, что концепция "гражданского процесса" согласно пункту 1 статьи 14 Пакта основана на природе права, о котором идет речь, а не на статусе одной из сторон²⁰. Наложение дисциплинарных взысканий на государственных служащих само по себе совсем необязательно представляет собой определение прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе и, за исключением случаев, связанных с санкциями, которые, невзирая на то, как они квалифицируются внутренним правом, носят характер наказания, не представляет собой определение обвинения в значении второго предложения пункта 1 статьи 14²¹. В деле *Пертерер против Австрии*, которое также касалось увольнения гражданского служащего Дисциплинарной комиссией, Комитет, отметив, что, хотя соблюдение решения об увольнении по причинам дисциплинарного характера необязательно должно приниматься трибуналом, счел, что, когда задача принятия решения о применении дисциплинарных мер возложена на юридический орган, последний должен гарантировать равенство всех лиц, дела которых рассматриваются в судах в соответствии с пунктом 1 статьи 14, и соблюдать принципы беспристрастности, справедливости и равноправия, которые подразумевает такая гарантия²². В данном случае Комитет отмечает аргумент государства-участника о том, что, по утверждению самого автора, ни Дисциплинарная апелляционная комиссия, ни Высший административный суд "не отвечали требованиям и не действовали в качестве судов по смыслу пункта 1 статьи 14". Вместе с тем Комитет не считает это заявление автора безоговорочным отрицанием беспристрастного характера Дисциплинарной апелляционной комиссии и Высшего административного суда, а скорее утверждением о том, что ни один из этих органов не соответствует требованиям пункта 1 статьи 14 в его деле. Кроме того, он отмечает, что само государство-участник подчеркивало, что Высший административный суд является трибуналом по смыслу пункта 1 статьи 14. С учетом этого Комитет объявляет сообщение приемлемым *ratione materiae* в связи с утверждением автора сообщения о том, что он является жертвой нарушений прав, предусмотренных в пункте 1 статьи 14.

7.3 Государство-участник ссылается на свою оговорку к пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола. Комитету следует решить вопрос о том, рассматривался ли "этот же вопрос" Европейским судом по правам человека. Комитет напоминает о своей правовой практике, которая заключается в том, что "этот же вопрос" по смыслу пункта 2 а) статьи 5 следует понимать как касающийся того же автора, тех же фактов и тех же основных прав²³. Что касается длительности

---

²⁰ См. сообщение № 441/1990, *Робер Казанова против Франции*, Соображения, принятые 19 июля 1994 года, пункт 5.2.

²¹ См. сообщение № 1015/2001, *Пертерер против Австрии*, Соображения, принятые 20 июля 2004 года, пункт 9.2.

²² Там же.

²³ См., например, сообщение № 998/2001, *Альтхаммер против Австрии*, пункт 8.4.

разбирательства, то автор может выдвигать возражения только в отношении задержек, имевших место до 4 марта 2002 года, даты представления его последнего заявления (№ 13874/02) в Европейский суд по правам человека. В этой связи на любые задержки, имевшие место после этой даты, оговорки государства-участника *ab initio* не распространяются. Поскольку его жалобы по пункту 1 статьи 14 относятся к событиям, имевшим место до 4 марта 2002 года, вопрос заключается в том, касается ли данное сообщение тех же прав, которые были приведены в заявлениях автора в Европейский суд. В своих решениях от 26 февраля и 14 июня 2002 года Европейский суд постановил, что его заявления от 13 марта 2001 года (№ 73230/01) и от 4 марта 2002 года (№ 13874/02) не соответствуют *ratione materiae* положениям статьи 6 Европейской конвенции. Комитет отмечает, что, несмотря на значительную схожесть положений статьи 6 Конвенции и пункта 1 статьи 14 Пакта, рамки применения обеих статей, получившие развитие в правовой практике Суда²⁴ и Комитета²⁵, различаются в связи с разбирательствами в юридических органах, уполномоченных принимать решения о дисциплинарных санкциях. Комитет ссылается на свою правовую практику по вопросу о том, что, если права, заявленные в Европейском суде по правам человека, отличаются по своему содержанию от соответствующих прав, излагаемых в Пакте, то это не означает того, что вопрос, который был объявлен неприемлемым Европейским судом в соответствии с принципом *ratione materiae*, был "изучен" по смыслу соответствующих оговорок к пункту 2 а) статьи 5 таким образом, чтобы это препятствовало его рассмотрению Комитетом²⁶. Из этого следует, что оговорка Австрии не препятствует рассмотрению Комитетом жалоб автора по пункту 1 статьи 14.

7.4 В связи с жалобой автора о том, что отсутствие устного слушания во время проведения связанных с его отстранением от должности и увольнением разбирательств явилось нарушением его права на справедливое разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 14, Комитет отмечает его аргумент о том, что на первом этапе разбирательств были проведены только "формальные" слушания и что в ходе второго этапа разбирательств дисциплинарные органы не должны были руководствоваться только фактами, установленными Венским окружным судом, поскольку в уголовных и дисциплинарных разбирательствах предметом рассмотрения являлись разные правовые вопросы. В любом случае ему была бы предоставлена возможность изложить любые смягчающие обстоятельства, а также свою позицию в отношении своей виновности и наложенных на него санкций. Комитет отмечает ссылку государства-участника на 26-дневные слушания, проведенные в присутствии автора и его адвоката на первом этапе разбирательств, а также его мнение об обязательном характере выводов уголовного суда. Комитет напоминает, что именно судебные органы государств - участников Пакта, как правило, должны заниматься изучением обстоятельств дела и доказательств или применением норм внутреннего законодательства в любом конкретном деле, за исключением тех случаев, когда можно доказать, что подобное изучение или применение являлись явно произвольными либо по сути представляли собой отказ в правосудии²⁷. Автор не обосновал для целей приемлемости наличие любого из подобных недостатков в решениях Высшего административного суда от 31 января 2001 года, 29 ноября 2002 года, а также 27 февраля и 27 марта 2003 года. Комитет заключает, что данная часть сообщений является неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

---

²⁴ См. пункт 4.3 выше (со ссылкой на Европейский суд по правам человека, заявление № 28541/95, *Пеллегрин против Франции*, решение от 8 декабря 1999 года, пункты 64 и далее).

²⁵ См. пункт 6.2 выше (со ссылкой на сообщение № 1015/2001, *Пертерер против Австрии*, Соображения, принятые 20 июля 2004 года, пункт 9.2).

²⁶ См. сообщение № 441/1990, *Казанова против Франции*, Соображения, принятые 19 июля 1994 года, пункт 5.1; сообщение № 1115/2002, *Петерсен против Германии*, решение о приемлемости, принятое 1 апреля 2004 года, пункт 6.6.

²⁷ Сообщения № 1188/2003, *Ридл-Риденштайн и др. против Германии*, пункт 7.3; № 886/1999, *Бондаренко против Беларуси*, пункт 9.3; № 1138/2002, *Аренц и др. против Германии*, решение о приемлемости, пункт 8.6.

7.5 По поводу утверждения автора, что непроведение устного слушания в ходе разбирательств в связи со вторым приказом председателя СП также представляет собой нарушение его права на справедливое разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 14, Комитет напоминает, что 27 сентября 2005 года Высший административный суд отменил этот приказ. Поэтому его жалоба перестала иметь практическое значение, а данная часть сообщения стала неприемлемой *ratione materiae* по статье 1 Факультативного протокола.

7.6 Что касается недопущения присутствия публики во время разбирательств в Дисциплинарной комиссии и Апелляционной комиссии, то Комитет отмечает, что автор, настаивая на своем праве на устное слушание, не обжаловал нарушения своего права на публичное разбирательство в своих представлениях в Высшей административный суд от 6 февраля 1995 года (последующая апелляция против временного отстранения от должности), 21 июля 2000 года (последующая апелляция против увольнения), 18 октября 2000 года (апелляция против второго приказа председателя СП), 31 октября 2000 года (запрос о проведении устных слушаний в ходе разбирательств в отношении второго приказа) и 31 декабря 2002 года (запрос о возобновлении разбирательств в отношении увольнения и отстранения от должности в Высшем административном суде). Он также не сделал этого в своих заявлениях в Конституционный суд. В своей апелляции от 21 июля 2000 года автор, несмотря на утверждение о том, что статья 6 Европейской конвенции предусматривает публичное разбирательство, заявил, что ограничение присутствия публики во время разбирательства тремя государственными служащими, выступающими в роли доверенных лиц ответчика, вполне удовлетворяет требованиям пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции. Хотя можно предположить, что такое заявление отражает преобладающую правовую точку зрения в австрийском праве и не представляет собой отказа со стороны автора от права на публичное разбирательство, также очевидным является то обстоятельство, что данное заявление нельзя расценивать как оспаривающее отсутствие публичного разбирательства. Из этого следует, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты в отношении предполагаемого отсутствия публичного разбирательства. Поэтому данная часть сообщения является неприемлемой по пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7.7 По поводу утверждения о том, что председатель третьей палаты Дисциплинарной комиссии П.С. не был заменен до окончания первого этапа дисциплинарных разбирательств, несмотря на отвод его кандидатуры во время их начала, Комитет отмечает ряд документов, которые, очевидно, свидетельствуют об обратном. Так, в пояснительной записке от 3 июня 1997 года, подписанной П.С. и его преемником в качестве председателя третьей палаты Дисциплинарной комиссии Х.А., указано, что автор выразил возражение против кандидатуры П.С. в письме от 30 мая 1997 года в установленные сроки; в соответствии с распределением обязанностей между членами Дисциплинарной комиссии СП, председатель первой палаты Х.А., должен был заменить председателя третьей палаты, П.С. В записке от 3 июня 1997 года Х.А. подтверждает, что он связался с автором и его адвокатом, с тем чтобы проинформировать их о том, что, поскольку он сменил бывшего председателя П.С., устное слушание, намеченное на 12 июня 1997 года, будет перенесено на другую дату. 12 июня 1997 года состоялось заседание третьей палаты Дисциплинарной комиссии для обсуждения процедурных вопросов. Стенограмма этого заседания подтверждает, что оно проводилось под председательством Х.А. Комитет также отмечает отсутствие опровержения того, что П.С. был заменен на втором этапе разбирательств после того, как 26 августа 1999 года его кандидатура была отклонена автором. Поэтому он считает, что автору не удалось продемонстрировать для целей приемлемости, каким образом предполагаемая пристрастность П.С. могла затронуть его предусмотренное пунктом 1 статьи 14 право на независимый и беспристрастный суд, и заключает, что это заявление является неприемлемым по статье 2 Факультативного протокола.

7.8 В связи с утверждением о недостаточной независимости и беспристрастности других членов третьей палаты Дисциплинарной комиссии Комитет отмечает аргументы автора о том, что пункт 3 статьи 124 Федерального закона о государственных служащих позволял ему дать отвод только одному из членов палаты, что он пытался заявить о своем возмущении против других членов палаты и что оспаривать конституционность пункта 2 статьи 98 Федерального закона о государственных служащих было бесполезно. Он также отмечает аргумент государства-участника о том, что решения

Конституционного суда, приведенные автором в обоснование его утверждения о бесполезности такого оспаривания, являются неприменимыми, поскольку они относятся к 1956 году и не касаются вопроса о том, могут ли государственные служащие, работающие в том же учреждении, что и ответчик, рассматриваться в качестве независимых и беспристрастных членов Комиссии. В этой связи Комитет напоминает, что, помимо обычных судебных и административных апелляционных инстанций, авторы должны использовать и все другие возможности судебной защиты, в том числе конституционные иски, чтобы выполнить требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты²⁸. Он считает, что автору не удалось продемонстрировать, что приведенные им примеры из судебной практики Конституционного суда подтверждают отсутствие *ab initio* каких-либо перспектив на успешное рассмотрение его жалобы, оспаривающей конституционность пункта 2 статьи 98 и других соответствующих положений Федерального закона о государственных служащих. Посему автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты, чтобы оспорить независимость и беспристрастность Дисциплинарной комиссии как таковой. Таким образом, данная часть сообщения является неприемлемой по пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7.9 В связи с утверждением автора о том, что отсутствие у него возможности представить свое дело на рассмотрение суда ординарной юрисдикции из-за его статуса государственного служащего, представляет собой нарушение статьи 26 Пакта, Комитет отмечает, что во многих гражданско-правовых судебных системах государственные служащие не имеют возможности для рассмотрения их дел судами ординарной юрисдикции, а могут использовать только другие механизмы судебного разбирательства. Это само по себе не может рассматриваться как неоправданное различие в обращении, и Комитет считает, что автору не удалось обосновать данное заявление для целей приемлемости. Следовательно, эта часть сообщения является неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

7.10 Что касается утверждения автора о том, что задержка, возникшая в период между обвинением его в дисциплинарных нарушениях (10 октября 1994 года) и решением Дисциплинарной комиссии провести первое дисциплинарное разбирательство (20 мая 1997 года), является нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта, то Комитет отмечает аргумент государства-участника о том, что автору следовало подать заявление в соответствии со статьей 132 Федерального конституционного акта, с тем чтобы обжаловать бездействие Дисциплинарной комиссии в связи с назначением разбирательства. Он также отмечает ответ автора о том, что он не был обязан активно участвовать в организации дисциплинарного разбирательства против самого себя. Вместе с тем Комитет напоминает, что дисциплинарные разбирательства в отношении автора были начаты 11 ноября 1994 года. Начиная с этой даты он мог подать в Высший административный суд жалобу на бездействие, не принимая при этом активного участия в организации дисциплинарного разбирательства против самого себя. В связи с утверждением автора о том, что было бы неразумным ожидать от него, что он займется ускорением процедуры своего собственного "обвинения" посредством подачи жалобы на бездействие, Комитет считает данное обстоятельство недостаточным для освобождения его от выполнения требования об исчерпании всех имеющихся средств правовой защиты, учитывая, что дисциплинарные разбирательства уже были начаты и что принятие решения о назначении первого слушания являлось формальностью. Если теперь автор пытается использовать в Комитете аргумент о задержке, то ему следовало предоставить судам государства-участника возможность исправить предполагаемое нарушение. Комитет заключает, что автору не удалось исчерпать все имевшиеся внутренние средства правовой защиты. Поэтому данная часть сообщения является неприемлемой по пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7.11 В связи с утверждением автора о том, что задержки в ходе разбирательства в Высшем административном суде в отношении второго приказа председателя СП были неоправданными и являлись нарушением пункта 1 статьи 14, Комитет отмечает, что это обстоятельство прекратило

---

²⁸ Сообщение № 1003/2001, *П.Л. против Германии*, решение о приемлемости, принятое 22 октября 2003 года, пункт 6.5; сообщение № 1188/2003, *Ридл-Риденштайн и др. против Германии*, решение о приемлемости, принятое 2 ноября 2004 года, пункт 7.2.

оказывать на него какое-либо воздействие начиная с 31 января 2001 года, когда Высший административный суд подтвердил его увольнение. По той же причине, окончательные решения Высшего административного суда от 31 января 2001 года и 29 ноября 2002 года, оставившие в силе его увольнение и отстранение от должности на основании статьи 126 Федерального конституционного акта, устранили юридическую неопределенность относительно соответствия его частной предпринимательской деятельности его функциям аудитора СП. Комитет считает, что автору не удалось обосновать для целей приемлемости тот факт, что задержка Высшего административного суда с отменой второго приказа от 27 сентября 2005 года имела какие-либо отрицательные последствия для его правового положения, сопоставимые с нарушением пункта 1 статьи 14. Из этого следует, что данное заявление является неприемлемым по статье 2 Факультативного протокола.

7.12 Что касается задержек в отношении разбирательства в Высшем административном суде в связи с временным отстранением автора от должности и его ходатайством об отмене этой меры, Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что такие обязательства прекратили оказывать воздействие на автора начиная с 31 января 2001 года, когда его увольнение стало окончательным. Тем не менее он отмечает, что даже если вычесть продолжительность разбирательства после этой даты, автор представил достаточные аргументы, для того чтобы обосновать для целей приемлемости тот факт, что последующие задержки являлись необоснованными. Он также напоминает утверждение автора о том, что в его распоряжении не имелось средств правовой защиты для обжалования бездеятельности Высшего административного суда. Очевидно, это действительно так, поскольку статья 132 Федерального конституционного закона, на которую ссылается государство-участник, в отношении Высшего административного суда не применяется. Комитет заключает, что данное сообщение является приемлемым в связи с утверждением автора о том, что задержки в отношении разбирательства в Высшем административном суде в связи с его временным отстранением от должности и его ходатайством об отмене этой меры, а также общая продолжительность разбирательств вызывают вопросы в связи с пунктом 1 статьи 14.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет напоминает, что право на справедливое разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14 влечет за собой ряд требований, в том числе условие, в соответствии с которым разбирательства в национальных судах должны проводиться без задержек²⁹. Эта гарантия распространяется на все стадии разбирательства, включая период вплоть до вынесения окончательного решения по апелляции. Вопрос о том, являлась ли задержка неоправданной, следует оценивать с учетом обстоятельств каждого дела, среди прочего, принимая во внимание сложность конкретного дела, поведение сторон, порядок рассмотрения дела административными и судебными органами и любые отрицательные последствия, которые такая задержка могла иметь для правового положения заявителя³⁰.

8.2 Оценивая оправданность задержки, возникшей в период с 6 февраля 1995 года, когда автор обжаловал свое временное отстранение от должности в Высшем административном суде, и по 29 ноября 2002 года, когда Высший административный суд поддержал временное отстранение автора от должности, Комитет принимает во внимание неопровергнутый аргумент автора о том, что Высший административный суд не предпринимал никаких процессуальных действий в течение всего указанного периода, во время которого его заработная плата была сокращена на одну треть. Даже если допустить, что тщательность проработки решения Высшего административного суда от

---

²⁹ См. сообщение № 1015/2001, *Пертерер против Австрии*, Соображения, принятые 20 июля 2004 года, пункт 10.7.

³⁰ См. сообщение № 1060/2002, *Дайсль против Австрии*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункты 11.3-11.6.

29 ноября 2002 года указывает на сложность данного дела, Комитет не считает, что это обстоятельство оправдывает задержку продолжительностью более семи с половиной лет, во время которой, вплоть до даты увольнения автора 31 января 2001 года, его заработная плата была сокращена, а сам он был объектом правовой неопределенности в отношении служебного положения. Комитет заключает, что задержка разбирательств в Высшем административном суде в отношении временного отстранения автора от должности была неоправданной и является нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта.

8.3 В свете вышеизложенного Комитету нет необходимости рассматривать вопрос о том, являлись ли задержки разбирательства в Высшем административном суде в связи с просьбой автора об отмене его временного отстранения от должности, а также общая продолжительность разбирательства, нарушениями пункта 1 статьи 14.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, приходит к заключению, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

10. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автора эффективным средством правовой защиты, включая надлежащую компенсацию. Государство-участник обязано не допускать подобных нарушений в будущем.

11. Учитывая, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах в ответ на сформулированные Комитетом Соображения. Государству-участнику предлагается также обеспечить публикацию текста Соображений Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое несогласное мнение члена Комитета г-жи Рут Уэдджвуд

1.1 Международный пакт о гражданских и политических правах стал результатом работы не только государств-участников, но и также ряда выдающихся личностей. К их числу относится г-жа Элеонора Рузвельт, которая пользовалась всеобщим уважением как видный общественный деятель и как вдова президента времен второй мировой войны. Преследуя цель, заключавшуюся в утверждении демократии и гражданских прав, г-жа Рузвельт понимала, какие практические шаги можно предпринять на международном уровне в деле содействия уважению прав человека.

1.2 В своем предлагаемом прочтении статьи 14 Пакта Комитет по правам человека не должен забывать о предостережении г-жи Рузвельт. Как вопрос права ее слова красной нитью проходят через весь процесс переговоров по этому договору, приобретая юридическое значение. В эпоху, когда административные органы уже начинали брать на себя широкие функции управления, г-жа Рузвельт предостерегала, что Пакт и комитет по его реализации не должны превратиться в орудие надзора за каждым регулирующим органом и административным решением. Ее формулировка статьи 14 была направлена на достижение именно этой цели, и Комитету нельзя забывать об этом опыте переговоров, чтобы не подвергать риску свое более широкое предназначение, заключающееся в недопущении серьезных правонарушений.

1.3 В данном случае австрийский государственный служащий по имени Вольфганг Ледербауэр направил жалобу в Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций по поводу процедуры, в результате которой он был вначале временно отстранен от работы, а затем уволен из

Счетной палаты своей страны. Его отстранение от работы стало следствием очевидного конфликта интересов между его государственной службой в качестве аудитора в ведомстве, которое надзирает за деятельностью национальной железнодорожной администрации, и его частной экономической деятельностью, когда он пытался продать особый вид шумоизолирующих экранов для шоссе и железных дорог. В нарушение своих государственных обязанностей как аудитора г-н Ледербауэр зашел так далеко, что в интересах продвижения своих шумоизолирующих экранов для шоссе и железных дорог в качестве альтернативы тем экранам, которые в то время использовались, он обратился за содействием к одному из парламентских лидеров. Он сделал это, несмотря на прямой запрет в статье 126 Конституции Австрии, согласно которой ни один член Счетной палаты "не может также участвовать в руководстве и управлении прочими предприятиями, деятельность которых направлена на получение прибылей".

1.4 Г-н Ледербауэр был отстранен от работы в качестве аудитора на том основании, что он нарушил статью 126. Впоследствии он также был осужден одним из земельных уголовных судов Австрии за "халатность, приведшую к банкротству компании" и был приговорен к условному тюремному заключению сроком на пять месяцев. После того как его апелляция по уголовному делу была отклонена, Дисциплинарная комиссия австрийской гражданской службы официально уволила его с должности аудитора, посчитав, что она обязана учитывать имеющиеся обязательную юридическую силу установленные уголовным судом факты по делу.

1.5 С того момента г-н Ледербауэр направлял в Комитет по правам человека жалобы по поводу многочисленных процедурных вопросов, связанных с его отстранением от работы и увольнением. Руководствуясь исключительно процедурными положениями, Комитет подготовил довольно сложное для понимания заключение на 22 страницах, в котором рассматриваются все перипетии его тяжбы с австрийской государственной службой.

1.6 Комитет отклонил все жалобы заявителя, за исключением одной. Речь идет о том, что, по мнению Комитета, была допущена необоснованная задержка в рассмотрении одной из пяти апелляций, направленных заявителем в Высший административный суд Австрии. Заявитель обжаловал приказ о своем отстранении от работы 6 февраля 1995 года, а окончательное решение Высший административный суд принял только 29 ноября 2002 года. Естественно, приказ о временном отстранении от работы перестал иметь практическое значение, как только заявитель был официально уволен с гражданской службы, а его увольнение было подтверждено Высшим административным судом 31 января 2001 года. Комитет заключил, что этот интервал явился "неоправданной" задержкой и что заявителя следует обеспечить "эффективным средством правовой защиты, включая надлежащую компенсацию". См. соображения Комитета, пункты 8.1, 8.2 и 10.

1.7 Хотя Высший административный суд долго не рассматривал это дело, заключение о задержке, дающее основания для иска, является весьма сомнительным, если учитывать факты, согласно которым заявитель неоднократно и явно пытался заблокировать и оспорить каждое решение, вынесенное в связи с его временным отстранением от работы и увольнением. В разное время заявитель направил пять отдельных апелляций в Высший административный суд, три апелляции в Конституционный суд и пять апелляций в Дисциплинарную апелляционную комиссию. Это было в дополнение к нескольким разбирательствам, которые проводила Дисциплинарная комиссия Австрии. Затраченное время и путаница, порожденная параллельными производствами, могут служить показателем рисков, сопряженных с возможностью подачи промежуточной апелляции по каждому предварительному решению. До того как обратиться в Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций, заявитель и его адвокат также направили четыре отдельные жалобы в Европейский суд по правам человека, который оставил без рассмотрения все жалобы на том основании, что они выходят за рамки охвата Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

1.8 В отношении указанного интервала времени, о котором говорилось, что он представляет собой нарушение Пакта, а также сроков рассмотрения апелляции Высшим административным судом с

6 февраля 1995 года по 29 ноября 2002 года, или точнее с 31 января 2001 года, стоит также отметить, что определенное время было потрачено на возбуждение уголовного дела против г-на Ледербауэра. Апелляционный суд, возможно, вполне разумно хотел дождаться заключения по уголовному делу, прежде чем приступать к рассмотрению связанного с ним гражданского дела.

1.9 При оценке этого интервала есть еще один момент, который заслуживает особого внимания. Несмотря на активную, безрассудную манеру тяжбы, г-н Ледербауэр и его адвокат ни разу не обратились в Высший административный суд с ходатайством ускорить вынесение решения и даже не направили запроса в этот суд. Государство-участник информировало Комитет о том, что статья 132 Конституции могла бы послужить в качестве официального правового основания для требования об ускорении вынесения решения Высшим административным судом. Это заявление государства-участника было проигнорировано Комитетом, который даже не потрудился сослаться на какой-либо письменный источник в австрийском административном праве. Несмотря на применимость статьи 132, нет никакого убедительного основания для того, чтобы квалифицировать задержку в качестве "неразумной" в соответствии с Пактом, когда ни заявитель, ни его адвокат не удосужились написать письмо регистратору Высшего административного суда с просьбой ускорить принятие решения³¹. Что касается путаницы, вызванной их многочисленными параллельными производствами, то определенное время ложится на истцов, чтобы развязать этот узел.

2. Однако есть ряд гораздо более важных вопросов, которые нуждаются в трезвой оценке Комитетом по правам человека, если не в данном случае, то в будущем. К ним относятся предполагаемая сфера охвата Пакта и его порождающее проблемы применение к административным органам и административным процедурам, когда дело не доводится до суда. Кроме того, неизбежно возникает вопрос о том, как распределять ограниченные материальные ресурсы Комитета перед лицом серьезных ситуаций, вызванных нарушениями прав человека во всем мире. Сомнительно, чтобы авторы Пакта хотели, чтобы Комитет занимался рассмотрением тысяч, а то и десятков тысяч обычных административно-правовых решений, принимаемых ежегодно во всех странах мира, особенно когда продолжительность совещаний Комитета позволяет рассмотреть в лучшем случае 100 сообщений в год. Комитет еще не ответил на вопрос о том, как он мог бы адаптировать методы своей работы, чтобы справиться с лавиной административно-правовых дел таким образом, чтобы не отвлекать ограниченные ресурсы от его наиболее важной работы. Как минимум, это может потребовать разработки средства, позволяющего принимать решения по сообщениям таким образом, чтобы при этом учитывалась относительная важность рассматриваемой проблемы. Комитет пока еще не столкнулся с множеством административно-правовых апелляций, но, занявшись рядом отдельных дел, он уже вступил на путь, который может привести к подобному результату, возможно, не учтя в полной мере проблемы, присущие юриспруденции, и противоречия, которые прослеживаются как в формулировках Пакта, так и в ходе переговоров о его заключении.

3.1 Для начала следует вернуться к формулировкам Пакта. Формулировки Пакта на разных языках отличаются друг от друга, причем каждая из них является аутентичным текстом, что представляет особо трудную проблему. Эти расхождения говорят не только о проблемах перевода, но и о различиях, свойственных разным правовым системам при концептуальной трактовке гражданских и частных прав. В тексте Пакта на английском языке в первом предложении пункта 1 статьи 14 говорится "All persons shall be equal before the courts and tribunals" ("Все лица равны перед судами и трибуналами"). Ниже, во втором предложении пункта 1 статьи 14, отмечается, что "In the determination of any criminal charge against him, or of his rights and obligations in a suit at law, everyone shall be entitled to a fair and public hearing by a competent, independent and impartial tribunal established by law" ("Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона"). (Выделено курсивом.) Отмечается очевидное и важное различие между

---

³¹ Ср. *Казанова против Франции*, сообщение № 441/1990, 19 июля 1994 года, пункт 2.2 (шесть запросов в Административный трибунал с просьбой об ускорении судопроизводства).

положениями текста, использованными в статье 14 применительно к уголовным обвинениям и к "гражданскому процессу". Причем эксплицитные формулировки, которые регулируют вопрос о задержке и быстром вынесении судебного решения, применены лишь в отношении уголовных дел. В подпункте с) пункта 3 статьи 14 ответчику по уголовному делу прямо гарантируется право "быть судимым без неоправданной задержки". В гражданских делах для установления аналогичного правила необходимо определить, что предельные сроки опосредованно закреплены в концепции "справедливого" разбирательства или "компетентного" суда. Такое различие в формулировках может быть чревато серьезными последствиями, поскольку для подачи иска по какому-то делу требуется наличие вопиющей задержки.

3.2 Кроме того, возникает вопрос о том, что собой представляет "гражданский процесс". Эта фраза отсутствует во французском тексте, в котором вместо нее говорится "*contestations sur ses droits et obligations de caractère civil*"³². Французский текст, как и испанский, видимо, основывается непосредственно на характере права, а не на суде, выносящем решение, хотя следует также напомнить, что процессуальные формы в английском общем праве не могли изменяться бесконечно. Стоит отметить, что фраза "*contestations sur ses droits et obligations de caractère civil*" также была принята в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В связи с этим при рассмотрении хорошо известного дела *Pellegrin v. France* Европейский суд по правам человека постановил, что фраза "*caractère civil*" не относится к вопросам, связанным с трудовым законодательством, охватывающим государственных служащих, которые пользуются частью суверенной власти государства, как, например, служащие полиции. См. дело *Pellegrin v. France, Cour européenne des Droits de l'Homme, 8 décembre 1999, Rec. 1999-VIII, no. 28541/95*.

3.3 Хотя Комитет по правам человека в своих последних решениях не ссылается на дело *Pellegrin*, стоит отметить, что при рассмотрении основополагающего дела *И.Л. против Канады*, сообщение № 112/1981, 8 апреля 1986 года, Комитет высказался в аналогичном тоне. В деле *И.Л. против Канады* Комитет предположил, что применение статьи 14 (1) в неуголовных делах может зависеть либо от характера права, либо от конкретного суда. Можно говорить о том, что сфера охвата пункта 1 статьи 14 в неуголовных делах ограничивалась вопросами гражданского права, а не публичным правом, и фактами, заслушиваемыми в "суде" или "трибунале"³³. Комитет нередко ссылается на критерий в деле *И.Л. против Канады* в более сжатой форме, отмечая, что преобладающую силу имеет характер права, а не статус сторон. Однако следует помнить, что характер права в первоначальной формулировке тривиальным вопросом не считался. Ведь, по формулировке, в деле *И.Л. против Канады* есть правительственные решения, которые не подлежат рассмотрению в соответствии со статьей 14 (1) Пакта из-за ограниченной сферы охвата этой статьи³⁴.

---

³² В испанском тексте Международного пакта о гражданских и политических правах также говорится о "*la determinación de sus derechos u obligaciones de carácter civil*".

³³ См. дело *И.Л. против Канады*, сообщение № 112/1981, 8 апреля 1986 года, пункт 5 ("Рабочая группа высказала мнение о том, что это решение (о приемлемости) может потребовать выяснения того, было ли разбирательство, начатое по заявлению автора, в последнем случае в Совете по рассмотрению пенсионных дел, каким-либо "гражданским процессом" по смыслу статьи 14 (1) Пакта. Поэтому Рабочая группа Комитета просила автора и государство-участник дать как можно более исчерпывающие ответы на следующие вопросы: а) Каким образом внутреннее канадское законодательство квалифицирует взаимоотношения между военнослужащим и канадским государством? Рассматриваются ли права и обязанности, вытекающие из таких отношений, как гражданские права и обязанности *или* как права и обязанности в соответствии с публичным правом? б) Существуют ли различные категории гражданских служащих? Проводится ли в Канаде различие между законным режимом (в соответствии с публичным правом) и договорным режимом (в соответствии с гражданским правом)?" (Выделено курсивом.)

³⁴ См. дело *И.Л. против Канады*, сообщение № 112/1981, 8 апреля 1986 года, пункт 9.2 ("The travaux préparatoires не разрешает противоречия между текстами на различных языках. По мнению Комитета, концепция "гражданского процесса" или его эквивалентов в текстах на других языках основана на характере рассматриваемого права, а не на статусе одной из сторон (государственных, полугосударственных или

4.1 Если учитывать, что могут существовать вопросы административного права, которые не подлежат рассмотрению в настоящем Комитете, то опыт обсуждения статьи 14 является особенно поучительным³⁵. Первоначальный договорный текст, предложенный Комиссией по правам человека в 1947 году в проекте секретариата, мог бы гарантировать отдельным лицам в неуголовных делах "возможность обращения к независимым и беспристрастным судам для определения законных прав и обязанностей" одновременно с "правом консультироваться с защитником и быть представленным таковым". См. E/CN.4/21, приложение А (секретариат), статья 27.

4.2 Первоначально представитель Соединенных Штатов выдвинула аналогичное предложение, а именно, гарантировать каждому человеку право на определение без необоснованной задержки его гражданских прав и обязанностей компетентным и беспристрастным судом, в котором он получал бы возможность на справедливое разбирательство и имел бы право консультироваться с защитником и быть представленным таковым. См. E/CN.4/21, приложение С, статья 10, и E/CN.4/AC.1/8 (ссылка на текст проекта статьи 27 секретариата).

4.3 На своей второй сессии Редакционный комитет Комиссии по правам человека рассмотрел третий текст, в котором говорится о включенном в Пакт праве на доступ к суду для разрешения гражданских дел. В нем говорится, что при определении его прав и обязанностей любой человек имеет право на справедливое разбирательство в независимом и беспристрастном суде и право на помощь адвоката. См. E/CN.4/37 (США), статья 10.

4.4 Однако позднее, 1 июня 1949 года, представитель США г-жа Элеонора Рузвельт предостерегла, что положение Пакта, гарантирующее разбирательство в независимом и беспристрастном суде, может быть слишком широким, если его применять ко всем "правам или обязанностям". Г-жа Рузвельт переформулировала текст и ограничила его ссылкой только на "гражданские дела", а не на "права и обязанности". См. E/CN.4/253. Г-жа Рузвельт объяснила причину изменения совершенно четким образом:

"Причиной для этого является тот факт, что многие гражданские права и обязанности, в частности такие, как права и обязанности, связанные со службой в армии и налогообложением, как правило, определялись административными чиновниками, а не судами; с другой стороны, первоначальный текст, похоже, предполагает, что все такие права и обязанности должны всегда определяться независимым и беспристрастным судом. Поправка Соединенных Штатов позволила бы избежать такого толкования". (E/CN.4/SR 107, pp. 2-3)

Изменения, внесенные г-жой Рузвельт, видимо, преследовали цель сохранить значение административных процедур, в процессе которых лицо, выносящее решения, могло бы принадлежать к исполнительной власти и не отвечать строгим требованиям независимости и беспристрастности.

4.5 В ответ на это представитель Франции, видный государственный деятель Рене Кассен, предложил исключить слово "гражданские" из выражения "гражданские права и обязанности" на том основании, что это позволило бы расширить гарантию по существу, поскольку слово "гражданские"

автономных законных образований) или же на конкретном форуме, в рамках которого отдельная правовая система может обеспечивать принятие судебных решений в отношении данного права, прежде всего в системах обычного права, которые не проводят традиционного разграничения между публичным и частным правом и где суды, как правило, осуществляют контроль над разбирательством либо в первой инстанции, либо при обжаловании, что конкретно установлено законом или иным образом, путем судебного пересмотра").

³⁵ Введение в историю переговоров по Пакту см. Marc J. Bossuyt, *Guide to the "Travaux Préparatoires" of the International Covenant on Civil and Political Rights* (Martinus Nijhoff Publishers 1987). Удивительно, однако, что в условиях активной юриспруденции полный текст *travaux* не был опубликован.

не "включает фискальные, административные и военные вопросы, предмет которых можно оспаривать в конечном итоге в суде". E/CN.4/SR107, стр. 6 текста на английском языке.

4.6 Представитель Египта г-н Омар Лутфи согласился, что слово "гражданские" было "слишком узким в том смысле, что оно не охватывает вопросы, связанные, например, с налогообложением или воинской службой". E/CN.4/SR107, стр. 7 текста на английском языке. Аналогичную точку зрения высказал и представитель Ливана г-н Карим Азкул. См. E/CN.4/SR.107, стр. 8 текста на английском языке.

4.7 В последовавшей в июне 1949 года дискуссии представитель Дании д-р Макс Соренсен высказал озабоченность о том, что предложенная формулировка "каждый должен иметь право на установление его прав и обязанностей в суде" является "слишком широкой по охвату, а это может поставить в зависимость от судебного решения любые шаги, предпринимаемые административными органами, обладающими дискреционными полномочиями, которые предоставлены им законом. Он хорошо понимает, что каждому должна быть гарантирована защита от любого злоупотребления властью со стороны административных органов, но это чрезвычайно щекотливый вопрос и весьма сомнительно, что Комиссия может решить его тотчас же". См. E/CN.4/SR.109, стр. 3 текста на английском языке.

4.8 Представитель Гватемалы г-н Карлос Гарсия Бауэр также высказал озабоченность, которую высказали представители Франции, Египта и Ливана в связи с тем, что "гражданские иски не охватывают всех предусматриваемых случаев... например коммерческие и трудовые вопросы". См. E/CN.4/SR.109, стр. 7 текста на английском языке.

4.9 Г-жа Рузвельт вновь приняла участие в дискуссии и не высказала каких-либо возражений против исключения из текста слова "гражданские". Высказывая, как представляется, свое мнение относительно опасений, что все действия административных органов будут автоматически регламентироваться положениями Пакта и что будут утрачены дискреционные полномочия административных органов, она отметила, что включение слов "в каком-либо гражданском процессе" преследовало цель "подчеркнуть тот факт, что обращение в суд является актом судебного характера". См. E/CN.4/SR.109, стр. 8 текста на английском языке. Другими словами, обращение в суд, а не предмет дела, и есть судебное разбирательство. Охват Пакта ограничивается делами, в которых суд или трибунал рассматривают или пересматривают право или обязанность.

4.10 Наконец, 2 июня 1949 года представитель Франции Рене Кассен предложил внести поправку, которая основывалась на формулировке г-жи Рузвельт, заявив при этом, что:

"Заявление представителя Дании убедило его в том, что чрезвычайно трудно решить в этой статье все вопросы, касающиеся исполнения правосудия в отношениях между гражданами и правительствами. Поэтому он согласен с тем, чтобы слова "его прав и обязанностей"... были заменены выражением "или его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе". (См. E/CN.4/SR.109, стр. 9 текста на английском языке.)

4.11 Таким образом, слово "гражданские" было исключено из текста на английском языке, а охват статьи 14 (1) в отношении административных дел был прямо ограничен заключительным этапом обжалования в суде. Эта формулировка была включена в текст, предложенный и одобренный 2 июня 1949 года. (См. E/CN.4/286 и E/CN.4/SR.110, стр. 5 текста на английском языке.)

4.12 Позднее представитель Югославии г-н Еремевич подтвердил точку зрения, согласно которой следствием этого не должно быть то, что все гражданские дела должны рассматриваться независимым судом. Такие вопросы, как "нарушение правил дорожного движения" "обычно относятся к компетенции полиции или аналогичных органов и рассматриваются в рамках административных процедур". (См. E/CN.4/SR.155 Part II, стр. 5 текста на английском языке.) Последующее предложение Филиппин об исключении фразы "в гражданском процессе" было

отклонено одиннадцатью голосами против одного голоса за при одном воздержавшемся. См. E/CN.4/SR.155 Part II, стр. 8 текста на английском языке.

4.13 Беглый обзор сложной истории переговоров приводится при том понимании, что Комитет в своем толковании статьи 14 должен учитывать не только свое понимание того, что именно является желательной практикой, но и тот смысл, который государства-участники предполагали. Это отнюдь не отрицает возможности "прогрессивного развития" права и не имеет ничего общего с упрощенным "синдромом основателя". Но все это лишний раз служит аргументом в пользу того, чтобы Комитет, по возможности, учитывал опыт переговоров по этому сложному документу в качестве важной отправной точки в своем толковании Пакта. Так, ожидания, которые были у государств-участников при ратификации Пакта, безусловно, должны иметь определенный вес.

4.14 В контексте данного дела ход переговоров по Пакту слабо подтверждает мнение о том, что общий административный процесс имеет строгие временные рамки или что сферой действия статьи 14 (1) охватывается любой этап, кроме обжалования в суде³⁶. Можно допустить, что Комитет, используя конкретные факты в качестве основания для отклонения многочисленных жалоб г-на Ледербауэра, не намеревается выхолостить это важное различие³⁷. Кроме того, не стоит делать вывод о том, что всякий раз, когда государство-участник стремится обеспечить независимость и беспристрастность того или иного административного органа, это автоматически превращает этот орган в суд или трибунал по смыслу положений Пакта³⁸.

5.1 Наконец, возможно, стоит рассмотреть некоторые нюансы решений Комитета по статье 14 в контексте административного права. Случайный и непоследовательный ряд дел, рассмотренных в этом контексте, указывает на необходимость проявлять осмотрительность и не делать поспешных выводов о том, что Комитет может выступать в качестве четвертой инстанции при рассмотрении многочисленных административных дел.

5.2 Первым крупным делом такого рода стало дело *И.Л. против Канады*, сообщение № 112/1981, которое было представлено 7 декабря 1981 года и решение по которому было принято 8 апреля 1986 года, *supra*. Оно касалось иска, поданного канадским солдатом, который был уволен из армии из-за якобы психического расстройства. Его жалоба была заслушана и отклонена в ходе разбирательства в Канадской комиссии по пенсионным вопросам, в Совете по вопросам права на получение пенсии и в Совете по рассмотрению пенсионных дел. Заявитель утверждал, что Канадский совет по рассмотрению пенсионных дел не был независимым и беспристрастным органом и не обеспечил справедливое слушание дела. Государство-участник в качестве аргументов защиты отметило, что разбирательство в Совете по рассмотрению пенсионных дел не было "гражданским процессом" по смыслу Пакта, и что в любом случае этот военнослужащий мог опротестовать результаты разбирательства в Федеральном апелляционном суде.

5.3 Как уже отмечалось выше, рабочая группа Комитета при обсуждении вопроса о приемлемости жалобы заключила, что, видимо, важно определить, относятся ли права и обязанности этого военнослужащего "к гражданским правам и обязанностям" или же они относятся "к правам и обязанностям, вытекающим из публичного права". См. дело *И.Л. против Канады*, Соображения Комитета, сообщение № 112/1981, пункт 5. Позднее Европейский суд по правам человека отметил, что именно это различие является принципиально важным согласно статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в деле *Pellegrin*. Большинство членов Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций далее отметили, что "правильно заявить", что

---

³⁶ Ср. Bernhard Graefrath, *Menschenrechte und internationale Kooperation, 10 Jahre Praxis des Internationalen Menschenrechtskomitees*, Berlin 1998, at p. 202.

³⁷ См. Соображения Комитета, пункты 7.4, 7.5 и 7.6.

³⁸ См. Соображения Комитета, пункты 5.2, 7.3 и 7.7.

гарантии, содержащиеся во втором предложении статьи 14 (1) "*ограничиваются уголовным разбирательством и любым гражданским процессом*". Соображения Комитета, дело *И.Л. против Канады*, пункт 9.1 (выделено курсивом).

5.4 В конечном итоге большинство членов Комитета отклонили жалобу, отметив, что у автора была еще одна возможность направить апелляцию в Канадский федеральный апелляционный суд. В своем толковании охвата статьи 14 (1) Комитет принял двусторонний критерий, который опирается на равно аутентичные тексты Пакта на разных языках. Мы не должны забывать о его второй части.

5.5 Комитет заявил:

"По мнению Комитета, концепция "гражданского процесса" или его эквивалентов в текстах на других языках основана на характере рассматриваемого права, а не на статусе одной из сторон (государственных, полугосударственных или автономных законных образований) *или же* на конкретном форуме, в рамках которого отдельная правовая система может обеспечивать принятие судебных решений в отношении данного права, прежде всего в системах обычного права, которые не проводят традиционного разграничения между публичным и частным правом и где суды, как правило, осуществляют контроль над разбирательством либо в первой инстанции, либо при обжаловании, что конкретно установлено законом или иным образом, путем судебного пересмотра".

См. Соображения Комитета, дело *И.Л. против Канады*, сообщение № 112/1981, пункт 9.2 (выделено курсивом).

5.6. Первый тезис, судя по всему, касается различия между частными правами и публичными правами. Второй тезис, видимо, позволяет (а также ограничивает) дальнейшее распространение действий Пакта на решения судебных органов, чьи конкретные государственные системы могут разрешать рассмотрение более широкого портфеля прав. Большинство членов Комитета в конечном итоге пришли к заключению, что, поскольку автор жалобы не опротестовал принятые решения в Канадском федеральном апелляционном суде, этот факт исключает какое-либо нарушение.

5.7 Три члена Комитета по правам человека пошли еще дальше и заявили по делу *И.Л. против Канады*, что действие Пакта не распространяется на жалобу военнослужащего по двум причинам: к этим причинам относится характер права и статус суда, принявшего решение. Во-первых, в Канаде "взаимоотношения между военнослужащим, будь он на срочной службе или в отставке, и Короной имеют много особых черт и существенно отличаются от трудового договора согласно канадскому праву". Особое мнение Бернхарда Граеффрата, Фаусто Покара и Христиана Томушата в отношении приемлемости сообщения № 112/1981, пункт 3. Во-вторых, по словам членов Комитета, придерживавшихся того же мнения, Совет по рассмотрению пенсионных дел "является административным органом, функционирующим в рамках системы исполнительной власти правительства Канады и не имеющим черт, присущих суду". Таким образом, отметили члены Комитета, придерживавшиеся аналогичного мнения, в этом деле "не удовлетворен ни один из двух критериев, которые, как представляется, совместно определяют рамки статьи 14 (1) Пакта".

5.8 В другом крупном деле - *Казанова против Франции*, решение № 41/1990, по которому было вынесено 7 июля 1993 года, жалоба была подана бывшим начальником пожарной части города Нанси, Франция, который был уволен со службы предположительно за свою некомпетентность. Административный суд удовлетворил апелляцию начальника пожарной части и восстановил его в должности. Однако на втором слушании дела начальника пожарной части вновь было принято решение об его увольнении. На этот раз Административный суд закрыл производство в рамках предварительного расследования и отказался включить это дело в расписание своей работы, сославшись на другие дела, которые рассматривались за четыре года до этого. В то же время Европейская комиссия по правам человека признала жалобу начальника пожарной части неприемлемой в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод,

поскольку Конвенция "не охватывает процессуальные нормы, регулирующие процедуру увольнения гражданских служащих". См. Соображения Комитета, дело *Казанова против Франции*, пункт 2.5.

5.9 При рассмотрении дела в Комитете по правам человека Организации Объединенных Наций Франция отметила, что Европейская комиссия столкнулась с аналогичной договорной формулировкой в Европейской конвенции, и выдвинула довод, согласно которому Комитет должен трактовать категорию "*caractère civil*" Пакта в параллельном контексте. Франция также заявила, что в статье 14 (1) нет положений, устанавливающих предельные сроки для рассмотрения неуголовных дел.

5.10 Как это ни странно, но Комитет изучил лишь первый основополагающий аспект критерия по делу *И. Л. против Канады*, определив, что надлежащим мерилom является природа права, о котором идет речь, а не статус одной из сторон. Соображения Комитета по делу *Казанова против Франции*, сообщение № 441/1990, 7 июля 1993 года, пункт 5.3. В своем решении о приемлемости Комитет не упомянул каких-либо причин, по которым он сделал заключение о том, что трудовые отношения французского пожарного с муниципалитетом должны трактоваться иначе, чем отношения канадского военнослужащего со своим национальным правительством. Позднее Комитет в отдельном постановлении по существу заключил, что два года и девять месяцев, в течение которых французский административный суд выносил решение по этому делу, не являются нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта, в частности потому, что "Суд рассмотрел вопрос о том, следует ли считать дело автора приоритетным по сравнению с другими делами". Соображения Комитета, дело *Казанова против Франции*, сообщение № 441/1990, 19 июля 1994 года, пункт 7.4.

5.11 Впоследствии Комитет по правам человека вновь изучил вопрос о применении статьи 14 в деле *Николов против Болгарии*, сообщение № 824/1998, направленное 14 января 1997 года, и решение по которому было принято 24 марта 2000 года. Комитет счел необоснованной жалобу окружного прокурора о том, что его вынудили покинуть этот пост в нарушение Пакта. Высший судебный совет Болгарии издал постановление об его увольнении, и это постановление было подтверждено болгарским Верховным судом. Комитет по правам человека ООН счел, что Высший судебный совет был всего лишь "административным органом", см. сноску 1 к пункту 2.1, и что утверждение автора о том, что члены Совета были необъективными, было "голословным". Комитет не разъяснил при этом, может ли административный орган как таковой подпадать под действие положений статьи 14 (1). Основанием для обжалования постановления об увольнении могло бы быть утверждение о том, что процедура рассмотрения в Верховном суде Болгарии сама по себе могла подлежать рассмотрению Комитетом, поскольку этот суд, бесспорно, был судебным органом, на который распространяется действие статьи 14.

5.12 Следует также отметить четвертое дело *Франц и Мария Дайсль против Австрии*, сообщение № 1060/2002, которое было направлено 17 сентября 2001 года и решение по которому было принято 27 июля 2004 года. Представленные адвокатом Александром Г.Е. Моравой, заявители изложили крайне сложный набор фактов, касающихся Закона о зонировании в одном из муниципалитетов недалеко от Зальцбурга, в том числе переоборудования амбара в загородный дом и обжалования постановления о сносе амбара, который должен был быть использован в качестве сарая. Авторы подали жалобу в отношении административного разбирательства, которое "длилось более 30 лет", и в конечном итоге было прекращено решениями Административного суда и Конституционного суда через два года и девять месяцев. См. Соображения Комитета, дело *Дайсль против Австрии*, пункт 3.4. Австрия сослалась на свою оговорку по статье 14 Пакта, которая имела целью сохранение "австрийской организации административных органов под судебным контролем Административного суда и Конституционного суда". См. соображения Комитета, там же, пункт 6.4. Что касается обвинений в задержках с разбирательствами в Административном суде и Конституционном суде, то Австрия заявила, что Конституционный суд был вынужден уделять первоочередное внимание рассмотрению около 5 000 дел, связанных с Законом об иностранцах, которые возникли в результате кризиса на Балканах, а также с разбирательством по более чем 11 000 жалобам, связанным с минимальным налогом на доходы корпораций.

5.13 Авторы утверждали, что круг прав, охватываемых статьей 14 Международного пакта, был шире, чем в статье 6 (1) Европейской конвенции, в частности, потому, что в Пакте не фигурирует слово "гражданский". Ссылаясь на выражение "природа права", которое использовалось в более раннем деле *И. Л. против Канады*, но в совершенно другом контексте, Комитет высказал мнение, что "разбирательство по просьбе авторов о предоставлении исключения из положений о зонировании, а также распоряжения о сносе их строений, касаются определения их прав и обязанностей в гражданском процессе". См. Соображения Комитета, дело *Дайсль против Австрии*, пункт 11.1 (выделено курсивом). Такая более широкая формулировка, видимо, дает основания полагать, что предварительные административные решения также подпадают под действие положений Пакта.

5.14. При рассмотрении приемлемости дела и его существа Комитет отметил в деле *Дайсль*, что пункт 1 статьи 14 "не требует... обеспечивали принять решение (независимыми и беспристрастными) судами на всех этапах апелляции". См. Соображения Комитета, пункт 10.7. Однако затем Комитет рассмотрел основания для неоправданных задержек применительно к муниципальным и земельным административным органам, которые сами по себе не являются "судами или "трибуналами" согласно статье 14, даже при наличии в Австрии надзорных судов, которые будут в конечном итоге рассматривать те же самые дела. Комитет также сослался на "задержки с разбирательствами" в целом, не упустив из виду эти две конкретные судебные инстанции. См. Соображения Комитета, пункт 10.11.

5.15 Хотя в свое время я присоединилась к большинству, эти широко применяемые критерии могли бы означать, что Комитет по правам человека, находясь в Женеве, мог бы стать арбитром в решении вопросов о задержках, допускаемых всеми административными органами в 160 государствах-участниках. Сомнительно, чтобы именно этого добивался Комитет в деле *И. Л. против Канады* или хотели авторы Пакта в 1949 году. Хотя по фактам дела *Дайсль против Австрии* не было установлено никакого нарушения, по существу это решение может потенциально открыть ящик Пандоры. Не полностью осмысленная в свое время, такая интерпретация могла бы привести к тому, что Комитету придется принимать ежегодно тысячи решений. Можно отметить также, что рассмотрение этой конкретной петиции в Комитете по правам человека повлекло за собой решение, изложенное на 19 страницах, и потребовало значительного времени для решения вопроса, который ни с нравственной, ни с юридической точек зрения не идет ни какое сравнение с важностью многих других петиций, направленных в Комитет по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом³⁹.

5.16 Кроме того, есть дело *Пертерер против Австрии*, сообщение № 1015/2001, которое было направлено 31 июля 2001 года и решение по которому было принято 20 июля 2004 года. Главным фигурантом этого дела опять был муниципальный служащий, которого активно представлял адвокат Александр Х. Е. Морава. Как и *г-н Ледербауэр*, заявитель в деле *Пертерера* был обвинен в использовании общественных средств в личных целях и в неявке на запланированные служебные совещания, на которых обсуждались строительные проекты. Он был временно отстранен от работы Австрийской дисциплинарной комиссией и, как и в деле *Ледербауэра*, обвинил председателя палаты Дисциплинарной комиссии в некомпетентности и даже пытался возбудить против него уголовное дело. Заявитель предпринял ряд других процессуальных действий, которые задержали слушание дела. Он утверждал, что по состоянию здоровья не может участвовать в судебном процессе. Когда был назначен новый председатель палаты, автор жалобы вновь заявил отвод двум рядовым членам

---

³⁹ Безусловно, существуют дела, в которых основные гарантии Пакта могут иметь процедурные последствия. Например, дело *Пастухов против Беларуси*, сообщение № 814/1998 (произвольное увольнение судьи Конституционного суда по указу президента касается статей 14 и 25); дело *Муньос против Перу*, сообщение № 203/1986 (были нарушены статьи 14 и 25, когда офицер полиции был уволен без необходимого слушания, установленного законом). Ср. Manfred Nowak, *U.N. Covenant on Civil and Political Rights, CCPR Commentary*, 2d rev.ed., 2005, at p. 67 (связь между статьей 2 и основными правами, закрепленными в Пакте).

палаты, назначенным муниципалитетом, утверждая, что они также не являются независимыми судьями. После того как в процессе доследования этого дела было подтверждено его право на отвод этих членов палаты, он заявил еще один отвод новому председателю палаты. Когда для проведения разбирательства был вновь назначен первый председатель палаты, г-н Пертерер повторно заявил ему отвод, и тогда для проведения разбирательства вновь был назначен второй председатель палаты. Комиссия по апелляциям в конечном итоге отклонила жалобу г-на Пертерера о том, что во время своего короткого пребывания в этой должности второй председатель не был к нему беспристрастным. Следует добавить, что г-н Пертерер также потребовал отвода состава членов Комиссии по апелляциям по дисциплинарным делам, стремясь отвести ее председателя и двух членов. Австрийский административный суд отклонил требование г-на Пертерера об отводе состава суда и аннулировал решение Комиссии по апелляциям. Его жалоба в Европейский суд по правам человека также была отклонена на том основании, что Европейская конвенция не регулирует процедуру увольнения гражданских служащих. После этого г-н Пертерер подал жалобу в Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций, утверждая со всей серьезностью, что австрийское судопроизводство продолжалось слишком долго. Государство-участник указало, что пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах не применяется к спорам между административными органами и гражданскими служащими, которые наделены государственными полномочиями. Опираясь на аргументы в деле *И. Л. против Канады*, государство-участник также отметило, что решение Дисциплинарной комиссии могло бы быть опротестовано в Австрийской комиссии по апелляциям гражданской службы и в Административном суде и таким образом неоспоримость, независимость и беспристрастность последнего полностью отвечают нормам статьи 14⁴⁰.

5.17 Комитет по правам человека заключил, тем не менее, что государство-участник признало, что судебная палата Дисциплинарной комиссии является судом по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта, см. соображения Комитета, *Пертерер против Австрии*, пункт 9.2, хотя можно спорить о том, имело ли в виду государство-участник просто тот факт, что Комиссия была беспристрастной и независимой, даже не имея статуса суда. Комитет также заключил, что повторное назначение второго председателя судебной палаты дает основание "сомневаться в беспристрастности судебной палаты", хотя Административный суд счел эту жалобу необоснованной. Комитет отметил, что Административный суд "рассматривал этот вопрос, [но] сделал это в порядке суммарного производства". См. соображения Комитета, дело *Пертерер против Австрии*, пункт 10.4. Наконец, Комитет по правам человека счел, что 57 месяцев, которые потребовались для административного разбирательства, были слишком продолжительным сроком, поскольку часть времени была потрачена на обжалование решений, которые впоследствии были отменены. См. соображения Комитета, дело *Пертерер против Австрии*, пункт 10.7. Хотя в этих соображениях ни разу не было высказано особое несопадающее мнение, можно задним числом задаться вопросом с учетом более широких рамок прецедентного права, является ли этот вид подробного критического анализа национальной системы административного права конкретного государства именно тем нарушением, которое авторы статьи 14 намеревались избежать. Безусловно, существенная задержка в 57 месяцев не представляется столь удивительной, если учитывать то обстоятельство, что заявитель пытался дать отвод каждому должностному лицу, принимавшему участие в рассмотрении апелляции. В целом было бы также удивительным сделать вывод о том, что исправление ошибки, непреднамеренно допущенной нижестоящей инстанцией, обязательно означает, что была допущена необоснованная задержка. При

---

⁴⁰ *И.П. против Финляндии*, сообщение № 450/1991, решение от 26 июля 1993 года, пункт 6.2 (неприемлемость обжалования по статье 14 административных процедур налоговых органов, при этом отмечается, что "отсутствие необходимости определения того, относятся ли вопросы, касающиеся налогообложения, к сфере "прав или обязанностей в гражданском процессе, поскольку в любом случае автор не был лишен права обжаловать решение Налогового управления в независимом суде"). Тот факт, что Комитет по правам человека сослался в последнем случае на основания по делу *И.Л. против Канады*, мог бы служить серьезным уроком для нашей юриспруденции, если полагать, что наличие в национальном законодательстве возможности обжалования в независимом суде в целом достаточно для того, чтобы удовлетворить требования статьи 14 в отношении административных процедур.

определении того, что считать допустимой задержкой, данный Комитет несет ответственность за то, чтобы учитывать проблемы, с которыми сталкиваются национальные апелляционные органы в связи с графиком их работы. Тем, кто устанавливает стандарты, возможно, стоит вспомнить о неизбежных и о продолжительных задержках, с которыми сталкивается даже данный Комитет в процессе своей собственной работы.

6.1 Таким образом, подобного рода дела могут вполне резонно требовать анализа того, как шла редакционная работа над Пактом и по его подготовке, хотя бы для того, чтобы определить, насколько подобная "штамповка" дел по пункту 1 статьи 14 и, как следствие - использование дефицитного времени Комитета для регулирования сложных деталей национальных административных процессов - согласуются с чрезвычайно важным предназначением Пакта.

6.2 Комитет по правам человека вполне обоснованно печется о своей юрисдикции. Однако этот новый пример из жанра рутинных и связанных с конкретными фактами административных дел вновь заставляет нас задать себе вопрос о том, принимаем ли мы должным образом во внимание оговорки, которые сделали многие европейские государства при присоединении к Факультативному протоколу. Согласно сделанной Австрией оговорке к Факультативному протоколу Комитет не может рассматривать сообщение, в котором излагается тот же "вопрос", который уже был рассмотрен Европейским судом по правам человека в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод⁴¹. Формулировка пункта 1 статьи 14 Международного пакта на французском языке является точной копией французского текста пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции в той части, в которой говорится о "*contestations sur ses droits et obligations de caractère civil*"⁴². Безусловно, было бы слишком смелым утверждать, что тот или иной "вопрос" не охвачен оговоркой лишь потому, что Комитет предпочитает придерживаться иного мнения по существу вопроса в отличие от Европейского суда. Стоит также напомнить, что намеренное употребление в тексте Международного пакта фразы "*droits et obligations de caractère civil*" заметно уже формулировки Всеобщей декларации прав человека, за которую голосовала Генеральная Ассамблея в 1948 году и в которой речь в целом идет о "*droits et obligations*"⁴³. Присоединение государств-участников к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических

---

⁴¹ В английском тексте австрийской оговорки к Факультативному протоколу говорится следующее: "On the understanding that, further to the provisions of article 5(2) of the Protocol, the Committee provided for in Article 28 of the Covenant shall not consider any communication from an individual unless it has been ascertained that the same matter has not been examined by the European Commission on Human Rights established by the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms."

После даты, когда Австрия сделала эту оговорку, функции Европейской комиссии по правам человека взял на себя Европейский суд по правам человека. Соответственно, эта оговорка касается и ее правопреемника.

⁴² В первом предложении пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции на французском языке говорится следующее: "Toute personne a droit à ce que sa cause soit entendue équitablement, publiquement et dans un délai raisonnable, par un tribunal indépendant et impartial, établi par la loi, qui décidera, soit des *contestations sur ses droits et obligations de caractère civil*, soit du bien-fondé de toute accusation en matière pénale dirigée contre elle." (Выделено курсивом.)

Сравни второе предложение пункта 1 статьи 14 французского текста Международного пакта о гражданских и политических правах: "Toute personne a droit à ce que sa cause soit entendue équitablement et publiquement par un tribunal compétent, indépendant et impartial, établi par la loi, qui décidera soit du bien-fondé de toute accusation en matière pénale dirigée contre elle, soit des *contestations sur ses droits et obligations de caractère civil*." (Выделено курсивом.)

⁴³ См. статью 10 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 года, которая гласит следующее: "Toute personne a droit, en pleine égalité, à ce que sa cause soit entendue équitablement et publiquement par un tribunal indépendant et impartial, qui décidera, *soit de ses droits et obligations*, soit du bien-fondé de toute accusation en matière pénale dirigée contre elle." (Выделено курсивом.)

правах не носит необратимого характера, и определенная осмотрительность при осуществлении нашей юрисдикции, возможно, будет точнее отвечать цели оговорки.

6.3 Осмотрительность в толковании следует проявлять и в силу необходимости сохранить способность Комитета эффективно и оперативно выносить решения по серьезным жалобам в рамках системы прав человека Организации Объединенных Наций, которой приходится заниматься многими конкурирующими друг с другом вопросами. В совпадающем мнении в отношении дела *Пеллегрен против Франции* судья Феррари Браво предостерег, что Европейский суд по правам человека "ожидает лавины петиций в отношении режима, регулирующего работу государственных служащих". Профессор Манфред Новак обратил внимание на "проблематику детальных процессуальных гарантий в международных договорах в области прав человека"⁴⁴. 180 000 нерассмотренных дел, накопившихся в Европейском суде, являются предостережением для любой международной системы, которая надеется заниматься урегулированием серьезных кризисов в области прав человека, возникающих в странах по всему миру.

---

⁴⁴ См. Manfred Nowak, *supra* note 9, at p. 306.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЗЮМЕ ОТВЕТОВ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ СООБРАЖЕНИЙ КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПРИМЕЧАНИЕ: Полный текст ответов не воспроизводится. Однако все они находятся в архивах секретариата Комитета, и ссылки на последующие действия в связи с Сообщениями Комитета регулярно делаются в его ежегодных докладах. Где это возможно, в тексте содержатся соответствующие ссылки.

Сообщение № 1222/2003

Представлено: Джонни Рубином Биахурангой [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Дания

Признано приемлемым: 1 ноября 2004 года (восемьдесят вторая сессия)

Дата принятия Сообщений: 1 ноября 2004 года (восемьдесят вторая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника*

Вербальной нотой от 24 марта 2006 года государство-участник препроводило решение датского Совета по делам беженцев от 10 ноября 2005 года, в котором говорится, что, хотя автор сообщения может быть депортирован из Дании, он не может быть принудительно возвращен в Уганду или депортирован в другую страну, где ему будет угрожать опасность возвращения в Уганду, в соответствии с разделом 31 (1) Закона об иностранцах.

Решение Комитета

На своей восьмьдесят седьмой сессии Комитет пришел к выводу о том, что этот вопрос не подлежит дальнейшему рассмотрению в соответствии с процедурой принятия последующих действий, поскольку государство-участник выполнило содержащиеся в его Сообщениях рекомендации.

Сообщение № 1222/2003

Представлено: Унн и Беном Лейрвог и др. [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Норвегия

Признано приемлемым: 3 ноября 2004 года (восемьдесят вторая сессия)

Дата принятия Сообщений: 3 ноября 2004 года (восемьдесят вторая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника**

В ходе обсуждения его пятого периодического доклада государство-участник подтвердило, что поправки к Закону об образовании, перечисленные в ответе государства-участника Комитету от 4 февраля 2005 года, были приняты и вступили в действие 17 июня 2005 года. Новые нормы об изъятии предусматривают следующее: на основе письменного заявления родителей учащиеся могут быть освобождены от посещения занятий, которые, согласно постулатам их собственной религии или

---

* Сообщения Комитета см. в *Подборке решений*, том 8, стр. 604. Информацию о последующих мерах см. в Ежегодном докладе Комитета (A/61/40, том II).

** Сообщения Комитета см. в *Подборке решений*, том 8, стр. 574. Информацию о последующих мерах см. в Ежегодном докладе Комитета (A/61/40, том II).

жизненной философии, побуждают к исповедованию другой религии или восприятию другой жизненной философии или которые они считают оскорбительными или предосудительными.

Решение Комитета

Комитет счел ответ государства-участника удовлетворительным и постановил прекратить дальнейшее рассмотрение этого вопроса в соответствии с процедурой принятия последующих действий.

Сообщение № 1077/2002***

Представлено: Джайме Карпо и др. [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Филиппины

Признано приемлемым: 28 марта 2003 года

Дата принятия Соображений: 28 марта 2003 года

Последующая информация, полученная от государства-участника

31 марта 2006 года государство-участник сообщило о смягчении приговора автору сообщения. Смертная казнь была заменена пожизненным заключением, т.е. длительным лишением свободы. Однако пересмотренный Уголовный кодекс Филиппин предусматривает, что любое лицо, приговоренное к пожизненному тюремному заключению, подлежит освобождению после 30 лет отбытия наказания.

Решение Комитета

В свете смягчения приговора, вынесенного автору сообщения, Комитет не намерен рассматривать в дальнейшем этот вопрос в соответствии с процедурой последующих действий, если ситуация не претерпит никаких изменений.

Сообщение № 1159/2003

Представлено: Мариам Санкара и др. [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Буркина-Фасо

Признано приемлемым: 9 марта 2004 года

Дата принятия Соображений: 28 марта 2006 года

Последующая информация, полученная от государства-участника

Государство-участник представило свой ответ о последующих действиях по данному сообщению 30 июня 2006 года. Оно заявило о своей готовности официально подтвердить место захоронения г-на Санкары в Даньюэне, 29 Уагадугу, для его семьи и предшествовавшее принятию решения заявление о провозглашении г-на Санкары национальным героем и о возведении памятника в его честь. Оно заявило, что 7 марта 2006 года суд Баскюи в коммуне Уагадугу распорядился о выдаче свидетельства о смерти г-на Санкары, наступившей 15 октября 1987 года (причина смерти не указана). Принято решение о выплате военной пенсии г-на Санкары его семье.

29 июня 2006 года в соответствии с Соображениями Комитета, в которых говорилось о предоставлении компенсации, правительство начислило и выплатило компенсацию г-же Санкара и ее

*** Соображения Комитета см. в *Подборке решений*, том 8, стр. 468. Информацию о последующих мерах см. в Ежегодном докладе Комитета (A/61/40, том II).

детям в размере 434 450 000 франков КФА (около 843 326,95 долл. США). Государство-участник заявило, что Сообщения Комитета доступны на различных правительственных вебсайтах, а также в средствах массовой информации.

Сообщение № 1061/2002

Представлено: Боженной Магдаленой Филяковской [адвокатом не представлена]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Польша

Признано приемлемым: 9 марта 2004 года

Дата принятия Сообщений: 26 июля 2005 года

Последующая информация, полученная от государства-участника

26 октября 2006 года государство-участник представило копию письма автора от 22 августа 2006 года, в котором она согласилась на выплату 20 000 польских злотых (6 696 долл. США), в качестве компенсации по данному сообщению.

Решение Комитета

В ходе своей семьдесят девятой сессии Комитет признал данное средство правовой защиты удовлетворительным и постановил прекратить дальнейшее рассмотрение этого вопроса в рамках процедуры последующих действий.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ПО СТАТЬЯМ ПАКТА

<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>	<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
1	1424/2005	51	7	1126/2002	154
2	1036/2001	101		1153/2003	162
	1126/2002	154		1159/2003	179
	1153/2003	162		1173/2003	214
	1298/2004	282		1184/2003	229
	1315/2004	21		1297/2004	273
	1416/2005	365		1315/2004	21
	1434/2005	66		1327/2004	344
2 (1)	1219/2003	13		1341/2005	28
	1223/2003	246		1355/2005	42
	1249/2004	258	8	1416/2005	365
	1314/2004	307		1421/2005	396
	1355/2005	42	9	915/2000	79
	1361/2005	355		1100/2002	126
	1424/2005	51		1108 и 1121/2002	137
2 (3)	915/2000	79		1126/2002	154
	992/2001	88		1172/2003	200
	1184/2003	229		1173/2003	214
	1219/2003	13		1327/2004	344
	1314/2004	307		1421/2005	396
	1327/2004	344	9 (1)	992/2001	88
	1355/2005	42		1078/2002	4
2 (3) а)	1320/2004	324		1159/2003	179
3	1153/2003	162		1297/2004	273
	1361/2005	355		1314/2004	307
5	1078/2002	4		1341/2005	28
	1361/2005	355	9 (2)	1078/2002	4
	1424/2005	51		1297/2004	273
6	812/1998	76	9 (3)	992/2001	88
	915/2000	79		1078/2002	4
	1108 и 1121/2002	137		1297/2004	273
	1153/2003	162		1341/2005	28
	1315/2004	21	9 (4)	992/2001	88
	1421/2005	396		1078/2002	4
6 (1)	992/2001	88	10	1100/2002	126
	1078/2002	4		1108 и 1121/2002	137
6 (3)	1078/2002	4		1126/2002	154
7	812/1998	76		1173/2003	214
	915/2000	79		1184/2003	229
	992/2001	88		1341/2005	28
	1078/2002	4	10 (1)	915/2000	79
	1108 и 1121/2002	137		992/2001	88
				1078/2002	4

<i>Статъя</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>	<i>Статъя</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
10 (1)	1297/2004	273	14 (3) е)	915/2000	79
10 (2)	1078/2002	4		1297/2004	273
12	1172/2003	200	14 (3) г)	915/2000	79
	1173/2003	214	14 (5)	1078/2002	4
	1424/2005	51		1156/2003	170
12 (2)	1223/2003	246		1325/2004	339
12 (4)	1078/2002	4	15	1126/2002	154
	1223/2003	246	16	1078/2002	4
13	1078/2002	4		1102/2002	10
	1315/2004	21		1327/2004	344
	1416/2005	365	17	915/2000	79
14	1100/2002	126		1052/2002	114
	1102/2002	10		1153/2003	162
	1108 и 1121/2002	137		1219/2003	13
	1126/2002	154		1355/2005	42
	1172/2003	200		1361/2005	355
	1173/2003	214		1424/2005	51
	1298/2004	282	17 (1)	1078/2002	4
	1315/2004	21	17 (2)	1078/2002	4
	1416/2005	365	18	1341/2005	28
	1421/2005	396	18 (1)	1078/2002	4
14 (1)	915/2000	79		1249/2004	258
	1052/2002	114		1321 и 1322/2004	328
	1078/2002	4	18 (3)	1321 и 1322/2004	328
	1159/2003	179	19	1100/2002	126
	1296/2004	266		1172/2003	200
	1314/2004	307		1173/2003	214
	1320/2004	324		1180/2003	225
	1341/2005	28		1341/2005	28
	1361/2005	355	19 (1)	1249/2004	258
	1454/2006	418	22 (1)	1296/2004	266
14 (2)	915/2000	79	22 (2)	1296/2004	266
	1078/2002	4	23	1052/2002	114
	1341/2005	28	24	1052/2002	114
14 (3)	992/2001	88		1153/2003	162
	1078/2002	4	24 (1)	1184/2003	229
	1341/2005	28		1355/2005	42
14 (3) a)	1297/2004	273	25	1223/2003	246
14 (3) b)	915/2000	79			
14 (3) c)	1297/2004	273			
14 (3) d)	915/2000	79			
	1123/2002	147			

<i>Статъа</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>	<i>Статъа</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
25 (с)	1016/2001	97	26	1314/2004	307
	1219/2003	13		1341/2005	28
	1434/2005	66		1361/2005	355
26	1078/2002	4		1424/2005	51
	1153/2003	162		1434/2005	66
	1159/2003	179		1452/2006	69
	1223/2003	246		1454/2006	418
	1249/2004	258	27	1249/2004	258
	1296/2004	266		1424/2005	51
	1306/2004	287			

УКАЗАТЕЛЬ ПО СТАТЬЯМ ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА

<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>	<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>		
1	915/2000	79	3	1416/2005	365		
	1078/2002	4		1424/2005	51		
	1306/2004	287		1434/2005	66		
	1315/2004	21		1452/2006	69		
	1355/2005	42		1454/2006	418		
	1416/2005	365		4 (2)	812/1998	76	
	1424/2005	51			5 (1)	1159/2003	179
	1454/2006	418				5 (2) a)	915/2000 .....
2	812/1998	76	992/2001		88		
	915/2000	79	1100/2002	126			
	992/2001	88	1123/2002	147			
	1052/2002	114	1219/2003	13			
	1100/2002	126	1416/2005	365			
	1102/2002	10	1434/2005	66			
	1108 и 1121/2002	137	1454/2006	418			
	1126/2002	154	5 (2) b)	915/2000	79		
	1153/2003	162		1036/2001	101		
	1184/2003	229		1078/2002	4		
	1219/2003	13		1126/2002	154		
	1249/2004	258		1184/2003	229		
	1296/2004	266		1219/2003	13		
	1298/2004	282		1223/2003	246		
	1315/2004	21		1249/2004	258		
	1325/2004	339		1298/2004	282		
	1361/2005	355		1306/2004	287		
	1416/2005	365		1320/2004	324		
	1454/2006	418		1327/2004	344		
	3	1184/2003	229	1341/2005	28		
1219/2003		13	1454/2006	418			
1223/2003		246					
1341/2005		28					
1361/2005		355					

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А		Ж
Аборт		1341/2005 28
1153/2002 162		Дискриминация по признаку религии
Амнистия		1249/2004 258
1123/2002 147		Дискриминация по признаку
Анонимные судьи		сексуальной ориентации
1126/2002 154		1361/2005 355
1298/2004 282		Дискриминация по признаку
В		этнического происхождения
Военные суды		1223/2003 246
1172/2003 200		З
1173/2003 214		Жестокое, бесчеловечное или унижающее
Временные меры защиты		достоинство обращение или наказание
915/2000 79		915/2000 79
1315/2004 21		992/2001 88
Высылка иностранца по причинам		1153/2003 162
национальной безопасности		1159/2003 179
1416/2005 365		1173/2003 214
Г		1184/2003 229
"Гражданский процесс"		1297/2004 273
1320/2004 324		1327/2004 344
1341/2005 28		1355/2005 42
1454/2006 418		1416/2005 365
Д		1421/2005 396
Дискриминация		З
1306/2004 287		Защита детей
1314/2004 307		1052/2002 114
1341/2005 28		1153/2003 162
1454/2006 418		1184/2003 229
Дискриминация по признаку возраста		1355/2005 42
1016/2001 97		Защита меньшинств
Дискриминация по признаку гражданства		1424/2005 51
1424/2005 51		Злоупотребление правом представления
1452/2006 69		сообщений
Дискриминация по признаку		1123/2002 147
политических убеждений		1223/2003 246
1159/2003 179		1341/2005 28
1296/2004 266		1434/2005 66
		1452/2006 69

И

Исчерпание внутренних средств правовой защиты	
992/2001	88
1036/2001	101
1078/2002	4
1100/2002	126
1123/2002	147
1126/2002	154
1159/2003	179
1184/2003	229
1219/2003	13
1249/2004	258
1298/2004	282
1320/2004	324
1325/2004	339
1327/2004	344
1341/2005	28
1454/2006	418

Л

<i>Litis pendens</i>	
1123/2002	147
1159/2003	179
1454/2006	418

<i>Locus standi</i>	
915/2000	79
1172/2003	200
1173/2003	214
1355/2005	42

Н

Насильственное исчезновение	
992/2001	88
1327/2004	344

Неоправданная задержка	
1052/2002	114
1297/2004	273
1320/2004	324
1341/2005	28
1454/2006	418

Неприемлемость <i>ratione materiae</i>	
1184/2003	229
1219/2003	13
1297/2004	273
1341/2005	28
1361/2005	355
1424/2005	66
1454/2006	418

Неприемлемость <i>ratione personae</i>	
1454/2006	418

Неприемлемость <i>ratione temporis</i>	
1078/2002	4
1159/2003	179
1424/2005	51

О

Обоснование жалобы	
1036/2001	101
1052/2002	114
1100/2002	126
1102/2002	10
1108 и 1121/2002	137
1153/2003	162
1184/2003	229
1219/2003	13
1298/2004	282
1315/2004	21
1325/2004	339
1361/2005	355
1454/2006	418

Оговорка	
812/1998	76
1434/2005	66

Отказ в правосудии	
1078/2002	4
1159/2003	179

Отказ в сотрудничестве со стороны государства	
812/1998	76
915/2000	79
1126/2002	154
1153/2003	162

Оценка фактов и доказательств	
1108 и 1121/2002	137

П

Пересмотр постановления о высылке	
1315/2004	21

Права меньшинств (см. Защита меньшинств)	
--	--

Право быть заслушанным	
1454/2006	418

Право быть информированным о предъявляемых обвинениях	
1297/2004	273

Право быть оперативно доставленным к судье		1298/2004	282
915/2000	79	1416/2005	365
992/2001	88	1421/2005	396
1159/2003	179	1454/2006	418
1172/2003	200	Право народов свободно распоряжаться	
1297/2004	273	своими природными богатствами и	
Право защищать себя лично		ресурсами	
1123/2002	147	1424/2005	51
1298/2004	282	Право на участие в выборах	
1421/2005	396	1223/2003	246
Право на выбор защитника		Право сноситься со своим адвокатом	
915/2000	79	915/2000	79
992/2001	88	1421/2005	396
Право на допрос свидетелей		Право на частную жизнь	
915/2000	79	915/2000	79
1298/2004	282	1153/2003	162
1421/2005	396	1355/2005	42
Право на жизнь		1361/2005	355
915/2000	79	1424/2005	51
992/2001	88	Презумпция невиновности	
1078/2002	4	1341/2005	28
1108 и 1121/2002	137	1421/2005	396
1153/2003	162	Принудительный или подневольный труд	
1159/2003	179	1036/2001	101
1315/2004	21	Произвольное лишение жизни	
1327/2004	344	812/1998	76
1421/2005	396	1421/2005	396
Право на пересмотр в судебном порядке		Произвольные/незаконные арест или	
законности задержания		задержание	
1172/2003	200	915/2000	79
1173/2003	214	992/2001	88
1325/2004	339	1100/2002	126
1327/2004	344	1159/2003	179
Право на пересмотр осуждения и		1172/2003	200
приговора вышестоящим судом		1173/2003	214
1102/2002	10	1297/2004	273
1156/2003	170	1314/2004	307
Право на подачу жалобы		1327/2004	344
1416/2005	365	1341/2005	28
Право на признание правосубъектности		Процессуальная правоспособность	
1327/2004	344	(см. <i>Locus standi</i>)	
Право на рассмотрение дела компетентным,		Пытка	
независимым и беспристрастным судом		915/2000	79
1172/2003	200	1108 и 1121/2002	137
1173/2003	214	1126/2002	154
1296/2004	266	1297/2004	273

1315/2004.....	21	1341/2005	28
1327/2004.....	344	Свобода мысли, совести и религии	
1416/2005	365	1249/2004	258
Р		1321 и 1322/2004	328
Равенство перед законом		Свобода передвижения	
1102/2002.....	10	1172/2003	200
1153/2003.....	162	1223/2003	246
1249/2004.....	258	Семейная жизнь	
1296/2004.....	266	1052/2002	114
1314/2004.....	307	1078/2002	4
1361/2005	355	Смертная казнь	
1452/2006.....	69	1421/2005	396
Равенство перед судами		Содержание в "блоке смертников"	
1296/2004.....	266	812/1998	76
1320/2004.....	324	Справедливое судебное разбирательство	
1361/2005.....	355	915/2000	79
Равенство состязательных возможностей		1052/2002	114
1159/2003.....	179	1100/2002	126
1421/2005	396	1102/2002	10
Равные права мужчин и женщин		1108 и 1121/2002	137
1361/2005	355	1126/2002	154
Равный доступ к государственной службе		1172/2003	200
1016/2001.....	97	1173/2003	214
1219/2003.....	13	1297/2004	273
1434/2005	66	1298/2004	282
С		1314/2004	307
Свобода ассоциации		1315/2004	21
1296/2004.....	266	1341/2005	28
Свобода выбора местожительства		1416/2005	365
1424/2005.....	51	1421/2005	396
Свобода выражения мнений		Статус жертвы	
1172/2003.....	200	1123/2002	147
1173/2003.....	214	Судебное разбирательство <i>in absentia</i>	
1180/2003.....	225	992/2001	88
1249/2004.....	258	1298/2004	282
1341/2005.....	28	1421/2005	396
Свобода и безопасность личности		Сфера применения Пакта	
992/2001.....	88	1036/2001	101
1078/2002.....	4	Т	
1126/2002.....	154	"Тот же вопрос"	
1172/2003.....	200	1454/2006	418
1297/2004.....	273		
Свобода мнений			
1100/2002.....	126		

У

Условия содержания	
1100/2002.....	126
1108 и 1121/2002.....	137
1126/2002.....	154
1173/2003.....	214
1184/2003.....	229
1341/2005.....	28

Э

Эффективное средство правовой защиты	
1153/2003.....	162
1159/2003.....	179
1184/2003.....	229
1219/2003.....	13
1298/2004.....	282
1314/2004.....	307
1315/2004.....	21
1320/2004.....	324
1327/2004.....	344

УКАЗАТЕЛЬ ПО АВТОРАМ И ЖЕРТВАМ

	<i>A = автор</i> <i>Ж = жертва</i> <i>A, Ж = автор тот же, что и жертва</i>	<i>Государство-участник</i>	<i>Номер сообщения</i>	<i>Стр.</i>
А				
Альзери, Мохаммед	А, Ж	Швеция	1416/2005	365
Антон, Арман	А, Ж	Алжир	1424/2005	51
Аскарлов, Сайдабров	Ж	Таджикистан	1108 и 1121/2002	137
Б				
Бандажевский, Юрий	А, Ж	Беларусь	1100/2002	126
Беляцкий, Александр и др.	А, Ж	Беларусь	1296/2004	266
Бенхадж, Абдельхамид	А	Алжир	1173/2003	214
Бенхадж, Али	Ж	Алжир	1173/2003	214
Бесерра Барней, Мануэль Франсиско	А, Ж	Колумбия	1298/2004	282
Бодрожич, Желько	А, Ж	Сербия и Черногория	1180/2003	225
Браф, Кори	А, Ж	Австралия	1184/2003	229
Буруаль, Луиза	А	Алжир	992/2001	88
Г				
Гриуа, Мессауда, урожд. Атамна	А, Ж	Алжир	1327/2004	344
Гриуа Мохамед	Ж	Алжир	1327/2004	344
Д				
Давлатов, Абдумаджид	Ж	Таджикистан	1108 и 1121/2002	137
Давлатов, Назар	Ж	Таджикистан	1108 и 1121/2002	137
Дж. Ч.	Ж	Канада	1052/2002	114
Друйи Юрич, Жаклин	Ж	Чили	1078/2002	4
И				
Иностранца Солис, Рубен Сантьяго	А, Ж	Перу	1016/2001	97
ИКС (X)				
X	Ж	Сербия	1355/2005	42
X	А, Ж	Колумбия	1361/2005	355
К				
Каримов, Айдамир	Ж	Таджикистан	1108 и 1121/2002	137
Каримов, Махмадим	А	Таджикистан	1108 и 1121/2002	137
Карранса Алегре, Марлем	А, Ж	Перу	1126/2002	154
К.Н.Л.У.	А, Ж	Перу	1153/2003	162
Конде Конде, Марио	А, Ж	Испания	1325/2004	339
Коррея ди Матуш, Карлуш	А, Ж	Португалия	1123/2002	147
Куин, Джон	А, Ж	Ирландия	1314/2004	307
Л				
Ларраньяга, Франсиско Хуан	А, Ж	Филиппины	1421/2005	396
Ледербауэр, Вольфганг	А, Ж	Австрия	1454/2006	418
М				
Мадани, Абасси	Ж	Алжир	1172/2003	200
Меджнун, Али	А	Алжир	1297/2004	273
Меджнун, Малик	Ж	Алжир	1297/2004	273

Н				
Нарсиско, Хильда	А, Ж	Филиппины	1320/2004	324
Нурсатов, Амон	А	Таджикистан	1108 и 1121/2002	137
Н.Ч.	А, Ж	Канада	1052/2002	114
О				
О'Нил, Майкл	А, Ж	Ирландия	1314/2004	307
П				
Перес Эсколар, Рафаэль	А, Ж	Испания	1156/2003	170
Персо, Реймонд	А, Ж	Гайана	812/1998	76
Пиментель, Мариано	А, Ж	Филиппины	1320/2004	324
Праведная сестра Джозефа и др.	А, Ж	Шри-Ланка	1249/2003	258
Р				
Рамперсо	А, Ж	Гайана	812/1998	76
Раосавлевич, Владимир	А, Ж	Босния и Герцеговина	1219/2003	13
Ресус, Рубен	А, Ж	Филиппины	1320/2004	324
Рузметов, Ойбек	Ж	Узбекистан	915/2000	79
Рузметов, Собир	Ж	Узбекистан	915/2000	79
Рузметов, Уйгун	Ж	Узбекистан	915/2000	79
С				
Сакер, Салах	Ж	Алжир	992/2001	88
Санкара, Мариам	А, Ж	Буркина-Фасо	1159/2003	179
Санкара, Огюст	А, Ж	Буркина-Фасо	1159/2003	179
Санкара, Филипп	А, Ж	Буркина-Фасо	1159/2003	179
Санкара, Томас	Ж	Буркина-Фасо	1159/2003	179
Свейнссон, Эрн Снайвар	А, Ж	Исландия	1306/2004	287
Симей, Джо Джонсон	А, Ж	Испания	1102/2002	10
Сингх, Далджит	А, Ж	Канада	1315/2004	21
Сулганова, Дармон	А, Ж	Узбекистан	915/2000	79
Ф				
Филласье, Клод	А, Ж	Франция	1434/2005	66
Фор, Бернадетта	А, Ж	Австралия	1036/2001	101
Х				
Харалдссон, Эрлингур Свейн	А, Ж	Исландия	1306/2004	287
Хитиль, Ренатус Й.	А, Ж	Чешская Республика	1452/2006	69
Ц				
Царев, Вячеслав	А, Ж	Эстония	1223/2003	246
Цюндель, Эрнст	А, Ж	Канада	1341/2005	28
Ч				
Чхве, Мюн Джин	А, Ж	Республика Корея	1321 и 1322/2004	328
Ю				
Юн, Ё Бом	А, Ж	Республика Корея	1321 и 1322/2004	328
Юрич, Норман	А, Ж	Чили	1078/2002	4
